

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 1. Январь. 1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:

Стр.

Клевенскій, М. М. И. С. Тургеневъ и семидесятники.	
Тарле, Е. В. И. В. Лучицкій. (Къ пятидесятилѣтію научной дѣятельности).	42
Дживелеговъ, А. К. Пьетро Аретико и Возрожденіе.	62
Сиповскій, В. В. Изъ исторіи русской мысли XVIII—XIX вв. Русское вольтерьянство.	105

II. Воспоминанія:

Сазоновичъ, А. Изъ записокъ декабриста М. И. Муравьева-Апостола.	132
Никифоровъ, Л. П. Сютаяевъ и Толстой. I. В. К. Сютаяевъ	142
Савельевъ, А. А. На зарѣ освободительнаго движенія.	159
Кони, А. Ѳ. Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ.	181
Рѣпинъ, И. Е. Изъ временъ возникновенія моей картины «Бурлаки на Волгѣ».	203
Ашенбренеръ, М. Ю. Изъ воспоминаній. I. Л. А. Волькенштейнъ.	228

III. Романъ:

Реймонтъ, Вл. 1794 годъ. Ч. I. Послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой. гл. V	233

IV. Матеріалы:

Шпицеръ, С. М. Д. В. Веневитиновъ.	265
Модзалевскій, Б. Л. Г. С. Батеньковъ.	280

V. Обзоръ журналовъ.

Шумигорскій, Е. С. Къ исторіи царствованія Павла I.	283
Поповъ, И. И. Прошлое и настоящее сибирскаго университета.	291
Херасковъ, И. М. Соціальная политика Рсбеспьера	299
Статьи въ текущихъ журналахъ.	305

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія II)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

№ 1.

Январь.

1914.

М О С К В А.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Путинковскій пер., собств. домъ.
1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:	Стр.
Клевенскій, М. М. И. С. Тургеневъ и семидесятники.	5
Тарле, Е. В. И. В. Лучицкій. (Къ пятидесятилѣтію научной дѣятельности).	42
Дживелеговъ, А. К. Пьетро Аретино и Возрожденіе.	62
Сиповскій, В. В. Изъ исторіи русской мысли XVIII—XIX вв. Русское вольтерьянство.	105
II. Воспоминанія:	
Сазоновичъ, А. Изъ записокъ декабриста М. И. Муравьева-Апостола.	132
Никифоровъ, Л. П. Сютаяевъ и Толстой. I. В. К. Сютаяевъ	142
Савельевъ, А. А. На зарѣ освободительнаго движенія.	159
Кони, А. Ѳ. Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ.	181
Рѣпинъ, И. Е. Изъ временъ возникновенія моей картины «Бурлаки на Волгѣ».	203
Ашенбренеръ, М. Ю. Изъ воспоминаній. I. Л. А. Волькенштейнъ.	228
III. Романъ:	
Реймонтъ, Вл. 1794 годъ. Ч. I. Последній сеймъ Рѣчи Посполитой. гл. V	233
IV. Матеріалы:	
Шпицеръ, С. Д. В. Веневитиновъ.	265
Модзалевскій, Б. Л. Г. С. Батеньковъ.	280
V. Обзоръ журналовъ.	
Шумигорскій, Е. Къ исторіи царствованія Павла I.	283
Поповъ, И. И. Прошлое и настоящее сибирскаго университета.	291
Херасковъ, И. М. Соціальная политика Робеспьера	299
Статьи въ текущихъ журналахъ.	305

VI. Критика и библіографія:

Стр.

М. С. Грушевскій, М. Д. Приселковъ. Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси до XII в. **С. Валкъ**. Ген. Мосьцицкій. Исторія Литвы и Руси послѣ 1-го раздѣла Польши.—**С. П. Мельгуновъ**. В. кн. Николай Михайловичъ. Ген.-адъютанты имп. Александра I. **М. О. Гершензонъ**. Ю. Н. Щербачевъ. Пріатели Пушкина: М. А. Щербининъ и П. П. Каверинъ. **А. Лютеръ**. С. С. Игнатовъ. Э. Т. А. Гоффманъ. **А. М. Эфросъ**. Конъ-Винеръ. Исторія стилей изящныхъ искусствъ. **С. П. Мельгуновъ**. Научный историческій журналъ. **В. С.** Государственный Архивъ. Дѣла собственной до Императорской Фамиліи относящіяся. **Изъ текущей литературы:**

Ю. Гессенъ. Писалъ ли В. Даль о кровавомъ навѣтѣ. **А. В. Пѣшеховъ**, Попытка обойти исторію. (Сборникъ «Криницы»). 336

VII. Рисунки:

На отдѣльныхъ листахъ: портреты **И. В. Лучицкаго**, **Пьетро Аретино** (Тициано), **И. М. Муравьева-Апостола**, **Сютаева** (Рѣпина). Въ текстѣ: Г. С. Батеньковъ; Сибирскій университетъ, редакціонная группа «Сибирской газеты». **Заставки и концовки** изъ изданій Струйскаго XVIII в.

IX. Объявленія:

И. С. Тургеневъ и семидесятники.

Прошло уже 30 лѣтъ со дня смерти И. С. Тургенева. За это время въ печати появилось немало матеріаловъ, важныхъ для пониманія личности великаго художника и его творчества. Однако, настоящая біографія Тургенева—еще вопросъ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго: эпоха, въ которую онъ жилъ и дѣйствовалъ, слишкомъ близка еще къ намъ для того, чтобы историкъ могъ овладѣть ею всецѣло. Пока изслѣдователи жизни и творчества Тургенева должны ограничиваться постановкой и рѣшеніемъ различныхъ частныхъ вопросовъ. Въ ряду такихъ отдѣльныхъ вопросовъ, несомнѣнно, большой интересъ представляетъ выясненіе отношеній Тургенева къ революціонному народничеству 70-хъ гг. Не претендуя на исчерпывающую полноту, настоящая статья ставитъ себѣ очень скромную задачу: дать нѣкоторую сводку и посильное освѣщеніе имѣющихся въ литературѣ матеріаловъ по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ И. С. Тургенева и представителей радикальной общественной мысли 70-хъ гг.

I.

Въ отношеніи Тургенева къ людямъ 70-хъ гг. во всякомъ случаѣ не было одного—равнодушія. То негодуя, то восхищаясь, иногда иронически улыбаясь, онъ всегда съ большимъ интересомъ относился къ этой новой формации русской интеллигенціи. Тургеневъ, можно сказать, жадно искалъ случаевъ узнать

поближе радикальную молодежь 70-х годовъ; въ Россіи и за границей, путемъ личныхъ бесѣдъ или посредствомъ разспросовъ онъ старается уловить характерныя черты этой молодежи, составить себѣ представленіе о ея психикѣ, понять кругъ ея идей и образъ дѣйствій. Не трудно привести примѣръ такого интереса Тургенева къ семидесятникамъ. Общеизвѣстенъ фактъ довольно близкихъ отношеній между Тургеневымъ и П. Л. Лавровымъ. Лавровъ по возрасту, конечно, не можетъ быть отнесенъ къ молодежи 70-х годовъ, но онъ былъ однимъ изъ идейныхъ руководителей этой молодежи, онъ имѣлъ большія знакомства въ ея кругу, и черезъ него можно было узнать многое о духовномъ обликѣ новаго поколѣнія. Рядъ знакомствъ съ революціонерами Тургеневъ заключилъ именно черезъ Лаврова. О своихъ отношеніяхъ съ Тургеневымъ Лавровъ разсказалъ въ статьѣ «И. С. Тургеневъ и развитіе русскаго общества», напечатанной по смерти Тургенева во 2-мъ № заграничнаго «Вѣстника Народной Воли». Кромѣ того, въ «Минувшихъ Годахъ» за 1908 г. помѣщено 11 писемъ Тургенева къ Лаврову, указывающихъ на довольно близкія отношенія между ними. Первое свиданіе между Лавровымъ-эмигрантомъ и Тургеневымъ произошло въ 1874 г. Находясь проѣздомъ въ Парижѣ, Лавровъ запросилъ Тургенева письмомъ, находитъ ли онъ удобнымъ свиданіе. Тургеневъ отвѣтилъ немедленно любезнымъ приглашеніемъ позавтракать вмѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы побесѣдовать (*de omnibus rebus*), добавляя, что увидаться имъ непременно надо. Свиданіе состоялось 20-го февраля. Лавровъ говоритъ о немъ такъ: «Тургеневъ жадно разспрашивалъ меня о Цюрихской молодежи, о ея содѣйствіи предпринимаемому мною дѣлу (изданію «Впередъ» М. К.), хотѣлъ знать подробности, обстановку. Само собой разумѣется, что я съ удовольствіемъ передавалъ ему все, что могъ, и я видѣлъ, какъ онъ былъ взволнованъ разсказомъ о группѣ молодыхъ дѣвушекъ, жившихъ отшельницами и самоотверженно отдававшихъ свое время, свой трудъ, свои небольшія средства на дѣло, въ которомъ онѣ участвовали только, какъ наборщицы». Но еще и до этого свиданія Тургеневъ вступилъ съ Лавровымъ въ переписку. Когда въ «Правительственномъ Вѣтникѣ» (отъ 21 мая 1873 г.) появился извѣстный манифестъ о цюрихскихъ студенткахъ, Лавровъ отвѣтилъ на него «Воззваніемъ къ русскимъ цюрихскимъ студенткамъ». Одинъ экземпляръ этого воззванія онъ прислалъ Тургеневу. Послѣдній по этому поводу писалъ Лаврову: «Хоть Вы и не подписали своего имени, но нѣтъ сомнѣнія, что этотъ благородный и исполненный достоинства протестъ вышелъ изъ-подъ Вашего пера. Не знаю,

насколько онъ принесетъ пользы, но знаю, что общественная нравственность требовала подобнаго отпора возмутительному манифесту». Въ февралѣ 1882 г. Лаврова выслали изъ Франціи,—Тургеневъ въ тотъ же день написалъ ему сочувственное письмо, въ которомъ сообщаетъ, что онъ началъ хлопотать о немъ и уже велъ переговоры съ префектомъ полиціи. Отношенія съ Лавровымъ Тургеневъ поддерживалъ, можно сказать, до самой смерти. Послѣднее ихъ свиданіе состоялось въ 1883 г. въ Буживалѣ; Тургеневъ былъ уже совершенно боленъ, но черезъ одного общаго знакомаго выразилъ желаніе, чтобы Лавровъ посѣтилъ его (Воспоминанія о Тургеневѣ—Драгоманова). Послѣднее изъ писемъ Тургенева къ Лаврову помѣчено 24 марта 1883 г.; оно написано рукою дочери И. С., а имъ лишь подписано,—настолько онъ былъ уже слабъ.

Изъ извѣстныхъ эмигрантовъ Тургеневъ былъ знакомъ, кромѣ Лаврова, съ Кравчинскимъ, Кропоткинымъ, Чайковскимъ, Лопатинымъ. Г. А. Лопатинъ былъ частымъ посѣтителемъ Тургенева. По отзывамъ Тургенева въ письмахъ къ Лаврову, Лопатинъ «несокрушимый юноша», «умница и молодецъ попрежнему», «свѣтлая голова»; онъ сообщалъ Тургеневу «много интересныхъ фактовъ». Въ 1879 г. послѣ ареста Лопатина, Тургеневъ пишетъ Лаврову: «Въ самый день моего пріѣзда я умолялъ его уѣхать на югъ—ибо объ его присутствіи въ Петербургѣ полиція знала. Что теперь сдѣлать—сказать трудно, черезъ Абазу и т. д. дѣйствовать немыслимо... У меня въ головѣ вертится нѣчто другое—конечно, невѣрное... но попытаться слѣдуетъ... Очень мнѣ его жаль». Въ слѣдующемъ письмѣ Тургеневъ сообщаетъ Лаврову: «Со вчерашняго дня я все размышляю о томъ, что бы сдѣлать, и только могу убѣдиться въ собственномъ безсиліи». На всякій случай Тургеневъ собирается воздѣйствовать черезъ Орлова (посла въ Парижѣ) на великаго князя Константина Николаевича—«съ величайшей осторожностью, какъ бы не испортить дѣла, давъ понять великому князю, что мнѣ извѣстны нѣкоторыя сношенія его съ революціонерами... «Сдѣлаю все, что могу... но могу-то я очень, слишкомъ мало». Знакомство Тургенева съ Кропоткинымъ состоялось тоже черезъ Лаврова. Тургеневъ выразилъ ему желаніе повидать Кропоткина и отпраздновать его побѣгъ небольшимъ дружескимъ обѣдомъ. По свидѣтельству Лаврова, Тургеневъ и потомъ велъ долгіе разговоры съ Кропоткинымъ о его планахъ и взглядахъ на русскія общественныя дѣла. Когда была закончена «Новь», то уже осенью 1876 г. Тургеневъ далъ прочитать свое новое произведеніе въ корректурѣ Лаврову и Кропоткину.

Очень оригинальную фигуру среди русскихъ эмигрантовъ представлялъ Н. В. Чайковскій. Одинъ изъ самыхъ талантливыхъ дѣятелей начала 70-хъ годовъ, онъ потомъ подпалъ подъ идейное вліяніе небезызвѣстнаго Маликова, уѣхалъ въ Америку, въ колонію, основанную Фреемъ, и сталъ «толстовцемъ до толстовства»—сторонникомъ земледѣльческаго труда и личнаго совершенствованія. Вернувшись изъ Америки, онъ проживалъ въ Парижѣ въ крайней нуждѣ. Въ 1879 г. Тургеневъ познакомился съ нимъ и очень оцѣнилъ его. Въ письмѣ къ Стасюлевичу отъ 23 августа 1879 г. Тургеневъ пишетъ: «Я познакомился съ Чайковскимъ, извѣстнымъ (болѣе или менѣе) основателемъ новой религіи въ Америкѣ и т. п. Человѣкъ онъ умный и симпатическій». Тургеневъ предлагаетъ Стасюлевичу напечатать въ «Вѣстникѣ Европы» статью Чайковскаго объ американской сектѣ шэкеровъ, съ которой тотъ основательно познакомился.

Кромѣ названныхъ лицъ, Тургеневъ поддерживалъ тѣ или иные отношенія и съ другими заграничными представителями молодой радикальной интеллигенціи—какъ эмигрировавшими, такъ и находившимися за границей лишь временно. И. С. Джабадари вспоминаетъ, что когда онъ находился въ 1874 г. въ Парижѣ, одна его русская знакомая, Данилова, «потатила» его съ пріятелемъ къ Тургеневу. «Онъ, къ сожалѣнію, выѣхалъ тогда на дачу, и насъ принялъ у него его хорошій знакомый Васильевъ, который жилъ у Тургенева... Изъ бесѣдъ съ Васильевымъ я узналъ, что въ Парижѣ есть компанія бывшихъ цюрихскихъ студентовъ, которые посѣщали иногда бібліотеку Тургенева, и это меня заинтересовало» ¹⁾. Какъ разъ въ этомъ году проживало въ Парижѣ не мало бывшихъ цюрихскихъ студентовъ, принужденныхъ оставить Цюрихъ въ силу извѣстнаго правительственнаго манифеста—будущихъ участницъ процесса 50-ти; среди этихъ молодыхъ дѣвушекъ у Тургенева были знакомыя. Про неосуществившееся намѣреніе Тургенева ближе познакомиться съ Цюрихской колоніей русской молодежи въ началѣ 70-хъ годовъ рассказываетъ Вырубовъ: «Мнѣ захотѣлось посмотрѣть поближе, какъ эта русская колонія, да еще социалистическая, уживается въ швейцарской средѣ,—какъ на нее тамъ смотрятъ и какъ она сама смотритъ на все окружающее, и, списавшись съ Петромъ Лавровичемъ, рѣшился побывать тамъ лѣтомъ 1873 года. Объ этомъ намѣреніи сообщилъ я какъ-то И. С. Тургеневу, который тому очень обрадовался

¹⁾ «Былое. 1907, 9.

и захотѣлъ ѣхать вмѣстѣ со мной. Онъ обдумывалъ тогда свою «Новъ» и надѣялся, какъ онъ выражался, набрать красокъ въ этомъ сборищѣ разношерстной революціонной молодежи. Но желаніе свое онъ не исполнилъ: онъ побоялся, что молодое поколѣніе, тогда не особенно его долюбивавшее, сдѣлаетъ ему какую-нибудь непріятность. Несмотря на свою скромность, Тургеневъ былъ чрезвычайно чувствителенъ къ выраженію всякаго недоброжелательства. Какъ я ни убѣждалъ его и сколько ни писалъ ему Лавровъ, что ничего подобнаго не будетъ и что примутъ его сочувственно, онъ не рѣшился, и я поѣхалъ одинъ»¹⁾.

Объ интересѣ Тургенева къ личностямъ революціонеровъ свидѣтельствуется и американскій беллетристъ Генри Джемсъ, съ которымъ Тургеневъ познакомился въ 1875 г. Вспоминая одну изъ своихъ продолжительныхъ бесѣдъ съ Тургеневымъ, Джемсъ говоритъ: «Тургеневъ почти исключительно говорилъ на этотъ разъ о Россіи, о нигилистахъ, о замѣчательныхъ личностяхъ среди нихъ».

Когда Тургеневъ наѣзжалъ въ 70-е годы въ Россію, то и тамъ онъ не упускалъ случая приглядѣться къ представителямъ новаго поколѣнія, въ той или иной мѣрѣ захваченнымъ господствующими тогда настроеніями эпохи. Такъ, когда однажды въ 1880 г. пришла къ Тургеневу Ек. П. Лѣткова, тогда курсистка курсовъ Герье, то писатель сталъ задавать ей вопросы, изъ которыхъ она поняла, что ему хотѣлось найти среди курсистокъ свою Маріанну. «Эта тема въ тѣ времена была неистощимая... И мы проговорили очень, очень долго». Въ послѣдній пріѣздъ Тургенева въ Россію въ одной гостиницѣ съ нимъ жилъ князь Д. Оболенскій. Онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ ежедневно къ Тургеневу приходило «на поклоненіе» множество молодыхъ людей—особенно дѣвушекъ. Тургеневъ раздавалъ свои карточки и съ удивленіемъ всматривался въ новые для него типы. Онъ сознавался Оболенскому, что не понимаетъ хорошо поваго русскаго человѣка—и стремился его понять²⁾.

Къ зимѣ 1879—80 г. относится попытка Тургенева сойтись съ кружкомъ радикальныхъ литераторовъ. Объ этой попыткѣ рассказали потомъ Златовратскій, Кривенко и Н. С. Русановъ. Хотя воспоминанія трехъ авторовъ объ этомъ эпизодѣ значительно разнятся между собою въ подробностяхъ, тѣмъ не менѣе основные факты ясны. Черезъ Г. Успенскаго Тургеневъ выразилъ желаніе поближе познакомиться съ кружкомъ писателей радикально-народническаго направленія, замышлявшихъ тогда

¹⁾ «Вѣстникъ Европы». 1913, 2.

²⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1903, 6.

издавать журналъ «Русское Богатство» на артельныхъ началахъ. Г. Русановъ говоритъ объ этомъ такъ: «...Тургеневъ явился въ Петербургъ съ твердымъ намѣреніемъ ближе познакомиться если не съ дѣйствующими революціонерами, то съ радикальной частью печати и, главнымъ обрѣзомъ, съ «молодыми литераторами», узнать, что волнуетъ теперь этихъ людей»¹⁾. Хотя и не безъ треній, знакомство Тургенева съ самой крайней группой легальной литературы состоялось. Какъ и слѣдовало ожидать, никакого «слиянія» не вышло—слишкомъ ужъ рѣзко чувствовалась бытовая и психологическая разница между великимъ писателемъ-бариномъ и разночинными радикалами, но, тѣмъ не менѣе, были подняты и нѣкоторые принципиальные вопросы относительно тогдашняго общественнаго движенія. Изъ молодыхъ писателей въ свиданіи, вѣрнѣе, свиданіяхъ, съ Тургеневымъ участвовали Г. Успенскій, Златовратскій, Гаршинъ, Кривенко, Русановъ, Наумовъ и др. Въ слѣдующемъ году Тургеневъ по приѣздѣ въ Петербургъ заболѣлъ и лежалъ въ гостиницѣ въ постели. Его навѣщали Успенскій и Кривенко, при чемъ однажды у Тургенева съ Кривенкой вышла довольно продолжительная и интересная бесѣда на современныя темы. Самаго содержанія разговоровъ Тургенева съ народниками намъ придется нѣсколько коснуться въ дальнѣйшемъ, здѣсь же мы только отмѣчаемъ фактъ, указывающій на желаніе романиста стать поближе къ семидесятникамъ.

Кромѣ личныхъ знакомствъ въ средѣ радикальной интеллигенціи и разспросовъ, Тургеневъ однажды получилъ еще одну возможность ознакомиться съ настроеніями молодежи 70-хъ гг. Мы имѣемъ въ виду довольно извѣстный эпизодъ: отъ А. П. Философовой Тургеневъ получилъ въ 1874 г. портфель съ «документами»,—дневниками, письмами, стихотвореніями и т. п.,—которые могли ввести его въ міръ идейныхъ переживаній новаго поколѣнія. На Тургенева всѣ эти «человѣческіе документы» произвели самое отрицательное впечатлѣніе, что онъ и выразилъ въ письмахъ къ Философовой. Особенно онъ остановился на нѣкомъ «русскомъ Лео», который, по словамъ писателя, являясь образцомъ самолюбленной бездарности и пустоты, такъ и просится въ карикатуру (Такою карикатуру и далъ Тургеневъ въ «Нови» въ лицѣ Кислякова,—въ немъ ясно видны черты «русскаго Лео»). Тургеневъ увѣряетъ свою корреспондентку, что этотъ юноша и ему подобные еще совсѣмъ не «новые люди». «Я бы могъ назвать вамъ молодыхъ людей, съ мнѣніями, гораздо болѣе рѣзкими, съ формами, гораздо болѣе угловатыми—передъ которыми я, старикъ, шапку снимаю, потому что чувствую въ нихъ дѣйствительное присутствіе силы

¹⁾ «Былое», 1906, 12.

и таланта и ума». Несомнѣнно, въ послѣднихъ строкахъ Тургеневъ имѣлъ въ виду кого-нибудь изъ своихъ заграничныхъ знакомыхъ—Кравчинскаго или Лопатина.

Для широкихъ круговъ русскаго общества 70-хъ гг. едва ли не важнѣйшимъ средствомъ ознакомленія съ личностями и стремленіями революціонеровъ были печатавшіеся правительствомъ отчеты о важнѣйшихъ политическихъ процессахъ. Несмотря на специфическое официальное освѣщеніе лицъ и событій въ этихъ отчетахъ, подлинный нравственный обликъ народниковъ-революціонеровъ сказывался въ нихъ довольно ясно. Извѣстно, какую сенсацию въ свое время произвели процессы, напр., 193-хъ или 50-ти. Не могъ же интересоваться этими процессами и Тургеневъ. 18-го февраля 1877 г. Тургеневъ пишетъ Полонскому: «Очень бы мнѣ хотѣлось пріѣхать пораньше въ Петербургъ, чтобы застать еще тотъ процессъ нигилистовъ, который долженъ сегодня начаться,—но это, къ сожалѣнію, невозможно». Здѣсь идетъ дѣло о процессѣ 50-ти. Черезъ нѣсколько дней Тургеневъ пишетъ Стасюлевичу: «Одинъ Аристархъ... увѣрялъ, что Маріаннъ нѣтъ, что я ихъ выдумалъ,—а тутъ вдругъ процессъ, гдѣ изъ 52 революціонеровъ—18 женщинъ—дѣло небывалое и неслыханное въ Европѣ—ни въ какое время!¹⁾ Въ маѣ того же года Тургеневъ лично присутствовалъ на процессѣ Южно-Русскаго Рабочаго Союза въ особомъ присутствіи Правительствующаго Сената. Объ этомъ обстоятельствѣ г. Богучарскій рассказываетъ такъ.... «Ко времени разбора этого дѣла (съ 23-го по 29-е мая 1877 г.) съ правительствомъ случилась такая непріятность: въ Петербургъ пріѣхалъ И. С. Тургеневъ и просилъ разрѣшенія присутствовать на процессѣ. Отказать знаменитому писателю было какъ-то неловко, и Тургеневъ, какъ передавалъ намъ это одинъ изъ участниковъ процесса, находился все время въ залѣ засѣданій суда, сидя за судейскими креслами. Это обстоятельство, видимо, дѣйствовало на судей, ибо за ходомъ разбиравшагося по-азіатски, безъ дневного свѣта, дѣла—наблюдалъ «европеецъ» въ полномъ смыслѣ этого слова». ²⁾ Нужно только добавить что именно процессъ Южно-Русскаго Рабочаго Союза могъ дать очень немного Тургеневу, какъ наблюдателю и изобразителю русской интеллигенціи: почти всѣ обвиняемые по этому процессу были рабочіе; правда, главный обвиняемый, дворянинъ Евгенийъ Заславскій, былъ интеллигентъ, но этотъ энергичный человѣкъ, приговоренный къ 10-и годамъ каторги, совершенно отказался отъ дачи показаній на судѣ.

¹⁾ Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ, томъ III.

²⁾ «Государственныя преступленія въ Россіи», томъ I.

II.

Мы перечислили тѣ пути, которыми Тургеневъ знакомился съ настроеніями радикальной интеллигенціи 70-хъ гг. Что можно сказать по этому поводу? Когда вышла «Новь», то критика 70-хъ гг. довольно дружно высказалась въ томъ смыслѣ, что Тургеневъ по всей своей жизненной обстановкѣ совершенно не знаетъ революціонной среды и потому даетъ совершенно фантастическое изображеніе ея въ романѣ. Очень подробно на этой неосвѣдомленности Тургенева останавливается Михайловскій въ статьѣ о «Нови». Мы читаемъ тамъ, напримѣръ: «Тургеневъ въ «Нови» взялся изображать людей, которыхъ онъ совсѣмъ не знаетъ,—и потерпѣлъ фіаско. Если человѣкъ взялся нарисовать лѣсъ, когда у него въ распоряженіи нѣтъ зеленой краски, такъ, конечно, въ картинѣ будутъ и красныя березы и синія ели. Но онъ могъ не браться..» «Всѣмъ извѣстно, что г. Тургеневъ давно уже живетъ за границей наѣзжая въ Россію въ два года разъ на мѣсяць, на полтора. Нельзя, конечно, сказать, чтобы онъ порвалъ всѣ нравственныя связи со своимъ отечествомъ; старыя связи, вѣроятно, болѣе или менѣе сохранились, но ужъ можно навѣрное сказать, что новыхъ связей онъ никакихъ не устроилъ. Все, наиболѣе интимное въ русской жизни за послѣднее время, ему и незнакомо, и нравственно чуждо». О полномъ незнакомствѣ Тургенева, о фальшивости и невѣрности его образовъ говорили еще К. Григорьевъ въ «Дѣлѣ», Чуйко въ «Пчелѣ» и др. Это мнѣніе первыхъ критиковъ «Нови» является весьма распространеннымъ и у современныхъ историковъ литературы. Намъ думается, что въ немъ заключено большое преувеличеніе. Безъ сомнѣнія, нельзя говорить о томъ, что Тургеневъ былъ вполнѣ достаточно освѣдомленъ о настроеніяхъ молодежи—онъ и самъ признаетъ, что далеко не все ему извѣстно и понятно,—но и мнѣніе о «полномъ незнакомствѣ» романиста съ изображаемымъ имъ явленіемъ пора бы оставить. Мнѣніе это обычно подкрѣпляется тѣмъ соображеніемъ, что Тургеневъ въ 70-хъ гг. жилъ за границей. Но вѣдь именно эта заграничная жизнь доставила ему возможность познакомиться съ Лавровымъ, Лопатинымъ, Кропоткинымъ и другими представителями русской эмиграціи. И нельзя сказать, чтобы всѣ эти знакомства были заключены послѣ написанія «Нови»: уже въ 1874 г. Тургеневъ имѣлъ опредѣленныя связи въ эмигрантской средѣ. Изъ всѣхъ крупныхъ писателей-романистовъ одного съ Тургеневымъ поколѣнія Тургеневъ, безъ сомнѣнія, все-таки лучше всѣхъ зналъ радикальную и революціонную среду.

Въ связи съ вопросомъ о знакомствѣ Тургенева съ движеніемъ 70-хъ гг. стоитъ и вопросъ о фальшивости и невѣрности изобра-

женія этого движенія въ его произведеніяхъ, т.-е. прежде всего, конечно, въ «Нови». Когда Тургеневъ писалъ свой послѣдній романъ, то думалъ, что этотъ романъ вполне выяснитъ его отношеніе къ молодежи и устранить то недоразумѣніе, которое создалось «Отцами и дѣтьми». Въ 1876 г. онъ пишетъ Салтыкову: «...Мнѣ не хотѣлось бы исчезнуть съ лица земли, не кончивъ моего большого романа, который, сколько мнѣ кажется, разъяснилъ бы многія недоумѣнія и самого меня поставилъ бы такъ и тамъ, какъ и гдѣ мнѣ слѣдуетъ стоять». Какъ извѣстно, эти надежды Тургенева не оправдались: «Новъ» вызвала со стороны молодежи много нареканий и обвиненій въ совершенно невѣрномъ изображеніи. Образцы такихъ сужденій въ критикѣ уже указаны выше; подобные же рѣзко отрицательные отзывы о картинѣ русской жизни въ «Нови» повторялись и потомъ, вплоть до нашихъ дней. Однимъ изъ первыхъ сталъ на другую точку зрѣнія покойный Е. Соловьевъ. Вотъ его отзывъ о «Нови» (изъ «Очерковъ по исторіи русской литературы XIX вѣка»): «Тургеневъ написалъ «Новъ»—это удивительное произведеніе нашей литературы, безконечно грустную сатиру на наше народничество. Однако о «Нови» было принято не говорить, а надъ Тургеневымъ было принято подсмѣиваться... Это совершенно вѣрно. Конечно, «Новъ» не даетъ полнаго понятія о движеніи «въ народъ» и участникахъ этого движенія; пробѣлы и недостатки въ картинѣ, данной Тургеневымъ, очевидны. Мы хотимъ только сказать, что критики и историки разныхъ направленій, очень охотно останавливаясь на этихъ недостаткахъ, слишкомъ мало обращали вниманія на то цѣнное, что есть въ романѣ Тургенева. Въ моментъ выхода романа отрицательное отношеніе къ нему, кромѣ всего прочаго, объяснялось и соображеніями тактическими: людямъ, сочувствовавшимъ движенію, романъ долженъ былъ представляться несвоевременнымъ, неумѣстнымъ; для нашего времени такой точки зрѣнія на «Новъ» существовать не можетъ, и ничто не мѣшаетъ отнести къ этому произведенію болѣе справедливо. Въ романѣ очень точно изображено взаимное соотношеніе основныхъ общественныхъ силъ той эпохи: крестьянства, дворянъ-помѣщиковъ, революціонной интеллигенціи и правящей бюрократіи; далѣе, очень многое въ самомъ характерѣ пропаганды и ея результатахъ угадано Тургеневымъ вѣрно. Довольно обширная литература мемуаровъ, написанныхъ самими участниками движенія, позволяетъ сказать, что въ очень и очень многихъ случаяхъ пропаганда социализма въ крестьянствѣ и призывы къ бунту были столь же поверхностны и непродуманы, какъ у Нежданова и Маркелова; тѣ же мемуары свидѣтельствуютъ о неудачахъ народниковъ-революціонеровъ,

о, горькомъ разочарованіи въ своей дѣятельности, которое пришлось нѣкоторымъ изъ нихъ испытать. Очень много осуждений вызвалъ образъ Нежданова—слабовольнаго и не вѣрящаго въ революцію человѣка, взявшагося за социалистическую пропаганду. Относительно Нежданова можно сказать слѣдующее: большая ошибка Тургенева—и психологическая, и историческая—въ томъ, что его Неждановъ изображенъ, какъ человѣкъ, пользующійся большимъ авторитетомъ среди единомышленниковъ, какъ крупная фигура въ движеніи, своего рода вождь. Мы знаемъ, что тѣ личности, которыя дѣйствительно выдѣлялись своимъ умомъ и нравственными качествами изъ среды народниковъ-пропагандистовъ начала семидесятыхъ годовъ, были нисколько не похожи на Нежданова. Войнаральскій, Коваликъ, Мышкинъ, Рогачевъ, Муравскій и другіе—люди совсѣмъ иного душевнаго склада, чѣмъ герой Тургенева. Что же касается до массы молодежи, шедшей въ народъ, то, безъ сомнѣнія, среди нея Неждановы были—и совсѣмъ не только въ видѣ исключенія. О существованіи «гамлетизма» въ революціонной средѣ, по крайней мѣрѣ, въ извѣстный моментъ движенія, говоритъ и такой компетентный въ данномъ случаѣ человѣкъ, какъ П. А. Кропоткинъ (въ своей книгѣ, посвященной русской литературѣ). Его безпристрастный и вдумчивый отзывъ о «Нови» настолько вообще интересенъ, что на немъ стоитъ нѣсколько остановиться. Кропоткинъ говоритъ, что на вопросъ, даетъ ли романъ правильное понятіе о движеніи, придется отвѣтить до извѣстной степени отрицательно: романъ былъ написанъ въ 1876 году, т.-е. за два года до процесса 193, а въ то время никто не могъ хорошо знать молодежь нашихъ кружковъ изъ лицъ, въ эти кружки не входившихъ. Съ этимъ можно сопоставить слова, сказанныя самимъ Тургеневымъ въ бесѣдѣ съ Кривенкой: «Такія вещи трудно писать только по наслышкѣ, ихъ надо близко видѣть, а еще лучше пережить». Все это, конечно, совершенно вѣрно. Но Кропоткинъ не ограничивается такимъ заявленіемъ; онъ добавляетъ, что «Тургеневъ, съ обычнымъ удивительнымъ чутьемъ, подмѣтилъ наиболѣе выдающіяся черты движенія». По мнѣнію Кропоткина, Тургеневъ понялъ двѣ характерныя черты самой ранней фазы движенія. Одна такая черта—это «непониманіе агитаторами крестьянства, вѣрнѣе—характерная неспособность большинства раннихъ дѣятелей движенія понять русскаго мужика, вслѣдствіе особенностей ихъ фальшиваго литературнаго, историческаго и социальнаго воспитанія». Намъ только кажется, что врядъ ли ложное пониманіе народниками-пропагандистами крестьянской психики должно быть приурочено лишь къ самой первой стадіи движенія въ народъ. Вплоть до тѣхъ поръ, когда это дви-

женіе совершенно прекратилось, иллюзорные образы Стеньки Разина и Пугачева властвовали въ душѣ даже очень умныхъ людей и заставляли ихъ видѣть то, чего не было, и не видѣть того, что было. Другой чертой, вѣрно отмѣченной Тургеневымъ, Кропоткинъ считаетъ «гамлетизмъ, отсутствіе рѣшительности, или, вѣрнѣе, «волю, блекнущую и болѣющую, покрываясь блѣдностью мысли», которая дѣйствительно характеризовала начало движенія семидесяти годовъ». Кропоткинъ полагаетъ, что, если бы Тургеневъ писалъ свой романъ нѣсколькими годами позже, то онъ отмѣтилъ бы появленіе новаго типа, *людей дѣйствія*, возраставшаго по мѣрѣ того, какъ движеніе росло въ ширину и въ глубину. Значитъ, Кропоткинъ считаетъ въ общемъ Неждановыхъ не только возможными, а даже характерными, но только для самаго начала семидесятыхъ годовъ. Позволительно усомниться, чтобы и въ самомъ концѣ 70-хъ гг., когда на сцену выступили террористы-народовольцы, люди раздвоенные и слабые совсѣмъ исчезли въ революціонной средѣ. Когда мы представляемъ себѣ героическій періодъ народовольчества (1878—1881), то мощныя фигуры Желябова, Перовской, Александра Михайлова, Кибальчича и другихъ заслоняютъ собою все и всѣхъ, являются какъ бы единственно мыслимыми представителями эпохи. Конечно, ни въ какое другое время русская интеллигенція не выставила людей такого нравственнаго закала,—но вѣдь кромѣ небольшой горсточки людей героическаго склада были и другіе. И въ эту эпоху не совсѣмъ исчезъ среди радикальной молодежи устойчивый типъ русскаго слабовольнаго и колеблющагося интеллигента, типъ, который черезъ героевъ Чехова дошелъ и до нашихъ дней.¹⁾ Вспомнимъ, что въ томъ же году, когда вышла въ свѣтъ «Новь», начали свою литературную дѣятельность Всеволодъ Гаршинъ и Новодворскій—эти «невѣрующіе народники», по мѣткому опредѣленію Евг. Соловьева. Первый разсказъ Новодворскаго «Эпизодъ изъ жизни ни павы, ни вороны» былъ помѣщенъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Радикальная молодежь сразу признала его «своимъ» писателемъ. Въ оригинальномъ вступленіи къ разсказу Новодворскій заставляетъ Тургенева бесѣдовать съ Соломинымъ, при чемъ Тургеневъ представленъ въ довольно ироническомъ освѣщеніи. И однако—Преображенскій (герой разсказа

¹⁾ Г. Игнатовъ въ своей статьѣ о литературѣ 70-хъ гг. («Исторія русской литературы XIX вѣка» подъ редакціей Овсяннико-Куликовскаго, томъ IV) полагаетъ даже, что Неждановъ характеренъ для конца 70-хъ гг. «Въ то время, къ которому Тургеневъ относилъ «Новь», такой типъ только зарождался; болѣзнь раздвоенности и сомнѣнія болѣли лишь очень немногіе люди. Но къ концу семидесятыхъ годовъ Неждановы стали часты». Мнѣніе, діаметрально противоположное мнѣнію Кропоткина.

Новодворскаго) и Неждановъ, несмотря на черты извѣстнаго различія, не такъ ужъ далеки другъ отъ друга... Подобно Нежданову, Преображенскій склоненъ къ самоанализу и рефлексіи; послѣ неудачной попытки «сліянія съ народомъ» онъ, отчаявшись въ себѣ, дѣлаетъ попытку къ самоубійству. Повидимому, Новодворскій былъ неудовлетворенъ тѣмъ освѣщеніемъ, какое далъ Тургеневъ Нежданову, и постарался въ нѣсколько иномъ видѣ выставить мятущагося и неудовлетвореннаго народника,—однако самую наличность такого типа для своей эпохи онъ признаетъ. Однажды Новодворскій занесъ въ свой дневникъ такіа строки: «Дѣло ясно: мнѣ опротивѣла та обстановка безпріютности, которою пахнетъ при словѣ «мужикъ», опротивѣла потому, что я слабѣю, тогда какъ онъ не перемѣняется, потому что я измучился, усталъ отъ нравственныхъ мученій (каковы бы они ни были, они не всегда бываютъ глупы), которыя ему меньше знакомы... А между тѣмъ я себя воспитываю, чтобы слиться съ народомъ! Да это просто насмѣшка! Насмѣшка надъ логикой съ моей стороны, и горькая иронія обстоятельствъ надо мной!» Это ужъ и совсѣмъ похоже на Нежданова...

И послѣ того, какъ была написана «Новь», Тургеневъ продолжалъ, по мѣрѣ возможности, вдумываться въ психику революціонной молодежи. Его наблюденія скоро показали ему, что далеко не все въ «Нови» изображено вѣрно и что на многое онъ въ своемъ романѣ не обратилъ вниманія. Онъ сталъ улавливать въ душевномъ строѣ молодого поколѣнія новыя черты; это вызывало у него кое-какіе литературные замыслы, по большей части оставшіеся неосуществленными. Такъ, не могли не обратить на себя вниманія писателя тѣ черты твердой воли, непреклоннаго мужества, которыя такъ ярко выражались у многихъ революціонеровъ. По свидѣтельству П. А. Кропоткина, Тургеневъ умѣлъ угадать новый типъ, созданный русской жизнью, даже сквозь сухіе, официальные отчеты о процессѣ 193. Въ 1878 г. Тургеневъ просилъ Кропоткина разсказать все, что ему извѣстно о Мышкинѣ, могучая личность котораго рѣзко выдѣлилась въ этомъ процессѣ. «Я хотѣлъ бы знать все, касающееся его», говорилъ Тургеневъ. «*Вотъ человекъ*, ни малѣйшаго слѣда гамлетовщины». Кропоткину казалось, что Тургеневъ уже занятъ, какъ писатель, обдумываніемъ этого новаго, невѣдомаго ему до сихъ поръ, русскаго типа. Русскій социалистъ сталъ ему представляться уже не Неждановымъ, а чѣмъ-то гораздо болѣе сложнымъ и интереснымъ и притомъ возможнымъ только на русской почвѣ. Какъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ свидѣтельствъ, русскій социализмъ заинтересовалъ Тургенева именно въ связи съ вопросами русской

національной психики вообще. Какъ писателя, его привлекала мысль художественно разработать сложную тему русскаго социализма—очевидно, уже въ другомъ освѣщеніи, чѣмъ въ «Нови». Златовратскій рассказываетъ, что когда при встрѣчѣ Тургенева съ группой литераторовъ-народниковъ зашла рѣчь о «новыхъ людяхъ» и ихъ изображеніи въ «Нови», Тургеневъ говорилъ, что онъ и самъ недоволенъ «Новой», въ которой намѣчены только нѣкоторыя черты народничества, что теперь онъ очень занятъ мыслью глубже изучить это явленіе и что у него уже имѣется планъ изобразить русскаго социалиста, именно «русскаго». По мнѣнію Тургенева, русскій социалистъ прежде всего отчаянный идеалистъ и не имѣетъ ничего общаго съ социалистами западно-европейскими: въ Европѣ социалистъ прежде всего—представитель опредѣленной общественной группы, онъ защищаетъ ясные, точные и опредѣленные классовые интересы—и ничего больше; русскій же социалистъ не является совершенно выразителемъ стремлений рабочаго класса, онъ «самъ по себѣ», и его социализмъ есть только созданная имъ самимъ своя собственная программа идеальнаго будущаго общественнаго строя. Такой русскій мечтатель есть прежде всего «самистъ» (отъ слова «самъ»), и подъ этимъ названіемъ Тургеневъ и хотѣлъ его изобразить. Годъ спустя Тургеневъ бесѣдовалъ наединѣ съ Кривенкой и самъ поднималъ вопросъ о «Нови» и объ отношеніи къ этому роману молодежи. Когда Кривенко замѣтилъ, что среди революціонеровъ есть гораздо болѣе яркія и симпатичныя фигуры, чѣмъ выведенныя въ «Нови», Тургеневъ сослался на свое недостаточное знакомство съ молодежью и еще болѣе—на цензурныя условія, а потомъ добавилъ: «Ахъ, съ какимъ удовольствіемъ я изобразилъ бы «безымяннаго человѣка», это полное отреченіе отъ себя и всего, чѣмъ люди дорожатъ и во всѣ вѣка дорожили! Право, только русскій человѣкъ можетъ выдумать и быть способнымъ на такую штуку». Въ концѣ бесѣды Тургеневъ опять вернулся къ своимъ литературнымъ—если не планамъ, то пожеланіямъ—и сказалъ: «Новъ вѣдъ у меня не кончена. Я удивляюсь, какъ этого не замѣтили. Тамъ прямо оборваны нити, и какъ бы мнѣ хотѣлось, если только буду въ состояніи, написать продолженіе или что-нибудь отдѣльное на ту же тему». Лѣтомъ 1882 года Тургеневъ рассказывалъ Лаврову планъ своего новаго романа, въ которомъ онъ хотѣлъ противоположить типъ русскаго социалиста-революціонера типу французскаго его единомышленника.

Когда народники перешли отъ попытокъ пропаганды социализма въ крестьянствѣ къ террору, Тургеневъ старался объяснить себѣ психологію «рыцарей кинжала и динамита», какъ назы-

вали террористовъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Возникнове-
ніе террора онъ объяснялъ правительственной политикой, развитіе
озлобленія у молодежи объяснялъ исключительно тѣми жестокими
репрессіями, которыя устраивало правительство. «Я не одобряю
убійствъ», говорилъ Тургеневъ М. О. Ашкинази, «но нашихъ
революціонеровъ, которые идутъ въ деревню, какъ агнцы на
закланіе, третье отдѣленіе своимъ изуверствомъ превращаетъ
въ отчаянныхъ, способныхъ на всякое злодѣяніе.... Всѣ наши по-
литическія преступленія—результатъ жестокости шефа жандар-
мовъ». По словамъ Ашкинази, «его мягкій, ласковый голосъ ста-
новился, однако, почти крикливымъ, когда онъ съ негодованіемъ
говорилъ о жестокихъ преслѣдованіяхъ молодежи»¹⁾.

Тургенева интересовала психологически «отчаянность» молодежи,
пользуясь его выраженіемъ. Намекъ именно на террористовъ
заключается во вступленіи къ разсказу «Отчаянный», а самый
разсказъ представляетъ художественную попытку найти «отчаян-
ную» натуру, родственную психологически террористамъ, еще
въ старой русской жизни. Надо замѣтить, что сближеніе радикаль-
ной молодежи конца 70-хъ гг. съ Мишей Полтевымъ (героемъ раз-
сказа) врядъ ли можетъ быть признано сколько-нибудь удачнымъ.

Тургеневъ старался улавливать новыя психическія черты
не только среди активно-революціонной молодежи. Во время
своихъ наѣздовъ въ Россію онъ тщательно присматривался ко
всѣмъ тѣмъ представителямъ молодого поколѣнія, съ которыми
ему приходилось имѣть дѣло. Когда Тургеневъ былъ въ Россіи
въ 1879 г., то къ нему приходило поговорить много молодыхъ
дѣвушекъ—больше всего курсистокъ. Вернувшись во Францію,
Тургеневъ разсказывалъ своей знакомой, писательницѣ Лука-
ниной-Паевской: «Разъ пришло ихъ, этихъ молодыхъ барышень,
слушательницъ курсовъ, человекъ десять... Я сталъ сравнивать
женскую молодежь шестидесятыхъ годовъ съ молодежью тепереш-
ней. Теперешнія женщины далеко выше. Онѣ такія простыя, свѣ-
жія. Знаютъ чего хотятъ. Нигилистки шестидесятыхъ годовъ—
словно надломленныя... сухость какая-то, недостатокъ жизни,
отчужденность отъ нея». ²⁾ Не будемъ здѣсь касаться вопроса,
вѣрно ли Тургеневъ опредѣлилъ разницу между психологіей
двухъ поколѣній. Онъ, во всякомъ случаѣ, чувствовалъ, что

¹⁾ Въ 1879 г. М. О. Ашкинази, находясь за границей, началъ писать романъ «Les victimes du tsar». Главная мысль романа: преслѣдованія молодежи такъ мучительны и жестоко произвольны, что въ концѣ-концовъ молодежь начинаетъ усматривать выходъ только въ террорѣ. Написавши первыя главы, Ашкинази изложилъ планъ романа Тургеневу; тотъ вполне одобрилъ и даже предложилъ свою помощь, чтобы помѣстить произведе-
ніе по окончаніи въ одномъ французскомъ журналѣ.—Романъ вышелъ въ свѣтъ въ 1881 г. отдѣльной книгой.

²⁾ «Сѣверный Вѣстникъ», 1887, 2—3.

эта разница значительна, и опредѣленно отдавалъ свои симпатіи людямъ 70-хъ гг., а не ихъ предшественникамъ. Достаточно немного вникнуть въ то, какъ изображалъ Тургеневъ въ своихъ произведеніяхъ женщинъ 60 и 70-хъ гг., чтобы убѣдиться въ этомъ. Женщины 70-хъ гг. представлены въ творествѣ Тургенева такими чудными образами, какъ Маріанна и героическая дѣвушка «Порога»; да и сама Машурина, при всей своей ограниченности, несомнѣнно, натура въ высокой степени честная, глубоко преданная дѣлу, способная къ самопожертвованію. Что же касается женщинъ 60-хъ гг., то онѣ вызвали у писателя только карикатурную фигуру отвратительной Кукшиной, да еще, пожалуй, упомянутый вскользь несимпатичный женскій образъ въ «Призракахъ». Ясно, какое женское поколѣніе было симпатичнѣе Тургеневу. Быть можетъ, здѣсь уместно будетъ напомнить ту сравнительную характеристику этихъ двухъ поколѣній русской радикальной интеллигенціи, какую сдѣлала въ своихъ воспоминаніяхъ одна изъ видныхъ семидесятницъ—Ольга Любатовичъ. Характеристика именно говоритъ объ исчезновеніи въ 70-хъ гг. рѣзкости манеръ и распущенности, которыя были для Тургенева неотъемлемой принадлежностью людей 60-хъ гг. и которыя такъ отталкивали его. Вотъ какъ изображаетъ О. Любатовичъ собраніе революціонеровъ-народниковъ въ 1878 г. «Если бы кто-нибудь изъ мирныхъ петербуржцевъ заглянулъ случайно въ эту комнату, тѣсно набитую народомъ, то, судя по внѣшности, онъ никакъ не подумалъ бы, что передъ нимъ кучка самыхъ крупныхъ заговорщиковъ,—такъ мало въ ихъ нарядѣ, въ ихъ жестахъ, въ ихъ сдержанныхъ рѣчахъ, такъ мало было въ нихъ той шаблонной распущенности и рѣзкости, которую привыкли у насъ называть *нигилизмомъ*, царившимъ, правда, въ студенческихъ кругахъ 60-хъ годовъ, но совершенно исчезнувшимъ въ 70-хъ, по крайней мѣрѣ, въ крупныхъ центрахъ, и тѣмъ болѣе въ кругу серьезныхъ революціонеровъ. Столь же мало было въ нихъ общаго и съ типомъ Базарова, по поводу котораго Тургеневъ впервые создалъ терминъ *нигилистъ*, терминъ, опошленный потомъ толпой. Нѣтъ, не дѣти и не братья Базарова сошлись здѣсь на бесѣду, не братья того Базарова, который презиралъ народъ уже со студенческой скамьи потому, что привыкъ трезво смотрѣть на него еще съ колыбели; нѣтъ, а скорѣе дѣти Кирсановыхъ, выросшія въ атмосферѣ мечтательнаго идеализма, дѣти Кирсановыхъ, получившія, впрочемъ, откуда-то притокъ свѣжей молодой крови, быть можетъ, крови какой-нибудь Фенички...»¹⁾ Дѣти Кирсановыхъ были, конечно, психологически родственнѣе Тургеневу, чѣмъ братья Базаровыхъ.

¹⁾ О. Любатовичъ, «Далекое и недавнее», «Былое», 1906, май.

III.

Предыдущее изложеніе подводитъ вплотную къ вопросу объ отношеніи Тургенева къ семидесятникамъ въ ихъ общественной дѣятельности,—отчасти даже уже отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Здѣсь слѣдуетъ строго различать два пункта: какое впечатлѣніе производили на Тургенева молодые семидесятники своими человѣческими свойствами, нравственной стороною своего существа—и какъ оцѣнивалъ Тургеневъ своимъ умомъ тѣ общественныя идеи, которыя вдохновляли революціонныхъ народниковъ, и направленіе ихъ дѣятельности. Несомнѣнно,—это отчасти уже и выяснилось въ предыдущемъ,—что Тургеневъ высоко пѣнилъ революціонеровъ съ моральной стороны, доходя иногда до преклоненія передъ ними. Тургеневъ не могъ не видѣть, что, если брать революціонныхъ народниковъ въ цѣломъ, то это была въ 70-хъ гг. единственная общественная группа, готовая бороться, и бороться самоотверженно, смѣло за свои идеалы; сравненіе ея съ группой умѣренныхъ либераловъ, близкой Тургеневу, было въ этомъ отношеніи очень ужъ невыгодно для послѣдней. Тѣмъ болѣе импонировали Тургеневу горячая вѣра, мужество, героическая способность къ самопожертвованію, когда онъ наблюдалъ ихъ конкретное проявленіе въ дѣятельности отдѣльныхъ личностей изъ среды народниковъ. Для пониманія отношенія Тургенева къ семидесятникамъ необходимо имѣть въ виду его статью «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ». чрезвычайно много выясняющую вообще въ душевной жизни Тургенева. Въ этой статьѣ Тургеневъ, самъ будучи по природѣ Гамлетомъ,—въ тургеневскомъ пониманіи этого типа,—ставитъ очень высоко беззавѣтно вѣрящаго и смѣло дѣйствующаго Донъ-Кихота. Тутъ проявляется извѣстный психологическій законъ, по которому человѣкъ склоненъ высоко цѣнить недостающія ему самому душевныя свойства. И вотъ такимъ Донъ-Кихотамъ—опять-таки выражаясь по-тургеневски—въ условіяхъ русской дѣйствительности были для романиста наши «радикалы», какъ они сами себя называли. Вотъ нѣсколько доказательствъ высокой оцѣнки со стороны Тургенева нравственныхъ качествъ этихъ радикаловъ. М. О. Ашкинази запомнилъ такой отзывъ Тургенева, сдѣланный въ одной ихъ бесѣдъ: «Наша молодежь—святая молодежь. Это все мученики какіе-то». Разсказъ Лаврова о молодыхъ щорихскихъ энтузіасткахъ, отдававшихъ все свое время, всѣ силы и средства дѣятельности социалистическаго характера, привелъ Тургенева въ восторгъ. Есть извѣстіе, что Тургеневъ для выраженія своихъ чувствъ, цѣловалъ фотографическія карточки дѣвушекъ, осужденныхъ по процессу 50-ти, и имѣлъ у себя

въ письменномъ столѣ портреты видныхъ казенныхъ террористовъ. Послѣ покушенія Соловьева, Иванъ Сергѣевичъ, выслушавъ разсказъ какого-то высокопоставленнаго пріятеля, передавшаго ему, какъ держалъ себя Соловьевъ на судѣ, признавалъ въ Соловьевѣ замѣчательный героизмъ. (Сообщеніе Лаврова). М. П. Драгоманову одинъ его пріятель (человѣкъ умѣренно-либеральнаго образа мыслей) разсказалъ, что когда онъ однажды сидѣлъ ночью у кровати уже совсѣмъ больного Тургенева, то слышалъ, какъ Тургеневъ, часто сводившій рѣчь на революціонное движеніе въ Россіи, бормоталъ въ забытіи: «А все-таки террористы великіе люди». Въ статьѣ своей во 2-мъ № «Вѣстника Народной Воли» Лавровъ говоритъ: «Я имѣю основаніе думать, что приговоръ и казнь 1-го апрѣля (Перовской и ея товарищей. М. К.) произвели на Тургенева сильное впечатлѣніе и что подъ этимъ впечатлѣніемъ написано имъ стихотвореніе въ прозѣ «Порогъ». Число подобныхъ свидѣтельствъ можно было бы увеличить, но врядъ ли нужно это дѣлать: фактъ слишкомъ очевиденъ и достаточно общеизвѣстенъ. Лучшее, самое прямое доказательство того, съ какимъ уваженіемъ относился Тургеневъ къ нравственнымъ качествамъ активныхъ народниковъ, заключается, конечно, въ его литературныхъ произведеніяхъ. Здѣсь можно сослаться даже и на «Новъ», вызвавшую столько нареканій: и Маріанна съ Машуриной, и Маркеловъ съ Остроумовымъ готовы идти хоть на смерть изъ-за своихъ идей. Но особенно интересны, конечно, два «стихотворенія въ прозѣ»—«Чернорабочій и бѣлоручка» и «Порогъ». Первое произведеніе показываетъ, какъ хорошо понималъ Тургеневъ весь трагизмъ положенія людей, отдавшихъ жизнь за народъ и не находившихъ въ этомъ народѣ никакого сочувствія и пониманія. Два чернорабочихъ, узнавъ о насильственной смерти «бѣлоручки», сговариваются, какъ бы имъ достать на счастье кусокъ веревки повѣшеннаго... Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» были помѣщены воспоминанія одного очевидца казни первомартовцевъ. Онъ разсказываетъ, какъ бойко торговалъ палачъ кусочками веревокъ немедленно по окончаніи ужасной процедуры... Что касается «Порога», этого въ полномъ смыслѣ слова апофеоза русской революціонной молодежи въ народовольческій періодъ, то содержаніе его, конечно, живо въ памяти всѣхъ читателей. Именно Тургеневу—и никому другому—удалось въ нѣсколькихъ строкахъ этого произведенія поэтически увѣковѣчить духъ героической эпохи русской интеллигенціи,—съ этой точки зрѣнія «Порогъ» имѣетъ громадное историческое значеніе. Въ III томѣ изданія «Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ» опублико-

вано письмо Тургенева къ Стасюлевичу отъ 29 сентября 1882 г., имѣющее отношеніе къ «Порогу». Тургеневъ, пославши Стасюлевичу для напечатанія нѣсколько стихотвореній въ прозѣ, полагаетъ, что два или три изъ нихъ придется исключить по цензурнымъ соображеніямъ, «какъ, напримѣръ, «Порогъ», въ которомъ я не хотѣлъ бы, чтобы послѣднія слова были измѣнены». Очевидно, Тургеневъ твердо стоялъ за эпитетъ «святая», которымъ заканчивается «Порогъ», и предпочиталъ лучше совсѣмъ не печатать своего произведенія, чѣмъ печатать, опустивъ это слово или замѣнивъ его другимъ.

Нѣтъ сомнѣній: Тургеневъ хорошо понималъ, какими нравственными чертами обладали лучшіе изъ народниковъ-семидесятниковъ, и высоко ихъ цѣнилъ съ этой стороны. Но нѣтъ сомнѣній также и въ томъ, что идеи ихъ были ему чужды, что ихъ дѣятельность нерѣдко представлялась ему неразумной, иногда даже вредной. Въ революціонномъ движеніи 70-хъ гг. различаютъ двѣ стадіи: хожденіе въ народъ съ проповѣдью социалистическаго переворота—и борьбу за политическое освобожденіе Россіи, при чемъ главнымъ орудіемъ этой борьбы являлся терроръ. И къ хожденію въ народъ, и къ средствамъ политической борьбы народодовольцевъ Тургеневъ относился отрицательно. Кропоткинъ говоритъ: «Несомнѣнно, что Тургеневъ вполнѣ сочувствовалъ движенію въ народъ». Съ этимъ совершенно нельзя согласиться: уже содержаніе «Нови» вполнѣ противорѣчитъ этому. Въ одномъ письмѣ къ Стасюлевичу Тургеневъ говоритъ: «Я рѣшился... взять молодыхъ людей (героями романа «Новъ». М. К.), большей частью хорошихъ и честныхъ—и показать, что, несмотря на ихъ честность, самое дѣло ихъ такъ ложно и нежизненно—что не можетъ не привести ихъ къ полному фіаско... Во всякомъ случаѣ молодые люди не могутъ сказать, что за изображеніе ихъ взялся врагъ; они, напротивъ, должны чувствовать ту симпатію, которая живетъ во мнѣ, если не къ ихъ цѣлямъ, то къ ихъ личностямъ». Здѣсь совершенно точно установлена позиція Тургенева относительно шедшихъ въ народъ представителей молодежи. Въ бесѣдѣ съ молодыми писателями изъ народническаго лагеря, когда зашла рѣчь о путяхъ революціонной борьбы, Тургеневъ выразилъ такое мнѣніе: «Что хожденіе въ народъ не удалось, это, кажется, очевидно. Да и могла развѣ удалась пропаганда отвлеченностей социализма людямъ, вся жизнь которыхъ состоитъ изъ перехода отъ одной конкретной, осязательной вещи къ другой: отъ сохи къ боронѣ, отъ бороны къ цѣпу, а отъ цѣпа иной разъ и къ полштофу... особливо ежели дѣло о Покровѣ или о Рождествѣ». ¹⁾

¹⁾ Русановъ. Изъ литературныхъ воспоминаній. «Былое», 1906, 12.

Иного отзыва Тургеневъ и не могъ дать. Молодые люди шли въ народъ почти съ религіозной вѣрой въ близость соціалистическаго переворота и съ очень фантастическими представленіями о русскомъ крестьянинѣ. Трезвому, скептическому и положительному уму Тургенева подобная вѣра была совершенно чужда,—и онъ ясно видѣлъ, насколько далека подлинный мужикъ отъ того мужика, который носился передъ умственными взорами революціонеровъ, и какъ глубока пропасть между «чернорабочимъ» и «бѣлоручкой» — хотя бы и выучившимся какому-нибудь ремеслу. Однако, положеніе его не было и положеніемъ холоднаго наблюдателя со стороны за неудачами и разочарованіями народниковъ — сердце его волновалось чувствами симпатіи и жалости.

Послѣ того, какъ прокатилась первая волна движенія въ народъ и многіе изъ участниковъ этого движенія убѣдились, что пропаганда, такъ сказать, на лету совершенно неплодотворна,—въ средѣ революціонеровъ возникла мысль о необходимости завязывать болѣе прочныя связи съ крестьянствомъ, селясь на болѣе или менѣе продолжительное время на одномъ мѣстѣ. Тогда нѣкоторые изъ народниковъ заняли мѣста учителей, фельдшеровъ, волостныхъ писарей и т. п. Очень скоро такимъ лицамъ, имѣвшимъ возможность узнать реальныя условія крестьянской жизни и подлинныя крестьянскія настроенія, пришлось убѣдиться, что нужно заняться въ первую голову чисто культурнической дѣятельностью, ведя проповѣдь социализма лишь осторожно и исподволь. Объ этомъ есть немало интересныхъ данныхъ въ воспоминаніяхъ людей той эпохи,—достаточно сослаться на мнѣніе П. А. Кропоткина. «Припоминая теперь движеніе 1870—78 года, я могу сказать, не боясь ошибиться, что большинство молодежи удовлетворилось бы возможностью спокойно жить среди крестьянъ и фабричныхъ работниковъ, учить ихъ, работать съ ними, либо лично, либо въ земствѣ,—словомъ, возможностью оказывать народу тѣ безчисленныя услуги, которыми образованные, доброжелательные и серьезные люди могутъ быть полезны крестьянамъ и рабочимъ. Я зналъ людей этого движенія и говорю съ полнымъ знаніемъ дѣла». На ту же готовность удовлетвориться возможностью мирной культурной дѣятельности на соціалистической подкладкѣ указывали въ своихъ рѣчахъ на судѣ довольно многіе изъ видныхъ дѣятелей революціоннаго движенія,—напр., Теллаловъ, Кибальчичъ и др. ¹⁾ Нѣкоторымъ изъ пропагандистовъ, поселив-

¹⁾ О возможности перехода народниковъ къ культурной дѣятельности (при другихъ условіяхъ) см. Богучарскаго «Активное народничество семидесятыхъ годовъ», стр. 200—205. Къ тѣмъ мемуарамъ, на которые ссылается г. Богучарскій, можно еще прибавить воспоминанія Иванчина-Писарева въ «Завѣтахъ» за 1913 годъ и Н. А. Морозова въ «Гол. Мин.».

шихся въ народѣ, удалось завязать болѣе прочныя связи въ крестьянствѣ.¹⁾ Неизвѣстно, былъ ли освѣдомленъ Тургеневъ о подобнаго рода попыткахъ пропагандистовъ. Можно думать, что къ дѣятельности такихъ народниковъ, какъ талантливый С. С. Синегубъ и другіе—дѣятельности съ сильнымъ культурнымъ характеромъ—творецъ Соломина долженъ былъ отнестись положительно—какъ къ «глубоко забирающему плугу», а не «поверхностно скользящей сохѣ».

Когда представители революціонной интеллигенціи въ концѣ 70-хъ гг. разочаровались въ возможности «мирной» социалистической пропаганды—да отчасти разочаровались и въ самомъ народѣ, такъ какъ совсѣмъ не пашли въ немъ воспримчивости къ идеямъ социализма,—то, какъ извѣстно, наиболѣе энергичные и активные элементы народничества перешли къ террору, какъ средству политическаго освобожденія страны, на смѣну землевольческой организаціи явилась Партія Народной Воли. Хотя Тургеневъ въ «Порогѣ» поставилъ на пьедесталъ личность безымянной дѣвушки, «готовой и на преступленіе», т.-е. террористки, однако совершенно понятно, что отношеніе его къ террору, какъ средству политической борьбы, было отрицательное. Во-первыхъ, его исключительно мягкую натуру отталкивало всякое насиліе, а во-вторыхъ—террористическіе способы дѣйствія представлялись ему и совершенно не достигающими цѣли. Изъ лицъ, знакомыхъ съ Тургеневымъ, объ его отношеніи къ террору говоритъ, напр., М. М. Ковалевскій: «Нечего и говорить, что Тургеневъ ни мало не сочувствовалъ терроризму. Онъ постарался даже отгнать свое отношеніе къ событію 1-го марта личнымъ присутствіемъ на панихидѣ». Въ бесѣдѣ съ М. О. Ашкипази Тургеневъ сказалъ: «Я никогда никакого убійство не могу одобрить. Я такъ же оплакиваю царя, какъ оплакиваю его убійцу».²⁾ Въ письмѣ Тургенева къ Стасюлевичу отъ 4-го апрѣля 1879 г. покушеніе Соловьева на Александра II названо «новѣйшимъ безобразіемъ». Подобныя же выраженія повторяются и въ письмѣ къ Полонскому. отъ 5-го апрѣля. Въ извѣстномъ «Письмѣ въ редакцію Вѣстника Европы» (оно входитъ въ собраніе сочиненій Тургенева) Тургеневъ называетъ себя «принципіальнымъ противникомъ революцій, не говоря уже о безобразіяхъ послѣдняго времени». И не только террористическіе акты, а и другія революціонныя выступленія

¹⁾ Пишущему эти строки доподлинно извѣстно, что напр., о дѣятельности С. С. Синегуба чрезвычайно долго сохранялась благодарная память среди населенія того угла Тверской губ., гдѣ онъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ учителемъ,—она дожила прямо-таки до нашихъ дней

²⁾ «Минувшіе годы», 1908, 8.

вызывали строгое осужденіе Тургенева. Когда до Тургенева дошло извѣстіе объ извѣстной попыткѣ къ демонстраціи со знаменемъ «Земли и Воли» 6-го декабря 1876 г., онъ слѣдующимъ образомъ отзывается въ письмѣ къ Стасюлевичу о «безобразіи, совершенномъ передъ Казанскимъ соборомъ»: «Вотъ ужъ точно можно сказать: всему можно назначить предѣлъ—за исключеніемъ глупости нѣкоторыхъ россіянъ: она безпредѣльна!» «Чепуха» (выраженіе изъ того же письма) передъ Казанскимъ соборомъ такъ встревожила Тургенева, что онъ счелъ нужнымъ написать 22-го декабря пространное письмо Стасюлевичу, чтобы тотъ могъ въ случаѣ нужды «показать его гдѣ и кому слѣдуетъ». (Тургеневъ боялся, чтобы демонстрація не повліяла какъ-нибудь на судьбу «Нови»: въ январской книгѣ «Вѣстника Европы» должна была появиться первая половина романа). Въ этомъ «объяснительномъ письмѣ» Тургеневъ, стараясь доказать, что его романъ—самое благонамѣренное произведеніе, не жалѣетъ энергичныхъ выраженій по адресу землевольцевъ; ихъ попытка для него «безобразно нелѣпое происшествіе», «грязная пѣна, отъ времени до времени выскакивающая на поверхности всякаго общества». Все это выражено достаточно сильно и опредѣленно. Можно только прибавить къ этому, что аналогичныя сужденія мы найдемъ въ ту эпоху и у другихъ представителей либерализма различныхъ оттѣнковъ. Такъ, умѣреннѣйшій либераль П. В. Анненковъ тоже обрушивается на «глупѣйшую» Казанскую демонстрацію. «Что это такое? Мѣшать жить и работать самому себѣ еще позволительно, но мѣшать жить и работать другимъ (а это обыкновенный результатъ подобныхъ вздоровъ) уже совсѣмъ изъ рукъ вонъ». (Письмо къ Стасюлевичу отъ 10-го декабря 1876 г.). А нѣсколько лѣтъ спустя, 20 марта 1882 г., М. Е. Салтыковъ пишетъ доктору Бѣлоголовому: «Скажу вамъ откровенно: всѣ эти убійства (политическія, М. К.), покушенія и проч. дѣлаются необыкновенно тяжелы, назойливы и пошлы. Изъ-за нихъ ничего не видать. Не только никакого дѣла дѣлать нельзя, но и разобраться въ этой галиматіѣ трудно...»

Въ томъ, что было рассказано до сихъ поръ объ отношеніяхъ Тургенева къ революціонерамъ, нѣтъ ничего, вызывающаго недоумѣніе. Вполнѣ понятно, что Тургеневъ, не одобрявшій революціонной дѣятельности вообще, и террора въ частности, могъ, отдавая должное революціонерамъ, какъ людямъ, преклоняться передъ ихъ личностями. Точно также совершенно понятно, что онъ стремился поближе сойтись съ нѣкоторыми изъ нихъ, желая лучше понять этихъ людей, или что онъ оказывалъ имъ иногда извѣстныя услуги,—послѣднее вполнѣ объясняется всѣмъ извѣ-

стной безконечной добротой Тургенева. Выше были упомянуты хлопоты Тургенева о томъ, чтобы Лавровъ могъ вернуться во Францію, его стремленіе какъ-нибудь улучшить участь арестованнаго въ Россіи Лопатина. За подобнаго рода услуги всегда охотно брался чрезвычайно отзывчивый романистъ. Въ 1879 г. онъ хлопоталъ о русской эмигранткѣ Кулешовой, которая была арестована и которой, по слухамъ, грозила выдача русскому правительству. М. М. Ковалевскій своими глазами видѣлъ письмо Тургенева къ Лорисъ-Меликову, въ которомъ онъ испрашивалъ позволеніе на возвращеніе въ Россію двѣнадцати молодымъ людямъ, слегка лишь замѣшаннымъ въ социалистической пропагандѣ. Все это, повторяемъ, вполне понятно и естественно. Но есть пункты въ отношеніяхъ Тургенева къ революціонерамъ, которые заставляютъ недоумѣвать и позволяютъ говорить о непоследовательности Тургенева въ политическихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ. Нужно нѣсколько остановиться на подобнаго рода фактахъ.

Тургеневъ былъ въ политикѣ либераломъ; онъ самъ любилъ себя называть «старымъ либераломъ», «либераломъ стараго закала». Либерализмъ этотъ былъ весьма умѣреннаго свойства. Тургеневъ нѣсколько разъ дѣлалъ публичныя заявленія о томъ, что онъ ожидаетъ необходимыхъ для Россіи реформъ только сверху, подчеркивая при томъ, что это—его всегдашнее и неизмѣнное убѣжденіе. Вотъ отрывокъ изъ письма Тургенева къ Полонскому послѣ выстрѣла Соловьева: «...Предвижу, какъ будутъ иные люди эксплуатировать это безумное покушеніе во вредъ той партіи, которая именно, вслѣдствіе своихъ либеральныхъ убѣжденій, больше всего дорожитъ жизнью Государя, такъ какъ только отъ него и ждетъ спасительныхъ реформъ: всякая реформа у насъ, въ Россіи, не сходящая свыше, немыслима. Все это прекрасно... Но въ результатъ выйдетъ то, что именно эта партія и пострадаетъ. Одна надежда на спокойный духъ и благоразуміе самого государя». Правда, все это письмо производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто Тургеневъ предвидѣлъ возможность «постороннихъ читателей».— Но совершенно въ такомъ же духѣ онъ высказывался и въ другихъ случаяхъ. Въ «Письмѣ въ редакцію Вѣстника Европы» ¹⁾ читаемъ: «Въ глазахъ нашей молодежи... я всегда былъ и до сихъ поръ остался «постепеновцемъ», либераломъ стараго покроя въ англійскомъ династическомъ смыслѣ, человѣкомъ, ожидающимъ реформъ только свыше... Молодежь была права въ своей оцѣнкѣ, и я почелъ бы недостойнымъ и ея, и самого себя представляться ей въ

¹⁾ Письмо было вызвано статьей «Иногородняго Обывателя» въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ которой авторъ обвинялъ романиста въ заискиваніи и «кувыркани» передъ революціонной молодежью.

другомъ свѣтѣ». Въ самыхъ оваціяхъ молодежи по адресу писателя Тургеневъ усматриваетъ «доказательство проявившагося сочувствія къ тѣмъ убѣжденіямъ, которымъ я всегда былъ вѣренъ» — что даетъ совершенно невѣрное освѣщеніе дѣлу. Когда «Вѣстникъ Европы» постигали какія-нибудь административныя кары, то Тургеневъ, возмущаясь, писалъ Стасюлевичу, что правительство не узнаетъ своихъ лучшихъ друзей. Эту позицію умѣреннаго либерала «въ династическомъ смыслѣ», про которую Тургеневъ такъ много и опредѣленно говоритъ, онъ далеко не всегда выдерживалъ. Вотъ нѣкоторые факты. Когда Лавровъ въ 1874 г. разсказалъ Тургеневу о самоотверженной преданности идеѣ социализма русской молодежи — преимущественно женской, группировавшейся въ Цюрихѣ около издаваемого Лавровымъ органа «Впередь!», — Тургеневъ по собственной инициативѣ вызвался помогать матеріально этому изданію: въ теченіе 3-хъ лѣтъ, съ 1874 по 1876 г., т.-е. до тѣхъ поръ, пока во главѣ изданія оставался Лавровъ, онъ дѣлалъ взносы по 500 франковъ въ годъ. Ашкинази въ своей французской книгѣ «*Tourgueneff inconnu*» такъ объясняетъ этотъ эпизодъ жизни Тургенева. Въ ту пору, когда Тургеневъ предложилъ свою помощь Лаврову, «Впередь!» не былъ органомъ партіи насилія. Редакторъ «Впередь!» довольно неблагосклонно смотрѣлъ на «бунтарей», и изданіе Лаврова было, собственно говоря, научнымъ органомъ, посвященнымъ изученію социальныхъ вопросовъ. Тургеневъ, помогая этому зарубежному органу, являлся прежде всего поборникомъ свободы печати, связанной въ Россіи цензурою, такъ что съ революціонерами его сближала глубокая любовь къ человѣческой мысли, гдѣ бы ни проявлялась и въ какія бы формы ни отливалась эта мысль. Тургеневъ дѣйствовалъ по убѣжденію, что всякій либераль «старого закала» (*de la vieille roche*), какъ онъ себя называлъ, долженъ помогать опубликованію идей, исповѣдуемыхъ людьми преслѣдуемыми и гонимыми. Нельзя не сознаться, что объясненіе это нѣсколько шатко. Врядъ ли могъ Тургеневъ помогать опубликованію идей хотя бы Нечаева — тоже гонимаго и преслѣдуемаго. «Академизмъ» Лавровскаго органа, несомнѣнно, преувеличенъ: конечно, самъ Лавровъ по характеру своему былъ въ значительной степени человѣкомъ теоретической мысли, съ нѣсколько кабинетной складкой, и тѣмъ не менѣе его органъ носитъ опредѣленную социально-революціонную окраску. Тургеневъ не могъ не знать этого — еще въ 1873 г. Лавровъ прислалъ Тургеневу программу журнала, ознакомившись съ которой Тургеневъ писалъ Лаврову: «Программу Вашу я прочелъ два раза со всѣмъ подобающимъ вниманіемъ: со всѣми главными положеніями я согласенъ —

я имѣю только одно возраженіе... Миѣ кажется, что Вы напрасно такъ жестоко нападаете на конституціоналистовъ, либераловъ и даже называете ихъ врагами, миѣ кажется, что переходъ отъ государственной формы, служащей имъ идеаломъ, къ Вашей формѣ—ближе и легче, чѣмъ переходъ отъ существующаго абсолютизма... А подобное заявленіе съ Вашей стороны на счетъ либераловъ и парламентарныхъ людей многихъ изъ нихъ отгонитъ прочь, испугаетъ». ¹⁾ Съ какими собственно «основными положеніями» былъ согласенъ Тургеневъ? Съ социализмомъ? Но вѣдь онъ никогда нисколько не сочувствовалъ социализму. Съ революціонизмомъ? Но вѣдь Тургеневъ считалъ возможными и желательными для Россіи только реформы сверху и былъ принципиальнымъ врагомъ революцій, какъ онъ самъ заявлялъ. Когда Тургеневъ сталъ подписчикомъ «Впередъ» и ознакомился съ журналомъ, то давалъ такіе, напр., отзывы: «Нахожу Вашу дѣятельность (по изданію «Впередъ!» М. К.) полезной, несмотря на неизбѣжныя «drawbacks», которыя я очень хорошо видѣлъ самъ», или: «Жду съ нетерпѣніемъ третьяго тома. Надѣюсь, что онъ въ дѣльности не уступитъ второму». Онъ выражалъ Лаврову свое удовольствіе по поводу того, что его журналъ въ большомъ количествѣ распространяется въ Россіи и пользуется тамъ авторитетомъ среди молодежи и т. п. Понятно, что изъ всѣхъ направленій революціонной мысли 70-хъ гг. Тургеневъ могъ найти хоть какія-нибудь точки соприкосновенія лишь съ «лавризмомъ»—а никакъ не съ тѣми направленіями, которыя связаны съ именами Бакунина и Ткачева. Въ 1874 г. Тургеневъ пишетъ Лаврову, что онъ совершенно правъ въ своей полемикѣ противъ Ткачева, «но молодыя головы вообще будутъ всегда съ трудомъ понимать, чтобы можно было медленно и терпѣливо готовить нѣчто сильное и внезапное. Имъ кажется, что медленно готовятъ только медленное—въ родѣ постепенныхъ реформъ и т.-д. Однако, даже и допуская, что нѣкоторые элементы—очень немногіе—публицистики Лаврова могли быть пріемлемы для Тургенева, нельзя не признать, что въ общемъ его отношеніе къ журналу Лаврова довольно странно для «старого либерала».—Въ перепискѣ Тургенева съ Лавровымъ можно найти еще другой примѣръ непоследовательности Тургенева. Тургеневу была передана (очевидно, самимъ Лавровымъ) рукопись извѣстной книжки Степняка-Кравчинскаго «Мудрица Наумовна»—съ тѣмъ, чтобы Тургеневъ далъ объ этомъ произведеніи свой отзывъ. Въ письмѣ къ Лаврову Тургеневъ пишетъ: «Авторъ человѣкъ съ талантомъ, владѣетъ

¹⁾ Минувшіе Годы, 1908, 8.

языкомъ—и весь его трудъ согрѣтъ жаромъ молодости и убѣжденія». Дальше слѣдуютъ указанія на сбивчивость тона, неровности изложенія, излишне «пѣвучую» или риторическую манеру, а заключается отзывъ словами: «Но вовторяю—у Вашего знакомаго и талантъ, и огонь—пусть онъ продолжаетъ трудиться на этомъ поприщѣ». «Мудрица Наумовна»—сочиненіе чисто пропагандистскаго характера; Тургеневъ относился къ пропагандѣ социализма въ народѣ совершенно отрицательно и считалъ во то же время возможнымъ поощрять молодого автора въ его литературной дѣятельности. Это, несомнѣнно, опять проявленіе «необдуманности или какой-то странной двойственности» Тургенева, о которыхъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ Г. В. Плехановъ.¹⁾

Въ обстоятельной своей статьѣ «И. С. Тургеневъ и развитіе русскаго общества» П. Л. Лавровъ, стараясь выяснитъ отношеніе Тургенева къ движенію 70-хъ гг., вотъ что говоритъ объ этой его непоследовательности. «Иванъ Сергѣевичъ не былъ никогда ни социалистомъ, ни революціонеромъ. Онъ никогда не вѣрилъ, чтобы революціонеры могли поднять народъ противъ правительства, какъ не вѣрилъ, чтобы народъ могъ осуществить свои «сны» о «батюшкѣ Степанѣ Тимофеевичѣ»; но исторія его научила, что никакія «реформы свыше не даются *безъ давленія*, и энергическаго давленія снизу на власть; онъ искалъ силы, которая была бы способна произвести это давленіе, и въ разные періоды его жизни ему представлялось, что эта сила можетъ появиться въ разныхъ элементахъ русскаго общества. Какъ только онъ могъ заподозрить, что новый элементъ можетъ сдѣлаться подобною силою, онъ сочувственно относился къ этому элементу и готовъ былъ даже содѣйствовать ему въ той мѣрѣ, въ какой терялъ надежду, чтобы то же историческое дѣло могли сдѣлать другіе элементы, ему болѣе близкіе и симпатичные»²⁾. Это объясненіе очень стройно, но врядъ ли его можно принять цѣликомъ. Какимъ изъ тѣхъ способовъ «давленія на власть», къ которымъ прибѣгали народовольцы, могъ хоть сколько-нибудь сочувствовать Тургеневъ? Вѣдь и террористическіе акты, и попытки массовыхъ демонстрацій не только возмущали его чувство, но и представлялись ему политически вредными, казались помѣхами на пути правильнаго общественнаго развитія. Скорѣе всего, тяготѣніе Тургенева къ лѣвымъ группамъ объясняется не обдуманнымъ политическимъ расчетомъ, а тѣмъ чувствомъ раздраженія, которое вызывалъ у него правительствен-

¹⁾ «Современный Міръ», 1913. Рецензія на III томъ изданія «М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ»,

²⁾ «Вѣстникъ Народной Воли», № 2.

ная политика: слишкомъ ужъ большимъ испытаніямъ подвергало правительство лойяльность своихъ «лучшихъ друзей». Раздѣляя до извѣстной степени судьбу многихъ русскихъ либераловъ, Тургеневъ подчасъ довольно безпомощно метался между надеждами на прогрессивныя реформы исключительно сверху и какими-то неопредѣленными и нелогичными порываніями влѣво. Очень характерный фактъ рассказываетъ Кропоткинъ въ своихъ «Запискахъ революціонера» о своемъ послѣднемъ свиданіи съ Тургеневымъ. «Онъ былъ уже очень боленъ и мучился мыслью, что его долгъ—написать Александру III, который недавно вступилъ на престолъ и колебался еще, какой политикѣ послѣдовать,—чтобы указать ему на необходимость дать Россіи конституцію. Съ нескрываемой горестью Тургеневъ говорилъ мнѣ: «чувствую, что обязанъ это сдѣлать; но я вижу также, что не въ силахъ буду это сдѣлать». Положеніе вдвойнѣ трагическое: и отъ сознанія собственнаго безсилія, и оттого, что, умирая, Тургеневъ долженъ былъ основывать свои послѣднія надежды на такомъ шаткомъ основаніи. Послѣдняя бесѣда Тургенева съ Кропоткинымъ имѣла мѣсто лѣтомъ или осенью 1881 г.—но вѣдь еще 8 марта 1881 г. состоялось знаменитое засѣданіе особаго совѣщанія сановниковъ, на которомъ всякія «колебанія» Александра III прекратились, и мрачная фигура Побѣдоносцева встала во весь ростъ...

Говоря объ отношеніяхъ Тургенева къ радикаламъ 70-хъ гг., нельзя обойти молчаніемъ одной стороны его характера, которая при этомъ особенно ярко проявлялась. Мы имѣемъ въ виду слабость Тургенева, доходившую порой до прямого малодушія. Въ упомянутой выше книгѣ «*Tourgueneff inconnu*» Ашкинази говоритъ, что «Тургеневъ, великій художникъ, не былъ и великимъ гражданиномъ. Какъ писатель, онъ не переставалъ освѣщать дорогу, которая ведетъ къ свободѣ, но никогда онъ не былъ борцомъ за свободу». Справедливость требуетъ признать это заключеніе совершенно вѣрнымъ. У Тургенева, великаго по художественному таланту и по широтѣ ума человѣка, не хватало мужества. Говоря такъ, мы просто повторяемъ достаточно установленный въ литературѣ фактъ. Въ отношеніяхъ съ семидесятниками Тургеневъ очень часто обнаруживалъ слабость характера. Какъ только у него возникало предположеніе, что его могутъ заподозрить въ слишкомъ большомъ радикализмѣ, онъ торопился публично заявить о своей благонамѣренности. Выше было уже упомянуто, что статья «Московскихъ Вѣдомостей», обвинявшая Тургенева въ занскиваньи у радикальной молодежи, вызвала открытое письмо Тургенева въ «Вѣст-

никъ Европы»; въ этомъ письмѣ Тургеневъ подчеркиваетъ, что онъ всегда былъ и остался очень умѣреннымъ человѣкомъ, постепенцемъ. Выстрѣлъ Соловьева внушилъ Тургеневу опасенія за судьбу «Нови», и онъ пишетъ Стасюлевичу письмо, предназначавшееся не для одного Стасюлевича, гдѣ доказывалось, что въ «Нови» авторъ вовсе не восхваляетъ революціонныхъ путей и что цѣли романа — самая благонамѣренныя. Въ 1882 г. французское правительство временно выслало изъ Франціи Лаврова (за основаніе «Краснаго Креста Народной Воли»). Когда въ эти дни въ одной французской газетѣ Лаврова назвали другомъ Тургенева, Тургеневъ прислалъ въ редакцію этой газеты письмо, въ которомъ заявлялъ, что съ Лавровымъ онъ встрѣчался еще въ Россіи, въ Обществѣ Пособія Литераторамъ, а потомъ никакихъ интимныхъ сношеній съ нимъ не имѣлъ¹⁾. Нельзя не сознаться, что подобныя поспѣшныя заявленія Тургенева о своей благонамѣренности производятъ довольно непріятное впечатлѣніе. Свои отношенія къ революціонерамъ и свои услуги имъ Тургеневъ иногда скрывалъ отъ своихъ умѣренныхъ друзей—очевидно, опасаясь осужденія съ ихъ стороны. Тургеневъ такъ тщательно скрылъ отъ всѣхъ то, что онъ оказывалъ денежную помощь Лаврову, что послѣ его смерти ближайшіе его друзья попали въ неловкое положеніе. Дѣло въ томъ, что какъ только Тургеневъ умеръ, Лавровъ помѣстилъ въ газетѣ «Justice» письмо, въ которомъ опубликовалъ фактъ матеріальной поддержки журнала «Впередъ» Тургеневымъ. Стасюлевичъ отвѣтилъ на это негодующей статьей въ газетѣ «Новости»; въ своей статьѣ-протестѣ Стасюлевичъ доказывалъ, что Тургеневъ въ политикѣ былъ человѣкомъ умѣреннымъ и лойяльнымъ. Въ этомъ, конечно, Стасюлевичъ былъ правъ,—но вѣдь и Лавровъ сообщалъ не выдумки, а дѣйствительный фактъ...

Можно указать, что случалось Тургеневу проявлять слабость характера и при другихъ условіяхъ: повидимому, онъ, въ своихъ сношеніяхъ съ радикально настроенными людьми, не всегда имѣлъ мужество отстаивать мнѣнія, шедшія въ разрѣзъ со взглядами этихъ людей. Говоря такъ, мы имѣемъ прежде всего въ виду одинъ эпизодъ, рассказанный Н. С. Русановымъ. При свиданіи Тургенева съ группой литераторовъ-народниковъ Вс. Гаршинъ, съ обычной своею откровенностью, отъ лица молодого поколѣнія обратился къ Тургеневу съ вопросомъ, что нужно теперь дѣлать въ Россіи? «Вѣренъ ли путь политической борьбы, на который стали революціонеры? Или, какъ прежде, итти въ на-

¹⁾ Драгомановъ. Воспоминанія о знакомствѣ съ Тургеневымъ.

родъ?» Тургеневъ сначала нѣсколько смутился, а потомъ сталъ говорить въ томъ смыслѣ, что подобные вопросы нужно рѣшать самому молодому поколѣнію. «Да я и живу теперь въ Россіи только наѣздомъ и не берусь рѣшать сложные вопросы политики. Такъ ли надо вести дѣло, какъ оно ведется теперь,—не знаю». Выразивъ потомъ мнѣніе, что хожденіе въ народъ надо считать неудавшимся (эта часть его отвѣта была приведена выше), Тургеневъ свелъ рѣчь на другое и, къ слову, необыкновенно ярко и образно разсказалъ одну характерную сцену изъ крестьянской жизни. Разсказъ этотъ своей красочностью очаровалъ присутствующихъ. Однако, что же собственно отвѣтилъ Тургеневъ Гаршину? На очень прямой вопросъ послѣдовалъ чрезвычайно уклончивый отвѣтъ. А, казалось бы, именно тутъ-то и нужно было убѣжденному либералу-постепеновцу выразить прямо и стойко свое отрицательное отношеніе къ революціоннымъ методамъ дѣйствія, а особенно—къ террору... Такую уклончивость не разъ можно замѣтить у Тургенева. Про одни и тѣ же явленія онъ говоритъ какъ будто однимъ языкомъ съ Анненковымъ или Стасюлевичемъ и другимъ—съ Лавровымъ. Конечно, тутъ не можетъ быть и рѣчи о расчетѣ или лицемѣріи. Тургеневъ, какъ слабый человѣкъ, невольно принималъ, до известной степени, окраску своего собесѣдника, проникался его настроеніями.

На той сторонѣ характера Тургенева, о которой сейчасъ идетъ рѣчь, подробно останавливается въ своихъ воспоминаніяхъ М. П. Драгомановъ. Его отзывъ можно привести цѣликомъ. «Если позволено мнѣ высказаться о впечатлѣніи, какое на меня лично производилъ Тургеневъ, то я скажу, что не видалъ я человѣка такой широты и свободы мыслей, такой разнородности интересовъ; съ этихъ сторонъ у Тургенева была по истинѣ «богоравная» натура, какъ сказалъ бы древній грекъ. Необыкновенна была и доброта Тургенева, который вѣчно устраивалъ чьи-нибудь дѣла, часто людей, не имѣвшихъ на то никакого права. Но тамъ, гдѣ надо было показать какую-нибудь твердость характера, смѣлость, передъ политической ли властью, или передъ первымъ, кто просто накричитъ на Тургенева или посмѣется надъ человѣкомъ, съ которымъ повидимому И. С. находится въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, тамъ богоравный Тургеневъ пасовалъ и отрекался отъ мнѣній, отъ отношеній. Мнѣ довелось видѣть эти черты характера Тургенева, и потому я чувствовалъ къ нему то «обожаніе», близкое къ институтскому, то почти физическое отвращеніе». Къ сказанному Драгомановымъ, собственно говоря, нечего прибавлять. Природа

надѣлила Ивана Сергѣевича многими прекрасными дарами— безтрепетнаго мужества и силы характера не было въ числѣ этихъ даровъ.

IV.

Мы изложили нѣкоторые факты, показывающіе, каково было отношеніе къ поколѣнію 70-хъ гг. Тургенева-художника, Тургенева-человѣка, Тургенева-политика. Необходимо остановиться и на другой сторонѣ вопроса и сказать нѣсколько словъ о томъ, каково было отношеніе къ Тургеневу молодыхъ семидесятниковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ рассматриваемую нами эпоху люди, такъ или иначе причастные радикальному направленію, довольно твердо помнили, что Тургеневъ всего только «либераль». Правда, подъ кличку «либераль» ригористически настроенная молодежь подводила тогда обширное число лицъ. По свидѣтельству Н. А. Морозова «къ числу либераловъ въ то время (въ эпоху хожденія въ народъ—потомъ это нѣсколько измѣнилось—М. К.) причислялись учащейся молодежи и всѣ передовые писатели легальной литературы до сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ»: Салтыкова, Михайловскаго, Некрасова включительно». Кромѣ политической умѣренности Тургенева, у многихъ представителей молодежи было недовольство на писателя за его романы «Дымъ» и «Новь». Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что можно найти не мало примѣровъ очень критическаго или прямо недоброжелательнаго отношенія къ Тургеневу среди молодежи 70-хъ гг.,

Общую картину такой отчужденности молодого поколѣнія отъ писателя даетъ Н. К. Михайловскій въ той статьѣ о «Нови», о которой уже шла рѣчь выше.

«Кто привыкъ «вязать и рѣшить», быть выразителемъ и отчасти даже «властителемъ думъ» своихъ современниковъ, кто привыкъ видѣть, какъ толпа съ волненіемъ ждетъ его слова, тому тяжело очутиться въ положеніи г. Тургенева. Кругомъ сумрачно и холодно, холодныя, чужія лица, нѣсколько даже изумленные изящной повелительностью манеръ бывшаго любимца. Они знаютъ, конечно, прошедшее любимца, но не переживали его съ нимъ вмѣстѣ, знаютъ только, какъ совершившійся фактъ, который былъ и былъ порокъ; а потому самоувѣренность и плавная величественность, снисходительная небрежность движеній этого человѣка для нихъ непонятны, нѣсколько даже смѣшны. Ему непремѣнно должно казаться, что все дѣло въ какомъ-то пустячномъ, ничтожномъ недоразумѣніи, устранить

3

которое тоже чрезвычайно легко какимъ-то пустякомъ, въ родѣ граціознаго жеста или пріятной улыбки. Но чортъ ихъ знаетъ этихъ людей съ такими холодными, чужими лицами, чортъ ихъ знаетъ, въ чемъ они полагаютъ грацію и какую улыбку пазовутъ они пріятною. Тутъ такъ легко попасть въ просакъ».

Въ крайней лѣвой группѣ тогдашней легальной литературы непріязнь къ Тургеневу сказывалась въ нѣкоторыхъ критическихъ статьяхъ (особенно по поводу «Нови»), а также иногда и въ личныхъ сношеніяхъ—поскольку они были. Г. Боборыкинъ разсказалъ объ одной очень ядовитой статьѣ противъ Тургенева, не увидѣвшей въ свое время свѣта. «Помню, при мнѣ Некрасовъ получилъ рукопись отъ начинающаго, подъ заглавіемъ «Всероссійскій фаворитъ». Это было ѣдкое обличеніе всей писательской карьеры Тургенева съ точки зрѣнія народника семидесятыхъ годовъ». Бойкая статья понравилась редакціи «Отчественныхъ Записокъ», но изъ благоразумія было рѣшено не печатать ее ¹⁾. Объ отношеніяхъ къ Тургеневу въ литературныхъ кругахъ Кривенко разсказываетъ слѣдующее: «Въ то время (1879—1881) Тургеневъ не пользовался особымъ расположеніемъ въ тѣхъ кружкахъ, къ которымъ я принадлежалъ: на него были недовольны за его «Дымъ» и «Новь», а нѣкоторые не забыли еще и «Отцовъ и дѣтей», но, главнымъ образомъ, недовольны были «Новью». Когда Тургеневъ выразилъ желаніе познакомиться съ литераторами, собравшимися вокругъ обновляемаго «Русскаго Богатства», то нѣкоторые изъ этого кружка, по словамъ Кривенки, были за то, чтобы попросить у Тургенева для молодого журнала какую-нибудь статью, другіе—противъ, мотивируя это тѣмъ, что «не стоитъ кланяться» и даже «связываться съ нимъ». Совершенно такого же рода и сообщеніе Златовратскаго. «О предстоящемъ свиданіи шли среди молодыхъ литераторовъ большіе разговоры: «рингорнеты» рѣшительно протестовали противъ такой «слабости», а тѣмъ болѣе противъ того, чтобы самимъ брать на себя инициативу этого свиданія» ²⁾. По словамъ г. Русанова «свое намѣреніе Тургеневъ привелъ въ исполненіе, очень мало заботясь о литературномъ мѣстншчествѣ: гора не шла къ Магомету—ну что-жъ—Магометъ пойдетъ къ горѣ».

Извѣстно, что въ разные періоды жизни Тургенева его литературная дѣятельность вызывала довольно многочисленныя пародіи и сатиры, обычно распространявшіяся въ устной передачѣ или въ рукописномъ видѣ. И въ семидесятые годы были

¹⁾ «Новости», 1883, № 144.

²⁾ Сборникъ «Братская помощь армянамъ», стр. 394—399.

такія выраженія недоброжелательства. Объ одной подобной пародіи сообщаетъ Русановъ. Когда вышла «Пѣснь торжествующей любви», то многіе были прямо возмущены той отчужденностью Тургенева отъ русской жизни и ея вопросовъ, которую увидѣли въ произведеніи Тургенева, его «тупочувственностью», по выраженію одного пріятеля г. Русанова. Одинъ адвокат-радикалъ не могъ простить романисту его экскурси въ область чистаго искусства и сочинилъ стихотворную пародію на Тургеневскую фантазію. Эта пародія была прислана въ редакцію «Русскаго Богатства» (или «Устоевъ»), но громадное большинство участниковъ журнала (онъ издавался на артельныхъ началахъ) рѣшило не печатать стихотворенія.

Въ литературѣ воспоминаній о Тургеневѣ можно найти указаніе и на отношеніе къ писателю радикальной части учащейся молодежи—мужской и женской. Русановъ указываетъ на то, что на обѣдѣ, которымъ чествовалъ Тургенева либеральный міръ въ 1879 г., отсутствовала крайняя лѣвая. «Виновать, была, впрочемъ, одна курсистка, которая провозгласила даже тостъ «отъ русскихъ женщинъ за автора Маріанны». Но за то послѣ рѣчи ее чуть со свѣту не сжили ея же подруги прозвищемъ «г-жа Соломина». О настроеніи московскихъ курсистокъ говорится въ воспоминаніяхъ Ек. Лѣтковой ¹⁾. «...Помню отношеніе насъ, курсистокъ, къ Ивану Сергѣевичу. Оно было *критическое по обязанности* (курсивъ нашъ. М. К.). Всѣ мы не только ждали, но требовали отъ него не Неждановыхъ и туманныхъ Соломиныхъ, а опредѣленныхъ и яркихъ фигуръ, къ которымъ привыкли если не въ жизни, то въ подробныхъ изложеніяхъ политическихъ процессовъ. Многія имена были у насъ нарицательными, многія лица—близко знакомыми. И авторъ «Нови», конечно, не могъ угодить намъ, хотя его отношеніе къ Маріаннѣ и подкупало насъ, а фраза Соломина: «Вы уже теперь, всѣ вы, русскія женщины, дѣльнѣе и выше насъ, мужчинъ»—не могла не льстить намъ». Отношеніе къ Тургеневу московскаго студенчества до извѣстной степени характеризуется однимъ эпизодомъ, который былъ рассказанъ нѣсколькими очевидцами. Въ 1879 г. было засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности, собравшее чрезвычайно много публики: всѣ знали, что на засѣданіи будетъ Тургеневъ. Когда романистъ вошелъ въ залъ, раздался громъ аплодисментовъ; не успѣли еще они смолкнуть, какъ съ хоръ студентъ-юристъ 4-го курса Викторовъ сталъ говорить рѣчь, обращенную къ Тургеневу. Рѣчь представляла изъ себя

¹⁾ Сборникъ «Къ свѣту».

что-то въ родѣ «сочувственной нотации» (по выраженію Боборыкина) Тургеневу за плохое пониманіе новѣйшей молодежи. Ораторъ, между прочимъ, сказалъ, что никогда Тургеневъ не стоялъ такъ близко къ пониманію общественныхъ задачъ и стремленій молодежи, какъ въ пору созданія «Записокъ охотника», и выразительно добавилъ: «Вамъ не написать болѣе «Записокъ охотника»¹⁾. Тургеневъ и устроители празднества были, конечно, смущены этимъ неожиданнымъ привѣтствіемъ.

Всѣ приведенные до сихъ поръ факты—болѣе или менѣе одного рода: они говорятъ о треніяхъ, которыя были между знаменитымъ писателемъ и молодымъ поколѣніемъ 70-хъ гг., о тѣхъ упрекахъ, которые раздавались по его адресу со стороны этого поколѣнія. Есть факты и другого рода—доказывающіе, что семидесятники умѣли цѣнить, и цѣнить высоко, то положительное, что заключалось въ произведеніяхъ Тургенева. Тутъ прежде всего невольно приходятъ въ голову тѣ оваціи, которыя выпали на долю Тургенева въ 1879 и 1880 г. со стороны русской интеллигенціи, при чемъ большое участіе въ этихъ оваціяхъ принимала учащаяся молодежь. Фактъ, сообщаемый Русановымъ (о курсисткѣ, которую подруги изводили кличкой «г-жа Соломица»), объясняется скорѣе всего тѣмъ, что эта дѣвица выступила со своимъ привѣтствіемъ въ такомъ обществѣ и такой обстановкѣ, которыя казались молодежи несимпатичными. Трудно допустить, чтобы курсистки были возмущены самымъ фактомъ привѣтствія Тургеневу: именно петербургскія курсистки въ 1879 г. проявили самое восторженное отношеніе къ романисту—объ этомъ имѣется сколько угодно свидѣтельствъ со стороны современниковъ. Последніе пріѣзды Тургенева въ Россію были моментами высшаго его триумфа; оваціи, устраивавшіяся ему въ это время, настолько общеизвѣстны, что мы не будемъ на нихъ останавливаться. Интересно выяснитъ сколько-нибудь другое обстоятельство, а именно: какъ относились къ Тургеневу тѣ отдѣльные революціонеры, съ которыми онъ сблизился за границей?

Немногое можно, правда, сказать по этому поводу, но это немногое носить очень опредѣленный характеръ: эмигранты-революціонеры, знавшіе Тургенева, чрезвычайно высоко ставили его, какъ писателя, и хорошо относились къ нему, какъ къ человѣку. Напечатанныя письма Тургенева къ Лаврову заставляютъ предполагать полныя взаимнаго уваженія отношенія двухъ корреспондентовъ. Статья Лаврова о Тургеневѣ

¹⁾ «Воспоминанія» Е. П. Лѣтковой.

дышитъ несомнѣнной симпатіей и теплотой; Лавровъ приписываетъ въ ней Тургеневу въ высшей степени важную и полезную роль въ развитіи русскаго общества. Въ 1883 г. уже совсѣмъ умирающій Тургеневъ попросилъ одного своего знакомаго передать Лаврову просьбу посѣтить его, не сердясь за «отреченіе» Тургенева отъ Лаврова, напечатанное во французскихъ газетахъ. И Лавровъ, чуждый мелкихъ чувствъ, поспѣшилъ исполнить просьбу умирающаго и пріѣхалъ къ нему въ Буживаль.

П. А. Кропоткинъ говоритъ о Тургеневѣ въ двухъ своихъ книгахъ: въ «Запискахъ революціонера» и въ сочиненіи, написанномъ для англійской публки: «Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ». Кропоткинъ самъ называетъ себя «восторженнымъ поклонникомъ произведеній Тургенева». Дѣйствительно, его характеристика Тургенева-художника исполнена восхищеннаго преклоненія. Кропоткинъ полагаетъ, что на тысячи людей одного съ нимъ поколѣнія сочиненія Тургенева оказали глубочайшее общественно-воспитательное вліяніе. Когда Кропоткинъ рассказываетъ о своемъ личномъ знакомствѣ съ Тургеневымъ, то чувствуется удивительно хорошее человѣческое отношеніе его къ великому писателю. Что можетъ быть болѣе чуждымъ анархисту Кропоткину, чѣмъ настроеніе большого Тургенева, который хотѣлъ—и не могъ—написать Александру III? Однако, рассказъ Кропоткина объ этомъ эпизодѣ дышитъ величайшей терпимостью и согрѣтъ симпатіей. Вспоминая свое первое знакомство съ Тургеневымъ (въ 1877 или 1878 г.), Кропоткина не обинуясь сообщаетъ: «Я переступилъ порогъ великаго романиста почти съ благоговѣніемъ». И ни единымъ словомъ не обмолвился Кропоткинъ о тѣхъ слабостяхъ, которыя были въ характерѣ Тургенева! Впрочемъ, это не удивительно для Кропоткина—человѣка, который вообще одаренъ способностью замѣчать въ людяхъ и брать отъ нихъ для своего внутренняго міра только хорошее.

Степнякъ-Кравчинскій далъ характеристику творчества Тургенева въ предисловіи къ англійскому переводу романовъ «Рудинъ» и «Дворянское гнѣздо»¹⁾. Какъ писатель, Тургеневъ стоитъ для Кравчинскаго на недостигаемой высотѣ. «Такое художественное наслѣдство могли оставлять своей странѣ и цѣлому міру только самые великіе изъ великихъ мастеровъ слова»—вотъ основное положеніе критика. «Чѣмъ больше изучаются драгоценныя художественныя произведенія, оставленныя намъ

¹⁾ Характеристика эта вошла въ собраніе критическихъ и публицистическихъ статей Кравчинскаго (Изданіе «Свѣточа»). Она написана не въ 70-е годы, а нѣсколько позже.

Тургеневымъ, тѣмъ больше вызываютъ восторга и удивленія», говоритъ онъ. Въ русской критической литературѣ трудно отыскать такую вѣрную и проникновенную оцѣнку типа Рудина, какъ та, которую далъ Кравчинскій. Мы видѣли, что «Пѣснь торжествующей любви» вызвала въ свое время недоумѣніе и даже негодованіе среди радикаловъ, что была написана пародіею на это произведеніе. Кравчинскій же говоритъ въ своей статьѣ слѣдующее: «Такими произведеніями, какъ «Клара Милнчъ», «Пѣснь торжествующей любви», «Сонъ» и несравненные «Призраки», Тургеневъ показалъ, что можетъ стать на ряду съ Эдгаромъ По, Гофманомъ и Достоевскимъ въ изображеніи фантастическаго, ужаснаго, таинственнаго и непонятнаго, живущаго гдѣ-то въ тайникахъ человѣческой души, недоступныхъ изслѣдованію разума». Общественное значеніе творчества Тургенева Кравчинскій видитъ въ томъ, что въ одинъ изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ періодовъ русской жизни Тургеневъ былъ переловымъ представителемъ и вдохновителемъ мыслящей части русскаго общества. Наконецъ, Кравчинскій даетъ отзывъ о Тургеневѣ, какъ политическомъ мыслителѣ. Вотъ его слова: «Великій русскій романистъ былъ въ то же время однимъ изъ самыхъ выдающихся,—а, можетъ быть, и самымъ выдающимся,—и однимъ изъ самыхъ проникательныхъ политическихъ мыслителей своей эпохи». Несомнѣнно, это послѣднее мнѣніе сложилось у Кравчинскаго не въ 70-е гг., а уже позже—оно характерно для эволюціи взглядовъ Кравчинскаго.

Таковы немногочисленные отзывы о Тургеневѣ, данные эмигрантами-революціонерами. На нашъ взглядъ, эти люди въ своемъ отношеніи къ Тургеневу проявили благородную терпимость къ чужимъ мнѣніямъ, большую широту кругозора, пониманіе великаго значенія произведеній искусства.

22 августа 1883 года Тургенева не стало. Когда смерть великаго художника заставила всѣхъ мыслящихъ людей подвести итоги его дѣятельности, то обнаружилось, какія прочныя и глубокія симпатіи русскаго общества онъ завоевалъ, нестреля на различныя тренія, неизбѣжныя при общеніи между собою живыхъ людей. Литература, вызванная смертью Тургенева, была довольно обширна. Намъ интересуютъ здѣсь только тѣ отзывы, которые вызвало это событіе въ крайней лѣвой группѣ русскаго общества. Въ легальной журналистикѣ нужно отмѣтить прекрасную небольшую статью Н. К. Михайловскаго (въ «Отечественныхъ Запискахъ»). Въ зарубежной русской прессѣ на смерть Тургенева отозвался «Вѣстникъ Народной Воли»: въ 1-мъ № этого изданія былъ помѣщенъ некрологъ Тургенева, а во 2-мъ—

неоднократно упоминавшаяся здѣсь статья Лаврова «И. С. Тургеневъ и развитіе русскаго общества». Наконецъ, ко дню похороновъ Тургенева Партія Народной Воли выпустила нелегальнымъ путемъ особый листокъ подъ заглавіемъ «И. С. Тургеневъ». Авторомъ этой прокламаціи былъ П. Ф. Якубовичъ. Вмѣстѣ съ прокламаціей былъ напечатанъ тургеневскій «Порогъ» ¹⁾. Эти статьи чрезвычайно важны для опредѣленія отношеній семидесятниковъ къ Тургеневу: вѣдь Михайловскій, Лавровъ, народовольцы были не такіе люди, чтобы говорить лестныя вещи о человѣкѣ только потому, что онъ умеръ.

Въ статьѣ Михайловскаго, очень высоко ставившей литературныя заслуги Тургенева, интересна, между прочимъ, нарисованная критикомъ картина, какъ мертвому поэту пришли поклониться его созданія. Въ картинѣ этой есть такія строки: «Вотъ группа полюбившихъ дѣвушекъ съ рыданіемъ цѣлуетъ мертвыя руки, изобразившія ихъ такими возвышенными чертами. Къ нимъ пристроилась и Машурина. Она не цѣлуетъ рукъ, но она пришла сюда: покойникъ призналъ за ней и честность, и готовность жертвовать собой, а что до поэтическаго ореола, а тѣмъ болѣе красоты, такъ вѣдь она меньше всего объ этомъ думаетъ». Аллегорическій смыслъ этихъ словъ совершенно ясенъ; Михайловскій могъ бы прибавить, что дѣвушка, готовая переступить роковой порогъ, окружена несомнѣнно и поэтическимъ ореоломъ—но объ этой дѣвушкѣ въ легальной печати невозможно было упоминать.

Прокламація народовольцевъ представляетъ очень большой интересъ. Въ ней, устами Якубовича, самая крайняя общественная группа подвела итоги дѣятельности Тургенева и выразила ясно и опредѣленно свое отношеніе къ умершему писателю. Надо сказать: въ легальной литературѣ, вызванной смертью Тургенева, можно было бы назвать очень немного статей, по своему литературному достоинству равныхъ листку П. Ф. Якубовича. Оставляя въ сторонѣ полемику автора съ либералами и реакціонерами, укажемъ основные пункты его статьи, въ которыхъ онъ выясняетъ, кѣмъ былъ Тургеневъ для революціонеровъ и ихъ дѣла.

Якубовичъ говоритъ, что Тургеневъ, будучи бариномъ по рожденію, аристократомъ по воспитанію и характеру, постепенцемъ по политическимъ убѣжденіямъ, своимъ чуткимъ сердцемъ сочувствовалъ русской революціи и даже служилъ ей, быть можетъ, безсознательно для самого себя. Лучшая часть

¹⁾ Народовольческій листокъ, посвященный Тургеневу, перепечатанъ въ статьѣ г. Богучарскаго о Якубовичѣ («Русское Богатство», 1911, 5).

русской молодежи страстно любить Тургенева прежде всего за то, что онъ возвѣщалъ идеалы цѣлаго ряда молодыхъ поколѣній, воспѣвалъ ихъ безпримѣрный, чисто русскій идеализмъ, изображалъ душевную борьбу и внутреннія муки русской молодежи,—и мучительныя сомнѣнія, и беззавѣтную готовность на жертву. Образы Рудина, Инсарова, Елены, Базарова, Нежданова и Маркелова имѣютъ очень большое историческое значеніе: это не только живые и выхваченные изъ жизни образы ¹⁾, но и типы, которымъ подражала молодежь и которые, такимъ образомъ, сами создавали жизнь. «Глубокое чувство сердечной боли, проникающее «Новь», замаскированное мѣстами тонкой пропіей, не уменьшаетъ нашей любви къ Тургеневу. Мы вѣдь знаемъ, что эта пропія не пропія нововременскаго или катковскаго лагеря, а сердца, любившаго и болѣвшаго за молодежь ²⁾. Да къ тому же, не съ подобной ли же пропіей относимся теперь мы сами къ движенію семидесятыхъ годовъ, въ которомъ, несмотря на его несомнѣнную искренность, страстность и героическую самоотверженность, было много наивнаго?» Умѣренные друзья писателя, встревоженные письмомъ Лаврова, старались доказать, что покойный не вѣрилъ въ русскую революцію. Якубовичъ говоритъ по ихъ адресу: «Но мы и не утверждаемъ, что онъ вѣрилъ. Нѣтъ, онъ сомнѣвался въ ея близости и осуществимости путемъ геройскихъ схватокъ съ правительствомъ; быть можетъ, онъ даже и не желалъ ея и былъ искреннимъ постепенцемъ—это для насъ безразлично. Для насъ важно, что онъ служилъ русской революціи сердечнымъ смысломъ своихъ произведеній, что онъ любилъ революціонную молодежь, признавалъ ее «святой» и «самоотверженной».

Таково существенное содержаніе прокламаціи народовольцевъ, которая раздавалась на похоронахъ Тургенева. Составитель ея сумѣлъ чрезвычайно вѣрно опредѣлить тѣ цѣнныя для русскаго освободительнаго движенія элементы, которые заключены въ творчествѣ Тургенева, и высказалъ свои мнѣнія съ большимъ тактомъ и съ захватывающимъ подъемомъ чувства. Можно, пожалуй, сказать, что активные революціонеры отнеслись къ писателю болѣе терпимо и болѣе справедливо, чѣмъ относились къ нему и до и послѣ его смерти многія изъ лицъ, только «сочувствующихъ» освободительному движенію...

¹⁾ И такъ, полная жизненность типа Нежданова признается виднымъ революціонеромъ. Это очень важное обстоятельство. См. о Неждановѣ 2-ю главу настоящей статьи.

²⁾ Напомнимъ здѣсь еще разъ слова Тургенева о «Нови»: «Во всякомъ случаѣ молодые люди не могутъ сказать, что за изображеніе ихъ взялся врагъ; они, напротивъ, должны чувствовать ту симпатію, которая живетъ во мнѣ—если не къ ихъ цѣлямъ—то къ ихъ личностямъ».

Въ началѣ статьи мы сказали, что въ отношеніяхъ Тургенева къ семидесятникамъ совершенно не было равнодушія. То же самое можно сказать и про отношеніе семидесятниковъ къ Тургеневу. У него бывали разныя недоразумѣнія съ современниками, подчасъ очень для него тяжелыя, его за многое порицали, иногда очень сурово, и однако онъ умѣлъ очень близко подойти къ интересамъ своей эпохи и въ прекрасныхъ образахъ выразить стремленія молодежи. Левъ Толстой, Гончаровъ, Достоевскій ¹⁾ не вызывали въ 70-е годы такихъ осужденій, какъ Тургеневъ, но они не знали и такой любви, какъ онъ. Въ чрезвычайно мѣткихъ выраженіяхъ говорить объ этомъ В. Г. Короленко ²⁾.

«Тургеневъ раздражалъ, какъ собесѣдникъ, порой больно задѣвающій самыя живыя струны тогдашнихъ настроеній. Къ нему относились страстно, бурно порицали, и такъ же бурно выражали ему любовь и уваженіе. У него была ссора, но было и удовлетвореніе триумфа. Онъ понималъ, и его тоже понимали».

Этими прекрасными словами мы и закончимъ настоящую статью.

М. Клевенскій.

¹⁾ Знаменитая рѣчь Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ и вызванное ею впечатлѣніе были только эпизодомъ.

²⁾ И. А. Гончаровъ и «молодое поколѣніе». «Русское Богатство» 1912, 6, стр. 176.

И. В. Лучицкій.

Къ пятидесятилѣтію его научно-литературной дѣятельности 1863—1913.

Въ этой замѣткѣ я хочу подѣлиться вкратцѣ съ читателемъ тѣмъ, что знаю о жизни и дѣятельности моего учителя и друга Ивана Васильевича Лучицкаго. Его книги я изучалъ, его лекціи я слушалъ, о его вліяніи въ наукѣ мнѣ было бы извѣстно, даже если бы я его никогда не видѣлъ. Что касается его жизненнаго пути, то много и часто я заставлялъ его рассказывать о своей жизни, и на этихъ разсказахъ основана чисто біографическая часть предлагаемой замѣтки; кромѣ того, предо мною были нѣкоторые бѣглые наброски, которые И. В. какъ-то началъ дѣлать по моимъ настояніямъ,—хотя я имѣлъ въ виду другое,—обширные его мемуары, такъ и иснапесанные, а не отрывки и схематическіе листки... Въ этихъ листкахъ нашелъ я и воспоминаніе о встрѣчѣ съ Пироговымъ, о чемъ И. В. разсказалъ какъ-то въ сборникѣ, посвященномъ памяти великаго ученаго и педагога. Остальное было мнѣ подробнѣе извѣстно изъ давнихъ и недавнихъ устныхъ бесѣдъ съ И. В., и листки только освѣжили въ моей памяти даты. Жаль, что такъ не любитъ онъ говорить въ печати самъ о своей жизни. Приходится другимъ сдѣлать это за него, въ тотъ моментъ, когда кончилось полвѣка его служенія наукѣ...

Родился И. В. 2 іюня 1845 г. въ Каменцѣ-Подольскомъ, въ семьѣ преподавателя семинаріи (впослѣдствіи гимназіи). Эта семья—старая въ Волынскомъ краѣ; одинъ изъ предковъ былъ въ XVI столѣтіи наборщикомъ первой типографіи Острожскаго (и даже судился за «оппозицію» начальнику типографіи). Предки матери И. В.—выходцы изъ Рязанской губерніи. Отецъ И. В. оставилъ очень хорошую память у своихъ учениковъ (года два тому назадъ одинъ изъ нихъ съ чувствомъ вспоминалъ о немъ въ «Русской Старинѣ»). Единственный сынъ въ семьѣ, И. В. не

имѣлъ товарищей и росъ въ обществѣ взрослыхъ до тринадцатилѣтняго возраста; въ 1857 г. онъ поступилъ въ каменецъ-подольскую гимназію, въ третій классъ. Времена стояли еще очень суровыя, начавшаяся въ столицахъ и крупныхъ центрахъ оттепель совсѣмъ не чувствовалась пока въ глуши. Военныя упражненія, маршировка, ежедневныя беспощадныя тѣлесныя наказанія учениковъ—вотъ что встрѣтилъ мальчикъ въ гимназіи. Инспекторомъ былъ нѣкій Шулгинъ (впоследствии помощникъ попечителя виленскаго округа), морившій учениковъ безконечнымъ стояніемъ въ церкви, требовавшій механическаго заучиванія («отсюда до сюда») учебника протоіерея Скворцова, написаннаго весьма неудобопонятнымъ языкомъ.

Въ первый же день мальчикъ былъ напуганъ угрозою тѣлеснаго наказанія, а на другой день—и наказанъ за какой-то пустякъ. Результатомъ этихъ первыхъ впечатлѣній была нервная горячка, отъ которой онъ оправился только чрезъ три мѣсяца. Къ счастью, этотъ школьный режимъ былъ уже при послѣднемъ издыханіи. Съ 1858 г. повѣяло инымъ: прекратились маршировки, проявились новые преподаватели, совсѣмъ по другому обращавшіеся съ учениками. А еще чрезъ годъ (И. В. былъ тогда въ 5-мъ классѣ) посѣтилъ гимназію и новый попечитель округа, знаменитый Пироговъ. «До тѣхъ поръ,—разсказывалъ И. В., «мы представляли себѣ наивысшее начальство въ лицѣ директора, который приходилъ въ классъ раза два въ годъ, съ палкою въ рукѣ, кричалъ, бранилъ учениковъ болванами, размахивалъ палкою—и, наведя надолго ужасъ, удалялся». Каково же было радостное изумленіе учениковъ, когда попечитель оказался начальствомъ совсѣмъ въ другомъ духѣ. Пироговъ вошелъ въ классъ въ довольно обтрепанномъ сюртукѣ, подошелъ къ скамьямъ, усѣлся подлѣ И. В. и началъ просто и ласково разговаривать съ учениками и задавать имъ вопросы. Мальчики пріободрились и вскорѣ уже наперерывъ отвѣчали посѣтителю, а когда урокъ окончился, гурьбою окружили его, ловя его ласковыя слова и добрый взглядъ. Впечатлѣніе было огромное, радостное, о которомъ и теперь И. В. не воспоминаетъ безъ волненія. «Для меня въ тотъ день стало яснымъ, *какимъ* долженъ быть педагогъ». «Это впечатлѣніе, бесѣды съ новыми, молодыми учителями—все это укрѣпляло во мнѣ то, что я впервые узналъ отъ отца, идею правды и справедливости, идею любви къ ближнему», разсказывалъ И. В. впоследствии. Ему пришлось тогда же увидѣться съ Пироговымъ уже въ качествѣ пациента, котораго родители привели къ знаменитому врачу,—и послѣднія слова Пирогова, сказанныя И. В., были: «Надѣюсь, что вы будете хорошо учиться, и что изъ васъ

выйдетъ хорошій дѣятель въ будущемъ». Учиться стало легче. Латынь проходили съ четвертаго класса; вообще же во всѣхъ старшихъ классахъ бывало не болѣе 4-хъ уроковъ въ день. Любопытно, что въ эти до-толковскія времена латыни учились довольно охотно и весьма недурно читали авторовъ. Заинтересовались и исторіею, которую изучали по учебнику Шульгина (не инспектора, а профессора Кіевскаго университета), но И. В. увлекался тогда больше всего математикою. «Я еще съ 5-го класса мечтаю сдѣлаться математикомъ и поступить на математическій факультетъ, исключительно ее сталъ изучать, пропихивая ея методами, и эти занятія оставили на моемъ умѣ и складѣ его значительныя слѣды: стремленіе къ точности и къ полнотѣ аргументаціи». Что касается исторіи, то еще по всеобщей исторіи учебникъ былъ сносенъ, но по русской—процвѣталъ по-прежнему Устряловъ: «этотъ учебникъ съ его знаменитымъ: *«едва ли не жидъ»* относительно втораго самозванца—вызывалъ у меня смѣхъ», признается И. В.

Собственно первое, что живо заинтересовало И. В. въ исторіи—это борьба Нидерландовъ съ Филиппомъ II и любопытно почему,—потому что это была борьба противъ церковнаго принужденія: «это совпадало съ настроеніемъ, созданнымъ принудительными хожденіями по воскресеньямъ и праздникамъ въ церковь, подъ ферулою ханжи-инспектора» и тягостною зубрежкою учебника протоіерея Скворцова. Увлечение математикою все же продолжалось до 7-го класса, когда въ руки И. В. попали книги Гизо («Исторія цивилизаціи въ Европѣ») и Шлоссера («Исторія XVIII вѣка»). Эти книги произвели въ его умственной жизни полный переворотъ. Особенно сильно на него подѣйствовали нравственный ригоризмъ Шлоссера, суровая честность его мысли, его ненависть къ увлеченіямъ и фантазіямъ. Вліянію Шлоссера И. В. приписываетъ окончательное сформированіе своихъ этическихъ взглядовъ и, въ частности, укрѣпленіе ненависти ко всякому насилію. Шлоссеръ закончилъ то, что начато было вліяніемъ отца и нѣкоторыми особыми впечатлѣніями дѣтства. «Въ городѣ большинство населенія состояло изъ поляковъ и евреевъ. Въ дѣтствѣ—разсказываетъ И. В.,—я игралъ съ дѣтми евреевъ-сосѣдей и мнѣ приходилось терять этихъ товарищей, такъ какъ еще и тогда ихъ отнимали у ихъ семей, чтобы забрать въ кантонисты. Я выслушивалъ не разъ и не два крики, плачь и рыданія и товарищей, и ихъ отцовъ и матерей, когда являлись власти въ сосѣдніе съ нами дома и забирали дѣтей. На мою нервную натуру это производило ужасающее впечатлѣніе. Я просыпался среди ночи, мнѣ слышались и во снѣ крики

и стоны, и не мало усилий стоило матери успокоить меня и напичкать бромомъ. И много лѣтъ спустя эти воспоминанія и наяву, и во снѣ мучили меня... А было еще и другое. Мой отецъ зналъ древнееврейскій языкъ, былъ между прочимъ преподавателемъ и этого языка въ семинаріи; къ нему поэтому нерѣдко приходили старики-евреи для бесѣдъ. То были почтенные старцы, и отецъ постоянно подчеркивалъ свое уваженіе къ нимъ. И когда въ 1905—1906 гг. мнѣ пришлось участвовать — рассказываетъ И. В.—въ комитетѣ поданія помощи пострадавшимъ во время октябрьскаго погрома въ Кіевѣ,—образъ одного изъ посѣтителей отца, Абрума, его обликъ, длинная, сѣдая борода, величавыя движенія—все это вдругъ и съ поразительною живостью воскресло передо мною, когда одинъ изъ членовъ комитета, сѣдой еврей, на просьбу одного рабочаго, *участвовавшего въ погромѣ*, категорически заявилъ, что онъ подастъ голосъ за выдачуему пособія, ибо пособія должны даваться и эллину, и іудею, безразлично, разъ есть на лицо страданіе. Я протестовалъ, но еврей настоялъ на своемъ, и выдача состоялась». Эти столь живучія впечатлѣнія дѣтства были связаны у И. В. не только съ евреями, но и съ поляками; онъ былъ со многими изъ нихъ, погибшими впоследствии въ 1863 г., въ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ. «Вообще о національной исключительности, о человѣконенавистническихъ тенденціяхъ тогда не было и помину, и семья, и гимназія воспитывали меня въ иныхъ чувствахъ,—и въ книгѣ Шлоссера я находилъ отзвукъ того же, его исторія учила тому же».

Увлеченіе исторіей было полное, математика и все прочее было заброшено. И. В. поглощалъ книги по исторіи одну за другою, читалъ и труды по политической экономіи, «особенно тѣ, въ которыхъ затрогивались историческіе вопросы». Въ концѣ 1861 г. И. В. переходитъ въ 1-ю кіевскую гимназію (въ тотъ же 7-ой классъ) и умудряется одновременно и готовится къ концу курса, и слушать (контрабандою) лекціи В. Шульгина въ университетѣ. «Онъ читалъ въ послѣдній разъ въ университетѣ, и его лекціи произвели на меня огромное впечатлѣніе—, рассказываетъ И. В.—Онъ подробно излагалъ исторію античныхъ политическихъ учреждений, это захватывало меня всецѣло, открывало новые горизонты, новыя точки зрѣнія на историческое развитіе человѣчества. Этотъ курсъ былъ несамостоятеленъ, конечно, но излагалъ его профессоръ хорошо».

Но вотъ, гимназія окончена, и И. В. вошелъ въ кіевскій университетъ уже полноправнымъ студентомъ, съ самыми розовыми надеждами. Однако, ожиданія не оправдались. Шульгинъ какъ разъ ушелъ (по личнымъ мотивамъ; совѣтъ хотѣлъ его вернуть,

по факультетъ воспротивился); вообще же, «факультетъ представлялъ собою картину полнаго разложенія; профессоровъ было мало, всего два классика, одинъ историкъ, одинъ славистъ, одинъ философъ да одинъ историкъ русской литературы». Это прозябаніе продолжалось еще годы и годы, такъ что не хватало кворума для экзамена магистрантовъ и, напр., нѣсколько лѣтъ спустя Драгоманову пришлось для экзамена съѣздить въ Одессу. Чтеніе лекцій и по всеобщей, и по русской исторіи храбро взялъ на себя С., вышедшій изъ Педагогическаго института и написавшій единственную небольшую (справедливо забытую теперь) книжку «Значеніе среднихъ вѣковъ». Студенты его не уважали, рассказывали о немъ, что онъ при посѣщеніи одной его лекціи министромъ Норовымъ, цѣлый часъ доказывалъ, что республика въ Римѣ не существовала, и что выдумали ее революціонеры. Лекціи его не имѣли ничего общаго съ наукою, онъ рассказывалъ студентамъ сомнительные анекдоты о Францискѣ I, Людовикахъ XIV и XV и т. п. О какомъ бы то ни было руководствѣ занятіями студентовъ и рѣчи быть не могло. Зато И. В. увлекался въ эти года Гервинусомъ и другими историческими трудами, а вмѣстѣ съ тѣмъ Бюхнеромъ, Молешоттомъ Фейербахомъ (вся эта запретная или полузапретная литература добывалась имъ отъ одной группы студентовъ духовной академіи, такъ же какъ «Колоколъ», и сочиненія Кельсиева и т. п.). Плохъ былъ факультетъ, но зато хороша была устроенная по инициативѣ Пирогова очень богатая и доступная студенческая библіотека, управлявшаяся, по желанію Пирогова, самими же студентами.—А читать приходилось и по другимъ наукамъ очень много, такъ какъ и прочія кафедры ровно ничего слушателямъ не давали. Славянскія древности читались *буквально* по печатной книгѣ Шафарика. По исторіи русской литературы проф. Селвинъ пробавлялся только фразами вродѣ нижеслѣдующей: «ода XVIII столѣтія есть пѣнящаяся чаша, выпитая въ честь великаго преобразователя», «Сумароковъ—свѣтильникъ російскаго Парнаса», «пашествіе 12-го года—есть поѣздъ желѣзной дороги, мчащійся на всѣхъ парахъ въ сердце Россіи» и т. п. И все это требовалось въ полной точности повторять на экзаменѣ, подъ страхомъ провала. Въ томъ же родѣ обстоило дѣло съ философіей. «Насъ убѣждали, что душа—есть, ибо иначе мы бы чувствовали и сознавали всѣ процессы наши, напр. пищевареніе»; «Любка не одобряли, и профессоръ выражался о немъ такъ: *онъ былъ бы философомъ, если бы признавалъ апріорныя идеи*». Но все-таки у этого профессора были знанія. Отталкивала отъ него студентовъ его постоянная уклончивость, его двоедушіе; онъ не оставилъ послѣ себя ни одного ученика.

такъ какъ не любилъ окружать себя способными людьми. При этихъ условіяхъ вліяніе профессоровъ на студентовъ, естественно, сводилось къ нулю, хотя отношенія были мирныя и даже, со стороны профессоровъ—предупредительныя: студентовъ звали на журъ-фиксы, охотно принимали у себя. Если студентъ хотѣлъ работать, то онъ долженъ былъ полагаться исключительно на себя, разыскивать нужную литературу по библіографическимъ обзорамъ и каталогамъ,—и во всякомъ случаѣ обращаться къ профессору было довольно бесполезно. Самыя занятія, чтеніе—иногда зна-комившее съ серьезными трудами, расширявшее горизонты—все это было отмѣчено печатью случайности, какое бы то ни было руководство—отсутствовало. «Понялъ я это,—говоритъ И. В.—въ первый же годъ, когда я кидался отъ одного сюжета къ другому, прочитывая массу разнаго рода книгъ и по всеобщей, и по русской исторіи. Отчаявшись въ возможности найти руководителя работъ, я, пользуясь еще существовавшимъ правомъ сходокъ, рѣшилъ выставить объявленіе и созвать студентовъ-историковъ для обсу-жденія вопроса о нашихъ занятіяхъ. Сходка состоялась. Я изложилъ положеніе дѣлъ въ факультетѣ, отсутствіе профессора по новой и русской исторіи и предложилъ обратиться къ факуль-тету съ просьбою избрать на каѳедру русской исторіи Костомаро-ва. Кандидата по новой исторіи тогда не было ни единого». Пред-ложеніе было принято единогласно, и сходка сообщила о немъ факультету. Факультетъ *согласился*, и—нѣсколько позже—Ко-стомаровъ былъ избранъ на каѳедру русской исторіи, но мини-стерство не утвердило его. Тогда явился новый кандидатъ, нѣкто Добряковъ, пріѣхавшій изъ Петербурга и представив-шій въ виду этой цѣли магистерскую диссертацию «Русская женщина въ удѣльно - вѣчевой періодъ», а одновременно на каѳедру новой исторіи явился Авсеѣнко, представившій про-venia legendi небольшую и вполне компилятивную работу о по-ходѣ Карла VIII въ Италію. Его вступительная лекція оказалась крайне слабою, и на новой сходкѣ рѣшено было не посѣщать его лекцій. Та же сходка, мало довѣряя факультету, возмoжила на юнаго И. В. разборъ книги Добрякова. Этотъ разборъ И. В. и напечаталъ, въ видѣ двухъ критическихъ фельетоновъ, въ «Кіевлянинѣ», въ іюнѣ 1863 года. Это былъ первый литературный опытъ восемнадцатилѣтняго студента, только что перешедшаго на 2-ой курсъ. Разборъ обнаруживалъ всю слабость книги Доб-рякова.—На каѳедру онъ не попалъ. И такъ, пришлось до конца курса работать безъ тѣни какого бы то ни было руководства. Но въ зиму 1863 г. въ умственной жизни И. В. произошла одна изъ тѣхъ «встрѣчъ», которыя откладываютъ отпечатокъ на всю

дальнѣйшую дѣятельность человѣка. Совершенно случайно, ища пособій для подготовки къ полукурсовому экзамену по философіи, молодой студентъ натолкнулся на книгу подъ названіемъ Cours de philosophie positive неизвѣстнаго ему до тѣхъ поръ автора—Огюста Конта. Онъ началъ съ 4-го тома (читалъ онъ на французскомъ и нѣмецкомъ уже тогда свободно, а Контъ еще тогда не былъ подъ запретомъ и выдавался для чтенія). Контъ далъ ему то, въ чемъ И. В. ощущалъ наибольшую нужду: методологическія указанія для изученія въ широкомъ масштабѣ историческихъ явленій, а не одного только метода исторической критики, который давали ему Гервинусъ, Дройзенъ и другіе, до той поры интересовавшіе его авторы. Мало того, Контъ могущественно повліялъ на выработку всего философско-научнаго міросозерцанія И. В. Въ частности, рѣзко отрицательное отношеніе ко всякой нетерпимости, къ притязаніямъ на господство надъ совѣстью укрѣпилось въ немъ подъ прямымъ вліяніемъ Конта. «Эта сфера,—разсказываетъ онъ—болѣе поглощала, болѣе занимала насъ, поколѣніе начала 60-хъ гг., нежели, напр., вопросы чисто политическіе». Эти вопросы пришли позже.

Увлеченіе Кснтомъ опредѣлено сказалось и на чисто-научныхъ интересахъ И. В. На первомъ планѣ для него стало изученіе исторіи мысли и мнѣній, исторіи религіозныхъ движеній. Поэтому, когда факультетъ объявилъ медальную тему о вліяніи Византіи на Европу и Россію, то онъ съ жаромъ взялся за этотъ трудъ, ограничивши тему разсмотрѣніемъ вліянія Византіи на умственную жизнь Европы, на развитіе отдѣльныхъ наукъ и т. п. Медали онъ не получилъ, и работа была признана весьма неблагонадежной. Эта работа привела его къ изученію религіозныхъ движеній въ Европѣ вообще,—и въ частности, движеній XVI столѣтія. Въ 1866 г. онъ окончилъ университетъ и былъ оставленъ на два года стипендіатомъ для приготовленія къ профессурѣ. Уже въ 1868 г. онъ выдержалъ магистрантскій экзаменъ, и всецѣло отдался разработкѣ темы, которую онъ намѣтилъ еще тотчасъ по окончаніи университета. Его заинтересовали судьбы кальвинизма во Франціи въ XVI в. Печатные источники были въ библіотекѣ университета налицо въ большемъ количествѣ, а кое-что И. В. нашелъ въ петербургской Публичной библіотекѣ, куда отправился со специальною цѣлью пополнить матеріаль. Въ Публичной библіотекѣ, по указанію Костомарова, онъ нашелъ даже нѣкоторыя рукописи, очень ему пригодившіяся (переписку нѣкоторыхъ современниковъ религіозныхъ войнъ XVI вѣка). Результатомъ почти четырехлѣтней напряженной работы были книги: «Аристократія и буржуазія на югѣ Франціи» (СПб. 1870)

И. В. Лучицкий,

и диссертация на степень магистра: «Феодальная реакція во Франціи XVI в.» (Кіевъ 1871). Въ томъ же году И. В. прочелъ (и выпустилъ затѣмъ въ печати) двѣ пробныя лекціи «Мишель Лопиталь, къ исторіи идеи вѣротерпимости» и «Генераль Монкъ» (Кіевъ 1871). О магистерской диссертациі тогда же были даны лестные отзывы во французской печати. Между молодымъ ученымъ и французскимъ обществомъ, специально изучающимъ исторію протестантизма (Société de l'histoire du protestantisme) завязались сношенія: предсѣдатель общества какъ разъ зналъ русскій языкъ и далъ въ журналѣ общества подробный отчетъ о ней. обстоятельный отзывъ далъ о ней и Альфредъ Мори въ *Journal des savants* (тотъ же Мори познакомилъ спустя нѣсколько лѣтъ французскую публику съ книгою Н. И. Карѣва о крестьянахъ въ XVIII в.). Въ Россіи о книгѣ И. В. далъ отзывъ между прочимъ К. К. Арсеньевъ въ «Вѣстникѣ Европы» за 1872.

Защитавши диссертацию въ Казани, въ октябрѣ 1871 г., И. В. получилъ заграничную командировку на 2 года (впоследствии продолженную еще на одинъ годъ) и уѣхалъ во Францію. Онъ рѣшилъ дальше углубиться въ изученіе исторіи Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ и особенно пристально заняться наименѣ разработанными сторонами исторіи кальвинизма—его отношеніями къ политическимъ силамъ страны, его собственной политической организаціею. Прежде всего, конечно, онъ устремился къ сокровищамъ Національнаго архива и рукописнаго отдѣла Національной бібліотеки, но то, что онъ тамъ нашелъ, мало его удовлетворило. Исторія кальвинизма поситъ рѣзко выраженный областной отпечатокъ; въ частности, югъ Франціи сохранилъ много документальныхъ сказаній о XVI вѣкѣ. Поэтому молодой изслѣдователь посѣдшилъ въ Гренобль, оттуда въ Нимъ, Тулузу, Монтобанъ и другіе провинціальныя центры юга, архивы которыхъ блестяще оправдали всѣ возлагавшіяся на нихъ надежды. И. В. удалось добыть большой матеріалъ для характеристики чисто теократическихъ стремленій пасторовъ, ихъ политики, направленной къ полному, политическому порабоженію паствы. Не мало данныхъ собралъ онъ и для исторіи политическаго вліянія кальвинизма на исторію Франціи вообще. Онъ нашелъ цѣлый рядъ протоколовъ политическихъ сѣздовъ и собраній пасторовъ, какіе до него были совершенно неизвѣстны французскимъ историкамъ; достаточно сказать, что даже такой историкъ какъ D. Vaissette ничего не зналъ о многихъ изъ этихъ документовъ. Въ частности, И. В. первый открылъ (въ архивѣ Монтобана) протоколы засѣданій церковныхъ консисторій, позволившіе ему вскрыть глубоко знаменательную борьбу кальвинистской церкви

съ кальвинистскими же свѣтскими властями, пасторовъ съ дворянскою знатью. Полный списокъ всѣхъ политическихъ собраній И. В. напечаталъ въ *Bulletin de l'Histoire du protestantisme français*, вмѣстѣ съ неизвѣстными до тѣхъ поръ протоколами засѣданій консисторій въ 60-хъ гг. XVI столѣтія. Почти одновременно И. В. напечаталъ въ томъ же *Bulletin* и раньше найденную имъ въ Петербургской Публичной библіотекѣ и отчасти использованную для магистерской диссертациі переписку, относящуюся къ первымъ годамъ послѣ Варфоломеевской ночи. Эти документы выпущены были затѣмъ и отдѣльнымъ изданіемъ (*les documents inedits pour servir a l'histoire de la reforme en France*. Paris 1872). Тогда же онъ напечаталъ въ *Revue historique* рядъ писемъ кардинала д'Арманьяка, Маргариты Наваррской и др. Не довольствуясь французскими архивами И. В. пополнилъ найденныя тамъ данныя изысканіями, произведенными въ германскихъ библіотекахъ и архивахъ (въ Гейдельбергѣ, Лейпцигѣ и др.), и, отчасти, въ Италіи (главнымъ образомъ во Флоренціи). Во Флоренціи И. В. помимо главнаго предмета своихъ занятій увлекался также исторіей великой республики, особенно социальными и политическими движеніями (въ родѣ возстанія сіомпі или позднѣйшаго движенія, связаннаго съ именемъ Франческо Феруччи; матеріалъ, который онъ собралъ здѣсь относительно Феруччи, былъ имъ впоследствии переданъ въ распоряженіе ученика его Пискорскаго, впоследствии, казанскаго профессора, недавно трагически погибшаго).

Но богато одаренной натурѣ И. В. всегда было свойственно увлекаться не только любимой наукою, для которой онъ такъ много дѣлалъ и сдѣлалъ, но и окружавшею его жизнью, политическою и культурною дѣйствительностью. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ въ 1872 г., когда еще далеко не улеглись страсти, возбужденныя военнымъ разгромомъ Франціи и кровавымъ усмирениемъ коммунаровъ. Мнѣ жаль, что я не могу подробно передать въ этой краткой замѣткѣ необычайно яркіе рассказы И. В. о людяхъ и дѣлахъ, о встрѣчахъ и впечатлѣніяхъ, какія навсегда остались въ его памяти связанными съ этимъ первымъ трехгодичнымъ пребываніемъ во Франціи; еще болѣе жаль, конечно, что самъ И. В. до сихъ поръ пренебрегаетъ настойчивыми совѣтами и моими, и другихъ близкихъ ему людей написать подробно свои воспоминанія хоть объ этомъ одномъ періодѣ своей жизни. Знакомство съ Вырубовымъ и съ Литтре открыло ему возможность войти въ круги лицъ, близкихъ къ позитивизму; въ этомъ кругу вращались многіе весьма замѣтные дѣятели стараго и молодого поколѣній французскихъ республиканцевъ. Встрѣчался здѣсь И. В.

и съ людьми, пережившими 48-ой годъ, спасшимися обломками великаго крушенія 2-го декабря, гонимыми жертвами второй имперіи; познакомился онъ со старикомъ Луи-Бланомъ, съ Альберомъ, съ Барни, Арну, со многими изгнанниками, только послѣ паденія Наполеона III получившими возможность вернуться на родину; впервые увидѣлъ онъ здѣсь и болѣе молодое поколѣніе—Гамбетту, Бриссона, Клемансо и другихъ, менѣе прославившихся впослѣдствіи, но все же видныхъ членовъ республиканской партіи. Французскіе знакомые поставили И. В. въ курсъ событій и закулисныхъ теченій тогдашней политической жизни, и онъ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ за ходомъ упорной борьбы только что народившейся третьей республики за собственное существованіе. Борьба партій очень его занимала, и онъ часто ѣздилъ въ Версаль, на засѣданія Національнаго Собранія. Русская учащаяся молодежь, которой уже тогда не мало было въ Парижѣ, заставила И. В. прочесть ей цѣлый «перипатетическій курсъ» новѣйшей исторіи Франціи: лекціи эти читались на тѣхъ самыхъ мѣстахъ Парижа, гдѣ происходили историческія событія—и съ особеннымъ интересомъ слушалось изложеніе исторіи трагическихъ дней недавней коммуны. А коммуны самъ лекторъ изучилъ по разсказамъ свидѣтелей шагъ за шагомъ, часъ за часомъ. По просьбѣ той же молодежи И. В. излагалъ имъ и философію Огюста Конта. Между прочимъ онъ много тогда встрѣчался и спорилъ съ покойнымъ Фойницкимъ, котораго, какъ говорить, «сворачивалъ въ позитивистскую вѣру», бродя съ нимъ до глубокой ночи по Парижу. (Именно по настояніямъ Ив. Васильевича Фойницкій занялся законодательствомъ о печати,—плодомъ чего явилась интересная работа въ «Сборникѣ Госуд. Знаній»). Еще съ осени 1872 г. И. В. былъ введенъ въ кружокъ, собиравшійся у Вефюра и насчитывавшій въ числѣ своихъ сочленовъ Тургенева, П. Л. Лаврова и др. Члены кружка тотчасъ же ввели И. В. въ составъ сотрудниковъ журнала «Знаніе»,—и вскорѣ И. В. напечаталъ въ этомъ журналѣ рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ: «Исторія скептической мысли въ Зап. Европѣ» (1873) рядъ разборовъ вновь вышедшихъ работъ по соціологіи и исторіи, рецензій и т. д. Въ скитаніяхъ И. В. въ видахъ изученія тогдашней Франціи громадную пользу, по его признанію, принесло ему знакомство съ извѣстнымъ дѣятелемъ Унковскимъ и, особенно, съ Глѣбомъ Успенскимъ. «Его наблюдательность, рѣдко встрѣчающаяся въ такой степени, живость, неутомимая жажда изучить доподлинно жизнь страны до самаго дна—все это дѣлало его совершенно незамѣнимымъ спутникомъ, и помогло мнѣ глубже понимать совершавшееся вокругъ», разсказывалъ И. В. Между прочимъ

они вмѣстѣ присутствовали на нѣсколькихъ засѣданіяхъ версальскаго военнаго суда, судившаго плѣнныхъ комунаровъ: Глѣбъ Успенскій разсказалъ впослѣдствіи въ печати объ одномъ изъ такихъ посѣщеній. И. В. всегда поражался однимъ обстоятельствомъ: стоило имъ съ Успенскимъ явиться куда нибудь, гдѣ собиралось простонародіе или близкіе къ простому люду слои,—и Глѣбъ Ивановичъ почти тотчасъ же становился центромъ и душою общества, хотя почти не говорилъ по-французски.

Научныя занятія сблизили И. В. и съ другою группою людей. Желая ознакомиться съ ходомъ и характеромъ практическихъ занятій по исторіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Франціи, И. В. посѣщалъ Ecole des chartes и Ecole des Hautes etudes. Онъ очень сошелся съ директоромъ Ecoles des chartes извѣстнымъ медіевистомъ Кишера (Quicherat), который очень его утѣшилъ, когда И. В. сталъ жаловаться на то, что былъ лишенъ съ самаго начала какого-либо научнаго руководства: «и тѣмъ лучше,—возразилъ Кишера,—чѣмъ меньше руководства, переходящаго нерѣдко въ опеканіе, тѣмъ больше простора для мысли, для самостоятельной работы, тѣмъ оригинальнѣе мысль и тѣмъ больше есть шансовъ оставить свой слѣдъ въ наукѣ». Кромѣ Кишера, сильное и глубокое впечатлѣніе произвелъ на И. В. систематическій и глубокій умъ Поля Мейера; его остроумныя обобщенія, крайнѣ оригинально формулируемыя политическія мнѣнія—все это очень интересовало и привлекало. Очень близко сошелся тогда же И. В. съ Габріелемъ Моно, зятемъ Герцена, руководителемъ семинарія въ Ecole des Hautes etudes. У Моно познакомился онъ съ Артюромъ Жири и Огюстомъ Молинье, которые сдѣлались вскорѣ самыми близкими друзьями И. В., помогавшими ему въ работѣ, поддерживавшими его энергію, дѣлившимися съ нимъ своими мыслями и знаніями.

Въ концѣ лѣта 1874 г. въ судьбѣ И. В. произошла перемѣна: онъ получилъ извѣстіе объ избраніи доцентомъ по кафедрѣ всеобщей исторіи въ Кіевѣ. Онъ долженъ былъ проститься со своими русскими и французскими друзьями и вернуться въ Кіевъ—начать чтеніе лекцій. Для пополненія матеріаловъ по докторской диссертациі И. В. пришлось еще дважды съѣздить въ Парижъ въ 1875 и въ 1876 гг. Обработка матеріаловъ и чтеніе лекцій поглощали почти все время; все же И. В. удалось урывать немногіе часы для сотрудничества въ «Знаніи» и участія въ газетѣ «Кіевскій Телеграфъ», въ редакціи которой состояли тогда Драгомановъ, Зиберъ, Беренштамъ и др. Докторская диссертациія вышла въ свѣтъ въ 1877 году; еще раньше отдѣльными томомъ появились документы—приложеніе къ диссертациі. Въ мартѣ 1877 г.

И. В. защитилъ ее въ петербургскомъ университетѣ и получилъ степень доктора.

Книги Лучицкаго по исторіи французскаго XVI вѣка являются, по моему убѣжденію, образцомъ того, какъ должно подходить къ исторіи религіозныхъ движеній, вскрывать ихъ сущность, анализировать стоящія за ними силы. Безъ его двухъ диссертаций очень трудно усвоить себѣ реально и отчетливо социальнополитическій смыслъ жестокихъ коллизій реформаціоннаго вѣка во Франціи. Послѣ велерѣчивыхъ книгъ Мишле, послѣ конфессіональной полемики, облеченной въ форму историческихъ изслѣдованій и составлявшей, въ сущности, главное содержаніе исторіографіи французской реформы, книги Лучицкаго были струею свѣжаго воздуха, проникшей въ затхое помѣщеніе, онѣ давали реальное, научное объясненіе всей «героической» эпохѣ политическихъ выступленій гугенотовъ и отпора, даннаго имъ католическою реакціею. Все это особенно характерно именно потому, что, вѣдь, приступая къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ И. В. былъ, какъ уже сказано, весьма увлеченъ именно представленіемъ о силѣ идеи, умственныхъ и нравственныхъ теченій, объ ихъ чуть ли не руководящей роли въ исторіи человечества. Но широкій кругозоръ, прирожденный реализмъ и отчетливость мышленія—помогли И. В. не упустить изъ вида той социальнополитической почвы, на которой разыгрались религіозныя войны XVI вѣка.

Почти тотчасъ же послѣ полученія докторской степени И. В. былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ Кіевскаго университета. Теперь ему приходилось дѣйствовать на болѣе широкой аренѣ, нежели до сихъ поръ,—въ качествѣ члена совѣта. Времена онъ засталъ уже не такія, какія помнилъ по собственному студенчеству. Отношенія между профессорами и студентами сдѣлались несравненно болѣе сухими и холодными, официальными, нежели прежде. Открытыхъ дверей для студентовъ у профессуры уже не было. Да и вообще, новый воздухъ повѣялъ. У студентовъ отняты были ихъ читальня и библіотека, созданныя Пироговымъ и такъ скрашивавшія студенческое существованіе; уничтожена была и студенческая касса взаимопомощи. И. В. и его коллега по кафедрѣ Драгомановъ держались прежнихъ традицій и общеніе между ними и студентами никогда не порывалось. По просьбѣ студентовъ И. В. открылъ для нихъ на дому спеціальныя курсы объ Огюстѣ Контѣ и Спенсерѣ. Это вызвало не мало запоздываній и непріятностей, но курсы удалось довести до конца.

Жизнь въ университетскомъ совѣтѣ была въ тѣ времена далеко неспокойная. Профессора умудрялись ссориться между

собою не только въ совѣтѣ, но и въ другихъ учрежденіяхъ, гдѣ почему либо встрѣчались, напр., въ городской думѣ. Понемногу въ совѣтѣ образовалось группа меньшинства, отрицательно относившаяся къ слишкомъ практической, дѣловой дѣятельности своихъ коллегъ внѣ университета. Къ этому меньшинству принадлежалъ и И. В. Борьба была длительная и тяжелая. При искренности и горячности темперамента И. В. сразу же его положеніе въ совѣтѣ сдѣлалось въ высокой степени непріятнымъ, иногда даже прямо невыносимымъ. Маленькая кучка соратниковъ таяла. Вообще, университетъ лишился въ это время цѣнныхъ силъ. Уѣхалъ Драгомановъ, ушелъ изъ Кіева Зиберъ. Въ 1878 г. разыгралась студенческая исторія, изъ-за ареста одного больного и рѣшительно ни въ чемъ неповиннаго студента. (Онъ, кстати, сдѣлался впослѣдствіи прокуроромъ). Студенты обратились къ ректору, онъ ихъ направилъ къ генераль-губернатору и начались волненія, затѣмъ университетскій судъ, приговорившій часть къ исключенію, а другихъ къ временному удаленію. Рѣшеніе этого суда долженъ былъ санкціонировать совѣтъ университета. И. В., на совѣтѣ высказался крайне отрицательно о рѣшеніи суда, но былъ поддержанъ всего тремя коллегами (одинъ изъ нихъ былъ теперь уже покойный *Θ. Я. Фортинскій*). И. В. подалъ особое мнѣніе, которое, несмотря на рѣзкія настоянія со стороны совѣтскаго большинства, отказался взять обратно. Впослѣдствіи И. В. дважды проваливался при баллотировкѣ изъ экстраординарныхъ въ ординарные профессора. Ординатуру онъ получилъ значительно позже (въ 1887 г.), когда уже для этого не требовалась, согласно уставу 1884 г., баллотировка. Вообще же, министерство довольно скоро ликвидировало происшедшую исторію, принявши обратно исключенныхъ. Хуже пришлось студентамъ, высланнымъ въ административномъ порядкѣ, но и они чрезъ два года при Лорисъ-Меликовѣ были возвращены въ университетъ. Грустиѣ всего было то, что, несмотря на всѣ усилія И. В. невозможно было оставить при университетѣ одного изъ пострадавшихъ И. В. Молчановскаго, высокоталантливаго человѣка, автора исторіи реформы цеховъ въ Пруссіи и др. работъ. Онъ долженъ былъ отказаться отъ манившей его научной карьеры и поступить на службу (Молчановскій, будучи еще въ цвѣтѣ силъ, умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ).

Съ конца 70-хъ гг. И. В. не мало сотрудничалъ въ ежедневной печати и въ журналахъ, но тянуло его и къ общественной дѣятельности. Онъ попалъ въ городскую думу и примкнулъ тамъ къ прогрессивной оппозиціи, которая и въ думѣ оказалась столь же малочисленной и почти безсильной, какъ и въ совѣтѣ универ-

ситета. Когда въ апрѣлѣ 1879 г. былъ предложенъ думѣ проектъ адреса съ самыми сдержанными пожеланіями дальнѣйшихъ реформъ государственнаго строя (проектъ адреса былъ составленъ однимъ гласнымъ—священникомъ, впослѣдствіи епископомъ), то за него встало всего 11 человѣкъ изъ 72. Больше удовлетворенія давало земство: И. В. былъ почти тогда же избранъ и уѣзднымъ (отъ Золотоношскаго у.), и губернскимъ гласнымъ, а впослѣдствіе почетнымъ мировымъ судьей. Много души вкладывалъ И. В. также и въ преподавательскую работу на существовавшихъ тогда въ Кіевѣ высшихъ женскихъ курсахъ (впослѣдствіе закрытыхъ).

Къ концу 70-хъ и началу 80-хъ гг. центръ научныхъ интересовъ И. В. рѣзко и рѣшительно перемѣщается: экономическая исторія начинаетъ поглощать почти все его вниманіе. Движеніе въ исторической наукѣ, связанное въ Англіи съ именемъ Роджерса, въ Германіи съ именами Маркса и Шмоллера и приведшее къ большому оживленію интереса къ экономической исторіи, нашло въ И. В. убѣжденнаго сторонника и послѣдователя. Это какъ разъ совпало съ временемъ когда И. В., въ качествѣ земскаго дѣятеля, къ тому же проводившаго нѣсколько мѣсяцевъ ежегодно въ деревнѣ, ближе присмотрѣлся къ матеріальному быту крестьянства, его тяготамъ, нуждамъ и неурядицамъ. Случайное показаніе въ судѣ по одному дѣлу, при разборѣ котораго И. В. присутствовалъ, заставило его изучить земельные порядки Малороссіи, въ частности въ казачьихъ селахъ. И. В. заинтересовался ясными слѣдами общиннаго землепользованія, и въ журналѣ «Устои» за 1882 г. далъ статью о земельныхъ порядкахъ въ Полтавщинѣ и вообще, въ Малороссіи (эта работа была потомъ дополнена и перепечатана въ «Земскомъ обзорѣ» Полтавской губерніи за 1883 годъ). Но, какъ настоящаго историка, И. В. ничуть не менѣе интересовала задача прослѣдить судьбы малороссійскаго землевладѣнія и его формъ въ прошломъ, въ ихъ эволюціи. Это стало въ его глазахъ неотложной задачей. Онъ обратился къ систематическому изученію Румянцевской описи, этого кореннаго источника по социально-экономической исторіи Малороссіи въ новое время. Результатомъ былъ рядъ въ высшей степени важныхъ работъ, съ которыми считались дальнѣйшіе изслѣдователи, и которыя привлекли къ себѣ всеобщее вниманіе богатствомъ новыхъ данныхъ и методомъ ихъ обработки. Въ «Отечеств. Запискахъ» за 1882 г. появилась его статья «Слѣды общиннаго землевладѣнія въ Малороссіи», затѣмъ онъ издалъ въ 1883 г. таблицы земельныхъ владѣній казачьихъ по Золотоношской сотнѣ, издалъ (въ 1885 г.) сборникъ документовъ по исторіи общиннаго земле-

владѣнія въ Лѣвобережной Украинѣ, написалъ (по архивнымъ же документамъ) статьи о сельской общинѣ и духовенствѣ въ Малороссіи, о «Сябрахъ и сябринномъ землевладѣніи» (1889 г.), о «Заимкахъ и заимочномъ владѣніи» (въ Московскомъ «Юридическомъ вѣстникѣ»),—и много статей, критическихъ разборовъ, замѣтокъ въ «Кіевской Старинѣ». Вообще, русская историческая наука должна добромъ помянуть этотъ превосходный журналъ, а въ частности, большое значеніе имѣлъ онъ въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ. Для ученыхъ, которые его издавали и въ немъ писали, этотъ журналъ былъ любимымъ дѣтищемъ, какъ бы знаменемъ изученія родной старины. Извѣстны общія матеріальныя условія изданія у насъ научныхъ органовъ: «Кіевская Старина» требовала жертвъ, требовала часто дарового или мало вознаграждаемаго труда—и ея редакторы и сотрудники съ полною готовностью на это шли. Н. И. Лазаревскій, В. И. Науменко, И. В. Лучицкій, Н. В. Молчановскій, В. Беренштамъ нѣсколько позже Н. П. Василенко, Е. А. Кивлицкій—вотъ кружокъ, который успѣлъ привлечь къ «Кіевской Старинѣ» не мало свѣжихъ и цѣнныхъ силъ, который былъ долгое время душою этого журнала. Это было идейное предпріятіе высокой культурной и научной цѣнности,—и И. В. всегда былъ къ нему счѣнъ близокъ.

Съ Малороссійскою соціально-экономическою старинною и своими, и чужими изслѣдованіями въ этой области И. В. познакомилъ также европейскій ученый міръ. Въ засѣданіи парижскаго «Соціологическаго общества» въ 1903 г. онъ прочелъ докладъ о процессѣ формированія сословій въ Малороссіи,—и этотъ докладъ изданъ былъ отдѣльною брошюрою. Статьи о сябрахъ и о заимкѣ были напечатаны въ «Revue de Sociologie» (1897) и въ «Jahrbucher» Шмоллера. Но пачатые изслѣдованія малороссійскаго экономическаго прошлаго шли параллельно съ интенсивною работою надъ западноевропейскою экономической исторіей,—и постепенно эта работа стала требовать отъ И. В. всего вниманія и всего времени.

Съ конца 70-хъ гг. онъ читалъ въ университетѣ курсъ исторіи земельныхъ отношеній на западѣ Европы,—и только небольшую часть его онъ напечаталъ въ видѣ «Исторіи крестьянской реформы въ зап. Европѣ» и, затѣмъ, въ видѣ обширныхъ добавленій къ «Исторіи новаго времени» Зеворта. Но его все менѣе и менѣе удовлетворяло то, что было налицо въ литературѣ предмета: пробѣловъ оказывалось несравнено больше, нежели прочныхъ и несомнѣнныхъ результатовъ. Ни литература, ни, даже, изданные источники, касавшіеся исторіи крестьянъ и крестьянскаго землевладѣнія въ Германіи, въ Англіи, во Франціи—не давали

отвѣта на цѣлый рядъ вопросовъ. Уже въ 1882 г. И. В. работалъ въ архивахъ южной Франціи и Испаніи, изслѣдуя вопросъ объ общинныхъ земляхъ въ Пиренеяхъ, и зналъ съ тѣхъ поръ вполне опредѣленно о массѣ неразобранныхъ, иногда хаотически сваленныхъ рукописныхъ громадахъ, какія тамъ хранятся и, по всей видимости, имѣютъ прямое отношеніе къ исторіи землевладѣнія и крестьянскаго класса (эта поѣздка дала въ результатъ небольшое изслѣдованіе объ общинѣ въ Пиренеяхъ, напечатанное И. В. въ 1883 въ «Отеч. Запискахъ» и переведенное впоследствии въ 1897 г., въ журналѣ «la administracion» на испанскій языкъ). Но обстоятельства сложились такъ, что до начала 90-хъ гг. И. В. не могъ приняться за систематическое обслѣдованіе архивныхъ сокровищъ Франціи по интересующему его вопросу. Впрочемъ, 80-е годы были заполнены новыми и новыми трудами («Рабство и рабы во Флоренціи» 1885, «Рабство и рабы въ Руссильонѣ» 1886, о Роджерсѣ (1880, въ «Юридич. Вѣстн.») «Крестьяне и крестьянская реформа въ Даніи» 1890, «Крестьяне и крестьянская реформа въ Лифляндіи» 1891, «Вопросъ о населенности городовъ въ XIV—XV вв.» 1893, «Рабочее населеніе и экономическая политика германскихъ городовъ XV—XVI в.», 1894, «Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI в.» 1894 и. т. д.). Но съ начала 90-хъ гг. вниманіе И. В. все болѣе и болѣе сосредоточивается на одномъ вопросѣ.

Это былъ, такъ сказать, двуединый вопросъ, обѣ части проблемы были тѣсно связаны: каково было измѣненіе, внесенное Французскою революціею въ исторію крестьянскаго класса и въ социальный составъ землевладѣнія? Каково было, другими словами: 1) положеніе землевладѣнія до продажи національныхъ имуществъ и 2) какія послѣдствія имѣла продажа національныхъ имуществъ для французскаго землевладѣнія? Можно повторить компетентный отзывъ Н. И. Карѣева, что Лучицкій напоминаетъ другого иностранца—Артура Юнга—тоже изучившаго Францію конца XVIII в. такъ, какъ не изучилъ ее въ его время ни одинъ изъ французовъ; но то, что для Юнга было современностью, то для Лучицкаго было исторіею, которую нужно было выкапывать изъ архивовъ. Съ 1894 года начались постоянныя поѣздки И. В. по французскимъ архивамъ, съ цѣлью добыванія нужныхъ матеріаловъ—и до настоящаго времени они продолжаются, по нѣскольку мѣсяцевъ ежегодно, и только съ 1903 по 1908 г. былъ перерывъ въ этихъ научныхъ паломничествахъ. Такъ какъ мнѣ приходилось бывать въ нѣкоторыхъ изъ посѣщенныхъ И. В. архивовъ, то случайно я узналъ отъ архиваріусовъ, какъ онъ работаетъ: съ ранняго утра, за нѣсколько часовъ до официальной

наго открытія архивовъ, до поздняго вечера,—пользуясь любезностью архиваріусовъ и провинціальныхъ архивныхъ стражей, которые сначала изумлялись, а потомъ махнули рукою и стали его пускать въ любые часы. Это объяснило мнѣ тѣ колоссальныя количества выписокъ и копій, какія онъ постоянно привозилъ изъ своихъ экскурсій. По мѣрѣ хода работы, расширялся планъ изслѣдованія, а по мѣрѣ выхода отдѣльныхъ отчетовъ И. В. о его матеріалахъ и изслѣдованій—въ ученомъ мірѣ въ Россіи, Франціи, потомъ Германіи усиливался интересъ къ пересмотру установившихся мнѣній, предпринятому Лучицкимъ. Съ каждою поѣздкою, съ каждымъ расширеніемъ географическаго поля изслѣдованія старой Франціи, росла увѣренность И. В. 1) въ томъ, что крестьянское землевладѣніе было гораздо болѣе распространено въ до-революціонной Франціи, нежели это принято думать; 2) что «сила» дворянства предъ революціей заключалась не только и не столько въ обладаніи земельными имуществами, сколько въ томъ обстоятельстве, что феодальное право прочно держалось вплоть до революціи, мало того, что предъ самымъ началомъ революціи Франція пережила *обостреніе* реакціи въ этомъ смыслѣ 3) что продажа національныхъ имуществъ въ эпоху революціи пошла на пользу далеко не однимъ только скупщикамъ и крупной буржуазіи, но что крестьянское землевладѣніе въ весьма серьезной степени этого мѣрою воспользовалось и много отъ нея выиграло. Кромѣ этихъ выводовъ, И. В. добылъ цѣлый рядъ другихъ, примыкающихъ къ основнымъ положеніямъ и подкрѣпляющихъ ихъ. Я не буду на нихъ тутъ останавливаться, какъ бы ни были они важны сами по себѣ (напомню хотя бы указаніе И. В. на общую скудность свободныхъ капиталовъ во Франціи XVIII в., сильно препятствовавшую прогрессу въ агрономически-цѣлесообразномъ веденіи сельскаго хозяйства и т. п.). Замѣчу лишь, что постепенно эти взгляды И. В. прочно входятъ въ научный обиходъ,—и даже ученые, рѣшительно не соглашавшіеся съ ними, когда И. В. только началъ свое изслѣдованіе, теперь уже не стоятъ на столь непримиримой позиціи; а цѣлый рядъ выдающихся представителей науки (у насъ Карѣевъ, во Франціи Henri Sée, историкъ бретанскихъ крестьянъ,—Саньякъ, извѣстный авторъ «Гражданскаго законодательства во Франціи въ эпоху революціи», въ послѣднее время Оларъ и др.) вполне раздѣляютъ основныя положенія, высказанныя Лучицкимъ. Его изслѣдованіе объ области Ланнуа (по вопросу о распредѣленіи земельной собственности) вышло въ 1896 г., а въ 1897 г. было переведено разомъ на нѣмецкій и французскій языки; большое изслѣдованіе о Лимузенѣ («Крестьянская земельная собствен-

ность во Франціи, преимущественно въ Лимузенѣ») вышло въ свѣтъ въ 1900 г.; затѣмъ, рядъ новыхъ изслѣдованій легъ въ основу книжки «Les classes agricoles en France à la veille de la révolution» (1911 г.); совсѣмъ недавно (1912) вышла на французскомъ языкѣ книга о Лимузенѣ,—и въ началѣ 1913 г. книга о продажѣ національныхъ имуществъ («Quelques remarques sur la vente des biens nationaux»). Эти работы встрѣчались во Франціи съ неослабѣвающимъ интересомъ (выводы Лучицкаго цитировалъ въ 1897 г. Жоресъ съ трибуны палаты депутатовъ). Въ обильныхъ критическихъ отзывахъ, статьяхъ, замѣткахъ недостатка не было. За вышеназванную работу «La propriété paysanne» французская академія (моральныхъ и политическихъ наукъ) наградила И. В. присужденіемъ ему преміи Audiffred (въ 1913 году).

Эта кипучая научная дѣятельность, попрежнему, не мѣшала И. В. живо откликаться на запросы общественной жизни. Работа въ земствѣ, съ перерывами, продолжалась; широко развилась и дѣятельность его по развитію народно-просвѣтительныхъ учреждений въ Кіевѣ (особенно въ 90-хъ гг.; онъ, между прочимъ, весьма много содѣйствовалъ постройкѣ народнаго дома въ Кіевѣ); много работалъ онъ и въ качествѣ гласнаго городской думы: между прочимъ, по его предложенію, дума рѣшила выстроить для публичной бібліотеки особое зданіе (въ эту бібліотеку И. В. пожертвовалъ и свою собственную огромную бібліотеку). Съ конца 90-хъ гг. и въ началѣ 1900-хъ И. В. принималъ дѣятельное участіе въ организаціи публичныхъ лекцій въ Кіевѣ, а въ 1902 г. ему удалось добиться разрѣшенія вновь открыть нѣкогда существовавшіе въ Кіевѣ высшіе женскіе курсы; разрѣшеніе было дано Г. Э. Зенгеромъ, съ которымъ у И. В. были давнишнія хорошія отношенія.

Съ 1904 г. И. В. принимаетъ живое участіе въ политической жизни страны. Онъ участвуетъ въ сѣздахъ представителей земствъ и городовъ, редактируетъ газету «Отклики», затѣмъ «Свободу и право»; на первомъ городскомъ сѣздѣ 1905 г. вмѣстѣ съ А. А. Мануйловымъ выработалъ формулу политической резолюціи, принятой сѣздомъ. При выборахъ въ 1-ю Думу И. В. былъ избранъ выборщикомъ и намѣченъ кандидатомъ въ члены думы, но всему помѣшало привлеченіе его къ суду по 129 ст., какъ редактора газеты «Свобода и право». Депутатомъ ему суждено было стать лишь при выборахъ въ 3-ю Думу. Съ 1908 г. И. В. переѣхалъ въ Петербургъ. Въ свободное отъ Думы время онъ читалъ лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ, дѣятельно сотрудничалъ въ «Русскомъ Богатствѣ», съ редакціей котораго

его связывали и традиціонныя отношенія—со временъ П. Л. Лаврова и «Отечественныхъ Записокъ»,—и личная дружба съ В. А. Мякотиннымъ, который еще въ ранней молодости, собирая въ Кіевѣ огромный архивный матеріалъ, впоследствии легшій въ основу его капитальныхъ изслѣдованій соціальной исторіи Малороссіи въ XVIII в., пользовался совѣтами и указаніями И. В.; нѣсколько разъ выступалъ И. В. въ Спб. Историческомъ Обществѣ съ рефератами, въ которыхъ излагалъ результаты своихъ послѣднихъ архивныхъ изысканій.

Еще въ 1899 г. И. В. получилъ званіе заслуженнаго профессора кіевского университета; въ 1901 г. получилъ дипломъ почетнаго доктора университета Глазго; въ 1913 г., по предложенію Э. Д. Гримма и Н. И. Карѣва, избранъ почетнымъ членомъ петербургскаго университета.

Я окончилъ эту краткую замѣтку, а воспоминанія о томъ, что видѣлъ, и о томъ, что слышалъ отъ И. В. и объ И. В., такъ и влекутъ одно другое. Вспоминается и дѣятельное участіе его въ организации вмѣстѣ съ М. М. Ковалевскимъ русской высшей школы въ Парижѣ, вспоминается И. В. на кафедрѣ кіевского университета, гдѣ я его слушалъ, гдѣ подъ его руководствомъ началъ готовиться къ научной дѣятельности, вспоминается тотъ кіевскій кружокъ, который въ годы моего студенчества такъ сердечно привязанъ былъ къ И. В., вспоминается, какъ насъ всѣхъ, болѣе близкихъ къ нему, тянуло кстатѣ и некстатѣ, по приглашенію и безъ приглашенія—на Липки, въ ту сердечную и искреннюю атмосферу, которая всегда царила въ домѣ И. В. и Маріи Викторовны, жены его, извѣстной переводчицы и знатока скандинавскихъ писателей. Я говорю объ этомъ въ прошломъ времени только потому, что самъ не живу въ Кіевѣ; для тѣхъ, кто тамъ остался, все это—не воспоминанія, а живая дѣйствительность.

Вкладъ, сдѣланный Ив. Вас. въ науку, былъ великъ еще до того, какъ онъ приступилъ къ главному труду своей жизни, къ изслѣдованію французской аграрной исторіи XVIII вѣка; теперь этотъ вкладъ поистинѣ громаденъ. Какъ разъ съ 50-лѣтіемъ юбилея И. В. совпало празднованіе сорокалѣтія юбилея Н. И. Карѣва, тоже вписавшаго надолго свое имя въ исторію русской науки. Съ ихъ именами приходятъ въ голову еще два имени, ихъ сверстниковъ или почти сверстниковъ. — М. М. Ковалевскаго, П. Г. Виноградова; И. В. старше ихъ на нѣсколько лѣтъ, онъ старше и Н. И. Карѣва на пять лѣтъ, но всѣ четыре имени часто поминаются въ связи. Эти поколѣнія дали ученыхъ первой величины, работавшихъ и продолжающихъ работать, не

покладая рукъ, ученыхъ, обезпечившихъ признаніе русской исторической науки на Западѣ. У нихъ разные научные темпераменты, неоднородныя качества изслѣдовательнаго таланта, но много есть такихъ чертъ, которыя роднятъ ихъ. Одною изъ такихъ чертъ является ихъ отвращеніе къ какимъ бы то ни было философскимъ или религіознымъ предвзятостямъ, цѣлямъ, ско-вывающимъ свободное изслѣдованіе. Можетъ быть и много грѣховъ числится за позитивизмомъ семидесятыхъ годовъ, но умственные *навыки*—и именно историкамъ, хотя бы вовсе и не принявшимъ цѣликомъ этого міросозерцанія, а только подвергшимся въ той или иной мѣрѣ его вліянію—онъ давалъ хорошіе...

Пожелаемъ представителямъ этихъ поколѣній еще долго стоять на ихъ поистинѣ славныхъ постахъ. Пожелаемъ старшему изъ нихъ по возрасту И. В. Лучицкому еще многіе годы сохранять ту юношескую живость, которая такъ изумляетъ людей, когда они съ нимъ впервые встрѣчаются, но которая такъ знакома и такъ мила намъ, давно его знающимъ и давно его любящимъ.

Е. Тарле.

Пьетро Аретино и Возрожденіе.

Едва ли для какого-нибудь другого дѣятеля историческая наука сдѣлала такъ много, какъ для Аретино. За послѣднія тридцать лѣтъ была пересмотрѣна вся его біографія, выдвинута новая оцѣнка его личности, новый критическій взглядъ на его сочиненія. Аретино, такой, какимъ онъ представлялся старымъ біографамъ въ родѣ Маццукелли, старымъ критикамъ въ родѣ Женгене и какимъ его еще не такъ давно хотѣли представить на основаніи слѣпо принятыхъ данныхъ, такіе писатели, какъ Филаретъ Шаль, Готье, даже де-Санктисъ,—совсѣмъ не похожъ на Аретино, котораго обрисовали на основаніи изученія новыхъ матеріаловъ и болѣе внимательнаго пересмотра старыхъ, итальянскіе ученые: Алессандро Луціо, Синигалія, Бертани, Витторіо Росси, Артуро Графъ.

На русскомъ языкѣ вообще нѣтъ ни одной работы объ Аретино, если не считать главы въ переводной «Исторіи итальянской литературы» Гаспари. Между тѣмъ среди типовъ поздняго Возрожденія не много найдется такихъ своеобразныхъ и яркихъ, какъ онъ. Это одно, думается намъ, оправдываетъ появленіе этюда объ Аретино, въ основу котораго положенъ матеріалъ, собранный въ послѣднее время итальянцами.

I.

На одной изъ римскихъ улицъ издавна стоялъ античный обломокъ: безрукій торсъ. Изображалъ онъ по всей вѣроятности какого-нибудь бога, или героя, или мудреца. Никто не зналъ точно, кого. Противъ него помѣщалась школа одного скромнаго учителя: носившаго скромное имя: *maestro Pasquino* ¹⁾. За неимѣніемъ точнаго названія для статуи, ее стали называть по имени учителя. Въ 1501 году кардиналъ Оливьеро Караффа

¹⁾ Таково болѣе вѣроятное мнѣніе. Его принимаетъ Flamini («Il Cinquecento», 222—224). Другіе думаютъ, что историческій Пасквино былъ трактирщикъ или цирюльникъ.

велѣлъ снять статую и поставить ее на пьедесталь у самого угла своего роскошнаго палаццо въ Паріоне¹. Мѣсто было видное и людное, пьедесталь—широкій. Этого было достаточно, чтобы статуя Пасквино мало-по-малу сдѣлалась излюбленнымъ мѣстомъ приклеиванія сатирическихъ стиховъ: обычай, который былъ введенъ гуманистами еще въ XV вѣкѣ и широко практиковался въ Римѣ. Такъ, за безобиднымъ школьнымъ учителемъ мало-по-малу укрѣпилась репутація обличителя. Въ 1505 году установился ежегодный праздникъ новаго святого, не предусмотрѣнный католическимъ календаремъ: 25 апрѣля. Въ этотъ день безрукій торсъ украшался всячески, а пьедесталь его весь покрывался стихами. Но Пасквино не сдѣлался еще народнымъ типомъ, выразителемъ взглядовъ и сужденій широкихъ народныхъ круговъ вѣчнаго города. Для этого нужно было, чтобы нашелся человѣкъ, способный заставить народъ смотрѣть на вещи его глазами. Кромѣ того, нужно было, чтобы явился фактъ, способный обострить, довести до величайшаго напряженія интересъ народа къ общественнымъ дѣламъ. Въ концѣ 1521 года римскіе граждане получили и фактъ, и человѣка.

1 декабря умеръ папа Левъ X, послѣдній настоящій представитель Ренессанса на престолѣ св. Петра, сынъ Лоренцо Великолѣпнаго, унаслѣдовавшій отъ отца и любовь къ наукамъ, и страсть къ наслажденіямъ, понимавшій искусство, какъ рѣдкій изъ современниковъ, державшій при дворѣ монаховъ-шутовъ, обожавшій охоту, готовый забыть интересы всего христіанскаго міра за игрою въ карты. Римляне по-своему очень любили своего блестящаго государя и, конечно, не могли относиться безучастно къ тому, кто будетъ его преемникомъ. Былъ среди кардиналовъ одинъ, имя котораго, казалось, служило гарантіей, что будетъ продолжаться режимъ Льва X. То былъ Джуліо Медичи, сынъ брата Лоренцо, Джуліано, двоюродный братъ Льва X. Изъ всѣхъ кандидатовъ въ папы кардиналъ Медичи имѣлъ больше всего сторонниковъ въ римской народной массѣ.

Конклавъ между тѣмъ собрался и открылъ свои избирательныя совѣщанія. Слухи, которые доходили до публики, были темные. Борьба шла ожесточенная. Золото лилось рѣкою, и банкирамъ было по горло дѣла. Всѣ голоса доходили до конклава: императора и французскаго короля, Венеціи и Неаполя, Мантуи и Феррары, святѣйшей инквизиціи и римскихъ банкировъ. Только у народа не было пути въ конклавъ, потому что у него не было золота. А народу необходимо было сказать и свое слово,

¹⁾ Онъ и до сихъ поръ стоитъ тамъ, на углу *via Pasauino*, близъ *Piazza Agonale*.

по-своему оказать давленіе на кардиналовъ. Тогда именемъ народа заговорилъ маэстро Пасквино. И какъ заговорилъ! Онъ не стѣснялся формой и словомъ, пускалъ въ ходъ и элѣгантнѣйшій сарказмъ, и площадную насмѣшку, выставлялъ къ позорному столбу всѣхъ кардиналовъ, которые были ему неудобны, перечислялъ ежедневно съ возрастающей откровенностью всѣ ихъ пороки явные и тайные, издѣвался зло и безпощадно, поражалъ съ несокрушимой силой. Сонеты, прикрѣпленные къ Пасквино, немедленно разлетались по всему Риму, проникали всюду, декламировались въ салонахъ, распѣвались на улицахъ на какой-нибудь популярный мотивъ, своими разоблаченіями дѣлали невозможной сегодня одну, завтра другую кандидатуру.

Имя автора не составляло секрета. Оно было на всѣхъ устахъ. Римская богема, литературная и артистическая, довольно давно знала Пьетро Аретино. Лѣтъ за пять до смерти Льва X появился онъ въ пышномъ, расписанномъ Рафаэлемъ паллацо банкира Агостино Киджи на Lungara ¹⁾, и обратилъ на себя всеобщее вниманіе тѣмъ, что не былъ похожъ на другихъ. У него не было почти никакого образованія, латынь онъ зналъ весьма приблизительно, греческаго не зналъ совсѣмъ. И блестящіе гуманисты изъ приближенныхъ Киджи сначала смотрѣли на новаго пришельца свысока. Вскорѣ у него были обнаружены еще и новыя качества. Юный тосканецъ не любилъ оставаться въ тѣни. Онъ протискивался впередъ настойчиво и энергично, не обращая вниманія на то, что его локти порою не совсѣмъ деликатно упираются въ грудь какому-нибудь почтенному гуманисту. Если его пробовали осадить, онъ отвѣчалъ насмѣшкой, эпиграммой. Если его обижали, если ему пытались стать на дорогѣ, на другой день появлялся сонетъ, обнаруживавшій что-нибудь такое, о чемъ всѣ говорили втихомолку, но что боялись сказать громко. Аретино не боялся. Слухъ у него былъ тонкій и острый взглядъ. Онъ все слышалъ и все подмѣчалъ. Киджи ему покровительствовалъ—отчасти потому, что любилъ вообще даровитыхъ людей, отчасти потому, что злой языкъ Аретино могъ ему пригодиться.

Но Аретино знали не только художники и литераторы, не только завсегдатанъ пышныхъ пировъ знаменитаго банкира. Незадолго до смерти Льва X при помощи самого Киджи или кого-нибудь изъ его друзей-кардиналовъ, Аретино проникъ и къ папскому двору. Левъ X обратилъ вниманіе на автора злыхъ сонетовъ, которые ему показывали отъ времени до времени;

¹⁾ Нынѣ—Вилла Фарнезина.

кардиналь Медичи дарилъ ему свое покровительство. Люди, поднявшіеся изъ низовъ, всегда обладаютъ инстинктивнымъ даромъ безошибочно находить такого покровителя, который имъ нуженъ. Аретино къ тому же умѣлъ распознавать людей и умѣлъ показать, насколько полезенъ можетъ быть и онъ съ своей стороны. Если у вельможи, намѣченнаго имъ въ патроны, былъ врагъ или враги,—а у кого ихъ не было при папскомъ дворѣ?—онъ какъ бы случайно составлялъ убійственный сонетъ на недруга, и цѣль бывала достигнута. Своими сонетами-эпиграммами, своимъ беспощаднымъ сарказмомъ Аретино уже при Левѣ X составилъ себѣ прочную репутацію. Не даромъ одно стихотвореніе сохранило память о томъ, какъ люди говорили, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ:

Dio ne guardi ciascun 'dalla 'sua lingua.
Храни Богъ всякаго отъ языка его¹⁾.

Этимъ языкомъ, источающимъ ядъ и злословіе, Аретино дѣлалъ карьеру. И когда умеръ Левъ X, онъ рѣшилъ, что настало время показать себя во весь ростъ. Для этого ему нужно было лишь нѣсколько интенсивнѣе использовать маэстро Пасквино. Задача была тѣмъ болѣе соблазнительна, что пасквинаты въ такой моментъ должны были сразу и доставить популярность въ народѣ, и помочь устроить свою судьбу на будущее время. Дѣло въ томъ, что Киджи умеръ еще до папы, и смѣлый сатирикъ оставался безъ поддержки. Вопросъ о новомъ покровителѣ пріобрѣталъ для него самый острый, самый жизненный интересъ.

И Пасквино буквально расцвѣлъ. Не одинъ Аретино, конечно, приносилъ къ его пьедесталу плоды своего остроумія. Но Аретино былъ его главнымъ поставщикомъ, не только не скрывалъ своего авторства, но даже афишировалъ его, чтобы поднять себѣ цѣну. И никогда ни до, ни послѣ маэстро Пасквино не поднимался на такія вершины, какъ въ то время, когда Аретино влилъ въ него свою горячую кровь и свой кипучій темпераментъ.

Уже въ этихъ сонетахъ²⁾ имѣются налицо нѣкоторыя особенности его будущей литературной манеры: ни передъ чѣмъ неостанавливающаяся безцеремонность; увѣренность, что тамъ, гдѣ скрещиваются интересы, можно безнаказанно обрушиваться на одну какую-нибудь сторону и пронстекающая изъ этой увѣрен-

¹⁾ V. Rossi, Pasquinate di Pietro Aretino ed anonime per il conclave e l'elzione di Adriano VI. 1891, стр. XXVIII. Ср. также стр. 151—161.

²⁾ Они собраны Росси въ только что цитированной небольшой книжкѣ, освѣтившей совершенно новымъ свѣтомъ темную исторію дебютовъ Аретино.

ности безграничная смѣлость; умѣнье соединять какой-нибудь чудовищный по нынѣшнимъ понятіямъ каламбуръ съ тонкой и изящной, какъ толедскій клинокъ, остротой ¹⁾, площадную грубость съ патетической тирадой; несравненное искусство распознать у каждаго самое больное мѣсто и безошибочно бить именно въ него; наконецъ, неисчерпаемый запасъ остроумія, злой насмѣшки, сарказма: каждый стихъ у Аретино превращался въ разрывную пулю, и не очень было радостно тѣмъ, въ кого онѣ попадали.

Памфлетъ, т.-е. сатира, направленная на опредѣленное лицо,—одинъ изъ самыхъ трудныхъ родовъ литературы. Во всей міровой литературѣ, начиная отъ Архилоха и кончая Рошфоромъ, мы не насчитаемъ и десятка талантливыхъ памфлетистовъ, достойныхъ этого имени. Сатириковъ—сколько угодно; памфлетистовъ—единицы. Чтобы быть хорошимъ сатирикомъ, нуженъ, главнымъ образомъ литературный талантъ. Чтобы быть памфлетистомъ, одного литературнаго таланта мало. Что же нужно еще? Попытаемся отвѣтить на этотъ вопросъ.

II.

Шестнадцатый вѣкъ—закатъ Возрожденія. Героическая пора его миновала. Самыя крупныя его дерзанія уже позади. Мысль устала. Развивается по инерціи и достигаетъ пышнаго расцвѣта форма: въ искусствѣ, въ поэзіи. Въ жизни не приходится болѣе бороться за идеалы новой культуры. Церковь сдала свои передовыя позиціи, позиціи аскетизма, и сама прониклась мірскими идеалами. Индивидуализмъ торжествуетъ по всей линіи и принимаетъ уродливыя формы. Хищность становится нормой практической жизни. Передъ хищными инстинктами умолкаютъ нравственные идеалы. Лучшія стороны національнаго характера итальянца затемняются: въ странѣ побывали, ее посѣщаютъ вновь и вновь, пришельцы. Времена прежнихъ невинныхъ мѣстныхъ войнъ, когда крупныя сраженія кончались двумя убитыми, прошли навсегда. Французы, испанцы, нѣмцы—по очереди оставляли свой слѣдъ на культурѣ Италіи, въ нравахъ верхнихъ слоевъ общества. Словно итальянской аристократіи привили одновременно распущенность двора Людовика XII, холодную, рассчитанную испанскую жестокость и грубость нѣмецкаго ландскнехта.

¹⁾ Къ сожалѣнію эти вещи трудно объяснить русскому читателю, потому что многое въ пасквинатахъ Аретино не выдѣрживаешь перевода, а иное, невинное на первый взглядъ, требуетъ комментарія, а съ комментариемъ тоже становится невозможнымъ.

Время Борджья было на памяти у всѣхъ—время, когда вѣроломство и свирѣпое равнодушіе къ жизни, къ чести, ко всему, что есть дорогого у человѣка,—возводилось въ орудіе управленія. Александръ VI давно умеръ, Цезарь погибъ смертью послѣдняго наемника гдѣ-то въ глуши южной Франціи. Но завѣты ихъ остались. Лукреція, ставшая женою герцога Феррары, Альфонсо д'Эсте, принесла туда заразу своего имени. Ея родственница, Анджела Борджья, пріѣхавшая съ нею вмѣстѣ, вызвала страсть брата Альфонсо, кардинала Ипполито д'Эсте, того самаго, котораго воспѣлъ Аріосто и прославлялъ Кастильоне. Но испанскъ больше нравился другой братъ герцога, незаконный, но носившій его фамилію, Джуліо. И она однажды кокетливо призналась кардиналу, что отдала бы его цѣликомъ отъ головы до пятъ за одни глаза Джуліо. Нѣсколько дней спустя, когда Джуліо весело и безпечно возвращался съ охоты, мечтая о ласкахъ Анджелы, на него напали наемные убійцы, стащили съ лошади, связали и въ присутствіи Ипполито, смотрѣвшаго за тѣмъ, чтобы все было сдѣлано, какъ слѣдуетъ,—выкололи ему кончикомъ шпаги оба глаза. Альфонсо и не подумалъ наказывать кардинала. Джуліо вмѣстѣ съ другимъ братомъ, Ферранте составилъ заговоръ, чтобы отомстить Альфонсо и Ипполито. Заговоръ былъ раскрытъ. Много друзей Джуліо сложили головы на плахѣ. Оба брата, бѣжавшіе въ Мانتую къ сестрѣ, знаменитой Изабеллѣ, были выданы, судимы, приговорены къ казни, помилованы и заточены въ подземельяхъ Феррарскаго замка. гдѣ еще витали скорбныя тѣни Паризины Малатеста и пѣлкаго Уго д'Эсте, ея возлюбленнаго. Ферранте умеръ въ 1540 году, черезъ тридцать четыре года. Джуліо просидѣлъ тамъ пятьдесятъ лѣтъ. Ему было 80, когда его рѣшили выпустить.

Феррарскій дворъ не представлялъ какого-либо исключенія. Испанскіе нравы вторгались всюду, внося съ собою расчетливую тупую жестокость. Вотъ семья Медичи. Герцогъ Алессандро, плоть нечистаго кагриза Лоренцо Урбинскаго къ негрятинкѣ-рабынѣ, править, какъ самый разнузданный тиранъ. Онъ отравилъ своего двоюроднаго брата, кардинала Ипполито Медичи и, быть можетъ, собственную мать, наградившую его чрезъчуръ типичными толстыми губами и жесткой, курчавой черной шевелюрой. Въ концѣ концовъ онъ убилъ своимъ родственникомъ, Лоренцино Медичи. Вслѣдъ за убійцей разосланы всюду брави, одинъ изъ которыхъ настигаетъ его въ Венеціи и закалываетъ. Освободившееся мѣсто занимаетъ Медичи другой линіи, Козимо, сынъ Джованни delle Bande nere, знаменитаго кондо-

тьера. Онъ женился на испанкѣ, Элеонорѣ Толедской, которая родила ему восьмерыхъ дѣтей. Когда умерла старшая дочь, шестнадцатилѣтняя Марія, пошелъ слухъ, что отецъ отравилъ ее за связь съ пажемъ. Вторая, Лукреція, сдѣлалась герцогиней Феррарской и умерла семнадцати лѣтъ. Въ Италіи говорили, что она была отравлена мужемъ за невѣрность. Третья Изабелла, самая красивая изъ дочерей Элеоноры, вышла замужъ за Паоло Орсини ¹⁾. Мужъ удавилъ ее познѣе при помощи петли, пропущенной черезъ потолокъ: молва рѣшила, что тоже за невѣрность. Изъ сыновей двое умерли почти одновременно, при обстоятельствахъ довольно таинственныхъ—быть можетъ, отравленные. Были разговоры, что младшій убилъ старшаго и былъ, въ свою очередь, умерщвленъ отцомъ. Нѣсколько дней спустя умерла ихъ мать, при чемъ тоже говорили о ядѣ. Младшій сынъ Козимо и Элеоноры, Пьетро, убилъ свою жену. Двое Франческо и Фердинандо царствовали. Франческо былъ женатъ и имѣлъ дочь, будущую жену Генриха IV. Однажды онъ влюбился въ венеціанку Біанку Капелло, жену флорентинца Пьетро Бонавентури. Онъ вступилъ съ нею въ связь. Черезъ нѣкоторое время Пьетро подвергся нападенію брави на мосту Тринита и былъ заколотъ, а герцогиня умерла скорострительно при обстоятельствахъ, очень подозрительныхъ. Франческо женился на Біанкѣ и прожилъ съ нею до 1578 года. Братъ Франческо, кардиналъ Фердинандо, давно дѣлалъ попытки захватить престолъ, живя вдали отъ Флоренціи. Теперь онъ помирился съ братомъ и пріѣхалъ въ Поджьо-а-Кайано, чудесную виллу Медичи подъ Флоренціей. Черезъ нѣсколько дней герцогъ и герцогиня съѣли какого-то пирога и умерли. Фердинандо сбросилъ красную мантию и надѣлъ великогерцогскую корону ²⁾.

«Міръ теперь находитъ менѣе утомительнымъ быть злымъ, чѣмъ добрымъ», поучаетъ резонеръ одной изъ комедій Аретино³⁾.

И это какъ нельзя болѣе вѣрно. Міръ Чинквеченто вообще не любилъ утомлять себя ни въ чемъ. Онъ не только золъ и жестокъ: онъ развратенъ, еще больше, чѣмъ жестокъ, а главное онъ безпринципенъ до послѣдней степени; у него нѣтъ ничего святого. Ему незнакомы моральные порывы. Двигаетъ имъ голый эгоизмъ. Источникъ этого паденія ясенъ. Демократическое устройство

¹⁾ Это тотъ самый Орсини, герцогъ Браччіано, образъ котораго памятенъ читавшимъ итальянскія новеллы Стендаля. Второй его женою была Викторія Аккорамбони.

²⁾ G. E. Saltini («Tragedie Medicee domestiche», 1898), страстный поклонникъ кровожаднаго Козимо, пытается снять съ его памяти эти обвиненія; это удастся ему очень мало.

³⁾ La Cortegiana, II, 6.

городовъ, которое съ такимъ трудомъ было создано грубыми и могучими руками купцовъ и ремесленниковъ XIII и XIV вѣковъ пало подъ ударами аристократической реакціи; на его развалинахъ выросъ мелкодержавный деспотизмъ, душившій всякую способность къ идеалистическимъ порывамъ.

Наиболѣе типичнымъ внѣшнимъ признакомъ этой эволюціи и былъ тотъ колоссальный развалъ бытовыхъ устоевъ, который наступаетъ, когда общественная власть отречается отъ защиты общихъ интересовъ и сосредоточивается на защитѣ интересовъ единичныхъ. Внутри дворовъ новыхъ монарховъ и вокругъ нихъ, прежде всего около римской куріи, строится типичная жизнь Чинквеченто, полная внѣшняго блеска, сопровождаемая небывалымъ расцвѣтомъ искусства, но гнилая внутри. Эгоизмъ мелкихъ властителей сдѣлалъ Италію сначала ареною дипломатическихъ и военныхъ дразгъ, а потомъ легкой добычею иностранцевъ.

Разложеніе крѣпкихъ старыхъ устоевъ кругами расходится отъ дворовъ и иной разъ проникаетъ довольно глубоко въ общественную толшу. Новелла, вѣрное зеркало итальянскаго быта, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ этомъ. У Ласки, флорентинца, гражданина республики, не забывшей еще время свободы, есть одна очень типичная ¹⁾. Въ ней разсказывается, какъ «нѣкій педагогъ, родомъ изъ деревни Верхняго Вальдарно, несмотря на свое низкое званіе, не имѣя никакихъ заслугъ, влюбился въ одну благородную и красивую дѣвушку,.... какъ будто онъ былъ сыномъ какого-нибудь богатаго и извѣстнаго гражданина», и какъ за это былъ наказанъ. Ни у Боккачіо, ни у Саккетти такая социальная мотивировка любовной неправопоспособности въ городахъ, не была бы возможна. Въ XV вѣкѣ любили, не справляясь о происхожденіи и званіи. Въ XVI вѣкѣ даже Флоренція заразилась сословными предразсудками, не говоря уже о городахъ, раньше лишившихся республиканскаго строя и демократическихъ учреждений. Соціальное расчлененіе въ городахъ растетъ и разлагаетъ старые, демократическіе бытовые устои.

Все это — вліяніе дворовъ, которые развращены всякими испанцами, французами и вообще пришельцами изъ строго монархическихъ странъ. Но самая масса народа, городская средняя и мелкая буржуазія, шедшая за Франческо Ферручи во Флоренцію, сражавшаяся противъ арміи коннетабля Бурбона въ Римѣ, пережившая послѣдній періодъ расцвѣта въ Венеціи, глухо

¹⁾ Ея переводъ см. у П. Муратова, „Новеллы итальянск. Возрожденія“, II, 168.

выражавшая свое недовольство повсюду,—она не была виновна въ созданіи той культуры, которая была культурой Чинквеченто.

Какую линію долженъ былъ выбрать человѣкъ даровитый, котораго судьба послала жить въ это беспощадное время? Многіе выдающіеся представители науки, литературы, искусства, пробовали рѣшить эту задачу.

Рѣшалъ ее по-своему и Аретино.

III.

Въ началѣ XVI вѣка Венеція переживала пору самого пышнаго внѣшняго блеска. Въ экономическомъ отношеніи уже наступилъ упадокъ: міровая торговля со временъ паденія Константинополя и открытія Америки нашла себѣ новые пути, мимо Венеціанскихъ лагунъ. Владѣнія какъ въ моряхъ Леванта и Греціи, такъ и на terra firma стали убывать. Турція съ одной стороны, могущественныя европейскія коалиціи—съ другой тѣснили льва св. Марка все больше и больше. Но все-таки среди итальянскихъ государствъ, не исключая Рима и Неаполя, не было державы сильнѣе. Даже больше: среди итальянскихъ государствъ была только одна держава въ настоящемъ смыслѣ слова,—Венеція.

Какъ всегда въ эпохи начинающагося уклона, Венеція не находила въ себѣ прежняго буйнаго, наступательнаго задора, прежній героической энергіи, которая была ключомъ во времена Пьетро Орсеоло, Энрико Дандоло, Карло Зено. Зато теперь Венеція стала понемногу находить время, чтобы принять участіе въ творческой работѣ Италіи въ области литературы и искусства. До сихъ поръ ей было некогда, и вкладъ Венеціи въ художественную эволюцію Италіи былъ ничтоженъ. Въ XVI вѣкѣ она наверстала все, возмѣстила всѣ свои недоимки, возмѣстила такъ, какъ могла сдѣлать только одна Венеція: съ безумной расточительностью матеріальныхъ силъ и человѣческаго генія.

Тѣмъ великолѣпно характеризуетъ венеціанскую культуру поздняго Возрожденія. «Со всѣхъ сторонъ,—говоритъ онъ ¹⁾,—способность дѣйствовать становится меньше, стремленіе къ утѣхамъ дѣлается больше, но одно не уничтожаетъ цѣликомъ другого, а сочетаясь, производятъ то промежуточное устремленіе духа, которое, какъ температура, не слишкомъ рѣзкая и не слишкомъ мягкая, родитъ искусства». Искусство и будетъ занимать центральное мѣсто въ культурѣ Венеціи съ конца XV вѣка и до начала XVII. Беллини, Джорджоне, Тиціанъ, Веронезъ,

¹⁾ Voyage en Italie, II, 324.

Пальма, Тинторетто, Сансовино, Палладіо—все они помѣстились въ этомъ промежуткѣ, не считая менѣе крупныхъ. Ихъ руками создано то украшеніе Венеціи, которымъ мы любимся до сихъ поръ. Старая пышность царицы Адриатики, благодаря имъ сочеталась съ красотою, и знакомъ красоты прониклась вся культура.

Но благодаря своему положенію на отлетѣ у Италіи, благодаря своимъ постояннымъ сношеніямъ съ Востокомъ и космополитическимъ торговымъ связямъ, Венеція не пропиталась традиціями культурнаго роста Италіи. Школы и направленія, царившія на континентѣ, не затронули или почти не затронули Венеціи. Она раскрывалась къ культурѣ свободно и своеобразно, не подчиняясь выработаннымъ другими нормамъ. Она привыкла всегда дѣйствовать самостоятельно въ своихъ торговыхъ и политическихъ дѣлахъ и не хотѣла измѣнить своимъ привычкамъ въ дѣлахъ культурныхъ. Мы увидимъ, какъ отразилась все это на искусствѣ и на литературѣ.

Наконецъ, для человѣка съ темпераментомъ, ищущаго острыхъ и пышныхъ удовольствій, Венеція была, дѣйствительно, обѣтованной землей. Нигдѣ наслажденія не провозглашались культомъ такъ открыто, нигдѣ роскошь празднествъ не достигала такихъ размѣровъ. Веронезу было откуда списывать свои пиршественные сюжеты. Куртизанка была тамъ полноправной женщиной. Она появлялась всюду, въ то время, какъ патриціанки жили затворнической жизнью и показывались лишь во время большихъ торжествъ ¹⁾. Притомъ куртизанокъ было 11.000, и уже самое количество ихъ отражалось на общемъ характерѣ внѣшней жизни. Многія изъ куртизанокъ становились центромъ большого интеллигентскаго кружка, какъ Вероника Франко, талантливая поэтесса, которая принимала у себя Генриха III по пути изъ Польши въ Парижъ и которую писалъ Тинторетто. Благодаря своей политической мощи Венеція могла позволить себѣ не поднимать лицемѣрнаго гоненія на открытое почитаніе красоты, на откровенную любовь къ удовольствіямъ.

25 марта 1527 года въ Венеціи появился Аретино. Пять лѣтъ, которыя прошли со времени конклава, избравшаго Адриана VI, были самой бурной порою въ его жизни. Онъ много мыкался по Италіи, не разъ устраивался прочно и не разъ терялъ все, терпѣлъ лишенія, видѣлъ славу и почетъ, едва не погибъ подъ кинжаломъ недруговъ и потомъ снова купался въ наслажденіяхъ и богатствѣ.

¹⁾ Yriarte, La vie d'un patricien de Venise, стр. 49 и слѣд.

Когда выяснилось, что выбранъ кардиналъ Тортозскій, бывшій воспитатель Карла V, сынъ утрехтскаго лодочнаго мастера; что обойдены слѣдовательно представители самыхъ громкихъ итальянскихъ фамилій: Медичи, Гонзага, Колонна, Орсини,—маэстро Пасквино вышелъ изъ себя. На голову злополучнаго голландскаго папы,—кстати сказать, послѣдняго неитальянца на престолѣ св. Петра,—посыпались громы.

Разумѣется, когда старый голландецъ явился въ Италію, Аретино счелъ благоразумнымъ удалиться изъ Рима. Онъ уѣхалъ во Флоренцію къ кардиналу Медичи, посѣтилъ дворъ Федерико Гонзага, маркиза Мантуанскаго, а потомъ, когда Адріанъ, сталъ беспокоить кардинала по поводу Аретино, былъ посланъ Джуліо къ его родственнику, тоже Медичи, Джованни, начальнику «Черныхъ отрядовъ» (*Giovanni delle bande nere*), знаменитѣйшему въ то время кондотьеру Италіи. Даровитый воинъ искренно полюбилъ веселаго, остроумнаго, быстрого на всякую выдумку молодого поэта, но тому не пришлось долго прожить въ лагерѣ «Большого Дьявола». Въ сентябрѣ 1523 года умеръ старый Адріанъ и Аретино могъ вернуться въ Римъ. Народъ тамъ уже безъ него выражалъ свои чувства. Двери дома врача, который лѣчилъ папу во время его послѣдней болѣзни, были обвиты гирляндами и украшены надписью: «*Liberatori patriae*»¹⁾. Безъ Аретино Пасквино былъ менѣе остроуменъ, но столь же энергиченъ, и на этотъ разъ его избирательная агитація оказалась успѣшнѣе: Джуліо Медичи занялъ престолъ св. Петра подъ именемъ Климента VII.

Аретино поспѣшилъ въ Римъ, надѣясь устроиться тамъ окончательно. Папа помнилъ его заслуги, хранилъ признательность къ нему и очень цѣнилъ его перо. Перспективы открывались блестящія. И Аретино слишкомъ положился на свое вліяніе. Онъ вмѣшался въ придворную партійную борьбу и навлекъ на себя ненависть могущественнаго приближеннаго папы, датарія Жиберти. Это повело къ катастрофѣ, хотя и не сразу. Въ первый разъ папа разгнѣвался на поэта за непристойные сонеты, написанные имъ къ непристойнымъ рисункамъ Джуліо Романо. Аретино долженъ былъ покинуть Римъ. Онъ снова отправился къ Джованни Медичи, но папа скоро его простилъ, вызвалъ къ себѣ и даже помирилъ съ Жиберти. Аретино, понадѣявшись на привязанность къ себѣ папы, не хотѣлъ быть осторожнѣе. Пасквино не унимался Онъ опять заговорилъ сонетами Аретино и въ одномъ изъ нихъ досталось Жиберти. Тогда тотъ подослалъ къ нему

¹⁾ Carlo Bertani, P. Aretino e le sue opere secondo nuove indagini. 1901, стр. 35.

убийцу. Покушение удалось не вполне. Аретино спасся, тяжело раненный. Виновника назвать было не трудно. Рим указывал на него пальцами. Аретино требовал у Климента наказания бандита и его подстрекателя, но папа на это не решился. Затаив мстѣ, Аретино покинул Римъ, и въ концѣ 1525 года снова очутился въ лагерѣ Большого Дьявола. На этотъ разъ онъ пробылъ тутъ цѣлый годъ въ тѣсной дружбѣ съ «Бонапартомъ XVI вѣка», вплоть до его смерти. Джованни умеръ на рукахъ Аретино, отъ раны, полученной въ стычкѣ съ ландскнехтами Фрундсберга у Говерноло, въ ноябрѣ 1526 г. Попробовалъ Аретино устроиться у своего почитателя Федерико Гонзага въ Мантуѣ, но Климентъ, котораго онъ нещадно преслѣдовалъ своими сатирическими сонетами, и «предсказаніями», недвусмысленно грозилъ послать къ нему второго убийцу, а маркизъ боялся осложненій съ Римомъ. Заручившись обѣщаніями поддержки отъ маркиза, Аретино перебрался въ Венецію и тамъ устроился. Какъ оказалось, навсегда.

Самъ Аретино не думалъ этого первоначально. Планы у него были всякіе. Джованни Медичи успѣлъ познакомить его съ Францискомъ I французскимъ, которому поэтъ очень понравился. У Аретино были планы переселенія во Францію. Но, присмотрѣвшись къ венеціанскому быту, и припомнивъ грустный свой опытъ жизни при дворахъ, онъ понялъ, что только здѣсь онъ можетъ быть вполне независимымъ, вполне безопаснымъ, вполне свободнымъ. Венеціанская синьорія приняла его благосклонно, а въ 1530 году дожъ Андреа Гritti даже добился нѣкотораго примиренія между Аретино, съ одной стороны, Климентомъ и Жиберти—съ другой. Къ этому году относится великолѣпное письмо къ дожу, въ которомъ Аретино говоритъ что пріѣхавъ въ Венецію, онъ спасъ жизнь и честь ¹⁾, что тамъ благосклонность не наноситъ ущерба праву и справедливости, какъ при дворахъ. Почти въ тѣхъ же словахъ говоритъ о Венеціи въ «La Cortegiana»²⁾ Фламиніо: «Тамъ я обогащу свою нищету ея свободой. Тамъ, по крайней мѣрѣ, ни фаворитамъ, ни фавориткамъ не дано власти убивать бѣдныхъ людей. Только тамъ правосудіе держитъ вѣсы въ равновѣсіи. Тамъ страхъ передъ чьей-нибудь немилостью не вынуждаетъ насъ поклоняться вчерашнему паршивцу (pidoschioso)... Это—святой городъ и рай земной». Приблизительно къ этому времени относится и по настоящему нѣжный, хотя

¹⁾ Lettere, 1, 2. Это письмо относили раньше ошибочно къ 1527 году. См. А. Luzio, P. Aretino nei primi suoi anni a Venezia. 1888, стр. 35.

²⁾ Эта комедія, написанная въ Римѣ, приняла свою окончательную форму въ Венеціи. Приводимое мѣсто—III, 7.

слегка риторическій отзывъ о Венеціи въ письмѣ къ Верджеріо¹⁾: «Что до меня, то я хотѣлъ бы, чтобы послѣ моей смерти Господь превратилъ меня въ гондолу или въ навѣсъ къ ней (felce), а если это слишкомъ, то хоть въ весло, въ уключину или даже въ ковшъ, которымъ вычерпывается вода изъ гондолы».

Имя, которымъ къ 1527 году пользовался Аретино, было большое. Его почитали и боялись. И появленіе его было встрѣчено съ большой радостью въ кругу литераторовъ и художниковъ. Съ Тиціаномъ и Сансовино онъ сошелся сразу и очень близко. Среди патриціата у него завелись прочныя связи, и «Diporti»,—собраніе новеллъ Парабоско—сохранили намъ свѣдѣнія о томъ, какъ Аретино, на равной ногѣ съ представителями самыхъ знатныхъ фамилій, душа ихъ общества на веселомъ пикникѣ, рассказываетъ новеллу, восхваляетъ прекрасныхъ и добродѣтельныхъ патриціанокъ. У него были большія знакомства въ мірѣ дипломатовъ, которыми онъ пользовался очень искусно.

Средства, добываемыя Аретино, сначала были невелики, и жилъ онъ скромно. Но мало-по-малу количество лицъ, регулярно выплачивающихъ ему пенсіи, стало больше, и онъ зажилъ настоящимъ набобомъ. Къ 1530 году онъ уже не думаетъ о томъ, что онъ можетъ куда-нибудь переселиться и заявляетъ объ этомъ въ упомянутомъ выше письмѣ къ дожу Андреа Гритти.

Какъ жилъ въ Венеціи Аретино? Филаретъ Шаль составилъ на основаніи писемъ его и его друзей, замѣтокъ современниковъ и проч. красивую и вѣрную картину. Мы приведемъ ее, устранивъ риторику, неизбѣжную въ писаніяхъ талантливаго французскаго критика²⁾.

«Дверь открыта настежь. Великій человѣкъ принимаетъ столько народа, что слуги освобождены отъ обязанности докладывать. Мраморныя ступени большой лѣстницы, расписанной фресками,—ведутъ васъ въ обширную залу, которая служитъ передней. Всюду статуи, эскизы въ рамкахъ, обрывки картоновъ, наброски Тиціана и Джорджоне. Шесть женщинъ съ волосами, заплетенными по-венеціански, работаютъ въ этой залѣ; одна изъ нихъ играетъ на арпикордѣ, гитарѣ нѣсколько большихъ размѣровъ, чѣмъ теперешнія. Обратите на нихъ вниманіе. Всѣ онѣ молоды и хороши, рѣзвы, проворны, сумасбродны. Это Аретинки. Подъ этимъ именемъ знаютъ ихъ въ Венеціи. Аретино окрестилъ ихъ. Солнце, лучи котораго падаютъ изъ трехъ большихъ оконъ на плафонъ, освѣщаетъ эту обольстительную группу. Тутъ же от-

¹⁾ Lettere, I, 31.

²⁾ Ph. Chasles. Etudes sur Shakespeare, Marie Stuart et l'Arétin; 384 слѣд.

крывается большой балконъ, задрапированный красной шелковой матеріей съ синими полосами, подаркомъ маркиза Дель Васто, украшенный двумя апельсинными деревьями въ цвѣтахъ и фестонами вьющихся растений, которыя устремляются вверхъ и свисаютъ въ видѣ элегантной аркады. Отсюда открывается видъ на Ріальто. Здѣсь Аретино часто проводитъ вечера съ своимъ другомъ Тиціаномъ. Они созерцаютъ длинныя гондолы, куполы дворцовъ, гондольеровъ съ мускулистыми руками и убѣгающія линіи воздушной перспективы...

«На лѣстницѣ толпа.¹⁾ Вы никогда не доберетесь до Аретино. Вотъ восточные люди въ длинныхъ халатахъ, почтительные армяне, посланный Франциска I, знаменитые художники, молодые скульпторы, жаждущіе славы, женщины, увлеченныя его громкимъ именемъ, священники, лакеи, монахи, пажы, музыканты, солдаты. Въ рукахъ у большинства подарки... Вотъ спускается высокій, небрежно одѣтый молодой человѣкъ, весь въ черномъ, съ видомъ наглымъ и безпечнымъ. Онъ проситъ собравшихся подождать. Это секретарь и ученикъ, Лоренцо Веньеръ. У Аретино ихъ нѣсколько...

«Великій человѣкъ появляется, наконецъ. На немъ цѣпь Карла V. Онъ едва удостоиваетъ васъ взглядомъ. Онъ подвигается впередъ.. Слѣдуйте за нимъ по этому пышному дому, который онъ меблировалъ своими литературными грабежами. Его гардеробъ, полный цѣнными одеждами, доставленъ ему Азіей и Европой. Его кабинетъ рѣдкостей, его картинная галлерей добыта изъ того же источника. Меньше всего у него книгъ... Вы ищите библіотеку. Ея нѣтъ. Но вотъ буфетная, которая свидѣтельствуетъ о неимовѣрномъ потребленіи мясного и мучного. Вотъ большая, великолѣпно освѣщенная комната Тиціана, который часто приходитъ работать къ своему другу. Вотъ-эта огромная конторка черного дерева наполнена письмами, полученными отъ всѣхъ современныхъ знаменитостей. Въ ней имѣются отдѣленія государей кардиналовъ, буржуазіи, солдатъ, полководцевъ, дамъ высшаго общества, аристократической молодежи, музыкантовъ, художниковъ, дворянъ. Кабинетъ Аретино—комната, меблированная хуже, чѣмъ всѣ другія. Тамъ стоитъ письменный столъ. На немъ перья и бумага. Герой нашъ очень гордъ тѣмъ, что не нуждается

¹⁾ Съ обычной своей хвастливо-рекламной манерой Аретино повѣствуетъ объ этой толпѣ въ письмахъ (Lett. I, 206): «Такое количество парода приходитъ надобѣдать мнѣ ежедневно, что ступени моей лѣстницы стираются подъ ихъ ногами, какъ мостовая Капитолія—подъ колесами триумфальныхъ колесницъ. Турки, евреи, индусы, французы, нѣмцы, испанцы непрерывно осаждаютъ мою дверь: судите о количествѣ нашихъ итальянцевъ... Я слѣлался оракуломъ истины и вы совершенно правы, называя меня «секретаремъ міра».

въ другихъ орудіяхъ для того, чтобы вести эту жизнь, пышную и счастливую».

Шаль не понялъ Аретино. Онъ смотритъ на него неправильно. Но если исключить изъ этой картины кое-какія преувеличенія, и явное стремленіе представить Аретино типичнымъ выскочкой, своего рода мѣщаниномъ въ дворянствѣ,—она вѣрна.

Жизнь Аретино была, дѣйствительно, «пышная и счастливая». Ея матеріальную основу составляли пенсіи и единовременные дары отъ разныхъ владѣтельныхъ особъ. Аретино больше всего любилъ цѣнные подарки. Въ «Talanta» одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ, показывая на дорогую цѣпь: «Посмотрите, какъ искусная работа соперничаетъ въ ней съ матеріаломъ! И потомъ, цѣпь не старѣетъ, какъ молодая дѣвушка, не лжетъ, какъ пенсія, не убѣгаетъ, какъ невольникъ-мавръ» ¹⁾. Такія цѣпи Аретино получалъ неоднократно. Въ 1533 году Францискъ подарилъ ему роскошную золотую цѣпь, унизанную красными, изъ дорогой эмали, языками съ надписью: «Lingua eius loquetur mendacium» ²⁾ т.-е. языкъ его будетъ говорить неправду». Эта ядовитая высочайшая иронія отнюдь не обидѣла Аретино. Онъ сдѣлалъ изъ нея предметъ рекламы. Такіе же подарки получалъ Аретино отъ Карла V, отъ султана Солеймана, отъ мавританскаго пирата Хайреддина Барбаруссы, и отъ многихъ другихъ лицъ. Но и пенсіи не всегда «лгали» этому баловню судьбы. Карлъ V платилъ аккуратно, Генрихъ VIII не вполнѣ. Отлично платили маркизь дель Васто, полководецъ Карла, графъ Лейва, губернаторъ Ломбардіи, Федерико Гонзага, маркизь мантуанскій, Франческо Марія делла Ровере, герцогъ урбинскій и его преемникъ Гвидубальдо, многіе болѣе мелкіе князья, кардиналы и частныя лица. Ежегодные доходы Аретино достигали огромныхъ по тому времени цифръ, и позволяли безъ труда выдерживать истинно королевскую расточительность.

Любя деньги, Аретино любилъ и почетъ. Послѣ того, какъ умеръ горячо любившій его Джованни Медичи и разладились отношенія съ маркизомъ мантуанскимъ и Францискомъ I, ему особенно дорого было отношеніе къ нему Карла V. Когда въ 1543 г. императоръ проѣзжалъ черезъ венеціанскую территорію, другъ Аретино, Гвидубальдо урбинскій, представилъ ему знаменитаго памфлетиста, которому давно платилась пенсія изъ суммъ испан-

¹⁾ II, 7.

²⁾ Luzio пытался доказать, что тамъ стояло не mendacium, а iudicium въ смыслѣ того особаго литературнаго вида, о которомъ будетъ рѣчь ниже. См. P. Aretino nei primi anni a Venetia, 53 и Un Pronostico satirico di P. Aretino, 1904, стр. 115. Бертани (назв. соч. 109) правильно указываетъ на недостаточность аргументовъ Луціо.

скаго казначейства. Пока ѣхали по венеціанской землѣ, Аретино былъ рядомъ съ императоромъ, занималъ его, заставлялъ смѣяться такъ, что Карлъ пригласилъ его ѣхать съ собою въ Вѣну. Немного не доѣзжая границы Аретино скрылся въ толпѣ, и его не могли найти.. Звалъ его къ себѣ черезъ своего итальянскаго совѣтника Луидже Гритти и турецкій султанъ. Звалъ и Козимо Медичи, предлагая отдать ему для житія чудеснѣйшій Палаццо Строцци. Уже при папѣ Павлѣ III Аретино намекали на возможность полученія кардинальской шапки, подобно Биббьенѣ и Бембо. А когда послѣ смерти Павла занялъ престолъ св. Петра, давній его другъ, Юлій III, кардиналъ Монте ¹⁾, надежды окрѣпли. Вызванный папой, Аретино въ 1549 г. поѣхалъ въ Римъ, сподобился святѣйшаго лобзанія, получилъ орденъ св. Петра, но вернулся безъ пурпура, гордо рассказывая, что отвергъ его. Зато въ 1552 г. онъ былъ избранъ на должность гонфалоньера своимъ роднымъ городомъ Ареццо, спасеннымъ имъ съ помощью Федерико Гонзаго отъ разрушенія. Нечего говорить о томъ, какъ прославляли его менѣе высокопоставленные современники. Къ 1532 году относится стихъ, вставленный Аріосто въ «Неистоваго Роланда»:

Ecco il flagello
Dei principi, il divin Pietro Aretino.

Позднѣе такого рода прославленія сдѣлались обычными. Ими пестрятъ страницы «Писемъ къ Аретино», собранныхъ имъ самимъ еще при жизни.

«Живу я свободно, писалъ Аретино ²⁾, въ удовольствіяхъ, и могу поэтому считать себя счастливымъ. Изъ всѣхъ металловъ, всякихъ рисунковъ выбиваются въ честь мою медали. Мой портретъ выставляется на фронтонахъ дворцовъ. Голова моя, какъ голова Александра, Цезаря или Сципіона, изображается на тарелкахъ и на рамахъ зеркалъ. ³⁾ Одна порода лошадей получила мое имя, потому что папа Климентъ подарилъ мнѣ такую лошадь. Каналь, омывающій часть моего дома, называется Аретинскимъ, женщины въ моемъ домѣ носятъ имя Аретинокъ; говорятъ о стилѣ Аретино. Педанты скорѣе лопнутъ отъ бѣшенства, чѣмъ дождутся такой чести».

¹⁾ Пасквино дружески высмѣивалъ одну отвратительную слабость этого кардинала: такъ, въ сон. II (см. Rossi, ук. соч.), гдѣ говорится о томъ, кто кого хочетъ имѣть папой, есть стихъ: *Monte i montati*; въ сон. X: *uno assai piu palese sodomito che è Monte*; въ сон. XXIV про него, про кардиналовъ Гонзага и Петруччіо, сказано: *alle donne voglion male*.

²⁾ Lett., I, 144.

³⁾ Якопо Сансовино сдѣлалъ больше. Онъ помѣстилъ маленькій бюстъ=горельефъ Аретино рядомъ съ бюстами Тиціана и другихъ знаменитыхъ людей на чудесныхъ бронзовыхъ дверяхъ сакристіи собора св. Марка. Аретино фигурируетъ въ роли евангелиста.

Но были и терніи въ этой счастливой жизни. Языкъ и темпераментъ часто заставляли Аретино переходить мѣру; тогда ему грозили, и онъ смирялся. Въ 1529 г. онъ отозвался не очень почтительно о Федерико Гонзага въ присутствіи мантуанскаго посла. Посолъ велѣлъ ему сказать, что если такъ будетъ продолжаться, то Аретино не спасется отъ него и въ раю. Аретино извинился ¹⁾. Извинился онъ и въ другомъ случаѣ, когда по поводу его нападокъ на придворныхъ Федерико въ «предсказаніи» 1529 г. тотъ просилъ передать ему, что онъ велитъ дать ему нѣсколько ударовъ кинжаломъ въ самомъ центрѣ Ріальто ²⁾. Англійскій посланникъ не сталъ дожидаться извиненій. Когда Аретино сталъ распространять какіе-то темные намеки насчетъ задержки ожидавшейся имъ отъ англійскаго короля пенсіи, посолъ велѣлъ подстеречь его и избить палками. Эрколе д'Эсте тоже подсылалъ къ нему убійцъ. Тѣ дожидались его, но не дождались и ушли, ранивъ одного изъ его «ганимедовъ» ³⁾;

Но гораздо больше, чѣмъ эти люди, подсылавшіе убійцъ, грозившіе кинжаломъ, и пистолетомъ, повредили Аретино его литературные враги. Главныхъ было трое: знаменитый поэтъ Берни, поэтъ совсѣмъ не знаменитый Николо Франко и третій писатель, авторъ новеллъ и діалоговъ, Антонфранческо Дони. Въ послѣднее время, особенно итальянцами, положено много труда, чтобы очистить біографію Аретино отъ тѣхъ злостныхъ измышлений, которыми она была наполнена на основаніи показаній его враговъ.

Не осталось вѣдь ни одного сколько-нибудь крупнаго факта въ жизни Аретино, котораго не исказила бы, не извратила, не запачкала клевета. Начали съ родителей и сестеръ ⁴⁾, продолжали слѣдя за каждымъ его шагомъ. Въ Перуджіи, въ первомъ этапѣ его странствованій, его заставили заниматься переплетнымъ мастерствомъ, въ Римѣ сдѣлали его лакеемъ Киджи; покушеніе на

¹⁾ Luzio, Primi anni, 81.

²⁾ Luzio, тамъ же, 100.

³⁾ Luzio, Un pronostico satirico, XXXII. Есть свѣдѣнія и о другихъ случаяхъ. Кондотьеръ Пьетро Строцци за одну сатирическую пѣсенку пригрозилъ заколоть его въ постели, и бѣдный Аретино, пока сердитый генералъ былъ въ Венеціи, не только будто бы не выходилъ изъ дому, но и дома забарикадировался. Знаменитый Тинторетто тоже будто бы напугалъ его до смерти пистолетомъ, когда тотъ вздумалъ заступаться за Таціана въ какой-то ссорѣ, происшедшей между обоими художниками. Оба эти факта категорически отвергаетъ Синигалія (Saggio di uno studio su P. Aretino, 150 и слѣд.).

⁴⁾ Родители Аретино, честный сапожникъ по имени Лука и простая но вполне порядочная женщина, Тита, были въ законномъ бракѣ. Клевета про законный бракъ умолчала, отца превратила въ гуляку-дворянина, мать—въ проститутку, точно такъ же, какъ и двухъ сестеръ, которыя на самомъ дѣлѣ были вѣрнѣйшими женами своихъ мужей.

него, произведенное по наущенію Джиберти, объявили результатомъ ссоры изъ-за какой-то смазливой кухарки. И такъ до самаго конца ¹⁾. Этого мало: Дони, а по его слѣдамъ нѣкій Муціо послѣ смерти Аретино сдѣлали доносъ инквизиціи на его сочиненія, обвиняя его въ еретическихъ мнѣніяхъ. Это было въ періодъ наибольшаго свирѣпства контръ-реформации, и имъ было нетрудно добиться, чтобы сочиненія Аретино цѣликомъ попали въ индексъ. Этимъ самымъ Аретино сталъ запрещенной личностью. Здѣсь находить объясненіе какъ крайняя рѣдкость его сочиненій, такъ и тотъ странный фактъ, что не успѣлъ умереть человѣкъ, наполнившій своимъ именемъ весь культурный миръ, какъ его сразу забыли.

Католическая реакція вообще была фатальна для Аретино, что очень правильно отмѣтилъ Артуро Графъ²⁾. Она ненавидѣла Чинквеченто, этотъ вѣкъ, соблазнившій папство соблазнами мірской культуры, увлекшій его прельщеніями литературы и искусства до такой степени, что оно проглядѣло зарожденіе Лютеровою схизмы. И властители думъ, вожди общественнаго мнѣнія Чинквеченто подверглись сугубому проклятію. Въ этомъ отношеніе судьба Аретино была одинакова съ судьбою Маккіавелли. Но сочиненія Маккіавелли успѣли получить распространеніе до начала свирѣпствъ папской цензуры. Аретино принялъ всѣ ея удары: она уничтожила его сочиненія и покрыла позоромъ его имя.

Въ общемъ вражда, клевета, угрозы и опасности были не очень замѣтны въ наполненной славой и наслажденіями, изобильной и счастливой жизни Аретино. Сынъ сапожника изъ Ареццо жилъ, какъ жили не всѣ итальянскіе князья. И вся его фигура необыкновенно гармонировала съ той обстановкой, какую онъ создалъ себѣ въ Венеціи.

IV.

Аретино было принято еще не такъ давно изображать какимъ-то моральнымъ Квазимодо, наглецомъ и вымогателемъ, циничнымъ льстецомъ, развратникомъ, грязнымъ и низкимъ человѣкомъ съ безнадежно гнилой душою. Одинъ даровитый и чуткій критикъ об-

¹⁾ Смерть Аретино, которая произошла отъ очень обычнаго при его комплекціи и въ его годы (ему было 64 года: род. въ 1492, ум. въ 1556 г.) апоплексическаго удара, расписывали такъ: ему рассказывали про какой-то лебашъ, учиненный яко бы его сестрами-проститутками. Онъ такъ будто бы хохоталъ надъ этимъ рассказомъ, что опрокинулся навзничь, ударился головою обо что-то твердое и испустилъ духъ.

²⁾ *Attraverso il Cinquecento*, 167.

молвился даже такимъ словомъ, что въ обществѣ дамъ нельзя произносить имени Аретино. Происходило это потому, что старое изображеніе почти цѣликомъ и почти безъ оговорокъ принимало всѣ измышленія недруговъ Аретино, не умѣло отнестись къ нимъ критически, не обладало документально обоснованными данными и, какъ это ни странно, не опиралось на внимательное изученіе сочиненій Аретино.

Теперь это старое представленіе разрушено, собраны факты, изучены сочиненія. Матеріала набралось достаточно для попытокъ рисовать портреты настоящаго Аретино.

Аретино любилъ жизнь, любилъ наслажденія, и ни въ комъ еще жажда жизни и наслажденій, такъ свойственная всѣмъ людямъ Возрожденія, не была столь ненасытная. Природа надѣлила его крѣпкимъ, здоровымъ тѣломъ и кипучимъ темпераментомъ. Но наслажденія, въ которыхъ была для него главная красота жизни, былъ ея главный смыслъ, вовсе не заключались въ однихъ чувственныхъ удовольствіяхъ. Конечно, Аретино любилъ веселые пиры, любилъ хорошее вино, изысканные фрукты, необыкновенные салаты, любилъ пышныя, уставленные, цвѣтами, трапезы, любилъ роскошь въ своемъ домѣ. Конечно, женщины занимали въ его душѣ колоссальное мѣсто. Его біографы называютъ десятками имена женщинъ, которыя были въ разное время ему близки и никогда не могутъ поручиться, что не пропущена ни одна изъ его любовницъ. Конечно, Аретино, вполне во вкусъ своего времени, любилъ не только женщинъ¹⁾; все, что распутный пятнадцатый вѣкъ изобрѣлъ по части этого рода удовольствій, Аретино, очевидно, досконально изучалъ, какъ знатокъ, какъ цѣнитель, какъ художникъ. Его «*Raggionamenti*», книга, непристойнѣе которой едва ли найдется другая въ міровой литературѣ, отнюдь не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя предназначены будить чувственность и не ставятъ себѣ никакихъ другихъ цѣлей. «*Raggionamenti*»—художественное произведеніе, и, напримѣръ, первый день первой части, гдѣ описывается жизнь въ женскомъ монастырѣ, можетъ выдержать сравненіе съ «*La Religieuse*» Дидро. Вообще всѣ три части «*Raggionamenti*»—это великолѣпная серія бытовыхъ картинъ, обличающая крупнаго художника. Не даромъ

¹⁾ Артуро Графъ («*Attraverso il Cinquecento*, стр. 125 и слѣд.) хочетъ снять съ него это пятно, опираясь на отвлеченное психологическое соображеніе: *Aretino amava troppo le donne*. Луціо приводит (Р. *Aretino... a Venetia*, стр. 23—24) письмо Федерико Гонзага, который проситъ Аретино скорѣе отправить ему свою поэму «Марфиза» и общается прислать ему нѣкоего юношу, о которомъ тотъ, уѣхавъ изъ Мантуя въ Венецію, сильно тосковалъ. Письмо, характерное не только для Аретино, но и для маркиза.

ни одинъ историкъ XVI вѣка, останавливающийся на бытовыхъ деталяхъ, не проходитъ мимо «Raggionamenti» и комедій Аретино.

Да и въ свои отношенія къ женщинамъ Аретино умѣлъ гладывать не только почти всегда искреннее чувство, но очень часто и большую долю поэзіи. Въ немъ, какъ справедливо замѣчаетъ Гаспарини, не было холоднаго эгоизма распутника ¹⁾. Онъ привязывался самъ. И не только привязывался: отъ женщины, которую онъ любилъ, онъ былъ способенъ вынести и вѣроломство, и измѣну, и самую черную неблагодарность. Его романъ съ Пьеринной Риччя—трогательная новелла, точно вышедшая изъ-подъ пера Фиренцоулы или Банделло. Въ 1537 году одинъ изъ его учениковъ женился на очаровательной четырнадцатилѣтней дѣвушкѣ, хрупкой и тоненькой, какъ былинка, съ большимъ грустными черными глазами, съ неизлѣчимой болѣзнью въ груди. Въ своемъ домѣ, куда привезъ ее мужъ, Аретино принялъ ее какъ дочь, и отношенія его къ ней сначала были чисто отеческія. Но мужъ скоро бросилъ Пьерину. Она стала изливать свое горе Аретино, и его привязанность къ ней стала иною. Потомъ они сблизились. Это было въ 1540 г. Болѣзнь разыгралась, и тринадцать мѣсяцевъ этотъ человѣкъ, котораго принято считать вульгарнымъ развратникомъ, изображалъ изъ себя самую нѣжную, самую заботливую сидѣлку. Выздоровѣвъ, Пьерина сбѣжала съ какимъ-то юнымъ ловеласомъ. Письма Аретино ²⁾ сохранили слѣды удара, который нанесла его душѣ эта измѣна. Жалобы, бурныя, какъ рыканія раненаго тигра, смѣняются злораднымъ но неискреннимъ самоутѣшеніемъ: что будетъ вырвана съ корнемъ изъ сердца эта несчастная, эта проклятая любовь; на голову похитителя сыплются громы и молніи... Но когда четыре года спустя, Пьерина, жалкая, покинутая, умирающая, пришла къ нему опять,—онъ забылъ все, сталъ ухаживать за ней съ прежнимъ самоотверженіемъ. И когда она умерла у него на рукахъ, ему казалось, что самъ онъ умеръ вмѣстѣ съ нею.

Такъ же мало похоже на холоднаго развратника отношенія Аретино къ дѣтямъ. У него были двѣ дѣвочки: старшую онъ называлъ Адрией въ честь Венеціи, а младшую Австріей въ честь Карла V. Матерью первой, а, можетъ быть, и второй, была Катерина Санделла. Онъ любилъ дѣвочекъ такъ, какъ только можетъ любить отецъ, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ дѣтей. «Австрія, какъ жизнь мнѣ дорогая! Австрія, душка моя сладкая!» ³⁾

¹⁾ Исторія итальянской литературы, пер. К. Д. Бальмонта, т. II, 423.

²⁾ Lettere, II, 220—221.

³⁾ «Austria a me come la vita cara, Austria, soave mia animetta», Lettere, V, 45.

пишетъ онъ въ одномъ письмѣ, и какъ будто не могли эти слова выйти изъ-подъ пера страшнаго «Бича монарховъ». Между тѣмъ, такой порывъ мягкихъ чувствъ такъ же свойственъ Аретино, какъ и грозныя, беспощадныя инвективы. Быть можетъ, даже больше. Потому что быть грознымъ ему было необходимо изъ-за денегъ. Суровая беспощадность была его маской, перуны—его профессиональнымъ орудіемъ. По существу Аретино, скорѣе, быть можетъ, былъ человѣкомъ добродушнымъ. Добръ онъ былъ несомнѣнно. Сотни людей кормились въ его домѣ, десятки, ежедневно получали помощь и поддержку. Онъ готовъ былъ дѣлиться послѣднимъ съ людьми, даже далекими, даже совсѣмъ незнакомыми. «Расточительность свойственна мнѣ такъ же, какъ другимъ скупость», говорилъ онъ ¹⁾, и можетъ быть, доброта у него была результатомъ расточительности. Но она была во всякомъ случаѣ. Онъ не былъ злопамятнымъ, легко прощалъ обиды, легко забывалъ сдѣланное ему зло ²⁾, если, конечно, дѣло не касалось денегъ. Потому что деньги любилъ Аретино больше всего: больше женщинъ, больше картинъ, больше роскошнаго обѣда, больше цвѣтовъ и фруктовъ. Онъ зналъ, что если будутъ деньги, будетъ и все это; не будетъ денегъ—наступитъ бѣдность настоящая, не та риторическая, жалобами на которую пестрятъ его письма. «Бѣдность онъ ненавидѣлъ не только изъ-за лишеній, которыя она приносить съ собою, но еще изъ-за стѣсненій, которыя она налагаетъ на душу, изъ-за необходимости размѣрять каждый свой поступокъ, каждую мысль, дѣлать изъ мелочной ариѳметики законъ и руководство жизни» ³⁾... Широкая и свободолобивая натура Аретино могла до конца показать мѣру своихъ талантовъ только среди довольства и изобилія. Деньги были нужны ему, чтобы онъ могъ быть щедрымъ и расточительнымъ, добрымъ и отзывчивымъ какъ велѣла ему его природа. Аретино любилъ жизнь, любилъ жить и хотѣлъ, что въ его жизни было какъ можно больше красокъ, какъ можно больше цвѣтовъ. А такой человѣкъ не можетъ быть ни злымъ, ни жестокимъ, ни скупымъ. Онъ по необходимости добродушенъ, непамятенъ на зло, и едръ и кошелькомъ и сердцемъ.

Но, разумѣется, Аретино предъявлялъ къ жизни требованія, болѣе высокія, чѣмъ тѣ, о которыхъ говорилось до сихъ поръ. Чувственные наслажденія неспособны были цѣликомъ наполнить его взыскательную душу, душу артиста въ полномъ смыслѣ

¹⁾ «Я смѣюсь въ душѣ, пишетъ онъ (III, 273) Якопо Сансовино, когда вы желаете мнѣ правильныхъ доходовъ. Вы вѣдь знаете, что если бы даже египетскія пирамиды служили мнѣ доходомъ, я пустилъ бы ихъ въ оборотъ. Лишь бы намъ жить: все остальное пустяки».

²⁾ Bertani, 209—212.

³⁾ A. Graf, Attraverso il Cinquecento, 119.

этого слова: Аретино любилъ искусство и литературу. И искусству и литературѣ онъ отдалъ много творческихъ силъ, какъ художественный критикъ и какъ писатель. Но онъ и виѣ творческой работы не понималъ жизни безъ тонкихъ и глубокихъ эмоцій, источникъ которыхъ—искусство и литература или явленіе природы и жизни, преломившіеся сквозь художественную призму. Не даромъ онъ такъ дружилъ съ художниками: Джуліо Романо, Сансовино, Вазари, Себастьяно дель Пьомбо, Тиціаномъ, не даромъ онъ любилъ общаться съ писателями: Джовіо, Бембо. Бернардо Тассо, даже Франко и Дони, пока съ ними не поссорился. Но всякое духовное наслажденіе должно было носить эмоціональный характеръ. Чистаго умственного наслажденія, опьянѣнія идеей Аретино не понималъ. Для него то была нудная схоластика. Онъ не любилъ затруднять своей головы разсужденіями о природѣ вещей. Своего философа Платаристотиле онъ сдѣлалъ комической фигурой и заставилъ въ отвѣтъ на его разсужденія о природѣ вещей выслушивать отъ жены замѣчанія о томъ, что представляетъ и гдѣ помѣщается настоящая природа ¹⁾. Платона, какъ замѣчаетъ Графъ, онъ ненавидѣлъ такъ же, какъ и Лютера, и когда Дони послалъ ему однажды философскую книгу онъ вернулъ ее не читая, при отвѣтѣ, прославляющемъ «рѣшительную» жизнь: *vivere risolutamente* ²⁾.

Все это у него выходило одинаково искренне. Аретино вообще никогда не притворялся. Эта привычка, столь свойственная людямъ Возрожденія, была чужда его душѣ. Его настроеніе было очень непостоянно. Его вкусы мѣнялись безъ конца. Онъ былъ способенъ подниматься на высоты, доступныя только крупному артисту и падать до такихъ удовольствій, которые были подлѣ стать послѣднимъ рабочимъ Арсенала. Но онъ ні когда не дѣлалъ секрета ни изъ чего потому что, повторяемъ, всегда былъ искрененъ. Онъ очень цѣнилъ себя и поэтому всегда хотѣлъ быть самимъ собою, хотя бы нѣкоторые изъ тѣхъ образовъ, которые онъ принималъ и казались обществу не очень красивыми.

Вопросы морали его не интересовали. Онъ былъ въ буквальномъ смыслѣ слова по ту сторону добра и зла, какъ всякій послѣдовательный эпикуреецъ-практикъ. То, что ему было пріятно, было въ его глазахъ нравственно, то, что ему вредило—безнравственно. Вотъ почему такъ трудно уловить отдѣльные моменты міровоззрѣнія Аретино. У него не было твердыхъ взглядовъ ни на что. У него въ разное время было разное отношеніе къ тѣмъ вопросамъ, изъ-за которыхъ болѣла душа у людей, болѣе глубо-

¹⁾ Il Filosofo, IV. 9: la natura, che sta fra le coscie.

²⁾ Lettere, IV, 269.

нихъ и не столь равнодушныхъ къ тому, что есть добро и что зло, Каковы были политическія взгляды Аретино? Былъ ли онъ религіозный человѣкъ? Кто знаетъ? Въ разное время онъ говорилъ разное. Онъ заступался за республиканскія учрежденія Флоренціи и прославлялъ космополитическую монархію Карла V, подъ сѣнью которой могла якобы объединиться Италія. Но то и другое у него сочеталось съ главнымъ дѣломъ его жизни, съ борьбою противъ итальянскихъ тирановъ. Тутъ онъ былъ болѣе послѣдовательнъ ¹⁾).

То же было и съ его религіей. Въ годы, когда могли сложиться его религіозныя убѣжденія, большинство были равнодушны къ религіи. Аретино писалъ безъ конца житія святыхъ, перелагалъ псалмы, рассказывалъ евангельскіе эпизоды. Но общественное мнѣніе считало его нигилистомъ, а его жизнь менѣе всего была жизнью религіознаго человѣка. Онъ много грѣшилъ и любилъ прелести грѣха. Но, кажется, онъ искренне вѣрилъ. Его натура, грубая и поздно пріобщившаяся къ образованію, должна была быть наклонной къ вѣрѣ, но наклонность къ утѣхамъ была сильнѣе вѣры. Это и самъ Аретино признавалъ хорошо ²⁾). Онъ говорилъ, что не умѣетъ бороться съ собою, но что вѣритъ. Поднимающаяся волна католической реакціи захватила его: грѣшить онъ не пересталъ, но вѣра его стала какой-то воинствующей. Порою она застилала туманомъ его острый критическій взоръ, и онъ могъ напр., обращаться къ Микель Анджело съ требованіемъ одѣть фигуры Страшнаго Суда. Въ спокойную минуту Аретино, другъ Тиціана, знатокъ живописи, такой безвкусицы обнаружить не могъ ³⁾). Данью импульсивной натуры навязчивымъ настроеніямъ католической реакціи было, несомнѣнно, и то, что Аретино не признавалъ свободы совѣсти и всю жизнь горячо ненавидѣлъ Лютера.

Словомъ, образъ Аретино гораздо сложнѣе, чѣмъ это было еще не такъ давно принято себѣ представлять. Онъ не такая яркая въ своихъ отрицательныхъ свойствахъ фигура, какъ думали. Онъ *virtuoso*, человѣкъ той *virtu*, чисто умственной, которую только и цѣнило Возрожденіе, плоть отъ плоти и кровь отъ крови своего вѣка, его сгущенное, если можно такъ выразиться, изображеніе. Оправдывать его отъ обвиненій бесполезно. Стараться представить его человѣкомъ высокихъ нравственныхъ качествъ, просто смѣшно. Его нужно только объяснить. Чтобы объяснить

¹⁾ См. Sinigaglia, стр. 137. Luzio, Aretino, ... a Venezia, стр. 35.

²⁾ См. Bertani, стр. 342.

³⁾ Въ оправданіе ему можно указать только на то, что онъ судилъ по письмамъ, не видѣвъ картины.

его, его нужно привести въ связь съ культурой Возрожденія. Разумѣется, ни одинъ біографъ, ни одинъ критикъ не упустилъ изъ виду эту связь. О ней много говорятъ. Но никто не догадывается. Ни одинъ изъ біографовъ не сдѣлалъ того, что нужно было сдѣлать, не попробовалъ понять Аретино съ точки зрѣнія эволюціи основныхъ принциповъ Возрожденія.

V.

Едва ли нужно напоминать нашимъ читателямъ, что основнымъ принципомъ Возрожденія былъ индивидуализмъ. Путемъ борьбы со старымъ церковнымъ міровоззрѣніемъ былъ открытъ человѣкъ и освобожденъ отъ узъ, которыми сковывали его въ средніе вѣка идеалы аскетизма и установленія теократіи. Усилія лучшихъ людей итальянскаго Возрожденія: Петрарки и Боккаччо, Салутати и Поджо, Лоренцо Валлы и Леонъ-Баттиста Альберти, Марсиліо Фичино и Пико делла Мирандола были направлены къ тому, чтобы открыть личности человѣческой законную возможность развивать свои внутреннія силы, не опасаясь церковной опеки. И теоретически эта задача была рѣшена превосходно: новая этика освободила человѣческую личность. Иное дѣло—на практикѣ. Правда, и на практикѣ сдѣлано было много. Церковь не мѣшала больше ничему; папство пошло въ Каноссу Ренессанса, не только санкціонировало все движеніе, но даже было не прочь слить съ его путями пути церковной политики. Но, освободившись отъ опеки церкви, Возрожденіе попало подъ другую опеку, не менѣе стѣснительную,—опеку многочисленныхъ итальянскихъ дворовъ. Случилось это въ силу естественной политической эволюціи. Въ XV вѣкѣ Возрожденіе, какъ извѣстно, почти слилось съ гуманизмомъ, съ тягою къ античному, и тѣ народныя начала, которыя расцвѣтали въ XIV и въ началѣ XV вѣковъ, традиціи Данте, Петрарки и Боккаччо, которыя старались культивировать одинокіе гении въ родѣ Леонъ-Баттиста Альберти, заглохли надолго. Девизомъ интеллигенціи сдѣлался возвратъ къ античной культурѣ, и вполне естественно, что, вслѣдствіе этого между нею и народомъ разверзлась бездна. Отвергнутые народомъ, куда должны были метнуться гуманисты? Ко дворамъ, потому, что больше было некуда. Пріютъ при дворахъ давался, конечно, не даромъ. Гуманистовъ цѣнили, но ихъ эксплуатировали. Люди, патетически разсуждавшіе объ освобожденіи личности отъ всяческихъ путъ, не замѣтили, что сами себѣ сковали цѣпи очень требовательной опеки. Ко вкусамъ, ко взглядамъ, интересамъ дворовъ они должны были теперь приспособляться. Отъ нихъ этого требовали.

Дальнѣйшая эволюція индивидуализма ставила, такимъ образомъ, вполне опредѣленную задачу: разбить опеку дворовъ надъ человѣческой личностью, какъ въ XV вѣкѣ была разбита опека надъ нею церкви. Вопросъ технически сводился къ тому, чтобы уничтожить матеріальную зависимость интеллигенціи отъ дворовъ и дать ей возможность крѣпко стоять на собственныхъ ногахъ. Къ этому шло все съ самого начала XVI вѣка. Пьетро Аретино первый сдѣлалъ попытку добиться этого путемъ планомерныхъ усилій, и въ этомъ заключается его великое значеніе въ исторіи не только итальянской, но и міровой культуры. Вся его жизнь, вся его дѣятельность бьетъ въ эту именно точку. Итальянскіе біографы Аретино разсматриваютъ какъ нѣчто обособленное отъ его жизни его литературную дѣятельность. Это большая ошибка. То и другое тѣсно связано. Если раскрѣпощеніе отъ дворовъ должно было вернуть интеллигенціи утраченную ею свободу, то борьба противъ классицизма и пропаганды всѣхъ литературныхъ видовъ на итальянскомъ языкѣ должна была возстановить связь между интеллигенціей и народомъ способную обезпечить ее матеріально, безъ нарушенія ея свободы.

Мы знаемъ, что Аретино началъ, какъ начинали и кончали всѣ представители литературы Возрожденія до него: службою при дворахъ. Талантъ у него былъ большой, и его цѣнили. Послѣ разгрома Рима, загнанный въ замокъ св. Ангела, Климентъ VII безпрестанно вспоминалъ Аретино. Ему нужно было писать тонкія дипломатическія письма императору, а составить ихъ толкомъ никто не умѣлъ. Папа горько жаловался на то, что всѣ потеряли голову и сдѣлались ни на что не способны и сокрушался, что нѣтъ съ нимъ Аретино. Бывшій кардиналъ Медичи хорошо зналъ, на что способенъ его прежній другъ. И маркизъ мантуанскій ставилъ его очень высоко. Но придворныя цѣли были не для Аретино. Попавъ въ Венецію и оцѣнивъ удобства пребыванія тамъ, Аретино принялъ свое великое рѣшеніе. Въ упомянутомъ уже письмѣ къ дожу, онъ даетъ свою аннибалову клятву: «Пснявъ въ свободѣ великой и доблестной республики, что значитъ быть свободнымъ, отнынѣ и навсегда я отвергаю дворъ».

Онъ нашелъ себѣ эпитетъ: homo libero per la gratia di Dio, «свободный человѣкъ милостью Божьей». Свобода вмѣсто рабства, право вязать и разрѣшать тѣхъ, кто при другихъ условіяхъ могъ его казнить и миловать, безопасность подъ эгидою крылатаго льва св. Марка вмѣсто риска получить кинжалъ въ спину по напризу любого вельможи—вотъ что имѣлъ онъ теперь. Въ Венеціи онъ будетъ безъ помѣхи «жить рѣшительно», *risolutamente*. Что могла дать ему придворная служба, чего онъ не могъ

бы имѣть, живя въ своемъ чудесномъ домѣ на Canal Grande? Дворянство? Его никогда не добивался Аретино. Въ немъ крѣпко сидѣла гордая психологія потомка многихъ поколѣній тосканскихъ горожанъ, сокрушившихъ мощь феодаловъ, и онъ не дошелъ еще до новаго міропониманія героевъ новеллы Ласки, приведенной выше. Подобно Пульчи, такому же упорному и непримиримому горожанину, подобно многимъ его послѣдователямъ, Аретино внесъ свой вкладъ въ литературу, развѣнчивающую рыцарство, своего героя-комического «Orlandino». А когда Карль V предложилъ возвести его въ дворянство, онъ отклонилъ эту честь и писалъ друзьямъ, что по его мнѣнію «дворянинъ безъ дохода— все равно, что стѣна, на которой нѣтъ знаковъ, что запрещается останавливаться: uno muro senza croci scompisciato da ognuno». А кромѣ дворянства или подобныхъ же бесполезныхъ почестей, служба при дворахъ могла принести только деньги. Аретино былъ твердо увѣренъ, что съ высоты, на которую подняла его новая свобода милостію Божіей онъ сумѣетъ извлечь у монарховъ несравненно больше, чѣмъ могла бы дать ему служба при одномъ какомъ-нибудь дворѣ.

Когда мы просматриваемъ письма Аретино, эти шесть толстыхъ томовъ старой печати, то первое впечатлѣніе отъ нихъ получается отталкивающее. Вотъ просьба о деньгахъ, вотъ опять, тутъ благодарность или пышная хвала за полученные деньги, дальше снова клянчаніе пенсіи, тамъ что-то похоже на откровенное вымогательство, здѣсь острый ароматъ шантажа. Такихъ писемъ большинство. Аретино облагаетъ всѣхъ кого можно, и всѣ платятъ. Если кто не платитъ, тому посылается угроза; послѣ угрозы отказы случаются рѣдко. Большинство данниковъ Аретино—государя, большіе, средніе, мелкіе, мельчайшіе, потомъ кардиналы, придворные, вельможи, полководцы, купцы. Такъ много было ихъ, что Аретино пришло однажды въ голову заказать медаль, на одной сторонѣ которой былъ его портретъ, а на другой онъ же изображенъ сидящимъ на тронѣ, въ длинной императорской мантии, а передъ нимъ толпа владѣтельныхъ государей, приносящая ему даръ. Кругомъ надпись: *i principi, tributati dai popoli, il servo loro tributano*, т.-е. государя, собирающіе дань съ народовъ, приносятъ дань своему рабу. Дони, злѣйшій врагъ Аретино, называлъ его *tagliaborsa dei principi*, грабителемъ кошельковъ у государей. Артуро Графъ ¹⁾ объясняетъ это не такъ трагически, съ эволюціонной точки зрѣнія: «Между литературой, такъ сказать, служилой (*di servizio*) и литературой независимой должна

¹⁾ Attraverso il Cinqueceto, 111.

была быть промежуточная, соединяющая черты той и другой. Между литераторомъ, который проситъ милостыню и литераторомъ, который получаетъ гонораръ за свою книгу, долженъ былъ быть литераторъ, который налагаетъ милостыню. Этимъ литераторомъ былъ Пьетро Аретино»

Чѣмъ же добивался Аретино такой покорности со стороны государей, изъ которыхъ каждый былъ большимъ или меньшимъ деспотомъ, и вдобавокъ еще въ эпоху, когда наемные убійцы дѣлали такія великолѣпныя дѣла?

Во-первыхъ, своими сонетами и другими стихотвореніями, въ которыхъ сатира чередовалась съ восхваленіемъ, и въ которыхъ онъ продолжалъ традиціи маэстро Пасквино. Во-вторыхъ, письмами, Аретино первый началъ публиковать сборники своихъ писемъ, и эти сборники преслѣдовали опредѣленную публицистическую дѣль. Въ этомъ отношеніи Аретино продолжалъ традиціи Возрожденія, которыя повелись съ Петрарки и, быть можетъ, съ Катерины Сиенской. Человѣкъ, который завоевалъ себѣ выдающееся положеніе, мнѣніями котораго интересовалось общество, отъ времени до времени выпускалъ свои письма къ опредѣленнымъ лицамъ, иногда даже и «безъ адреса» (*sine titulo*), какъ Петрарка. Въ XV вѣкѣ при помощи этихъ писемъ многіе гуманисты пытались сводить свои личные счеты. Въ этомъ отношеніи особеннымъ артистомъ былъ Франческо Филельфо, который въ развязности и наглости не уступалъ Аретино, но не имѣлъ ни его таланта, ни того количества читателей, потому что писалъ по-латыни. Аретино сталъ выпускать письма сборниками—послѣ того, какъ многія изъ нихъ циркулировали въ спискахъ—отчасти, чтобы произвести болѣе сильный публицистическій эффектъ, отчасти, чтобы лучше добиться своихъ личныхъ цѣлей, потому что и въ нихъ хвала и хула были распредѣлены въ строгой зависимости отъ того, кто какъ платилъ. Эта вторая цѣль, несомнѣнно, и приводила къ тому, что именно въ письмахъ особенно замѣтно сказалась вмѣстѣ съ крупными достоинствами: выразительностью, яркостью и гибкостью, самая непріятная особенность языка Аретино: его нестерпимая порою манерность. Искусственность, дѣланность, напыщенность многихъ изъ его писемъ, главнымъ образомъ тѣхъ, гдѣ рѣчь идетъ о деньгахъ,—таковы, что изъ-за нихъ часто остаются незамѣченными ихъ огромныя стилистическія достоинства. И когда Пиціо въ «Талантѣ» ¹⁾ говоритъ: «риторика на кончикѣ языка у всякаго, кто любитъ, кто обманываетъ и кто нуждается», —

¹⁾ I, 13.

мы чувствуемъ, что Аретино, который отлично сознавалъ этотъ недостатокъ своего стиля, пытается себя оправдать. Потому что онъ много любилъ, много нуждался, потому что ему много приходилось обманывать.

Наконецъ третьимъ, главнымъ средствомъ, которымъ Аретино дѣйствовалъ на государей, были его *giudizii*.

«*Giudizii*» — это сатирическое предсказаніе на тотъ или другой годъ, по формѣ представляющее пародію на очень обычные въ то время гороскопы, выпускавшіеся въ большомъ изобиліи досужими астрологами и приносящіе имъ хершій доходъ. Въ этихъ астрологическихъ предсказаніяхъ перечисляется по порядку, что произойдетъ въ предстоящемъ году, какая будетъ зима, какое лѣто, какъ будутъ вліять знаки зодіака, что случится въ той или другой странѣ, въ томъ или другомъ итальянскомъ государствѣ. На этой канвѣ Аретино выводилъ свои сатирическіе рисунки, гдѣ опять-таки въ строгомъ соотвѣтствіи со своей теоріей, чернилъ, высмѣивалъ или прославлялъ видныхъ людей, смотря по тому, кто какъ платилъ. Первый образецъ такого собирательнаго, если можно такъ выразиться, памфлета Аретино выпустилъ въ 1527 г. послѣ разгрома Рима войсками коннетабля Бурбона. Это тотъ самый, за который Климентъ VII хотѣлъ раздѣлаться съ нимъ при помощи убійцы. До насъ онъ не дошелъ, такъ же, какъ и слѣдующіе, выходившіе, вѣроятно, каждый годъ. Единственный, сохранившійся полностью экземпляръ, это предсказаніе на 1534 г., найденное и напечатанное Луціо ¹⁾. Оно написано въ моментъ самой большой дружбы съ Францискомъ I, восхваляетъ до небесъ его и всячески язвитъ его противника, императора; изливаетъ на друзей Франсиска всѣ благодѣянія и пророчитъ всевозможныя несчастія Карлу и его друзьямъ: Аретино выгоняетъ, въ предсказаніяхъ, конечно, испанцевъ изъ Неаполя, Андреа Доріа—изъ Генуи, Сфорцу—изъ Милана и всюду сажаетъ французовъ, Флоренцію дѣлаетъ столицей королевства Этруріи для мужа Екатерины Медичи ²⁾, возвращаетъ Сиенну партіи Петруччи, враждебной Карлу и т. д. ³⁾.

Чтобы дать представленіе о томъ, какъ писалъ эти вещи Аретино и чего въ нихъ боялись власть имущіе, приводимъ два отрывка, особенно яркихъ: часть вступленія и пророчество о зимѣ.

¹⁾ «Un pronostico satirico di P. Aretino», 1900.

²⁾ Въ то время живъ былъ еще старшій сынъ Франсиска, и Генрихъ не былъ дофиномъ Франціи.

³⁾ Нужно замѣтить, что пророчество оказалось на рѣдкость неудачнымъ. Карлу, словно на зло «пятому евангелисту», особенно везло въ ближайшіе годы: ему достался Миланъ, онъ имѣлъ крупныя успѣхи въ Тунисѣ и т. д. Ср. Luzio, стр. XIX.

Вступленіе... Обязляю Вашему Величеству ¹⁾ и выражаю увѣренность, что Ракъ, Скорпіонъ, Вѣсы и Близнецы при содѣйствіи книжниковъ и фарисеевъ Зодіака волюють въ меня секреты неба, какъ вливають въ звѣринцевъ князей всѣ пороки: коварство, трусость, неблагодарность, невѣжество, подлость, хитрость и ереси, *solum* чтобы сдѣлать васъ великодушнымъ, храбрымъ, благодарнымъ, доблестнымъ, благороднымъ, добрымъ и христіаннѣйшимъ. А если небу угодно сдѣлать ихъ ослами, грубиянами (*plebei*) и преступниками, почему именно мнѣ хотятъ зла герцоги Феррары, Милана, Мантуи, Флоренціи и Савойи, герцоги только по имени? Развѣ я несу вину за молчаливую скарденность императора? Я побуждалъ короля Англіи къ перемѣнѣ ложа? ²⁾ Если Венера заставляетъ злоупотреблять косметиками маркиза Дель Васто ³⁾, что я могу съ этимъ подѣлать? Если Марсъ отказываетъ въ воинской доблести Федерико Гонзага, зачѣмъ сваливать это на меня? Если Рыбы побуждаютъ Альфонсо д'Эсте солить угрей ⁴⁾, пусть онъ пеняетъ на себя, а не на Аретино. Если Близнецы сводятъ кардинала Чибо съ невѣсткою, за что дуется на меня славный сеньоръ Лоренцо? ⁵⁾ Если Вѣсы побуждаютъ герцога Савойи вѣшать мясо и масло ⁶⁾, при чемъ тутъ я? Если Козерогъ украшаетъ голову такому-то князю, такому-то герцогу, такому-то маркизу, вѣдь не я же былъ сводникомъ»...

А вотъ и другой отрывокъ:

Зима. Такъ какъ движеніе солнца черезъ квадратъ луны займется всѣ небесныя свѣтила, зима будетъ болѣе холодной, чѣмъ цвѣтущая весна и чѣмъ зрѣлая осень ⁷⁾. Поэтому всѣ владѣтели Ломбардіи, чтобы не умереть отъ холода, будутъ, согласно мѣстному обычаю, спать со своими кузинами, невѣстками и сестрами. И если кто станетъ вмѣнять имъ это въ преступленіе, они будутъ ссылаться на *lex imperia*, ибо императоръ въ Болоннѣ занимался любовью со своей свѣтлицей, герцогиней Савойской, съ папскаго благословенія ⁸⁾. А потомъ, столько идетъ разговоровъ объ англійскомъ королѣ, который *amore Dei et bonae voluntatis* посадилъ въ монастырь одну женщину, за XVI лѣтъ не сумѣвшую сплести ему яичко ⁹⁾. Благо нашимъ, которыя несутъ въ годъ по пяти и по шести, наподобіе феррарезокъ, миланокъ, мантуанокъ и неаполитанокъ. Всѣ знаки, всѣ звѣзды, всѣ плашеты, послѣ вычиленія ихъ квадрантомъ, утверждаютъ, что уродливая маркиза Мантуанская, у которой зубы черны, какъ черное дерево, а брови бѣлы, какъ слоновою костью, подлобозобразная (*dishonestamente brutta*) и еще болѣе подло накрашенная, родитъ на старости лѣтъ безъ супружескаго оплодотворенія. И такое же явить чудо сеньора Вероника Гамбара, увѣнчанная лавромъ блудница»... ¹⁰⁾.

¹⁾ Францискъ

²⁾ Разводъ Генриха съ Екатериной Аррагонской изъ-за Анны Болейнъ.

³⁾ Легкій выпадъ по адресу пріятеля, Альфонса де Авалось.

⁴⁾ Альфонсо д'Эсте завелъ въ это время крупную рыбную торговлю отъ феррарской казны. Въ дальнѣйшемъ ему достается хуже: «Альфонсо который, подобно Антонину, заслуживаетъ прозвище *Pius* (благочестивый или сострадательный) за то, что живыми похоронилъ братьевъ...»

⁵⁾ Отношенія кардинала Чибо къ женѣ его брата Лоренцо были притчею во языцѣхъ.

⁶⁾ Рѣчь снова идетъ о торговлѣ отъ имени казны.

⁷⁾ Смѣсь целѣности и трюизма, пародирующая обычныя астрологическія предсказанія.

⁸⁾ Герцогиня Савойская, Беатриче, отличавшаяся замѣчательною красотою, была сестра супруги Карла V. «Папское благословеніе», конечно, приплетено здѣсь для вѣщаго посрамленія Климента, который лично принималъ участіе въ болопскихъ переговорахъ. Аретино не прощалъ ему безнаказанности Джкиберти. Въ дальнѣйшемъ Климентъ называется *Papa Chimente* (папа, который лжетъ), а Римъ—*Roma Coda mundi* (пародія на *Roma—caput mundi*). Не забыты въ дальнѣйшемъ, разумѣется, и челюсти Карла V (*mascelle torte*).

⁹⁾ Опять про Екатерину Аррагонскую.

¹⁰⁾ Изабелла д'Эсте въ молодости считалась красавицей. Написанный Тиціаномъ портретъ ея въ зрѣлые годы, быть можетъ, и подтверждаетъ

Въ такомъ тонѣ выдержанъ весь довольно длинный памфлетъ. Много ли въ немъ явныхъ измышлений? Нѣтъ. «Аретино,—говоритъ Луціо ¹⁾, рѣдко клеветаетъ и выдумываетъ. Въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста онъ ограничивается тѣмъ, что предаетъ гласности удостовѣренные скандалы, пускаетъ въ обращеніе факты, позорящіе людей, придавая имъ форму неожиданную и ѣдкую». Этой же тактики держался онъ и въ другихъ своихъ памфлетахъ. «Giudizii» были дѣйствительнѣе, потому что они расходились въ большемъ количествѣ ²⁾. Совершенно несомнѣнно, что въ большихъ городахъ Италіи уже существовала профессія продавцовъ извѣстій, родоначальниковъ современныхъ «газетчиковъ». Это подтверждается письмомъ Мантуанскаго посла въ Венецію, опубликованнымъ тѣмъ же Луціо ³⁾, гдѣ говорится: «нѣкій бѣдный человекъ, который ходилъ по Ріальто и продавалъ giudizii»... А въ Римѣ это было настолько обычнымъ промысломъ, что Аретино ввелъ фигуру этого same-lot эпохи Возрожденія въ одну изъ своихъ комедій ⁴⁾.

Приводимъ эту сцену:

Оборванецъ (кричитъ). Чудныя исторіи, чудныя исторіи!

Мако. Тише! Чего оретъ вотъ этотъ?

Сіенецъ. Сумасшедшій, должно быть, какой-нибудь...

Оборванецъ. Чудныя исторіи, исторіи, исторіи. Война съ турками въ Венгріи! Предсказанья брата Мартина! Соборъ! Исторіи, исторіи. Схизма въ Англіи! Пышная встрѣча папы и императора! Обрѣзаніе воеводы! Взятіе Рима! Осада Флоренціи! Свиданіе въ Марсели съ заключеніемъ! Исторіи, исторіи! ⁵⁾.

опѣнку ея паружности, данную здѣсь. Аретино, какъ замѣчаетъ Луціо, могъ часто видѣть ее въ Венеціи. Намеки на ея распутство—чистая клевета. Быть можетъ, Аретино мстилъ ей за то, что она ни разу не снизошла до подачекъ ему. Такая же клевета то, что говорится про Веронику Гамбару. Это тѣмъ болѣе непонятно, что знаменитая поэтесса всегда заискивала передъ Аретино.

¹⁾ Pronostico satirico, XXXI.

²⁾ Луціо предполагаетъ, что оригиналъ, съ котораго списанъ его рукописный экземпляръ, былъ печатный и высказываетъ предположеніе, что такіе giudizii продавались въ видѣ брошюръ или листовъ («Aretino... a Venezia», стр. 7—8; Un pronostico satirico, XIII—XIV). Бертани, наоборотъ; думаетъ, что этого рода gi dizii «оставались неизданными и были извѣстны только немногимъ друзьямъ, которымъ показывали, что можетъ сдѣлать Аретино со своими недругами» (Aretino e le sue opere, стр. 23—124). Доводы Бертани представляются мало убѣдительными.

³⁾ Aretino... a Venezia, 8.

⁴⁾ La Cortigiana, I, 4.

⁵⁾ Ради комическаго эффекта, а, можетъ быть, чтобы высмѣять проказы этихъ furfanti, которые, какъ и ихъ современные потомки, умѣли обманывать публику несуществующими или старыми новостями, Аретино свалилъ въ кучу событія, отдѣленные другъ отъ друга рядомъ лѣтъ. Еторженія турокъ въ Венгрію и ожиданіе собора были фактами постоянными въ началѣ 3-хъ годовъ XVI в. «Предсказанія» Лютера минула уже почтенная давность, начало схизмы въ Англіи относится къ 1534 г., Болонское свиданіе Климента съ Карломъ V—къ 1529 г., разгромъ Рима—къ 1527 г., осада Флоренціи—къ 1529 г., союзъ Яна Запольи, воеводы Трансильванскаго, съ турками—тоже, свиданіе Франциска съ Климентомъ въ Марсели—къ 1532 г.

Изъ впечатлѣнія, которое этотъ camelot производитъ на провинціаловъ, видно, что продажа исторій—явленіе новсе. Но оно существуетъ. «Исторіи» продаются. Ничто не мѣшаетъ предположить, что продавались и giudizii Аретино. Но если даже они не продавались, то несомнѣнно, что они получали большое распространеніе путемъ списковъ. Такъ или иначе дѣйствіе ихъ было совершенно одинаково съ дѣйствіемъ печатнаго слова. Современная газета родилась.

Аретино, если и не совсѣмъ еще журналистъ въ современномъ смыслѣ слова, то онъ—несомнѣнно, первый типъ вліятельнаго публициста, который пользуется извѣстностью и огромнымъ вліяніемъ въ обществѣ. У него прежде всего большая освѣдомленность. «Изъ своего безопаснаго гнѣзда въ лагунѣ,—говоритъ Синигалія ¹⁾, онъ съ одного взгляда понималъ все, что происходило въ Европѣ наиболѣе примѣчательнаго; на все онъ имѣлъ глазъ, великолѣпно лавировалъ (destreggiavasi) между могущественными противниками, изъ всего извлекалъ немалую пользу. И подобно тому, какъ государи черезъ пословъ, онъ черезъ посредство друзей, Давида Одазіа, Чезано, особенно Верджеріо, былъ всегда въ курсѣ малѣйшихъ событій. Иногда и другіе его освѣдомляли, напр., Вазари»... Словомъ, если говорить языкомъ журнальной техники, у Аретино была хорошо организованная редакція: информация, корреспонденты и т. д. Но этого мало. Главная причина его успѣха заключалась въ томъ, что онъ своимъ талантомъ, несравненнымъ талантомъ публициста, усилилъ въ обществѣ потребность имѣть нѣчто въ родѣ журнала. Говоря опять тѣмъ же языкомъ, Аретино своимъ талантомъ поднялъ тиражъ газетныхъ суррогатовъ XVI вѣка. Его много читали. Онъ былъ властителемъ общественнаго мнѣнія. И это учитывалось. Какъ ни слабо было еще общественное мнѣніе въ то время,—совсѣмъ съ нимъ не считаться было нельзя при многочисленности самостоятельныхъ политическихъ единицъ въ Италіи, при запутанныхъ донельзя политическихъ дѣлахъ, когда никто не могъ сказать заранѣе, гдѣ онъ найдетъ противника, гдѣ союзника. Нѣтъ ничего удивительнаго, что даже самые могущественные монархи побаивались его, и, быть можетъ, не столько боялись, сколько чувствовали выгоду имѣть его на своей сторонѣ, а не на сторонѣ противника.

Послѣ выхода предсказанія на 1534 годъ Карлъ V сталъ усиленно стараться привлечь его на свою сторону. Причины тутъ были разныя. Мантуанскій посолъ Анбелло пишетъ Феде-

¹⁾ Saggio di uno studio su Pietro Aretino, 143.

рико Гонзага изъ Венеціи, что причины эти заключались въ томъ, чтобы Аретино «не писалъ о немъ дурно, особенно же изъ-за своячницъ», т.-е. все той же Беатриче Савойской ¹⁾. Кромѣ того, императоръ надѣялся получить и политическую поддержку отъ него. И онъ не ошибся. Какъ только Аретино принялъ пенсію императора, онъ написалъ свое знаменитое письмо Франциску по поводу его союза съ турками противъ Карла ²⁾, которое было краснорѣчивымъ апеллированіемъ къ общественному мнѣнію всего христіанскаго міра, имѣло громадный успѣхъ и произвело большое дѣйствіе. Можно указать цѣлый рядъ другихъ случаевъ, когда вмѣшательство Аретино останавливало или подкрѣпляло рѣшенія большой важности. Въ Римѣ при Климентѣ онъ помогъ маркизу мантуанскому добиться своихъ цѣлей; онъ поддержалъ кандидатуру Козимо Медичи, сына Большого Дьявола, въ герцоги Флоренціи; безъ Аретино предшественникъ Козимо, герцогъ Алессандро, никогда не сталъ бы зятемъ Карла V; онъ спасъ Ареццо отъ разгрома, избавилъ Перуджію отъ большой опасности. И сами владѣтельные особы, которыхъ такъ безжалостно разоблачало иногда перо Аретино, признавали, что онъ дѣлаетъ полезное и нужное дѣло. «Ваши *judicii* для меня настоящій оракулъ»,—писалъ ему Федерико Гонзага ³⁾. Антонио де Лейва говорилъ, по словамъ Аретино: «Аретино болѣе необходимъ для человѣческой жизни, чѣмъ проповѣди, потому что тѣ направляютъ на путь истинный простыхъ людей, а его писанія—вельможныхъ» ⁴⁾. Альфонсо де-Авалось увѣщевалъ его продолжать въ томъ же духѣ: «Итакъ, слѣдуйте вашимъ путемъ, достойнымъ похвалы и не обращайтесь вниманія, если кто-нибудь будетъ желать вамъ зла: лучшіе люди васъ будутъ любить изъ ненависти къ преступленіямъ» ⁵⁾.

Самъ Аретино смотрѣлъ на свою публицистическую миссію приблизительно такъ, какъ опредѣляли ее Лейва и Авалось: «я, Пьетро Аретино, порицаніями показываю имъ, что они собою представляютъ и похвалами то, чѣмъ они должны быть» ⁶⁾. Своего комическаго философа, Платаристотиле, онъ заставляетъ изрекать афоризмъ: «Пороки государей развязываютъ языки» ⁷⁾. Но онъ не скрываетъ, что деньги играютъ для него большую роль и откровенно признается одному изъ приближенныхъ Фран-

¹⁾ Luzio, Pronostico, XXII.

²⁾ Lettere, I, 156. О его дѣйствіи ср. Lettere, I, 182; V, 186.

³⁾ Luzio, Aretino... a Venezia, 6.

⁴⁾ Raggionamenti, 2 часть, предисловіе.

⁵⁾ Luzio, Pronostico satirico, XXXVI.

⁶⁾ Lettere, III, 133.

⁷⁾ Il Filosofo, II, 5.

циска I: «многое, что было сказано, было бы скрыто и многое, о чемъ было умолчено, было бы сказано», если бы ему во время хорошо заплатили ¹⁾. Но, какъ вѣрно замѣчаетъ Луціо ¹⁾, у него вмѣстѣ со всѣмъ этимъ достаточно ясное и опредѣленное чувство того, въ чемъ достоинство литературы и какъ должна совершаться ея эмансипація. Онъ провозглашаетъ право литературной дѣятельности быть вознагражденной достойнымъ образомъ. «Онъ становится, словомъ, первымъ журналистомъ, который безъ лицемѣрія получаетъ содержаніе изъ секретныхъ фондовъ. Печать—новая держава, которая крѣпнеть, съ которой необходимо считаться, и князья заключаютъ соглашеніе съ Аретино, представляющимъ печать. Они признаютъ, что имъ удобно имѣть друга, который можетъ дѣйствовать на общественное мнѣніе, и черезъ него на событія». Это «соглашеніе» настолько крѣпкое, что когда въ 1547 г. Аретино подвергся избиенію по приказу англійскаго посла, флорентинскій секретарь писалъ своему «оратору» въ Венеціи, Пандольфини: «англійскій посолъ запятналъ (maculata) ту свободу, которая дарована ему (Аретино) всѣми христіанскими государями» ²⁾.

Развѣ это не краснорѣчивое свидѣтельство того, что свобода личности прошла новый этапъ въ своемъ развитіи? Источникъ ея дѣйствій уже не въ чужой волѣ, а въ ея собственной, и тѣ, кому она еще недавно служила, это признаютъ.

Вѣдь дѣятели Возрожденія, освобождая личность, никогда не воодушевлялись демократическими идеалами. Личность для нихъ—это лишь избранные члены литературной республики. Благодаря своему аристократизму они сдѣлались чужды народу и попали въ вавилонское плѣненіе ко дворамъ. Именно ихъ освобождалъ теперь Аретино.

VI.

Пьетро Аретино былъ литераторъ; настоящій, милостью Божьей, литераторъ. Его литературный талантъ былъ огромный, сочный, многогранный, неизсякаемый. Онъ съ одинаковой легкостью писалъ стихами и прозой; и стихами, и прозой—во всѣхъ возможныхъ—частію даже невозможныхъ—видахъ. У него есть трагедія въ стихахъ, сонеты, героическія поэмы, поэмы героико-комическія, сатиры; въ прозѣ—житія святыхъ, діалоги на разные темы, комедіи, письма.

¹⁾ Lettere, I, 113; ср. I, 230.

²⁾ Aretino... in Venezia, 55—56.

Основное направление литературной деятельности Аретино — реализм. Когда Аретино выступил на литературное поприще, господствовали три литературных течения: классицизм, петраркизм и боккачизм. Петраркизм давил и обезцвечивал лирику, боккачизм — прозу, классицизм — все понемногу. Литература приобрела школьный характер, была непонятна и недоступна народу, и, хотя деятельность Пульчи, Боярдо, Ариосто, Маккиавелли, новеллистов, авторов комедий разрушила преобладание латинской поэзии, — дух школы остался на всем. Заслуга Аретино и здесь в том, что он поднял бунт против школы во имя жизни, во имя приближения к народу. Никто до него не решался так прямо ставить эти вопросы, всякий подчинялся, боясь скандала среди литературной братии. Аретино не боялся скандала ни в какой области. Он дерзнул — и победил.

В своей лирической поэзии он сознательно удаляется от шаблонов петраркизма и ищет сюжетов для сонета или *capitolo* в окружающих его явлениях. В своей прозе он не хочет следовать примеру Боккаччо и, быть может, самое характерное в его прозе с этой точки зрения то, что он не написал ни одной новеллы. Аретино новеллист прирожденный. Парабоско в «*Diparti*» влагает в его уста новеллу: это может быть литературным приемом. Но вся его проза полна новелл. Возьмем комедии: «*Cortigiana*» слеплена из двух новелл. «*Talanta*» — целый клубок новелл. «*Marescalco*» — драматизированная новелла, выхваченная прямо из жизни. «*Filosofo*» тоже сплетен из двух новелл, при чем одна из них боккачская. «*Raggionamenti*» — бесконечная вереница новелл, особенно в третьей части, где рассказывается о современных куртизанках. В «*Dialogo delle Corti*» вкраплены маленькие новеллы в род той, которая повествует о проказах Фра-Маріано, шута папы Льва X. Новеллами отзываются, повидимому ¹⁾, и многие из его житий святых. Но самостоятельной новеллы Аретино не написал ни одной. Он не хотел идти по следам даже родственного гения, а предпочитал брать свои темы из жизни, кипящей кругом него: сложной, напряженной, распутной жизни Чинквеченто и обрабатывать их в такой форме, которая давала больше всего простору его собственной манере, в форме письма, в форме диалога.

¹⁾ Мне их не удалось найти, но, судя по тому, что говорит Бертини (указ. соч., 356), житие Девы Марии, и особенно житие Оомы Аввинского, не чужды этого элемента. А составляя последнее, Аретино, очевидно, по ошибке временами брал перо, писавшее «*Raggionamenti*». Шаль (указ. соч., 475) называет жития (*absurdes romans*), а житие Катерины Сиенской в частности — *un conte licencieux*.

Наконецъ классицизмъ. Въ XVI вѣкѣ классицизмъ жилъ еще двумя своими развѣтвленіями, изъ которыхъ одно было лишь смѣшнымъ пережиткомъ, а другое—здоровымъ еще литературнымъ явленіемъ. Еще не совсѣмъ вымерли тѣ чудаки, которыхъ нужно, какъ это ни странно, считать прямыми наслѣдниками гуманистовъ Кватроченто. Они продолжали упорно ратовать за права греческаго и латинскаго языка. Теперь ихъ больше звали педантами, чѣмъ гуманистами, и разница между ними и ихъ предками XV вѣка была большая: тѣ шли съ вѣкомъ, боролись и побѣждали во имя страстной любви къ античному. Эти—шли противъ вѣка, не признавали побѣды *volgare*. Аретино высмѣялъ ихъ въ «*Magascalco*», гдѣ выведенъ типъ педанта и во многихъ письмахъ. Но педанты были уже смѣшны и безъ Аретино. Серьезнѣе было другое развѣтвленіе классицизма, то, которое требовало отъ всѣхъ литературныхъ формъ вѣрности классическимъ образцамъ: начинавшійся ложноклассицизмъ. Къ драматическимъ произведеніямъ это относилось особенно. Шаблонъ Плавта и Терренція для комедій, подражаніе греческимъ трагикамъ въ трагедіи—было своего рода закономъ. Аретино и тутъ произвелъ революцію. Его «Горація»—лучшая итальянская трагедія XVI вѣка—построена и написана совсѣмъ по-своему: въ ней большое мѣсто отведено народу, въ ней очерчены характеры, взятые не изъ книгъ, а изъ жизни, благо тотъ же бурный Чинквеченто давалъ матеріалъ и для этого. Что касается комедіи, то Аретино просто отбросилъ весь классическій аппаратъ, и полными пригоршнями сталъ черпать изъ окружающей дѣйствительности. Сюжетъ своей первой комедіи, «*Magescalco*», онъ нашелъ при дворѣ маркиза мантуанскаго, въ шуткѣ, которую тотъ сыгралъ съ однимъ изъ придворныхъ. А если сюжетъ брался литературный, то обработка его, типы, въ комедіи выведенные,—все изъ жизни. Стилъ у Аретино свой, не классическій; условности, въ родѣ той, что каждое изъ дѣйствующихъ лицъ должно было появляться на сценѣ не менѣе пяти разъ, имъ отброшены. Онъ стоитъ на томъ, что «лучше сухой хлѣбъ, да свой, чѣмъ приправленный лучшими яствами за чужимъ столомъ» и клянется «всегда быть самимъ-собою и никогда не быть другимъ» ¹⁾).

Многое дало Аретино рѣшимость дерзнуть на этотъ смѣлый шагъ, и прежде всего та атмосфера независимости отъ какихъ бы то ни было традицій, которыми была насыщена Венеція. Въ Венеціи не чувствовался, какъ уже было замѣчено выше, гнетъ

¹⁾ Прологъ къ «*Orazia*».

Пьетро Аретино.
(Портрет Тиціана).

школь и направленія, какъ во Флоренціи, въ Римѣ. Въ Венеціи каждый легче дерзалъ выявлять себя въ разрѣзъ съ господствующими вкусами. Въ Венеціи Джорджоне первый освободилъ живопись отъ тираніи мифологическихъ сюжетовъ и далъ самостоятельное, не подчиненное, мѣсто въ искусствѣ пейзажу. Въ Венеціи Тиціанъ первый сталъ пытаться въ портретѣ дать опредѣленнаго человѣка со всѣми его душевными особенностями. Въ Венеціи Тинторетто первый началъ изображать живую, индивидуализированную толпу. Не дѣлалъ ли Аретино въ литературѣ то, что три великихъ художника, его современника, дѣлали въ искусствѣ? Не помогала ли тѣсная дружба съ Тиціаномъ, погруженнымъ въ рѣшеніе своихъ живописныхъ задачъ, найти Аретино свой путь къ литературѣ? ¹⁾

Быть можетъ, въ этомъ бурномъ разрывѣ съ классической традиціей кое-что и нужно отнести и на долю отсутствія у Аретино литературной, т.-е. гуманистической подготовки; его враги усердно подчеркивали именно этотъ моментъ. Но, несомнѣнно, гораздо большую роль играло тутъ его большое чутье. Онъ видѣлъ, что классицизмъ отживаетъ свой вѣкъ; въ успѣхѣ «Мандрагоры» Маккиавелли онъ угадывалъ признаки поворота въ литературныхъ вкусахъ. Въ пробудившемся интересѣ къ итальянскому языку и особенно къ тосканскому нарѣчію онъ черпалъ поощреніе. Совершенно несомнѣнно, что типъ, выведенный Аретино въ «*Talanta*», венеціанца, который вотъ уже два года держитъ у себя флорентинца, чтобы отучиться отъ выраженій въ родѣ *velluo, vien za qua, in saò*—какъ и всѣ его типы, списанъ прямо съ натуры. Прежде держали при себѣ гуманистовъ, чтобы усовершенствоваться въ латинскомъ и греческомъ языкѣ. Теперь приглашаютъ людей, отъ которыхъ можно перенять чистую тосканскую рѣчь. Аретино все это учитывалъ, и результатомъ этого вѣрнаго учета была его реформа драмы, которая дала замѣнъ книжной, схоластической—драму реальную, народную, близкую и понятную массамъ. Литературный захватъ этой реформы былъ не великъ, потому что у Аретино не было большого художественнаго таланта. «Если бы Аретино, справедливо замѣчалъ Саймондсъ ²⁾, былъ геніальнымъ писателемъ, его смѣлость и самоувѣренность создали бы для Италіи исходный пунктъ развитія національной драмы». Но если въ литературномъ смыслѣ реформа Аретино не дала всѣхъ результатовъ, то въ чисто-куль-

¹⁾ Мы оставляемъ въ сторонѣ очень интересный вопросъ, каково было вліяніе Аретино на Тиціана, какъ артиста. Письма Аретино даютъ много матеріала для разработки этого вопроса.

²⁾ I. A. Symonds, *Italian literature*, т. II, 150.

турномъ она была очень плодотворной. Она приблизила литературу къ народу, и открыла писателю благородную перспективу: отыскать себѣ болѣе отвѣчающую его достоинству опору, чѣмъ дворъ монарха-мецената.

Самой яркой особенностью писательскаго таланта Аретино было чувство дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи онъ—необычайно яркій представитель настоящаго духа Возрожденія. Но у него это чувство дѣйствительности пріобрѣтаетъ очень своеобразный отпечатокъ: въ немъ живетъ какая-то особенная пластичность, какой быть можетъ, нѣтъ ни у кого изъ болѣе крупныхъ итальянскихъ писателей XVI вѣка.

Аретино мастерски умѣлъ передавать краски пейзажа. Его описанія природы, береговъ любимаго имъ озера Гарда, лагуны, самой Венеціи въ письмахъ—страницы живописнѣйшей итальянской прозы, сильной и богатой оттѣнками. Всѣ, кто до сихъ поръ писалъ объ Аретино, либо приводятъ цѣликомъ, либо упоминаютъ его знаменитое письмо къ Тиціану ¹⁾, въ которомъ онъ изображаетъ Венецію въ часы заката. Вотъ это письмо:

Синьоръ и кумъ! Вопреки моимъ превосходнымъ привычкамъ я пообѣдалъ сегодня одинъ, или, лучше сказать, въ компаніи съ лихорадкой (quartana), которая не покидаетъ меня и отбиваетъ у меня вкусъ ко всѣмъ кушаньямъ. Представляете вы меня, какъ я встаю изъ-за стола, сытый тоской и отчаяніемъ, не прикоснувшись почти ни къ чему? Скрестивъ руки, я опираюсь ими на подоконникъ—грудь и туловище почти наружу. И я люблюсь великолѣпнымъ зрѣлищемъ, милый кумъ!

Безконечная вереница лодокъ, переполненныхъ иностранцами и венеціанцами, двигаются по Canal Grande. Вода, видъ которой радуется тѣхъ, кто ее бороздитъ, какъ будто радуется сама, что несетъ на себѣ такую необычную толпу. Вотъ двѣ гондолы, которыми правятъ извѣстнѣйшіе въ городѣ гребцы, состязаются въ быстротѣ. Множество народу, чтобы полюбоваться состязаніемъ собрались на мосту Ріальто, тѣснятся на Riva de' Camerlenghi, устраиваетъ давку на Pescaria, занимаетъ весь Tragheto di Sofia, громоздится по ступенькамъ Casa di Mose ²⁾. И пока съ двухъ сторонъ проходила толпа и каждый торопился по своему дѣлу, посылая каналу свой хлопокъ, я, какъ человѣкъ, ставшій въ тягость себѣ самому, не знающій, что дѣлать со своими мыслями, поднимаю свои глаза къ небу. Съ того дня, какъ Господь сотворилъ это небо, оно никогда не было расцвѣчено такой дивной картиной свѣта и тѣней. Во духъ былъ такой, какимъ его хотѣли бы изобразить тѣ, кто вамъ заидуютъ и не могутъ быть вами. Прежде всего дома, каменные дома, какуются сдѣланными изъ какого-то матеріала, преображеннаго волшебствомъ. Потомъ свѣтъ—здѣсь чистый и живой, тамъ разсѣянный и потускнѣвшій. А вотъ, смотрите, другое чудо: облака, которыя на главномъ планѣ почти касаются крышъ, на поло ину остаются предпоследнимъ. Вся правая сторона—теряется изъ виду цѣликомъ и тонетъ въ сѣро-коричневой мглѣ. Я дивился различнымъ оттѣнкамъ, которыя облака являли взору, когда самыя близкія такъ и горѣли и искрились пламенемъ солнечнаго диска, а болѣе отдаленныя румянились багрянцемъ болѣе мягкимъ. Чудесные мазки, которые окрашивали съ одной стороны воздухъ и заставляли его удалаться отъ дворцовъ, какъ это дѣлаетъ Тиціанъ въ своихъ пейзажахъ! Тамъ и сямъ показывались

¹⁾ Lettere, III, 48.

²⁾ Все это различные пункты Венеціи, хорошо извѣстные всякому туристу, около Ріальто и Fondaco dei Tedeschi. Аретино жилъ на углу Rio S. Giovanni.

синіе тона, отдающіе зеленымъ, въ другомъ мѣстѣ—зеленые съ синимъ оттѣнкомъ, какъ будто смѣшанные капризной (bizarra) природой, учительницею учителей. Она тонами свѣтлыми и темными заставляла тонуть и выдѣляться то, что ей нужно было сгладить или оттѣнить. Такъ какъ я знаю, что ваша кисть—духъ отъ духа природы, то я воскликнулъ три или четыре раза: «Тиціанъ, Тиціанъ, гдѣ вы сейчасъ. Клянусь, если бы вы нарисовали то, что я вамъ рассказываю, вы повергли бы всѣхъ въ такое же очарованіе (stupore), какимъ охваченъ я»...

Такую способность переводить языкъ красокъ на языкъ словъ расточаетъ Аретино всегда, когда описываетъ природу. Отъ того ли, что онъ вращался среди художниковъ изоширилось въ немъ это пластическое чувство или оттого онъ любилъ дружить съ художниками, что въ немъ оно было ключомъ,—но это общеніе и эта способность сдѣлали Аретино первымъ художественнымъ критикомъ, настоящимъ создателемъ этого вида литературы, который именно и долженъ былъ возникнуть въ дни золотого заката Возрожденія, когда живопись взлетала на вершины человѣческихъ достиженій, и литература почтительно и грустно уступала ей первенство въ царствѣ творчества.

Но живописный талантъ сказывался у Аретино не только въ изображеніи пейзажа. Онъ такъ же ярко изображаетъ и жизнь. Типы его комедій—живые люди. Куртизанки: Альвиджа, старая сводня съ молитвами на языкѣ, въ которыхъ она безжалостно коверкаетъ латинскія слова—совсѣмъ въ духѣ наступавшей католической реакціи и падающаго гуманизма: у Беккаделли куртизанки щеголяютъ цицероновскою латынью и молитвъ не вспоминаютъ; Таланта, жадная и ловкая, искусная въ разговорѣ, знающая всѣ тонкости своего ремесла; Туллія, которую алчность доводитъ почти до преступленія—составляютъ превосходный, неповторяющійся pendantъ къ типамъ Raggionamenti. Вотъ—Ханжа (Iprocrito), прототипъ мольеровскаго Тартюфа, тоже истый типъ, созданный католическою реакціей: онъ бормочетъ молитвы при людяхъ, но охотно занимается сводничествомъ; въ откровенныя минуты заявляетъ: «кто не умѣетъ притворяться—не умѣетъ жить: притворство—щитъ, о который разбивается всякое оружіе». Вотъ философъ Платаристотиле, который угощаетъ жену, истую дочь Возрожденія и близкую родственницу героинь Raggionamenti, разсужденіями о природѣ вещей вмѣсто ласки, которой та требуетъ. Вотъ простодушный провинціалъ, пріѣхавшій въ Римъ дѣлать карьеру и попавшій въ руки мистификаторовъ. Вотъ—плутъ и пройдоха, который сдѣлалъ себѣ промыселъ изъ глупости своего ближняго. Вотъ одинъ ловеласъ, потомъ другой, на него непохожій, потомъ третій—ихъ было много разныхъ въ жаркія времена Чинквеченто. Потомъ идутъ придворные, крестьяне, торговцы, воры,

полицейскіе, солдаты, слуги всѣхъ ливрей, рыбаки, газетчикъ, евреи, резонеры съ разными житейскими философiями—всѣхъ не перечесть. Къ типамъ комедій нужно присоединить типы *Raggionamenti*, великолѣпную галерею куртизанокъ, гдѣ есть (въ третьей части) рядъ портретовъ; портреты изъ писемъ, нѣкоторые изъ которыхъ выписаны поистинѣ тичіановской кистью: Симоне Бьянко, скульпторъ, Пьетро Пикардо, человекъ, который все знаетъ, всегда вертится между женщинами и когда нужно умѣетъ быть отличнымъ придворнымъ ¹⁾. Одинаково трепетно и пластично, съ рельефами и колоритомъ, изображаетъ Аретино и сутолку на *Canal Grande*, и неописуемыя распутства въ женскихъ монастыряхъ, и мельчайшіе секреты почтенной профессіи куртизанокъ, и тяжелую нравственную мишуру придворной жизни. Онъ не умѣетъ разсуждать. Едва онъ начинаетъ о чемъ-нибудь отвлеченномъ,—онъ уже исчерпалъ теоретическіе аргументы, и изъ-подъ его пера уже сыплются образы и красочные штрихи. И сами собою складываются въ картину.

Литература Возрожденiя, наконецъ, вошла въ то русло, въ которое ее толкала основная тенденція всего движенiя и въ которое она никакъ не могла попасть до сихъ поръ; въ русло изображенiя дѣйствительности, свободное отъ школьныхъ и традиціонныхъ указокъ, жизненное, естественное, доступное народу.

VII.

Ставилъ Аретино себѣ эти цѣли? Имѣлъ онъ въ виду что-нибудь кромѣ своей выгоды и своихъ удовольствiй? Или все, о чемъ говорилось выше, сдѣлалось само собою?

Аретино, несомнѣнно, вкладывалъ извѣстный моральный смыслъ въ свои филиппики противъ государей. Аретино, несомнѣнно, сознательно пытался покончить съ культурной ролью дворовъ, и сознательно представлялъ себѣ выгоды положенiя независимаго. Но онъ едва ли когда-нибудь серьезно думалъ о томъ, что эти его дерзанiя будутъ имѣть сколько-нибудь универсальное значенiе, т.-е. что они могутъ повести къ большимъ культурнымъ переменамъ. Едва ли онъ считалъ кого-нибудь способнымъ повторить то, что дѣлалъ онъ и занять въ мірѣ положенiе, хотя бы отдаленно похожее на то, которое онъ занималъ. Онъ не оцѣнивалъ того огромнаго культурнаго размаха, который имѣла уже его дѣятельность. Его задача была болѣе эгоистическая: собрать какъ можно больше денегъ. Но,—какъ всегда

¹⁾ Lettere, II, 27; I, 193.

во времена, богатые переменами, в обществе, умѣющемъ чутко подхватывать и быстро перерабатывать индивидуальную инициативу и индивидуальныя достиженія,—общество Возрожденія сдѣлало изъ дерзаній Аретино свой выводъ: рядъ чисто личныхъ волевыхъ актовъ нечувствительно сложился въ крупный общественный результатъ.

Это значитъ, что моральная цѣнность тѣхъ способовъ, при помощи которыхъ Аретино, сознательно или безсознательно, дѣлалъ общественное дѣло, не была въ глазахъ его современниковъ абсолютно отрицательной. Въ самомъ дѣлѣ, что возбуждало въ потомствѣ наибольшее отвращеніе къ Аретино, за исключеніемъ его распутства? То, что онъ хвалилъ за деньги и хулилъ, чтобы вынудить подачки. Если бы какой-нибудь журналистъ въ настоящее время открыто продѣлывалъ то, что дѣлалъ Аретино,—будь онъ гениемъ, онъ былъ бы конченный человѣкъ. Въ XVI вѣкѣ на эти вещи смотрѣли иначе, и именно потому, что придворныя традиціи развратили совѣсть культурной части общества. Примеровъ сколько угодно. Эрколе Строцци, чтобы угодить Лукреціи Борджья, супругѣ герцога Феррарскаго, пишетъ поэму, восхваляющую ея брата Цезаря, самое большое чудовище въ то богатое чудовищами время. Аріосто восхваляетъ Ипполито д'Эсте въ poemѣ, принадлежащей къ лучшимъ созданіямъ чело-вѣческаго генія. Кастильоне въ «Cortegiano» поетъ дифирамбы Франческо-Марія делле Ровере, герцогу Урбинскому, жестокость котораго могла безъ труда выдержать сравненіе съ жестокостью Ипполито д'Эсте и его брата, герцога. Тѣхъ же феррарскихъ изверговъ будетъ славословить Тассо. Джовіо, историкъ, самъ признавался, что у него два пера: золотое и желѣзное, что золотымъ онъ пишетъ тогда, когда его умѣютъ хорошо ублаготворить, а желѣзнымъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ. Развѣ можно назвать хотя бы одного представителя той богатой галереи вѣнценосныхъ бандитовъ, современниковъ Аретино,—который не получилъ бы на свою долю славословій въ стихахъ или прозѣ? Развѣ не прославляли Лодовико Моро, Алессандро Медичи, Козимо, великаго герцога Тосканы, Альфонсо д'Эсте,? Или худшихъ носителей красной мантии?

Аретино вымогалъ, кланчилъ, курилъ оймѣамъ, злословилъ, мелко мстилъ. Это вѣрно, но, по выраженію Луціо,—все это «ходячая монета въ то время», и современники отвращеніемъ не проникались. Наоборотъ, съ каждымъ годомъ у Аретино становилось больше друзей и поклонниковъ и въ ихъ числѣ были люди, въ моральномъ отношеніи стоящіе высоко: и Микель-Анджело, и Витторія Колонна, и Вероника Гамбара.

А теперь,—теперь обличительная дѣятельность Аретино даетъ даже какое-то удовлетвореніе. Онъ одинъ не боялся выводить на чистую воду грязь, распутство, ужасы, кровавыя дѣянiя, всѣ преступленія, которые свили себѣ гнѣздо при дворахъ. Онъ одинъ разоблачалъ лицемѣріе абсолютизма, который въ молодомъ еще, героическомъ одушевленіи, производилъ свои наступательныя операціи въ Европѣ. Въ его обличеніяхъ—предчувствіе грядущей великой роли печати.

Какимъ же образомъ Аретино дали выполнить его миссію? Какимъ образомъ въ вѣкъ, когда съ такой легкостью замуровывали въ подземелья принцевъ крови и женъ владѣтельныхъ герцоговъ—вспомнимъ еще разъ двухъ братьевъ Альфонсо д'Эсте и другую жертву феррарскаго двора Лукрецію Медичи, дочь Козимо,—Аретино до конца жизни свободно гулялъ по набережнымъ и площадямъ Венеціи? Какимъ образомъ, въ вѣкъ, когда искусство отравлять насчитывало столько художниковъ—достаточно припомнить вакханалію яда въ семьѣ Козимо Медичи, великаго герцога,—Аретино умеръ отъ самаго обыкновеннаго апоплексическаго удара? Какимъ образомъ въ классическій вѣкъ брави, когда наемные убійцы всѣхъ національностей приѣзжали въ Италію на гастроли,—Аретино получилъ только одинъ ударъ кинжаломъ, такой сравнительно невинный, и никогда не вздумалъ надѣть кольчугу подъ платье? Какая сила хранила его? Нельзя же придавать серьезное значеніе заявленію Козимо, что всѣ государи христіанскаго міра даровали свободу Пьетро Аретино. Собственному обличителю? Бандиту, опустошавшему ихъ кошельки? Кондотьеру, готовому завтра предать того, кому служилъ сегодня? Вѣдь такимъ долженъ былъ представляться въ ихъ глазахъ Аретино...

Безопасность Аретино зиждилась, очевидно, на другомъ. Его хранила мощь Венеціи. И, быть можетъ, лучшимъ доказательствомъ того, что «государи христіанскаго міра» охотнѣе всего покончили бы со смѣлымъ публицистомъ, служатъ безкончныя жалобы разныхъ посланниковъ венеціанской синьоріи. Объ одномъ «заговорѣ пословъ» рассказываетъ самъ Аретино въ *giudizio* на 1534 годъ ¹⁾. «Испанскій посолъ обратился къ синьоріи венеціанской, вопія *usque ad sidera*, что я впалъ въ *crimen lesae majestatis*, упомянувъ вотще католическія челюсти» ²⁾. Это былъ не единственный случай. Какъ отзывалась на эти жалобы *Serenissima*? Иногда просто принимала ихъ къ свѣдѣнію,

¹⁾ Luzio, *Pronostico satirico*, 26.

²⁾ *Mascelle catoliche, mascelle torte*, знаменитая нижняя челюсть Карла V.

а если послы очень настаивали, къ Аретино съ помпой посыла-лось лицо для увѣщанія. Лицо исполняло свою обязанность, послы писали объ этомъ событіи длинныя депеши, и все остава-лось по-старому. У синьоріи были, несомнѣнно, свои причины, и очень серьезныя, не давать въ обиду Аретино. О характерѣ этихъ причинъ мы можемъ только догадываться. Конечно, тутъ играло роль то соображеніе, что самое искусное, самое грозное перо Европы всегда готово, чтобы обрушиться на враговъ рес-публики и отъ времени до времени будетъ со всѣмъ краснорѣ-чіемъ прославлять ее самое. Но этого, повидимому, мало. Луціо предполагаетъ, что Аретино умѣлъ пользоваться своими свя-зями съ дипломатами иностранныхъ государей въ интересахъ Венеціи: сообщалъ ей секретныя свѣдѣнія ¹⁾. Это очень вѣроятно. И, быть можетъ, это тоже еще не все. Въ архивахъ Венеціи много нераскрытыхъ тайнъ. Кто знаетъ, не откроется ли когда-нибудь, что Аретино связывала съ синьоріей система какихъ-нибудь очень сложныхъ услугъ, о характерѣ которыхъ трудно даже догадываться. Вѣдь обнаружилось же, въ концѣ-концовъ что другой яркій венеціанскій типъ, во многихъ отношеніяхъ такой похожій на Аретино—Казанова,—въ которомъ раньше видѣли жертву синьоріи, былъ просто ея агентомъ; даже зна-менитый его побѣгъ былъ устроенъ съ вѣдома и при участіи венеціанской полиціи.

Во всякомъ случаѣ республика св. Марка чутко охраняла Аретино, и это давало ему возможность громить всякаго, кого было нужно и выгодно.

VIII.

Возрожденіе не есть пора зрѣлой культуры новаго времени. Въ немъ есть какая-то робость мысли, которая такъ противорѣ-читъ общему направленію эпохи, рѣшительному и хищному. Воля человѣческая не знала сдержекъ въ немъ. Мысль же не доводила до конца своихъ построеній. Люди Возрожденія про-возглашали права критики и разрушали старые авторитеты, но, разрушая ихъ, они воздвигали на ихъ мѣсто новые. Клас-сицизмъ въ той или иной формѣ такъ и остался кумиромъ Воз-рожденія.

Венеція благодаря особенностямъ своего развитія и своего положенія выступила въ роли завершительницы дѣла Возрож-денія. Именно въ Венеціи, въ ея искусствѣ, въ ея литературѣ,

¹⁾ Pronostico satirico, XXXIX.

въ ея культурѣ,—авторитетъ классицизма получилъ свой *coup de grace*. Именно въ ней Возрожденіе сказало свое послѣднее слово. Сказало устами людей, не школы, а жизни, людей на связанныхъ придворными путами, «свободныхъ милостью Божьей», умѣющихъ смотрѣть кругомъ себя, читать душу человѣка въ его лицѣ, ловить ея проявленіе въ разговорѣ, наблюдать и изображать толпу.

Среди этихъ людей—и тотъ, кого не такъ давно отвергала исторія литературы, презирала исторія культуры, считало олицетвореніемъ грязи и пороковъ все культурное человѣчество—«бичъ монарховъ» Пьетро Аретино.

А. Дживелеговъ.

Изъ исторіи русской мысли XVIII—XIX вв.

(Русское вольтерьянство).

Въ исторіи русской мысли очень значительную роль сыграло такъ называемое «вольтерьянство». Въ этомъ утвержденіи нѣтъ ничего новаго, ничего оригинальнаго,—оно вошло, какъ общее мѣсто, даже въ школьныя руководства. Но до сихъ поръ въ нашей научной литературѣ не произведено достаточно полного анализа этого интереснаго историческаго явленія, не опредѣлена его сущность, не выяснены надлежащимъ образомъ его истинные предѣлы ¹⁾. Русское вольтерьянство... О немъ говорятъ, но въ немъ, на мой взглядъ, многіе русскіе историки даже не совсѣмъ увѣрены. Причина этого заключается, повидимому, въ томъ, что съ русскимъ «вольтерьянствомъ» познакомились, главнымъ образомъ, по произведеніямъ изящной литературы XVIII в., а этотъ источникъ, самъ по себѣ, конечно, не представляетъ высокой исторической цѣнности.

Всякому, кто потрудится заглянуть въ старые журналы XVIII столѣтія, пьесы и романы той же эпохи, бросится въ глаза несомнѣнный ясно выраженный интересъ русскихъ

¹⁾ Попутно выясняли это понятіе *Милюковъ* «Очерки по исторіи русской культуры», *Мякотинъ* «Изъ исторіи русскаго общества»; (статья: «На зарѣ русской общественности»), *Павловъ-Сильванскій* «Очерки по русской исторіи XVIII—XIX вв.» (статья «Русскіе матеріалы 20-хъ г.г.»), *Ф. Терновскій* «Русское вольнодумство при Екатеринѣ II» Тр. К. Дух. Ак. 1868 г. №№ 3 и 7.), *А-й Веселовскій* «Западное вліяніе въ новой русской литературѣ», *Р. Випперъ*, «Екатерина II и просвѣтительныя идеи Запада». («Міръ Бож.» 1896 г. № 12) *А. Н. Пыпинъ*, «Времена Екатерины II.», («В. Евр.» 1895, №№ 5—7). *А. В. Рачинскій* «Русскіе цѣнители Гельвеція въ XVIII в.» (по документамъ Московскаго Главнаго Архива М. Вн. Д. «Р. Вѣстн.» 1876 № 5). Съ моральной точки зрѣнія вопросъ о вольтерьянствѣ въ работахъ *Незеленова* «Н. И. Новиковъ и литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху». *Ив. Наумовъ*, «Вольтерьянство русскихъ писателей Екат. времени» (критика взглядовъ Незеленова). Библиографія по Вольтеру см. въ работѣ *Д. Языкова*, «Вольтеръ въ русской литературѣ (Сборн. «Подъ знаменемъ науки») *В. Сиповскаго*, «Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти (Матеріалы по библиографіи исторіи и теоріи романа)», 2) «Очерки изъ исторіи русскаго романа XVIII вѣка».

писателей XVIII столѣтія къ освободительной французской философіи. Въ журналахъ изслѣдователь найдетъ отрывки переводовъ изъ сочиненій французскихъ философовъ, прочтетъ анекдоты изъ жизни вожаковъ свободной мысли вѣка. При чтеніи романовъ и пьесъ XVIII в., предъ нимъ промелькнутъ очерки то ясные, то смутные, какихъ-то странныхъ лицъ; въ этихъ лицахъ чувствуется что-то новое, необычное для русской жизни. Они—живое олицетвореніе какого-то протеста противъ установившихся принциповъ общественной, особенно религіозной жизни. Что доказываютъ всѣ эти журнальные отрывки, эти, не всегда ясные, образы какихъ-то Развратныхъ, Ядоновъ, Руфиновъ, Злорадовыхъ, Злотворовъ, Развратовыхъ, Злоумовъ? На мой взглядъ, всѣ эти литературные факты, прежде всего, свидѣлствуютъ о несомнѣнной наличности какихъ-то новыхъ вѣяній въ русской жизни вѣка, а затѣмъ о томъ напряженномъ вниманіи, съ которымъ русскіе литераторы присматривались къ новымъ идеямъ, разрушавшимъ старую идеологію. Съ одной стороны, боязливо, робко переводятъ, правда, самые невинные отрывки изъ сочиненій свободомыслящихъ писателей вѣка. Съ другой стороны, обличаютъ какія-то проявленія свободной мысли, съ русской жизнью связанныя!.. Но въ какой мѣрѣ оригинальны всѣ эти обличенія, не переведены ли они изъ иностранныхъ журналовъ? Не подсказаны ли они извнѣ? Въ какой мѣрѣ глубоко и широко всѣ эти новыя идеи распространены въ русской жизни?

Такіе вопросы неизбежно возникаютъ на пути изслѣдователя русской литературы, стоящаго передъ грудой собранныхъ имъ любопытныхъ и своеобразныхъ фактовъ. И чувствуется здѣсь, въ этой массѣ пестрыхъ и случайныхъ фактовъ, не поддающихся систематизации,—что-то цѣнное, но литературой XVIII в. не догворенное, далеко не исчерпанное, тогдашними литераторами, какъ будто, не совсѣмъ даже понятое... «Вольтерьянствомъ» интересовались, «вольтерьянство» обличали... Это несомнѣнно. Но на основаніи литературныхъ матеріаловъ нѣтъ возможности говорить о качественной и количественной сторонѣ философскихъ исканій и стремленій русской мысли XVIII вѣка.

Между тѣмъ мысль эта была тревожна и въ то же время беспомощна въ своихъ исканіяхъ свѣта, въ своихъ стремленіяхъ къ свободѣ... Старое дореформенное еще русской жизнью не было изжито,—оно по прежнему всеильно было надъ душой русскаго человѣка,—вѣдь дѣтство его протекало въ обстановкѣ, надъ которою полную власть имѣла почти нетронутая старина съ ея завѣтными порядками и міросозерцаніями... Это дѣтство протекало почти всегда въ мирной деревнѣ, подъ надзоромъ ста-

рыхъ нянь и дядекъ, въ кругу помѣщичьихъ интересовъ, подъ защитой старыхъ религіозныхъ укладовъ и простонародныхъ предразсудковъ. Справедливость этого утвержденія можно доказать свидѣтельствомъ многочисленныхъ мемуаровъ.

Но кончилась пора дѣтства... Юноша изъ мирной заолустной деревни, послѣ молебна, отслуженнаго сельскимъ батюшкой, послѣ слезъ родни и дворовыхъ, садился въ рыдванъ и пускался съ дядькой въ открытое море жизни.. И вотъ онъ въ городѣ, на службѣ, или въ ученіи.. Здѣсь онъ обвѣянъ чужой атмосферой, въ которой нѣтъ мѣста старымъ роднымъ понятіямъ. Жизнь иная захлестываетъ юношу своими волнами: кутежи, товарищи, книги, новыя мысли и новыя чувства... И вотъ наступаетъ критическій моментъ, когда происходитъ перестройка его духа,—умираетъ одно, нарождается новое, чуждое старыхъ устоевъ. Не подчиниться новымъ требованіямъ жизни нельзя, нѣтъ силъ,—и вотъ начинается пора угара, пора смутныхъ сомнѣній, отважныхъ дерзновеній... Пора освобожденія духа и плоти!.. Но къ этому освобожденію русскій юноша можетъ притти только черезъ отрицаніе... Черезъ отрицаніе всего того, чѣмъ въ его сознаніи утверждено было духомъ родной старины. Вотъ эту разрушительную роль въ исторіи русской мысли ¹⁾ и сыграло у насъ «вольтерьянство» ²⁾.

Вотъ почему въ исторіи русской мысли «вольтерьянство» было интереснымъ моментомъ; оно было стихійной силой эпохой массоваго нигилизма, бороться съ которою было трудно. Оно было «школой духа», черезъ которую прошли одиночные люди сере-

¹⁾ Къ такому же выводу въ цитованной статьѣ приходитъ В. А. Мякотинъ. «Средневѣковыя понятія и представленія, составлявшія содержаніе умственной жизни Московской Руси, были изжиты ею уже къ концу XVII в., когда несостоятельность ихъ обнаружилась съ полною очевидностью. Съ той поры старое міросозерцаніе потеряло безграничную власть надъ умами не только высшихъ слоевъ общества, но и значительной части народа.» На такой же такой же точкѣ зрѣнія стоитъ и г. Павловъ-Сильванскій (ор. cit. 168). «Эта философія вѣка просвѣщенія имѣла въ себѣ громадную силу разрушенія, разрушенія стараго средневѣковаго государства и средневѣковаго церковнаго міровоззрѣнія. Политическій радикализмъ связанъ былъ въ ней съ философскимъ сенсуализмомъ, и въ этомъ соединеніи заключалась главная его сила, какъ боевого тарана» (Павловъ-Сильванскій. Соч. II. «Матеріалисты 20-хъ годовъ». 250—1).

²⁾ «Самое общеніе съ западомъ носило чисто-внѣшній и механическій характеръ. Для большинства общества оно и оставалось такимъ въ теченіе восемнадцатаго столѣтія, но, по крайней мѣрѣ, небольшая часть русскаго общества успѣла за это время перейти отъ простаго заимствованія иноземныхъ обычаевъ и взглядовъ къ сознательному усвоенію плодовъ теоретической мысли Запада. Прямымъ послѣдствіемъ такого перехода для испытавшихъ его общественныхъ группъ и отдѣльныхъ личностей явились попытки осмыслить собственное положеніе и выработать новое міросозерцаніе на основѣ вновь пріобрѣтенныхъ знаній и взглядовъ». (Мякотинъ ор. cit 168).

дины XVIII в., прошли сотни и тысячи русскихъ юношей конца XVIII в. и начала XIX в.—вплоть до 30—40-хъ годовъ.

Но проходила пора сомнѣній и отрицаній и многіе изъ этихъ юношей «вольтерьянство», утомленные великой душевной бурей, возвращались къ старымъ пенатамъ, подъ опеку своего родного деревенскаго домового; одни подъ его мудрой защитой обрѣтали утраченный покой; другіе, отравленные «ядомъ» скептицизма, оставались съ отрицаніемъ на всю жизнь и доживали свои дни неисправимыми «вольтерьянцами», съ холодной, опустошенной душой... Третьи не останавливались на одномъ отрицаніи: пройдя полный курсъ нигилизма, выносили они изъ этой школы страстное исканіе свободы религіозной и политической; нѣкоторые даже завоевывали новое міросозерцаніе и входили въ жизнь новаго вѣка и вооруженные новой свободной идеологіей, которая широко и свободно толковала основы жизни человѣка ¹⁾. Наконецъ, четвертые (ихъ было немало) выходили искалѣченными ипохондриками, мизантропами, нерѣдко кончали свои дни самоубійствомъ ²⁾, или, не смѣшиваясь съ толпой, жили «уродами», смѣшными оригиналами, «маніаками».

«Страхъ смерти, — говоритъ Гольбахъ, — всегда будетъ лишь дѣлать людей трусами; страхъ предполагаемыхъ ея послѣдствій будетъ только дѣлать изъ людей фанатиковъ или меланхолическихъ пѣтистовъ, равно безполезныхъ для себя самихъ и для другихъ. Смерть—такой ресурсъ, котораго не слѣдуетъ отнимать у угнетенной добродѣтели, нерѣдко доводимой до отчаянія людскою несправедливостію. Если бы люди меньше боялись смерти, они не были бы ни рабами, ни суетѣрами, истина находила бы для себя болѣе ревностныхъ защитниковъ, права людей отстаивались бы съ большимъ рвеніемъ, борьба съ заблужденіями велась бы энергичнѣе и изъ жизни народовъ была бы навсегда изгнана тиранія; низость питаетъ ее и страхъ ее поддерживаетъ». О смерти: Holbach *Système de la Nature* Paris 1820, т. I, 384 (Мякотинъ 207).

¹⁾ «Входя въ соприкосновеніе съ жизнью Запада и воспринимая плоды существовавшего въ ней идейнаго движенія, поскольку они выразились въ университетской наукѣ и въ литературныхъ произведеніяхъ Радищевъ и его товарищи искали и находили въ нихъ не только теоретическую истину, но и этическій идеалъ. Основные черты этого идеала стояли въ тѣсной и непосредственной связи съ высокимъ понятіемъ о значеніи человѣческаго разума, опредѣляющаго собою всю жизнь. «Помни,—говоритъ Радищеву умирающій Ушаковъ,—что нужно въ жизни имѣть правила, дабы быть блаженнымъ, и что должно быть твердо въ мысляхъ, дабы умирать безтрепетно» (Собр. соч. Радищева, V, 80). Кановы бы ни были эти, дающія блаженство въ жизни, «правила», они являлись уже результатомъ самостоятельной работы мысли, а не рабскаго слѣдованія традиціи» (Мякотинъ *op. cit.*).

²⁾ Напр., Рахманиновъ, страстный поклонникъ Вольтера, Радищевъ... Мякотинъ приводитъ разсужденіе Радищева о самоубійствѣ и сопоставляетъ съ его мыслями мысли Гольбаха. Радищевъ о самоубійствѣ говоритъ слѣдующее: Если ненавистное счастье истощитъ надъ тобою всѣ стрѣлы свои, если добродѣтели твоей убѣжища на землѣ не останется, если, доведенну до крайности, не будетъ тебѣ покровъ отъ угнетенія, тогда вспомни, что ты—человѣкъ, вспомни величество твое, восхити вѣнецъ блаженства, его же отъяти у тебя тщатся — умри!» (179—80, 160—8, 186—7, 182—6, 191).

Разнородна была та почва, на которую падали у насъ сѣмена свободной мысли, и оттого различные всходы далъ этотъ посѣвъ. Вотъ почему наше «вольтерьянство» носить заразъ и комичный ¹⁾, и трагическій характеръ. Вотъ почему сложнымъ оказалось и то понятіе, которое прикрываетъ собою всю эту новую жизнь встревоженной русской мысли. Вотъ почему русское «вольтерьянство» — оказалось понятіемъ расплывчатымъ и очень широкимъ: слишкомъ разнообразныхъ людей оно захватило, слишкомъ различно реагировали эти различные люди на эти освобождающія идеи и къ самымъ различнымъ результатамъ всѣ они пришли. И только одно, что свойственно всѣмъ русскимъ «вольтерьянцамъ», — хотя и въ разной мѣрѣ, — это «отрицаніе», черезъ которое прошли они всѣ, — отрицаніе, которое, подобно нигилизму 60-хъ годовъ, для русскихъ людей было мостомъ, черезъ который должны были они пройти, чтобы перебраться на другой берегъ рѣки, войти въ XIX в., съ его широкими общественными и политическими интересами, съ его широкими либеральными принципами.

Почва для этого «отрицанія» была подготовлена уже петровской эпохой, когда ломалась старина — ломалась не только энергичными усиліями сверху, но сама внутри себя съ конца XVI-аго вѣка. Еще Грозный замѣтилъ, что «старина *поисшаталась*». Но тщетны были попытки царя укрѣпить эту старину на основахъ стараго быта. Въ XVII-омъ вѣкѣ судьба этой старины была уже рѣшена: она съ расколомъ ушла въ далекіе скиты, и тогда послѣднимъ непримиримымъ представителямъ «послѣдней Руси» стало казаться, что «святой Русью» завладѣлъ Антихристъ. При Петрѣ началась генеральная ломка всего, что только уцѣлѣло отъ прошлаго. Ломка эта касалась не только внѣшней стороны русской жизни, — она жестоко разрушала самыя основы стараго міросозерцанія. На смѣну этой старой идеологіи, въ сознаніе русскаго человѣка стали настойчиво вторгаться идеалы новой жизни, — жизни, озаренной послѣдними лучами эпохи Возрожденія. Началось оправданіе земной жизни, ея смысла, всѣхъ ея цѣнностей. И чѣмъ сильнѣе внѣдрялись въ сознаніе интеллигентныхъ русскихъ людей начала новой мудрости, тѣмъ воспріимчивѣе оказывалась русская почва къ воспріятію тѣхъ идей,

¹⁾ Какъ типичный образецъ легкомысленнаго вольтерьянства, можно привести характерный случай, рассказанный Фонвизиномъ. Спорятъ о религіи два гвардейскихъ унтеръ-офицера: «Они имѣли между собой большое преніе: одинъ утверждалъ, другой отрицалъ бытіе Божіе. Отрицающій кричалъ: «Нечего пустяки молоть, а Бога нѣтъ!». Я вступился и спросилъ его: «Да кто тебѣ сказывалъ, что Бога нѣтъ?» — «Петръ Петровичъ Чебышовъ вчера на гостиномъ дворѣ», отвѣчалъ онъ. «Нашелъ и мѣсто, — сказалъ я». (Фонвизинъ, «Чистосерд. призн.» Соч. изд. Маркса, 242). Курьезнѣе всего, что этотъ Чебышовъ былъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода!

которыя должны были въ высшихъ слояхъ нашего общества ускорить процессъ постепеннаго умиранія родной старины.

Послѣ сказаннаго понятнымъ слѣлаются причины, почему освободительныя идеи Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ дали и хорошіе всходы ¹⁾.

Наши предки, повидимому, плохо различали по существу всѣ эти часто различныя, идеи (напр., Вольтера и Руссо), и потому объединяли ихъ подъ однимъ общимъ названіемъ «вольтерьянства», понимая подъ этимъ «вольтерьянствомъ» исключительно протестъ противъ старины, ея отрицаніе ²⁾; въ «вольтерьянствѣ» они пытались уловить просвѣтъ къ «новой жизни».

Если изящная литература XVIII в., даетъ немало матеріала для освѣщенія поставленнаго вопроса, то лишь въ освѣщеніи этого матеріала историческими документами можетъ быть понято русское вольтерьянство, какъ реальное бытовое явленіе. Вотъ почему прежде, чѣмъ пользоваться показаніями литературы, необходимо обратиться къ мемуарамъ XVIII вѣка и предварительно по этимъ историческимъ документамъ опредѣлить вольтерьянство, какъ жизненное явленіе, съ жизнью русской органически сроднившееся.

Иностранецъ Казанова, побывавшій въ Россіи, въ запискахъ своихъ сообщаетъ, о томъ, какъ въ XVIII в. распространено было въ русскомъ обществѣ увлеченіе Вольтеромъ.

«Я имѣлъ много случаевъ замѣтить, какимъ уваженіемъ пользуются французскія книги со стороны русскихъ, т.-е. людей образованныхъ, или претендующихъ на образованность. Говоря о французскихъ книгахъ, я разумѣю сочиненія Вольтера

¹⁾ Это замѣчено было уже людьми XVIII ст.: Винскій въ своихъ запискахъ говорить: «Вѣра, не тронутая въ своемъ составѣ, начинала въ сіе время нѣсколько слабѣть; несодержаніе постовъ, бывшее доселѣ въ домахъ вельможескихъ, начинало уже показываться въ состояніяхъ низшихъ, какъ и невыполненіе нѣкоторыхъ обрядовъ съ вольными отъѣздами на счетъ духовенства и самыхъ догматовъ, чему виною можно поставить тѣснѣйшее сообщеніе съ иностранцами и начавшіяся выходить въ свѣтъ сочиненія Вольтера, Ж.-Ж. Руссо и другихъ, которыя читались съ крайнею жадностью» (Записки Винскаго. «Р. Арх.» 1877, I, 103). Конечно «въ состояніяхъ низшихъ» Вольтеръ и Руссо не читались и «шатаніе умовъ», тамъ замѣчаемое было не столько отраженіемъ жизни высшихъ слоевъ, сколько показаніемъ умиранія старины.

²⁾ Любопытно, что «идея отрицанія», въ представленіи русскихъ людей, соединилась вообще съ Франціей,—съ французами вообще, съ Парижемъ въ частности. Вотъ, наприимѣръ, съ какимъ чувствомъ въ началѣ XIX ст., ѣхалъ въ Парижъ одинъ русскій юноша Башиловъ, побывавшій въ Парижѣ въ концѣ XVIII в., сейчасъ послѣ революціи; его страшило самое слово: *Парижъ*. «Охъ, страшно казалось это слово! Какъ? никого не слушаться? никого не почитать,—ни закона, ни святыни?».. (Кашпиревъ. Нам. Нов. русск. ист., ч. III. «Молодость А. А. Башилова» 20).

которыя для москвитовъ представляли всю французскую литературу. Великій писатель посвятилъ императрицѣ свою «Философію исторіи» (*Philosophie de l'histoire*), о которой онъ самъ отзывался, какъ о сочиненіи, написанномъ нарочно для Екатерины. Мѣсяцъ спустя послѣ выпуска изъ печати, три тысячи экземпляровъ этого сочиненія были опубликованы въ Россіи и раскуплены нарасхватъ въ одну недѣлю. Каждый русскій, читающій по-французски, носилъ книгу въ своемъ карманѣ, словно молитвенникъ, или катехизисъ. Особы высшаго круга только и бредили Вольтеромъ и божились не иначе, какъ его именемъ. Прочитавъ его, они считали себя обладателями знаній самобытныхъ и всестороннихъ, почти наравнѣ съ своимъ учителемъ. «Но для того, чтобы основательно усвоить знаніе и мудрость Вольтера,—говаривалъ я имъ часто,—лучше слѣдовало бы изучать тѣ источники, откуда онъ самъ почерпнулъ ихъ: это было бы средствомъ вѣрнѣйшей оцѣнки того и другого». Но я проповѣдывалъ глухимъ. Фернейскій патріархъ былъ въ ихъ глазахъ—альфа и омега всякаго знанія и всякой премудрости. Русскіе моего времени напоминали мнѣ собою чрезвычайно мѣткое и тонкое изреченіе одного знаменитаго римскаго прелата, который сказалъ мнѣ однажды: «берегитесь когда-либо спорить съ такимъ человѣкомъ, кто ничего не читалъ, кромѣ одной только книги» ¹⁾.

Любопытное показаніе Казановы нетрудно подтвердить другими многочисленными свидѣтельствами. Такъ, Болотовъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ о томъ, какъ приходилось ему встрѣчаться съ «вольтерьянцами» и дебатировать съ ними: «Съ помянутыми мужчинами скоро у насъ рѣчь зашла о наукахъ. Всѣ они случились быть люди ученые, или полуученые, или такіе, которые въ состояніи были говорить о наукахъ... Всѣ они заражены были вольтеризмомъ» ²⁾.

Фонвизинъ, какъ извѣстно, въ юности основательно прошелъ курсъ «безбожія» прежде, чѣмъ вернуться къ старому Богу. Вотъ, чтò рассказываетъ онъ въ своемъ «Чистосердечномъ признаніи»: «вступилъ я въ тѣсную дружбу съ однимъ княземъ, молодымъ писателемъ, и вошелъ въ общество, о коемъ я донынѣ безъ ужаса вспомнить не могу. Ибо лучшее препровожденіе времени состояло въ богохуліи и кощунствѣ. Въ первомъ не принималъ я никакого участія и содрогался, слыша ругательство безбожниковъ; а въ кощунствѣ игралъ я и самъ не послѣднюю роль, ибо всего легче шутить надъ святыней и обращаться въ

¹⁾ Записки венеціанца Казановы. Р. Стар. 1874 г. IX, 540—1.

²⁾ Записки Болотова. III. 164.

смѣхъ то, что должно быть почтенно. Въ сіе время сочинилъ я «посланіе къ Пумилову», въ которомъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе, такъ что отъ сего сочиненія у многихъ прослылъ и безбожникомъ» ¹⁾).

Въ своихъ воспоминаніяхъ И. И. Дмитріевъ такъ характеризуетъ одного своего знакомаго Козлятева «У него (Козлятева) была хорошая библіотека, увеличиваемая непрестано старыми и новѣйшими сочиненіями и переводами? Тогда было цвѣтущее время для французской словесности. Вольтеръ и Ж.-Ж. Руссо, хотя уже и находились въ преклонныхъ лѣтахъ, но ихъ слава, ихъ присутствіе между нами, одушевляли ученый міръ и приводили его въ движеніе. Даламберъ, Дидро, Реналь, Мармонтель, Томъ, Лагарпъ—были корифеями авторовъ второстепенныхъ» ²⁾).

Впослѣдствіи племянникъ И. Дмитріева,—М. Дмитріевъ, засталъ еще въ полной степени увлеченіе Вольтеромъ въ русскомъ обществѣ ³⁾. Вотъ что рассказываетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ («Мелочи изъ запаса моей памяти»): «Съ какимъ наслажденіемъ читали у насъ еще въ концѣ прошедшаго вѣка все, что переводилось изъ Вольтера, даже «Бѣлаго быка», который былъ напечатанъ особо!» ⁴⁾. «Духъ Вольтера много надѣлалъ вреда и у насъ. Я помню время, когда насмѣшки надъ религіей не только извинялись, какъ шутка, но были даже признакомъ остроумія. Посланіе Фонвизина «Къ слугамъ» знали наизусть. Его «Бригадиръ» наполненъ текстами изъ такихъ источниковъ, которые нынѣ почитаются неприкосновенными» ⁵⁾).

Авторъ записокъ такъ характеризуетъ своего дѣда: «Знакомство дѣда съ сочиненіями Вольтера не осталось безъ послѣдствій. Онъ заразился религіознымъ невѣріемъ, сдѣлался, какъ называли его сосѣди, «безбожникомъ». «Я ничему не вѣровалъ,—сказалъ онъ мнѣ однажды въ откровенномъ разговорѣ,—хотя съ малолѣтства былъ строго держанъ въ правилахъ церковнаго ученія». Онъ могъ бы прибавить: «и теперь не вѣрую», потому что до самой смерти остался твердъ въ своемъ образѣ мыслей» ⁶⁾).

¹⁾ Соч. Фонвизина, изданіе Маркса 859.

²⁾ И. Дмитріевъ. Сочиненія. 3 —1.

³⁾ Курьезный эпизодъ рассказываетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Я помню (это было тоже въ моемъ малолѣтствѣ, въ деревнѣ, въ захолустьѣ), пріѣхавшая къ намъ изъ Сызрани женщина, безграмотная и простого званія, говорила о комъ-то, что онъ держится *Волтеровой вѣры*; она хотѣла назвать этимъ *безвѣріе*».

⁴⁾ М. Дмитріевъ. «Мелочи». 1. 1854. 27—28.

⁵⁾ Стр. 50.

⁶⁾ «Дѣдъ мой Сербинъ». «Изъ записокъ человѣка». Р. Вѣстн. 1875. № 11, ч. 120. (10—1).

І. Тукалевскій въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ о «врагахъ христіанской религіи» въ русскомъ обществѣ конца XVIII-го стол., слѣдующее: «Злоба ихъ свирѣпствовала особенно въ концѣ осьмнадцатаго столѣтія. Неуваженіе къ религіи почталося отличительною чертою просвѣщенія. Развратныя мысли хлынули изъ революціонной Франціи. Зараза коснулась и богоизбраннаго отечества нашего. Неопытное юношество пожирало сочиненія главы невѣрующихъ, Вольтера». Далѣе авторъ вспоминаетъ какого-то Осипова, который въ юности увлекался сочиненіями «вольнодумцевъ»:

«Бѣдный Осиповъ преткнулся и находился въ заблужденіи, доколѣ по волѣ Божіей безсмертныя сочиненія защитниковъ вѣры не возвратили его въ нѣдра церкви» ¹⁾.

Въ «Запискахъ графа М. Д. Бутурлина» говорится о широкомъ распространеніи у насъ вольтерьянства ²⁾. Въ тѣхъ же «Запискахъ» читаемъ: «Старушки нынѣ говорятъ, что въ ихъ время только и толковали, что о Вольтерѣ, да о Вольтерѣ» ³⁾.

Большимъ либераломъ представляется, судя по документамъ его архива, адмиралъ Чичаговъ ⁴⁾. Такимъ же представляется авторъ любопытныхъ записокъ Добрынинъ, который, по его словамъ, хорошо зналъ Вольтера ⁵⁾ и самъ представлялъ себя «Гурономъ» ⁶⁾. Онъ, по собственному признанію, интересовался французской революціей и философіей ⁷⁾ «съ младенчества» зналъ французскую энциклопедію ⁸⁾. Въ его же запискахъ обрисованъ любопытный образъ вольнодумца-архіерея, интересующагося французскою философіею ⁹⁾.

Минихъ былъ свободомыслящимъ человѣкомъ и въ этомъ смыслѣ старался повліять и на Екатерину. Ей далъ онъ на прочтеніе словарь Бейля, и, по словамъ современниковъ, этотъ словарь былъ въ ея жизни первой основательной школой скептицизма ¹⁰⁾.

Болотовъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ, какъ онъ былъ пораженъ, убѣдившись, что старикъ Гагаринъ—неисправимый вольтерьянецъ: «онъ любилъ читать книги, и по днямъ болѣшую часть времени занимался, сидючи одинъ въ комнатѣ, чте-

¹⁾ І. Тукалевскій. «Воспоминанія». Спб. 1834. 85.

²⁾ «Р. Арх.» 1897, № 2, I, 1, 221.

³⁾ № 7, 375.

⁴⁾ «Архивъ адмирала Чичагова» 1885.

⁵⁾ «Истинное повѣствованіе или жизнь Гаврила Добрынина» (1752—1827), III ч. Спб. 1872.

⁶⁾ Op. cit. 120.

⁷⁾ 66.

⁸⁾ 356—7.

⁹⁾ 22, 64, 118, 106.

¹⁰⁾ «Записки граф. В. И. Головиной». Спб. 1900. 28.

ніемъ. Но я нашелъ его читающаго французскую извѣстнаго безбожника-Гельфеція книгу, не только удивился, но даже и содрогнулся, узнавъ, что и старикъ сей былъ, по примѣру многихъ, зараженъ до глупости вольтеріанизмомъ и, находясь при дверяхъ самага гроба, не переставалъ обожать Вольтера, сего Гельфеція и другихъ, подобныхъ имъ, изверговъ и развратителей человѣческаго рода» ¹⁾.

Судя по словамъ Свербеева, Магницкій въ молодости «считался вслѣдодумцемъ и послѣдователемъ Вольтера» ²⁾.

Отецъ проф. Ростиславова, священникъ, по словамъ его сына, тоже не былъ чуждъ «вольтерьянства». «Мой батюшка, будучи еще семинаристомъ, былъ довольно коротко знакомъ съ семействомъ помѣщиковъ, братьевъ Ивановыхъ, проживавшихъ въ тумскомъ приходѣ, въ деревнѣ Скокинѣ, особенно съ однимъ изъ братьевъ—Алексѣемъ Васильевичемъ. Отъ нихъ онъ позаимствовался пріемами и привычками, чуждыми духовенству, даже познакомился съ распространявшимися по Россіи идеями французскаго либерализма XVIII столѣтія; по крайней мѣрѣ, я не одинъ разъ отъ него слыхалъ, что онъ у Алексѣя Иванова бралъ и читалъ переводы нѣкоторыхъ Вольтеровыхъ сочиненій, напримѣръ, Кандида» ³⁾.

Объ адмиралѣ Н. С. Мордвиновѣ дочь его рассказываетъ, что онъ «въ молодости читалъ всѣхъ французскихъ философовъ, увлекаясь ихъ краснорѣчіемъ» ⁴⁾.

Увлеченіе Вольтеромъ въ началѣ XIX-го вѣка, повидимому, нисколько не слабѣетъ, — наоборотъ, свидѣтельства мемуаровъ дѣлаются все обильнѣе, показанія ярче, и самые облики русскихъ вольнодумцевъ обрисовываются яснѣе... Гераковъ, путешественникъ по южной Россіи, въ 20-мъ году, говоритъ, что, «начиная съ Одессы, молодые люди, бѣльшею частію, нелѣпо говорятъ и нелогически разсуждаютъ, и все на языкѣ у нихъ Вольтеръ, Руссо и имъ подобныя бездѣльники» ⁵⁾.

Въ томъ же сочиненіи читаемъ далѣе: «посмотришь на бібліотеки нынѣшняго образованія людей, — тамъ Вольтеръ, Ж.-Ж. Руссо, Дидеротъ, д'Алемберъ, Голбахъ и имъ подобные противники христіанства, занимаютъ первыя мѣста на полкахъ, въ шкафахъ» ⁶⁾.

¹⁾ Болотовъ, «Записки» II, 927—8.

²⁾ Записки Лм. П. Свербеева (1780—1826). М. 1889.

³⁾ Записки Д. И. Ростиславова. «Р. Ст.». 1880. № 3, XXVII, 549.

⁴⁾ «Воспоминанія объ адмиралѣ графѣ Н. С. Мордвиновѣ и семействѣ его. Записки дочери его, графини Н. Н. Мордвиновой». Спб. 1873. 96.

⁵⁾ Гераковъ, «Путевыя записки». 124.

⁶⁾ Op. cit.

Въ запискахъ Одинцова приблизительно то же самое говорится о вліяніи Вольтера на умъ и сердце юноши 20-хъ годовъ: «П. Колотовъ прислалъ мнѣ еще въ 1821-омъ году «Essais sur les mœurs de Voltaire», и это сочиненіе сдѣлалось моею настольною книгою. Вольтеръ, Монтескье, Франклинъ и Вейссъ опредѣлили въ моей молодости мое міросозерцаніе»¹⁾.

Изъ приведенныхъ ниже примѣровъ мы увидимъ, каковы были первыя впечатлѣнія русской молодежи отъ чтенія вольнодумныхъ сочиненій, и къ какимъ результатамъ неизбѣжно приводили они русское юношество.

Въ запискахъ Татлиной выступаетъ російская дѣвица вольтерьянка: «гувернантка, въ угожденіе мнѣ, тайкомъ отъ моей матери, начала возить книги изъ библіотеки мизантропа-Яковлева. Она сама не читала доставляемыхъ книгъ и о содержаніи ихъ не имѣла понятія. Это были сочиненія просвѣтителей XVIII вѣка и гремѣвшаго тогда Вольтера. Произведенія послѣдняго поразили, изумили меня. Однако старыя понятія не уступали новизнѣ, и, по прочтеніи Вольтера, на меня напалъ такой страхъ, что я хотѣла бросить книги въ огонь; но онѣ были не мои. Никогда я не видала сновъ болѣе страшныхъ, чѣмъ въ то время. Когда же бредъ прошелъ и наступило успокоеніе, мое сознаніе, какъ я понимаю теперь, вступило въ новую фазу развитія. Сочиненія энциклопедистовъ развили во мнѣ желаніе критически относиться къ окружавшимъ меня людямъ»²⁾.

Въ запискахъ Бѣляева говорить о себѣ юноша: «Я былъ любознательнъ, и потому жадно принялся читать все, что наиболѣе возбуждало мое любопытство, въ томъ числѣ Вольтера, Руссо и сочиненія энциклопедистовъ; началъ переводить «L'homme sauvage» Mercier и съ неопытнымъ, еще мало-образованнымъ умомъ скоро допустилъ въ свои мысли порядочную долю тогдашняго скептицизма, а затѣмъ и невѣрія. Изъ философическаго лексикона Вольтера болѣе другихъ подѣйствовало на меня *фанатизмъ* и другія въ такомъ родѣ статьи. Такимъ образомъ, мало-по-малу, наступило полное равнодушіе и сомнѣнія въ религіи, а слѣдствіемъ этого явилось страстное влеченіе къ наслажденіямъ, за которыя, хотя совѣсть еще продолжала уязвлять меня, но съ которою я уже боролся, считая этотъ вопіющій гласъ, вложенный Творцомъ въ природу каждаго разумнаго существа, вліяніемъ воспитанія и предразсудкомъ»³⁾.

¹⁾ Посмертныя записки А. А. Одинцова. «Р. Ст.» 1889. № 10 т. LXIV. 315. Сожитель Одинцова Сбручевъ былъ «пламенный послѣдователь Руссо».

²⁾ Воспоминанія П. Н. Татлиной. «Р. Арх.» 1899. III. № 10. 196.

³⁾ Воспоминанія А. Н. Бѣляева. «Р. Стар.» 1880. № 12. XXIX, 834—5.

Архимандритъ Терлецкій, вспоминая свою юность, говоритъ, что религіозное воспитаніе вообще плохо было поставлено въ Россіи. «Неудивительно, что какая-нибудь антирелигіозная книжка, или насмѣшка надъ религіознымъ чувствомъ какого-нибудь вольнодумца окончательно разрушали въ средѣ учениковъ основанную на шаткихъ убѣжденіяхъ вѣру? Это случалось съ болѣею частію молодежи и, разумѣется, должно было случиться со мною. Прочтенная мною книга Вольнея (Volney) «Руины Пальмиры», любезно сообщенная мнѣ однимъ польскимъ помѣщикомъ-патріотомъ, разбила всю мою вѣру, расшатанную всей антирелигіозной обстановкой, и повела меня на бездорожья, изъ которыхъ выбраться на путь болѣе здравый и правильный было уже очень трудно.» ¹⁾

Объ этомъ же говоритъ и Назимовъ въ своихъ воспоминаніяхъ «старжила»: «Не хочу скрыть, что я слышалъ также и новыя, поразившіе меня религіозныя софизмы, подрывающіе простоту вѣры, о которыхъ мнѣ никогда и въ голову не приходило. Послѣ уже я узналъ, что эти понятія были не новыми и въ университетѣ, и въ обществѣ, но принадлежали отдѣльнымъ личностямъ» ²⁾.

Любопытно, что иногда Вольтеръ и его друзья служили русскимъ людямъ средствомъ испытать свою вѣру, служили чѣмъ-то въ родѣ искуса, черезъ который нужно было пройти, чтобы узнать себя. Въ запискахъ Толычевой разсказана любопытная исторія одной русской дѣвушки: «Анна Андреевна родилась съ страстнымъ характеромъ и пылкимъ умомъ. Она была замѣчательной красоты; но только что ей минуло двадцать лѣтъ, ее обезобразила болѣзнь. Молодая дѣвушка поняла, что жизнь ея убита и впала въ глубокое отчаяніе. Однако, мало-по-малу, она пришла въ себя и употребила всѣ усилія, чтобы насильственно привить къ себѣ религіозный фанатизмъ. Долго боролась она со своею молодостью и неугомоннымъ сердцемъ. Она говорила, что не хочетъ слѣпой, дѣтской вѣры, и, несмотря на увѣщанія Маргариты Кирилловны, которая говорила, что врагъ силенъ, она перечла всѣ творенія французскихъ философовъ и бодро вызывала каждаго на религіозный споръ. Наконецъ, когда она сознала, что почва тверда подъ ея ногами, она вступила въ монастырь» ³⁾.

Вліяніе освободительной философіи сильно было еще въ концѣ 20-хъ годовъ и въ началѣ 30-хъ. Герценъ получилъ первоначаль-

¹⁾ Записки архимандрита Владиміра Терлецкаго. «Р. Стар.» 1889 г. № 7. LXIII, 4.

²⁾ «Въ провинціи и въ Москвѣ съ 1812 по 1823 годъ. Изъ воспоминаній старжила» М. Л. Назимова. «Р. В.» 1876, № 7, 137.

³⁾ Семейныя записки Т. Толычевой. Л. 1865. (39).

ное воспитаніе на произведеніяхъ этого рода. Въ запискахъ Пассекъ читаемъ: Самъ Герценъ «сталъ внимательно изучать исторію и съ энтузіазмомъ принялся за французскихъ писателей XVIII столѣтія. Онъ усвоилъ ихъ доказательства о правѣ и вѣрилъ, что форма правленія для народа не можетъ, въ одинъ прекрасный день, истечь совсѣмъ готовая изъ какого-нибудь «Declaration des droits de l'homme»¹⁾, вѣрилъ во всѣ теоріи и даже утопіи».

Говоря о 30-хъ годахъ, графъ Бутурлинъ пишетъ о себѣ слѣдующее: «Самыя даже вѣрованія были потрясены въ то скорбное время. Перемена эта произошла въ концѣ 1829 года отъ чтенія Вольтеровскаго «Dictionnaire historique et philosophique», а позднѣе отъ сочиненія «Les ruines» Вольнея (я считаю послѣднюю книгу болѣе опасной по своей аргументаціи, чѣмъ глумленіе надъ святыней Фернейскаго философа). Если не прямо отрицалъ я тогда религіозныя истины, то впалъ въ совершенный индифферентизмъ, — болѣе двухъ лѣтъ не входилъ въ церковь и не приступалъ къ обязательнымъ священнымъ таинствамъ исповѣди и св. Причастія съ 1829 по 1833 годъ. Можетъ быть, были тутъ легкомысліе и безпечность, но было также и религіозное сомнѣніе: я въ то время не стѣснялся выраженіями и шутками надъ священными предметами, доходившими до богохульства.»²⁾

Въ запискахъ Свербеева встрѣчаемъ мы нѣсколько любопытныхъ образовъ. Таковъ, напримѣръ, Салтыковъ, Мих. А.—ъ. который «превосходно владѣлъ французскимъ языкомъ» и раздѣлялъ мнѣнія энциклопедистовъ³⁾.

Аскоченскій, по его собственнымъ словамъ, «былъ въ юности вольтерьянцемъ, относился отрицательно къ монахамъ, церковнымъ обрядамъ, суесвятству и фанатизму.»⁴⁾

Въ запискахъ Свербеева говорится о какомъ-то П. А. П., который «предался всецѣло утопіямъ Ж.-Ж. Руссо.»⁵⁾

Любопытенъ студентъ Семеновъ, который началъ сознательную жизнь религіознымъ вольнодумцемъ, а кончилъ политическимъ, пострадавъ за декабрьское возстаніе. Студентъ Се-

¹⁾ Пассекъ. «Воспоминанія», Р. Стар. 1873, VII. 319—320. И французскимъ философомъ онъ остался навсегда благодарнымъ и съ сочувствіемъ вѣрнаго ученика вспоминалъ въ послѣдствіи ихъ имена: «Что за огромное зданіе воздвигнула философія XVIII в., у одной двери котораго блестящій, язвительный Вольтеръ, у другой — мрачный Руссо». «Мы забыли XVIII в. временъ Вольтера, Бюффона, что ни говори великія имена». Соч. VI, ч. 8—9 («Дневникъ» 1842).

²⁾ Записки графа М. Д. Бутурлина Р. Арх. 1897 г. I. (№ 7. 383).

³⁾ «Записки Дмитрія Николаевича Свербеева» (1799—1846) М. 1899. т. I, (3) — 360).

⁴⁾ «Дневникъ В. И. Аскоченской. («Ист. В.» 1882. № 2, VII. 318—35, 341—4).

⁵⁾ Op. cit. (256—7).

меновъ, по словомъ Свербеева, «всей душой преданъ былъ энциклопедистамъ XVIII вѣка; Спиноза и Гоббесъ были любимыми его писателями.»¹⁾

Эта любопытная связь либерализма политическаго и рели-подтверждается не разъ на страницахъ мемуаровъ.

Всѣ эти образы русскихъ свободомыслящихъ людей XVIII — XIX ст., — образы болѣе или менѣе яркіе, свидѣтельствуютъ о томъ, что новая мысль въ различной мѣрѣ овладѣла умами тогдашнихъ русскихъ людей. У однихъ затронута была только религіозная мысль, у другихъ захвачено было все міросозерцаніе. Одни легче справлялись съ возникшими сомнѣніями и отрицаніями, — другіе оказывались болѣе упорными и до старости жили во власти своихъ отрицаній.

Необходимо отмѣтить, что между русскими вольнодумцами было немало людей уступчивыхъ, которые «снисходили» къ «слабостямъ» людей «непросвѣщенныхъ» и деликатно обращались съ людскимъ «недомысліемъ», — были и такіе, которые шли напроломъ со свсими идеями, всѣмъ своимъ поведеніемъ протестуя противъ господствующихъ въ обществѣ «предразсудковъ».

Къ такимъ «уступчивымъ вольтерьянцамъ» относится, напри-мѣръ, графъ Мордвиновъ — это мы заключаемъ изъ словъ его дочери: «Въ молодости отецъ мой читалъ всѣхъ французскихъ философовъ, увлекаясь ихъ краснорѣчіемъ; но когда онъ женился, матушка убѣдила его, что не нравственныхъ и не религіозныхъ книгъ читать не слѣдуетъ».²⁾

Точно такъ же Болотовъ подъ вліяніемъ философіи³⁾ пришелъ къ такимъ умѣренно-либеральнымъ взглядамъ, которые заставили его критически относиться ко многимъ сторонамъ русской дѣйствительности, но въ то же время осуждать крайнія убѣжденія людей, «зараженныхъ вольтеризмомъ». (См. выше).

Таковъ же былъ приблизительно и В. С. Толычевъ, отецъ автора записокъ — Т. Толычевой. Это — типъ человѣка свободомыслящаго, но терпимаго: въ угоду женѣ онъ ѣстъ постное и исповѣдуются передъ смертью⁴⁾.

Его либерализмъ сказался въ томъ, что онъ поощряетъ сына, который отказался отъ покровительства значительнаго лица,

¹⁾ *ibid.* 105. 275.

²⁾ «Воспоминанія объ адмиралѣ графѣ Ник. Сем. Мордвиновѣ». Спб. 1878. 96.

³⁾ Сперва познакомился съ Вольфіанской философіей, а потомъ и «съ самими вольнодумническими» сочиненіями. Въ результатѣ, онъ ощутилъ, по его словамъ, — «нѣкоторыя сумнительства о истинѣ всего откровенія и христіанскаго закона». Болотовъ. II, 59—60.

⁴⁾ «Семейныя записки Т. Толычевой», М. 1865. 21—5.

дѣлавшаго ему самая блестящія предложенія ¹⁾). И самъ онъ отказывался постоянно отъ всякихъ покровительствъ ²⁾). Немудрено, что въ глазахъ тогдашнихъ Фамусовыхъ могъ онъ казаться «карбонаріемъ».

Къ этой же группѣ умѣренно-либеральныхъ людей относится и нѣкто Пишчевичъ, который въ своей «автобіографіи» прекрасно характеризуетъ свое прогрессивное міросозерцаніе, — результатъ разумнаго пользованія идеями вѣка. Крайности онъ отрицаетъ, лучшее изъ идей своего свободного времени беретъ: «Слово: «чернь» и другое: «онъ низкаго происхожденія», никогда не вмѣшались въ моей головѣ, ибо они суть самообиднѣйшія для человѣка наименованія, выдуманная налутую своимъ благородствомъ и притомъ глупой тварью; мы всѣ отъ одного корня происходимъ, а одни слѣпые случаи раздѣлили людей на степени, которыя потомъ остались таковыми отъ самоуправія сильнаго, противъ малосильнаго; скажутъ: «это умствованіе 18-го столѣтія!» Нѣтъ, это—прямые мои чувства, но пагубнаго равенства, философіи 18-го столѣтія проповѣденнаго, я не только не поборникъ, но и гнушаюсь онаго, какъ такого зла, которое содѣлало бѣдствие всему, можно сказать, извѣстному міру, и которое исправить надобно цѣлой вѣкъ. Но кто его исправитъ? Вѣрно, не себялюбивые монархи.» ³⁾). Характерно это заключеніе, отъ котораго такъ и пахнуло идеологіей свободного XVIII-го вѣка!

Совсѣмъ въ другомъ родѣ нѣкоторые оригиналы «вольтерьянцы» XVIII вѣка. Начитавшись философскихъ книгъ, они пожелали въ своей жизни возродить «естественнаго человѣка», простодушнаго вольтеровскаго Гурона. Результаты этихъ опытовъ получались чаще комическіе, но иногда и трагическіе. Вотъ, напримѣръ, передъ ними курьезный и очень яркій образъ дяди Толычевой: «Старшій мой дядя, Левъ Васильевичъ, поражалъ своимъ физическимъ безобразіемъ. Было что-то отталкивающее въ смугло-красномъ цвѣтѣ его лица, въ умномъ, но зломъ выраженіи его маленькихъ свѣтло-сѣрыхъ глазъ, въ толстомъ носѣ, испещренномъ синими жилками, въ циническомъ выраженіи губъ и въ плотно-обстриженныхъ волосахъ. Онъ былъ роста невысокаго, но крѣпко сложенъ. Животная сила высказывалась въ его широкихъ плечахъ и неуклюжей, жилистой рукѣ, сгибавшейся однимъ движеніемъ серебрянный рубль. Онъ никогда

¹⁾ Ор. cit. 48.

²⁾ Ср. cit. 10—1.

³⁾ «Жизнь А. С. Пишчевича, имъ самимъ описанная» 1764—1805. М. 1885. 1. Ср. ст. 11. Свинына («Воспоминаніе на флотѣ». С.б. 1818, 278 и др.).

не могъ простить моему отцу ни его красоты, ни его успѣховъ, ни изящныхъ пріемовъ, вывезенныхъ имъ изъ-за границы. Понимая, что было бы бесполезно вступать съ нимъ въ борьбу, онъ, какъ говорится, рѣшился взять другимъ и началъ цинически хвастать своимъ безобразіемъ, угловатостью и грубостью выражений. Онъ называлъ себя «сыномъ природы», говоря, что не умѣетъ стѣснять себя ни въ чемъ, плясалъ въ присядку и словомъ привилъ себѣ придуманную имъ самимъ дикую оригинальность.

«Бога ты не боишься, Левъ»—говорила иногда моя бѣдная бабушка, сконфуженная какою-нибудь черезъ-чуръ неприличною выходкой,—просто осрамилъ меня давеча при гостяхъ; въ краску вогналъ!»

— «Я—сынъ природы»,—отвѣчалъ онъ обыкновенно,—«и не то еще дѣлають на Алеутскихъ островахъ».

«Ужасъ, который онъ внушалъ всѣмъ окружающимъ, льстилъ его грубому самолюбію. Онъ былъ въ полномъ торжествѣ, когда могъ оскорбить чьи-нибудь чувства, убѣжденія, или даже общепринятая приличія. Когда служили всенощную на дому, онъ усаживался въ двухъ шагахъ отъ священника, съ стаканомъ чая и съ трубкой въ рукахъ. Женился онъ для того только, чтобы выиграть пари, заключенное имъ вслѣдствіе довольно неприличной шутки, и чрезъ нѣсколько лѣтъ бросилъ жену и дѣтей. Въ первый годъ его женитьбы у него родился сынъ. Мальчика назвали Сергѣемъ, и онъ скоро умеръ. Жена Льва Васильевича, у которой былъ свой взглядъ на вещи, говорила, оплакивая ребенка, что она сама виновата въ своемъ несчастіи, потому что у нихъ въ роду никогда не оставались въ живыхъ дѣти, названные этимъ именемъ. «Ужъ, должно быть, что не угодно великому угоднику Сергію», заключила она.

— «Въ самомъ дѣлѣ?»—возразилъ мой дядя,—такъ увидимъ же, кто кого переспоритъ, твой великій угодникъ меня, или я его! Дай только родиться у меня второму сыну!»

Когда родился второй сынъ, Левъ Васильевичъ, не взирая на слезы жены, или скорѣе, чтобъ идти наперекоръ ея слезамъ и просьбамъ, назвалъ опять ребенка Сергѣемъ, и ребенокъ умеръ черезъ годъ. Впослѣдствіи, въ продолженіе каждой своей беременности, тетка моя очень боялась рожденія сына, а Левъ Васильевичъ былъ въ отчаяніи, что у него все рождались дочери.

— «Если бы было двѣнадцать сыновей,—говорилъ онъ,—я бы всѣхъ двѣнадцать окрестилъ однимъ и тѣмъ же именемъ»¹⁾.

Въ запискахъ Ростиславова, со словъ его отца, рассказано о томъ, какъ силенъ былъ атеизмъ въ стѣнахъ духовныхъ семи-

¹⁾ Op. cit. (45—7).

наріи XVIII-го вѣка. «Одинъ семинаристъ во время грозovýchъ тучъ, вышедши на крыльцо и раскрывши свою грудь, кричалъ вслухъ, смотря на небо: «ну, если ты (т.-е. Богъ) дѣйствительно существуешь, то рази меня» ¹⁾).

Любопытный образъ нераскаяннаго атеиста изображенъ въ запискахъ Кичеева:

Какой-то російскій помѣщикъ Смороковъ былъ атеистомъ и вольнодумцемъ. Однажды онъ устроилъ торжественную встрѣчу своимъ любимымъ взрослымъ сыновьямъ, которые возвращались домой. Вдругъ пришло извѣстіе, что они всѣ утонули. Онъ былъ въ отчаяннѣи, и воскликнулъ: «О, дѣти мои, о, дѣти мои милыя! Неужели я васъ больше не увижу?!»—И, послѣ нѣкотораго молчанія, обратясь къ переднему углу, гдѣ надлежало быть св. иконамъ, сказалъ, какъ бы сардонически: «Провидѣніе! Такъ ты существуешь?» Но тутъ кровь бросилась ему въ голову, глаза помутились, ноги задрожали: его поразилъ нервическій ударъ». ²⁾

Вотъ менѣе яркій, но все же любопытный образъ вольнодумца-купца: «Михаилъ Михайловичъ былъ рыжій. Онъ до извѣстной степени образовалъ самъ себя и былъ для своего времени esprit fort. Торговалъ онъ старинными художественными вещами, былъ антикваріемъ. Онъ никогда не былъ женатъ и жилъ съ какой-то не то замужней женой, не то цыганкой, былъ viveur, libre penseur и масонъ. Послѣ него осталось много книгъ, большую часть которыхъ отецъ приказалъ сжечь» ³⁾.

Любопытенъ образъ какого-то незначительнаго чиновника-матеріалиста, который проповѣдовалъ эгоизмъ, какъ основу жизни и отрицалъ всякое значеніе нравственности. «Въ Москвѣ, въ домѣ зятя, жилъ съ нами родственникъ его, чиновникъ, довольно ученый, но молодецъ на всѣ руки. Съ нимъ я сошелся больше какъ-то по духу, нежели по симпатіи, потому что въ немъ много было добраго, но все чѣмъ-нибудь запачкано и загрязнено. Это былъ Эпикуръ въ дырявой тогѣ Діогена.—Чиновникъ, новый мой пріятель, остроумный по природѣ, читалъ Вольтера, Руссо и Макіавели, умѣлъ спорить о разныхъ предметахъ и всегда становился въ оппозицію съ общими мнѣніями. Плохо учась Логикѣ и не зная Діалектики, я не могъ съ нимъ препираться, но рѣдко склонялся на его сторону, хотя видѣлъ, что въ спорахъ онъ бралъ верхъ надъ людьми поумнѣе меня, да едва ли и не его. Однажды, несмотря ни на кого, онъ доказывалъ: если человѣкъ худъ и не

¹⁾ Русск. Стар. 1880, т. XXVII № 3. (550).

²⁾ «Изъ недавней старины». Разсказы и воспоминанія. П. Гр. Кичеева. М. 1870. 170.

³⁾ Вишняковъ, «Свѣдѣнія о купеческомъ родѣ Вишняковыхъ», ч. II, М. 1905 (60).

можетъ исправиться, то виновать не онъ, а родители, и доказывалъ, думая, не столько по увѣренности, сколько въ защиту своего поведенія. Въ другой разъ, въ противность общему приговору, порицалъ поступокъ двухъ сестеръ, молодой вдовы и дѣвicy, которыя, когда вошли въ ихъ домъ французы, не находя, гдѣ скрыться, и оберегая свою честь, выбѣжали на набережную, обнялись и бросились въ рѣку. Онъ это называлъ самоубійствомъ, говорилъ, что несчастныхъ сестеръ руководилъ стыдъ быть обезчещенными, а не благоразуміе и святость и что вообще, физическая жизнь важнѣе жизни нравственной» ¹⁾.

Въ запискахъ Пассекъ бѣгло обрисованъ другой такой же матеріалистъ—Алексѣй Александровичъ Яковлевъ, который «былъ чистый матеріалистъ съ законченнымъ взглядомъ, считавшій эгоизмъ источникомъ всѣхъ людскихъ дѣйствій, полагая ихъ дѣломъ организма и обстоятельствъ» ²⁾.

На такой же грубой матеріалистической точкѣ зрѣнія стоялъ, по свидѣтельству Болотова, писатель Клушинъ: Клушинъ—«умень, хорошій писатель, но... сердце имѣлъ скверное: величайшій безбожникъ, атеистъ и ругатель христіанскаго закона; нельзя быть съ нимъ; даже сквернословить и ругаетъ, а особенно всѣхъ духовныхъ и святыхъ. Матери своей онъ часто говаривалъ: «Дивлюсь, матушка, и не могу надивиться, какъ вы, будучи еще въ сихъ лѣтахъ и такъ здоровы, а не имѣете любовника! Вѣдь я вѣдаю, каковы вы, женщины, и что вамъ желалось бы имѣть любовника» ³⁾.

Большее сходство съ нимъ имѣеть и какой-то Карамышевъ, о которомъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ Лабзина: онъ—«былъ человекъ безъ вѣры, сомнѣвался въ безсмертіи души» и вообще «принадлежалъ къ тѣмъ воспитанникамъ XVIII столѣтія, которые блистали матеріализмомъ». Карамышевъ однажды принялся убѣждать жену, чтобы она завела любовника. Она грозила ему гнѣвомъ Божиимъ за измѣны, онъ засмѣялся и сказалъ: «какъ ты мила тогда, когда начнешь философствовать. Я тебя увѣряю, что ты называешь «грѣхомъ»,—только есть наслажденіе натуральное, и я не подверженъ никакому отвѣту». «И онъ нѣсколько разъ меня уговаривалъ, чтобы я согласилась имѣть любовника и выкинула бы изъ головы глупые предразсудки» ⁴⁾.

Но особенно любопытенъ дворянинъ XVIII в. Кравковъ, который за свои стремленія осуществить въ своей жизни «есте-

¹⁾ Измайловъ. Взглядъ на собственную прошедшую жизнь. М. 1860. 72.

²⁾ Пассекъ, *op. cit.* Р. ст. 1 73 г. V11, 322.

³⁾ Болотовъ. Памятникъ претекшихъ временъ». 117—8.

⁴⁾ Воспоминанія Ан. Евд. Лабзиной. (1758—1828). Спб. 1903. 77.

ственного человѣка» попалъ въ казематъ ревельской крѣпости, гдѣ и окончилъ свои тревожные дни. Кравковъ — дворянинъ, какъ гласитъ текстъ его «дѣла» — «несмотря на увѣщанія нижегородскаго архіерея, остался въ своемъ развратѣ непреклоннымъ, — не только таинствъ не принялъ, но и Евангеліе отвергъ, сказавъ, что: «онъ не знаетъ его, а мыслить такъ, какъ Богъ ему открылъ», при чемъ говорилъ, что «онъ ни подъ чьею не состоитъ властью, и никто ему ни въ чемъ указать не можетъ, гдѣ хочетъ, тамъ и живетъ, и что хочетъ, то и думаетъ» ¹⁾).

Вотъ образцы его «суемудрія»: «Земля-то, вѣдь, Божья, а Богъ не велѣлъ никому никакого насилья дѣлать, ибо Онъ сотворилъ всѣхъ равными» ²⁾. «Богъ насильно никого ко спасенію призывать не велѣлъ, а открылъ путь всякому, кто какъ желаетъ спастись, почему — какъ я о величествѣ Божіи мыслю и ищу спасенія, знать никто не можетъ» ³⁾. — Такъ рассуждалъ этотъ неисправимый ученикъ свободомыслящихъ философовъ.

И вотъ этого «естественнаго человѣка» «просвѣщенный вѣкъ» лѣчилъ и архіереями, и Шешковскимъ, и, наконецъ, какъ неисправимый «фанатикъ» онъ былъ посаженъ въ крѣпость.

«Передовые» люди XVIII вѣка, ученики Вольтера, вообще не выносили *фанатизма* и преслѣдовали всяческія его проявленія. «Въ Россіи фанатики не поощряются и не терпятся; съ ними обходятся, какъ съ одержимыми душевною болѣзною», сказала сама Екатерина въ своемъ «Антидотѣ» ⁴⁾.

Это мы и видѣли на судьбѣ Кравкова.

Любопытно, что самое понятіе: «фанатизмъ» оказалось очень растяжимымъ и расплывчатымъ: оно прикрывало собой и раскольниковъ, и масоновъ, и, какъ видно изъ примѣра Кравкова, даже тѣхъ сторонниковъ новыхъ идей, которые уже слишкомъ пастойчиво пытались провести эти идеи въ жизнь. Словомъ, всякая чрезмѣрная «принципальность» русскимъ ученикамъ Вольтера внушала подозрѣнія ⁵⁾, — наоборотъ, легкая безпринципность казалась высшею мудростью... Въ этомъ отрицаніи всякой стойкости, всякой опредѣленности убѣжденій и кроется источникъ нигилистическихъ тенденцій вѣка.

¹⁾ Кашпиревъ. «Памятники нов. русск. исторіи». т. I. 37.

²⁾ Op cit. 41.

³⁾ Op cit. 44.

⁴⁾ «Осьмнадцатый вѣкъ», П. И. Бартенева, кн. 4. 337.

⁵⁾ Одинъ мужичокъ въ 1763 г. за «великоважныя непристойныя слова» былъ взятъ въ тайную экспедицію и, по разсмотрѣніи, «оказался настоящимъ фанатикомъ, отъ чего, хотя и пользованъ былъ пущеніемъ крови, такъ и медикаментами, но только облегченія не получилъ» ¹⁾. (Кашпиревъ 46, прим.).

Отъ XVIII-го и начала XIX-го в. осталось немало образовъ различныхъ воспитателей, которые вели своихъ юныхъ воспитанниковъ къ идеаламъ новой свободной жизни. Особенно любопытенъ нѣкій Сербинъ, который хотѣлъ сдѣлать изъ своего сына «естественнаго человѣка», свободного отъ «предразсудкавъ» родной старины. «Сербинъ разошелся съ женой въ самомъ первомъ возрастѣ ихъ сына. Добровольный вдовецъ самъ взялся воспитать своего наслѣдника. Въ педагогическое руководство было выбрано извѣстное сочиненіе Руссо: «Эмиль, или о воспитаніи». Дѣдъ принялъ за правило вести Мишу согласно съ природой, ни въ чемъ не стѣсняя его свободы, укрѣпляя физическія силы и предохраняя отъ пустыхъ страховъ и всевозможныхъ предразсудковъ и суевѣрій: послѣднія два слова разумѣлись въ ихъ обширномъ смыслѣ. Дѣду хотѣлось направить дѣтскій смыслъ такъ, чтобы онъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе дѣлался способнымъ къ воспріятію тѣхъ понятій, распространеніе которыхъ было задачею французскихъ философовъ восемнадцатаго вѣка. Такъ какъ, по этой философіи, вѣра въ чудесное, сверхъестественное оскорбляла разумъ и роняла достоинство человѣка, то и слѣдовало какъ можно скорѣе и вѣрнѣе застраховать питомца отъ этого зла. Уроки пошли впрокъ и принесли быстрые плоды...

«Его не учили молитвамъ, не читали рассказовъ изъ священной исторіи, не снабжали никакими понятіями касательно вѣры. Зато онъ росъ на полной свободѣ, которую дали ему по принципу и которой онъ пользовался по инстинкту. Воля его не знала границъ. Что не пришло бы ему въ голову, онъ тотчасъ исполнялъ, или приказывалъ исполнять... Вздумается за обѣдомъ бросить тарелку въ окно, или на полъ—никто ему не перечить. А если тетка, или нянька невольно схватится за тарелку, сберегая господское добро, самъ дѣдъ останавливаетъ ихъ: «не стѣсняйте ребенка, послѣ онъ самъ узнаетъ, что это нехорошо».

Учителемъ мальчика былъ Кургановъ (сынъ автора «Письмовника»). «Онъ былъ вольтерьянецъ, въ добавокъ любившій рюмочку и не имѣвшій понятія о нравственной сдержанности. Уроками и бесѣдами онъ развивалъ и укрѣплялъ въ умѣ воспитанника тѣ понятія, которыя еще съ малолѣтства были заложены дѣдомъ. Въ концѣ-концовъ, юноша сталъ совершенно распущеннымъ, изъ невѣрующаго въ то или другое—невѣрующимъ ни во что. Законъ, правило, не существовали для него: онъ жилъ по своей волѣ, слушался только своихъ желаній». ¹⁾

¹⁾ «Дѣдъ мой Сербеевъ». Изъ записокъ человѣка. Р. Вѣсти. 1875, ч. 120, 72, № 11. (73—4).

Любопытно, что и въ изящной литературѣ, и въ мемуарахъ отношеніе къ вольтерьянству почти сплошь отрицательное.¹⁾ Это обстоятельство съ очевидностію говоритъ о томъ, что въ общей массѣ русское общество относилось къ «вольтерьянству» критически, даже враждебно.

На почвѣ такой—«непониманія» одной общественной группы другою—обозначился разладъ, расколъ въ русскомъ обществѣ: Особенно, сказался этотъ разладъ въ идейной борьбѣ старшаго поколѣнія и младшимъ,—между «отцами» и «дѣтьми». «Непросвѣщенные» рѣдко осуждали «просвѣщенныхъ».

Въ мемуарахъ мы имѣемъ прямыя указанія на существованіе разлада въ нашемъ обществѣ, такъ, напр.,—Татлинъ жалуется, что, при всей своей умѣренности, прослылъ въ обществѣ опаснымъ человѣкомъ. О немъ ходили слухи, что онъ— «способенъ просвѣщать народъ и весьма похожъ на такого человѣка, который готовъ революцію засѣять. Однимъ словомъ, по его мнѣнію, принадлежалъ къ обществу Якобинцевъ»²⁾.

До какой подозрительности доходило русское общество въ эту трудную пору смущенія умовъ видно, хотя бы изъ того, что—даже митрополитъ Филаретъ слылъ «безбожникомъ и либераломъ»³⁾.

¹⁾ Изъ авторовъ мемуаровъ рѣшительными сторонниками «вольтерьянства» являются Добрынинъ и Винскій. Сочиненія Вольтера, Монтескье—Добрынинъ называетъ «явленіями, отвергающими умственный глазъ подобныхъ имъ человѣковъ и оживотворяющими ошутительно душу мыслящаго существа» (134). Подобно Добрынину и Винскій не видѣлъ ничего отрицательнаго въ вольтерьянствѣ. «Первый Вольтеръ заохотилъ меня читать и разсуждать. Занимательный слогъ, важность вѣщесловія, смѣлыя истины, тотчасъ мною переведены и сообщены знакомымъ, какъ новость. Похвалы, благодарность болѣе и болѣе заставили упражняться въ переводахъ. Ежели когда нибудь настанутъ времена правды, тогда великіе умы XVIII-го столѣтія, истинные благодѣтели рода человѣческаго, получатъ всѣ имъ принадлежащую честь и признательность». Приверженность его къ произведеніямъ философовъ была такъ велика, что даже французскому языку Винскій обучалъ своихъ учениковъ на сочиненіяхъ энциклопедистовъ. «Наталья Сергѣевна черезъ два года понимала столько французскій языкъ, что труднѣйшихъ авторовъ, каковы: Гельвецій, Мерсье, Руссо, Мабли,—переводила безъ словаря» («Записки Винскаго № 2, 183 Р. Арх. 1877, III, № 1. с/., 195).

Неисправимой «вольтерьянкой» осталась императрица Екатерина. По словамъ Грибовскаго—Екатерина «изъ всѣхъ французскихъ писателей особенно почитала Вольтера; нѣкоторыхъ сюда къ себѣ пригласила, а иногда и къ нимъ писала. Но никто не умѣлъ такъ овладѣть ея симпатіями, какъ Вольтеръ. — «Они (и рочіе философы) навели на меня скуку и не поняли меня, кромѣ одного только добраго моего покровителя-Вольтера,—говорила она Грибовскому («Зап. Грибовскаго». М. 1864. 44).

Позднѣе Вяземскій, хорошій знатокъ Вольтера, призналъ, что Вольтеръ «исправляетъ» людей (Пам. книжка. 30). Припомнимъ также Пушкина, который увлекался Вольтеромъ, и, пройдя его школу, никогда не отрицалъ его значенія. Сравни также отзывы Герцена (См. выше).

²⁾ О. цит. 158

³⁾ Свербеевъ, оп. cit. 246.

Грубѣе сказалось отрицательное отношеніе къ новой мысли въ кругахъ низшихъ. Вишняковъ, авторъ мемуаровъ, посвященныхъ жизни купечества, говоритъ, что люди невѣжественные—«увѣряли, что въ книгахъ ядъ и зараза, называли образованныхъ людей вольтерьянцами, безбожниками, масонами, мартынами (мартинистами), говорили, что такихъ людей, какъ вредныхъ, надо отлучать отъ общества, всячески преслѣдовать сажать въ тюрьмы, даже казнить. Такъ говорили и квартальные, и попы, и цѣловальники кабацкіе, вся мелкая «интеллигенція» захо-лустья»¹⁾).

Въ мемуарахъ того же Вешнякова встрѣчаемъ мы курьезный рассказъ о томъ, какими энергичными мѣрами боролись старые купцы съ либерализмомъ, пустившимъ свои зловредные корешки въ головы молодыхъ купчиковъ.

Однажды старый купецъ съ сыномъ ѣхали по дѣламъ. Ихъ застигла въ пути гроза. Отецъ крестился при каждомъ ударѣ грома. Сынъ—нѣтъ.—«Ты это что-жъ не крестишься?—спросилъ старикъ — «Я причины не вижу-съ, папенька». — «Какъ причины не видишь?.. А силы и гнѣва Божія не видишь въ небесномъ знаменіи?» — «Да, вѣдь, это что же-съ? Электризмъ!—и больше ничего!»

«Семень Логиновичъ замолчалъ и отвернулся. Гроза постепенно затихла. Они ѣхали лѣсомъ. Вдругъ, С. Л. приказалъ ямщику остановиться и сталъ вылѣзать изъ тарантаса.—«Слѣзай и ты,—скомандовалъ онъ сыну,—да ступай, нарѣжь мнѣ березовый вѣтникъ».—Когда вѣтникъ былъ нарѣзанъ, С. Л. приказалъ разстелить на травѣ коверъ изъ тарантаса, разложилъ сына и собственноручно высѣкъ его, приговаривая: «Это тебѣ за электризмъ, а это за то, чтобъ ты причины зналъ, когда лобъ крестить»²⁾).

Религіозное свободомысліе нерѣдко приводило русскихъ людей къ свободомыслію политическому. Если XVIII-ый вѣкъ былъ по преимуществу вѣкомъ безбожія, то начало XIX вѣка, начало и 20-ые годы царствованія Александра I, сдѣлались въ исторіи нашей мысли эпохой либерализма по преимуществу политическаго.³⁾ Но любопытно, что у этихъ либераловъ-утопистовъ

¹⁾ Вишняковъ, *op. cit.* 33. Свѣдѣнія о купеческомъ родѣ Вишняковыхъ (Восп. Н. Вишнякова, ч. II, М. 1905. 93—4).

²⁾ *Op. cit.* 93—4

³⁾ Въ интересной своей работѣ: «Матеріалисты 20-хъ годовъ» г. Павловъ-Сильванскій на основаніи показаній декабристовъ и «дѣлъ» Гос. Архива даетъ любопытные, подтверждающіе факты. Привожу примѣръ: Офицеръ Гангебловъ увлекся по преимуществу Руссо («Р. Арх.» 1886, № 6, 193. Воспоминанія А. С. Гангеблова: «Какъ я попалъ въ декабристы»); офицеръ Крюковъ—тоже почитатель Руссо. О Руссо, какъ вдохновителѣ,

нѣтъ прежней дѣдовской вѣры: либерализмъ политическій шель у нихъ рука объ руку съ религіознымъ.

Въ этомъ отношеніи XVIII вѣкъ своимъ принципиальнымъ ингилизмомъ подготовилъ вѣкъ XIX-ый. Это обстоятельство замѣчено было еще современниками, отмѣчено и позднѣйшими историками ¹⁾.

Вотъ какъ Лубяновскій въ своихъ запискахъ характеризуетъ начало XIX вѣка: «Инымъ слѣдомъ кажется, вышедши на свѣтъ, обозначился у насъ девятнадцатый вѣкъ, не взявъ себѣ отъ предшественника своего ни вѣры въ старинныя установленія, въ отеческія преданія, ни той власти, котрая, невидимая, умѣетъ держать всякаго въ своей границѣ и въ общежитіи слыветъ «авторитетомъ». Оттого духъ, словно изъ-подъ пресса, излился на всяку плоть. Надобно было видѣть тогда движеніе свѣжей, по виду, здоровой и радостной жизни; молодое, и не по однимъ только лѣтамъ, поколѣніе прощалось не до свиданія, а уже навѣки вѣковъ съ старосвѣтскими предразсудками; кругомъ пошли головы отъ смѣлаго говора о государственныхъ вопросахъ и рѣзкаго указанія, чему и какъ быть по извѣстной запискѣ Лагарпа; вслухъ развивались такія идеи, которыя, мсжетъ быть, и до того были не совсѣмъ новы у насъ, но были безгласны и безсловесны; надежда, какъ видно, веселила сердца. Вслушиваясь въ бесѣды, въ этихъ надеждахъ и радостяхъ я впервые услышалъ рѣчь о людяхъ аих *idees liberales*, или, какъ тогда переводили, о людяхъ, съ высшимъ взглядомъ, о необходимости, общаго преобразованія, о конституціи». ²⁾

Типичнымъ представителемъ этой переходной поры былъ студентъ Семеновъ, который въ запискахъ Свербеева занимаетъ видное мѣсто. Окончивъ семинарію, онъ вынесъ оттуда религіозныя сомнѣнія; Вольтеръ и энциклопедисты подорвали его религію, и, свободный отъ предразсудковъ религіозныхъ, онъ въ университетѣ постарался освободиться и отъ предразсудковъ политическихъ. «Семеновъ, мудрѣйшій и хладнокровнѣйшій изъ всѣхъ тѣхъ «отцовъ-студентовъ», которыхъ я въ описаніи университетской свсей жизни называлъ «патриціями», конечно, не по знаме-

говорятъ: Пестель, Н. Муравьевъ, С. Муравьевъ-Апостолъ, К. Рылѣевъ. (Павловъ-Сильванскій, 254). Генералъ Фонвизинъ говоритъ о Монтескье, Райна: ѣ и Руссо (св. 255), Штейнгель—о Вольтерѣ, Руссо и Гельвеціи (св.), А. Муравьевъ—о Монтескье и Руссо.

¹⁾ Декабристы были учениками французскихъ писателей, политиковъ прежде всего, а въ области философской—французскихъ матеріалистовъ, точнѣе, сенсуалистовъ—Н Пай логъ С лы анскій. соч. II. Очерки по русской исторіи XVIII—XIX вв. Статья: «Матеріалисты двадцатыхъ годовъ»—239.

²⁾ «Воспоминанія О. П. Лубяновскаго» (1777—1834). М. 1872. 20с.—10.

нитости рода, а по успѣхамъ въ познаніяхъ, вынесенныхъ ими сперва изъ семинаріи, а потомъ и изъ самого университета. Но вся эта мудрость, все это ничѣмъ не возмутимое хладнокровіе, все это глубокое изученіе энциклопедистовъ XVIII столѣтія, равно какъ и соврѣменныхъ германскихъ философовъ, начиная съ Канта, не могли спасти Семенова отъ гибели. На основаніи почерпнутыхъ имъ изъ книгъ свѣдѣній о политическихъ утопіяхъ, увлекаемый всѣми наглядными обольщеніями представительныхъ правленій, такъ еще недавно введенныхъ во Франціи и вводимыхъ не безъ крови въ Испаніи, Германіи и Италіи, онъ стремился къ исполненію одной задушевной мысли—учредить какимъ бы то ни было путемъ, мирнымъ или кровавымъ, представительное правленіе и у насъ въ Россіи ¹⁾. Семеновъ «замѣчательнѣе былъ, кромѣ познаній, строгою діалектикою и неумолимымъ анализомъ всѣхъ, по его мнѣнію, предразсудковъ».

Интересно, что именно между декабристами оказалось немало людей, невѣрующихъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ записки Бѣляева. «Понятно, что въ обществѣ, состоявшемъ слишкомъ изъ ста человѣкъ, въ огромномъ большинствѣ изъ людей съ высокимъ образованіемъ, въ ходу были самыя разнообразныя, самыя занимательныя и самыя глубокомысленныя идеи. Безъ сомнѣнія, при умственныхъ столкновеніяхъ серьезныхъ людей, первое мѣсто всегда занимали идеи религіозныя и философическія, такъ какъ *тутъ много было невѣрующихъ*, отвергавшихъ всякую религію; были и скромные скептики, и систематически ярые матеріалисты. ²⁾».

Для характеристики русскаго либерализма 20-хъ годовъ, любопытна одна сценка изъ жизни московскаго университета: свободомыслящая молодежь, во главѣ съ упомянутымъ выше Семеновымъ, имѣла обыкновеніе выступать на диспутахъ съ декларацией своихъ свободныхъ убѣжденій. И вотъ, что произошло во время защиты Бскетовымъ магистерской диссертациі на тему «Монархическое правленіе есть самое превосходное изъ всѣхъ другихъ правленій».

«Мы открыли сраженіе восторженными рѣчами за греческія республики и за величіе свободнаго Рима до порабоженія его

¹⁾ Op. cit. (275).

²⁾ Въ цитированной выше статьѣ Павлова-Сильванскаго названы слѣдующіе «атеисты» 20-хъ годовъ: И. П. Рѣпинъ («Записки И. Д. Якушкина», 182. 3), И. Анненковъ («Зап. Гангеблова»), П. И. Борисовъ, увлекавшійся Вольтеромъ, Гельвеціемъ и Гольбахомъ («Зап. Якушкина», 153, 4). Со словъ Н. Бобрищева-Пушкина много «безбожниковъ» было среди членовъ Южнаго Тайнаго общества. Кн. А. П. Барятинскій (Павловъ-Сильванскій, 259—60), Ник. Крюковъ (Богдановичъ. «Исторія царствованія имп. Александра I», т. VI), П. И. Борисовъ (Павловъ-Сильванскій, 282) и др.

Юліемъ Несаремъ и Августомъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ, въ отпоръ нашимъ преувеличеннымъ похваламъ свободѣ,—словъ, брошенныхъ съ высоты кафедры съ презрительной насмѣшкой, вступила въ бой фаланга нашихъ передовыхъ мужей, и тяжкіе удары изъ арсенала философовъ XVIII вѣка посыпались на защитника монархіи самодержавной. Бекетовъ оробѣлъ. Смущеніе его, наконецъ, дошло до безмолвія; тутъ за него вступился деканъ Сандуновъ, явно недовольный ходомъ всего диспута. «Господа,—сказалъ онъ, обращаясь къ оппонентамъ,—выставляете намъ какъ примѣръ, римскую республику; вы забываете, что она не разъ учреждала диктаторство». Мѣрною, спокойною, холодною рѣчью отвѣчалъ ему Семеновъ: «Медицина часто прибѣгаетъ къ кровопусканіямъ и еще чаще къ лѣченію рвотнымъ; изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы людей здоровыхъ,—а въ массѣ, безъ сомнѣнія, здоровыхъ больше, чѣмъ больныхъ,—необходимо нужно было подвергать постоянному кровопусканію, или употребленію рвотнаго». На такой щекотливый отвѣтъ, деканъ Сандуновъ, еще на конференціи своего отдѣленія противившійся выбору темы, съ негодованіемъ крикнулъ: «На такія возраженія всего бы лучше могъ отвѣчать московскій оберъ-полицеймейстеръ, но, какъ университету приглашать его сюда было бы неприлично, то я, какъ деканъ, закрываю диспутъ» ¹⁾).

Въ цитированной выше интересной работѣ покойнаго историка Павлова-Сильванскаго собраны литературные документальныя данныя о нашемъ свободомыслии 20-хъ годовъ. Но вѣдь 20-ые годы—это заключительный аккордъ исторіи всей предшествующей русской мысли. На свои очерки я и смотрю какъ на первую, вступительную главу къ цѣнному труду покойнаго историка. Ему удалось найти любопытные, показательные факты, собранные около одной опредѣленной группы сознательныхъ людей, объединенныхъ однимъ дѣломъ. Конечно, по этой причинѣ такъ рельефна и выпукла основная идея его очерка. Мнѣ пришлось собирать случайные и пестрые факты, разбросанные въ широкихъ хронологическихъ и социальныхъ предѣлахъ. Оттого, быть можетъ, и не получилось стройности общаго впечатлѣнія... Но вѣдь этой стройности, цѣльности не было и не могло быть на самомъ дѣлѣ.. И если мнѣ удалось доказать, что русская мысль въ теченіе вѣка находилась въ броженіи, была тревожина исканіями, возмущаема большой внутренней борьбой—цѣль моя достигнута. Эти бродильныя начала», попавшія къ намъ на хорошую почву, создали такія смутныя, но мучительно-настоя-

¹⁾ *Op. cit.* 107—108.

чивыя стремленія, которыя лишь къ 20-ымъ годамъ XIX-го столѣтія сформировались въ своеобразныя міровоззрѣнія. Вотъ почему я думаю, что русское вольтерьянство XVIII в. не было одной «декораціей»...¹⁾ Оно сживалось съ русской жизнью органически, съ каждымъ десятилѣтіемъ оно все глубже и настойчивѣе врѣзывалось своими корнями въ самую нѣдра русскаго самосознанія, и миновать это характерное явленіе съ легкимъ ироническимъ смѣхомъ историкъ русскій не имѣетъ права.

Въ заключеніе, приведу любопытный портретъ «вольтерьянца», нарисованный французскимъ историкомъ Мориссономъ. Нельзя не сознаться, что этотъ портретъ, нарисованный не съ русскихъ оригиналовъ, однако, составленъ изъ тѣхъ разрозненныхъ чертъ, которыя не разъ приходилось мнѣ отмѣчать въ тѣхъ образахъ, что выхвачены мною изъ русскихъ мемуаровъ XVIII—XIX в.в. Въ этой характеристики одного французскаго вольтерьянца — передъ нами еще одно доказательство того, что средній массовый русскій человѣкъ XVIII в. былъ по существу свсему очень близокъ къ свсему старшему брату, — къ тому «вольтерьянцу», который воспитался на Западѣ, въ отчизнѣ мощнаго властителя думъ вѣка...

«Что такое «вольтерьянецъ»? Искать его слѣдуетъ не въ народѣ, а въ буржуазіи, а въ особенности, и, пожалуй, всего болѣе, въ такъ называемыхъ высшихъ сословіяхъ. Но гдѣ бы мы ни отыскали его, онъ оказывается человѣкомъ умнымъ, со здоровымъ смысломъ, но со смысломъ, не исключаяющимъ легкаго нрава (фривольности), и съ умомъ, лишеннымъ возвышеннаго духа. Онъ—мастеръ примѣчать во всемъ смѣшную сторону, воленъ въ рѣчахъ до грубости, можетъ останавливаться, но лишь неохотно, на серьезныхъ мысляхъ,—однако, не глубоко вникая, а скользя по поверхности. Прекрасное, доброе, благородное—не только не возбуждаетъ въ немъ радостнаго чувства, но наводитъ его на сарказмъ и возбуждаетъ къ противорѣчію. Онъ склоненъ всегда къ отрицанію, движется болѣе любопытствомъ, нежели знаніемъ, и простираетъ недовѣрчивость до педанства; стоитъ въ его присутствіи выразить утвердительно какую нибудь истину, кромѣ такой,

¹⁾ «Идеи, составлявшія на Западѣ величайшія завоеванія человѣческой мысли, дававшія содержаніе жизни цѣлыхъ поколѣній, переносились въ Россію въ качествѣ болѣе или менѣе красивыхъ декорацій барскаго быта, не оказывая на него сколько-нибудь глубокаго вліянія. Фразы о равенствѣ людей спокойно уживались въ этомъ быту рядомъ съ грубѣйшими насиліями крѣпостнаго права, восхваленія свободы ни-сколько не мѣшали широкому распространенію культа безправія (Мякотинъ, *op. cit.* 185).

напримѣръ, какъ: «мое—не твое», или дважды два не 5 (ибо въ математику и въ собственность вѣрить онъ безъ сомнѣнія)—и онъ приметъ видъ челоуѣка, который во всемъ сомнѣвается и всего больше на свѣтѣ боится, какъ бы его не обманули, или не сочли бы за обманутаго. О всякой наукѣ, какъ твердо ни была она поставлена, онъ отзовется, что все это не такъ построено; какой бы ни представляли благородный поступокъ, онъ непремѣнно найдетъ, или заподозритъ въ немъ низменное побужденіе. Онъ—эгоистъ и тщеславенъ, ищетъ всюду разрушенія и во всемъ считаетъ себя правымъ, проповѣдуетъ реформу во всемъ, разглагольствуетъ о свободѣ, но и рѣчи не допускаетъ объ авторитетѣ и о преданіи. Хочетъ усовершенствовать все устройство общественное, но для сего нимало не усомнится разорить его до основанія, а потомъ плачется о развалинахъ, которыя едва его самого не раздавили. Эпикурейство вошло у него въ обычай и доведено до тонкости; нравственность его вся основана на своекорыстіи и во всякомъ случаѣ не выше его понятія о чести. Проводя всю жизнь свою между дѣломъ и наслажденіемъ, онъ нисколько не вѣритъ въ химеру долга и жертвы, или въ иллюзію, называемую добродѣтелью. Всякая религія, по понятію его, не что иное, какъ фанатизмъ, или суевѣріе; всякій храмъ—идольское капище, всякій священникъ либо идіотъ, либо обманщикъ, и, если иной разъ онъ, какъ будто, склоняется передъ Богомъ, то это у него—«Богъ честныхъ людей» (*Dieu des braves gens*): этого Бога, пожалуй, онъ чтитъ, но похвально, что, будучи свободнымъ и самодовольнымъ челоуѣкомъ, ничего у него не проситъ. Душа, будущая жизнь,—все это для него—бабьи сказки: самъ онъ, какъ жилъ безъ вѣры и почти безъ закона, такъ и умираетъ безъ надежды»¹⁾.

В. Сиповскій.

¹⁾ Maurisson. «Voltaire et Volterianisme», Р. 1896. («Р. Обзор.» кн. II. «Вольтеръ и Вольтеріанство». 1897. Мартъ. 362—3).

Изъ записокъ декабриста М. И. Муравьева-Апостола.

Я встрѣтился въ первый разъ послѣ своего возвращенія изъ Сибири со своимъ троюроднымъ братомъ Н. Н. Муравьевымъ-Карскимъ на станціи тверской желѣз. дороги. — По случаю польскаго бунта вся Европа грозила войной Россіи, тогда Николая Николаевича намѣревались назначить главноначальствующимъ нашими войсками, поэтому онъ ѣхалъ въ Петербургъ.

Нашъ первый разговоръ начался о нашемъ погибшемъ идеальномъ Семеновскомъ полку.

— Да, братъ, говорилъ онъ, — теперь нѣтъ такого полка, какимъ былъ нашъ Семеновскій.

Брату Сергѣю Ивановичу, по особенной довѣренности Шварца, поручено было отводить роты раскассированнаго полка въ Царское Село, для передачи армейскимъ офицерамъ, которые ихъ отводили поротно. Предъ выступленіемъ съ послѣдней ротой братъ явился къ Шварцу. Онъ взялъ его за руку, подвелъ къ образу (Шварцъ былъ православный) и сказалъ:

— Богъ свидѣтель, что я не виноватъ! Мнѣ сказали, что полкъ этотъ состоитъ изъ бунтовщиковъ. Я, дуракъ, и повѣрилъ. Теперь сознаю, что я самъ не стою послѣдняго солдата полка, который я погубилъ».

1812, 1813 и 1814 гг. насъ познакомили и сблизили съ нашими солдатами. Всѣ мы были проникнуты долгомъ службы. Добропорядочность солдатъ зависѣла отъ порядочности поведенія офи-

церовъ и соотвѣтствовала имъ. Каждый изъ насъ чувствовалъ свое собственное достоинство, поэтому умѣлъ уважать его въ другихъ. Служба отнюдь не страдала отъ добрыхъ отношеній, установившихся между солдатами и офицерами. Единодушіе послѣднихъ между собою было безпримѣрное. Въ 1815 году по нашемъ возвращеніи въ С.-Петербургъ какая то подписка, покровительствуемая графомъ Аракчеевымъ, была разослана по гвардейскимъ полкамъ. Офицера семеновскаго полка, какъ будто уговорились (не всѣ они жили въ казармахъ. По совѣсти утверждаю, что уговору не было) не пожертвовали копѣйки въ угоду всесильнаго временщика. Иванъ Дмитріевичъ Якушинъ тогда же замѣтилъ, что это намъ даромъ не пройдетъ.

Съ назначеніемъ генераль-маіора Якова Алексѣевича Потемкина нашимъ полковымъ начальникомъ, доблестнаго служившаго прошедшую войну, любимаго солдатами и уважаемаго офицерами, человѣка доброй души и хорошаго общества, нашъ полкъ еще болѣе возвысился въ нравственномъ отношеніи. Поэтому естественно, что тѣлесныя наказанія (подъ которыми наши солдаты умирали въ арміи, какъ и въ гвардіи) послѣ трехлѣтнихъ заграничныхъ походовъ были не только неизвѣстны, но и немыслимы въ старомъ семеновскомъ полку, они были отмѣнены по согласію всѣхъ ротныхъ начальниковъ и съ разрѣшеніемъ Потемкина. Мыслимо ли было бить героевъ, отважно и единодушно защищавшихъ свое отечество, несмотря на существовавшую крѣпостную зависимость, прославившихся за границей своею непоколебимою храбростью и великодушіемъ.

Михаилъ Павловичъ, только что снявшій съ себя дѣтскую куртку, былъ назначенъ начальникомъ 1-й пѣшей гвардейской бригады. Доброе сердце великаго князя, о которомъ такъ много нынѣ пишутъ, было возмущено, узнавъ, что мы своихъ солдатъ не бьемъ. Онъ всячески старался уловить семеновскій полкъ въ какой-нибудь неисправности своими ночными наѣздами по карауламъ въ Галерный портъ и неожиданными пріѣздами по дежурствамъ. Все это ни къ чему не послужило. Вездѣ и всегда онъ находилъ полный порядокъ и строгое исполненіе службы. Это еще больше бѣсило и возстановляло противъ ненавистнаго ему полка. Разумѣется великій князь не могъ благоволить и къ нашему генералу, съ которымъ не имѣлъ ничего общаго. Поэтому къ намъ начали придираться, отыскивая во что бы то ни стало, правдой или неправдой, если не безпорядка, то по крайней мѣрѣ какихъ-нибудь ошибокъ.

Въ 1817 году флигель-адъютантъ Клейнмихель былъ назначенъ плацъ-маіоромъ. Его обязанность заключалась въ записы-

ваніи ошибокъ, сдѣланныхъ во время ученія, предшествовавшего разводу Александра I-го. Государь, какъ и его покойный отецъ, ставилъ себѣ въ священную обязанность всегда присутствовать при разводѣ.

У насъ тогда были шаги: Петербургскіе, Могилевскіе и Варшавскіе. Разница между ними состояла въ болѣе или менѣе шаговъ въ минуту. Музыкантъ держалъ въ рукахъ хронометръ и по немъ считалъ шаги.

Волосяные султаны въ аршинъ длины были прикрѣплены къ верхней наличной части кивера. Тогдашній мундиръ, пригонка амуниціи, скатанная шинель, надѣтая черезъ плечо, а сверхъ нея ранецъ, въ этомъ положеніи требовалось отъ солдата, чтобъ султаны во время ученія при ходьбѣ, при ружейныхъ пріемахъ не шевелились.

Генераль-адъютантъ, командиръ лейбъ-гвар. гренад. полка Желтухинъ (извѣстный своей жестокостью) довелъ свой полкъ до этого идеальнаго совершенства. При поступленіи рекрутъ въ полкъ, онъ говорилъ ротнымъ командирамъ: — «Вотъ вамъ три человѣка, сдѣлайте изъ нихъ одного ефрейтора».

Замѣчаніе Клейнмихеля о шевелившихся султанахъ являлись черезъ день послѣ каждаго развода. Эти замѣчанія выпали на нашъ полкъ послѣ 1812 года, когда Александръ I-ый сбросилъ съ себя личину благодушія, въ которую облакался до того времени.

Прошу провѣрить на третій день, шевелились ли султаны или нѣтъ? «Слѣва въ колонну стройся!» — потомъ депюйда и контрмаршъ!

Баталіонъ выстроился во фронтъ. Клейнмихель замѣтилъ, что Николай Николаевичъ Толстой, приведя свой взводъ на мѣсто, не выровнялъ его, не скомандовалъ: «Глаза направо!» Узнавъ объ этомъ замѣчаніи, Толстой отправился въ комендантскую канцелярію и сказалъ Клейнмихелю, что замѣчаніе его несправедливо, что онъ службу знаетъ и такой грубой ошибки не могъ сдѣлать. Клейнмихель упорствовалъ, не соглашаясь уничтожить свое ложное замѣчаніе. Тогда Толстой говоритъ ему: — «Послѣ этого вы И замѣчаніе не явилось въ приказѣ. Съ Хрущевымъ случилось то же самое, Онъ, по совѣту Толстого, отвѣтилъ ему точно также:

— «Послѣ этого вы» и проч. И этимъ тоже избавились отъ ложнаго обвиненія.

Подобныя ошибки, вызвавшія замѣчанія Клейнмихеля, считались въ то время за личное оскорбленіе царя.

Въ 1818 году Леонтій Осиповичъ Гурко однажды велъ по Пречистенкѣ изъ Хамовническихъ казармъ нашъ баталіонъ въ манежъ.

Онъ намъ замѣтилъ, что на насъ сердятся за то, что у насъ на учении солдатъ не бьютъ. — За что же было ихъ бить, когда они знаютъ свое дѣло и старательно его исполняютъ.

Этотъ самый Гурко въ началѣ войны 1812 года сказалъ въ обществѣ офицеровъ Семеновскаго полка: — Что до меня касается, мнѣ рѣшительно все равно, будетъ ли въ Россіи царствовать Наполеонъ I или Александръ I. — Князь Александръ Сергѣевичъ Голицынъ, прозванный «рыжимъ», жестоко напалъ за это на Гурко. Люди, подобные Гурко, за честь свою не стоятъ, у нихъ ея нѣтъ. — Дерзкая польская выходка не имѣла послѣдствій.

Когда полкъ пришелъ въ манежъ, людямъ, какъ водится, дали поправиться, затѣмъ ученіе началось, какъ всегда, ружейными приѣмами. Гурко замѣтилъ, что одинъ солдатъ не скоро отвелъ руку отъ ружья, дѣлая на караулъ, и приказалъ ему выйти предъ баталіономъ, обнажить тесаки, спустить съ провинившагося ремни отъ сумы и тесака.

Братъ мой повысилъ шпагу, подошелъ къ Гуркѣ, сказалъ, что солдатъ, выведенный изъ фронта, числится въ его ротѣ, поведенія безпримѣрнаго и никогда не былъ наказанъ. — Гурко такъ потерялся, что сталъ объясняться съ братомъ передъ фронтомъ по-французски. И солдатъ не былъ наказанъ.

Когда ученіе кончилось, солдатамъ дали отдохнуть, а офицера собрались въ кружокъ предъ баталіономъ, тогда я взялъ и поцѣловалъ руку брата, смутивъ его такою неожиданной съ моей стороны выходкой.

Въ то время солдатская служба была не служба, а жестокое истязаніе. Между всѣми гвардейскими полками Семеновскій былъ единственнымъ, выведшимъ тѣлесныя наказанія.

Жестокость и грубость, введенныя Павломъ, не искоренялись въ царствованіе Александра I, а поддерживались и высоко цѣнились. Примѣромъ можетъ служить флигель-адъютантъ, любимецъ Александра и великихъ князей Николая и Михаила, начальникъ гвардейскаго гусарскаго полка В. В. Левашевъ.

Однажды въ Царскомъ Селѣ онъ приказываетъ вахмистру, чтобъ на другой день его эскадронъ былъ собранъ въ манежъ, затѣмъ Левашевъ уѣзжаетъ въ Петербургъ. Вахмистръ передаетъ его приказаніе эскадронному начальнику полковнику Злотвинскому. Послѣдній говоритъ вахмистру, что завтра великій церковный праздникъ, и тоже отправляется въ Петербургъ. Левашевъ, возвратившись на другой день въ Царское Село, ѣдетъ прямо въ манежъ и не застаётъ тамъ эскадрона. Приѣзжаетъ къ себѣ домой, онъ посылаетъ за вахмистромъ и за полками; садясь обѣдать, приказываетъ его наказывать и кричить нѣсколько разъ: — «Не

слышу (палочныхъ ударовъ)!» Когда онъ всталъ изъ-за стола, тогда вахмистра увезли въ больницу, тамъ старый заслуженный вахмистръ вскорѣ скончался. Вся гвардія знала о поступкѣ Левашева и о смерти вахмистра. Полковникъ Злотвинскій вышелъ изъ полка вслѣдствіе сего убійства. Все это не помѣшало Левашеву по прежнему быть любимцемъ, оставаться начальникомъ гвардейскихъ гусаровъ и пребывать въ еще большей милости.

Николай Ивановичъ Уткинъ (нашъ родственникъ), извѣстный граверъ, получивъ каѳедру профессора, жилъ въ зданіи Академіи Художествъ. Я шелъ къ нему черезъ Исакиевскій мостъ, видѣлъ, какъ солдатъ гренадерскаго полка перелѣзъ черезъ перила носовой части плашкоута, снялъ съ себя киверъ, амуницію, перекрестился и бросился въ Неву. Когда онъ все это снималъ, я не понималъ, что онъ дѣлаетъ. Мнѣ не приходило въ голову, что онъ собирается лишить себя жизни. — Часто случалось, что солдаты убивали перваго встрѣчнаго, предпочитая каторгу солдатской жизни.

Насъ преслѣдовали за то, что мы не доводили людей до такой крайности.

Михаилъ Павловичъ съ Аракчеевымъ, наконецъ, добились замѣны Потемкина Шварцемъ (ученикомъ Желтухина, перешедшаго жестокостію своего наставника), представивъ Якова Алексѣвича неспособнымъ, по излишнему мягкосердію, командовать полкомъ. Послѣ этого Александръ, прежде благоволившій къ Потемкину, совершенно къ нему охладѣлъ.

Шварцъ начальствовалъ Калужскимъ Гренадерскимъ полкомъ. Извѣстно было, что онъ приказывалъ солдатамъ снимать сапоги, когда бывалъ недоволенъ маршировкой и заставлялъ ихъ голыми ногами проходить церемоніальнымъ маршемъ по скошенной, засохшей пашнѣ, кромѣ того наказывалъ солдатъ нещадно и прославился въ арміи погостомъ своего имени.

Шварцъ принялся за нашъ полкъ по своему соображенію. Узнавъ, что въ немъ уничтожены тѣлесныя наказанія, сначала онъ къ нимъ не прибѣгалъ, какъ было впослѣдствіи; но недовольный ученіемъ обращалъ одну шеренгу лицомъ къ другой и заставлялъ солдатъ плевать въ лицо другъ другу; устроилъ ученіе; сверхъ того, изъ всѣхъ 12 ротъ поочередно ежедневно требовалъ къ себѣ по 10 человѣкъ и училъ ихъ, для своего развлеченія у себя въ залѣ, разнообразя истязанія: ихъ заставляли неподвижно стоять по цѣлымъ часамъ, ноги связывали въ дубки, кололи вилками и пр. Кромѣ физическихъ страданій и изнуренія, онъ разорялъ ихъ, не отпуская на работы. Между тѣмъ безпрестанная чистка стоила солдату денегъ, это отозвалось на ихъ пищѣ, и все

М. И. Муравьевъ-Апостолъ.
(Изъ собр. В. И. Семеваго).

въ совокупности породило болѣзни и смертность. Къ довершенію всего Шварцъ сталъ переводить красивыхъ солдатъ, безъ всякихъ другихъ заслугъ, въ гренадерскія роты, а заслуженныхъ старыхъ гренадеръ, безъ всякой вины, перемѣщать въ другія, и тѣмъ лишалъ ихъ не только денегъ, но и заслуженныхъ почестей.

Михаилъ Павловичъ былъ чрезвычайно доволенъ Шварцемъ, поощрялъ его ежедневными посѣщеніями, дарилъ лошадей, карету и проч. Офицеры не подстрекали негодованія солдатъ, но оно было всеобщее и само собой вырывалось наружу. Угнетенные ожидали облегченія своей участи, надѣясь на инспекторскій смотръ. Но до корпуснаго начальника уже доходили слухи о неудовольствіи солдатъ на Шварца. Слабоумный Васильчиковъ рѣшился разомъ заглушить ихъ ропотъ, отстранивъ жалобы собственнымъ о нихъ починомъ. Такимъ способомъ солдаты вынуждены были молчать, оцѣпенѣвъ отъ изумленія. Послѣ смотра. Васильчиковъ благодарилъ Шварца за опрятность, хорошее обхожденіе съ подчиненными и отправился къ нему завтракать.

Наша 1-я гренадерская рота, во всѣхъ отношеніяхъ образцовая, считалась главою полка. Она состояла изъ отборнѣйшихъ старыхъ заслуженныхъ солдатъ, покрытыхъ боевыми ранами, пользовавшихся привилегіями и лично извѣстныхъ Александру.

Эти почтенные ветераны, послѣ вечерней переклички, черезъ своего фельдфебеля просили своего ротнаго начальника капитана Николая Ивановича Кошкарва пожаловать въ роту. Они объявили ему, что у нихъ нѣтъ болѣе ни силъ, ни средствъ служить подъ начальствомъ Шварца, поэтому просятъ принять ихъ жалобу. Кошкарвъ уговаривалъ роту отложить жалобу до болѣе благопріятнаго времени. Тогда они рассказали, что на послѣднемъ полковомъ смотрѣ И. В. Васильчиковъ подъѣзжалъ къ нимъ, говорилъ, что ему извѣстно, что *нѣкоторые* солдаты недовольны Шварцемъ, но, если кто-нибудь изъ нихъ на смотрѣ выскажетъ на него неудовольствіе, тотъ умретъ подъ палками. И рота повторила просьбу дать немедленный ходъ жалобѣ, чтобъ знали, что не нѣкоторые солдаты недовольны Шварцемъ, а весь полкъ имъ недоволенъ, и 1-я рота уполномочила жаловаться отъ всего полка.

Кошкарвъ донесъ о случившемся полковнику И. Ѳ. Вадковскому. Послѣдній пробовалъ вразумить Шварца. Но тотъ сдѣлалъ ему выговоръ за потачку солдатамъ и жаловался Михаилу Павловичу на солдатъ и офицеровъ своего полка, великій князь дивизіонному начальнику Паскевичу, тотъ корпусному Васильчикову.

Въ третьемъ часу того дня, какъ 1-я рота жаловалась, великій князь держалъ ее два часа на ногахъ, требуя выдачи бунтов-

щиковъ. Рота стояла, какъ вкопанная, — Михаилъ Павловичъ уѣхалъ домой, взбѣшенный неудачей.

На другой день вечеромъ Васильчиковъ потребовалъ роту безъ амуниціи къ допросу въ зданіе Главнаго Штаба. Не доходя до воротъ штаба, какой-то человѣкъ объявилъ, что въ зданіи Главнаго Штаба нѣтъ мѣста, чтобы выстроить роту; тогда приказали ротѣ идти въ дворцовый манежъ. Вступивъ въ него, рота изумилась, что ворота съ обоихъ сторонъ отворились и два взвода Павловскаго полка съ заряженными ружьями вступили въ манежъ и взвели курки. Васильчиковъ грозилъ по нимъ стрѣлять. Солдаты отвѣчали, что они стояли подъ непріятельскими выстрѣлами и всегда готовы идти, куда прикажутъ, но что у нихъ нѣтъ болѣе ни силъ, ни средствъ продолжать службу подъ начальствомъ Шварца. Васильчиковъ отправилъ роту въ Петропавловскую крѣпость.

Одинъ конвойный Павловскій солдатъ пробѣжалъ по коридорамъ семеновскихъ казармъ, крича, что 1-я рота уведена въ крѣпость.

Всѣ остальные 11-ть ротъ Семеновскаго полка вышли на площадь, находившуюся передъ ихъ лазаретомъ. Солдаты въ оскорбленіи и въ тревогѣ клялись другъ другу, что постоятъ за своихъ стариковъ или погибнуть съ ними. Они еще надѣялись на поддержку государя, полагая, что онъ не долженъ дать въ обиду любимый имъ полкъ, который при Павлѣ былъ подъ его личнымъ начальствомъ.

Явились Михаилъ Павловичъ и Васильчиковъ, скомандовали выстроиться. Солдаты отвѣчали, что гдѣ головы нѣтъ, тамъ ноги не дѣйствуютъ. Великій князь, не отличавшійся находчивостью, спросилъ солдата: — «Что побуждаетъ ихъ такъ дѣйствовать?» — «То, что вы промѣняли насъ на нѣмцевъ», отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

Слѣдственная комиссія старалась узнать, кто изъ солдатъ отвѣчалъ на вопросъ Михаила Павловича. Трехъ солдатъ приво-дили въ комиссію. На вопросъ предсѣдателя: «Кто отвѣчалъ великому князю?» Одинъ изъ нихъ сказалъ: — «Ваше Превосходительство, позвольте Вася спросить, кто изъ насъ троихъ первый вступилъ въ комнату?» Предсѣдатель указалъ на одного изъ солдатъ.

— Ваше Превосходительство! Я первый вступилъ въ комнату. Вы не могли этого замѣтить днемъ, то ночью, когда темно, возможно ли въ толпѣ разглядѣть кого-нибудь въ лицо, чтобъ послѣ узнать его ¹⁾.

¹⁾ Графъ Гурьевъ, числившійся въ 1812 году въ нашемъ полку, передалъ мнѣ остроумный отвѣтъ солдата.

Не предвидя облегченія своимъ страданіямъ, семеновцы въ ожесточеніи искали убить Шварца, но онъ спрятался въ навозную кучу.

Васильчиковъ окончательно допрашивалъ ихъ: — Чего они хотятъ?

— «Отдайте намъ нашихъ стариковъ или посадите насъ вмѣстѣ съ ними».

Ротамъ приказано было итти въ крѣпость.

Вмигъ солдаты выстроились побаталіонно и въ полной тишинѣ пошли въ крѣпость. Только на другой день, жившіе въ улицахъ, по которымъ они проходили, узнали, что Семеновскій полкъ заключенъ въ крѣпость.

Глубокомысленныя соображенія жалкаго историка Богдановича, какъ слѣдовало дѣйствовать, рассказъ Жихарева, какъ Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ будто бы совѣтовалъ Васильчикову, что говорить солдатамъ, все это ничто иное, какъ пустая болтовня людей, не знающихъ сути дѣла.

Во время исторіи Семеновскаго полка Александръ I находился въ Лайбахѣ на конгрессѣ. С.-Петербургскій ареопагъ рѣшилъ на три дня остановить заграничную почту изъ Петербурга. Графъ Лебцельтернъ, австрійскій посланникъ, поспѣшилъ увѣдомить Меттерниха о случившемся съ Семеновскимъ полкомъ, отправивъ своего курьера въ Лайбахъ.

Никто изъ насъ не думалъ сѣтовать на Чаадаева за то, что онъ повезъ донесеніе въ Лайбахъ, исполняя возложенное на него порученіе.

Скажу, что онъ, какъ бы ни спѣшилъ, физически не могъ предупредить иностраннаго курьера, посланнаго тремя днями раньше.

Чаадаевъ мнѣ рассказывалъ о своемъ свиданіи съ Александромъ. Первый вопросъ Государя: — Иностранные посланники смотрѣли ли съ балконовъ, когда увозили Семеновскій полкъ въ Финляндію?

Чаадаевъ отвѣчалъ: — Ваше Величество, ни одинъ изъ нихъ не живетъ на Невской набережной.

Второй вопросъ: — Гдѣ ты остановился?

— У князя А. С. Меншикова, Ваше Величество.

— Будь остороженъ съ нимъ. Не говори о случившемся съ Семеновскимъ полкомъ.

Чаадаева поразили эти слова, такъ какъ Меншиковъ былъ Начальникомъ Канцеляріи Главнаго Штаба Е. И. В.

Чаадаевъ мнѣ говорилъ, что вслѣдствіе этого свиданія съ государемъ онъ рѣшился бросить службу.

Послѣдняя надежда семеновцевъ рушилась: указомъ императора повелѣно всѣхъ нижнихъ чиновъ раскассировать въ полки, а 1-й баталіонъ Шварца предать военному суду.

Не перечисляю всѣхъ безчеловѣчныхъ при этомъ поступковъ съ солдатами и несправедливыхъ съ офицерами, потому что они достаточно выяснены въ описаніи «Возмущеніе стараго Л. Г. Семеновскаго полка» К. Θ. Рылѣева ¹⁾).

Чаадаевъ не принадлежалъ и не могъ принадлежать къ нашему, «Союзу». Только предъ своимъ отъѣздомъ за границу онъ узналъ отъ И. Д. Якушина о его существованіи, пенялъ ему за то, что онъ не увѣдомилъ его объ этомъ прежде, когда онъ былъ адъютантомъ Васильчикова; что тогда онъ постарался бы сдѣлаться флигель-адъютантомъ и могъ бы быть полезнымъ «союзу» ²⁾).

Н. Н. Раевскій и я, мы провожали Чаадаева до Кронштадта, видѣли какъ онъ сѣлъ на корабль. Прежде чѣмъ съ нимъ проститься, Раевскій сказалъ мнѣ: — «Зачѣмъ это мы провожали Чаадаева?»

Чаадаевъ простился съ нами, какъ будто мы должны съ нимъ свидѣться на другой день.

Въ 1814 году Чаадаевъ во время нашего пребыванія въ Парижѣ жилъ съ П. А. Фридрихсомъ, о которомъ рассказывалъ, что тотъ дѣлаетъ выписки изъ Флоріана. Онъ жилъ съ Фридрихсомъ собственно для того, чтобы перенять щегольской шикъ носить мундиръ. Въ 1811 году мундиръ Фридрихса, ношенный въ продолженіи трехъ лѣтъ, возили въ зимній дворецъ, на-показъ.

П. Я. Чаадаевъ вышелъ изъ семеновскаго полка въ Парижѣ единственно для того, чтобъ надѣть гусарскій мундиръ. Онъ вступилъ въ Ахтырскій полкъ.

Чаадаевъ не особенно былъ извѣстенъ Александру I. Съ А. Θ. Орловымъ онъ не былъ на ты.

«La Russie n'a ni passé, ni avenir.» Человѣкъ, который участвовалъ въ походѣ 1812 года и который могъ это написать—положительно сошелъ съ ума. Понимаю негодование А. С. Хомякова, К. С. Аксакова и всякаго искренно русскаго.—Бѣдный Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ!

¹⁾ Сравни статью В. И. Семевскаго. «Волненіе Семеновскаго полка въ 1820 г.» въ журналѣ «Былое» 1907 г. №№ 1—3. *Ред.*

²⁾ По словамъ Якушина въ его запискахъ, Чаадаевъ все же согласился вступить въ Тайное Общество, но дѣйствительно пенялъ, что его не приняли раньше, такъ какъ тогда «онъ не вышелъ бы въ отставку и постарался бы попасть въ адъютанты къ Великому Князю Николаю Павловичу, который, очень можетъ быть, покровительствовалъ бы подъ рукою Тайное Общество, если бы ему внушить, что это Общество можетъ быть для него опорой въ случаѣ восшествія на престолъ старшаго брата (Константина Павловича)». «Записки И. Д. Якушина». М. 1905 г., стр. 56. *Ред.*

Въ 1838 году статья Чаадаева въ «Телескопѣ» вызвала слѣдующіе стихи:

..... и вотъ
Въ кипѣньи совѣщанья
Утопистъ, идеологъ,
Президентъ собранья,
Старыхъ барынь духовникъ,
Маленькій аббатикъ,
Что въ гостиныхъ битъ привыкъ
Въ маленький набатикъ.
Всѣ кричатъ ему привѣтъ
Съ оханьемъ и пискомъ.
А онъ важно имъ въ отвѣтъ
Dominus vobiscum.

Д. В. Давыдовъ.

Эти отрывки списаны съ рукописи Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола. Стихи Давыдова Матв. Ив—чемъ приведены въ подтвержденіе той его мысли, что выдающіеся русскіе люди, близкіе по времени и отношенію къ Пет. Як. Чаадаеву, далеко не видѣли въ немъ выдающагося прогрессивнаго дѣятеля, а напротивъ были сами возмущены имъ, какъ человѣкомъ, который могъ сказать о Россіи, что она не имѣетъ ни прошлаго, ни будущаго.

А. Сазоновичъ ¹⁾.

¹⁾ А. П. Сазоновичъ—воспитанница М. И. Муравьева-Апостола. Ея воспоминанія были напечатаны въ сборникъ «Декабристы». (Изд. М. М. Зензинова подъ редакціей Н. М. Головачева. М. 19) Настоящія записки печатаются съ рукописи, предоставленной редакціи М. М. Зензиновымъ. *Ред.*

Сютаевъ и Толстой.

І. В. К. Сютаевъ.

Оба они алкали и жаждали правды Божіей, стараясь превратить землю изъ юдоли злосчастья въ цвѣтушій рай, но въ то время, какъ одинъ былъ «великій писатель земли русской», другой едва зналъ грамоту, съ трудомъ читалъ по-печатному и изъ всѣхъ книгъ зналъ только Евангеліе, да и эту книгу, съ которой онъ не разставался, ему больше читали, а онъ только отмѣчалъ, гдѣ что написано.

Зажиточный крестьянинъ, ни въ чемъ не нуждавшійся, Василій Кирилловичъ Сютаевъ съ малыхъ лѣтъ видѣлъ кругомъ себя горе, нищету, безправіе народа и не могъ не возмущаться, не могъ мириться съ этимъ зломъ, царящимъ въ жизни. Особенно страстно любя красоту міра, всѣ радости жизни, онъ тѣмъ мучительнѣе терзался при видѣ, какъ въ этомъ дивномъ мірѣ люди страдаютъ и грызутъ другъ друга хуже всякихъ безсмысленныхъ звѣрей. Въ душѣ его постоянно звучали тѣ слова, которыя Левъ Николаевичъ вложилъ въ уста «Крестника»: «и какая людямъ дана отъ Бога благодать, а они мучаютъ себя понапрасну. Жить бы да жить имъ въ радости». И вотъ Сютаевъ, всматриваясь въ жизнь, вчитываясь въ книгу жизни—въ Евангеліе,—искалъ основную причину этихъ страданій, и она все яснѣе раскрывалась передъ нимъ, но доставалось это ему не легко, а цѣною мучительныхъ «подгонокъ» и постоянныхъ преслѣдованій, отъ которыхъ у него «всѣ косточки были перебиты, всѣ жилы повытянуты», а онъ все продолжалъ радоваться и благовѣствовать о блаженствѣ жизни.

Для Сютаева, въ отличіе отъ Л. Н. Толстого, ужаса смерти не существовало. Смерть казалась ему такимъ же простымъ и естественнымъ явленіемъ, какъ и все, совершающееся въ мірѣ, за исключеніемъ лишь людскихъ страданій. Однажды у насъ зашла рѣчь о смерти и я спросилъ у Сютаева: «А ты, Василій Кирилловичъ, никогда не задумывался о смерти и не боишься

ея?» Онъ на это только съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и просто, спокойно отвѣтилъ: «а что о ней думать и чего ея бояться? Вѣдь изъ міра все равно никогда не уйдемъ». А онъ такъ восторженно любилъ этотъ «великій» міръ, такъ полонъ онъ для него былъ радости и прелести, что, въ виду той несомнѣнной истины, что изъ Божьяго міра никуда не уйдемъ, Василій Кирилловичъ такъ же спокойно относился къ предстоящей смерти, какъ къ неизбѣжному наступленію темной ночи послѣ свѣтлаго дня или весенняго тепла послѣ зимней стужи.

Такимъ образомъ этотъ жгучій для многихъ вопросъ о смерти и о томъ, что ожидаетъ насъ въ загробной жизни, если таковая вообще существуетъ, этотъ вопросъ, говорю я, вообще не тревожилъ Сютаева. Онъ былъ въ мірѣ, любилъ этотъ міръ, любилъ въ немъ «и въ полѣ каждую былинку, и въ небѣ каждую звѣзду», а такъ какъ и послѣ смерти онъ все же оставался въ немъ, то даже и вопроса о смерти для него не существовало, но его ужасали тѣ людскія страданія, которыя онъ видѣлъ всюду кругомъ себя, и онъ старался найти причину ихъ. Такой причиной по той вѣрѣ, къ которой онъ пришелъ, являлось незнаніе людьми истинъ книги жизни—Евангелія,—скрытыхъ отъ людей за семью печатями. Поэтому онъ вѣрилъ, что стоитъ лишь сломать эти печати, раскрыть эту книгу, и люди, постигнувъ всю правду, станутъ жить по-хорошему и на землѣ водворится царство Божіе..

Но «сломать печати» мѣшало разное начальство. И вотъ Василій Кирилловичъ рѣшаетъ пойти къ царю. Слово у него никогда не расходилось съ дѣломъ: что сказано, то и сдѣлано. «Зачѣмъ же къ царю?»—спросилъ я его. «А какъ, зачѣмъ?—чтобы онъ велѣлъ, значить, сломать печати и раскрыть самую книгу, такъ чтобы каждый могъ благовѣствовать и никакое начальство, а пуще всего попы, не вчиняли препятствій».—«Ну, что же пошелъ?»—«Пойти-то пошелъ, да только ничего изъ этого не вышло. Добрался я до Петербурга. Сказываютъ царь въ Царскомъ Селѣ. Въ Царскомъ, такъ въ Царскомъ. Поѣхалъ я туда, пошелъ къ дворцу. (Это было, кажется, при Александрѣ III, а можетъ быть, еще при Александрѣ II). Стоять какіе-то солдаты съ ружьями. Я подошелъ къ одному, спрашиваю. «Скажи, милый человѣкъ, какъ бы мнѣ повидать царя»—молчитъ, ничего не отвѣчаетъ. Я къ другому. И тотъ молчитъ. Что,—думаю,—за притча. Нѣмые что-ли они?» Я, значить, сунулся къ третьему. «Скажи,—говорю,—землячокъ, какъ бы дойти до царя, очень ужъ по важному дѣлу нужно мнѣ его. Не задаромъ же я прошагалъ вонъ сколько верстъ». «Намъ не велѣно разговаривать,—пробурчалъ онъ,—и кивнулъ мнѣ головой въ сторону. Вижу стоитъ тамъ какой-то человѣкъ въ штат-

скомъ. Я къ нему. Все разсказаль ему честь-честью и прошу, нельзя ли какъ нибудь провести меня къ царю. «Иди,—говорить,—за мной». «Ну,—думаю,—дѣло мое, видно, выгораетъ: не даромъ я столько труда на себя принялъ». Иду. Привелъ онъ меня къ какому-то важному не то офицеру, не то генералу. Доложилъ все, что ему сказалъ. Велѣлъ тотъ меня обыскать. А что обыскивать. «Меня,—говорю,—хоть голенькаго поведите къ царю только оставьте при мнѣ эту самую книгу (Евангеліе, которое Сютаевъ всегда носилъ при себѣ), чтобъ онъ велѣлъ сломить всѣ семь печатей и раскрыть ее». «Хорошо,—говорить,—подожди». Жду. Пришли солдаты съ ружьями, схватили меня и повезли въ Питеръ къ начальству. Тутъ меня опять допросили. Я имъ сказываю: «Чего меня допрашивать да обыскивать? Поведите меня къ царю со всѣмъ голенькаго, въ чемъ мать родила, оставьте при мнѣ только книгу, Евангеліе, чтобъ онъ на ней написалъ свой приказъ сломать всѣ печати и всѣмъ раскрыть ее. Такъ нѣтъ же, ничего и слушать не хотятъ». И, уныло махнувъ рукой, Василій Кирилловичъ въ заключеніе сказалъ: «Отправили въ тюрьму, да и выслали по этапу домой».

Левъ Николаевичъ тоже, какъ извѣстно, обращался письменно и къ Александру II и къ его преемникамъ, увѣщевая и умоляя ихъ сломить печати насилія и злобы и замѣнить ихъ примѣрами всепрощенія и любви. Онъ сожалѣлъ, что, по примѣру Сютаева, самъ не поѣхалъ къ Александру III, чтобъ умолять о прощеніи убійцъ его отца, считая, что этимъ положено было бы начало новой великой эры любви и всепрощенія.

Для Василія Кирилловича всѣ четыре евангелія, всѣ дѣянія и посланія апостоловъ вмѣстѣ съ апокалипсисомъ составляли одно нераздѣльное, цѣльное повѣствованіе не только о Христѣ и объ апостолахъ, но о каждомъ человѣкѣ, который являетъ собою цѣлый малый міръ, совершенно подобный тому великому Божьему міру съ его небомъ и землей, который мы видимъ кругомъ себя. Поэтому въ человѣкѣ, въ каждомъ человѣкѣ, есть все, что есть въ мірѣ, и любимой его поговоркой было «все въ тебѣ», т.-е. все, рѣшительно все, имѣется въ человѣкѣ, задача котораго поэтому заключается въ изученіи міра и въ слѣдованіи его закону общей жизни.

При такомъ широкомъ и необычайно свѣтломъ міровоззрѣніи въ Сютаевѣ поражали нѣкоторыя странности, происходившія отъ желанія все подогнать къ человѣку. Прочелъ онъ, напримѣръ, въ апокалипсисѣ о семи церквахъ и задумался, какія это семь церквей въ мірѣ и что соотвѣтствуетъ имъ въ человѣкѣ, Какъ ни прилаживалъ онъ, какъ ни подгонялъ, а все выходило или

Н. К. Сютяевъ.
(Портретъ Рѣпина).

больше, или меньше семи. «Вышелъ я какъ-то въ свѣтлую, морозную ночь на улицу,—разсказывалъ Сютаевъ о себѣ,—взглянулъ на небо и думаю: тѣ семь свѣтильниковъ непримѣнно должны быть на небѣ, а какіе не знаю, потому что науку ту небесную не знаю, и даже едва едва подогналъ семь церквей въ человѣкѣ. А подогнуть и разяснить все въ Евангеліи безпримѣнно нужно—безъ того что-нибудь не поймешь или пропустишь, а стало быть не раскроешь всей правды жизни». И долго мучился Василій Кирилловичъ, все подгоняя.

«Бывало,—передавала его жена,—заляжетъ мой старикъ на печь и все кряхтитъ и охаетъ. Ну вижу, значить, что-то подгоняетъ, а подогнуть не можетъ. И ѣда-то ему на умъ не идетъ, и всѣ-то ночи напролетъ все ворочается, все свои думушки думаетъ. «Да брось ты это»,—говорю ему. «Какъ брось, развѣ можно это бросить. Нужно, во что бы то ни стало, сломить всѣ семь печатей, раскрыть всю правду, а ты говоришь брось». И опять мучается. Онова онъ такъ-то подгонялъ года полтора. Наконецъ повеселѣлъ мой Кириллычъ, все, что нужно, подогналъ, только съ тѣхъ самыхъ поръ поругался онъ съ попами и пересталъ ихъ принимать».

«На праздникахъ зашелъ ко мнѣ полъ съ крестомъ—разсказывалъ Сютаевъ,—обходить онъ село, а я тогда еще принималъ его. Послѣ молебна присѣлъ испить чайку. Мы жили не бѣдно и всего у насъ было вдосталь. Пьетъ онъ чай, я его и спрашиваю: «Скажи ты мнѣ на милость какія это въ апокалипсисѣ семь церквей?»—«Какъ, какія? Ну есть тамъ семь такихъ городовъ и въ нихъ основались эти семь церквей».—«А ништо городовъ только семь и почему семь?» «Такъ было,—говорить,—въ то время».—«Чудно что-то. И теперь онѣ есть?»—«Есть».—«А коли онѣ есть, то пойдемъ же найдемъ ихъ».—«Намъ съ тобой туда пути заказаны».—«Нешто могутъ быть пути заказаны?»—сказалъ я,—«всѣ они должны быть раскрыты, какъ на ладони, а пути жизни могутъ заказывать только блуднику. Вотъ смотри...—и подаль я ему эту самую книгу—Евангеліе,—почитай-ка, что тутъ написано». А онъ взялъ эту книгу, да въ сердцахъ и швырнулъ ее. «Не вамъ,—говорить,—дуракамъ читать Евангеліе, ничего вы въ немъ не понимаете».—«А вамъ, умникамъ, швырять его?» И тутъ у меня раскрылись глаза на всю ихъ, поповскую, неправду. «Слушай,—сказалъ я попу—ты швырнулъ эту книгу жизни, а я вышвыриваю тебя отъ себя, и не ходи больше ко мнѣ. Правды въ тебѣ, я вижу, нѣтъ, и мнѣ ты не нуженъ». Съ тѣхъ поръ не сталъ я его принимать съ молебнами, не сталъ звать ни на крестины, ни на свадьбы, ни на похороны—все сами справляли. Въ церковь тоже перестали мы

ходить. Озлился на насъ попъ и принялся онъ подпаивать негодныхъ мужичишекъ да подучивать ихъ на всякія безчинства; начали они таскать у меня все изъ амбаровъ, а съ пьяна и колотить меня такъ, что ни одной косточки не оставили цѣлой. А я все стою на свсемъ, благовѣствую и раскрываю правду».

Можетъ показаться страннымъ, что человѣкъ съ такимъ широкимъ міровоззрѣніемъ, какъ Сютаевъ, могъ по поводу несогласія о какихъ-то тамъ семи церквахъ, упоминаемыхъ въ апокалипсисѣ, первать съ церковью, имѣющей въ глазахъ крестьянъ такое громаднсе значеніе во всѣхъ самыхъ важныхъ событіяхъ жизни при рожденіи, при бракѣ и при смерти,—по всяке раскрытіе неправды жизни непосредственно приводитъ наше крестьянство къ разрыву съ церковью.

Въ книгѣ о штундѣ, кажется, протоіерея Рождественскаго, приведены донесенія священниковъ, что въ ихъ приходяхъ начинается распространяться штунда, такъ какъ крестьяне перестаютъ пить вино, сквернословить и принимаются читать Евангеліе. Какъ ни дика кажется такая мотивировка, но тѣмъ не менѣе священники, дѣлавшіе такіе донесенія, были правы. Чтеніе Евангелія не вяжется съ пьянствомъ и сквернословіемъ, заставляетъ задумываться надъ своей жизнью, а это всегда приводитъ крестьянство—и не одно крестьянство—къ отпаденію отъ церкви.

Сютаевъ все равно порвалъ бы съ церковью, даже если бы въ апокалипсисѣ не было этихъ роковыхъ для него семи церквей, слишкомъ уже много находилъ онъ въ Евангеліи несоотвѣтствій съ тѣмъ, что велѣно и принято находить въ немъ.

Для Толстого причина всѣхъ золъ, царящихъ въ мірѣ, кроется, какъ извѣстно, въ томъ, что люди отчасти сознательно, отчасти же по невѣдѣнію не признаютъ основной, по его мнѣнію, заповѣди Христа о непротивленіи зломъ. Для Сютаева вся суть зла не въ противленіи зломъ и не въ отказѣ отъ хлѣбнаго труда, какъ это утверждаетъ знаменитый крестьянинъ Тимофей Михайловичъ Бондаревъ, а въ томъ, что люди подѣлили все на мое и твое, тогда какъ «все у нихъ должно быть общее, всѣ должны сообща работать, сообща пожинать плоды общихъ трудовъ», и тогда «на землѣ настанетъ Царство Божіе, краше всякаго рая».

Земледѣльческія работы Сютаевъ цѣнилъ очень высоко. И въ семьдесятъ четыре года, какимъ я его зналъ, этотъ маленькій, сухой, тшедушный старикъ исполнялъ большую часть этихъ работъ ловко, легко и ни въ грошъ не ставилъ тѣхъ, кто не умѣлъ или не хотѣлъ работать. «Блудниками» называлъ онъ такихъ людей, придавая этому слову свое, своеобразное значеніе и разумѣя людей, находящихся въ заблужденіи или вводящихъ дру-

гихъ въ заблужденіе. И «блудникъ» было самое презрительное и ругательное слово въ его устахъ. Но онъ не только высоко цѣнилъ трудъ, а просто органически не понималъ, какъ можетъ человѣкъ жить, не работая. Работа для человѣка то же, что воздухъ для птицы, вода для рыбы—это его стихія, и если человѣкъ не можетъ или не хочетъ работать, то очевидно, что онъ или боленъ, или находится не въ полномъ разсудкѣ, потому что здоровый не можетъ не тянуться къ работѣ, какъ рыба къ водѣ.

И вотъ въ книгѣ живота, въ книгѣ жизни, въ Евангеліи, онъ раскрылъ причину того, что трудъ сталъ людямъ не въ радость, а въ тягость. «Подѣлили бы рыбы воду, и онѣ стали бы въ ней задыхаться, то же и съ людьми: подѣлили они землю и все, что добываютъ изъ земли, подѣлили на мое да на твое, и не знаютъ, какъ выбраться изъ бѣды, а выбраться-то проще простого: какъ у неба съ землей все общее, такъ и промежду людей все должно быть общее, и тогда замѣсто горя будетъ одна радость совершенная».

Сютаевъ, какъ я уже упомянулъ, былъ довольно зажиточный крестьянинъ, ни въ чемъ не нуждавшійся. Онъ былъ искусный монументщикъ, дѣлалъ въ Питерѣ памятники и зарабатывалъ хорошія деньги, но занятіе это онъ бросилъ, порвалъ расписки всѣхъ своихъ должниковъ и вернулся на родину въ деревню Шевелино, Новоторжскаго уѣзда Тверской губерніи, вернулся, чтобъ работать и благовѣствовать. Трое сыновей его къ тому времени уже выросли; это были здоровые, честные, образцовые работники, и онъ смѣло могъ ими хвалиться, но одно огорчало Василия Кирилловича: «не присказываютъ они, не благовѣствуютъ». «Что толку, — съ грустью говорилъ старикъ, — что они не воруютъ и даже все дѣлаютъ по чести, если не благовѣствуютъ, по-моему это все одно и то же, что воровство. Примѣрно сказать, повезетъ Дмитрій—такъ звали одного изъ сыновей Сютаева—продать огурцы на базаръ. Возъ обыкновенно прикрашиваютъ: сверху кладутъ огурцы получше да покрупнѣе, а мелкій огурецъ и который пожелтѣе суютъ подъ низъ. Дмитрія не такъ: у него весь огурецъ ровный, даже наровить еще, чтобъ сверху былъ, который похуже: и думаетъ, что это хорошо, а я ему говорю: ты тотъ же блудникъ и ничѣмъ не лучше обманщиковъ: твое «по чести» тотъ же обманъ. Ты торгуешь по чести, а въ торговлѣ чести-то и нѣтъ. По-моему, если уже приходится торговать—торгуй, но всѣмъ и каждому присказывай, что и продавать и покупать все одинъ грѣхъ, такъ какъ промежду людей все должно быть общее: тебѣ нужны огурцы, бери сколько требуется, мнѣ понадобилось лыко или еще что другое и я возьму по совѣсти, вотъ ни-

какого спора или раздора промежду насъ и не будетъ, а то я наравлю сорвать побольше съ тебя, ты съ меня, и грыземся мы, какъ собаки, а все изъ-за этого моего да твоего сѣмъ только раздоръ».

Самъ Василій Кирилловичъ былъ неумолимъ въ благовѣствованіи. Проработавъ цѣлый день, онъ всегда готовъ былъ весь вечеръ до поздней ночи или благовѣствовать или «подгонять», т.-е. разъяснять различныя непонятныя мѣста книгъ Евангелія. А утромъ, глядишь, онъ уже ранехонько вскочилъ бодрый, веселый и кому-нибудь благовѣствуетъ. Если пойдетъ куда-нибудь, то не преминетъ «благовѣстнуть» всѣмъ, кого повстрѣчаетъ, и если попадется человѣкъ, который заинтересуется его рѣчами, то они долго проговорятъ и разойдутся друзьями, хотя Сютеевъ не рѣдко возмущалъ собесѣдниковъ презрительнымъ отношеніемъ къ церкви, попамъ, къ обрядамъ и таинствамъ, по отношенію къ которымъ онъ не щадилъ мѣткихъ и оскорбительныхъ сравненій и уподобленій, которыми его рѣчь была такъ богата. Если случалось ему повстрѣчать дѣвушку, боронующую въ полѣ, онъ останавливался поговорить и съ нею. «Богъ на помощь тебѣ, дѣвонька, борони себѣ, борони! Да что ты это все кружишься взадъ да впередъ по одному загону? боронила бы подрядъ всѣ загоны и свои и сосѣдскіе, и тебѣ бы съ лошадкой было бы полегче и дѣло то выходило бы по-Божьи: ты бы другимъ сборонила, другіе спалили бы тебѣ, вотъ все вышло бы у васъ по-хорошему, все было бы сообща, и лучше бы родилось и лучше бы всѣмъ жилось». Дѣвушка въ недоумѣніи останавливается: видитъ человѣкъ старенькій, не пьяный, одѣтъ хотя по-крестьянскому, а чисто, говоритъ хорошо, толково, но какъ-то чудно, и она принимается его спрашивать, а Василю Кирилловичу это-то и нужно. Какъ бы сильно онъ ни усталъ, но тутъ онъ мгновенно оживляется и благовѣствуетъ, пока дѣвушка готова его слушать.

Увидитъ ли онъ стариковъ, отдыхающихъ на заваленкѣ, онъ и къ нимъ подойдетъ, «поздоровается», и слово за словомъ затѣвается у нихъ бесѣда о Царствіи Божіемъ и о томъ, какъ всѣ живутъ не по правдѣ Его. Часто такія бесѣды идутъ ладно, слушатели съ нимъ соглашаются, и сѣмя падаетъ на добрую почву, но случается, что они, возмущившись его критикой церкви и поповъ, грозятъ ему урядникомъ. Такія угрозы однако нисколько не страшатъ его: онъ знаетъ, что урядникъ тоже «блудникъ» и при столкновеніи съ нимъ принимается благовѣствовать и ему, наводя его на истинный путь, хотя тутъ расплачиваться ему нерѣдко приходилось своими «перебитыми косточками и повытянутыми жилками», что однако нисколько не охлаждало и не унижало его.

Въ большинствѣ случаевъ Сютаевъ, разговорившись, непременно сводилъ бесѣду на свое больное мѣсто, послужившее поводомъ къ разрыву съ церковью, т.-е. на семь апокалипсическихъ церквей и тутъ человѣкъ, внимательно слушавшій его—а у него всегда было что послушать,—невольно поникалъ головой. Все время, пока рѣчь шла, о жизни и о томъ, какъ слѣдуетъ по-божьи жить, его слушали съ глубокимъ вниманіемъ даже люди несогласные съ нимъ, но когда онъ пускался въ толкованіе апокалипсиса и его семи свѣтильниковъ и церквей, на лицахъ слушателей ясно замѣчалось недоумѣніе, скука, раздраженіе, и то до тѣхъ поръ, пока онъ опять не сворачивалъ на разъясненіе того, какова должна быть настоящая жизнь, къ чему онъ въ сущности и подгонялъ все предшествовавшее.

Однажды, копаясь въ огородѣ, я неожиданно увидѣлъ Сютаева, спускавшагося съ горки по дорогѣ къ Вышнему Волочку. Онъ шелъ быстрыми, легкими, мелкими шагами. За нимъ слѣдовалъ одинъ изъ его сыновей, а въ нѣкоторомъ отдаленіи шелъ третій, незнакомый мнѣ человѣкъ. Я пошелъ навстрѣчу къ Василию Кирилловичу, и мы съ нимъ направились въ мою избу, стоящую почти у самой дороги. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ и сынъ Сютаева, а такъ какъ третьяго не было съ ними, то я рѣшилъ, что то, вѣроятно, какой-нибудь незнакомый имъ прохожій.

Обмѣнявшись съ ними нѣсколькими разспросами, я предложилъ имъ чаю. «Только не зови ты этого «блудника», замѣтилъ вдругъ рѣзкимъ, раздраженнымъ тономъ Сютаевъ. Не зачѣмъ его и звать и съ нимъ говорить». «Какого блудника?»—спросилъ я. И тутъ къ немалому моему удивленію я узналъ, что третій человѣкъ тоже шелъ ко мнѣ вмѣстѣ съ ними, но что по дорогѣ они съ Василиемъ Кирилловичемъ рѣзко разошлись по вопросу о злополучныхъ семи свѣтильникахъ или церквахъ, такъ что Сютаевъ даже отказался больше говорить съ нимъ, хотя этотъ незнакомецъ нарочно пріѣхалъ изъ Питера, чтобъ ознакомиться съ жизнью и вѣрою толстовскихъ общинниковъ, о которыхъ онъ передъ тѣмъ только что прочелъ какую-то корреспонденцію въ газетахъ. Весь вечеръ онъ мирно пробесѣдовалъ съ общинниками и съ Сютаевымъ и во многомъ сходились. Но подъ конецъ Василій Кирилловичъ не утерпѣлъ и задалъ ему вопросъ относительно того, какъ онъ и его единомышленники понимаютъ семь свѣтильниковъ или церквей апокалипсиса и что подъ ними разумѣютъ. Оказалось, что эти сектанты тоже задумывались надъ этимъ вопросомъ и рѣшили, что это ничто иное, какъ семь отверстій на человѣческомъ лицѣ: два глаза, два уха, двѣ ноздри и одинъ ротъ. Сютаева это страшно возмутило, хотя ему возмущаться не было рѣшительно

никакого основанія, такъ какъ по его толкованію эти семь свѣтильниковъ были семь составныхъ частей человѣческаго тѣла: мозги, кости, хрущи (хрящи), жилья (жилы), сердце, легкія и печенка. Какъ ни дѣтски наивно было такое толкованіе, но Сютаевъ твердо стоялъ на томъ, что эти свѣтильники безпримѣнно части нашего тѣла, хотя соглашался измѣнить ихъ и всегда раздражался, когда ему въ этомъ противорѣчили и доказывали его наивность и неосновательность; это было самое слабое и больное мѣсто въ его ученіи, приводившее такъ часто къ раздору не только съ попами, но и съ людьми близкими ему.

Если Левъ Николаевичъ поражалъ всѣхъ, знавшихъ его, тѣмъ, что никогда не былъ теплымъ, а всегда или восхищался, или негодовалъ, то Сютаевъ являлъ собою живой примѣръ чуда, совершеннаго Христомъ въ Канѣ Галилейской. Зашла какъ-то рѣчь о чудесахъ и я спросилъ Василія Кирилловича, неужели онъ вѣритъ во всѣ чудеса, упоминаемыя въ Евангеліи, и для примѣра привелъ чудо въ Канѣ Галилейской. «А какъ же не вѣритъ? Это первое и самое большое чудо, съ котораго и должно все начинаться»,—озадачили онъ меня. Видя мое недоумѣніе, онъ поспѣшилъ прибавить: «только нужно все понимать духовно, а не по буквѣ. Духъ животворить, а буква мертвитъ. Конечно, Христосъ водки не дѣлалъ и не училъ пьянству; это все вздоръ, а онъ, значитъ, претворялъ нашу кровь изъ воды въ вино. Взять хотя бы, примѣрно, васъ, толстовцевъ: народъ вы хорошій, сами стараетесь работать и не ссоритесь, а этого чуда надъ вами не совершилось: осталась у васъ кровь водой и не стала виномъ. Ты читалъ, что сказано въ апокалипсисѣ: «вы не холодны и не горячи; о, если бы вы были холодны или горячи; но такъ какъ вы теплы, то извергну васъ изъ устъ моихъ». Вотъ этихъ теплыхъ Христосъ превращалъ и намъ велѣлъ превращать въ горячихъ, чтобы кровь у нихъ была не водой, а виномъ, чтобы они опьяняли благой вѣстью общей жизни и Царства Божія. Это и былъ Даръ Духа Святого. Когда онъ спизошелъ на апостоловъ, они тоже опьянѣли, и въ Дѣянїяхъ такъ и сказано, что «иные насмѣхаясь говорили: они напились сладкаго вина, а апостоль Петръ на это и говоритъ: пьяны-то они не отъ вина, а оттого, что кровь у нихъ уже не вода, а вино».

Самъ Василій Кирилловичъ, повторяю, служилъ живымъ примѣромъ человѣка, надъ которымъ совершилось чудо въ Канѣ Галилейской, и проповѣдь его могущественно опьяняла слушавшихъ его. Приведу тому примѣръ. Одинъ юноша изъ Вышеволоцкой Толстовской общины П. Н. Г—въ пожелалъ познакомиться съ Сютаевымъ и отправился къ нему. Это было на Кре-

шеніе. Сютаева дома не оказалось и Г—въ пошелъ разыскивать его въ ближайшую деревню. Василия Кирилловича онъ нашелъ, когда тотъ, благовѣствуя, переходилъ изъ одной избы въ другую, словно апостолъ первыхъ временъ христіанства. Его широкая проповѣдь и соотвѣтствующая жизнь такъ поразили Г—ва, что онъ заболѣлъ серьезнымъ нервнымъ разстройствомъ, и ему пришлось довольно долго пролѣчиться въ Курашевской психиатрической больницѣ. Да, не легко давалось это чудо. Но Сютаевъ, на котораго снизошелъ этотъ даръ, неустанно благовѣствовалъ благу въ общій жизни безъ моего и твоего, благовѣствовалъ при всевозможныхъ условіяхъ и въ самыхъ различныхъ обстановкахъ: и сидя въ полицейскомъ правленіи или въ тюрьмѣ, и по праздникамъ, и по буднямъ, и за работой, и во время отдыха, и на волѣ или слѣдуя по этапу.

Толстой очень справедливо и вѣрно замѣтилъ, что «богатые больше завязаютъ въ грѣхахъ, чѣмъ бѣдные. Да и грѣхи богатыхъ мудренѣе и запутаннѣе; имъ трудно разобраться въ нихъ. У бѣдняковъ грѣхи,—говоритъ онъ,—не хитрые, и легче отъ нихъ освободиться».

Дѣйствительно, въ то время, какъ Толстой боролся и писалъ противъ «Излишества», «Тунеядства», «Корыстолюбія», «Гнѣва», «Тщеславія», «Половой похоти», «Гордости», «Неравенства», «Насилія», Сютаевъ былъ совершенно чуждъ этимъ страстямъ и всецѣло преданъ лишь одной страсти благовѣствованія. Правда, онъ жилъ съ женой, имѣлъ отъ нея здоровыхъ дѣтей, но никогда не считалъ это грѣхомъ, а находилъ это такой же простой, хорошей и естественной вещью, какъ и то, что земля произрастаетъ хлѣбъ и плоды, а солнце освѣщаетъ, грѣетъ и оплодотворяетъ ее. Что же касается до остальныхъ страстей, то, если зародыши ихъ и существовали въ его душѣ, смѣло можно сказать, что они заглохли въ немъ подъ вліяніемъ всежигающей его страсти благовѣствованія общій, братской жизни. А когда великая, благородная страсть овладѣваетъ человѣкомъ, онъ неизбежно становится «правдивъ», полонъ «самоотреченія» и «смиренія». Таковъ и былъ Сютаевъ: въ дѣйствительности смирененъ сердцемъ, какъ младенецъ, и нечего ему было отрекаться отъ себя, такъ какъ онъ не обособлялъ себя не только отъ міра людей, но и отъ міра вообще. Онъ находилъ, что человѣкъ по своей природѣ такъ же прекрасенъ, какъ и сама природа, а потому ему нужно только поучаться у нея, брать съ нея примѣръ, а не коверкать и ломать свою природу въ угоду «блудникамъ» съ ихъ тщеславіемъ.

Зашла у насъ какъ-то рѣчь о посланіяхъ апостола Павла, и я высказалъ, что многое въ нихъ по меньшей мѣрѣ странно,

и что даже самъ Павелъ допускаетъ мысль о возможности ихъ ошибочности, такъ какъ говорить отъ себя, а не по внушенію Духа. Ну почему, напримѣръ, «мужчина долженъ молиться или пророчествовать съ открытой головой, а женщина съ покрытой? Почему мужу растить волосы безчестіе, а женѣ честь? Или «не мужъ отъ жены, а жена отъ мужа, а не мужъ созданъ для жены, но жена для мужа?»—«Да все такъ и есть и должно быть по природѣ»,—горячо возразилъ Сютаевъ.—«Что такое мужъ? Мужъ—это небо, а жена—это земля. Небо должно быть открыто, сіять солнышкомъ и звѣздами, а земля подъ нимъ одѣта зелеными, лугами и лѣсомъ. Такъ тамъ и сказано: «не сама ли природа учить васъ?» А вѣдь она насъ этому учить, и Христосъ говоритъ, что намъ нужно брать примѣръ съ міра, съ того, какъ солнце грѣетъ и свѣтитъ, а небо дождитъ всѣмъ и птицамъ небеснымъ, и лиліямъ полевымъ. А что въ мірѣ небо, то въ человѣкѣ голова, а что земля—то чрево, животъ. Не голова создана для живота, а животъ для головы, и не голова должна покоряться животу, а животъ головѣ и быть прикрытъ ею. Но какъ небо съ землею едины, такъ и все въ человѣкѣ должно быть едино, и всѣ люди едины, а для этого все у нихъ должно быть общее. И что въ мірѣ, то и въ «тебѣ» «все въ тебѣ», такъ какъ человѣкъ малый міръ, вполне подобный великому Божьему міру».

Такъ подгонялъ Василій Кирилловичъ подъ одно всѣ посланія, апокалипсисъ, дѣянія и евангелія. Нельзя не пожалѣть, что Василій Кирилловичъ не писалъ, а мы не записывали всѣхъ его толкованій и потому ихъ сохранилось очень мало.

Прослышалъ о Сютаевѣ и «великій писатель земли русской», захотѣлось ему повидать и послушать этого «мудреца-крестьянина» и онъ поѣхалъ къ нему въ Шевелино ¹⁾. Ему полюбилось ученіе Василія Кирилловича объ общей жизни, полюбилась его проповѣдь, а еще больше его жизнь, въ которой слово не расходилось съ дѣломъ. Въ семьѣ Сютаева не было ни ссоръ, ни дразгъ изъ-за моего и твоего, а все было общее. Во время посѣщенія Толстого у двухъ молодыхъ: у дочери и у снохи Василія Кирилловича было по грудному ребенку. Въ разговорѣ Толстой между прочимъ указалъ на одну изъ естественныхъ причинъ раздѣленія между людьми, на то, что мать кормитъ, няньчить и лелѣетъ своего ребенка, а потому естественно больше любить его и больше заботится о немъ, и такимъ образомъ возникаетъ предпочтеніе

¹⁾ Въ письмѣ къ Василию Ивановичу Алексѣеву изъ Москвы отъ ноября 1882 года Левъ Николаевичъ говоритъ: «былъ у Сютаева,—тоже христіанинъ и на дѣлѣ. Мы одномышленники съ Сютаевымъ во всемъ до малѣйшихъ подробностей».

этого одного ребенка всѣмъ остальнымъ не своимъ дѣтямъ. «А къ чему же это такъ?—возразилъ Сютаевъ,—развѣ нельзя по иному, примѣрно вотъ какъ у насъ. Онѣ не разбираютъ, чей ребенокъ: ея ли, не ея ли, кого нужно покормить или покачать, того и кормить и понянчаешь та молодуха, которая случится въ избѣ; и ребята у нихъ растутъ общіе и заботятся онѣ сообща», и въ доказательство онъ указалъ на свою дочь Домну, которая въ то время кормила ребенка снохи, убиравшей скотину. Эта мысль и наглядное ея примѣненіе въ жизни привели Льва Николаевича въ восторгъ, и впоследствии онъ не разъ приводилъ это въ примѣръ того, какъ при разумной жизни можно уменьшить и ослабить разединеніе между людьми и достигать большаго равенства.

Но Сютаевъ не довольствовался тѣмъ, что въ его семьѣ былъ лень не дѣленъ: онъ старался привлечь къ такой общей жизни не только крестьянъ сосѣднихъ деревень, а и всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться. Многіе съ нимъ соглашались, что живутъ не по-Божьи, что лучше все имѣть общее; нѣкоторые послѣдователи пробовали было сходиться и вести общую жизнь, но затѣмъ возникали несогласія изъ-за моего и твоего, и люди изъ-за пустяковъ расходились. Попытка общей жизни казалась плѣнительной и Льву Николаевичу. Одно время онъ мечталъ «водворить Царство Божіе» въ Ясной Полянѣ.

Вотъ что объ этомъ рассказываетъ г. Тенеромо въ книгѣ «Живыя слова Л. Н. Толстого»:

«Яснополянскіе крестьяне подъ вліяніемъ проповѣди Льва Николаевича и Фрея, долго и серьезно обдумавъ, порѣшили забросить свои избышки и жить и работать всѣмъ вмѣстѣ, а для этого постановили слѣдующій приговоръ: «Мы, крестьяне сельца Ясной Поляны, бывъ 5-го декабря 1885 г. на сельскомъ сходѣ въ законномъ составѣ, приговорили:

«Начать жить всѣмъ сообща по слову Евангелія и ничего своимъ не называть, и снести все въ одно мѣсто и міромъ жить и работать.

«Просимъ графа Л. Н. Толстого отдать площадь на старомъ барскомъ дворѣ и старое зданіе для помѣщенія людей, а также сдать въ долгосрочную аренду землю, засѣваемую нынѣ подъ хлѣбъ работниками барскаго двора, и землю, засѣваемую нами исполу. Кусокъ лѣса, называемаго «барскій осинникъ», тоже просимъ отдать намъ для пользованія».

Подъ этимъ приговоромъ подписались всѣ 70 домохозяевъ Ясной Поляны, скрѣпилъ его староста и старшина. Сосѣдніе крестьяне говорили, что какъ только ясенскіе ломаютъ избы—

всѣ то же сдѣлають. Левъ Николаевичъ въ молитвенномъ умиленіи тоже ждалъ увидѣть новую жизнь въ старой и обожаемой имъ деревнѣ... но отъ Софьи Андреевны получился рѣзкій и рѣшительный отвѣтъ: «ни клочка земли и ни вѣтки лѣсу».

Когда черезъ нѣсколько времени послѣ этого Сютасевъ посѣтилъ Ясную Поляну, то, увидавъ всѣ богатства и обилія полей, лѣсовъ и зданій, сталъ уговаривать Льва Николаевича «устроить здѣсь Царство Божіе», но услыхалъ въ отвѣтъ, что все это отдано въ распоряженіе графини. Сильно огорчился старикъ и грустно упрекнулъ Толстого: «Большой грѣхъ взялъ ты, Левъ Николаевичъ, на свою душу,—сказалъ онъ,—нешто женское это дѣло устроить Царство Божіе?» и сильно опечаленный вернулся домой.

Съ тѣхъ поръ съ какой-то горечью и обидой вспоминалъ Сютасевъ о великомъ старикѣ, такомъ близкомъ ему по духу, но котораго графство спутало по рукамъ и ногамъ, въ то время, какъ онъ, простой крестьянинъ, хорошо извѣдавшій и тяжелый трудъ, и крестьянское безправіе, рѣшительно не могъ себѣ даже представить барскихъ хитрыхъ сѣтей, опутывающихъ и дѣлающихъ безсильнымъ и безвольнымъ даже такого «льва», какимъ былъ Толстой. Дѣйствительно, этотъ разладъ между словомъ и дѣломъ, свойственный вообще нашей интеллигенціи, совершенно непонятенъ крестьянину, а Сютасевъ всегда былъ типичнымъ представителемъ лучшей части нашего крестьянства, и у него слово органически не могло расходиться съ дѣломъ.

Приведу маленькую, но характерную иллюстрацію.

«Какъ-то стала я примѣчать,—разсказывала мнѣ жена Василия Кирилловича,—что старикъ мой опять загрустилъ. Дѣло было передъ Пасхой. Ну, думаю, видно опять подгонясть. Въ то время сынъ нашъ Иванъ, за отказъ отъ солдатчины, сидѣлъ въ тюрьмѣ. И вотъ однажды рано, еще до свѣта, слѣзъ старикъ съ печи, разбудилъ Дмитрія и говоритъ ему: «все-то живемъ мы не по Евангелію, забываемъ, что тамъ сказано; тамъ сказано, что нужно «проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, отпускать измученныхъ на свободу», а у насъ Ивана мучаютъ, и мы не идемъ проповѣдывать ему освобожденіе и отпущеніе на свободу. Это не по Евангелію. Надо пойти и высвободить его изъ темницы». Попили они чайку и пошли. Жду, что будетъ, а сердце-то у меня неспокойно. Жду день, жду два, на третій или на четвертый день вижу ведутъ мсего старика съ сотскимъ. И сколько не таскали его потомъ, а онъ все не унимался».

И вотъ этотъ неунимающійся, уже семидесятитрехлѣтній старикъ, узнавъ, что въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ нѣсколько послѣдователей Льва Николаевича устроили общину, рѣшилъ

пойти посмотрѣть, какъ они живутъ. Путь былъ не близкій, прошелъ онъ его не скоро, такъ какъ по дорогѣ не переставалъ благовѣствовать; но, наконецъ, добрелъ и очутился сразу, словно у себя дома. Общинники полюбились ему; работали они сначала дружно, старались ничего не дѣлать на мое и твое, по все время уходило у нихъ на работу и не оставалось его для благовѣствованія, къ которому лишь очень немногіе имѣли влеченіе, остальные же были довольно равнодушны, и одинъ изъ лучшихъ общинниковъ Ал. В. Ал—инъ поставилъ себѣ даже за правило только отвѣчать, и то по возможности кратко, на задаваемые ему вопросы, самому же ни въ какія пренія не вступать и никакихъ разговоровъ не начинать. Сютаеву это было не по душѣ, и онъ постоянно негодовалъ и укорялъ общинниковъ за то, что они все дѣлаютъ безъ присказыванія, безъ благовѣствованія. Двое общинниковъ, Рах. и Коз., были врачами и лѣчили; правда, не особенно охотно. Сютаевъ постоянно твердилъ каждому изъ нихъ: «ты лѣчишь лѣчи: въ этомъ вреда нѣтъ, а чтобъ это пошло на пользу, присказывай, что болѣютъ они оттого, что у нихъ все подѣлено на мое и твое. Если бы они жили по-Божьи, сообщая, была бы у нихъ радость совершенная и не нужно было бы никакихъ лѣкарствъ».

На этотъ разъ Сютаеву однако не пришлось долго пожить въ общинѣ: явился урядникъ, а такъ какъ у Василия Кирилловича паспорта не оказалось, то онъ далъ знать становому приставу, который не замедлилъ пріѣхать и арестовать Сютаева. Василий Кирилловичъ отнесся къ этому аресту вполне спокойно и равнодушно. «Я-то смекалъ, что бумаженка эта ни къ чему, и не захватилъ ее; если же тебѣ она нужна, изволь добуду», наивно отвѣтилъ старикъ и тутъ же принялся благовѣствовать: «Ты, милый человѣкъ, пообдумай только, какъ мы живемъ: нешто это по-Божьи, въ радости и веселіи? Нѣтъ, и себя мучимъ, и другихъ тѣсимъ. Взять хотя бы тебя: сколько тебѣ хлопотъ съ этими паспортишками да съ выколачиваніемъ разныхъ поборовъ и податей!» Становой согласился, что хлопотъ много и что онъ выбивается изъ силъ. «Го же вѣдь и я говорю, а будь у людей все общее, живи каждый, гдѣ хочетъ, безъ всякихъ притѣсненій и бумаженокъ, всѣ сообща рѣшали бы, сколько съ нихъ приходится податей и повинностей на общія нужды, заранѣе заготовляли бы и на, получай безъ всякихъ хлопотъ». Приставъ находилъ, что такъ, дѣйствительно, было бы, пожалуй, лучше. «Еще бы не лучше, никакого начальства знать бы не знали, всѣ вы были бы ни къ чему, и замѣсто того, чтобъ досаждать себѣ и другимъ, жили бы съ нами заодно, вмѣстѣ ра-

ботали, вмѣстѣ и ѣли; было бы Царство Божіе на землѣ и радость была бы совершенная». Относительно упраздненія начальства приставъ былъ несогласенъ и даже находилъ, что за такія рѣчи не мѣшало бы запрягать въ тюрьму, но въ виду добродушія старика нашелъ возможнымъ разрѣшить одному изъ общинниковъ доставить его въ сопровожденіи сотскаго въ уѣздный городъ и представить его въ полицейское управленіе.

Но и на пути въ городъ и въ полицейское управленіе Сютяевъ не переставалъ благовѣствовать, вполне равнодушно относясь къ своей участи. Пока сопровождавшій его общинникъ хлопоталъ, хотя и безуспѣшно, о замѣнѣ Сютяеву высылки по этапу свободнымъ возвращеніемъ, самъ Василій Кирилловичъ доказывалъ полицейскимъ и жандармамъ, что живутъ они не по-Божьи и уговаривалъ ихъ бросить службу и начать жить сообща. Приказаніе исправника отправить его въ тюрьму впредь до высылки по этапу на родину онъ выслушалъ такъ равнодушно, какъ будто это совсѣмъ до него не касалось и такъ же спокойно поплелся въ тюрьму, пообѣщавъ въ скоромъ времени вернуться ужъ съ бумаженкой. Въ тюрьмѣ онъ оставался все тѣмъ же ласковымъ и радостнымъ проповѣдникомъ, нисколько не смущаясь обстановкой, чувствуя себя и въ ней, словно у себя дома, на волѣ, и это при всей страстной его любви къ природѣ. Да, только среди полей или въ лѣсу онъ чувствовалъ себя въ своей стихіи; стоя даже подъ жгучими лучами солнца, онъ упивался благодатью, разлитой кругомъ, и еще сильнѣе грустилъ, что люди не умѣютъ и не хотятъ ею наслаждаться. Для него вся бѣда была въ томъ, что люди этого не хотятъ понять; стоитъ имъ лишь захотѣть, и этотъ ихъ адъ мгновенно превратится въ тотъ рай, который онъ чувствовалъ въ душѣ и всѣмъ своимъ существомъ и омрачить который не въ силахъ были никакія внѣшнія личныя невзгоды.

Черезъ нѣсколько времени онъ вернулся въ общину съ бумаженкой и не одинъ, а вмѣстѣ съ дочерью Домной и внучкой, дочерью Домны. Домна не была повѣнчана, а сошлась съ мужемъ послѣ публичнаго обоюднаго обѣщанія жить въ любви, по-Божьи, обѣщанія, котораго Сютяевъ считалъ вполне достаточнымъ для освященія брака. Домна была преданная послѣдовательница отца и потому охотно послѣдовала за нимъ въ общину, гдѣ оказалась очень хорошей и полезной помощницей. Поселившись въ общинѣ, Сютяевъ тотчасъ же принялся за свои обычные и любимыя два занятія: за работу и за проповѣдь. Силъ у него было уже немного, онъ не могъ даже поднять мѣшка съ картофелемъ или полной мѣры ржи, но легко и ловко пахалъ,

косиль, металлъ стога, всегда оживленный, веселый, радуясь, что и всѣ остальные не бьютъ баклуши, а трудятся. Огорчалъ его только бѣдный Анатолій, интеллигентъ, только что поступившій въ общину; никакая работа у него не клеилась отчасти вслѣдствіе ненавыка, а больше потому, что его, какъ и почти всѣхъ интеллигентовъ, нисколько не увлекала необходимость съ ранняго утра до полнаго изнеможенія и одуренія работать весь день, вмѣсто того, чтобъ ограничиваться легкой и здоровой упряжкой, какой онъ представлялъ себѣ трудъ на землѣ. Да, не такова оказалась дѣйствительность; не только не было никакой возможности добрую половину дня посвящать умственному труду и наслажденію природой, но приходилось, въ особенности лѣтомъ, работать весь день, не разгибая спины, и слышать постоянные оклики и понуканія Сютаева: «Натоль». И бѣдный «Натоль» рѣшительно не зналъ, куда ему скрыться отъ неугомоннаго Василія Кирилловича, негодовавшего на него за то, что у него всякая работа не ладилась и валилась изъ рукъ. Сютаевъ же объяснялъ это его нежеланіемъ и потому негодовалъ на него, какъ на «блудника» и въ примѣръ ему ставилъ Лизу, здоровую гимназисточку, пріѣхавшую погостить и съ большимъ наслажденіемъ отдававшуюся всѣмъ полевымъ работамъ, которыя казались ей веселой забавой. Съ ней Василій Кирилловичъ былъ очень ласковъ, главнымъ образомъ за то, что она была всегда весела въ противоположность мрачному «Натоліу».

Несмотря на неутомимую проповѣдь Сютаева, число его приверженцевъ и общинниковъ не увеличивалось. Приходили, правда, какія-то темныя личности, заявлявшія желаніе вступить въ общину, разспрашивавшія объ условіяхъ жизни въ ней, но когда узнавали, что за вступленіе въ число ея членовъ ничего не платятъ, разочарованно уходили. Наѣхали какъ-то цыгане, первымъ дѣломъ стащили сбрую, но, поговоривши побольше съ Сютаевымъ, рѣшили все украденное вернуть и даже прислали ему записку, въ которой каракулями увѣдомляли, что во многомъ согласны съ Сютаевымъ, находили его рѣчи правильными и хотѣли бы жить по его ученію.

Интеллигентная эта община однако распалась къ великому огорченію Василія Кирилловича, который рѣшилъ тогда завести свою общину и стать для этого пріискивать подходящій участокъ земли. Послѣ долгихъ поисковъ ему приглянулся, наконецъ, недорогой, но слишкомъ большой участокъ, десятинъ въ 200, что было ему не по средствамъ, но тутъ одинъ изъ толстовцевъ обѣщалъ войти въ половину. Сютаевъ очень обрадовался этому и рисовалъ уже радужныя картины устроенія Царства

Божія на этомъ участкѣ. Онъ поспѣшилъ совершить купчую, внесъ всѣ деньги, какія у него имѣлись, въ томъ числѣ и 600 руб., причитавшіеся Домнѣ отъ продажи общинной земли, а на остальную сумму совершилъ закладную, думая погасить этотъ долгъ при полученіи половины отъ толстовца, обѣщавшаго половину земли оставить за собой. Но толстовецъ отказался и Слютаеву, мечтавшему наконецъ пожить широкой общинной жизнью, пришлось доживать послѣдніе дни въ еще большемъ одиночествѣ. Чтобъ имѣть возможность уплатить по закладной, сыновьямъ его пришлось опять идти въ Петербургъ на заработки. Загрустилъ старикъ и въ томъ же 1892 году мирно скончался.

Всѣ, встрѣчавшіеся съ Василюмъ Кирилловичемъ, а тѣмъ болѣе имѣвшіе большое счастье хорошо знать его, съ глубокой любовью и восторженнымъ уваженіемъ преклонялись передъ духовной мощью этого, какъ справедливо кто-то замѣтилъ, истиннаго Сократа.

Л. Никифоровъ.

На зарѣ освободительнаго движенія.

Воспоминаніе стараго земца о двухъ сѣздахъ, бывшихъ въ 1901 году въ Москвѣ съ участіемъ земскихъ дѣятелей.

Настоящія воспоминанія относятся къ періоду времени, обнимающему январь, февраль и мартъ 1901 года. Время это во многихъ отношеніяхъ очень любопытно, какъ предвѣстникъ будущихъ событій. Два сѣзда—агрономическій и по народному образованію, происходившіе въ Москвѣ съ 10 февраля по 11 марта, были лишь случайнымъ явленіемъ, но въ нихъ отразился общее настроеніе современнаго общества. При иныхъ условіяхъ и они прошли бы, можетъ быть, иначе. Идея созыва агрономическаго сѣзда возникла еще въ 1899 г. (а можетъ быть и раньше); положеніе о немъ было утверждено министромъ земледѣлія еще 15 сентября 1899 года. Починъ же его созванія, какъ видно изъ письма предсѣдателя Московской Губернской Земской Управы Д. Н. Шипова, принадлежитъ агрономической организаціи Московскаго земства и московскому земскому собранію при содѣйствіи Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, безъ помощи котораго не могъ бы состояться и самый сѣздъ. Офіціальная цѣль сѣзда заключалась въ томъ, чтобы выяснить, что сдѣлано во всѣхъ земскихъ губерніяхъ въ области мѣропріятій по сельскому хозяйству и для подъема экономическаго благосостоянія населенія. Но была еще и другая цѣль. Въ циркулярномъ письмѣ на имя предсѣдателей губернскихъ управъ 10 августа 1900 г. Д. Н. Шиповъ между прочимъ обратилъ вниманіе на то, что одновременное пребываніе ихъ въ Москвѣ дастъ возможность взаимнаго обмѣна мнѣній и обсужденія въ товарищескомъ кружкѣ различныхъ вопросовъ, «возникающихъ изъ условій, которыми въ послѣднее время окружается земское дѣло».

Чтобы уяснить себѣ этотъ намекъ надо обратиться ко времени за нѣсколько лѣтъ назадъ, а именно къ 1895 году. Въ этомъ

году въ Петербургъ съѣхались со всѣхъ концовъ Россіи депутаціи, въ томъ числѣ и земскія, для поздравленія Государя со вступленіемъ въ бракъ. 17 января состоялось представленіе дворянскихъ и земскихъ депутацій, было выслушано изъ устъ Государя замѣчаніе по адресу земствъ относительно того, что въ средѣ ихъ появились безсмысленныя мечтанія объ участіи земскихъ представителей въ дѣлахъ государственнаго управленія, при чемъ Государь торжественно заявилъ, что Онъ, по примѣру отца, будетъ поддерживать самодержавіе. Въ тотъ же день, 17 января, вечеромъ состоялось въ Петербургской Губернской управѣ, подъ предсѣдательствомъ ея предсѣдателя—Маркова, собраніе земскихъ представителей для обсужденія общихъ нуждъ земства. На созывъ его было исходатайствовано заранѣе разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ Дурново. Въ Петербургскую управу собралось до 30 представителей изъ разныхъ губерній. Вопросы, поставленные на обсужденіе, заключались, во-1-хъ, въ изданіи свода свѣдѣній о дѣятельности земскихъ учреждений и во-2-хъ, о необходимости и возможности представителямъ различныхъ земствъ собираться для обсужденія вопросовъ, имѣющихъ общее для всего земства значеніе. На самомъ же собраніи петербургскій гласный К. К. Арсеньевъ возбудилъ еще вопросъ объ исходатайствованіи для земскихъ собраній, подобно дворянскимъ, права непосредственно обращаться къ Государю съ заявленіями о неурядицахъ въ администраціи и проч. 19 января вечеромъ собраніе повторилось частнымъ образомъ у гласнаго Уфимской губерніи Жуковского, гдѣ обсуждался главнымъ образомъ послѣдній вопросъ.

Въ 1896 г. во время всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ была также сдѣлана попытка собраться представителямъ губернскихъ управъ (предсѣдатели уѣздныхъ управъ и гласные земства были почему-то исключены). Но министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ, что это собраніе не разрѣшается, вслѣдствіе чего участники его разѣхались. Въ 1898 г. былъ также съѣздъ представителей земствъ разныхъ губерній, собравшихся не гласно, частнымъ образомъ, въ Москвѣ. Былъ еще около этого времени офиціальный съѣздъ представителей земствъ извѣстнаго района въ Твери для обсужденія вопросовъ по страхованію. Такимъ образомъ въ земствахъ или вѣрнѣе у главныхъ представителей ихъ возникла и развивалась идея объединенія, идея обсужденія вопросовъ земскаго управленія сообща, для осуществленія которой старались пользоваться всякимъ случаемъ. Къ этой же категоріи попытокъ принадлежитъ и собраніе земцевъ во время агрономическаго съѣзда. Обстоятельства

сложились такимъ образомъ, что потолковать было о чемъ. Реакція все усиливалась. Реакціонная клика почувствовала свою силу. Это было замѣтно уже на торжествахъ по случаю коронаціи въ Москвѣ въ маѣ мѣсяцѣ. Здѣсь все, какъ будто, было подъ надзоромъ. Разсказывали, что достаточно было, чтобы идущіе по улицѣ не одобрили огромныхъ затратъ на иллюминацію, какъ ихъ тотчасъ же приглашали въ полицію. Въ провинціи ищейки-администраторы усердствовали еще болѣе. Такъ, напр., въ Нижнемъ-Новгородѣ «извѣстный» генералъ Барановъ лѣзъ, что называется, изъ кожи вонъ, чтобы доказать, вмѣстѣ съ фанатикомъ жандармомъ, Евецкимъ, что здѣсь масса крамольниковъ, что существуютъ какіе-то подкупы подъ выставку отъ берега Оки и другія нелѣпости. Подозрительность относительно идущихъ на выставку была такъ велика, что многіе предпочли остаться дома, боясь стѣсненій и непріятностей. Еще весной въ Казани одинъ мой знакомый, правитель канцеляріи попечителя учебнаго округа, Н. Я. Агафоновъ, говорилъ мнѣ, что многіе изъ его знакомыхъ, выѣхавшихъ на выставку, вернулись домой, доѣхавъ только до Казани, такъ какъ убоялись этихъ чрезмѣрныхъ стѣсненій. Не поѣхалъ и Н. Я. Агафоновъ. Все это дѣлалось въ виду ожидаемаго пріѣзда на выставку Государя. На самомъ же дѣлѣ, главную роль игралъ личный интересъ—удержать въ своихъ рукахъ власть и получить какъ можно больше денегъ на секретныя развѣдки въ безотчетное распоряженіе.

Начавшееся ультрареакціонное направленіе прежде всего отразилось на земствѣ, какъ элементѣ чуждомъ для бюрократическихъ распорядителей судьбами Россіи и идущимъ въ разрѣзъ съ ихъ вождедѣніями. Началось съ опалы тверского земства, неутвержденія выбранной тамъ управы. Потомъ послѣдовали самыя разнообразныя многочисленныя запрещенія со стороны губернаторовъ въ различныхъ земствахъ обсуждать тѣ или другіе имъ непріятные вопросы (напр., объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія), пріостановка самыхъ жизненныхъ для народа мѣропріятій, какъ, напр., по народному образованію въ Харьковѣ и т. под.

Въ 1900 г. съ водвореніемъ на посту министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина, это направленіе, казалось, дошло до апогея. Этотъ годъ принесъ для земства два важныхъ законодательныхъ распоряженія—отобраніе у земства продовольственной части и опредѣленіе предѣльности обложенія для земскихъ смѣтъ. Недобрые слухи ходили и относительно завѣдыванія дѣломъ народного образованія. Усиленное покровительство клерикальному направленію въ школьномъ дѣлѣ и стремленіе развить

преимущественно церковно-приходскія школы, плохо удавалось—довѣрія къ нимъ со стороны народа не было, и онѣ развивались, несмотря на всякія мѣры покровительства, довольно туго. Тогда возникла другая идея уже въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Подъ видомъ наказа къ закону о народномъ образованіи 1874 г. была сдѣлана попытка почти совершенно устранить вліяніе земскихъ и городскихъ учреждений, за училищными совѣтами оставить лишь формальное значеніе, а всю дѣйствительную власть передать въ руки министерскихъ чиновниковъ—директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ. Проектъ наказа былъ разосланъ въ училищные совѣты и вызвалъ много протестовъ со стороны губернскихъ предводителей дворянства. Я читалъ нѣсколько протестующихъ записокъ, а именно московскаго губернскаго предводителя дворянства кн. Трубецкаго, петербургскаго—Зиновьева, черниговскаго—Муханова и друг. Протесты послѣдовали и со стороны губернскихъ земскихъ собраний, которымъ удалось этотъ проектъ обсудить. Таково было въ общихъ чертахъ положеніе земскихъ дѣлъ къ началу XX столѣтія.

Открытіе агрономическаго сѣзда въ Москвѣ было назначено 10-го февраля, въ субботу на масляницѣ. Разсчитывая, что въ первыя засѣданія ничего важнаго (особенно въ смыслѣ обмѣна мнѣній по общеземскимъ вопросамъ) не должно быть, я съ своимъ сослуживцемъ, членомъ управы, завѣдующимъ агрономической частью, Н. В. Шверинымъ выѣхалъ изъ Нижняго-Новгорода 12 февраля и прибылъ въ Москву какъ разъ во время, чтобы участвовать въ собраніи земствъ, посвященномъ обсужденію того печальнаго положенія, въ которое земство было поставлено правительствомъ въ послѣднее время. Явившись утромъ, 13-го февраля, на сѣздъ, происходившій въ залахъ Московскаго дворянскаго собранія, я вмѣстѣ со своимъ товарищемъ получилъ приглашеніе отъ предсѣдателя Московской губернской управы Д. Н. Шипова на обѣдъ, который онъ давалъ въ этотъ день сѣхавшимся земцамъ. Цѣль обѣда была потолковать по душѣ о земскихъ нуждахъ. Къ сожалѣнію сѣхалось еще очень немного. А потому на обѣдѣ въ 6 час. вечера въ гостиницѣ Эрмитажъ присутствовало всего лишь 26 человѣкъ, считая и самого Шипова и всѣхъ членовъ Московской губернской управы. Прибыли слѣдующія лица: предсѣдатели губернскихъ управъ: Московской—Д. Н. Шиповъ, Нижегородской—я (Савельевъ), Новгородской—Н. Н. Сомовъ, Саратовской—Н. Н. Львовъ, Тамбовской—М. П. Колобовъ, Тульской—А. И. Поляковъ, Харьковской—М. Р. Гордѣенко и Черниговской—

Ф. М. Уманецъ; члены губернскихъ управъ: Московской губернии Ф. А. Головинъ, Н. Н. Хмѣлевъ, М. В. Челноковъ и баронъ М. В. Черкасовъ; Нижегородской—Н. В. Шверинъ, Пензенской—В. Н. Ладыженскій, Самарской—Г. Н. Костромитиновъ, Саратовской—А. Д. Юмашовъ и Тамбовской—кн. Д. А. Кугушевъ; предсѣдатели уѣздныхъ управъ — Нижегородской — А. А. Остафьевъ, Тихвинской (Новгородской губ.)—С. Г. Берединовъ, Камышинской (Саратовъ)—гр. Д. А. Олсуфьевъ, Сумской (Харьковъ)—П. М. Линтваревъ; члены уѣздныхъ управъ—Суджанской (Курскъ)—кн. П. Д. Долгоруковъ, Полтавской—В. П. Глоба, Псковской—Д. И. Ивановъ и Купянской (Харьковъ)—Н. Я. Лятошенко. Такимъ образомъ были представители всего изъ 12 губерній изъ всѣхъ 34-хъ, гдѣ введены земскія учрежденія. Что было причиной такого абсентеизма—недостатокъ гражданскаго мужества, равнодушіе къ дѣлу, недостатокъ матеріальныхъ средствъ, неувѣренность въ практическомъ значеніи сѣзда—сказать трудно. Какъ бы то ни было, въ средѣ присутствовавшихъ еще за обѣдомъ началось обсужденіе современнаго труднаго положенія земскаго дѣла. Всѣ, кто ни говорилъ, указывали, что правительство видимо старается обезличить земство, стѣснить его компетенцію. Началь, конечно, Шиповъ. Сущность его рѣчи сводилась къ слѣдующему: поблагодаривъ присутствующихъ за посѣщеніе обѣда, онъ перешелъ къ изложенію того печальнаго положенія, въ которомъ находится земство, которое, видимо, стараются сколь возможно ограничить въ его компетенціи и обезличить, на что указываетъ отстраненіе отъ продовольственнаго дѣла, установленіе фиксаціи и слухъ о томъ, что земство будетъ устранено отъ завѣдыванія дѣлами народнаго образованія. Необходимо сплотиться и придумать, какъ противостоять такому реакціонному направленію. Шиповъ находилъ возможнымъ сдѣлать попытку обратиться со стороны земствъ къ Государю путемъ адреса, при этомъ указывалось на фактъ, что дружный отпоръ новому врачебному уставу со стороны земствъ привелъ къ тому, что этотъ уставъ несмотря на утвержденіе его Государемъ, не былъ введенъ. Шипову, какъ во время обѣда, такъ и послѣ его, отвѣчали другіе, а именно, харьковскій предсѣдатель, Гордѣенко, саратовскій Львовъ, новгородскій Сомовъ, я и другіе. Оставляя въ сторонѣ всѣ комплименты по адресу хозяина обѣда, Шипова, тосты за его здоровье и проч., сущность рѣчей относительно положенія земства и вообще печальнаго состоянія Россіи сводилась къ выводамъ крайне пессимистическимъ, но не было указано ничего такого, что бы болѣе или менѣе дѣйствительнымъ

образомъ выводило земство и вообще мыслящее русское общество изъ его печальнаго положенія. Такъ предсѣдатель Гордѣнко, указывая на крайній экономическій упадокъ Россіи, на низкую цѣну нашего золота за границей (вслѣдствіе его невысокаго качества), отсутствіе кредита, высказалъ, что спасти государство можетъ лишь другое, еще болѣе сильное общественное движеніе, чѣмъ то, какое было послѣ Крымской войны. Саратовскій предсѣдатель Львовъ нарисовалъ яркую картину бюрократическаго хозяйничанья въ Россіи, когда распоряжаются ея судьбами чиновники Петербурга, незнакомые съ ея нуждами и нисколько не заинтересованные въ ея благосостояніи, которые преслѣдуютъ лишь свои узко-чиновничьи цѣли. Въ Саратовской губерніи, по его словамъ, изъ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ, собираемыхъ съ населенія, едва $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{5}$ часть идетъ на дѣйствительныя нужды ея, а все остальное тратится петербургскими канцеляріями неизвѣстно на что. Спасеніемъ отъ этихъ порядковъ долженъ быть представительный образъ правленія. Яркую картину современнаго безотраднаго положенія Россіи нарисовалъ и новгородскій предсѣдатель Сомовъ, но на заданный самому себѣ вопросъ—что же дѣлать—не нашель ни одного болѣе или менѣе дѣйствительнаго способа и пришель къ заключенію, что надо терпѣть и надѣяться. Въ томъ же родѣ говорили и другіе. Всѣ, впрочемъ, сознавали, что надо земскимъ дѣятелямъ объединиться и выражали горячую благодарность Шипову за его починъ къ этому объединенію.

Какъ противорѣчіе этимъ пессимистическимъ взглядамъ прозвучала рѣчь предсѣдателя Нижегородской уѣздной управы А. А. Остафьева и камышинской гр. Олсуфьева. Они находили, что дѣло хотя и плохо, но замѣченъ все-таки постепенный прогрессъ, что надо заняться тѣмъ, что есть—строить мосты, гати, заводить школы, больницы и т. п., а со временемъ все придетъ само собой. Такія рѣчи встрѣтили, однако, горячій отпоръ, особенно со стороны Львова. Возражалъ Остафьеву и я, находя, что рѣзкая оппозиція и тормазъ дѣлу со стороны администрации не даетъ возможности работать, какъ слѣдуетъ, даже и въ этихъ скромныхъ предѣлахъ. Въ концѣ-концовъ предложенія свелись къ слѣдующимъ, мало дѣйствительнымъ, положеніямъ: пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы собираться и толковать объ общеземскихъ нуждахъ, а также объединить дѣятельность земствъ путемъ письменныхъ сношеній, попытаться во всѣхъ земствахъ возбудить вопросъ объ адресахъ съ представленіемъ правительству о неудобствахъ фиксаціи, при чемъ попутно указать неудобства существующаго отношенія къ земству вообще (мое предло-

женіе). Путь адресовъ находили, однако, неудобнымъ потому, что въ нихъ поневолѣ пришлось бы говорить и разныя пріятныя вещи, что по существу дѣла считали нежелательнымъ и рискованнымъ, такъ какъ не вездѣ можно ручаться за собранія, въ которыхъ могутъ появиться и взять верхъ и нежелательныя теченія, что можетъ лишь испортить дѣло.

На слѣдующій день 14 февраля я былъ у попечителя округа П. А. Некрасова (бывшаго профессора чистой математики), имѣя надобности поговорить съ нимъ относительно устройства курсовъ для учителей предстоящимъ лѣтомъ и по поводу ходатайства Нижегородскаго земства объ открытіи 2-й классической гимназіи. Въ бесѣдѣ съ нимъ я коснулся и бывшихъ въ то время во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ студенческихъ волненій. Поводомъ къ этому для меня послужило, между прочимъ, слѣдующее: въ день моего отъѣзда изъ Нижняго въ губернскую управу заходилъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, губернский гласный В. А. Гориновъ, состоявшій попечителемъ одного студента. Онъ сообщилъ о полученномъ имъ (въ числѣ другихъ родителей) отъ директора гимназіи Самойловича печатномъ объявленіи инспектора студентовъ Московскаго Университета, въ которомъ родителямъ и попечителямъ предлагалось вліять на ихъ дѣтей и воспитанниковъ въ смыслѣ отвлеченія ихъ отъ участія въ безпорядкахъ и даже отбирать отъ нихъ обязательства въ этихъ безпорядкахъ не участвовать. Упомянувъ объ этомъ объявленіи, я указалъ, что этимъ возлагается слишкомъ тяжелая отвѣтственность на родителей, такъ какъ вліять, не имѣя возможности измѣнить самый режимъ заведеній, невозможно, а между тѣмъ участіе въ безпорядкахъ влечетъ такія тяжкія послѣдствія, какъ солдатчина, что родители этимъ крайне смущены и взволнованы. Отъ Некрасова я получилъ не опредѣленный отвѣтъ, а только завѣренія, что у нихъ въ Московскомъ Университетѣ все успокоилось, студенты ходятъ на лекціи и никакихъ безпорядковъ не предвидится. Этотъ разговоръ происходилъ въ 2 часа дня 14 февраля, т.-е. именно въ тотъ моментъ, когда бывший студентъ Карповичъ стрѣлялъ въ министра Боголѣпова, послѣ чего вскорѣ послѣдовалъ рядъ манифестацій студенчества въ грандіозныхъ размѣрахъ, кровавыя столкновенія ихъ съ войсками и полиціей и вмѣшательство многихъ частныхъ лицъ и рабочихъ въ эти волненія.

Но все это было еще во время бесѣды нашей пока неизвѣстно. Лишь на другой день, 15 февраля, въ Москвѣ стали говорить о покушеніи на жизнь Боголѣпова. Объ этомъ я узналъ, находясь у извѣстнаго педагога Д. И. Тихомирова, который къ дѣя-

тельности Боголѣпова относился съ сильнымъ порицаніемъ и очерчивалъ его очень несимпатичными для государственнаго дѣятеля чертами. По его словамъ, Боголѣповъ узкій сухой формалистъ, который не способенъ отрѣшиться отъ существующей дѣйствительности; усвоивъ или разъ остановившись на чемъ-либо, онъ не видѣлъ и не хотѣлъ видѣть ничего другого, къ широкимъ взглядамъ и обобщеніямъ былъ совершенно неспособенъ. Онъ правился высшему представителю правительства въ Москвѣ и этимъ объясняется его быстрое служебное возвышеніе. Кромѣ того, будто-бы Боголѣповъ въ это время имѣлъ физическій недостатокъ, заключающійся въ томъ, что онъ не могъ долго читать и сосредоточиваться на чемъ-либо. Поэтому по самымъ сложнымъ дѣламъ чиновники министерства дѣлали ему лишь краткія резюмэ, которыя и прочитывали. Даже проектъ наказа, составленный Барановымъ, возбудившій такое неудовольствіе, Боголѣповъ не читалъ; объ этомъ я слышалъ въ послѣдствіи и изъ другого источника. Болѣе симпатично отзывался о Боголѣповѣ проф. В. въ тотъ же день 15 февраля. Онъ хвалилъ его отношеніе къ профессорамъ и университету. Что же касается отдачи студентовъ въ солдаты, которая дѣлалась съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, то, по его словамъ, Боголѣповъ въ принципѣ высказался въ комитетѣ министровъ противъ этой мѣры, какъ и военный министръ Куропаткинъ. Инициатива этой мѣры принадлежала будто-бы министру финансовъ Витте. Но зато, когда такое постановленіе стали вводить въ жизнь, то Витте совсѣмъ не примѣнялъ его въ подвѣдомственныхъ министерству финансовъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, тогда какъ Боголѣповъ исполнялъ его, ни въ чемъ не отступая отъ правилъ. Когда же ему указывали, что онъ былъ противъ этой мѣры, то онъ будто-бы отвѣчалъ, что разъ она получила силу закона, то считаетъ своей обязанностью не отступать отъ нея. Насколько все это вѣрно судить не берусь.

15 февраля въ 6 часовъ вечера съѣхавшіеся земцы давали отвѣтный обѣдъ Шипову; на немъ были опять тѣ же рѣчи, но новаго ничего сказано не было. Общее же впечатлѣніе отъ всѣхъ этихъ разсужденій привело къ крайнему недовольству существующимъ направленіемъ внутренней политики правительства и порицанію Сипягина (мин. в. д.) за его ретроградную дѣятельность, а Витте за его экономическую политику и стремленіе подавить мѣстное самоуправленіе. Всѣ находили необходимымъ созывъ всероссійскаго представительства въ видѣ законодательнаго и управляющаго органа, но никто не могъ указать хотя-бы какого-нибудь способа къ осуществленію этого желанія. Обѣдъ этотъ продол-

жался недолго, такъ какъ торопились его закончить, чтобы участвовать въ обсужденіи вопроса о мелкой земской единицѣ. Этотъ вопросъ на сѣздѣ сталъ, такъ сказать, короннымъ вопросомъ. Возникъ онъ еще на первомъ общемъ собраніи. Для разработки же его была установлена особая комиссія подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя сѣзда Хомякова, въ которую были приглашены, кромѣ нѣкоторыхъ агрономовъ (пр. Головина), и представитель мин. гос. имущ. (Садовень, бывший предсѣдатель Вятской губернской управы) и всѣ наличные представители земствъ. На собраніи вопросъ о мелкой земской единицѣ возбудилъ почти единогласное сочувствіе. Противъ нея въ томъ видѣ, какъ она была проектирована въ комиссіи кн. Шаховскимъ, подалъ голосъ только одинъ предсѣдатель московской управы Д. Н. Шиповъ. Конечно, онъ говорилъ противъ проекта и въ комиссіи, отстаивая проектъ московскаго земства, сущность котораго заключалась въ томъ, чтобы воспользоваться проектируемыми правительствомъ мѣстными попечительствами, сдѣлавъ ихъ органами земствъ. Такимъ образомъ они являлись бы исполнителями земствъ, тогда какъ мелкая земская единица, по мысли кн. Шаховскаго и комиссіи, во многихъ отношеніяхъ была бы самостоятельной. Я объясняю это централистическими взглядами на земство самого Шипова. По отношенію къ земству важно еще то, что съ цѣлю развитія агрономіи въ западномъ краѣ сѣздъ единогласно высказался за введеніе тамъ земскихъ учреждений.

Изъ Москвы я уѣхалъ въ Петербургъ ранѣе заключительнаго общаго засѣданія, бывшаго 19 февраля. Судя по письму ко мнѣ моего товарища Н. В. Шверина, ничего особенно интереснаго на этомъ послѣднемъ общемъ собраніи не было. Вотъ что онъ написалъ мнѣ: «Обѣдъ 19 февраля прошелъ очень скучно; рѣчей было много, но ни красотой, ни содержаніемъ ни одна изъ нихъ не отличалась. Интереснѣе другихъ былъ Хомяковъ, который говорилъ много, отчасти и остроумно, хотя и не особенно содержательно. Говорили Сомовъ и Шиповъ, но такъ какъ рѣчи ихъ были вынуждены тостами за нихъ, то были совершенно безцвѣтны».

Такъ закончился агрономическій сѣздъ. Официальной стороны его я не описываю, такъ какъ это не входитъ въ мою задачу, да притомъ же съ нею можно ознакомиться по печатнымъ трудамъ сѣзда.

19 февраля 1901 г. я былъ уже въ Петербургѣ.

Моя поѣздка туда имѣла цѣлью навести справки и похлопотать по разнымъ ходатайствамъ нижегородскаго земства, а кстати справиться, могутъ ли представители земствъ рассчитывать на участіе на сѣздѣ дѣятелей по народному образованію москов-

скаго учебнаго округа, съѣздъ которыхъ былъ назначенъ въ періодъ времени съ 1 по 10 марта 1901 г. Обстоятельства, при которыхъ состоялся этотъ съѣздъ, были таковы. При изданіи положенія о начальномъ народномъ образованіи 1874 г. въ Высочайшемъ повелѣніи было высказано, что по указанію опыта должна быть издана впослѣдствіи инструкція для училищныхъ совѣтовъ. Эта инструкція до 1901 г. издана не была, а продолжала дѣйствовать инструкція 1871 г. для инспекторовъ училищъ. Министерство народнаго просвѣщенія при Боголѣповѣ задумало издать эту инструкцію, и составленіе ея было поручено окружному инспектору московскаго учебнаго округа Баранову. Въ составленномъ имъ проектѣ была проведена тенденція сколь возможно умалить значеніе училищныхъ совѣтовъ, состоящихъ въ значительной степени изъ лицъ, выбранныхъ различными учрежденіями (предсѣдатель, предводитель дворянства,—дворянскимъ собраніемъ, а прочіе отъ земствъ и городовъ), и подчинить даже ихъ, подъ разными предлогами, вліянію инспекторовъ народныхъ училищъ, т.-е. министерскихъ чиновниковъ. Инструкція была разослана въ губернскіе училищные совѣты и дирекціямъ для отзыва. Отзывы дирекцій въ большинствѣ благопріятствовали помянутому проекту. Но нѣкоторые губернскіе предводители дворянства, какъ уже упомянуто выше, протестовали противъ проекта, какъ искажающаго законъ и нарушающаго права училищныхъ совѣтовъ и ихъ предсѣдателей. Нѣкоторые изъ предводителей сообщили также объ этомъ и земскимъ собраніямъ, отъ которыхъ и послѣдовали ходатайства относительно передачи проекта на обсужденіе земствъ. Тѣмъ не менѣе къ земствамъ за отзывами на этотъ проектъ министерство народнаго просвѣщенія не обращалось. Въ то же время въ Московскомъ округѣ былъ назначенъ съѣздъ дѣятелей по народному образованію съ 1 по 10 марта для обсужденія различныхъ нуждъ его въ цѣляхъ объединенія взглядовъ, не выходя однако изъ рамокъ существующаго положенія дѣла. На съѣздъ были приглашены всѣ предводители дворянства губернскіе и уѣздные всѣхъ губерній, входящихъ въ составъ Московскаго учебнаго округа, а затѣмъ всѣ безъ исключенія директора и инспектора народныхъ училищъ, чиновники округа, представители министерства, московскаго генераль-губернатора, духовнаго вѣдомства и проч.—словомъ всѣ, прикосновенные къ дѣлу народнаго образованія, кромѣ земствъ. Вслѣдствіе этого единственная надежда отстоять значеніе земства въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ народное образованіе, оставалась лишь на предводителяхъ дворянства. На съѣздѣ, куда они были приглашены, предполагалось и обсужденіе наказа,

хотя официально въ программѣ этого вопроса и не стояло. Въѣстъ съ тѣмъ однако появились неопредѣленные и неточные слухи, что, въ виду ходатайства, будутъ приглашены на съѣздъ и председатели губернскихъ управъ. Во время агрономическаго съѣзда вопросъ о наказѣ частнымъ образомъ обсуждался съѣхавшимися земцами, при чемъ елецкій уѣздный предводитель дворянства А. А. Стаховичъ сообщилъ свою подробную записку относительно разныхъ вопросовъ по народному образованію въ защиту необходимости оставить дѣло народнаго образованія въ рукахъ земства. Въ то время вопросъ о приглашеніи на съѣздъ председателей губернскихъ управъ еще не былъ рѣшенъ, хотя попечитель округа, Некрасовъ, и говорилъ мнѣ, что вѣроятно это приглашеніе послѣдуетъ. Отправляясь въ Петербургъ, я обѣщалъ навести объ этомъ болѣе точныя справки. По пріѣздѣ туда я, не теряя времени, отправился въ тотъ же день утромъ въ 11 часовъ къ управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія за смертью Боголѣпова товарищу министра, Н. А. Звѣреву, на его квартиру на Мойкѣ. Курьеръ объявилъ мнѣ, что пріема нѣтъ, тѣмъ не менѣе доложилъ о моемъ приходѣ и я, какъ нижегородецъ, былъ принятъ¹⁾. Звѣрева я засталъ въ парадной формѣ, въ мундирѣ, такъ какъ онъ собирался на какое-то торжество. Видъ его былъ очень недовольный; кромѣ того, видимо, онъ былъ утомленъ и разстроенъ. Началъ онъ съ жалобы, что за смертью Боголѣпова на него обрушились всѣ дѣла, что у него нѣтъ времени, и ему очень трудно. Тѣмъ не менѣе я успѣлъ переговорить съ нимъ о нашихъ нижегородскихъ ходатайствахъ (объ открытіи второй гимназіи и учительской семинаріи), а затѣмъ спросилъ и о томъ, будутъ ли приглашены на съѣздъ председатели губернскихъ управъ, на что и получилъ отвѣтъ, что приглашеніе ихъ рѣшено. Объ этомъ я тотчасъ же, вернувшись въ гостиницу, написалъ въ московскую губернскую управу. Председатель ея Д. Н. Шиповъ, съ своей стороны, сообщилъ объ этомъ другимъ управамъ. Тѣмъ не менѣе официальные приглашенія опоздали очень на долго.

Въ тотъ же день, 19 февраля, я зашелъ въ редакцію журнала «Русское Богатство». Здѣсь отъ одного изъ редакторовъ, Н. Ф. Анненскаго, я узналъ, что въ помѣщеніи союза писателей предполагается собраніе въ память 19 февраля, на которое получилъ билетъ, какъ писатель изъ провинціи. Возвращаясь изъ редакціи

¹⁾ Н. А. Звѣревъ уроженецъ Нижегородской губерніи, сынъ крестьянина Нижегородскаго уѣзда, учился въ нижегородской гимназіи на мѣдные гроши, частью на средства арзамасскаго помѣщика Хотяинцева, на дочери котораго и женился.

около 2-хъ часовъ дня, я замѣтилъ на Невскомъ проспектѣ около зданія Думы и Гостиного Двора не особенно большое, но тѣмъ не менѣе довольно замѣтное, сборище людей. По виду этой кучки я не могъ опредѣлить, съ какой цѣлью она собралась, но впоследствии я узналъ, что это были остатки манифестацій студентовъ, которые сдѣлали попытку служить панихиду въ Казанскомъ соборѣ. Это собраніе студентовъ, было разсѣяно полиціею, которая загнала ихъ на дворъ Думы и порядочно избила. Впоследствии, отъ жены одного изъ редакторовъ журнала «Міръ Божій», Т. А. Б., я узналъ, что она тотчасъ по прекращеніи этой манифестаціи была около Думы и слышала разсказъ объ этомъ избіеніи, а также и о протестѣ, который раздавался по этому поводу въ публикѣ. Такъ наприимѣръ, по ея словамъ, какой-то старикъ, отставной военный, съ негодованіемъ разсказывалъ объ этомъ толпѣ, изъ оконъ Думы на полицейскихъ также сыпались возгласы негодованія. Оказалось, что это было лишь начало болѣе серьезныхъ безпорядковъ.

Вечеромъ я отправился въ помѣщеніе союза писателей, но къ сожалѣнію не сразу нашелъ его и сильно запоздалъ. Когда я пришелъ въ 9-мъ часу, то все небольшое помѣщеніе союза (на Невскомъ № 65) было набито биткомъ. Въ залѣ стояло нѣсколько рядовъ стульевъ, на которыхъ размѣстился чуть не весь литературный Петербургъ, кромѣ, конечно, такихъ реакціонеровъ; какъ представители журнала «Гражданинъ», «Свѣтъ», «Новое Время» и т. п. Предсѣдательствовалъ П. И. Вейнбергъ. Многихъ рефератовъ и рѣчей я уже не засталъ, но тѣмъ не менѣе и при мнѣ ихъ было еще довольно. Всего упомянуть и описать не могу, такъ какъ пишу эти записки годъ спустя послѣ этого вечера. Однако, нѣкоторыя рѣчи, конечно не дословно, а по существу, остались въ памяти. Въ общемъ разсужденія сводились, какъ и на земскихъ сѣздахъ, къ вопросу—что дѣлать въ виду господства реакціи и невыносимаго гнета со стороны администраціи, какую помощь должна оказать интеллигенція, какая ея роль при существующихъ тяжелыхъ условіяхъ. Въ частности толковали о томъ, что дѣлать въ виду варварскаго отношенія правительства къ учащейся молодежи, отдаваемой безъ суда и слѣдствія въ солдаты, ссылаемой, заточаемой въ тюрьмы, и наконецъ избиваемой самымъ варварскимъ образомъ. Какой-то студентъ въ своей короткой, но полной негодованія, рѣчи рѣзко упрекалъ интеллигенцію за ея бездѣятельность и равнодушіе, съ какимъ она относится къ жестокому и несправедливому отношенію правительства къ учащейся молодежи, къ истязаніямъ ея полицейскими и казаками по приказанію высшихъ властей. На вопросъ,

что дѣлать—положительнаго отвѣта, какъ и у земцевъ, не оказалось. Разсужденія велись довольно теоретично, и въ концѣ-концовъ вышло, что интеллигенція безсильна помочь конкретнымъ образомъ, и приходится ждать, когда сами собой наступятъ лучшія времена. Въ моей памяти въ этомъ отношеніи сохранились разсужденія на эту тему слѣдующихъ лицъ: Во 1-хъ Я. Гуревича, редактора педагогическаго журнала и директора частной гимназій, который представлялъ изъ себя умѣренный элементъ и говорилъ съ нѣкоторымъ оптимизмомъ, указывая, что Россія сильно прогрессируетъ, число школъ увеличивается, число образованныхъ людей растетъ, а съ этимъ все болѣе и болѣе увеличиваются шансы на лучшее будущее, такъ что дѣло обстоитъ вовсе не такъ плохо, какъ кажется. Какой-то полякъ находилъ, что коренная Россія еще довольно счастлива, такъ какъ имѣетъ земскія учрежденія, права жителей шире, чѣмъ въ Западномъ краѣ, пресса не такъ стѣснена, тогда какъ въ Польшѣ все подавлено и она «мечтаетъ, чтобы ей получить хотя бы то, что есть въ коренной Россіи». Наоборотъ, какой-то житель Архангельска говорилъ, что, хотя у нихъ и нѣтъ представительныхъ общественныхъ учреждений, но прогрессъ все-таки замѣтенъ, и вообще все обстоитъ благополучно. Больше всего мнѣ понравилась рѣчь историка Мякотина. Съ исторической точки зрѣнія онъ указалъ на неизбежность извѣстныхъ историческихъ явленій, развивающихся по мѣрѣ развитія прогресса. Ссылаясь на примѣръ крестьянской реформы, онъ доказывалъ, что она явилась не вдругъ, а ей предшествовали болѣе или менѣе обширные бунты крестьянъ, которые въ концѣ концовъ и побудили дать имъ свободу, чтобы не вызвать чего либо болѣе опаснаго. Постепенно усиливающіеся протесты противъ гнета, по его мнѣнію, должны также привести къ политической свободѣ и представительному образу правленія.

Часа въ 2 ночи собраніе разошлось. Многихъ изъ бывшихъ на собраніи впослѣдствіи въ мартѣ уже мѣсяцъ постигла печальная участь—и Анненскій, Мякотинъ, Калмыкова и многіе другіе были высланы изъ Петербурга и поселились въ разныхъ городахъ. Да и самъ союзъ былъ закрытъ по распоряженію оберъ-полицеймейстера. Въ Петербургѣ я пробылъ до 24 февраля, въ разныхъ хлопотахъ и хожденіяхъ по разнымъ министерствамъ по нашимъ земскимъ дѣламъ. Видѣлся я съ разными знакомыми, мнѣ интересными людьми изъ міра ученыхъ и литераторовъ, но всѣхъ тѣхъ разговоровъ, которые тогда велись, не упомяну, а записать всего не догадался да и не имѣлъ времени. 24-го февраля я выѣхалъ изъ Петербурга и 25 утромъ былъ уже въ Москвѣ. Въ ожиданіи нижегородскаго поѣзда желѣзной дороги, который долженъ былъ

отойти въ 5 часовъ дня по московскому времени я заѣхалъ къ своимъ родственникамъ (брату жены доктору Самосскому). Жена его встрѣтила меня извѣстіемъ, что въ Москвѣ большія волненія. Наканунѣ вечеромъ, т.-е. 24 февраля, около университета собралась, по ея словамъ, большая толпа молодежи, и въ числѣ ея немало посторонняго элемента, какъ изъ интеллигентнаго класса, такъ и изъ рабочихъ. Толпа пѣла пѣсни антиправительственнаго содержанія (какъ напр. извѣстную пѣсню «Дубинушка»), были развернуты красные флаги съ надписями «долой самодержавіе, да здравствуетъ свобода» и пр. Толпа направилась по Тверской улицѣ и часть ея, человѣкъ 300, намѣревалась пройти къ генераль-губернаторскому дому, но была остановлена полиціею. Были слухи, что волненіе готовилось и на фабрикахъ, но туда заблаговременно были отправлены войска, а фабриканты были обязаны не прекращать работъ, несмотря на праздники. По Тверской ходили патрули, а по нѣкоторымъ переулкамъ было прекращено движеніе. Въ то время по Тверской, въ той части ея, которая ближе къ Охотному ряду, движеніе было пріостановлено полиціею. Впослѣдствіи я слышалъ отъ нижегородскаго мирового судьи К. Р. Ромашова, который въ эти дни жилъ въ Москвѣ, въ Большой Московской гостиницѣ, что, какъ на дворѣ этой гостиницы, такъ и на дворахъ другихъ домовъ этой части города, были сосредоточены отряды конныхъ полицейскихъ и жандармовъ. Торговля въ гостиницѣ была прекращена. Волненіе было главнымъ образомъ 24-го, но весь періодъ времени охватывалъ 23—25 числа. Въ Москвѣ власти обращались съ манифестантами болѣе мягко и не позволяли себѣ тѣхъ возмутительныхъ насилій, какія имѣли мѣсто въ Петербургѣ. Арестованныхъ первоначально отправляли въ манежъ, куда, кромѣ того, добровольно приходило много учащейся молодежи, требуя также арестовать ихъ, какъ участниковъ безпорядковъ, что и исполнялось. Волненія продолжались весь день 25-го февраля; на манифестаціи около Тверской выкидывались флаги и пѣлись пѣсни (преимущественно «Дубинушка»). Въ толпѣ замѣтную роль играли учащіеся женщины. Учащихся, по его словамъ, было не больше, чѣмъ другихъ лицъ. Съ тяжелымъ чувствомъ я уѣхалъ въ тотъ же день изъ Москвы; состояніе духа было угнетенное, чувствовалось, что движеніе всетаки очень слабое, безъ серьезной поддержки общества, отношеніе котораго выразилось пока тѣмъ, что оно не проявляло рѣзкаго осужденія такому движенію, какъ то было прежде, когда торговцы Охотнаго ряда жестоко избили студентовъ даже и при болѣе скромномъ движеніи. Можно было ожидать жестокой расправы съ молодежью, вся вина которой заключалась въ томъ,

что она чувствовала сильнѣе тотъ гнетъ, который лежалъ на всѣхъ, и не могла, по свойственному молодости увлеченію, относиться осторожно и осмотрительно къ существующему положенію изъ боязни за свою судьбу.

На другой день я былъ уже въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Еще въ Петербургѣ я получилъ 23 февраля телеграмму изъ губернской управы, что приглашеніе на съѣздъ по народному образованію въ управѣ получено не было; не оказалось его и по моемъ приѣздѣ. Послали запросъ объ этомъ въ московскую губернскую управу и получили увѣдомленіе, что предсѣдатель ея Шиповъ видѣлся съ попечителемъ Некрасовымъ, который сообщилъ тоже, что и прежде, т.-е., что приглашеніе *по всей вѣроятности* будетъ, но только нѣтъ официальнаго извѣщенія изъ министерства, вслѣдствіе чего предлагалось прибыть въ Москву. Впослѣдствіи я узналъ отъ директора училища, что попечитель говорилъ ему, что я во всякомъ случаѣ буду допущенъ на этотъ съѣздъ. Тѣмъ не менѣе я безъ официальнаго увѣдомленія, такъ сказать, контрабандой, ѣхать не желалъ. Такъ тянулось до 1 марта, до начала съѣзда, когда получилось официальное приглашеніе. Второго марта я опять выѣхалъ въ Москву. Эта исторія съ приглашеніемъ на съѣздъ предсѣдателей губернскихъ управъ интересна тѣмъ, что, несмотря на рѣшеніе пригласить ихъ еще въ половинѣ февраля, официальное оповѣщеніе послано лишь наканунѣ открытія съѣзда. Такъ какъ для нѣкоторыхъ предсѣдателей надо было употребить на одинъ проѣздъ два дня и въ виду неопредѣленности положенія, подготовиться къ съѣзду было невозможно, да и самый наказъ извѣстенъ многимъ не былъ, то поневолѣ приходило на мысль, что все это дѣлалось не безъ умысла, а съ цѣлью или не дать приготовиться, или даже съ расчетомъ, что ѣхать къ срединѣ или даже къ концу съѣзда предсѣдатели управъ, или вмѣсто нихъ члены управъ, не рѣшатся. И дѣйствительно, съѣхались далеко не всѣ, и если число земскихъ дѣятелей было все-таки довольно значительно, то это зависѣло отъ того, что во многихъ уѣздахъ должность предсѣдателей уѣздныхъ управъ соединяется съ должностью предводителей дворянства, которыхъ приѣхало довольно много. Я не намѣренъ здѣсь передавать сущность работъ съѣзда и различныхъ мнѣній, которыя тамъ высказывались. Все это внесено въ протоколы, будетъ напечатано и станетъ достояніемъ исторіи этого времени. Сдѣлаю лишь общую характеристику этого съѣзда, какъ она мнѣ представляется. Всѣхъ членовъ съѣхалось довольно много. Всѣ они съ самаго начала рѣзко раздѣлились на двѣ группы: съ одной стороны всѣ представители министерства народнаго просвѣщенія,

представители округа in plene, директора и инспектора училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и проч., а съ другой всѣ предводители дворянства, губернскіе и уѣздныя, земцы (числомъ всего 8), а потомъ очень немного представителей духовнаго вѣдомства (числомъ 6), которые по большей части примыкали также ко второй группѣ. При баллотировкѣ стороны стояли твердо и дѣйствовали дружно, такъ что по основнымъ вопросамъ всего 3—4 представителя министерства народнаго просвѣщенія баллотировали вмѣстѣ съ представителями общественныхъ элементовъ. Такъ было при баллотировкѣ относительно цѣлесообразности и пригодности проекта наказа, который торжественно провалился. Любопытно, что изъ этихъ четырехъ одинъ—костромской директоръ Петровскій—баллотировавшій постоянно съ представителями общественнаго элемента, былъ наканунѣ отставки за выслугою лѣтъ, имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, звѣзду и вообще ничего не терялъ отъ независимости своихъ мнѣній. Другіе были въ другомъ положеніи. А къ этому еще присоединилось давленіе со стороны начальства. Такъ напр., рассказывали, что окружной инспекторъ Барановъ требовалъ, чтобы подчиненные округу чиновники, подавая голоса за то или другое рѣшеніе вопроса, подписывали свои фамиліи. Противъ этого возстали, но тѣмъ не менѣе подчиненные смекнули, въ чемъ дѣло, и держались дружно своего начальства. Особый интересъ представилъ также вопросъ о печатаніи трудовъ съѣзда. Предводители дворянства и земцы требовали, чтобы наказъ (проектъ) былъ напечатанъ на общемъ основаніи, какъ и всѣ печатныя изданія для общаго пользованія; представители министерства наоборотъ настаивали, чтобы печатаніе было лишь на правахъ рукописи. Сначала и было рѣшено въ первомъ смыслѣ, но затѣмъ къ концу съѣзда большая группа членовъ заявила о пересмотрѣ этого постановленія. По баллотировкѣ какъ-то такъ вышло, что съѣздъ согласился на это, и хотя потомъ представители общественнаго элемента протестовали противъ такого рѣшенія, собирались для того въ особое совѣщаніе, въ которомъ по адресу предсѣдателя съѣзда, попечителя округа, было наговорено много рѣзкаго, тѣмъ не менѣе пересмотръ состоялся и большинствомъ всего 28 голосовъ съѣздъ высказался за печатаніе трудовъ на правахъ рукописи. Некрасовъ уклонился высказать свое мнѣніе и заявилъ, что онъ представить оба мнѣнія на рѣшеніе министерства. Не могу еще не отмѣтить, что по моему личному впечатлѣнію многіе изъ съѣхавшихся предводителей представляли собою элементъ довольно консервативный, но тѣмъ не менѣе всѣ дружно стояли за права училищныхъ совѣтовъ, какъ учреждений обществен-

ныхъ, и были не только противъ умаленія ихъ правъ, но, наоборотъ, настаивали на ихъ расширеніи; о такихъ же предводителяхъ, какъ Орловской губерніи М. А. Стаховичъ, братъ его А. А. Стаховичъ, елецкій предводитель князь П. Д. Долгоруковъ, молодой графъ Шереметевъ и нѣкоторые другіе, и говорить нечего; они были на сторонѣ земства. Еще большій интересъ для характеристики этого времени представляла та нравственная атмосфера, при которой шелъ съѣздъ. По приѣздѣ въ Москву вмѣстѣ съ моимъ хорошимъ знакомымъ, нижегородскимъ же литераторомъ С. Д. Протопоповымъ, я остановился въ гостиницѣ «Парижъ» на углу Тверской и Охотнаго ряда. Обстановка, въ которой мы очутились, была такая: въ конторѣ гостиницы на постоянномъ дежурствѣ были приставъ и околоточный надзиратель, въ буфетной комнатѣ тоже постоянное дежурство полицейскихъ; на дворѣ съ ранняго утра и до поздней ночи всегда стояло 20—30 человѣкъ коннаго войска, которое каждый день мѣнялось: одинъ день были казаки, другой—жандармы, третій—конные полицейскіе. Такъ было и на дворахъ другихъ гостиницъ, а также при нѣкоторыхъ большихъ домахъ. Ожидали продолженія безпорядковъ, бывшихъ 23—26 февраля. Манифестація, впрочемъ, была только одна, довольно незначительная, около памятника Пушкину, и скоро была прекращена. Съ 8 марта командировки патрулей по дворамъ были отмѣнены, по крайней мѣрѣ на нашемъ дворѣ ихъ уже не было. Между тѣмъ распространился слухъ, что въ Петербургѣ въ воскресенье 4 марта произошла большая манифестація учащейся молодежи съ присоединившейся къ нимъ частью публики у Казанскаго собора на Невскомъ проспектѣ. Передавали также, что полиція и казаки учинили съ манифестантами (преимущественно съ учащимися) жестокою расправу, что было много избитыхъ и изувѣченныхъ. Относительно этого избіенія мой знакомый, проф. Горн. института И. П. Долбня, писалъ мнѣ 16 марта слѣдующее: «Въ Петербургѣ была 4 марта большая демонстрація, около 100 человѣкъ студентовъ и курсистокъ избиты и изранены нагайками. Всѣ высшія учебныя заведенія забастовали, общество въ большомъ волненіи и наводняется множествомъ памфлетовъ студенческаго изданія. Циркулируетъ въ публикѣ рѣзкій протестъ писателей, рѣзкій адресъ, подписанный болѣе чѣмъ 100 чел., людей съ именемъ, письмо проф. Белелюбскаго къ Клейгельсу и докладъ (официальный) Фаминцына академіи наукъ о несовмѣстности званія академика съ должностію попечителя округа и предсѣдателя солдатской комиссіи. По пятницамъ засѣдаетъ совѣщаніе министровъ. Пока

ничего неизвѣстно, чѣмъ кончится забастовка. Студенты настроены твердо и требуютъ отмены временныхъ правилъ».

Передавали, что насчитывали до 7 труповъ. Впослѣдствіи оказалось, что дѣйствительно изъ нижегородцевъ былъ жестоко избитъ студентъ Малиновскій, а также бывший ранѣе въ Нижнемъ студентъ Пригорскій, слушательница высшихъ курсовъ Доброхотова и другіе. Извѣстно также, что былъ избитъ протестовавшій противъ варварскаго избіенія извѣстный литераторъ Н. Ф. Анненскій; синяки на его лицѣ были замѣтны даже долгое время спустя. Анненскій обратился къ оберъ-полицеймейстеру Клейгельсу и, отдавъ ему свою карточку, просилъ прекратить повальную бойню. Жестокая расправа была пріостановлена благодаря вмѣшательству члена Государственного Совѣта, генерала казачьихъ войскъ, кн. Вяземскаго. За это вмѣшательство онъ впослѣдствіи и пострадалъ, такъ какъ былъ высланъ изъ Петербурга, и ему было запрещено присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ. Государственный Совѣтъ, изъ членовъ котораго была образована особая дисциплинарная комиссія, не только не защитилъ Вяземскаго, но призналъ его вмѣшательство противозаконнымъ. Благодаря этому къ Вяземскому отнеслись весьма высокомерно: министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ и даже Клейгельсъ будто бы не приняли его. Подробно сти катастрофы у Казанскаго собора передавалъ въ Москвѣ бывший тамъ 5 или 6 марта проѣздомъ въ Нижній, извѣстный писатель А. М. Пѣшковъ (Максимъ Горькій). Проходя по Кузнецкому мосту 6 марта я встрѣтилъ своего знакомаго, доктора Н. А. Граціанова, который тоже передалъ мнѣ всѣ вышеизложенные рассказы о побоищѣ въ Петербургѣ и заявилъ, что онъ ѣдетъ отыскивать и выручать свою дочь, слушательницу высшихъ медицинскихъ курсовъ; съ нимъ же отправлялся туда и служившій въ Нижнемъ по санитарной части въ министерствѣ путей сообщенія докторъ Никитинъ, который не получалъ никакихъ свѣдѣній о своей женѣ, бывшей на фельдшерскихъ курсахъ. Она также была арестована. Та и другая вскорѣ были освобождены. Такого рода событія, конечно, не могли не вызвать въ средѣ съѣхавшихся на съѣздъ различныхъ толковъ.

6-го марта вечеромъ съѣхавшимся на съѣздъ предводителямъ дворянства давали обѣдъ московскій губернскій предводитель дворянства вмѣстѣ съ уѣздными. На этомъ обѣдѣ я не участвовалъ, такъ какъ къ участію въ немъ представители земствъ приглашены не были. Отъ нашей Нижегородской губерніи представителей отъ училищныхъ совѣтовъ въ лицѣ предводителей дворянства было немного—губернскій предводитель Нейдгартъ и вмѣсто

Нижегородскаго и Балахнинскаго уѣздныхъ предводителей депутатовъ дворянства, председатель Нижегородской уѣздной земской управы А. А. Остафьевъ и членъ губернской управы Г. Р. Килевейнъ; пріѣхалъ еще Макарьевскій уѣздный предводитель В. В. Левашевъ, но пробылъ всего дня два, три. Я сообщилъ Остафьеву мысль возбудить на этомъ обѣдѣ вопросъ о защитѣ студентовъ отъ истязаній отъ лица съѣхавшихся представителей дворянства, такъ какъ съ мнѣніемъ ихъ правительство считается больше, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ. Онъ эту мысль передалъ на обѣдѣ кн. П. Д. Долгорукову, а тотъ сообщилъ Московскому губернскому предводителю кн. П. Н. Трубецкому. Вслѣдствіе этого рѣшили собраться въ Московскомъ депутатскомъ собраніи, куда пригласить съѣхавшихся предводителей дворянства. На этомъ совѣщаніи я, по изложенной выше причинѣ, тоже не участвовалъ, и потому не могу сообщить подробностей о результатахъ его, а передаю со словъ на немъ присутствовавшихъ. Кромѣ съѣхавшихся предводителей дворянства, въ совѣщаніи приняли участіе представитель Московскаго Генераль-Губернатора гофмейстеръ Тютчевъ и братъ московскаго губернскаго предводителя кн. С. Н. Трубецкой. Любопытно, что предводители Московской губерніи были далеко не всѣ. Характеристику студенческаго движенія, его причинъ и положенія главнымъ образомъ дѣлалъ проф. С. Н. Трубецкой. Впослѣдствіи онъ производилъ по этому предмету изслѣдованіе и представилъ, какъ я слышалъ, обширный докладъ. Въ частности же на этомъ совѣщаніи, какъ мнѣ передавали, онъ во многомъ винилъ полицію, которая являлась иногда прямо подстрекательницею. Указывали напр., что въ Петербургѣ тайная полиція даже устроила подпольную типографію для печатанія незаконныхъ произведеній. Сдѣлать какіе либо положительные шаги къ облегченію участи арестованныхъ изъ числа учащейся въ высшихъ учебныхъ заведеній молодежи, а равно и съ цѣлью оградить ее на будущее время, это совѣщаніе не рѣшилось, хотя и признало, что съ молодежью обращаются жестоко и несправедливо. Тютчевъ указалъ, между прочимъ, что какъ бы ни было желательно дворянству выступить на ея защиту, но собраніе не компетентно сдѣлать это, такъ какъ губернскій предводитель дворянства, хотя и можетъ по закону представить объ этомъ Государю, но лишь отъ имени дворянскаго собранія, отъ котораго онъ еще не имѣетъ полномочія, а совѣщаніе его замѣнить не можетъ. Вслѣдствіе того было рѣшено вопросъ оставить открытымъ и просить Московское депутатское собраніе подробно разслѣдовать его и доложить собранію дворянства, а также созвать для обсужденія его съѣздъ губернскихъ предводителей дворянства.

Точно такъ же, какъ и на агрономическомъ съѣздѣ, земцы собрались, кажется, въ пятницу 8 марта, на товарищескій ужинъ въ Большой Московской гостиницѣ съ цѣлью потолковать о своихъ дѣлахъ. Всѣхъ собравшихся земцевъ было немного, но къ нимъ присоединились и нѣкоторые предводители дворянства, какъ напр., орловскій губерн.—М. А. Стаховичъ, елецкій—А. А. Стаховичъ, одинъ изъ уѣздныхъ предводителей Смоленской губерніи—Шереметевъ и нѣкоторые другіе. Собралось вообще не менѣе 20 человѣкъ; а бесѣда затянулась до 4-хъ часовъ утра. Говорили все о томъ же, т.-е. о тяжеломъ общественномъ положеніи, о стѣсненіи земствъ, о варварскомъ обращеніи со студентами и проч. Остафьевъ, обращаясь къ М. Стаховичу, упрекнулъ дворянство въ эгоистичности, въ выпрашиваніи подачекъ, на что тотъ отвѣтилъ длинною рѣчью въ защиту дворянства. Въ частномъ разговорѣ со мной по поводу студенческихъ волненій Шереметевъ замѣтилъ, что иначе и быть не можетъ, такъ какъ наши дѣти видятъ, что и съ нашей стороны существуетъ недовольство существующимъ строемъ.

Въ періодъ времени съѣзда (въ субботу 10-го) я былъ еще на ужинѣ у извѣстнаго педагога писателя и издателя журнала «Дѣтское Чтеніе» Д. И. Тихомирова. Тутъ же присутствовали и нѣкоторые земцы—Юматовъ (Саратовской) и Ладыженскій (Тамбовской), а также сотрудники журнала и литературы—В. А. Гольцевъ, И. Ивановъ, Соловьевъ-Несмѣловъ, сестра Чехова и проч. За ужиномъ опять рѣчи и опять тѣ же разговоры о невыносимомъ современномъ гнетѣ и проч.

11 марта я уѣхалъ въ Нижній. Въ концѣ марта и въ апрѣлѣ стали доходить слухи о манифестаціяхъ высланной на родину учащейся молодежи вмѣстѣ съ различными мѣстными элементами почти изъ всѣхъ большихъ городовъ—Воронежа, Харькова, Кіева и проч. По слухамъ, эти манифестаціи обыкновенно происходили такъ: собиралась толпа, выкидывался флагъ съ надписью «долой правительство» и т. п. толпа пѣла «Дубинушку» и другія антиправительственныя пѣсни. Полиція обыкновенно разгоняла толпу, часть ея забираала подъ арестъ, оказывались нѣсколько человѣкъ избитыми. Въ это же время стали говорить, что подобнаго рода манифестація готовится и въ Нижнемъ-Новгородѣ. Это было на Пасхѣ, которая началась въ этомъ (т.-е. 1901) году 1 апрѣля. Въ субботу 7 апрѣля въ Нижній, какъ и всегда, должны были принести икону Божьей Матери изъ Оранскаго монастыря, что всегда происходитъ при огромномъ стеченіи народа. Вотъ этимъ-то обстоятельствомъ будто бы и разсчитывали воспользоваться манифестанты (главнымъ образомъ, даже почти

исключительно учащаяся молодежь), чтобы придать манифестаціи болѣе внушительный характеръ. Но тутъ произошло совершенно неожиданное и крайне оригинальное событіе. Въ среду, 4 апрѣля, ко мнѣ на домъ, но въ мое отсутствіе, явился студентъ Моисеевъ и съ нимъ еще какой-то другой, который и просилъ мою жену передать мнѣ, что въ четвергъ, 5 апрѣля, въ помѣщеніи соединеннаго всѣхъ сословій клуба назначена сходка учащейся молодежи вмѣстѣ съ представителями отъ общества для обсужденія вопроса относительно предстоящей въ субботу манифестаціи, и что это будетъ съ вѣдома губернатора, который говорилъ объ этомъ своему постоянному врачу, доктору Н. А. Граціанову. Сходка была назначена, если память мнѣ не измѣняетъ, въ 1 часть дня. Передъ тѣмъ, какъ зайти въ клубъ, я побывалъ у Граціанова и узналъ, что дѣйствительно губернаторъ Унтербергеръ ему говорилъ, что онъ разрѣшилъ студентамъ устроить сходку въ клубѣ, въ присутствіи представителей общества, не болѣе 20 человекъ, и что на ихъ отвѣтственности будетъ выбрать дѣйствительно людей достойныхъ, на которыхъ можно положиться, что они не передадутъ о происходившемъ, куда не слѣдуетъ. Цѣль этой мѣры была та, чтобы люди солидные, представители общества, отговорили учащуюся молодежь отъ демонстраціи. Впослѣдствіи я слышалъ отъ самого губернатора, что онъ дѣйствительно сходку разрѣшилъ, и главнымъ образомъ его побудило къ этому то, что во время крестнаго хода, при огромномъ стеченіи народа изъ деревень, могли быть самые неожиданные инциденты, отъ которыхъ и молодежь могла сильно пострадать. Къ 1 часу дня я прибылъ въ клубъ, гдѣ засталъ уже много молодежи и кое кого (довольно порядочное число) изъ общества, людей довольно солидныхъ; въ томъ числѣ былъ писатель А. М. Пѣшковъ (М. Горькій). Предсѣдателемъ выбрали студента (кажется, Юрьевского университета, фамиліи не помню), изъ студентовъ же—товарища и секретаря, въ числѣ которыхъ былъ и нѣкто Кильчевскій, по образованію филологъ, но еще не сдавшій государственнаго экзамена и жившій безъ опредѣленныхъ занятій. Прежде всего было установлено, что о происходившемъ не слѣдуетъ разглашать, а затѣмъ, чтобы въ протоколахъ фамилій не писать. Предметомъ обсужденія былъ поставленъ вопросъ: производить ли демонстрацію, а затѣмъ по поводу освобожденія арестованныхъ, сосланныхъ и отданныхъ въ солдаты студентовъ. Со стороны студентовъ были высказаны упрёки по адресу общества и въ частности присутствующихъ въ томъ, что они не вступаютъ за учащуюся молодежь, что они относятся пассивно къ совершающимся возмутительнымъ событіямъ, болѣе всего заботясь о своемъ благополучіи и т. д. Были

наоборотъ возраженія и со стороны представителей общества, какъ напр. присяжнаго повѣреннаго Карпова, который возставалъ противъ демонстрацій, находя однако желательнымъ ходатайствовать объ облегченіи участи молодежи, замѣшанной въ безпорядкахъ. Остафьевъ, предсѣдатель уѣздной управы, заявилъ, что мѣшаться въ политику и устраивать демонстраціи не дѣло студентовъ: они должны дескать учиться и больше ничего. По поводу его заявленія, однако, въ средѣ молодежи слышалось шиканье. Пространную рѣчь говорилъ предсѣдатель казенной палаты, бывшій предсѣдатель новгородской губернской управы, Н. Н. Нечаевъ, большой любитель поговорить. Онъ доказывалъ, между прочимъ, бесполезность демонстрацій, такъ какъ дѣли, которыя онѣ преслѣдуютъ, достигаются иными средствами. Вообще же по вопросу о заступничествѣ за пострадавшихъ студентовъ единогласно рѣшено сдѣлать такую попытку въ письменной формѣ, а для редакціи и составленія прошенія министру Ванновскому избрали Пѣшкова, а также просили принять участіе меня и Нечаева, а со стороны молодежи 2-хъ студентовъ и курсистокъ¹⁾. Вопросъ о демонстраціи рѣшался закрытой баллотировкой (уже въ мое отсутствіе, такъ какъ я, заявивъ свое несочувствіе ей, ушелъ); большинство высказалось, помнится, за демонстрацію. Тѣмъ не менѣе въ день Крестнаго хода съ иконой Оранской Божьей Матери все было спокойно, и демонстраціи не было. Однако, начались обыски и аресты. Былъ обыскъ и у Кильчевскаго, у котораго нашли черновой журналъ съ фамиліями говорившихъ, вопреки постановленію. Это дало поводъ къ арестамъ. Взяли Пѣшкова и много студентовъ. Начались «дѣла». Кильчевскій, какъ я слышалъ, уѣхалъ изъ Нижняго. Впослѣдствіи онъ получилъ мѣсто учителя; говорили, что губернатору за эту выходку былъ выговоръ и вообще въ Петербургѣ всей этой исторіей были недовольны.

А. Савельевъ.

¹⁾ Прошеніе наше Ванновскому было нами составлено, собрано довольно много подписей, но затѣмъ начались аресты, вслѣдствіе чего прошеніе движенія не получило и, куда дѣлось, мнѣ неизвѣстно.

Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ,

(отрывочныя воспоминанія).

12 декабря истекшаго года исполнилось двадцать пять лѣтъ со смерти графа Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова. Люди, близко знакомые съ кипучей дѣятельностью этого выдающагося человѣка въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ, не находили возможнымъ подѣлиться своими воспоминаніями о немъ съ русскимъ обществомъ, а когда одинъ изъ нихъ—его бывшій секретарь А. А. Скальковскій—сталъ печатать въ «Нсвсмъ Времени» свои записки о личности и дѣятельности графа Лорисъ-Меликова, то появленіе ихъ внезапно прекратилось, да и самыя подлинныя записки, какъ свидѣтельствуеъ докторъ В. Б. Бертенсонъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», исчезли, повидимому, безслѣдно. Быстрая и рѣзкая смѣна событій въ жизни русскаго общества за послѣднія десять лѣтъ застлала какъ бы нѣкоторымъ туманомъ образъ человѣка, имя котораго было одно время у всѣхъ на устахъ. Если въ срединѣ прошлаго десятилѣтія это почти забытое имя и мелькало изрѣдка въ печати при упоминаніи о попыткахъ задуманныхъ имъ преобразованій, то по большей части въ сопровожденіи пренебрежительныхъ отзывовъ о послѣднихъ, при чемъ высокомѣріе этихъ отзывовъ нерѣдко свидѣтельствовало лишь о полномъ непониманіи условій мѣста и времени, въ которыхъ дѣйствовалъ покойный. Поэтому людямъ поколѣнія, вступившаго въ общественную жизнь съ начала девяностыхъ годовъ, имя Лорисъ-Меликова ничего или почти ничего не говоритъ, и упоминаніе о немъ подчасъ вызываетъ вопросительный или равнодушный взглядъ, прикрывающій почти полное невѣдѣніе. А между тѣмъ среди людей, игравшихъ въ русской жизни послѣднихъ десятилѣтій крупную и влія ельную роль, одно изъ яркихъ и въ то же время трагическихъ мѣстъ занимаетъ графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ. Искусный военачальникъ и тактичный мѣст-

ный администраторъ на Кавказѣ и въ Терской области, онъ былъ внезапно выдвинутъ судьбою на самый видный постъ въ Россіи, облеченъ чрезвычайною властью, сосредоточилъ на себѣ вниманіе всего міра и, пролетѣвъ какъ метеоръ, умеръ, сопровождаемый злобнымъ шипѣніемъ многочисленныхъ враговъ и сердечною скорбью горсточки друзей. Мое знакомство съ нимъ было непродолжительно, свиданія наши происходили послѣ долгихъ перерывовъ, но все-таки оставили во мнѣ неизгладимое воспоминаніе. Онъ и теперь, черезъ четверть вѣка послѣ нашей послѣдней встрѣчи, ярко вспоминается мнѣ, какъ живой, съ блестящимъ взоромъ умныхъ и добрыхъ глазъ, съ милою и какъ бы застѣнчивою улыбкой подъ густыми усами, съ живымъ жестомъ и горячей рѣчью, пересыпаемой поговорками и освѣщаемой вспышками добродушнаго юмора.

Я не былъ ближайшимъ очевидцемъ его дѣятельности, которая *im Grossen und Ganzen* еще ждетъ своего безпристрастнаго историка. Но въ настоящихъ отрывочныхъ замѣткахъ мнѣ хочется вспомнить о немъ просто, какъ о человѣкѣ. Я раздѣляю высказанную кѣмъ-то изъ большихъ писателей мысль о томъ, что настоящий образъ человѣка, подобно солнцу при восходѣ и закатѣ, съ особенною ясностью виденъ въ началѣ и концѣ его дѣятельности. Я узналъ Лорисъ-Меликова лично въ концѣ, на закатѣ его жизни, внѣ всякой официальной обстановки и какихъ-либо служебныхъ рамокъ. Быть можетъ, будущій біографъ, чуждый «злобѣ дня», разрабатывая разнородные матеріалы для своего труда о Лорисъ-Меликовѣ, мимоходомъ остановится и на настоящихъ строкахъ.

Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ въ февралѣ 1880 года вызвалъ общее сознаніе необходимости сильной власти, единой по направленію въ своихъ развѣтвленіяхъ, обеспечивающей общественный порядокъ и въ то же время чуждой старой бюрократической рутины, заботившейся, въ своей близорукой самоувѣренности, лишь о показномъ порядкѣ и благополучіи и допустившей развиться тому своекорыстію, которое въ 1881 году вызвало гнѣвный призывъ императора Александра III къ борьбѣ съ хищеніями. По указанію графа Дмитрія Алексѣевича Милютина выборъ государя остановился на харьковскомъ генералъ-губернаторѣ, генералъ-адъютантѣ графѣ Лорисъ-Меликовѣ, который выгодно отличался отъ другихъ, носившихъ то же званіе, своимъ умѣніемъ дѣйствовать примирительно и твердо, находчиво и рѣшительно, что было блестящимъ образомъ под-

тверждено энергическимъ локализованіемъ Ветлянской чумы, на борьбу съ которой онъ былъ посылаемъ. Въ воспоминаніяхъ Скальковскаго приведенъ рядъ эпизодовъ изъ дѣятельности Лорисъ-Меликова по борьбѣ съ этимъ бѣдствіемъ, грозившимъ скорѣ принять всенародные размѣры,—эпизодовъ, характеризующихъ его энергію, находчивость и полное забвеніе объ элементарныхъ личныхъ удобствахъ въ борьбѣ съ антисанитарными и вопіющими культурными неустройствами, почти безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ и свѣдущихъ помощниковъ. Въ роли Харьковскаго генераль-губернатора, которому была выдѣлена обширная область, онъ пользовался своими совершенно исключительными правами съ особымъ тактомъ и пониманіемъ истинныхъ потребностей населенія, съ которыми шли въ разрѣзъ практиковавшіеся приемы в дворянскія порядки путемъ обреченія «обывателей» на произволъ и безправіе. Извѣстно, какъ неудачно было, въ этомъ отношеніи, управленіе Одессой знаменитаго времени Севастополя генерала Тотлебена, имъ самимъ прямодушно признанное впоследствии. Въ обширномъ районѣ, подчиненномъ Лорисъ-Меликову, дѣла приняли совсѣмъ другой оборотъ, благодаря его дѣятельности, уваженію къ общественнымъ дѣятелямъ и готовности сдѣлать свою большую власть, по удачному выраженію князя П. А. Вяземскаго, «сильною, но не досадливою». Обращеніе его, какъ предсѣдателя Верховной распорядительной комиссіи, къ населенію Петербурга и къ русскому обществу вообще, произвело необычностью своего тона крайне благоприятное впечатлѣніе. Съ первыхъ его шаговъ стало ясно, что онъ не намѣренъ идти избитымъ путемъ рутинныхъ мѣропріятій, выработанныхъ канцелярскимъ способомъ; что онъ признаетъ невозможность держать общество въ положеніи безучастнаго зрителя политической борьбы, не прислушиваясь къ его упованіямъ, не опираясь на его довѣріе и не вглядываясь любовно и пытливо въ его нужды. Закипѣвшая затѣмъ во кругъ него работа по устраненію вопіющихъ злоупотребленій окружила его миссію общимъ довѣріемъ всѣхъ порядочныхъ людей. Облегченіе цензурнаго гнета, тщательный пересмотръ предпринятыхъ съ поспѣшной неразборчивостью административныхъ мѣропріятій, доступность самого Лорисъ-Меликова подѣйствовали живительнымъ образомъ на общество, въ значительной степени утратившее вѣру въ фактическое осуществленіе тѣхъ началъ, которыя были вложены въ реформы шестидесятыхъ годовъ. Казалось, что въ душную комнату со спертымъ воздухомъ отворили форточку—и многіе почувствовали въ своей груди свѣжую струю. Печать загово-

рила болѣе свободно и смѣло, въ различныхъ вѣдомствахъ почувствовалось единство и опредѣленная программа дѣйствій, а упраздненіе знаменитаго III Отдѣленія было встрѣчено общимъ сочувствіемъ. Лѣтомъ 1880 года Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ Государя, принялся за осуществленіе своей программы, которая состояла въ посылкѣ внутрь Россіи сенаторскихъ ревизій и въ обсужденіи добытыхъ ими данныхъ вмѣстѣ съ созванными со всей страны свѣдущими людьми для работы основаній для дальнѣйшаго законодательства. Хотя Валуевъ, въ своемъ дневникѣ, столь строгій къ «нашимъ государственнымъ фарисеямъ», къ которымъ, однако, во многихъ отношеніяхъ принадлежалъ и самъ, и находилъ мысль «ближняго боярина Мишеля I (такъ онъ ядовито называлъ ненавидимаго имъ Лорисъ-Меликова) о какихъ-то редакціонныхъ комисіяхъ изъ призывныхъ экспертовъ мнументомъ нравственной и умственной посредственности», но далеко не всѣ раздѣляли его взгляды. За всѣмъ этимъ многимъ задатки чуялись представительныхъ учреждений, которыя должны были завершить великія преобразованія первыхъ лѣтъ царствованія и, давъ исходъ пожеланіямъ законной свободы, сплотить вокругъ общественнаго порядка всѣхъ его истинныхъ друзей. Впереди видѣлась картина величаваго заключенія исторической роли Царя-Освободителя, благодаря которому, безъ смуты и кровавыхъ потрясеній, постепенно и систематически подготовленное общество было бы призвано къ участію въ законодательной дѣятельности. Роковой день—1 марта 1881 года—отодвинулъ осуществленіе этого призыва на цѣлую четверть вѣка...

Находясь въ апогеѣ своей власти и вліянія, Лорисъ-Меликовъ очень дорожилъ совѣтами сенатора Михаила Евграфовича Ковалевскаго, первоприсутствующаго въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ Сената, и часто видѣлся съ профессоромъ А. Д. Градовскимъ, съ которымъ меня связывала старая дружба и единство взглядовъ на многіе вопросы ¹⁾. Глубокій и многосторонній ученый, послѣдній исходною точкою и цѣлью всѣхъ своихъ научныхъ трудовъ считалъ *личность* въ ея правовыхъ условіяхъ, ту личность, о которой такъ часто забываетъ современное государство, опираясь лишь на свои права и подавляя отдѣльнаго человѣка, которому предоставляется лишь исполненіе обязанностей. Такое умаленіе личности, одинаково свойственное, хотя и по разнымъ основаніямъ, и абсолютизму, и со-

¹⁾ Подробныя воспоминанія о Градовскомъ въ моей книгѣ «Очерки и воспоминанія» 1906 г. стр. 261—286.

ціалъ-демократическому строю,—не разъ отмѣчалось Градовскимъ. Вотъ почему не *образъ правленія*, а задачи и способы *управленія* преимущественно привлекали къ себѣ его вниманіе. Онъ настаивалъ на необходимости *политическаго воспитанія личности* и, слѣдовательно, цѣлаго общества. Отсюда его восторженное отношеніе къ внутреннему смыслу реформъ Александра II. Видя въ Лорисъ-Меликовѣ человѣка, желавшаго на практикѣ осуществлять его идеалы, Градовскій относился къ нему съ величайшимъ сочувствіемъ и, заходя ко мнѣ или встрѣчаясь со мною, рассказывалъ о немъ съ восторгомъ, передавая мнѣ содержаніе своихъ съ нимъ бесѣдъ. При этомъ не разъ и настойчиво повторялъ онъ мнѣ, что Лорисъ разспрашиваетъ его обо мнѣ и нерѣдко упоминаетъ мое имя въ своихъ бесѣдахъ. Однажды, послѣ такого разсказа, Градовскій на мой вопросъ: «къ чему ты мнѣ объ этомъ постоянно говоришь?» воскликнулъ: «Боже мой! Да неужели ты не понимаешь, что ему, очевидно, хочется ближе съ тобой познакомиться и что тебѣ слѣдовало бы пойти къ нему?» Я объяснилъ мсему увлекавшемуся другу, что послѣднее сдѣлать невозможно: Лорисъ-Меликовъ, какъ его называютъ, «полномочный диктаторъ», а я—судья, дѣятельность котораго подвергается суровой и односторонней служебной критикѣ и упорнымъ нападкамаъ со стороны вліятельнаго московскаго публициста. Все это, а также и достоинство носимаго мною званія дѣлають немыслимымъ личный починъ съ моей стороны въ нашемъ знакомствѣ. Мой приходъ къ Лорису можетъ быть истолкованъ моими недоброжелателями какъ желаніе достигнуть путемъ личнаго знакомства съ «всемогущимъ» по общимъ отзывамъ Министромъ, повышенія или другихъ «великихъ и богатыхъ» милостей. Но судья, подобно женѣ Цезаря—*ne doit pas etre soupçonné*. Наконецъ Лорисъ можетъ, если желаетъ, пригласить меня къ себѣ и—въ силу данной ему власти—даже вызвать официально къ себѣ. «Это ему неловко по разнымъ причинамъ» сказалъ мнѣ Градовскій.

Осенью 1882 года я встрѣтилъ Лорисъ-Меликова на вечерѣ у К. К. Грота, который насъ и познакомилъ.—«А! сказалъ уже находавшійся не у дѣлъ Лорисъ, шутливо грозя мнѣ пальцемъ: не хотѣлъ ко мнѣ придти!»—«Не могъ», отвѣтилъ я.—«А почему?» Я повторилъ ему сказанное Градовскому. Умное лицо Лорисъ-Меликова освѣтилось мягкой улыбкой, и онъ, горячо протянувъ мнѣ руку, воскликнулъ: «Душа моя! Правильно! чудесно! Такъ и слѣдовало! Ну, а теперь ко мнѣ придете?» На другой день мы размѣнялись визитами, не заставъ другъ друга. Прошелъ еще годъ слишкомъ. Я проводилъ лѣто 1884 года въ Висбаденѣ, боль-

ной и нервный, живя въ водолѣчебницѣ Dietenmühle въ двадцати минутахъ ходьбы отъ центра города. Узнавъ, что туда же, на Nicolaistrasse, въ домъ № 7, въ весьма скромную квартиру переѣхалъ Лорисъ-Меликовъ, семья котораго жила въ Швальбахѣ, я зашелъ навѣстить его, и съ этого времени между нами завязались самыя дружескія отношенія. Общительнаго по натурѣ Лорисъ-Меликова не могли удовлетворять разные нѣмцы изъ русскихъ чиновниковъ, жившіе на свои пенсіи въ Висбаденѣ, и случайные проѣзжіе изъ Россіи, мало интересные уже потому, что Висбаденъ стоитъ въ сторонѣ отъ торной дороги въ Парижъ Швейцарію и Италію. Въ своихъ письмахъ ко мнѣ не разъ жаловался онъ на скуку, наводимую ихъ посѣщеніями. Во мнѣ нашелъ онъ благодарнаго и внимательнаго слушателя и собесѣдника. Мнѣ могъ онъ открывать свою наболѣвшую душу и свое уязвленное сердце, увѣренный въ моемъ сочувствіи и пониманіи. Мои рассказы изъ области житейскаго и служебнаго опыта очень интересовали его, освѣщая иногда передъ нимъ людей, которыхъ онъ зналъ мало, и событія, о которыхъ онъ не имѣлъ вѣрнаго представленія. Почти каждый вечеръ онъ ждалъ меня съ нетерпѣніемъ, и мы проводили два-три часа въ оживленной бесѣдѣ, въ душной комнатѣ съ затворенными окнами (онъ очень боялся простуды и постоянно чувствовалъ себя озябшимъ), среди облаковъ дыма, иногда за стаканомъ тяжелаго кахетинскаго вина. Теплый лѣтній вечеръ смотрѣлъ въ окна и манилъ на воздухъ, но Лорисъ-Меликовъ такъ тревожно слѣдилъ за каждымъ моимъ движеніемъ, обличавшимъ желаніе уйти, и такъ иногда трогательно просилъ «еще посидѣть», что приходилось уступить и лишь при боѣ башенныхъ часовъ, возвѣщавшихъ о трехъ четвертяхъ одиннадцатаго, бѣглымъ шагомъ стремиться черезъ паркъ домой, гдѣ лѣчебное заведеніе запиралось безусловно въ 11 часовъ.

Человѣкъ воспитанный и изящный въ своей внѣшности, Лорисъ былъ очень деликатенъ въ отношеніяхъ, умѣя оказывать самое любезное, но не назойливое гостепріимство. Но, по мѣрѣ постепеннаго сближенія съ человѣкомъ, онъ чувствовалъ потребность чѣмъ-нибудь выразить свое довѣріе и нѣжность. Вотъ почему, обычно корректный въ разговорѣ, онъ, въ нѣкоторыя минуты, вдругъ переходилъ на *ты*, звучавшее вовсе не фамиллярно, а лишь сердечно.

Если я не былъ у него два вечера подъ рядъ, то на третій день уже доставлялось письмо Лориса съ тревожнымъ запросомъ о моемъ здоровьѣ или въ моемъ отдаленномъ уголкѣ Висбадена появлялось закрытое со всѣхъ сторонъ ландо, привозившее Лорисъ-Меликова справиться обо мнѣ. Эти пріѣзды производили боль-

шую сенсацію среди чинолюбивыхъ нѣмцевъ, населявшихъ лѣчебницу, такъ какъ большинство изъ нихъ знало и то, что Лорисъ-Меликовъ былъ, по ихъ представленію, «первымъ министромъ», и то, что его посѣщаютъ коронованныя особы. Такъ, я встрѣтилъ у него однажды стараго датскаго короля, а въ другой разъ при мнѣ пришелъ къ нему съ визитомъ жизнерадостный и красивый принцъ Уэльскій, впоследствии король Эдуардъ VII.

Чѣмъ ближе узнавалъ я Лориса, тѣмъ симпатичнѣе представлялся онъ мнѣ и тѣмъ больше видѣлъ я въ немъ совсѣмъ другого человѣка, чѣмъ тотъ, котораго рисовала стоустая молва недоброжелателей и лживыхъ друзей. Вмѣсто «хитраго и лукаваго царедворца» я видѣлъ передъ собой довѣрчиваго, даже слишкомъ довѣрчиваго человѣка, относившагося съ простодушной откровенностью къ людямъ, нерѣдко совершенно того не стоившимъ и начинавшимъ тотчасъ же за порогомъ его дома свои клеветническія варіаціи на темы, данныя «лукавымъ хитрецомъ», чему я самъ не разъ былъ возмущеннымъ свидѣтелемъ. По поводу приписываемыхъ Лорисъ-Меликову свойствъ у меня сохранилось довольно оригинальное воспоминаніе. Предсѣдателемъ петербургскаго общества вспомошествованія бывшимъ московскимъ студентамъ, гдѣ я былъ много лѣтъ секретаремъ, сос оялъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ Иванъ Давидовичъ Деляновъ соплеменникъ Лориса, съ типическимъ лицомъ и огромнымъ носомъ на круглой головѣ, покрытъ й вмѣсто волосъ какимъ-то пухомъ. Это былъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ оригинальный: лично очень добрый и даже великодушный въ отдѣльных случаяхъ жизни, доступный и ласковый въ обращеніи съ людьми и въ то же время сторонникъ и даже соучастникъ такихъ мѣропріятій, которыя тяжело ложились на ту или другую совокупность подвѣдомаго ему русскаго отрочества и юношества;—свѣдущій классикъ по образованію и въ то же время поклонникъ самаго узкаго стѣсненія слова;—тонкій критикъ правительственныхъ предположеній въ частномъ разговорѣ и молчаливая ихъ опора въ различныхъ официальныхъ засѣданіяхъ;—настойчивый и почтительный путникъ по дорогѣ служебныхъ повышеній и человѣкъ, умершій съ христіанской простотой и смиреніемъ и завѣщавшій похоронить себя безъ всякихъ оказательствъ своего высокаго официального положенія и знаковъ отличія. Мнѣ случалось бывать свидѣтелемъ его щедраго сочувствія къ бѣдствующимъ. Не разъ послѣ доклада въ комитетѣ общества вспомошествованія бывшимъ московскимъ студентамъ прошенія какого нибудь несчастливца, не подходящаго подъ уставъ общества, требующаго окончанія курса въ московскомъ университетѣ, Деля-

новъ, написавъ резолюцію объ оставленіи прошенія безъ послѣдствій, отводилъ меня въ сторону и спрашивалъ: «А что, есть у васъ адресъ этого просителя?» и на мой утвердительный отвѣтъ таинственно протягивалъ мнѣ пятьдесятъ или сто рублей и говорилъ: «Вотъ, пожалуйста, пошлите, какъ будто мы ему дали». На ряду съ этимъ я не могу вспомнить безъ невольной улыбки его смущенія и явнаго безпокойства, когда въ засѣданіи того же комитета, по почину проф. Склифасовскаго, весною 1881 года былъ поднятъ вопросъ о посылкѣ отъ лица общества депутата съ адресомъ Пирогову, юбилей котораго праздновался въ Москвѣ. «Какая депутація? Какой адресъ?»—волновался нашъ предсѣдатель— «И какое намъ дѣло до Пирогова? Ну, положимъ, онъ хорошій хирургъ, такъ пусть ему бывшіе пациенты и посылають адресъ. и слова-то эти: «адресъ, депутатъ»—не наши! Да и такое ли теперь время, чтобы этимъ заниматься? И денегъ у насъ нѣтъ, чтобы посылать кого-либо въ Москву!» Онъ успокоился лишь въ слѣдующемъ засѣданіи, прочитавъ проектъ адреса, составленный, по его предложенію, цѣлой комиссіей, убѣдившись въ томъ, что никакого потрясенія основъ въ немъ не содержится и радостно встрѣтивъ извѣстіе, что адресъ берется свезти профессоръ акушерства Сутугинъ, ѣдущій отъ учрежденій Императрицы Маріи. «Ну вотъ, акушера и послать!», со вздохомъ облегченія сказалъ онъ: «акушеръ рѣчей говорить не станетъ, акушера и послать!» Онъ давно считалъ себя имѣющимъ право на постъ министра народнаго просвѣщенія и не любилъ Лорисъ-Меликова между прочимъ и за то, что тотъ не возражалъ противъ назначенія министромъ Андрея Александровича Сабурова. Послѣ паденія Лорисъ-Меликова мнѣ пришлось быть по дѣламъ общества у Деянова. Старикъ ткнулъ меня носомъ въ щеку и приложилъ къ ней свою, гладко выбритую, что обозначало у него поцѣлуй, и, поговоривъ о дѣлахъ, сталъ пѣвучимъ бабьимъ голосомъ печаловаться о судьбѣ Россіи. «Слава Богу, слава Богу»!—сказалъ онъ, — что Господь умудрилъ и внушилъ прогнать Лорисъ-Меликова! — «Да развѣ Лорисъ-Меликовъ прогнанъ! сказалъ я: онъ вѣдь ушелъ самъ вслѣдствіе крушенія задуманныхъ имъ преобразованій». — «Нѣтъ! воскликнулъ Деяновъ торжествующимъ голосомъ: прогнали! Прогнали! Вы знаете ли, какой это человѣкъ? Еѣдь онъ Россію погубить хотѣлъ!» — «Да что вы, Иванъ Давидовичъ, вѣдь съ Россіей погибъ бы и онъ самъ. Не понимать этого онъ, какъ умный человѣкъ, не могъ. Я его не знаю и никогда не видѣлъ, но мнѣ кажется, что въ его умѣ сомнѣваться нѣтъ возможности». — «Какой онъ умный человѣкъ?! — почти закричалъ Деяновъ, — какой умный человѣкъ? Просто *лукавый*

армяшка!.. И всть этого-то лукавца мнѣ не разъ приходилось упрекать въ чрезмѣрной и ненужной, почти что болтливой откровенности съ разными подозрительными личностями, которыя являлись lui tirer les vers du nez....

Кратковременные почитатели графа Лорисъ-Меликова въ то время, когда онъ былъ у власти, съ восторженною искательностью провозглашали его замѣчательнымъ государственнымъ человекомъ, но это его свойство было такъ же недоставѣрно, какъ и его лукавство. Это былъ просто очень хороший, доброжелательный человекъ, чуждый узкаго себялюбія и корыстолюбиваго эгоизма и одаренный здравымъ смысломъ, способнымъ, однако, къ деіаціямъ подъ вліяніемъ темперамента и настроеній. Для государственной дѣятельности въ истинномъ смыслѣ этого слова у него, какъ онъ и самъ признавалъ, не доставало знанія Россіи, а я прибавлю, что не доставало и *знанія людей* и подчасъ нѣкоторыхъ существенныхъ свѣдѣній о государственномъ устройствѣ. Его письма ко мнѣ содержать въ послѣднемъ отношеніи не мало явныхъ примѣровъ. Самъ сознавая недостаточное знакомство съ теоріей государственнаго управленія и устройства, онъ началъ учиться этому, уже сойдя съ широкой правительственной агеіы. Я не разъ заставлялъ его въ Висбаденѣ за чтеніемъ сочиненій по финансовому и административному праву, при чемъ онъ очень интересовался прогрессивнымъ *подходящимъ налогомъ*, находя въ немъ практически близкое и справедливое, по его мнѣнію, разрѣшеніе болѣзненныхъ сторонъ соціальнаго вопроса. Онъ увлекался чтеніемъ французскихъ парламентскимъ отчетовъ, часто задавая вопросы о коренныхъ началахъ конституціи, при чемъ мнѣ разъ даже пришлось объяснять ему разницу между строго-парламентскихъ и конституціоннымъ управленіемъ. Но при этомъ надо замѣтить, что онъ былъ одаренъ чрезвычайной понятливостью и быстрой сообразительностью, такъ что съ двухъ-трехъ словъ схватывалъ существо вопроса и затѣмъ уже твердо владѣлъ имъ.

Россію онъ зналъ по русскому солдату, съ которымъ такъ много имѣлъ дѣла. Но о крестьянствѣ и о среднемъ сословіи составлялъ себѣ понятіе по кавказскимъ туземцамъ или по теоретическимъ взглядамъ, почерпнутымъ изъ чтенія. Отсюда его готовность оперировать in anima vili, въ предположеніи, что народная жизнь съ ея обычаями и особенностями легко уложится въ предвзятыя схемы. Отсюда его нѣсколько высокомѣрное и вслѣдствіе того безпечное отношеніе къ дѣятельности революціонныхъ кружковъ, которую онъ считалъ наноснымъ явленіемъ, долженствующимъ сложить оружіе при первыхъ же шагахъ

правительства по либеральному пути. Отсюда его взглядъ на періодическую печать того времени, какъ на могущественную силу, имѣющую всенародное вліяніе, и его отношеніе къ нѣкоторымъ дѣятелямъ прессы, какъ къ представителямъ твердаго и неуклоннаго политическаго направленія, тогда какъ эти господа при первой же его неудачѣ отвернулись отъ него, не брезгая возможностью поливать его имя помоями. или насмѣшливо именуюя его «диктаторомъ сердца».

Отсутствіе *знакомства* съ людьми было третьимъ его недостаткомъ и весьма важнымъ, ибо истинный государственный человѣкъ долженъ не только знать людей вообще, но быть знакомъ и съ личностями. Все было ново для бѣднаго Лорисъ-Меликова въ Петербургѣ. Ему приходилось смотрѣть на своихъ возможныхъ сотрудниковъ чрезъ узкую призму приближеннаго къ нему образцоваго бюрократа, вѣчно стремившагося къ какому-нибудь министерскому портфелю, или черезъ одностороннюю оцѣнку одного изъ вліятельныхъ лицъ судебного вѣдомства. Оба эти лица, конечно, вполне добросовѣстно заблуждаясь, не разъ, по его словамъ, убѣждали его въ томъ, что въ Петербургѣ совершенно нѣтъ людей, могущихъ быть ему полезными и нелицемѣрными сотрудниками. Впослѣдствіи Лорисъ-Меликовъ горько сожалѣлъ, что съ «человѣколюбивымъ стражемъ закона» Викт ромъ Антоновичемъ Арцимовичемъ и нѣкоторыми другими онъ познакомился лишь послѣ своего паденія. Онъ считалъ, на примѣръ, стойкимъ и выдающимся дѣятелемъ одного очень вліятельнаго гласнаго, не предвидя, конечно, что этотъ господинъ сознательно уклонится отъ участія въ засѣданіи Городской Думы, когда послѣ ухода Лорисъ-Меликова будетъ баллотироваться вопросъ о его почетномъ гражданствѣ города Петербурга, и противъ него будетъ произнесена исполненная страстныхъ обвиненій рѣчь... И по отношенію къ иностраннымъ дѣятелямъ взгляды Лорисъ-Меликова не отличались проницательностью...

Но если при ближайшемъ знакомствѣ Лорисъ-Меликовъ оказывался не подходящимъ къ идеалу государственнаго дѣятеля, какимъ послѣдняго привыкли представлять себѣ на Западѣ, то это же знакомство заставляло цѣнить встрѣчу и близость съ нимъ просто, какъ съ *человѣкомъ*. Отъ него вѣяло тепломъ чуткаго и нѣжнаго сердца, въ немъ было много трогательнаго просто душія, а умъ его, яркій и своеобразный, какъ я уже говорилъ, отражался въ мѣткихъ опредѣленіяхъ и въ миломъ и тонкомъ юморѣ. Даже обычная рѣчь его, съ любимыми имъ словечками и обращеніями въ родѣ: «отецъ родной!» «вотъ онъ какой пистолеть!» «тара-бара—крута гора», «кончалъ базаръ!» и т. п. была

привлекательна по тому внутреннему огню, которымъ была проникнута. Я ни разу не слышалъ Лорисъ-Меликова говорящимъ о чемъ-либо равнодушно или просто для того, чтобы что-нибудь сказать. Въ послѣднемъ случаѣ онъ предпочиталъ молчать, слегка улыбаясь, въ то время, какъ умные и «горячіе» глаза его смотрѣли съ едва уловимой насмѣшкой. И слушать онъ умѣлъ превосходно—внимательно и не перебивая,—понимая наслаждение не только содержаніемъ, но и самою структурою разсказа. Въ этомъ отношеніи онъ былъ въ полномъ смыслѣ воспитаннымъ по-европейски человѣкомъ.

Мы разстались въ 1884 г. съ искренней пріязнью другъ къ другу, и мнѣ было жаль покидать одинокаго старика, сгоравшаго одновременно и отъ неудовлетворенной жажды дѣятельности и съ душевныхъ ранъ, и отъ подступавшаго къ нему настойчиво и неотвратимо физическаго недуга. Онъ сохранилъ теплое воспоминаніе о нашихъ бесѣдахъ. «По отъѣздѣ Вашемъ, писалъ онъ мнѣ, Висбаденъ кажется мнѣ еще болѣе тоскливымъ» (30 іюня 1884 г.); гдѣ бы я ни былъ, вѣрьте, сохраняю къ Вамъ неизмѣнно чувство сердечной привязанности...» (3 августа 1884 г.); «часто вспоминаю я то отрадное время, которое провелъ я съ Вами въ Висбаденѣ; недѣли эти, несмотря на тяжелую мою слѣзнь, пролетѣли для меня совершенно незамѣтно, благодаря Вашему присутствію и тѣмъ дружескимъ и уютнымъ бесѣдамъ, которыя вели мы въ *Nicolas Strasse*...» (14 февраля 1885 г.). Въ слѣдующемъ году онъ снова поселился въ Висбаденѣ и вскорѣ по пріѣздѣ извѣщалъ меня, что «два раза уже ѣздили въ *Dietenmühle*,—видѣлъ тамъ скамейку въ саду, на которой мы бесѣдовали, и вспоминалъ Васъ... То было отрадное для меня время! Изъ письма Вашего къ Гроту, присланнаго имъ мнѣ для прочтенія, я узналъ, что Вы не теряете надежды совершить поѣздку за границу. Въ такомъ случаѣ, конечно, меня не забудъ те. Не правда ли? Какъ бы это было хорошо и великодушно съ Вашей стороны. Надѣюсь, Вы не посѣтуете на Константина Карловича за присылку имъ мнѣ въ подлинникъ письма Вашего: онъ вѣдь знаетъ, что я и люблю, и уважаю Васъ»... (25 іюня 1885 г.).

Я дѣйствительно поѣхалъ лѣтомъ 1885 года за границу и въ августѣ посѣтилъ Лориса въ Висбаденѣ, на *Sonnenbergstrasse* № 11, гдѣ былъ просто растроганъ сердечнымъ пріемомъ его. Онъ встрѣтилъ меня въ гостинной, въ кругу своихъ семейныхъ и знакомыхъ, радостнымъ восклицаніемъ: «А! Вотъ онъ! Наконецъ-то! Наконецъ!» и при первой возможности увелъ меня къ себѣ въ кабинетъ. Зѣвъ, однако, онъ долго молчалъ и наконецъ сказалъ: «Вотъ! Ждалъ васъ цѣлый годъ,—думалъ о томъ какъ

много и о многомъ расскажу, когда увидимся, а тутъ вы пріѣхали вижу васъ и молчу, и незнаю съ чего начать. Это какъ у новобрачныхъ бываетъ: женихъ долго мечтаетъ о томъ времени когда, наконецъ, останется на единѣ съ молодой женою, а какъ останется—ведетъ себя дуракъ-дуракомъ...» И въ этотъ пріѣздъ мы вели много задушевныхъ бесѣдъ, къ сожалѣнію, прерываемыхъ частыми посѣтителями семьи Михаила Таріеловича, которые заходили и къ нему и которымъ онъ, поневолѣ, долженъ былъ *faire les honneurs de la maison*, что его, какъ видно изъ его писемъ ко мнѣ, очень тяготило. Около него, пытливо и притворно — участливо, почти постоянно вертѣлись нѣкоторые господа и господа, переходившіе за тѣмъ «avec armes et bagages» въ станъ людей, удовлетворявшихъ сладострастіемъ злословія и клеветы свою тайную ненависть къ нему и этимъ умѣрившихъ свою боязнь возвращенія его къ дѣламъ. Поэтому воспоминанія о дняхъ, проведенныхъ съ нимъ въ 1885 году, у меня менѣе цѣльныя и богатые. Я замѣтилъ въ немъ усиленіе горечи и большій упадокъ духа, чѣмъ въ предыдущій годъ,—онъ часто сталъ говорить о своей старости и неспособности къ серьезному труду. Очевидно было, что примиреніе со своею, поистинѣ роковою и трагическою судьбою, совершается въ немъ очень болѣзненно и какъ ржа желѣзо постепенно съѣдаетъ его душевныя силы. Покинутый и забытый многими изъ своихъ поклонниковъ и приверженцевъ онъ чувствовалъ на себѣ, по образному выраженію Лермонтова: «мечь враговъ и клевету друзей». Онъ сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ тревожно относиться къ матеріальной будущности своей семьи. Объ этомъ онъ писалъ мнѣ однажды подробно, еще до нашего второго свиданія: «чувствую,—говоритъ онъ въ своемъ письмѣ,—что усталыя кости мои просятся уже въ отставку... Понятно, что отъѣздъ въ *безвозвратный* отпускъ не можетъ быть страшенъ для меня—видѣвшаго и прошедшаго въ жизни много и многое; но жаль оставить семью. Помните ли стихи:

«Мочи нѣтъ, усталъ я съ этимъ горемъ биться,
А на свѣтъ посмотришь—жалко съ нимъ проститься».

Жаль мнѣ пятерыхъ дѣтей да жены, имущественное положеніе которыхъ находится пока далеко не въ цвѣтущемъ состояніи, и надо по крайней мѣрѣ еще 5 лѣтъ времени, чтобы дѣло это наладилось, какъ слѣдуетъ. А между тѣмъ, дѣти родились и росли въ достаткѣ; правда, роскоши не знаютъ, но не знакомы они и съ нуждою... Вотъ причины, по которымъ мнѣ жаль было бы про титься съ свѣтомъ и хочется протянуть дряб. ое существованіе мое еще нѣсколько лѣтъ. Какъ знать, пожелаютъ ли вспо-

нить послѣ меня о совершенныхъ мною когда-то заслугахъ, хотя бы въ послѣднюю войну, и, оцѣнивъ ихъ, обезпечить ли семью мою соотвѣтственною пенсіей? Вспомнѣть ли, что изъ 72 милліоновъ, израсходованныхъ въ Малой Азіи на нужды войскъ, я, по собственной инициативѣ, *не дозволилъ* выпустить въ обращеніе ни одного полуимперіала и потянулъ всю войну на нашихъ кредиткахъ! — Индентантскіе мудрецы и нѣкоторые начальники отдѣльныхъ частей, лакомые до приобрѣтеній, предсказывали мнѣ тогда ужасы, увѣряли, что жители въ концѣ-концовъ не станутъ ничего продавать намъ, указывали на Балканскую армію, гдѣ почти половина всего расхода производилась на золото. — Слушалъ я все это, помалчивалъ да крѣпился. Мрачныя предсказанія однако не сбылись; начатое дѣло было доведено до конца блистательнымъ способомъ и Государственная казна освободилась отъ расхода по крайней мѣрѣ въ 10 милліоновъ металлическихъ рублей, которые, за неимѣніемъ въ собственныхъ подвалахъ, она вынуждена была бы занять внѣ государства и при томъ за крайне убыточные проценты»...

Содержаніе приведеннаго письма нельзя не поставить въ связь съ воспоминаніями Лорисъ-Меликова о дѣйствіяхъ нашихъ въ Малой Азіи въ восточную войну 1877 года, съ которыми онъ ознакомилъ меня лѣтомъ 1884 года по поводу очень занимавшей его книги генерала Кишмишева по исторіи этой войны и сущность которыхъ я тогда же записалъ. Вотъ они:

«Тотчасъ по объявленіи войны, 11 апрѣля 1877 года—три русскихъ отряда, общей численностью не выше 50 тысячъ человекъ перешли границу Анатоліи и начали наступленіе, совершаемое съ большою энергіей и обычной нашей самонадѣянностью и высокоумнымъ презрѣніемъ къ противнику. Паденіе Ардагана и Баязета, вооруженнаго 90 орудіями новѣйшихъ системъ, произвело громадное впечатлѣніе на турокъ и вызвало среди нихъ крайнее напряженіе силъ, выразившееся въ призывѣ подъ знамена Мухтара-паши изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ Малой Азіи, изъ Багдада, Дамаска, Алеппо и т. п. всего мужского населенія въ возрастѣ отъ 20 до 60 лѣтъ. Благодаря этому же во второй половинѣ іюня въ Эрзерумской долиנѣ были сформированы двѣ турецкія полевые арміи. нанесшія намъ чувствительное пораженіе подъ Зевиномъ и перешедшія въ столь внушительное наступленіе что мы были вынуждены отступить къ своимъ границамъ и снять блокаду Карса. Положеніе воюющихъ сторонъ было въ это время совсѣмъ не равнымъ: наши войска были сосредоточены въ трехъ мѣстахъ съ интервалами въ 150 верстъ между каждымъ отрядомъ и имѣли передъ собою Мухтара-пашу, въ каждомъ пунктѣ

болѣе, чѣмъ въ полтора раза сильнѣе русскихъ, а сзади Кавказъ волнующійся и тревожный, гдѣ миллионное населеніе Чечни и Дагестана находилось въ полномъ возстаніи и гдѣ симпатіи остальныхъ двухъ миллионныхъ горцевъ явно склонялись къ Турціи. Вслѣдствіе этого Кавказъ не могъ двинуть всѣхъ своихъ боевыхъ силъ противъ турокъ, нуждаясь самъ, для сдержанія порывовъ мусульманскаго населенія, по крайней мѣрѣ, въ 50 тысячъ войска. Такимъ образомъ наше положеніе было очень тяжелое: передъ нами превосходящій численностью непріятель, сзади горючій матеріалъ, для котораго была нужна лишь искра, лишь единовѣрная рука, протянутая въ интервалъ русскихъ войскъ хотя бы въ видѣ 2-тысячнаго отряда кавалеріи, чтобы пожаръ, раздуваемый религіознымъ фанатизмомъ, вспыхнулъ со страшною силою, и намъ пришлось бы запереться въ собственныхъ крѣпостяхъ, окруженныхъ слившимися силами внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Противъ Мухтара-паши пришлось стоять мнѣ. Надо было удержать его отъ наступленія во что бы то ни стало. И я сталъ настойчиво и неустанно его тревожить ежедневными рекогносцировками, фланговыми атаками, частичными передвиженіями и фальшивыми маршами, не давая ему ни минуты успокоиться и постоянно поддерживая въ немъ ложную увѣренность, что онъ или подвергается или не нынче-завтра подвергнется общему нападенію русскихъ силъ. Такъ задержалъ я его въ выжидательномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока съ Волги и изъ-подъ Москвы не подошли спѣшно посланные подкрѣпленія, и у меня не оказалось къ 1 сентября, еще 32 свѣжихъ батальона, т.-е. силы, почти равныя турецкимъ. Съ ними, рѣшительно и увѣренно, я вновь перешелъ въ наступленіе и за два мѣсяца непрерывныхъ трудовъ и постоянной опасности полного пораженія мы были вознаграждены побѣдою надъ Мухтаромъ на Аладжѣ. Паденіе затѣмъ Карса, гдѣ я былъ комендантомъ еще въ Крымскую войну, нанесло рѣшительный ударъ туркамъ — и передъ нами открылось широкое поле дѣйствій. Ночной штурмъ Карса былъ подготовленъ мною цѣлымъ рядомъ приготовленій, направленныхъ на усыпленіе бдительности турокъ и на то, чтобы не дать имъ возможности представить себѣ, что двадцать тысячъ русскихъ рѣшатся штурмовать форты, могущіе сдѣлать честь любой перво-классной европейской крѣпости, вооруженные 300 орудіями новѣйшихъ системъ и защищаемые тоже двадцатитысячнымъ гарнизономъ. Но я твердо рѣшился,—и мои солдатики вписали въ военную исторію эпизодъ, по своей исключительности не могущій служить образцомъ, но указывающій на разнообразіе и новизну приемовъ войны, въ которыхъ проявляется торжество

строго обдуманнаго замысла и точности его выполненія надъ пассивною матеріальною силою...»

Въ воспоминаніяхъ своихъ о военныхъ дѣйствіяхъ въ Малой Азіи Лорисъ-Меликовъ не разъ упоминалъ о корреспондентѣ «Голоса» Григоріи Градовскомъ (Гамма). Ему очень нравилась книга послѣдняго о Скобелевѣ, какъ полезная для молодого военного поколѣнія. Самъ Градовскій былъ, по словамъ Лориса, образцомъ человѣка удивительной храбрости и мужества, во время «дѣлъ» всегда находившійся, не въ примѣръ многимъ другимъ корреспондентамъ, впереди и въ самомъ опасномъ мѣстѣ. Признавая чрезвычайную талантливость и отвагу въ Скобелевѣ, Лорисъ однако, находилъ, что въ нашемъ военномъ быту были люди не менѣе его достойныя удивленія, но о которыхъ говорилось мало. Такимъ былъ, на примѣръ, генераль Шульцъ, представленный къ Аннѣ первой степени со слѣдующей отмѣткой главнокомандующаго князя Горчакова въ его списокъ: «Генераль Шульцъ, взявъ четырехмѣсячный отпускъ, нашелъ наиболѣе для себя удобнымъ воспользоваться имъ на четвертомъ бастионѣ въ Севастополѣ», т.-е. въ одномъ изъ самыхъ опасныхъ мѣстъ, гдѣ царила смерть.

Въ это же посѣщеніе мною Лорисъ-Меликова я замѣтилъ, что атмосфера враждебности которою продолжало быть окружено его имя въ Россіи, повліяла на него въ смыслѣ возбужденія въ немъ крайне тревожной осторожности относительно переписки, что такъ шло въ противорѣчіе съ его, болѣе чѣмъ неосторожной, откровенностью въ бесѣдахъ и отзывахъ. Онъ рекомендовалъ своимъ знакомымъ особую сдержанность и осмотрительность въ письмахъ, идущихъ обычнымъ почтовымъ путемъ, прося, по возможности, прибѣгать для доставленія писемъ къ услугамъ ѣдущихъ за границу сановниковъ. Самъ онъ, однако, сколько мнѣ извѣстно, не прибѣгалъ къ этому способу относительно писемъ, посылаемыхъ имъ въ Россію, очевидно не будучи увѣренъ, что они неизмѣнно будутъ доставлены аккуратно, а не попадутъ въ чьи-либо нежелательныя, чрезмѣрно любознательныя руки. Отъ этого его письма такъ полны обѣщаніями «разсказать при личномъ свиданіи» и недомолвками—и проникнуты мелочами повседневной личной жизни, среди свѣдѣній о которыхъ лишь изрѣдка прорывается вздохъ сдержанной боли или заглушаемаго негодованія. Каждое пропавшее письмо къ нему или отъ него его тревожило и волновало. Благодаря этому, личныя объясненія его были необходимымъ дополненіемъ къ нѣкоторымъ мѣстамъ его писемъ. Такъ, на примѣръ, еще до вторичнаго пріѣзда моего въ Висбаденъ онъ писалъ мнѣ (26 іюля 1885 г.), что провелъ съ однимъ изъ своихъ бывшихъ сотрудниковъ цѣлый день во Франк-

фуртъ, «умудрившись просидѣть на одномъ диванѣ, не вставая, восемь часовъ»—и прибавлялъ: «при свиданіи передамъ Вамъ нѣкоторыя подробности». Оказалось, что эти подробности состояли въ томъ, что этотъ сотрудникъ, вполне одобрявшій, въ свое время, взгляды и намѣренія «диктатора» и выражавшій готовность раздѣлить его служебную судьбу, проѣзжая черезъ Франкфуртъ,—человѣкъ, пышущій здоровьемъ и силами,—не далъ себѣ труда заѣхать къ больному Лорису, а избѣгая возможныхъ намековъ на то, къ кому и зачѣмъ онъ заѣзжалъ въ Висбаденъ, вызвалъ его къ себѣ, зная, что наголодавшійся отсутствіемъ интересныхъ для него людей, Лорисъ не утерпитъ и пріѣдетъ... «Онъ говорилъ со мною поучительнымъ и покровительственнымъ тономъ и выразилъ нѣкоторое сожалѣніе, что я—не у дѣлъ», съ горечью сказалъ мнѣ Лорисъ.

Съ благодарнымъ чувствомъ вспоминаю я, что вообще все, что касалось меня, живо интересовало Лориса. Всякая моя работа или служебная со мной перемѣна вызывали съ его стороны сочувственный откликъ.—«Дорогой мой Анатолій Ѳедоровичъ,—писалъ онъ мнѣ 14 февраля 1885 года,—изъ полученныхъ сегодня утромъ русскихъ газетъ, узнаю, что Вы назначены Оберъ-Прокуроромъ Кассац. Деп-та. Не будучи твердо знакомъ съ табелью о рангахъ судебного вѣдомства, я не знаю—слѣдуетъ ли признать назначеніе это за повышение или же нужно отнести его къ простому перемѣщенію на равносильную должность. Иное дѣло, если бы Вы были назначены Сенаторомъ или Старшимъ Предсѣдателемъ Палаты (sic!)—, тогда и сомнѣніямъ моимъ не оставалось бы мѣста». При свиданіи, когда я ему подробно объяснилъ значеніе должности Оберъ-Прокурора и кругъ его дѣятельности, онъ чрезвычайно радовался за меня и очень интересовался затѣмъ моими кассационными заключеніями, за которыми слѣдилъ по газетамъ. Особенное его вниманіе привлекали дѣла объ оскорбленіяхъ въ печати, по которымъ пришлось устанавливать новую практику уголовного кассационнаго суда взамѣнъ теоріи, по которой клеветникъ въ печати признавался безотвѣтственнымъ, если утверждалъ, что *полагалъ*, что сообщаемое имъ не ложно, а соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Уложеніе о наказаніяхъ говорить о взысканіяхъ за клевету, не опредѣляя этого понятія, и Сенату пришлось, въ свое время, разъяснить, что подъ клеветою разумѣется завѣдомо ложное обвиненіе кого-либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести. Жизнь показала однако, что такія обвиненія, подчасъ грозяшія самыми тяжкими послѣдствіями виновному и составляющія «поджогъ его чести», размѣровъ и предѣловъ котораго не можетъ предусмотрѣть и ограничить даже

и самъ клеветникъ, очень часто распространяются съ безсовѣстнымъ легкомысліемъ, съ преступною довѣрчивостью ко всякому слуху, дающему пищу злорадному любопытству. Пришлось пойти дальше и разъяснить, что подъ клеветою должно быть понимаемо не только *завѣдомо ложное*, но и *не завѣдомо истинное* обвиненіе въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести. Но жизнь, въ своемъ вѣчномъ движеніи, поставила вскорѣ другой вопросъ. Было распространено съ умысломъ не завѣдомо вѣрное извѣстіе о полученіи образованнымъ и воспитаннымъ случайнымъ посѣтителемъ парижскаго ресторана, производившимъ въ пьяномъ видѣ шумъ и беспорядокъ. нѣсколькихъ пощечинъ и о послѣдовавшемъ затѣмъ выталкиваніи его вонъ. Оскорбителъ защищался тѣмъ, что, дѣлая сообщеніе неprovѣреннаго и совершенно лживаго слуха, онъ не обвинялъ обиженнаго въ какомъ-либо дѣйствіи, противномъ правиламъ чести, такъ какъ полученіе пощечины не есть дѣйствіе получившаго ее, и, слѣдовательно, здѣсь не можетъ быть основаній для обвиненія въ клеветѣ. Пришлось снова пойти дальше—и явилось разъясненіе нашего кассационнаго суда о томъ, что и тутъ есть наличность клеветы, такъ какъ было разглашено ложное обстоятельство о такомъ обращеніи съ жалобщикомъ, которое ложится тяжкимъ пятномъ на личное достоинство подвергшагося такому обращенію, приводя къ неизбѣжному выводу, что это поруганіе его чести вызвано его собственными дѣйствіями, при которыхъ онъ самъ своею честью не стѣснялся и ею не дорожилъ. «Заключеніе Ваше по дѣлу редактора «Новаго Времени» (обвиняемаго въ оклеветаніи въ печати бывшаго военнаго прокурора Ахшарумова въ служебномъ преступленіи)—писалъ онъ 8 ноября 1886 года,—какъ и надо было ожидать, вызвало большую тревогу въ нашей прессѣ, и только «Русскія Вѣдомости» № 297, хотя и въ коротенькой, но въ весьма дѣльной статьѣ, отнеслись честно и разумно къ этому вопросу.—Мнѣ кажется, что Вы напали на самое больное мѣсто нашей подневной и періодической печати. Вотъ почему большинство редакцій, чуя бѣду, застонало, какъ стонетъ больной, когда операторъ, безъ помощи хлороформа, накладываетъ ножъ, чтобы извлечь изъ тѣла злокачественный вредъ или карбункулъ. Надо надѣяться, что судебныя учрежденія наши станутъ отнынѣ строго придерживаться выраженныхъ Вами воззрѣній и одобренныхъ Сенатомъ. Если надежда эта осуществится, то печать, отбросивъ широкое практикованіе клеветы и диффамаций, примется серьезно за разработку многихъ общественныхъ нашихъ вопросовъ и участіе ея въ дѣлахъ этого рода, какъ доказано прошлыми примѣрами, можетъ принести громадную пользу какъ правитель-

ству, такъ и обществу»—«Надѣюсь, что ничто не воспрепятствуетъ Вамъ, — пишетъ онъ 30 сентября 1885 г. по поводу принятаго мною на себя обвиненія начальника одного изъ техническихъ Главныхъ Управленій передъ уголовнымъ кассационнымъ департаментомъ, преданнаго Государственнымъ Совѣтомъ суду за превышеніе власти, вызывавшее на мѣстахъ случаи лихоимства и разныхъ злоупотребленій въущербъ казнѣ, — чтобы достойно покарать этого господина, если онъ окажется виновнымъ въ возводимомъ на него преступленіи. Жалѣть этихъ господъ не слѣдуетъ и потому еще болѣе, что они въ свою очередь любятъ бѣшено накидываться и горланить о взяточничествѣ какого-либо урядника, околоточнаго надзирателя или маленькаго и много-семейнаго чиновника, которому дали 5 или 10 рублей. Вышему слою надлежитъ показывать примѣръ безкорыстія, — а ужъ если кто изъ нихъ проштрафится — пусть и отвѣчаетъ по заслугамъ»... Когда я послалъ ему въ 1888 году мои «Судебныя рѣчи», онъ отвѣчалъ на эту присылку теплой телеграммой, и при свиданіи, уже близкій къ смерти, много говорилъ объ этой книгѣ которою я, по его словамъ, «сдѣлалъ свое дѣло».

Еще въ сентябрѣ 1885 года Лорисъ-Меликовъ писалъ мнѣ, что предвидитъ необходимость вернуться на родину. «Врачъ мой Фрахтенштейнъ, — говоритъ онъ, — начинаетъ намекать на необходимость скорѣйшаго отъѣзда моего на югъ, но я откладываю еще эту поѣздку, желая дождаться здѣсь бѣльшаго разъясненія событій, нынѣ совершающихся на Балканахъ. Хотя всѣ серьезныя газеты единогласно предвѣщаютъ безкровный исходъ Болгарскаго эпизода, но невозможно ручаться, чтобы какая-либо новая случайность не осложнила дѣла и не вовлекла насъ въ вооруженную распрю — крайне нежелательную и несвоевременную. Въ этомъ прискорбномъ для насъ случаѣ, приличіе обяжетъ меня, не обращая никакого вниманія на хилость и запаль мой, достигшій, съ наступившею холодною погодою, до чудовищныхъ размѣровъ, — перебраться немедленно изъ-за границы на нашъ югъ (Кіевъ, Одессу или Крымъ). Будемъ однако надѣяться, что на этотъ разъ гроза минуетъ насъ и что Н. Г. Гирсъ сумѣетъ съ честью и достоинствомъ выбраться изъ ловушки, поставленной намъ кн. Баттенбергомъ и его учителями». Но даже помимо приведенныхъ мотивовъ, его начинало тянуть домой. «Заканчивая настоящее письмо, — говоритъ онъ въ концѣ сентября 1885 г., — хочу сказать нѣсколько словъ по поводу дружески откровеннаго мнѣнія, выраженнаго Вами въ письмѣ ко мнѣ изъ Берлина, отъ 7-го сентября. — Начну съ того, что мнѣніе Ваше возымѣло уже свое дѣйствіе и, не далѣе, какъ на прошлой

недѣлѣ, въ семейномъ совѣщаніи, мы рѣшили возвратиться въ Петербургъ раннею весною—въ первыхъ числахъ мая. Сообщая Вамъ Анатолій Федоровичъ, объ этомъ, я долженъ однако оговориться, что стремлюсь возвратиться въ отечество не для того, чтобы посвятить себя, какъ Вы указываете, работѣ по званію члена Госуд. Совѣта.—Къ работѣ этой едва ли я теперь пригоденъ;—хилая старость взяла уже меня въ свои объятія, а при такой гостѣ—немыслимъ серьезный или усидчивый трудъ.—Вотъ почему желаю возвратиться на родину—ради самаго себя и изъ эгоистическихъ побужденій;—хочу жить вблизи такихъ немногихъ лицъ, общеніе съ которыми вліяетъ на меня гораздо благотворнѣе, чѣмъ всевозможные микстуры, порошки и ванны, столь обильно и ретиво прописываемые врачами на всѣхъ курортахъ»... Лѣтомъ 1886 года Лорисъ дѣйствительно прибылъ въ Петербургъ, и я навѣстилъ его, пріѣхавъ для этого изъ Гунгербурга, гдѣ я жилъ. Я засталъ его очень нервнымъ, похудѣвшимъ еще сильнѣе чѣмъ прежде, и съ замѣтными признаками одышки при малѣйшемъ волненіи. Глаза его лихорадочно горѣли, руки были сухи и горячи. «Отецъ родной,—началъ онъ,—вы, вѣроятно, уже слышали, что въ Петербургѣ шипятъ про меня, что я пріѣхалъ попытаться опять попасть во власть. Какой вздоръ! Мнѣ нуженъ снова долгій отпускъ,—я убѣдился, что не могу жить въ этомъ климатѣ даже лѣтомъ, не имѣю силъ поѣхать и на Кавказъ и перенести все, что тамъ пришлось бы почувствовать... Вѣдь я на службѣ—и какъ генераль адъютантъ и какъ членъ Государственнаго Совѣта... Мнѣ необходимо было лично ходатайствовать о разрѣшеніи. Но что я пережилъ во время пребыванія въ Петербургѣ! Отецъ родной, вы это можете себѣ представить! Теперь послѣ того, какъ я былъ милостиво принятъ, и Государь, участливо отнесся къ состоянію моего здоровья, далъ мнѣ разрѣшеніе на безсрочный отпускъ,—скорѣй, скорѣй изъ Петербурга! Мнѣ столь многіе здѣсь противны до невыносимости. Душа моя! Когда я былъ диктаторомъ, они толклись въ моей пріемной такъ, что проходу не было, и мнѣ приходилось видѣть ихъ душу, вывороченную наизнанку... Отецъ родной! Какая это гадость!».. И онъ уѣхалъ за границу, откуда ему уже не суждено было возвращаться...

Съ новымъ переѣздомъ за границу потянулась для него однообразная жизнь, преимущественно въ нелюбимой имъ Ниццѣ, въ которую упорно водворяли его врачи. Онъ постоянно мечталъ не возвращаться въ эту, какъ онъ выражался, «золоченую для него трущобу», мало вѣрилъ въ цѣлебную силу ея климата, хотя не отрицалъ, что «нѣкоторыхъ немощныхъ дѣйствительно исцѣ-

ляетъ и *согрѣваетъ* тамошнее *горячее* солнце, въ то время, когда другихъ *нагрѣваетъ* рулетка въ Монте-Карло и стая кокотокъ, составляющихъ непремѣнный атрибутъ этого игорнаго дома» (письмо отъ 8 ноября 1886 года). Посѣщенія разныхъ русскихъ празднотцевъ, ничего не давашія его впечатлительной душѣ и жадному уму, не удовлетворяли его.—Изъ замѣчательныхъ русскихъ людей ему довольно часто одно время приходилось видѣться съ М. Е. Салтыковымъ-Щедринымъ, но раздражительность послѣдняго дѣйствовала на его нѣжную душу тягостно. «Онъ сильно боленъ,—пишетъ онъ мнѣ про Салтыкова,—осунулся, а вслѣдствіе этого сталъ еще болѣе раздражителенъ и тяжелъ. Бесѣда съ нимъ, признаюсь, не представляетъ ничего заманчиваго или пріятнаго; одна только желчь и огульное порицаніе всѣхъ и cadaго. Безспорно, что Господь надѣлилъ его мозгами весьма широко; но мозги эти смазаны такою густою темно-желтою краскою, что до свѣтлыхъ цвѣтовъ и не доберешься.—Полагаю, что всѣ сатирики одного склада съ Салтыковымъ»... Не часто и мимолетно появлялись у него интересные люди изъ *чужихъ*. Такъ онъ сообщалъ мнѣ, что его очень оживило знакомство съ поэтомъ Боденштедтомъ (Мирза-Шаффи), съ бывшимъ префектомъ Парижа при Тьерѣ—Леонемъ Рено и съ бывшимъ губернаторомъ Меца—гр. Генкелемъ фонъ-Доннерсмаркомъ. Лишь черезъ большіе промежутки приходилось ему хоть немного «отводить душу» съ наѣзжавшимъ изъ Петербурга преданнымъ другомъ всей семьи—Эзовымъ и съ проѣзжавшимъ черезъ Ниццу докторомъ Бѣлоголовымъ, къ которому онъ питалъ большое довѣріе и уваженіе. Но въ общемъ, при все усиливающемся грудномъ страданіи, въ которомъ, подъ успокоительнымъ именемъ бронхитовъ и плевритовъ, скрывалась злая и непобѣдимая чахотка, жилось ему тоскливо. «Персоналъ моихъ посѣтителей,—писалъ онъ мнѣ,—весьма разнообразенъ и обширенъ, даже болѣе, чѣмъ было бы желательно, но при всемъ томъ я избѣгаю сближенія съ кѣмъ-либо, а пользуясь массою книгъ и журналовъ, зачитываюсь иногда по вечерамъ почти до одурѣнія»... Къ этому присоединились и нѣкоторыя матеріальныя затрудненія. «Бѣда въ томъ,—говоритъ онъ въ письмѣ изъ Ниццы отъ 19 марта 1887 г.—что при угнетенномъ состояніи курса нашего рубля трудно живется въ дорогихъ санитарныхъ пунктахъ и всѣ дѣлаемыя сокращенія въ собственномъ бюджетѣ мало помогаютъ дѣлу»... Вѣсти же, приходившія изъ Россіи, были тоже мало для него утѣшительны. Въ господствующихъ общественныхъ кругахъ, какъ отголосокъ теорій, развитыхъ въ свое время вліятельнымъ московскимъ публицистомъ и его послѣдователями, проповѣдывался своеобразный культъ

власти, какъ власти, совершенно независимый отъ ея неправленія и границъ, при чемъ правительство разсматривалось не какъ средство управленія, а какъ самодовлѣющая цѣль. Понятно, что попытка Лорисъ-Меликова направить работувъ смыслѣ продолженія дѣятельности Александра II громко провозглашалась преступленіемъ противъ Россіи,—и голоса объ этомъ не могли не доходить до его изстрадавшихся отъ всякихъ навѣтовъ ушей... Вмѣстѣ съ тѣмъ сходили понемногу со сцены и тѣ люди, въ которыхъ онъ привыкъ видѣть справедливыхъ цѣнителей своей дѣятельности и личности. Особенно поразила его смерть Александра Васильевича Головнина. «Развернувъ «Новое Время»,—писалъ онъ мнѣ 8 ноября 1886 года изъ Ниццы,—я на первой же страницѣ, совершенно неожиданно, прочиталъ скорбную вѣсть о кончинѣ добрѣйшаго и почтеннаго А. В. Головнина! Можете судить, какое потрясающее впечатлѣніе произвело на меня это извѣстіе. Всю ночь провелъ я, конечно, безсонную, разстроился, и только благодаря усиленнымъ приемамъ брома могъ со вчерашняго дня войти въ свое нормальное состояніе. Застарѣлая болѣзнь и иныя причины настолько уже развинтили мои нервы, что не всегда бываю уже въ силахъ справиться съ ними... Итакъ, изъ рядовъ нашихъ снова выбылъ человекъ, котораго даже злѣйшіе враги признавали образцомъ благовоспитанія и приличія. Торговля убѣжденіями и привязанностями была немыслима для Головнина. Главная же заслуга Александра Васильевича заключалась въ томъ, что онъ служилъ какъ бы соединительнымъ звеномъ между людьми, хотя и разныхъ профессій, но одинаково и горячо любящихъ свое отечество и готовыхъ посвятить всѣ свои способности и силы на служеніе родной землѣ»... Последнее письмо отъ Лорисъ-Меликова я получилъ въ Киссингенѣ въ началѣ іюля 1888 года изъ Вѣве. «Дней десять тому назадъ,—писалъ онъ,—я имѣлъ уже свѣдѣніе о намѣреніи Вашемъ навѣститъ меня. Можете себѣ представить, насколько извѣстіе это порадовало меня. Вѣдь прошло уже почти четыре года съ тѣхъ поръ, какъ прекратились наши дружескія бесѣды; мимолетную встрѣчу нашу въ 86 году въ Петербургѣ нельзя признать за свиданіе. Вотъ почему мнѣ будетъ такъ отрадно провести съ Вами нѣсколько вечеровъ и наговориться досыта. Переѣздъ изъ Киссингена до Вѣве потребуетъ около 15 часовъ времени, но я увѣренъ, что Вы не откажетесь принести мнѣ эту жертву»... Въ половинѣ августа въ Вѣве, въ Hotel Monnet, я засталъ Михаила Таріеловича въ постели, съ которой онъ вставалъ уже рѣдко, снѣдаемый лихорадкой. Окружающіе были удручены его состояніемъ, Бѣлоголовый безнадежно

началь головою. Три дня провелъ я съ нимъ, оставляя его лишь для необходимой трапезы. Онъ какъ будто сознавалъ, что уходить, хотя никакого намека на это не дѣлалъ. Я нѣсколько боялся разговоровъ и разспросовъ на «злобу дня», чтобы не волновать его, но онъ самъ касался вопросовъ русской современности очень поверхностно, а настойчиво обращался къ общимъ темамъ преимущественно философскаго и общественнаго характера. Не разъ возбуждалъ онъ вопросы о связи духовной и животной природы человѣка и о роковомъ вліяніи послѣдней на первую, усиленно подчеркивая свои сомнѣнія въ самостоятельномъ существованіи души и въ возможности ея загробнаго существованія и добродушно подшучивая надо мною, когда я съ нимъ не соглашался. Но въ постоянномъ возвращеніи къ этимъ вопросамъ, въ желаніи вызывать меня на опроверженія, какъ бы чувствовалось желаніе услышать передъ недалекимъ концомъ ободряющее увѣреніе близкаго по душѣ человѣка, что это конецъ только видимый, а не дѣйствительный. Наконецъ пришлось разстаться: служебныя дѣла призывали меня въ Петербургъ. Мы провели цѣлое утро вмѣстѣ, и онъ видимо сердился, когда кто нибудь мѣшалъ намъ бесѣдовать. Я долженъ былъ ѣхать послѣ обѣда, который предстояло раздѣлить съ семьей Лорисъ-Меликова. Передъ обѣдомъ всѣ домашніе зашли за мною. «Идите, идите!—сказалъ онъ имъ:—онъ сейчасъ придетъ... Ну, прощай спасибо, другъ! Поцѣлуй меня—и прощай!»—Да я зайду еще послѣ обѣда,—сказалъ я...—Нѣтъ, не нужно, мнѣ слишкомъ тяжело; я хочу проститься теперь»... и онъ притянулъ меня къ себѣ и обнялъ, а затѣмъ тихонько оттолкнулъ отъ себя. «Ну, идите, идите, васъ ждутъ»... Я чувствовалъ, что мы болѣе не увидимся и, пересиливая себя, взглянулъ въ послѣдній разъ на это милое, исхудалое лицо, на которомъ уже лежала печать смерти, пощадившая лишь одни глаза, горѣвшіе попрежнему огнемъ мысли... Долженъ сознаться, что я очень опоздалъ къ обѣду...

13 декабря того же года, присутствуя въ Харьковскомъ Технологическомъ институтѣ на испытаніи гидравлическимъ прессомъ прочности шпаль, взятыхъ изъ-подъ Императорскаго поѣзда, потерпѣвшаго 17 октября крушеніе между Борками и Тарановкою, я услышалъ, какъ одинъ изъ экспертовъ-инженеровъ сказалъ другому: «а Лорисъ-то-Меликовъ умеръ, въ Харьковѣ получено объ этомъ извѣстіе»...

«Изъ равнодушныхъ устъ услышалъ смерти вѣсть я,
Неравнодушный ей внималъ я».

А. Ѳ. Кони.

Изъ временъ возникновенія моей картины „Бурлаки на Волгѣ“.

I.

Нева—первое впечатлѣніе.

Несмотря на тайную титаническую гордость духа внутри себя, въ жизни я былъ робкій, посредственный и до трусости непредпріимчивый юноша. Особенно я (и до сихъ поръ осталось во мнѣ) не любилъ путешествій и всякихъ экскурсій.

Такъ и въ 1868 г., работая въ академической мастерской къ конкурсу на мал. зол. медаль—надъ программой «*Іовъ и его друзья*», я почти отъ зари до зари проводилъ время въ добросовѣстныхъ этюдахъ къ картинѣ, покидалъ мастерскую только для сада Академіи, гдѣ писалъ *этюды на воздухѣ*, да на отдыхъ въ квартирѣ, недалеко отъ Ак. Худ., гдѣ я только ночевалъ. Академическій коридоръ 4-го этажа, какъ и сейчасъ, лѣтомъ былъ особенно оживленъ молодыми голосами конкурентовъ-товарищей: пѣли, свистали, громко смѣялись и цѣлыми ватагами сговаривались о прогулкѣ куда-нибудь на острова—встрѣчать восходы солнца бѣлыхъ ночей и знакомиться съ окрестностями Петербурга, находились славильщики: по ихъ словамъ эти задворки поражали своей красотой и новостью. Я не вѣрилъ и сторонился.

Конкурентамъ запрещалось уставомъ показывать свой трудъ товарищамъ; въ мастерскія другихъ не входили, и предпріимчивые товарищи ловили отшельниковъ въ коридорахъ. Праздники я предпочиталъ не работать и любилъ проводить время въ семействѣ, гдѣ были подростки барышни. Тамъ мы большей частью играли въ фанты и танцевали до упаду—я очень любилъ танцевать.

Сосѣдъ мой по мастерской, программистъ-вольнослушатель, К. А. Савицкій, былъ особенно общительный и большой затѣйникъ прогулокъ и всякихъ исканій новизны впечатлѣній.

— А, Рѣпинъ, я тебя давно ловлю,—кладя руку на мое плечо, торопился онъ.—Поѣдемъ завтра на этюды по Невѣ, до Усть-Ижоры.

— Ой, вотъ застаешь врасплохъ,—уклоняюсь я,—я вовсе не думалъ ѣздить такъ далеко... И этюдникъ мой надо привести въ порядокъ для такого путешествія, у меня все въ развалѣ.— Я привыкъ тутъ, какъ дома: наложу красокъ на палитру и спускаюсь даже безъ всякаго ящика въ нашъ садъ; и патурщикъ тутъ же казенный... Куда тамъ еще?! «собакъ дразнить»... какъ говорятъ наши хохлики.

— Ну какъ тебѣ не осточертѣли эти казенные Алексѣи и Иваны!—возражаетъ онъ запальчиво.—И садишко... все это стѣны и стѣны, вѣдь ты тутъ никакого пространства не знаешь... Вздоръ все это, собирайся; я тебѣ мигомъ приспособлю твой этюдникъ... Посмотрѣлъ бы ты, какіе берега! А за Рыбацкой! У колонистовъ—прелестныя мѣста! Завтра, въ 7—8 час. утра, мы ѣдемъ на пароходѣ, не кобенясь, душенька,—властно и настойчиво заключилъ онъ,—давай-ка этюдникъ!

И дѣйствительно: онъ мигомъ обработалъ всѣ мои приспособленія въ этюдникѣ и такъ ловко, что я въ удивленіи, невинно гляючи, не могъ даже ничѣмъ помочь ему, боясь помѣшать.

А утромъ мы уже бурлили по Невѣ и я былъ въ несказанномъ восхищеніи отъ красотъ береговъ и свободы вдыханія чистаго воздуха; погода была чудесная.

Ѣхали быстро и къ раннему полдню мы проѣзжали уже роскошныя дачи на Невѣ; онѣ выходили очаровательными лѣстницами, затѣйливыми фасадами и особенно—все это оживлялось больше и больше къ полдню—блестящей разнаряженной публикой. А всего неожиданнѣе для меня—великолѣпнымъ цвѣтникомъ барышень,—мнѣ казалось—невиданной красоты!.. Боже, сколько ихъ!! И всѣ онѣ такія праздничныя, веселыя, всѣхъ такъ озаряетъ яркое солнце. Какія нарядныя! А какіе цвѣта модныхъ матерій! Да такіе же цвѣты и кругомъ по клумбамъ окружаютъ ихъ... Глаза разбѣгаются во всѣ стороны, ничего не уловишь; путается и тасуется сказочный, невиданный еще мною міръ праздника; и какъ его много, безъ конца!

Но вотъ ходъ замедлили: станція. Берегъ высокій. Двумя развѣтвляющимися широкими лѣстницами, обставленными *терракотовыми вазами* съ цвѣтами, къ площадкамъ по срединамъ спускаются группы неземныхъ созданій; слышенъ беззаботный говоръ, остроумный и розовый смѣхъ перловыхъ зубовъ. Тутъ и мужчины, и молодые люди-студенты, и военные мундиры такъ энергично оттѣняютъ цвѣтникъ бѣлыхъ, палевыхъ и крас-

ныхъ зонтиковъ... Ну, право же, все это букетъ дивныхъ живыхъ цвѣтовъ; особенно лѣтнія яркія широкія дамскія шляпы, газовыя вуали и цвѣты, цвѣты... А духи...запахъ упоительныхъ ароматовъ доносится даже къ намъ, на пароходъ—чары, чары до невѣроятной фантазіи... Ну, спасибо Савицкому, безъ него я бы никогда этого не увидѣлъ. И это счастье было такъ близко: вѣдь не прошло и двухъ-трехъ часовъ, какъ мы вышли изъ Академіи... Для меня это была совершенно неожиданная новость. До этихъ поръ я былъ полонъ гордой мысли украинскаго военнаго поселеннаго, что кромѣ Малороссіи нигдѣ въ мірѣ ничего уже хорошаго быть не можетъ; спорилъ съ товарищами, что харьковская соборная колокольня выше колокольни Исаіевскаго собора, а Петербургъ стоитъ на болотѣ, кругомъ его болото; а здѣшняя природа, одни *пристриженные*—до гадости чахлые кустики сѣвера... И вдругъ такая роскошь растительности, такой густой, брызжущій свѣжестью цвѣтъ зелени. И сирень, и каштаны, и липы... а береза-то, береза! Вѣдь у насъ ее совсѣмъ почти нѣтъ!.. Что же объ этомъ молчать!.. Но еще: на всемъ этомъ райскомъ фонѣ надо признать—всего красивѣе люди, ужъ гдѣ намъ дуракамъ—тутъ. Какъ чисто одѣты! Съ какимъ вкусомъ сидятъ на нихъ платья! А на самый обворожительный предметъ—*барышень*—я уже боюсь даже глаза останавливать: втянуть, не оторвать потомъ, будутъ грезиться и во снѣ... Что-то опьяняющее струится отъ всѣхъ этихъ дивныхъ созданій красоты. Я былъ совершенно пьянъ этимъ животрепещущимъ роемъ!

Эхъ, возрастъ, возрастъ!.. Вѣдь подумаютъ, я преувеличиваю, попросту лгу на старости... Однажды (также въ тѣ же времена) день, проведенный въ Лиговѣ, былъ полонъ такихъ же чудесъ и красотъ. Но когда, 20 лѣтъ спустя, я поѣхалъ туда же искать дачу на лѣто,—ясно представлялъ въ воображеніи, даже до мелкихъ примѣтъ, и дорогу, и расположеніе мѣстности и всѣхъ дачъ... Я проѣздилъ весь долгій день, утомилъ извозчика и не нашелъ *ничего прежняго*, все уже было по другому, прозаично, бѣдно и скучно...

Ну, что разсуждать—къ солнцу! Къ свѣту! Моя живая картина была само солнце, безъ пятенъ—глазъ не оторвать отъ ея красоты и блеска...

— Однако, что это тамъ движется сюда?—спрашиваю я у Савицкаго. —Вотъ то темное, сальное, какое-то коричневое пятно—что это ползетъ на наше солнце?

— А! это бурлаки бичевой тянутъ барку; bravo, какіе типы! Вотъ увидишь, сейчасъ подойдутъ поближе—стоитъ взглянуть.

Я никогда еще не былъ на большой судоходной рѣкѣ и въ Петербургѣ, на Невѣ, ни разу не замѣчалъ этихъ чудищъ «бурлаковъ» (у насъ въ Чугуевѣ «бурлакой» называютъ холостяка бездомнаго).

Приблизились. О, Боже, зачѣмъ же они такіе грязные, оборванные! У одного разорванная штанина по землѣ волочится и голое колѣно сверкаетъ, у другихъ локти повылѣзли, нѣкоторые безъ шапокъ; рубахи-то, рубахи! Истлѣвшія, подѣлившіяся—не узнать розоваго ситца, висящаго на нихъ полосами и не разобрать даже ни цвѣта, ни матеріи, изъ чего онѣ сдѣланы; вотъ лохмотья!.. Влегшія въ лямку груди обтерлись, до красна, оголились и побурѣли отъ загару... Лица угрюмыя, иногда только сверкнетъ тяжелый взглядъ изъ-подъ пряди сбившихся, висячихъ волосъ, лица потныя блестятъ и рубахи насквозь потемнѣли... Вотъ контрастъ съ этимъ чистымъ ароматнымъ цвѣтникомъ господъ! Приблизились совсѣмъ, эта व्यючная ватага стала пересѣкать дорогу спускающимся къ пароходу... Невозможно вообразить болѣе живописной и болѣе тенденціозной картины!!! И что я вижу! Эти промозглыя, страшныя чудовища съ какою-то доброю, дѣтскою улыбкою смотрятъ на праздныхъ, разряженныхъ баръ и любовно такъ оглядываютъ ихъ и ихъ наряды. Вотъ пересѣкшій лѣстницу передовой бурлакъ даже приподнялъ бичеву своей загорѣлой черной ручищей, чтобы прелестныя сальфиды-барышни могли спорхнуть внизъ...

— Вотъ невѣроятная картина!—кричу я Савицкому.—Никто не повѣритъ!..

Дѣйствительно, своимъ тяжелымъ эффектомъ бурлаки, какъ темная туча, заслонили веселое солнце; я уже тянулся вслѣдъ за ними, пока они не скрылись съ глазъ. Ну, и пароходъ нашъ тронулся дальше; мы скоро нагнали барку и видѣли уже съ профиля и нагруженную *разшиву* и всю бичеву, отъ мачты до лямокъ. Какая допотопность!

Вся эта сказочная баркаролла казалась мнѣ и смѣшной и даже страшной своими чудовищными возницами.

Какой однако это ужасъ, говорю я ужъ прямо — люди вмѣсто скота впряжены! Сав., неужели нельзя какъ-нибудь болѣе прилично перевозить барки съ кладями, напр., буксирными пароходами?

— Да, такіе голоса уже раздавались,—Савицкій былъ умница и практически зналъ жизнь.—Но буксиры дороги; а главное, эти самые व्यючные-бурлаки и нагрузятъ барку, они же и разгрузятъ ее на мѣстѣ, куда везутъ кладь. Поди-ка тамъ поищи рабочихъ-крючниковъ — чего бы это стоило!.. Са-

вицкій мнѣ нравился за то что онъ былъ похожъ на студента и разсуждалъ всегда резонно.

— А ты посмотриль бы, какъ на верховьѣ Волги и по всей системѣ каналовъ, въ лямкѣ бичевой тянуть — произнесъ онъ. Вотъ дѣйствительно ужъ диковенно. Тамъ — всякой твари по парѣ выпряжено, и всѣ дружно тянуть, смѣясь: и баба, и лошадь, и мужикъ, точно нарочно, чтобы міръ почудить — и все это по крутому берегу: такъ эффектно на воздухѣ рисуются... Всему этому я уже плохо вѣрилъ, я былъ пораженъ своей картиной и почти не слушалъ его — все думалъ... Всего интереснѣе мнѣ казалась картина, какъ черная потная лапа поднялась надъ барышнями, и я рѣшилъ непремѣнно писать эскизъ на эту сцену.

Но программа «Ювъ и его друзья» поглощала все время этюдами къ ней; развлеченіемъ ближайшимъ была игра въ городки въ академическомъ саду, на мѣстѣ нынѣшняго склада дровъ. Постоянными товарищами въ игрѣ были: И. П. Ропетъ (архитекторъ), Мих. Кудрявцевъ (живописецъ) И. С. Богомоловъ (тоже архитекторъ) и др. Е. К. Макаровъ, Урлаубъ.

Однако и посреди игръ, и въ знакомомъ семействѣ съ барышнями, я не могъ отдѣлаться отъ группы бурлаковъ и дѣлалъ разные наброски то группы, то отдѣльныхъ лицъ.

II.

Федоръ Александровичъ Васильевъ

(пейзажистъ).

Около этого времени у И. Н. Крамского я познакомился съ Фед. Александр. Васильевымъ. Это былъ феноменальный юноша; Крамской его обожалъ — не могъ нарадоваться и въ его отсутствіе безконечно говорилъ только о Васильевѣ. Ему было всего 19 лѣтъ и онъ только что бросилъ должность почталіона, рѣшивши всецѣло заняться живописью. Легкимъ мячикомъ онъ скакалъ между Шишкинымъ и Крамскимъ, и оба эти его учителя полнѣли отъ восхищенія геніальнымъ мальчикомъ.

Мнѣ думается, что такую живую, кипучую натуру, при прекрасномъ сложеніи, имѣлъ развѣ Пушкинъ. Звонкій голосъ, заразительный смѣхъ, чарующее остроуміе съ тонкой насмѣшкой до дерзости этого счастливца завоевывалъ всѣхъ своимъ молодымъ веселымъ интересомъ къ жизни: къ нему всѣхъ тянуло, и самъ онъ зорко и быстро схватывалъ всѣ явленія кругомъ, и люди, появляющіеся на сцену, сейчасъ же становились его клавиршами, и онъ мигомъ вплеталъ ихъ въ свою житейскую комедію и игралъ ими, громко шутя.

И какъ это онъ умѣлъ, не засиживаясь, побывать на всѣхъ выставкахъ, гуляньяхъ, каткахъ, вечерахъ и находилъ время посѣщать всѣхъ своихъ товарищей и знакомыхъ. Завидная подвижность. И что удивительно: бѣдный человѣкъ—одѣтъ всегда по модѣ—съ иголки; случайно *кое-какъ* образованный, онъ казался и по терминологіи, и по манерамъ не ниже любого лицеиста; не зная языковъ, онъ умѣлъ кстати вклеить французское, латинское или смѣшное нѣмецкое словечко; не имѣя у себя дома музыкальнаго инструмента, онъ могъ разбирать съ листа ноты, кое-что акомпанировать и даже сыграть *Quasi una fantasia* Бетховена—это особенно меня удивляло... Я былъ свидѣтелемъ не разъ его восторговъ высшаго порядка, поэтическихъ вдохновеній (но это было послѣ, на Волгѣ). Въ искусствѣ онъ отлично зналъ Кушелевскую галерею, и всѣ славные, модные тогда имена французскихъ и нѣмецкихъ художниковъ такъ и сыпались съ его языка: Т. Руссо, Тройонъ, Добиньи, Коро, Гогѣ, Рулофсъ и др.; разумѣется, какъ пейзажиста, его интересовали большей частью пейзажисты, нѣмцы—Кнаусъ, Вотье, Маккартъ, Лессингъ. Мейсонье,

Несмотря на разницу лѣтъ—ему было 19, а мнѣ около 26—онъ, съ мѣста въ карьерѣ, взялъ меня подъ свое покровительство и я имъ нисколько не тяготился; напротивъ, съ удовольствіемъ совѣтовался съ нимъ. Въ этихъ случаяхъ изъ беззаботнаго балагура-барина Васильевъ вдругъ превращался въ серьезнѣйшаго лектора, и за его совѣтами чувствовался какой-то традиціонный вѣсъ. Откуда? Я не разъ былъ пораженъ; я уже кончалъ академическіе курсы, какъ конкурентъ на золотыя медали, а въ продолженіе четырехъ съ половиной лѣтъ слушалъ усердно и научные курсы; а онъ—вчерашній почтальонъ, юнецъ, цинично хохоталъ надъ Академіей Художествъ и всѣми ея традиціями; а ужъ особенно надъ составомъ профессоровъ, не будучи никогда даже въ ея стѣнахъ... чудеса! Ко мнѣ онъ заходилъ только на квартиру, въ д. Шмидта, на 5-й л., гдѣ жилъ я тогда съ мальчиномъ-братомъ, вытщеннымъ мною изъ провинціи.

— Ну, что братъ!—разсыпается его мажорный голосъ, едва онъ переступить мой порогъ.—А, бурлаки! Задѣло-таки тебя за живое?!. Да, вотъ она жизнь, это не чета старымъ выдумкамъ убогихъ старцевъ... Но знаешь ли, боюсь я, чтобы ты не вдался въ тенденцію. Да вижу, вижу—эскизъ акварелью... Тутъ эти барышни, кавалеры, дачная обстановка, что-то вродѣ пикника; а эти чумазые ужъ очень какъ-то искусственно «прикомпаниваются» къ картинкѣ для назиданія: смотрите, молъ, какіе

мы несчастные уроды, гориллы... Охъ, запутаешься ты въ этой картинѣ—ужъ очень много разсудочности... Картина должна быть шире, проще, что называется—самой по себѣ...

— Бурлаки, такъ бурлаки, я бы на твоёмъ мѣстѣ поѣхалъ на Волгу—вотъ гдѣ, говорятъ, настоящій традиціонный типъ *бурлака*, вотъ гдѣ его искать надо; и чѣмъ проще будетъ картина, тѣмъ художественнѣе...

— Ого! куда хватилъ,—со скребомъ въ сердцѣ почти ворчу я. Меня онъ облилъ холодной водой и я готовъ былъ отшатнуться отъ его души.—Не во время и, особенно, не по средствамъ, мнѣ твоя фантазія. И я нисколько не жалѣю.

— Еще бы, знаю тебя: ты тутъ, въ своей академіи, такъ усидѣлся, что даже мохомъ обрастать началъ,—и онъ звонко и плѣнительно разсыпался здоровымъ смѣхомъ. Меня начиналъ сердить его покровительственный тонъ съ насмѣшкой. И я угрюмо думалъ: все же онъ еще мальчикъ сравнительно со мною. Вспомнилъ, какъ однажды, послѣ его смѣлости (до нахальства) у Крамского въ цѣломъ обществѣ, по поводу какого-то серьезнаго разговора, я обратился потомъ за разъясненіемъ къ Ивану Николаевичу:—Этотъ птенецъ не по лѣтамъ смѣлъ,—ворчалъ я,—въ вашемъ и И. Ив. (Шишкина) присутствіи онъ до неприличія забывается. Какъ вы его считаете? Что онъ такое?—спросилъ я серьезно.

--- Ахъ, Васильевъ?! Это, батюшка, такой феноменъ, какого еще не было на землѣ!.. О, вы познакомьтесь съ нимъ хорошенько, рекомендую—*талантъ*! Да вѣдь какой талантъ и, вообще, я такой одаренной натуры еще не встрѣчалъ: его можно сравнить съ баснословнымъ богачемъ, который при этомъ щедръ сказочно и бросаетъ свои сокровища полной горстью направо, налево, не считая и даже не цѣня ихъ...

Чудо-мальчикъ—Васильевъ, такъ необыкновенно одаренный, былъ тактиченъ и проницателенъ тоже не по лѣтамъ.

Онъ пристально взглянулъ на меня.

— О, что это? Ты уже не вздумалъ ли надуться на меня за мои же заботы о тебѣ!—И онъ опять весело расхохотался, блестя своими сѣрыми, живыми глазами, какъ-то особенно ласково.

Я невольно сдаюсь.

— Да вѣдь ты знаешь, что я не имѣю средствъ развѣзжать по Волгамъ, къ чему же и раздраживать напрасно и выбивать изъ колеи,—уже смягчаясь, разсуждаю я.

— Средства?! А сколько тебѣ *средствъ* понадобилось бы? Ну, душенька, не серьезничай—давай считать...

— Вѣдь ты же знаешь, что со мной еще братъ живетъ, и его пришлось бы взять... Вѣдь это—на три мѣсяца! Двоимъ двѣсти руб., не менѣе, понадобилось бы... Да, однимъ словомъ, давай говорить о другомъ...

— Что ты, что ты,—уже дѣлаясь какимъ-то необыкновенно вліятельнымъ лицомъ, произносить докторально Васильевъ.— Слушай серьезно: вотъ, не сойди я съ этого мѣста,—прожаргонилъ онъ комично,—черезъ двѣ недѣли я достану тебѣ 200 руб. Собирайся, не откладывай—готовься; и братъ твой—этотъ мальчикъ, намъ пригодится. Все же, знаешь, въ неизвѣстномъ краю лучше, когда насъ будетъ больше.

А я до такой степени вдругъ возмутился Васильевымъ, что даже обрадовался его скорому уходу: онъ всегда куда-то спѣшилъ, ему всегда не сидѣлось нигдѣ. Поднявшись, онъ продолжалъ:

— Да только, знаешь ли, ты остригись,—онъ остановился въ передней и отечески мягко сталъ назидать меня:—будь приличнымъ молодымъ человѣкомъ. Ну, какъ тебѣ не совѣстно запускать такіе патлы; вѣдь это ужасъ—какъ деревенскій дьячокъ!.. Ахъ, да—художникъ... Вотъ я ненавижу этихъ Худяковыхъ и tutti quanti. Эти длиннополья шляпы, волосы до плечъ, опошлѣвшая гадость! Меня разбираетъ такое зло и смѣхъ, глядя на этихъ *печатныхъ художниковъ*, такая вывѣска бездарности...

Васильевъ меня уже раздражалъ этою своею развязностью *большого* и становился все непріятнѣе. Въ передней онъ кокетливо передъ зеркаломъ, не торопясь, одѣлъ свой блестящій цилиндръ на свою прическу—сейчасъ отъ парикмахера; все платье на немъ было модное, сидѣло, какъ на модной картинкѣ, и все съ иголочки.

— А я удивляюсь на твой шикъ,—не безъ злобы уже говорю я:—вотъ я презираю франтовство и франтовъ...

— Ну, не сердись, не сердись, Ильюха. Вѣрь, что черезъ два мѣсяца ты одѣнешь такой же цилиндръ самъ—и все прочее, и будешь моднымъ кавалеромъ... Ахъ, ужъ эти мнѣ *Шананы*... Ну, прощай, и помни обо мнѣ! Черезъ двѣ недѣли я буду у тебя съ возможностями; а черезъ три—мы катимъ по Волгѣ... А!? Ты только подумай! Ты увидишь настоящихъ бурлаковъ!!! А?!. Адъё, mon cher!

Это уже какое-то нахальство: Хлестаковъ, подумалъ я; какъ малаго ребенка, онъ ублажаетъ и туманитъ меня. Но этого я даже уже и не ждалъ—смѣшенъ и не замѣчаетъ, какъ онъ пересаливаетъ. Конечно, это онъ слышалъ какого-нибудь важнаго

барина: тотъ такимъ же покровителемъ, вѣроятно, вытаскивалъ его изъ бѣдныхъ, и онъ туда же! Вотъ хлыщъ!.. А Крамской?.. Неужели онъ такъ ослѣпленъ, что не видитъ этого хвастуна?..

Надо распросить серьезно.

— Ого! Федоръ Александровичъ пообѣщалъ вамъ свою протекцію?—отвѣчалъ весело и серьезно Крамской.—Можете быть увѣрены, что онъ это сдѣлаетъ. У него есть большой покровитель, гр. Строгановъ: это рука-владыка въ Обществѣ Поощр. Художниковъ; а главную дѣйствующую роль, какъ исполнитель, тутъ, разумѣется, сыграетъ Дм. Вас. Григоровичъ. Этотъ тоже души не чае въ Васильевѣ; они его въ послѣднее время совсѣмъ избаловали даже; но Васильевъ этого стоитъ.

„Посмотримъ, посмотримъ“, думалъ я про себя и не переставалъ сомнѣваться.

III.

Сборы на Волгу.

Но черезъ двѣ недѣли дверь ко мнѣ особенно энергично распахнулась и Васильевъ въ героической позѣ герольда, поднявъ высоко бѣлую бумагу, весело смѣялся своими крѣпкими зубами.

— Получай, кавалеръ! Вотъ тебѣ талонъ на 200 руб. А что? Я правъ! Ну, теперь—сборы.

Онъ разсказалъ, какого удобнаго фасона онъ купилъ себѣ длинный узкій сундукъ и прочиталъ длинный списокъ закупокъ, что еще, какъ онъ думалъ, необходимо требовалось ему и намъ.

Тутъ были и хлысты, и краги для верховой ѣзды и 1, 2 паръ лайковыхъ перчатокъ, и дюжина галстуховъ и т. д., всего не перечести; бѣльемъ онъ былъ раньше обезпеченъ; духи, мыла, одеколоны, дезинфекціонныя снадобья, дорожная аптечка, спиртъ, надувныя подушки и пр. и пр. Я впалъ въ разсѣянность, рѣшивъ про себя, что этого мнѣ ничего не надо.

Вечеромъ я опять у Крамского.

— О, какой вы скептикъ; но вы, рѣшительно, вижу я, не знаете Васильева. Видѣли ли вы его работы?

— Нѣтъ,—отвѣчаю я.—А гдѣ ихъ можно видѣть? И что онъ сдѣлалъ? Вѣдь онъ же и въ Академію еще не поступалъ...

Крамской уставилъ на меня свои сѣрые, пронизательные глаза:—Если это не иронія, и вы изрекаете правду, какъ думаете, то...—онъ развелъ руками.—Да вы поскорѣй должны просмотрѣть работы Фед. Алекс.... А что онъ не былъ въ Акад. Худож., такъ въ этомъ, можетъ быть, и есть его счастье. Но онъ имѣетъ превосходнаго руководителя въ Шишкинѣ.

Въ 17-й линіи В. О., въ маленькомъ, одноэтажномъ, низенькомъ домикѣ семейной собственности Васильевыхъ, я засталъ Васильева за работой. Въ самой лучшей и самой большой и все же, очень маленькой, сравнительно, комнаткѣ, въ два окна, у него стояло двѣ вещицы на дрянныхъ треножкахъ-мольбертахъ...

Я зашелъ отъ свѣта, чтобы видѣть картинки, и онѣмѣлъ: картинки меня ошарашили...

Я удивился до полной сконфуженности:

— Скажи, ради Бога, да гдѣ же ты такъ преуспѣлъ?—лепечу я...—Неужели это ты самъ написалъ?! Ну, не ожидалъ я...

— Благодарю, не ожидалъ!—весело засмѣялся Ф. А.—А учитель, братъ, у меня превосходный—Ив. Ив. Шишкинъ, прибавь еще всю Кушелевку, и ужъ, конечно, самую великую учительницу: натуру, натуру! А, Крамской чего стоитъ!?

— Небо-то! Небо!...—начинаю я восторгаться.—Какъ же это? Неужели это безъ натуры?! Я никогда еще не видывалъ такъ дивно вылъпленныхъ облаковъ, и какъ они освѣщены!! Да и все это какъ-то совершенно по-новому...

Васильевъ приблизился къ мольберту.—А? Эти кумулюсы? А они мнѣ не нравятся, я все боюсь, ищу...—Онъ присѣлъ бокомъ къ мольберту, взялъ стальной шпатель и вдругъ, безъ всякой жалости, началъ срѣзывать великолѣпно вылъпленную купу облаковъ надъ водою...

— Ахъ, что ты дѣлаешь!.. Развѣ возможно губить такую прелесть!.. Но онъ уже работалъ тонкой кистью по снятому мѣсту, и новый мотивъ неба жизненно трепеталъ уже у него на холстѣ... Я столбенѣлъ отъ восхищенія...

— А это? висѣла еще картинка; изображалась цѣлая стѣна темной высокой груши малороссійскаго типа; картина была напитана горячимъ солнцемъ. Кое-гдѣ висѣло на переднемъ заборчикѣ разныхъ цвѣтовъ вымытое бѣлье, сохло... Вотъ оригинально: такъ темно и такъ солнечно—удивляюсь я, всякій тутъ пересолил-бы бѣлилами...

— Какъ это ты справляешься съ небомъ такими маленькими кистями?—спрашиваю я.

— О, я всегда работаю маленькими, колонковыми: ими такъ хорошо лѣпить и рисовать формочки... А мазать квачами, какъ заборы, такая гадость, ненавижу мазию.

— Хорошо ты сдѣлалъ, что зашелъ ко мнѣ; я намѣревался даже къ тебѣ. Къ тебѣ есть два дѣла, два вопроса, выражаясь высокимъ слогомъ, и эти дѣла долженъ сдѣлать ты. Ну уже ты, пожалуйста, не прикидывайся недорослемъ, возьми въ обѣ руки свое вниманіе и внимай: ты хорошъ съ Исѣвымъ, и Академія

(т.-е. онъ, Исѣевъ) тобою дорожить—пожалуйста, не приподнимай такъ бровей и не прикрывайся личиной идіота.—Знаемъ, братъ, про тебя, все знаемъ, но не въ этомъ дѣло.

— Иди ты къ Исѣеву и проси, чтобы онъ похлопоталъ намъ даровой проѣздъ по Волгѣ, у него есть рука въ К^о «Самолетъ»—понялъ? Это часть официальная; а вотъ часть, такъ сказать, семейная: хорошо-бы намъ взять еще *четвертаго*... Ахъ, вотъ идетъ четвертый. Ну, ну, Романъ, держись крѣпче, не шатайся.—Изъ другой комнаты вышелъ начинающій ходить мальчикъ и храбро направился къ Васильеву.

— Это мой братъ—Романъ, котораго я люблю больше всей жизни, только онъ одинъ могъ бы остановить меня теперь въ моемъ рѣшеніи ѣхать на Волгу. Ну, повѣришь-ли, я его такъ люблю! Такъ люблю...Ну, милый Рома, иди, иди ко мнѣ, ну, ну, ахъ, ты мое сокровище...Онъ взялъ его на руки и усѣлся на стулъ... Ахъ, да—съ Романомъ, я все забываю... Такъ вотъ, имѣешь ли ты кого на примѣтъ четвертымъ въ нашу компанію.

— Вотъ недумалъ, отвѣчалъ я въ раздумьѣ,—развѣ Кириллыча?

— Ха, ха, ха!—весело взорвался онъ отъ неожиданности.—Вотъ одолжилъ! «Благодарю, не ожидалъ»!.. Охъ, но этотъ столбъ миргородского повѣта не поѣдетъ—куда ему—вотъ смѣхъ... И какъ это ты выговорилъ его имя?

— Да вѣдь онъ очень просится ѣхать съ нами, очень желаетъ.

— Беремъ, беремъ! «Благодарю—не ожидалъ»!—шутить уже Васильевъ нараспѣвъ...

IV.

П. О. Исѣевъ.

Всемогущій конференцъ-секретарь Им. А. Х. былъ тогда во всей силѣ. Ко мнѣ онъ благоволилъ и особенно послѣ моего бунта, о которомъ надо рассказать.

По уставу Ак. Худ. 1859 г. при Академіи былъ научный курсъ, растянутый *на шесть лѣтъ*.—Кромѣ *спеціальныхъ предметовъ* проходились и нѣкоторые элементарные: физика, часть химіи, всеобщая исторія, русская исторія, русская словесность (входила психологія), исторія церкви и законъ Божій и еще что-то. Было по двѣ лекціи въ день: *утромъ*—отъ $1\frac{1}{2}$ восьмого до $9\frac{1}{2}$ и днемъ отъ 3— $4\frac{1}{2}$ час. Считалось три курса, такъ какъ каждый курсъ шелъ два года.

Ученики, даже самые прилежные къ наукѣ, въ продолженіи первыхъ двухъ курсовъ въ 4 года такъ перетягивались въ сторону

искусства, что обыкновенно 3-й и 4-й курсы все рѣдѣли, пустѣли, и инспекціи надо было принимать мѣры къ понуканію учениковъ посѣщать лекціи и являться на экзамены. Разумѣется, единственная строгая мѣра—исключеніе изъ списка учениковъ.

Послѣ каникулъ вывѣшивался списокъ именъ переведенныхъ въ число вольнослушателей за неявку къ экзаменамъ.

Осенью товарищи сообщили мнѣ, что я въ числѣ исключенныхъ изъ учениковъ.

Морально я уже давно былъ готовъ къ выходу изъ академіи. И общественное мнѣніе, и особенно Крамской и всѣ его товарищи и артельщики совѣтовали мнѣ бросить конкурсы и становиться на собственные ноги.

Академія Художествъ была тогда не мало порицаема и осмѣяна нашей журналистикой: лучшія силы молодежи не доучивались и бросали ее. За 13-ю знаменитыми артельщиками тянулись нерѣдко; еще недавно бросили конкурсы: Максимовъ, Бобровъ особенно Бобровъ, этого Корифея звали будущимъ Рембрандтомъ, вдругъ оставилъ, будучи уже на положеніи программиста (мастерская, стипендія 15 р. въ мѣсяцъ и казенная натура).

Передъ наукой я благоговѣлъ, въ теченіе 4-хъ лѣтъ курсы посѣщалъ усердно, экзамены сдавалъ хорошо, но на 5-омъ году, какъ только я получилъ мастерскую и сталъ готовиться къ программѣ, я вдругъ «присталъ», какъ говорятъ о лошаdkѣ, выбившейся изъ силъ...

Увидѣвъ своими глазами, что я исключенъ изъ списка учениковъ, я вскипѣлъ и написалъ въ совѣтъ прошеніе. Ядовито указывалъ я совѣту на его пристрастіе къ элементарной грамотѣ не по своей спеціальности и компетенціи, а въ заключеніе просилъ уволить меня совсѣмъ изъ Ак. Художествъ, удостоивъ званіемъ «свободнаго художника» (я имѣлъ уже 5 серебряныхъ медалей, слѣд. имѣлъ на это право). Я закончилъ свое прошеніе словами, что я не намѣренъ долѣе оставаться въ Академіи Художествъ, гдѣ успѣхи въ искусствѣ измѣряются посредственными познаніями учебниковъ... что-то въ этомъ родѣ.

Прошеніе слѣдовало подать конференцъ—секретарю Исѣеву лично.

Петръ Оедор. Исѣевъ былъ похожъ на Наполеона; онъ былъ очень уменъ и проникателенъ. Акад. Худож. была въ полномъ его вѣдѣніи и онъ очень озабоченъ былъ борьбою съ «Артелью художниковъ». Въ моемъ поступкѣ ему чудилась интрига артели (онъ зналъ, что я вхожъ туда).

Пробѣжавъ быстро мое прошеніе, онъ безпокойно обмѣрилъ меня взглядомъ.

— Что это вы, Рѣпинъ, вѣдь это васъ настроили! Какъ это возможно. Ну, дадутъ вамъ званіе и что-же?

— Да мнѣ больше ничего и не надо,—скромно, но твердо поясняю я.

— Какой все это вздоръ. И в. Князь, и Совѣтъ рѣшили уже, что вы поѣдете за-границу, на казенный счетъ... Ахъ, да что тратить слова, вотъ вамъ ваше прошеніе!—Онъ разорвалъ его на четыре части и бросилъ въ корзинку. Ручаюсь вамъ: исключены изъ списка учениковъ вы не будете, и вы должны окончить Академію, какъ слѣдуетъ: для кого-же тогда ей существовать!..

Такъ было за годъ до нашихъ сборовъ на Волгу. Разумѣется, Исѣевъ намъ устроилъ даровой проѣздъ по Волгѣ: онъ далъ мнѣ письмо къ секретарю Цесаревны въ Аничковъ дворецъ, и насъ снабдили открытымъ листомъ О—ва «Самолетъ»,—отъ Твери до Саратова, какъ мы просили.

Петръ Ѳедоровичъ Исѣевъ былъ очень добръ ко мнѣ, и я всегда вспоминаю его съ большою благодарностью... А какъ уменъ былъ этотъ администраторъ и какимъ гипнотизирующимъ вліяніемъ обладалъ онъ въ бюрократической сферѣ: даже сосланный въ Сибирь и оттуда долго онъ посылалъ сюда, въ сферы, руководящія указанія и въ выборѣ лицъ, и мѣръ. Какъ странно однако, что его, даже много лѣтъ спустя, не коснулась ни одна амнистія.

А я, будучи еще ученикомъ, адресовался къ нему однажды съ гораздо болѣе рискованной просьбою отъ всѣхъ товарищей и имѣлъ плодотворный успѣхъ. Это тоже слѣдуетъ здѣсь занести въ лѣтописи т. ск. академической молодежи.

Въ срединѣ 60-хъ гг. и у насъ въ ошарпанныхъ еще до Исѣева коридорахъ Акад. Худ., и въ бѣднѣйшихъ трущобахъ ученическихъ вольныхъ квартиръ начали бурлить водовороты социалистическихъ ключей изъ нѣдръ общаго настроенія тогдашней подземной океанъ-рѣки. Товарища хотѣли устроить *кассу взаимопомощи* учениковъ Ак. Худ. Граверъ *Панезеровъ* (кривымъ выбритомъ черепомъ, низко надвинувшимся ему на маленькіе татарскіе глазки широкимъ ртомъ и большими ушами онъ былъ похожъ на острожника, но былъ добрый вятичъ—землякъ В. Васнецова)—Панезеровъ былъ инициаторомъ проекта; у него на квартирѣ тайно собирались много товарищей, тайно побывалъ и я.

Въ его двухъ комнатахъ было такъ накурено и стояла такая убійственная духота, несмотря на отворенныя окна и холодную октябрьскую ночь, а толпа такъ какъ-то робко бродила, не останавливаясь и не садясь—было не на чемъ—что о правильномъ собраніи нельзя было и думать. Распросивши еще въ стѣнахъ Академіи Панезерова, я видѣлъ, что ничего противоза-

коннаго, страшнаго въ этомъ незаконномъ скопищѣ нѣтъ, и я обратился теперь къ заправиламъ съ предложеніемъ: обратиться къ начальству Акад. Худож. и просить его разрѣшенія отвести намъ какой-нибудь классъ разъ въ недѣлю—собираться для выработки устава кассы и ея операций...

На меня презрительно загалдѣли лѣвые—друзья Панезерова—Ого!!! Кто это предполагаетъ? А кто это донесетъ начальству?! Да вѣдь прогонять! Къ чему же и разводить это предательство? Къ чему усложнять дѣло такой ерундой?!. Шумъ поднялся до стуковъ стульями и палками...

Но въ концѣ спѣлись: и такъ какъ дѣло считалось почти погибшимъ, то мнѣ, какъ виновнику предложенія сдачи, поручалось и идти лично къ Исѣеву и доложить ему уставъ, уже сформированный вчернѣ тайными собраніями товарищей.

— Какъ хорошо вы сдѣлали, что пришли съ этимъ прямо ко мнѣ,—сказалъ П. Ф. безъ всякаго удивленія, какъ будто ждалъ меня—знаете, я все время самъ думалъ объ этомъ и самъ хотѣлъ предложить ученикамъ основать кассу взаимопомощи. Уставчикъ я просмотрю потомъ. Но вотъ условіе: на засѣданіяхъ учениковъ будетъ, въ качествѣ товарища предсѣдателя, присутствовать помощникъ инспектора, нашъ милый Павелъ Васильевичъ Черкасовъ, его всѣ знаютъ, и ученики его очень любятъ... Судьба избаловала меня славой не по заслугамъ. Такъ было и съ кассой. Когда я пришелъ на первое засѣданіе, В. В. Черкасовъ сидѣлъ уже на мѣстѣ и балагурилъ съ учениками. При видѣ меня онъ громко произнесъ: «А вотъ онъ, нашъ Ромфоръ», и ученики встрѣтили меня громкими дружными аплодисментами. И въ послѣдствіи считали меня инициаторомъ кассы, а про Панезѣрова совсѣмъ забыли.

Касса эта существуетъ и до днесь.

П. Ф. понемногу привязывался къ Ак. Х. Учениковъ считалъ близкими, слѣдилъ за ихъ работами и самъ поддерживалъ ихъ заказами, и покупками собственныхъ пробъ учениковъ, разумѣется, выдающихся способностей, это вовсе не предосудительно. Такъ и я лично былъ поддержанъ имъ въ очень трудныя минуты жизни.

Я очень бѣдствовалъ; я придумывалъ разные способы для продленія своего существованія. До поступленія П. Ф. Исѣева, имѣя уже нѣсколько серебряныхъ медалей, я обращался съ прошеніями въ Акад. Худож. на имя кн. Гагарина (г. вице-президента А. Х.) и о пособіи, и о стипендіи, но безъ успѣха. Дѣлопроизводитель Зворскій, съ лицомъ самаго святаго постника, потемнѣвшій, казалось, отъ необыкновенной сдержанности, задушев-

нымъ, даже упавшимъ голосомъ, приподнявъ брови, кротко отвѣчалъ мнѣ однимъ словомъ: *отказано*. Онъ былъ корректный исполнитель, и мнѣ было очень жаль его, что онъ въ такой не-симпатичной роли... Я уже подумывалъ предложить себя въ натурщики Академіи: 15 р. въ мѣсяцъ и казенная квартира въ подвалахъ Академіи казалось мнѣ завиднымъ обезпеченіемъ. У натурщиковъ много свободнаго времени, и они зарабатывали еще на сторонѣ, слѣд. можно учиться. Но товарищи, кому я сообщалъ свое намѣреніе, смѣялись, покачивая головами; а Антокольскій даже строго, съ грустью осудилъ меня. Профессора не касались насъ, инспекторъ К. М. Шрейндеръ видимо избѣгалъ. И вотъ это первое начальственное лицо — Исѣевъ, которое не боится даже говорить съ нами. Каждое утро скромно, въ какомъ-то штатскомъ сѣромъ пальтишкѣ, этотъ приземистый человѣкъ обходилъ всѣ закоулки Авгіевыхъ стоилъ нашего стараго, запущеннаго зданія, и вездѣ начинались ремонты и улучшенія. По Кушелевской галлерей, недавно только размѣщенной въ тѣхъ же, что и сейчасъ, залахъ, онъ также проходилъ въ одни и тѣ же часы и подолгу простаивалъ за моей спиной. Я копировалъ «Словонца» Галле. Скромно, съ большимъ достоинствомъ онъ одобрялъ мою работу.

Понемногу я сталъ привыкать къ его визитамъ Кушелевки. Я вообще очень люблю умныя лица. Его простота и проницательность расположили меня настолько, что я рѣшилъ попытать еще разъ счастье просьбою о пособіи.

— А развѣ вы нуждаетесь?—тихо спросилъ онъ.—А эту копію вы дѣлаете по заказу?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ я ее у васъ покупаю; она, кажется, уже совсѣмъ готова? Какъ кончите, пришлите мнѣ ее со служителемъ и придите получить плату—надѣюсь, она не разоритъ меня, она мнѣ очень нравится. Этого «Словонца» многіе копируютъ, но ваша копія лучшая изъ тѣхъ, что я видѣлъ здѣсь.—Глаза наши съ симпатіей встрѣтились, я почувствовалъ въ немъ друга, не начальство...

Такъ и на Волгѣ, изъ грубыхъ тисковъ мѣстной полиціи, Исѣевъ могущественно выручилъ насъ, но объ этомъ впереди.

Игривыя предначертанія Фед. Александр. Васильева исполнялись съ точностью: черезъ три недѣли мы уже *ползли* по Волгѣ отъ самой Твери на плоскодонныхъ парходикахъ К^о «Самолетъ» и были въ безумномъ упоеніи отъ всего. Началось это празднество жизни у насъ еще съ самага начала сборовъ, какъ только я сдѣлался владѣтелемъ никогда раньше не бывшаго у меня

капитала въ 200 р. Сначала было закуплено все самое необходимое по авторитетнымъ доводамъ Васильева, напр. надувныя, гутаперчевыя подушки, оказавшіяся совершенно невозможными, по своей ласкѣ булыжника, и да сколько времени брали онѣ на дутье, и какъ долго страдали мы, приспособляясь то къ большей, то къ самой маленькой надутости ихъ пустого нутра.

Самую большую тяжесть въ моемъ чемоданѣ составляли спиртовки, кастрюли и закупленные въ достаточномъ количествѣ макароны, сушки, рисъ и бисквиты «Альбертъ». Мы ѣхали въ дикую, совершенно неизвѣстную міру, *область Волги*, гдѣ конечно ничего подобнаго еще не знали...

У брата моего была несокрушимая и незаглушимая ничѣмъ страсть къ музыкѣ. Въ Чугуевѣ онъ овладѣлъ въ совершенствѣ только хохлацкою *сопилкою* и не разставался съ нею и въ Петербургѣ, и на станціи *Марьино* (близъ Харькова), гдѣ онъ служилъ телеграфистомъ. Во время сборовъ въ дорогу, онъ сказалъ, что ему недостаетъ только *флейты* для полнаго счастья. Флейта была куплена и теперь, на Волгѣ, на палубѣ парохода, онъ часто уподоблялся Орфею, котораго слушали всѣ, особенно третьеклассные пассажиры и куры, которыхъ щедро кормилъ поваръ *на зарѣзъ*. Я ни мало дивился, какъ скоро мой Вася освоился съ заправскимъ инструментомъ, и какъ гармонически-безподобно шли звуки флейты къ широкимъ воднымъ и пустыннымъ пространствамъ. И мы слушали его, забываясь, подъ шумъ колесъ плоскодонной нашей *посуды*, какъ называютъ на Волгѣ всякое плавучее сооруженіе—расшиву, бѣлянну, тихвинку, косовушку, завозню и т. п.

V.

Е. К. Макаровъ.

Евг. Кирил. Макаровъ противъ своей воли оказался безконечно комичнымъ при всей своей серьезности. Онъ, какъ столбовой дворянинъ Миргорода, представлялъ достойно честь своего сословія и былъ одѣтъ лучше насъ: даже цилиндръ на головѣ. Сапоги его сіяли идеальною чернотою, воротнички — бѣлизной; всѣ вещи у него были особенной добротности; шутить онъ не любилъ. Шутливость всецѣло принадлежала Васильеву, онъ превосходилъ всѣхъ насъ. И чѣмъ серьезнѣе старался быть Кириллычъ, тѣмъ болѣе густымъ взрывомъ общаго хохота кончался финалъ его чопорности, и, ослабивъ толстыя хохлацкія губы, онъ и самъ добродушно присоединялся ко всѣмъ. Особенную гордость свою—своихъ

чистѣйшихъ рукавчиковъ не могъ онъ даже скрыть, и они послужили надолго предметомъ неудержимаго смѣха Куинджи.

Однажды они съ Макаровымъ и Кившенко пробирались на лодкѣ по отмелямъ Петровскаго острова. Куинджи отличался физической силой, но былъ съ лѣнцой. Лодка сѣла на мель. Макаровъ и Кившенко выбивались изъ силъ, чтобы сдвинуть лодку. Наконецъ, лѣнивый Пацюкъ Куинджи, призываемый товарищами, всталъ и пошелъ къ борту, взялъ весло, уперся въ берегъ и такъ двинулъ лодку съ досады, что Кириллычъ опрокинулся навзничъ черезъ бортъ лодки въ воду...

Ужась—не правда ли?! Но вдругъ раздался густой хохотъ Архипа: Макаровъ былъ въ водѣ весь, и только рукавчики его съ руками молили о помощи... Въ самую опасную минуту жизни, онъ подумалъ о чистотѣ своихъ рукавчиковъ.

Въ верховьяхъ Волги — мы начали ее отъ Твери — плоскодонцы наши ползли черепашымъ шагомъ; мы перезнакомились со всѣми дѣльцами: прасолами, рѣдчиками, купцами, повѣренными и разными прожекторами Сѣвера. Особенно много мы играли въ шахматы и тутъ не рѣдко попадали на настоящихъ заправскихъ игроковъ (теоретиковъ) и были убійственно сконфужены простоватыми на видъ провинціалами. По приказу Васильева мы были острижены *подъ гребенку* (№№ тогда еще не существовало), имѣя «чудной» видъ (чудной, а еще не стриженный — пословица). И это сначала заставляло степенныхъ торговцевъ, особенно изъ старовѣровъ, сторониться насъ; но Васильевъ былъ такъ очаровательно общителенъ, а братъ мой еще такъ провинціально-безхитростно откровененъ, что къ намъ скоро привыкали и отъ скуки льнули къ намъ, какъ мухи. Самый общій успѣхъ нашъ былъ на палубѣ. Тамъ за нашими спинами всегда стояла гуща зрителей и громко разясняла наши рисовальныя намѣренія; дѣловито, наскоро спрашивали насъ и быстро водворялась наша извѣстность: въ посудѣ мы становились своими.

Но не всегда же мы были съ альбомчиками. Васильевъ былъ завзятый, страстный охотникъ: онъ вытаскивалъ часто на палубу свою дорогую, превосходную двухстволку и увлекалъ публику до чертиковъ охотничьими разсказами.

У брата моего также было ружьишко—дешевенькое, и онъ не разставался съ нимъ, а на Васильева глядѣлъ, конечно, какъ на волшебнаго мага. Да и мы съ Кириллычемъ, хоть и не имѣли ружей и были всецѣло вѣрны только одному нашему искусству, а все же на этого чудо-мальчика, выскочку въ нашей области, забывъ всякое самолюбіе, смотрѣли широко открытыми глазами (и ртами за компанію) отъ удивленія.

VI.

Путешествіе.

Онъ поражалъ насъ на каждой мало-мальски интересной остановкѣ. Въ продолженіе 10 мин., если пароходъ стоялъ, его тонко-заостренный карандашъ съ быстротой машинной швейной иглы черкалъ по бумагѣ маленькаго листка его карманнаго альбомчика и обрисовывалъ вѣрно и впечатлительно цѣлую картину крутого берега съ покривившимися надъ кручей домиками, заборчиками, чахлыми деревцами и остроконечными колскольнями вдали. Вотъ и дорожка вьется на верхъ, прерываясь осыпями и зелеными лопухами; все до самой нижней площадки, пристани съ группами торговкокъ подъ огромными зонтиками и деревянными навѣсами надъ своимъ скрабомъ,—все ловить магическій карандашъ Васильева: и фигурку на ходу, и лошадку на бѣгу, до самой команды парохода: «отдай чалку»!

Пароходъ трогался, магъ захлопывалъ альбомчикъ, и онъ привычно нырялъ въ его боковой карманъ... Въ первые разы мы давались диву.

Особенно Кириллычъ; его изумленная, съ проѣденными на сластяхъ зубами, озадаченная фізіономія вопросительно уставляется на меня. — О!? Ну что ты скажешь? Вотъ—чертъ: я бы не успѣлъ и альбомчика удобно разставить... Вотъ тебѣ и Академія, вотъ и натуральные классы, и профессора? Все къ черту пошло: вотъ художникъ, вотъ профессоръ... Талантъ одно слово...

Это не была пустая фраза на языкѣ Кириллыча. Дѣйствительно, не прошло и недѣли, какъ мы взапуски рабски подражали Васильеву и до обожанія вѣрили ему. Этотъ живой, блестящій примѣръ исключалъ всякіе споры и не допускалъ разсужденій; онъ намъ былъ превосходнымъ учителемъ.

И училъ онъ насъ, хохоча надъ нашей дебелой отсталостью, радостно-любовно. — Талантъ!

Евг. Кир. Макаровъ, нѣкоторое время, совсѣмъ не показывалъ своего альбома Васильеву, что называется стыдился, и исчезалъ куда-нибудь въ таинственныя мѣста.

Но вотъ, наконецъ, Кириллычъ выползаетъ откуда-то и, ухмыляясь лукаво, прячетъ отъ Васильева свой колоссальный альбомъ: онъ только что сидѣлъ со своей тяжелой ношей въ трюмѣ, гдѣ онъ, облюбовавъ кого-то изъ лощмановъ, предавался своему запою рыцарскаго рисованія — *безъ резинки*.

— Ну, свѣтикъ, не стыдись, чего кобенишься, какъ поповна въ невѣсты, показывай,—ласкаетъ его Васильевъ своимъ дружескимъ подтруниваньемъ.

— Да вѣдь я не успѣлъ закончить,—ворчитъ Макаровъ; его вызвали свисткомъ... Э — чертъ... —Ну, ну—слыхали. Давай, давай...

— А!.. А-а! а вѣдь недурно, смотри, Илья: ай да Кирюха... Но только зачѣмъ же весь рисунокъ точно въ волосахъ? Волосы, волосы, волосы.

— Да понимаешь-ли я ищу, и при этомъ безъ резинки: да, хочу отучить себя отъ резинки,—бормочетъ, въ глубинѣ довольный собою Кириллычъ: онъ страстно любилъ свою работу.

— И надо острѣе чинить карандашъ,—продолжаетъ, не глядя на него, докторально Васильевъ. Такая гадость эти слѣпые, вялые штрихи. И ихъ совсѣмъ надо выбрасывать, особенно здѣсь, въ путешествіи. Ну къ чему эта скучная тушовка? Вѣдь это надо хорошо фиксировать, а то все размажется. Ив. Ив. Шишкинъ, бывало, въ лѣто дѣлалъ массу рисунковъ; фиксативомъ онъ ихъ не хотѣлъ портить, тогда еще молокомъ фиксировали. Такъ вотъ передъ отъѣздомъ онъ складываетъ всѣ рисунки (у него они всѣ одного размѣра) и по краямъ, безъ милосердія, приколачиваетъ ихъ насквозь гвоздями къ доскѣ: только это и спасаетъ отъ размазни въ дорогѣ, по деревнямъ вѣдь въ телѣгахъ, безъ ресоръ. Альбомъ-то, альбомъ! Ну-ка дай. Ой, ой, ой! Какая тяжесть; а бумага дивная. И размѣръ!.. Ну, какъ-же это ты будешь таскать на сеансахъ эту тяжесть?! Вѣдь подъ эту библію надо телѣгу запрягать.

Всѣ вещи Макарова отличались особою добротностью и цѣнностью; туалетомъ своимъ онъ занимался очень долго, внимательно; и даже ворчалъ со стономъ, если что-нибудь было въ неисправности. Вещичку дешеваго производства онъ отшвыривалъ съ презрѣніемъ и если долженъ былъ ее одѣть за неимѣніемъ лучшей, то съ горечью вздыхалъ: эхъ, чертъ возьми, средствъ нѣтъ!... Развѣ я носилъ-бы эту гадость!..

Ростомъ Макаровъ былъ выше насъ всѣхъ; дородству его мѣшалъ развѣ смуглый цвѣтъ лица, даже руки его, особенно отгѣненные бѣлизною рукавчиковъ, казались, точно въ перчаткахъ цвѣта гаванъ — тогда моднаго. Въ деревнѣ, впослѣдствіи, мужики считали его нашимъ пачальникомъ; тамъ безъ начальства немыслимо, а *по одежкѣ встрѣчаютъ*.

Евг. Кириллычъ долго чистился, мылся и прихорашивался всякое утро до выхода на этюды. На рукахъ рукавички, а на ногахъ сапоги добавляли ему еще больше работы: надо было самому все чистить... Съ высокими голенищами, охотничьи боты... Бывало, сбѣгаешь на этюдъ восхода солнца, бѣжишь въ припрыжку къ

чаю, а онъ, на крыльцѣ, все еще хокаетъ на матовое пятно на голенищѣ, неподдающееся полировкѣ...

— Да, Макаръ, это настоящій баринъ, а это-то, можетъ, изъ кантонистовъ, — разбирали насъ по своему обыватели Ширяева Бусрака, на Самарской лукѣ.

Но вѣдь это я, по своей нетерпѣливости, забѣжалъ впередъ. А мы еще все пыхтимъ въ верховья Волги и подъѣзжаемъ еще только къ «Плесамъ».

Была уже ночь; лунная, теплая, лѣтняя. Съ Васильевымъ мы какъ-то спѣлись: быстро узнавали долго-ли стоитъ на пристани пароходъ, и сейчасъ же на берегъ, навѣрхъ, подальше, мѣста смотрѣть.

Луна, какъ и искусство вообще, очаровываетъ насъ, обобщая формы, выбрасывая подробныя детали. Много подробностей беретъ она въ тѣни, много предметовъ заливаютъ своимъ серебрянымъ свѣтомъ, и вотъ—самыя пошлыя, можетъ быть, днемъ мѣста, теперь кажутся необыкновенно таинственными. Былъ уже второй часъ ночи; мирные обыватели спали съ открытыми окнами; густыя группы сирени пластично стояли въ неподвижности и поили ароматомъ садики, спускающіеся террасами къ Волгѣ. Еще какіе-то цвѣтушія фруктовыя деревья, а это розы. — И соловьи, соловьи.

— Посмотри, какія звѣзды,—говоритъ Васильевъ.—Бездонное небо и какая широта, туда вдаль, за Волгу! А надъ всѣмъ Творецъ... Помнишь «Якова Пасынкова»? Ахъ, отсюда необходимо зачертить этотъ мотивъ — какая красота! Но вотъ досада,—вскрикиваетъ онъ, — я забылъ свой альбомчикъ... —

— Возьми мой,—предлагаю я свой,—но неужели ты видишь при лунѣ?..

— Дай, дай.—И онъ быстро чертилъ и прекрасно зарисовалъ выступъ садика надъ обрывомъ, и этотъ набросокъ есть у меня въ альбомчикѣ того времени.

Послѣ этого зачертка на Васильева нашло какое-то вдохновеніе, эта истинная поэзія чувства, которая даже не поддается никакимъ словамъ. Она выливалась у него въ какой-то импровизаціи — это было стихотвореніе въ прозѣ, мелодекламация подъ звуки соловьевъ и лай собакъ вдали,—о необозримомъ мірѣ людей, погруженныхъ въ грезы сна... Его настроеніе передалось и мнѣ, и я почувствовалъ, что мы будто летимъ надъ всѣмъ раскинувшимся и исчезающимъ подъ нами луговымъ пространствомъ широкой Волги...

— А вѣдь это свистокъ нашей посуды!... А мы забрались, кажется, уже очень далеко; уже не попробовать ли намъ вер-

нуться напрямикъ сюда?.. Черезъ плетень.—И мы долго прыгивали разными темными обрывами, узкими переулками, перелѣзая черезъ высокіе плетни и заборчики, пока, наконецъ, поспѣли къ третьему звонку.

— Куда вы пропали, сердито ворчитъ Кириллычъ.—Капитанъ уже хотѣлъ отчаливать, и только я едва упросилъ... Публика ругается... Выдумали же въ дорогѣ исчезать и ночью въ незнакомомъ городѣ...

— Отдай чалку!—Слышится знакомый крикъ недовольнаго капитана, мы едва успѣли перескочить трапъ. «Бухъ, бухъ, бухъ, бухъ», запѣнилась Волга; и мы ужъ съ палубы не можемъ различить наши фантастичныя высоты.

И пошли опять безконечно долгіе дни, безнадежно однообразные берега. Видѣлъ я и смѣшанныя коллективныя усилія — людей и скотовъ обоого пола, тянувшихъ все тѣ же, невѣроятныя по своей длинѣ, бичевы; группы этихъ бурлаковъ рисовались силуэтами надъ высокими обрывами и составляли унылый прибавокъ къ весьма унылому пейзажу.

Это запѣвъ «Камаринской» Глилки, думалось мнѣ. И, дѣйствительно, характеръ береговъ Волги на російскомъ размахѣ своихъ протяженій даетъ образы для всѣхъ мотивовъ «Камаринской», съ той-же разработкой деталей въ своей оркестровкѣ. Послѣ безконечныхъ, плавныхъ заунывныхъ линій запѣва вдругъ выскачить дерзкій уступъ, съ какою-нибудь корявой растительностію, разобьетъ тягучесть неволи свободнымъ скачкомъ, и опять тягота безъ конца... Въ то время я любилъ музыку больше всѣхъ искусствъ, пробирался на хоры въ концерты Дворянскаго Собранія и потому и здѣсь къ необозримымъ, широкимъ видамъ примѣнялъ музыкальныя темы.

Васильевъ былъ необыкновенно музыкальная натура; онъ превосходно насвистывалъ лучшія мѣста знакомой музыки.

Макаровъ любилъ только живопись. Онъ увлекался до желанія копировать каждую выдающую вещь. Его завѣтною мечтою было скопировать «Явленіе Христа народу» Иванова.

Эта идея была для него Меккой магометанина. Копировалъ онъ дивно, съ такою точностію, такъ тонко и любовно, что его копіи нравились мнѣ болѣе оригиналовъ. Я очень жалѣю, что ему не удалось скопировать геніальное произведеніе нашего великаго аскета римскаго. Мы имѣли бы повтореніе и какое! Да искусство только и вѣчно и драгоцѣнно любовью художника. Вотъ напр., по заказу Дм. Вас. Стасова, Сѣровъ, еще будучи мальчикомъ, у меня въ Москвѣ, скопировалъ «Патріарха Никона» Вас. Гр. Шварца. Да, эта копія исполнена лучше оригинала,

потому что Сѣровъ любилъ искусство больше Шварца, и кисть его болѣе художественна.

На всѣхъ берегахъ Волги, т.-е. особенно на пристаняхъ, мы выбирали уже лучшія мѣста, чтобы остановиться, поработать на все лѣто. Разспрашивали бывалыхъ. И намъ дальше Саратова плыть не совѣтовали — тамъ-де уже скучныя и однообразныя мѣста пойдутъ: пространства широкія, берега расплзаются по песчанымъ отмелямъ, совсѣмъ теряются.

Лучше всего Жигули, говорили всѣ въ одинъ голосъ.

Неужели лучше Нижняго-Новгорода? Этотъ царственно-поставленный надъ всѣмъ Востокомъ Россіи городъ совсѣмъ закружилъ наши головы. Мы захлебывались отъ восхищенія, отъ его упоительныхъ далей, а на первомъ планѣ отъ его живой исторіи старой Руси съ ея художественностію и теплою людей, цѣнившихъ жизнь, сильныхъ людей хорошей породы. Эти не любили селиться гдѣ-нибудь и какъ-нибудь.

Противъ самой лучшей точки Жигулей, по нашимъ вкусамъ, стоитъ на плоскомъ берегу *Ставрополь* самарскій. На обратномъ пути изъ Саратова мы и рѣшились остановиться тамъ и пожить, осмотрѣться. Въ Саратовѣ мы не покинули каютъ нашего Самолета. Онъ, простоявъ трое сутокъ, шелъ обратно вверхъ до Нижняго-Новгорода,

И вотъ на пристани Ставрополь мы впервые высадились въ неизвѣстной странѣ «на Волгѣ». До города верстъ пять по луговой отмели, лихіе воровского вида извозчики съ веревочной упряжью, топорными телѣжками катили насъ на парѣ, какъ сумасшедшіе. Усѣвшись попарно, третьяго мы взяли для вещей и старались не упускать изъ виду нашихъ сундуковъ и чемодановъ. Съ запасами на все лѣто, они казались внушительными для захолустныхъ оборвышей.

— А есть ли въ Ставрополѣ хорошая гостиница? — спрашиваемъ мы нашего сорванца, когда, выбираясь изъ высохшаго русла половодей, онъ взбирался на горку потише.

— А какъ не быть; только вѣдь въ гостиницѣ дорого... А вы надолго въ городѣ остановитесь?

— Да, можетъ быть, недѣли на двѣ; а не знаешь ли ты квартирки вольной, гдѣ-бы мы могли пожить, чтобы намъ и пищу готовили?

— А какъ-же, да вотъ, хоть-бы у Буянихи — двѣ хорошія чистыя комнаты и готовить можетъ.

Вечеромъ и въ сумеркахъ становилось жутко. По руслу мы ѣхали, какъ въ каналѣ, ничего не видно за пригорками... А это что—какъ будто, скелетъ какого-нибудь допотопнаго ихтіозавра

раскинулся чуть не на сто саженой, вонъ куда мы должны его объѣзжать, а толщина! За нимъ ничего не видно — двѣ-три лошади одну на другую поставь и то не заглянешь... Вотъ чудо!

Что это такое?

— А это осокорь, стало-быть, льдомъ его сбило; да ужъ давно; видите, какой бѣленькій: вода всякую половодь его промываетъ, а годковъ полтора ста постоялъ. Обогнули, опять на дорогѣ; вотъ и стоячіе стали попадаться, сырые, у этихъ только бѣлые низы, пока ледъ подымался и обглодалъ ихъ, да на нижнихъ выступахъ нацѣплялась масса пловучаго хворосту и бурьяну!

Въ сумеркахъ все жутче становилось. Куда мы ѣдемъ и что найдемъ?

— Какъ же это, говорилъ версты три, а мы кажется уже верстѣ семь ѣдемъ,—тихонько ворчали мы, не безъ страха думая, что везетъ онъ насъ куда-нибудь къ разбойникамъ.

— А еще далеко?

Да уже близехонько: вотъ за тѣмъ косогорьемъ и городъ будетъ виденъ.—И онъ опять быстро покатишь между обшарпанными кустами, по извилистой дорогѣ... Страшно... Куда-то онъ насъ завезетъ!.. Ахъ, слава Богу, городъ виденъ. И мы радовались уже и скучнымъ плетнямъ и пошлымъ заборамъ; кое-гдѣ зажигались огоньки. Слава Богу.

— Къ Буянихѣ!—громко крикнулъ извозчикъ товарищу впереди съ сундуками. Прямо стало-быть на дворъ къ ней. Вотъ онъ. Дворъ разгороженный, крыльцо съ проломами; воротилки настежь, двери не затворяются. Сумерки. Вдали полураздѣтая дѣва мелькнула и исчезла. На сосѣднемъ крыльцѣ другой половины домишки какой-то усатый субъектъ разсматривалъ большой пистолетъ... дальше еще кто-то. Къ намъ, болтая толстымъ животомъ, спѣшила приземистая старушка.

— Пожалуйте, пожалуйста.—Голосъ добрый, но вѣдь это край неизвѣстный, дикій...

— Вотъ, вотъ сюда.—Комната въ три окна и къ ней—еще поменьше. Я попробовалъ послѣ—ни одно окно не закрывается...

На насъ всѣ глядѣли испуганно, это чувствовалось...

Ложась спать, мы загородили всякое окно барикадами, на случай, если бы разбойники полѣзли къ намъ...

Вышелъ анекдотъ: мы спали съ дороги, какъ убитые, а хозяевамъ мы, гладко стриженные, показались бѣглыми арестантами. Они со страху пригласили даже сосѣда, стараго солдата, съ кременнымъ пистолетомъ и не спали всю ночь, прислушиваясь у нашихъ дверей...

Мы прожили здѣсь полмѣсяца, уже не затворяя ни дверей, ни нашихъ сундуковъ. Хозяйка, которую мы прозвали «балакирь» — такъ называютъ на всемъ поволжѣ кувшинъ для молока, — оказалась добрѣйшимъ существомъ. Она кормила насъ на убой — вкусно, и такъ дешево стоила вся приносимая ею съ базара намъ провизія, что послѣ ея вздоховъ и оховъ о дороговизнѣ всего мы едва-едва могли удерживаться, чтобы не прыснуть со смѣху отъ этой баснословной дешевизны. Но мы строго считали сдачу и дѣлали серьезный видъ, пока наша Балакирь была здѣсь, и только по выходѣ ея раздражались неудержимымъ хохотомъ отъ этой захолустной мѣрки цѣнъ на продукты.

Ставрополь (Самарск. г.) стоитъ очень красиво на луговой сторонѣ, противъ Жигулей. Мы сторговали лодку на недѣлю и каждый день съ утра переѣзжали на ту сторону къ Жигулевскимъ высотамъ и исчезали тамъ въ непроходимомъ, вѣковѣчномъ лѣсу.

Съ Волги лѣсъ этотъ казался плотнымъ зеленымъ, уходящимъ въ небо, и только вблизи, въ его темныхъ глубинахъ, дѣлалось страшно карабкаться по скаламъ, чтобы взобраться куда нибудь вверхъ, откуда уже открывались необозримыя пространства на обѣ стороны степей и зеленое море густого лѣса — кленовъ, ясеней, дубовъ и пр. деревъ — отъ нашихъ ногъ раскатывавшаяся волнами и цѣлыми необъятными долинами между горъ. Вотъ парить большой коршунъ по голубой дымкѣ прозрачнаго воздуха надъ лѣсомъ... Васильевъ — о преступная страсть охотника — мигомъ умѣло вскидываетъ къ плечу двухстволку. Грянулъ выстрѣлъ и сталъ повторяться сказочнымъ эхомъ отъ всѣхъ далекихъ горъ, такъ правильно отдѣленныхъ отъ насъ воздушной перспективой. Дрогнувъ коршунъ въ воздухѣ и сначала криво, а потомъ быстро, какъ пуля, засвистѣлъ къ вершинамъ деревъ ниже насъ. Мы старались замѣтить мѣсто, чтобы поднять его въ лѣсу, но, слѣзая со скалъ, такъ запутались между громадными деревьями и густыми кустами орѣшника, что едва-едва выбились ужъ къ берегу Волги...

Что всего поразительнѣе на Волгѣ, это пространства. Никакіе наши альбомы не вмѣщали непривычнаго кругозора.

Еще съ середины Волги или съ парохода видишь на гористой сторонѣ, по свѣтлой полоскѣ движутся какіе-то комары; Боже, да вѣдь они шевелятся и едва-едва движутся впередъ... А это что за волосокъ тянется къ нимъ?! Да вѣдь это же бурлаки тянутъ барку бичевой по берегу гористой стороны. Подъѣзжаемъ: свѣтлая полоска оказывается огромнымъ отлогимъ возвышеніемъ до лѣса, сплошь покрытымъ и изрытымъ глыбами свѣтлаго из-

вестняка, песчаника и гранита, наваленнаго острыми обломками неперелазныхъ размѣровъ отъ верхнихъ скалъ въ лѣсу. Ну, и утомительно же въ этой природѣ, гдѣ, кажется, еще не ступала ни одна человѣческая нога.

Но какая чистота воздуха! Намъ уже хочется ѣсть. А не пора ли намъ къ обѣду? Балакирь теперь сокрушается, что у нея все перепрѣтъ. Я стараюсь подладиться подъ Васильева, чтобы грести дружиѣ.

Песчаный берегъ Ставрополя такъ живописенъ. Сюда съѣзжается много барокъ со всякими продуктами; здѣсь хозяева развѣшиваютъ паруса на солнцѣ и раскладываютъ товаръ. Поливанные горшки, миски чередуются съ таранью—воблой (по-волжски), а тамъ новыя колеса, дуги и прочіе житейскіе продукты. Подальше, на песчаномъ порогѣ, сдѣланномъ половодью при спадѣ водъ, сидятъ рыбаки съ сѣтями, кто чинить, кто заряжаетъ крючки червяками, словомъ, всякъ у своего дѣла. И мы не можемъ утерпѣть: вынимаемъ свои альбомчики и начинаемъ зарисовывать лодки, завозни, косовухи и рыбаковъ. Все это дивно-живописно, только фоны не даются намъ: ихъ не вмѣстятъ никакіе размѣры...

И. Рѣпинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній.

I. Людмила Александровна Волькенштейнъ.

Я долженъ начать свою замѣтку о Людмилѣ Александровнѣ Волькенштейнѣ признаніемъ своего безсилія дать характеристику, достойную этой идеально-чистой, благородной женщины.

Первая встрѣча съ такими людьми, какъ В. Н. Фигнеръ, Л. А. Волькенштейнъ неизгладимо волнуетъ душу, волнуетъ подобно картинѣ моря или тропическаго лѣса при первомъ созерцаніи. Въ этихъ необычайныхъ, свѣжихъ эмоціяхъ есть неуловимая поэтическая прелесть, которая рѣдко повторяется дважды въ жизни, и только психологическій анализъ показываетъ, что чудесная, пожалуй, таинственная власть надъ душою такого объекта, невыразимо взволновавшаго человѣка, не имѣетъ въ себѣ ничего мистическаго.

Раньше моего знакомства съ В. Н., я встрѣчалъ въ судебныхъ отчетахъ фамилію Фигнеръ. Сестры Фигнеръ, вслѣдствіе невольнаго смѣшенія, слились въ моей памяти въ одинъ образъ очень молодой дѣвушки, беззавѣтно преданной своей идеѣ, энергичной и вездѣсущей дѣвушки. Потомъ у насъ на югѣ возникли кружки, а у меня завязались знакомства. Однажды пришелъ ко мнѣ, нынѣ покойный, Иванъ Ивановичъ Свѣденцевъ (Ивановичъ) и говорить: «Что это васъ давно не видно? Почему вы перестали бывать у насъ?» Я отвѣтилъ, что очень занятъ, что меня назначили предсѣдателемъ комиссіи для повѣрки отчетности военно-санитарныхъ поѣздовъ (дѣло было послѣ турецкой войны). «А я уже думалъ, что вы отлыниваете, и мы рѣшили подѣйствовать на васъ женскимъ соблазномъ. Приходите-ка сегодня ко мнѣ вечеромъ; я васъ познакомлю съ очень хорошенькой дамочкой». Я надѣлъ новенькій сюртучекъ и отправился къ Свѣденцеву. Долго мы распивали чай втроемъ: хозяинъ, я и еще одинъ молодой человѣкъ, пріѣхавшій изъ Кіева, котораго мнѣ рекомендовали, какъ Ивана Ивановича Иванова. Наконецъ, дрогнулъ зво-

нокъ: Свѣденцевъ побѣжалъ въ переднюю, и въ комнату вошла небольшого роста, въ черномъ платьѣ молодая женщина, которая подошла прямо ко мнѣ и крѣпко пожала руку. Она стояла передо мной и пытливо на меня смотрѣла; я видѣлъ только ея большіе темные внимательные глаза. Она сѣла и заговорила съ И. И. Свѣденцевымъ; я же сидѣлъ молча въ раздумьѣ. Она назвалась Еленой Ивановной N (фамилію забылъ). Въ душѣ моей подымались изъ подсознательной глубины смутныя воспоминанія, имѣвшія какія-то тонкія связи съ настоящимъ. Что-то новое, но давно желанное, ожидаемое и призываемое, наконецъ, представало... И вотъ, въ силу какого-то озаренія во мнѣ явилась непонятная, но несокрушимая увѣренность, что я вижу передъ собой не Елену Ивановну, а ту Фигнеръ, которая давно занимала мои мысли, и вмѣстѣ съ этимъ явилась другая увѣренность, что эта женщина будетъ имѣть большое вліяніе на мою жизнь. Мое предчувствіе меня не обмануло: это была В. Н.; а о ея громадномъ вліяніи на дѣла и на людей не зачѣмъ распространяться.

Изъ врученнаго мнѣ обвинительнаго акта я впервые узналъ о Л. А. Волькенштейнъ. Тамъ свидѣтели ее описывали какъ красивую молодую даму и только. Немногія же ея заявленія обличали безстрашіе и спокойное достоинство. Она отвѣчала только на вопросы о фактѣ, за который ее судили, и о своей принадлежности къ партіи, подчеркивая свое глубокое сочувствіе и тѣмъ фактамъ, въ которыхъ она не принимала участія; такъ что прямо бросалось въ глаза ея безусловное убѣжденіе въ правотѣ своего дѣла. Мое воображеніе мнѣ рисовало въ тюрьмѣ, когда я вдумывался въ эти данныя, благороднаго фанатика, въ лицѣ молодой и красивой женщины.

На судѣ я увидѣлъ ее въ первый разъ. Она сидѣла на второй скамейкѣ на крайнемъ лѣвомъ мѣстѣ. Лицо ея сіяло радостью, точно она пришла на праздникъ; она весело улыбалась, рассматривая насъ, и, очевидно, радуясь свиданію съ товарищами. Защитника она не пожелала взять и на вопросы предсѣдателя отвѣтила, что не признаетъ этотъ судъ компетентнымъ и можетъ только заявить о своей принадлежности къ партіи Народной Воли, за всѣ дѣйствія которой она принимаетъ на себя отвѣтственность. Л. А. сидѣла рядомъ съ В. Г. Ивановымъ, и они сейчасъ же вступили въ оживленную и веселую бесѣду, которая тянулась во всѣ дни судебного засѣданія, несмотря на неоднократныя замѣчанія предсѣдателя: «Подсудимая Волькенштейнъ, перестаньте разговаривать!» «Подсудимая В., перестаньте смѣяться!» Когда прочитали смертный приговоръ В. Н., Л. А. и шести офицерамъ, одинъ изъ защитниковъ довольно громко про-

говорилъ: «Какой варварскій приговоръ! Бѣдная Волькенштейнъ!» Мы невольно посмотрѣли на нее: у нея было такое свѣтлое и ясное лицо, словно она шла навстрѣчу небесному жениху. Но когда засѣданіе было закрыто и мы прощались другъ съ другомъ и подходили къ Л. А., ея оживленное и прекрасное лицо выражало глубокую скорбь и состраданіе: она радовалась за себя и страдала за другихъ. Л. А. замѣнили казнь 15-лѣтней каторгой и, какъ я узналъ потомъ, она была этимъ обижена, обижена, конечно, потому, что не всѣ товарищи получили равное смягченіе ¹⁾).

Въ первые годы заключенія мы не видались другъ съ другомъ и сносились только стукомъ съ сосѣдями. Однажды она подошла къ двери моего сосѣда Ф. Н. Юрковского и, не обращая вниманія на двухъ жандармскихъ унтеровъ и смотрителя, громко проговорила у двери: «Вы гг. живете словно на другой планетѣ! Заведите переговоры съ нашей стороной!» Это предложеніе вызвало впервые и довольно неудачные опыты сношенія стукомъ съ противоположной стороной, на которой обитала Л. А. и, наконецъ, по ея совѣту мы стали стучать въ калориферъ и въ двери; такъ установились, несмотря на всѣ гоненія, общіе тюремные переговоры. Черезъ нѣсколько лѣтъ я увидалъ на прогулкѣ Л. А. черезъ щель между заборомъ и крѣпостной стѣной; но эти щели были забиты и взамѣнъ того были завоеваны маленькія форточки въ заборахъ между клѣтками, гдѣ прогуливались заключенные. Съ тѣхъ поръ мы видѣлись съ нашими дамами очень часто. Л. А. измѣнилась очень мало и, вообще говоря, оставалась до конца самымъ здоровымъ человѣкомъ въ тюрьмѣ. Стѣны и перегородки и всякія раздѣлявшія насъ ухищренія не помѣшали, конечно, нашему сближенію: у насъ стали завязываться дружескія связи не только съ сосѣдями, но и съ товарищами болѣе удаленными. Насъ переводили изъ камеры въ камеру только на время, по случаю, напримѣръ, ремонта. Потомъ, когда мы стали гулять и работать попарно, начальство не запрещало мѣняться мѣстами по взаимному соглашенію. Тогда къ В. Н. и Л. А. потянулись всѣ: каждому хотѣлось быть поближе къ нимъ — къ нашимъ любимымъ товарищамъ, и нашимъ дамамъ приходилось внести въ это дѣло нѣкоторый порядокъ, что и было исполнено съ большимъ нелицепріятіемъ. И мнѣ удалось быть сосѣдомъ В. Н. около года, а Л. А. нѣсколько мѣсяцевъ. У Л. А. были друзья: Н. А. Морозовъ, М. Н. Тригони, Л. Ф. Яновичъ, С. А. Ивановъ, М. П. Шебалинъ, Н. Д. Пахито-

¹⁾ Приговоръ по дѣлу 14-ти въ Военномъ судѣ былъ произнесенъ 28 сент. 1884 г. Ред.

новъ и Иованесь Манучаровъ—«Азіать», какъ мы его называли. Меня она почтила своей дружбой нескоро, хотя и знала о моей горячей любви къ ней. Она часто бывала недовольна мной и справедливо недовольна. Ей были совершенно чужды и непонятны лукавыя оговорки, хитроумныя оправданія, двусмысленное положеніе: на все таковое она смотрѣла, какъ на служеніе Богу и Мамонѣ. Чистая душа вела ее непреклонно прямою дорогою. Пламенное краснорѣчіе ея увѣщаній, несравненная доброта и глубокая убѣжденность нерѣдко спасали отъ безумія ожесточеннаго страданіемъ товарища. Однажды послѣ такого сеанса, я, восхищенный ея словами, можетъ-быть и несвоевременно замѣтилъ: «Милая, право ты очень краснорѣчива!» Она разсердилась. По своей скромности эта чистая альтруистка, болѣвшая только за другихъ до самозабвенія, и не подозрѣвала въ себѣ никакихъ дарованій.

Л. А. занималась ажурными и столярными работами и немного токарной и переплетной. Мнѣ она сдѣлала табуретку, которой я пользовался до освобожденія, и связала фуфайку, которую я носилъ 10 лѣтъ. 16-го и 18-го сентября—дни ея именинъ и рожденія, мы праздновали и дарили ей цвѣты. Она любила розы, и въ ея камерѣ и огородикѣ было ихъ много. Когда у насъ процвѣтали лекціи, она была постоянной слушательницей и сама прочитала намъ курсъ остеологіи. Я, В. С. Панкратовъ и она занимались вмѣстѣ англійскимъ языкомъ и прочитали нѣсколько англійскихъ книгъ (Исторія Англіи—Маколея, сочиненія Свифта и одинъ романъ Теккерея). Она заставляла насъ работать. Такъ по ея желанію Пахитоновъ перевелъ книгу Маудсли *The Will and Body*, а мнѣ она предложила изложить устно исторію великой революціи.

Я не буду слѣдить шагъ за шагомъ за всѣми перепитіями пережитаго нами въ заключеніи; да это и не нужно потому, что тамъ и большія и маленькія событія носили одинъ и тотъ же характеръ. Это была жестокая борьба за существованіе, жестокая и отчаянная потому, что мы боролись за разумное существованіе въ тюрьмѣ. Единственнымъ выходомъ изъ непримиримаго положенія была сама борьба, потому что она была самое разумное дѣло въ нашемъ положеніи. Эта борьба была чудеснымъ копьемъ, цѣлившимъ наносимыя намъ раны; таковъ былъ выходъ изъ заколдованнаго круга. Зачастую это была мелочная борьба; а главная особенность ея состояла въ томъ, что это была ежедневная, непрестанная борьба безъ передышки, тянувшаяся многіе годы. Весьма понятно, что существуетъ предѣлъ всякой выносливости. Борцы изнемогали и гибли; а тѣ, кто остался въ живыхъ, приспособлялись. Тутъ поистинѣ оправдывалась формула: «функция

строила органъ». Въ этой борьбѣ и въ этомъ устроении нашей жизни самое видное мѣсто на передовомъ посту занимали безсмѣнно В. Н. и Л. А. Поистинѣ ихъ энергія и выносливость казались неистощимыми; а самоотверженіе и самое пристальное и заботливое вниманіе поддерживали бодрость усталыхъ и изнемогающихъ. Источникомъ ихъ вліянія было самоотреченіе. Это были люди долга, люди совѣсти и чести; отсюда вытекало ихъ авторитетное вліяніе на всѣхъ и каждого. Къ этому еще нужно прибавить личное обаяніе. Л. А. привлекала своей мягкостью теплотой отношенія и несравненной добротою. Она какъ-то умѣла стоять всегда на одномъ уровнѣ со всѣми, оставаясь собой. Но человѣкъ немислимъ безъ недостатковъ. У Л. А. были недостатки, дѣлавшіе ее обаятельной—если ихъ можно считать недостатками. Друзья не разъ упрекали ее за неудержимое влеченіе къ самопожертвованію, даже по неважному поводу, для того, чтобы прикрыть собою другихъ отъ всякихъ напастей. Она на это отвѣчала, что въ прежней ея дѣятельности не имѣется большихъ заслугъ и что единственной ея заслугой можетъ быть только мученичество. Отсюда, повидимому, выходило, что она искала мученичества; переживала она это мученичество съ твердостью и самозабвеніемъ аскета. Когда настала часъ ея освобожденія, она заявила, что желаетъ остаться въ тюрьмѣ, пока не будутъ выпущены всѣ товарищи. Никакія увѣщанія коменданта не помогали, и онъ объявилъ, что съ завтрашняго дня прекращается отпускъ отъ казны денегъ на ея довольствіе. «Меня будутъ кормить товарищи!»—отвѣтила она.—«Но вѣдь тюрьма не инвалидный домъ, не богадѣльня!». Она отвѣтила: «Я добровольно не поѣду: везите меня силою!» И только убѣжденія товарищей склонили ее; но прощаніе наше съ нею было мучительнымъ.

10 января 1906 г. Л. А. убита во Владивостокѣ. Она шла подъ руку съ мужемъ, когда въ депутацію отъ митинга, ходившую хлопотать отъ имени солдатъ за доктора Ланковского, былъ пущенъ залпъ изъ пулеметовъ.

Я не въ силахъ дать изображеніе Л. А. во весь ростъ и предлагаю только слабый очеркъ. Для изображенія положительных типовъ нужна великая художественная сила и еще нѣчто: не даромъ же великіе древніе мастера, приступая къ созданію своихъ мадоннъ, подготовлялись къ такому подвигу постомъ и молитвою¹⁾.

М. Ашенбреннеръ.

1) Срав. статью о Л. А. Волькенштейнъ другого ея товарища по заключенію, С. А. Иванова, и прекрасный портретъ ея въ «Галлерей Шлиссельбургскихъ узниковъ», изд. подъ редакціей Н. О. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семевского и П. Ф. Якубовича, ч. I, Спб. 1907. Ред.

1794 годъ.

Владиславъ Реймонтъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПОСЛѢДНІЙ СЕЙМЪ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ.

Для читателей, незнакомыхъ съ началомъ трилогіи Реймонта, (*«Голосъ Минувшаго»* 1913 г. №№ 8, 9, 10 и 12), даемъ краткое изложеніи содержанія предшествующихъ главъ.

Романъ Вл. Реймонта *«1794 годъ»* переноситъ насъ въ эпоху возстанія Костюшки. Въ первой части дѣйствіе развивается на фонѣ событій, непосредственно предшествовавшихъ этому возстанію. Въ Гроднѣ собрался сеймъ—«послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой». Сеймъ, собранный въ городѣ, занятъ русскими войсками, засѣдавшій подъ охраной русскихъ штыковъ, созванъ былъ для того, чтобы санкціонировать второй раздѣлъ Польши, совершенный по договору Россіи съ Пруссіей отъ 23 января 1793 г. Главнымъ руководителемъ этого сейма съ польской стороны былъ епископъ Коссаковский, преслѣдовавшій чисто личные интересы и дѣйствовавшій по указаніямъ русскаго посла Сиверса, который и былъ фактическимъ хозяиномъ положенія. Хотя польское государство еще формально существовало, но первымъ лицомъ въ немъ былъ уже русскій посолъ, представлявшій всесильную императрицу союзной съ Польшей державы, а не бесильный польскій король.

Съ этого момента и начинается романъ: въ небольшомъ городкѣ Гроднѣ необычайный съѣздъ: депутаты сейма, сенаторы, магнаты, тяготящіе къ Россіи, польскій король со своимъ дворомъ, русскій посолъ со своей свитой, послы другихъ державъ, русскіе офицеры, польскіе офицера

распущенныхъ уже польскихъ полковъ, блестящія свѣтскія дамы и кокетки и всякаго рода авантюристы и авантюристки, шпионы и шпионки.

Засѣданія сейма смѣняются торжественными приѣмами у Сиверса и празднествами, устраиваемыми въ его честь, балами, пикниками и т. д. Цѣлый рядъ фигуръ разлагающагося аристократическаго общества введенъ въ первыхъ главахъ романа: сенаторы, подкупленные иностранными державами, генералы, продающіе своихъ солдатъ непріятелю, магнаты, озабоченные лишь сохраненіемъ и округленіемъ своихъ имѣній, всякаго рода карьеристы, которые учли конецъ Рѣчи Посполитой и протекціи русскихъ сановниковъ?

Въ этомъ обществѣ мы видимъ главнаго героя романа Реймонта—Севера Зарембу, молодого польскаго офицера-патріота, получившаго золотой крестъ за храбрость въ послѣдней войнѣ Польши съ Россіей—войнѣ 1792 г., окончившейся неудачей и вызвавшей 2-й раздѣлъ Польши. Полкъ, въ которомъ служилъ Заремба, распущенъ. Онъ пріѣзжаетъ въ Гродно испросить у короля разрѣшенія вновь поступить на службу и въ то же время онъ состоитъ членомъ конспиративной организаціи, готовящей сопротивленіе помимо короля. Послѣ того какъ король примкнулъ къ партіи измѣнниковъ отечеству, послѣ того, какъ сеймъ сталъ орудіемъ въ рукахъ иностранныхъ правительствъ, единственная надежда осталась на возстаніе, во главѣ котораго становится генераль Костюшко, выдвинувшійся въ войнѣ 1792 г., теперь впавшій въ немилость и живущій за границей.

Заремба—честный юный офицеръ, вдали стоявшій отъ политики, до прибытія въ Гродно даже и не подозрѣвалъ до какой степени паденія и разложенія дошли высшіе круги польскаго общества, руководящіе государственной жизнью. Въ Гроднѣ онъ сталкивается непосредственно съ продажными государственными дѣятелями, ему помогаетъ разобраться въ положеніи его пріятель Война, человекъ съ охлажденнымъ умомъ и эпикуреецъ, который бичуетъ своимъ сарказмомъ продажныхъ и трусливыхъ сановниковъ, но у котораго нѣтъ мужества и желанія вступить въ борьбу съ этимъ разлагающимся міромъ и вступить на путь, по которому идетъ Заремба.

Заремба полонъ негодованія при видѣ всего того, гдѣ происходитъ на его глазахъ, ужасающая картина паденія открывается передъ его взоромъ. «Всюду разореніе, гниль, эгоизмъ. Всюду гибель и мракъ. Тина вѣчнаго позора, преступленій и подлости. Проклятіе дѣтямъ, продающимъ въ рабство родную мать! Проклятіе!»

Но если сгнилъ верхній слой народа, то остались вѣдь нижніе слои, простой народъ, простые солдаты. Заремба, несмотря на дворянское происхожденіе и воспитаніе, въ душѣ демократъ и жадно впитываетъ идеи, которыя заронила въ передовые польскіе умы Великая французская революція: возстаніе должно всѣмъ дать свободу и равенство, должно не только изгнать внѣшняго врага, но и обновить внутреннюю жизнь.

Но свои чувства, мысли и планы Заремба долженъ пока тщательно скрывать, чтобы не выдать своей роды и не провалить возложеннаго на него дѣла. Онъ долженъ въ окрестностяхъ Гродна завербовать людей для будущей повстанческой арміи и переслать въ Краковъ—центръ, куда направлялись силы повстанцевъ. Въ мѣстностяхъ, занятыхъ русскими и прусскими войсками, много бывшихъ солдатъ изъ польскихъ полковъ,

отпущенныхъ по домамъ, ихъ завербовываютъ, а то и силой берутъ подъ непріятельскія знамена. Нужно спѣшить, чтобы какъ можно больше сохранить этихъ обученныхъ солдатъ для патріотическаго дѣла. Но дѣйствовать Зарембѣ приходится съ величайшей осторожностью. Гродно наводненъ шпионами и за людьми патріотическаго образа мыслей очень слѣдятъ.

Заремба тайкомъ видится со своимъ полковникомъ Яснискимъ, черезъ вѣрнаго стараго солдата Кацпера сносится съ завербованными людьми, а для вида ведетъ свѣтскій образъ жизни, поддерживаетъ знакомство съ карьеристомъ Новаковскимъ, котораго презираетъ, съ офицеромъ русской службы Блюмомъ, посѣщаетъ балы, бываетъ въ свѣтскомъ обществѣ. Но не только, для отвода глазъ бываетъ онъ въ аристократическихъ салонахъ и на балахъ.

Въ Гроднѣ находится среди другихъ свѣтскихъ красавицъ и его любовь, его кузина и бывшая невѣста, а теперь жена камергера—Иза.

Заремба старается въ душѣ ее презирать за ту жизнь, какую она ведетъ: она показывается, какъ и другія дамы, почти обнаженная на балахъ, за ней открыто ухаживаетъ русскій князь Циціановъ, репутація ея такая же сомнительная, какъ и другихъ красавицъ свѣта, украшающихъ гродненскіе салоны пани Ожаровской, графини Камелли и другихъ. Но какъ ни старается побороть свою страсть и казаться холоднымъ Заремба, его влечетъ къ Изѣ. Онъ бываетъ у нея, встрѣчается съ нею на пикникѣ, похожемъ на оргію. Она назначаетъ ему свиданіе. Но въ эту самую ночь, когда онъ долженъ отправиться на свиданіе, за нимъ приходитъ Кацперъ, чтобы отправиться посмотреть завербованныхъ имъ и собранныхъ за Нѣманомъ людей.

Темная ночь какъ разъ удобна для нихъ: нужно незамѣтно выбраться изъ города, миновать русскіе патрули, переправиться черезъ рѣку, которая тоже охраняется русскими войсками...

Заремба колеблется...

«Послѣднія слова Изы все звучали у него въ мозгу, будили тоску всей любви, надежду всѣхъ наслажденій міра. По временамъ онъ начиналъ ослѣпшими глазами искать шляпу и перчатки, уже брался за ручку дверей, но не шелъ. Его отрезвляли честные глаза Кацпера, казалось, говорившіе: «Кто однажды услышитъ въ себѣ священный голосъ родины, того уже не удержитъ и смерть».

— Значитъ уже никогда не жить для себя? Ни одного мгновенія личнаго счастья?—Онъ страшно мучился, но когда Кацперъ приготовилъ ему дорожный костюмъ, онъ безсознательно сталъ переодѣваться.

Но безсознательно подыскивая предлогъ отсрочить уходъ свой, онъ вдругъ вспоминаетъ, что слуга его Стасекъ, когда они возвращались съ пикника, безъ приказа выстрѣлилъ въ отрядъ казаковъ, конвоировавшихъ сылаемаго, по приказу Северса, непокорнаго депутата Сейма, и этимъ чуть не погубилъ его Зарембу, зря безъ всякой пользы для дѣла. Онъ вдругъ вскипѣлъ гнѣвомъ:

— Ты стрѣлялъ въ казаковъ?

Стасекъ поблѣднѣлъ и сталъ бормотать что-то безсвязное.

— Безъ команды?—шипѣлъ Заремба въ страшномъ бѣшенствѣ.— Я тебя научу, какъ вести себя! Кацперъ, пятнадцать палокъ этому лодырю.

Стасекъ съ плачемъ повалился на землю.

— Я заслужилъ на двадцать пять и меньше не возьму,—вопилъ онъ, обнимая ноги Заремба.—Заслужилъ, потому что это могло окончиться несчастіемъ. Мой капитанъ не пожалѣлъ бы и пятидесяти. Бей, Кацперъ, какъ въ барабанъ, пусть только не сердится на меня господинъ поручикъ.

Заремба схватилъ его за шиворотъ и, поставивъ передъ собой, крикнулъ:

— Не отвертись, получишь завтра, сколько слѣдуетъ.

— Уже пора, господинъ поручикъ,—напомнилъ Кацперъ, подавая ему длинную военную шинель.

Заремба одѣлся, взглянулъ еще разъ на часы и, тяжело вздохнувъ, какъ бы на могилѣ собственнаго счастья,—скомандовалъ:

— Ъдемъ!

И двинулся впередъ, какъ будто спасаясь бѣгствомъ.

На этомъ обрывается четвертая глава романа, напечатанная въ декабрьской книжкѣ «Голоса Минувшаго».

ГЛАВА V.

Когда они очутились за монастырскими строеніями, Заремба приказалъ Стасеку вернуться и присматривать за Матвѣемъ и лошадьми, а всѣхъ подозрительныхъ бродягъ, снующихъ вокругъ дома, прогонять палкой.

Стасекъ былъ очень огорченъ и усиленно просилъ, чтобы его взяли съ собой.

— Получи раньше палки, которыя заслужилъ,—сердито сказалъ Заремба.—Кацперъ, веди!

Кацперъ, отыскавъ въ темнотѣ тропинку между деревьями, повелъ его внизъ къ рѣкѣ, сворачивая то вправо, то влево.

Ночь была темная, по небу неслись свинцовыя, всклокоченныя тучи. По временамъ съ шумомъ налеталъ горячій вѣтеръ, и деревья метались, какъ на привязи. Потомъ снова наступала глухая, безпокойная тишина.

Они миновали какіе-то домики, спрятанные въ глубинѣ садовъ, какія-то пристанища и норы, откуда грозно ворчали собаки, затѣмъ вошли въ узкій прсходъ между двумя домами, почти соприкасавшимися крышами. Эта щель выходила на Мостовую улицу, которую приходилось пересѣкать, что было опасно, такъ какъ налѣво, шагахъ въ двадцати, надъ запертой цѣпями заставой, горѣлъ фонарь, и тамъ же стояли конные и пѣшіе патрули.

Они проползли на четверенькахъ и только что остановились въ тѣни наглухо запертой корчмы, какъ сверху, со стороны города, послышался лошадиный топотъ.

— Смѣна патруля,—замѣтилъ Кацперъ; нащупавъ дверь, онъ отперъ ее ключемъ и тщательно заперъ за собой. Сѣни, въ которыхъ они очутились, пересѣкали весь домъ. По обѣимъ сто-

ронамъ были двери, сквозь щели которыхъ виднѣлся свѣтъ, слышались тихіе голоса и звонъ стакановъ.

Во дворѣ, окруженномъ сараями, наполненномъ телѣгами и лошадьми, сновали какія-то тѣни, но Кацперъ увѣренно шелъ къ хорошо извѣстному ему проходу; они выбрались на дорогу, которая вела отъ моста внизъ, вдоль Нѣмана.

— Теперь будетъ жарко,—проворчалъ Кацперъ, всматриваясь въ темноту. Даже въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно. такъ какъ густая тѣнь отъ высокихъ прибережныхъ холмовъ покрывала дорогу и часть рѣки, блестящей во мракѣ.

Они шли съ величайшей осторожностью, имъ приходилось то и дѣло останавливаться и прятаться за сложенные вдоль дороги деревья, такъ какъ ежеминутно раздавался тяжелый топотъ проѣзжавшихъ патрулей.

По ту сторону рѣки свѣтились сторожевые огни.

— Стерегутъ, какъ крѣпость.

— Каждые пятьдесятъ шаговъ—конный, а со стороны полей даже секреты.

Они подошли къ какому-то домику, пріютившемуся между дорогой и рѣкой. Кацперъ условнымъ образомъ постучалъ въ окно, и сейчасъ же появилось двое людей.

— Готово, можно ѣхать,—прошепталъ одинъ изъ нихъ и повелъ ихъ къ поросшему кустарникомъ берегу, гдѣ была спрятана лодка.

Они сѣли въ лодку.

— Ложитесь на дно,—послышался тотъ же шопотъ.

Они легли, лодка дрогнула, опустившись, какъ лебедь, на воду и, тихо покачиваясь, поплыла вдоль берега.

Рѣка бурлила во тьмѣ. Высокія, словно запыхавшіяся волны то и дѣло гнѣвно ударялись о лодку, иногда волна шипя набѣгала на песчаный берегъ или всплескивалась, какъ рыба.

Низко нависло небо, и казалось, что клубящіяся тучи гонятся за бѣгущими въ безпокойствѣ и страхѣ волнами.

Очертанія горъ передвигались, какъ сгорбленные черные хребты.

Высоко надъ землей шумѣлъ вѣтеръ, и только верхушки деревьевъ шевелились съ соннымъ шопотомъ. Ночь была глухая, становилось поздно, въ деревняхъ уже начинали пѣть пѣтухи.

Смѣло, но осторожно скользила лодка, избѣгая песчаныхъ отмелей и ока карауловъ. Ночной мракъ охранялъ ее, а сѣдые туманы окутывали влажной пеленой.

Заремба приподнялся. Изъ верхнихъ оконъ замка, какъ бы изъ тучъ, блестялъ огонекъ. Онъ тяжело вздохнулъ и снова опу-

стился на дно. И вновь шопотъ Изы охватилъ его сладкой мелодіей любви, пронизывая сердце острой болью. Онъ лежалъ, глядя въ небесную бездну; стеклянные звуки волнъ, ихъ переливы, неизвѣстно откуда доносившіеся вздохи, всплески и таинственные голоса ночи увеличивали его муку, каждый звукъ ранилъ душу, будя воспоминанія о неосуществленныхъ надеждахъ, каждый звукъ былъ прощальнымъ рыданіемъ.

Но вотъ, наконецъ, онъ стряхнулъ съ себя безпросвѣтную печаль, какъ связку увядшихъ цвѣтовъ и, приподнявъ голову падъ бортомъ лодки, сталъ внимательно всматриваться въ виднѣвшіяся на берегу тѣни казаковъ.

Они приближались къ тому мѣсту, гдѣ въ Нѣманъ впадаетъ Городничанка, какъ вдругъ немного прояснилось, тучи прорвались, и серебристый свѣтъ луны залилъ рѣку; ихъ сейчасъ же замѣтили казаки.

— Стой, стой!—раздался грозный окрикъ съ берега.

Лодка сдѣлала отчаянный прыжокъ, и въ тотъ же мигъ сзади грянулъ выстрѣлъ.

— Къ берегу! Живо!—скомандовалъ Заремба, вынимая пистолеты.

Еще нѣсколько сильныхъ взмаховъ, и лодка, влетѣвъ подъ нависшія вѣтви береговыхъ деревьевъ, понеслась вдоль берега.

— Стой!—крикнулъ Заремба, хватаясь за вѣтви.

Перевозчики всадили весла въ дно, но не могли справиться съ сильнымъ теченіемъ, которое несло лодку къ серединѣ. Прыгнувъ въ воду, они остановили ее руками.

Готовые на все Заремба и Кацперъ ждали съ пистолетами въ рукахъ, затаивъ дыханіе и прислушиваясь къ поднявшимся крикамъ. Минуты казались вѣчностью; съ крикомъ и руганью, приближались казаки, обыскивая берегъ, тыкая пиками въ каждый кустъ. Слышался даже плескъ воды подъ копытами и трескъ зажженныхъ факеловъ.

— Стрѣляй въ упоръ, хорошенько цѣлься,—спокойно предупредилъ Заремба.

У перевозчиковъ зубы стучали отъ холода и страха.

Около четверти часа прошло въ такомъ ужасномъ ожиданіи. Наконецъ, крики стали затихать и удаляться.

Подождавъ еще нѣсколько времени, они тронулись дальше и долго еще держались тѣнистыхъ береговъ. Лишь миновавъ гренадерскій лагерь за Лососой, когда предательская луна снова скрылась за тучами, лодка вынырнула на середину рѣки и полетѣла, какъ птица.

Ее несло быстрое теченіе, подталкивали весла и гналъ сильный вѣтеръ, дувшій имъ въ спину.

Уключины скрипѣли, летѣли клочья пѣны, весла равномерно опускались и вмѣстѣ съ ихъ ударами покачивались не жалѣвшіе силъ гребцы.

Они проѣхали мимо лѣса, который спускался по обоимъ берегамъ рѣки и склонялся надъ ней, какъ надъ черной блестящей разсѣлиной, наполненной всклокоченными облаками.

Затѣмъ они прорѣзали какіе-то луга, покрытые бѣлой шерстью тумана, оттуда даносились крики коростелей, гудѣніе выпи и жалостные стоны чаекъ.

Миновали подернутыя паромъ поля, пахнувшія гречихой и дымомъ; изъ спрятанныхъ во мракѣ деревень доносился собачій лай и какъ-бы тяжелые вздохи спящихъ.

Было уже около трехъ часовъ ночи, на востокѣ начинало яснѣть, когда они причалили къ высокому гористому берегу покрытому лѣсомъ.

— Какъ же вы вернетесь!—съ безпокойствомъ спросилъ Заремба, расправляя утомленные члены.

— А мы будто еще съ утра выѣхали на рыбную ловлю, у насъ есть удостовѣреніе отъ мостового. Вернемся безъ задержекъ, хоть и съ пустыми сѣтями.

Заремба хотѣлъ дать имъ по дукату, но они отказались. Старшій съ достоинствомъ сказалъ:

— Мы рисковали жизнью не ради денегъ. Отецъ Серафимъ записалъ насъ въ польское братство, служимъ мы по доброй волѣ и изъ чувства долга.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, кого я долженъ благодарить.

— Я—Трояковскій Симеонъ, рыбакъ. А это мой сынъ, Войцѣхъ.

Заремба былъ глубоко тронутъ ихъ преданностью дѣлу; горячо пожавъ мозолистыя руки, онъ пошелъ за Кацперомъ въ гору по крутой и скользкой тропинкѣ. Лѣсъ окуталъ ихъ непроницаемымъ мракомъ, они шли ощупью, то и дѣло натыкаясь на подымавшіяся сплошной стѣной деревья. Лишь на вершинѣ горы стало немного свѣтлѣе, тамъ изъ-за раскачивавшихся, шумѣвшихъ вѣтвей выглядывало небо.

— Кто идетъ?—раздался вдругъ грозный шопотъ, шелкнулъ взведенный курокъ.

— Свобода,—шепнулъ Кацперъ, останавливаясь.

— Кто идетъ?—повторилъ уже мягче тотъ же голосъ.

— Равенство.

— Кто идетъ?—раздалось въ третій разъ. Ихъ окружили вооруженные люди.

— Братство.

— Свои. Идите съ Богомъ. Дептухъ, сведи на стоянку.

Пришлось итти еще дальше по дикимъ оврагамъ, холмамъ, порубкамъ и болотамъ. Шли молча, только Дептухъ иногда протяжно свистѣлъ, поглядывая по сторонамъ и затѣмъ обращался къ поручику.

— Смѣю доложить, постовые на мѣстахъ.

— Хорошо разставлены,—похвалилъ Заремба, но онъ не могъ разглядѣть даже и тѣни ихъ.

— Это не то что кантонисты или товарищи изъ Національной кавалеріи.

— Не осуждай,—замѣтилъ Заремба, прислушиваясь къ шагамъ проводника, такъ какъ во мракѣ чащи ничего нельзя было различить, кромѣ изрѣдка выступавшихъ стволовъ деревьевъ.

— Дымомъ пахнетъ,—замѣтилъ Заремба.

— Это изъ смоловаренъ дымъ идетъ, справа,—объяснилъ Дептухъ; онъ вывелъ ихъ на край какой-то трясины, поросшей кустарникомъ. Кое-гдѣ блестѣли черныя лужи, мутное небо висѣло, какъ грязная, измятая скатерть. Дорога была тяжелая и опасная, почва то и дѣло опускалась подъ ногами, грязь брызгала въ лицо, они проваливались до колѣнъ. Гнилой запахъ щекоталъ въ носу, какія-то большія птицы, тяжело хлопая крыльями, взлетали и кружились надъ болотомъ, какъ черныя лохмотья, подхваченные вѣтромъ.

— Послѣдняя горка,—доложилъ Дептухъ, подымаясь на холмъ, покрытый такимъ множествомъ ямъ, корней и бурелома, что они стали громко выражать свое недовольство.

Когда же они перевалили на ту сторону, то передъ ними открылся очень красивый видъ.

Въ узкомъ, глубокомъ оврагѣ, поросшемъ высокимъ лѣсомъ, горѣло нѣсколько костровъ. Огонь подымался красными языками, заливая стоянку кровавымъ свѣтомъ. Всклооченныя синія облака дыма наполняли оврагъ, среди нихъ едва виднѣлись суетившіеся люди.

— Не предупреждай!—удержалъ Заремба Дептухъ и, спустившись внизъ, сталъ за деревомъ.

На стоянкѣ было многолюдно, но какъ-то невесело. Многіе спали, растянувшись на голой землѣ, другіе чинили одежду или, раздѣвшись до пояса, сушили надъ огнемъ рубашки, вылавливая насѣкомыхъ. Нѣкоторые яростно метали кости или играли въ хапанку, иные съ трубками въ зубахъ слонялись изъ стороны

въ сторону, не находя себѣ мѣста. У одного изъ костровъ сидѣлъ старый солдатъ, перебирая четки, онъ тупо глядѣлъ въ огонь, то и дѣло крестился и ударялъ себѣ въ грудь. Въ другомъ мѣстѣ сапожникъ, набравъ полонъ ротъ деревянныхъ гвоздей, колотилъ во всю мочь молоткомъ по подошвѣ сапога. Рядомъ сидѣли двѣ бабы. Младшая искала во всклокоченной головѣ мальчугана, но онъ вырывался изъ материнскихъ объятій и размахивалъ голыми ногами, другая прилежно вязала чулокъ. Подальше отъ костровъ нѣсколько человѣкъ возились надъ большимъ, подвѣшеннымъ на деревѣ боровомъ. Вокругъ визжали и грызлись худыя собаки.

Поодаль стояли двѣ телѣги, покрытыя парусиновыми шатрами, къ ихъ дышламъ уздечками были привязаны жалкія клячи.

Среди деревьевъ бѣлѣло похожее на гусей стадо овецъ съ громаднымъ рыжимъ поводыремъ во главѣ. Солдатскія сумки, пояса, патронтажи и котелки висѣли на деревьяхъ и валялись, разбросанные вокругъ костровъ.

Отецъ Серафимъ, отъ котораго ни на шагъ не отставала бурая, лохматая собака, то подносилъ кому-нибудь табакерку, то давалъ горсть табаку, то рассказывалъ что-то веселое, такъ что вокругъ него всѣ смѣялись и чихали.

Но въ то же время на привалѣ было очень тихо, такъ какъ говорили шпотомъ. Казалось, что всѣ охвачены страхомъ. То и дѣло кто-нибудь, прикрывъ глаза ладонью, всматривался въ лѣсъ. Собаки тоже что-то часто ворчали.

— Сборище нищихъ, а лица разбойничьи, — замѣтилъ Заремба, двинувшись впередъ.

— Это солдаты не для военныхъ парадовъ, — молвилъ въ защиту ихъ обиженный Кацперъ.

Дептухъ далъ сигналъ, всѣ вскочили на ноги и выстроились рядами вдоль костровъ. Даже бабы стали въ должномъ порядкѣ.

— Какъ поживаете, ребята! — крикнулъ Заремба, остановившись передъ развернутымъ фронтомъ.

— Здравія желаемъ! — гаркнули всѣ, уставившись на него глазами и вытягиваясь въ струнку.

При блескѣ смоляныхъ факеловъ, которые несли два подростка, Кацперъ сталъ читать списокъ фамилій. Шедшій рядомъ отецъ Серафимъ, дѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія, а Заремба съ напряженнымъ вниманіемъ всматривался въ ихъ угрюмыя, голодные лица, худыя фигуры и нищенскую обмундировку. Они были одѣты въ какія-то остатки военныхъ шинелей съ обрывками всевозможныхъ обшлагсвъ, на нѣкоторыхъ были только кафтаны да холщевые брюки, и стояли они босикомъ. На головахъ у нихъ

были старыя бараньи шапки, еврейскія бархатныя ермолки, треугольныя шляпы и казацкія фуражки, а у одного, съ лицомъ похожимъ на лохань, былъ на затылкѣ беретъ ксендза. Даже пахло отъ нихъ застарѣлой солдатской нуждой. Это были люди изъ разныхъ полковъ, разнаго рода оружія и разныхъ возрастовъ; были тутъ и молокососы и испытанные старые вояки, но всѣ, какъ на подборъ, рослые, жилистые, закаленные въ нуждѣ. Всѣ эти лица бродягъ и проходимцевъ были отмѣчены почетными боевыми знаками, а нѣкоторыя были исполосованы рубцами, какъ березы, изъ которыхъ каждую весну выпускають сокъ.

Они стояли, крѣпко упираясь ногами въ землю, и глядѣли на него гордо и смѣло, и въ этихъ взглядахъ отражалась желѣзная душа и дикое, непоколебимое мужество.

Хоть онъ и старался придать лицу суровое выраженіе, осматривая ихъ строгимъ взглядомъ, какъ скотъ ведомый на убой, но въ дѣйствительности онъ былъ очень доволенъ. Съ перваго взгляда, не ожидая поясненій Кацпера, онъ опредѣлялъ каждого. Вотъ артиллеристы они поглядываютъ изподлобья и покачиваютъ бедрами, какъ танцующія дѣвки. Вонъ почтовые съ переломленной таліей, кривыми ногами и утиными движеніями. А остальные, прямые и стройные съ грудью колесомъ — это пѣхота, какъ видно, уже бывавшая въ дѣлѣ и хорошо вышколенная.

— Солдатики! милые солдатики!—радостно думалъ онъ.— Только бы одѣть васъ, подкормить да дать вамъ ружья,—тогда съ вами можно итти хоть на весь міръ.

Его страшно радовалъ этотъ сбродъ, онъ похаживалъ около нихъ, какъ около дѣвицъ, и, рассматривая каждого отдѣльно, ласково заглядывалъ имъ въ глаза и милостиво бесѣдовалъ.

Вдругъ изъ рядовъ выскочилъ какой-то долговязый человѣкъ въ зеленой курткѣ, красныхъ штанахъ и лаптяхъ, онъ приложилъ руку къ козырьку артиллерійской фуражки, вытянулся и залпомъ произнесъ:

— Смѣю доложить, господинъ поручикъ, сто десять человѣкъ, двѣ маркитанки, десять пистолетовъ, барабанъ, два...

— Какъ поживаешь, Фурдикъ?—перебилъ его Заремба, улыбаясь.—Ну, довольно, довольно, старикъ!

— Какъ прикажете—сконфуженно промолвилъ тотъ и отступилъ въ шеренгу.

Кацперъ сверкнулъ на него глазами и, окончивъ перечень, громко крикнулъ:

— Отступи! Отдыхай!

Строй разсѣялся во всѣ стороны.

Когда Заремба сѣлъ у костра, всѣ потянулись къ нему, и онъ охотно со всѣми разговаривалъ. Онъ обворожилъ ихъ своимъ честнымъ открытымъ лицомъ и военной выправкой, сказывавшейся въ каждомъ его движеніи. Старые, испытанные вояки замѣтили это сразу и тихо шептались между собой:

— Онъ не изъ тѣхъ, что получаютъ чины по рожденію. Онъ кадетъ.

— Горячій! Такой сразу бьетъ въ морду, но строгимъ не бываетъ.

— Нѣкоторые его знаютъ, говорятъ, что онъ для солдатъ—родной отецъ, благодѣтель.

— Подъ Зеленцами вмѣстѣ съ нами дрался въ первыхъ рядахъ, только кости трещали.

— И стойкій! Другой подъ дождемъ такъ не простоитъ, какъ онъ стоялъ подъ пулями.

— А своего Кацпера отпустилъ на свободу и далъ ему землю.

— И красивый-то и ласковый!—вздыхала маркитанка, державшая мальчика.

— Поцѣлуй его, кума, куда слѣдуетъ, и поглядишь, ласковый ли!

Всѣ захохотали, Заремба обернулся къ нимъ, замѣтивъ мальчика, онъ велѣлъ дать его себѣ, посадилъ на колѣни и сталъ покачивать.

— Какъ его зовутъ?

Онъ приподнялъ голову, потому что мальчикъ потянулся къ его носу.

— Петрусь!—радостно взвизгнула мать и, немного спустя, гордо добавила:—Его крестилъ самъ полковникъ Кенигъ съ панной Тереней.

— Такъ вы изъ Козеницъ? Какъ же васъ сюда занесло?

— Бѣда занесла,—тихо отвѣтила она и подняла глаза, блеснувшіе слезами. —Панъ комендантъ Орловскій выписалъ моего мужа въ Каменецъ, тамъ нужно было переливать пушки, а мужъ былъ мастеромъ по этой части. Въ Козеницахъ-то фабрика шла его умомъ. И на свое горе поѣхали мы въ такую даль. Не успѣлъ онъ еще, какъ слѣдуетъ, за работу приняться, какъ пріѣхалъ генералъ Злотницкій и продалъ крѣпость непріятелю. Всѣхъ насъ продалъ! Господи Боже мой!

Она громко заплакала, на худомъ лицѣ ея отражалось безмѣрное страданіе, изъ груди вырвалось рыданіе.

— А теперь я сирота! Сирота!—продолжала она, всхлипывая.— Мужъ былъ вѣрный полякъ, на королевскій счетъ обучался за границей мастерству. Какъ узналъ онъ объ этомъ, такъ сталъ

головой объ стѣну биться и задумалъ убить этого дьявола. Я еле удержала, да и возможности не было добраться до этого предателя; чужія войска уже заняли крѣпость и квартиры наши оцѣпили. Но мой въ первую же ночь сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать для родины. Перебивъ мѣшавшихъ ему, онъ заклепалъ всѣ лучшія пушки. Да, онъ посмѣлъ и сдѣлалъ!

— Она правду говоритъ, правду! — подтвердилъ чей-то голосъ изъ толпы.

— На муку и смерть выдалъ его, конечно, генераль Злотницкій. А когда его ташили, онъ только успѣлъ сказать: «Расти ребенка, чтобы онъ отомстилъ». Больше я его не видала. Умеръ подъ палками.

Она кончила и разрыдалась.

Вверху зашумѣли деревья, и жалобный плачь ея, казалось, живой кровью просачивался во всѣ сердца, возбуждая столько страданія и ненависти, что отовсюду слышалось тяжелое дыханіе, понеслись проклятія, у всѣхъ сжимались кулаки.

— Вотъ она—солдатская доля,—проворчалъ одинъ, протирая кулакомъ глаза.

— По крайней мѣрѣ умеръ не даромъ.

— Ручаюсь вамъ, что память о немъ перейдетъ къ будущимъ поколѣніямъ, а о вдовѣ и ребенкѣ позаботится Рѣчь Посполитая,—сказалъ Заремба.

— А кто позаботится о тѣхъ, кого захватилъ врагъ? Кто поможетъ этимъ несчастнымъ?—раздался чей-то угрюмый голосъ.

— Сколько ихъ подыхаетъ подъ палками, и ни одна собака не плачетъ о нихъ.

— Кто позаботится о тѣхъ тысячахъ, которые бѣгутъ изъ-подъ вражеской власти?

— Какъ пчелиный рой безъ матки, разсѣялись мы на гибель свою.

— Уйдешь отъ погони, не уйдешь отъ смерти.

Все горестнѣе становились ихъ жалобы, тихія слова вырывались изъ глубины измученныхъ душъ и падали, какъ удары топора, на склоненную голову поручика.

— Продали насъ!—простоналъ кто-то протяжно, точно сто-кратно повторенное эхо.

— Силой гнали насъ на службу, жирѣли нашей нуждой, вымостили полсвѣта нашими костями и, наконецъ, продали насъ врагу.

— Продали всю родину,—снова, какъ эхо, прозвучалъ тотъ же голосъ.

— Никто изъ насъ не перешелъ къ врагу добровольно, только офицеры при каждомъ удобномъ случаѣ бѣжали къ нему, какъ къ родной матери.

— А твоя солдатская мать—одна смерть. Богатство твое—раны, а пристанище—гробъ. Каждый панскій домъ стоитъ на твоихъ костяхъ, каждая борозда пашни пропитана твоимъ потомъ, а ты, мужикъ, лишишься ли ногъ, выиграешь ли сто битвъ и отдашь родинѣ послѣднюю каплю крови,— всегда ты останешься рабомъ. Для тебя нѣтъ ни земли, ни неба, ни крова, ни даже собачьей конуры, гдѣ бы ты могъ преклонить измученную голову. Всѣхъ ничтожище ты, солдатъ, и передъ Богомъ и передъ людьми,— слышался чей-то монотонный, плачущій голосъ.

Заремба закрылъ лицо руками и плакалъ тихими слезами. Солдатскія жалобы терзали его душу, жгли ее стыдомъ и позоромъ. Онъ не смѣлъ взглянуть имъ въ глаза, каждое ихъ слово было правдой, каждое было стономъ вѣковыхъ обидъ и страшнымъ укоромъ.

Кацперъ, сидѣвшій рядомъ съ нимъ и писавшій при свѣтѣ костра на какихъ-то бумажкахъ, почувствовалъ его муку и тихо произнесъ:

— Когда солдатъ разжалобится, то становится плаксивѣе старой бабы. Пускай бѣдныя облегчаютъ свои души. Всѣ ли пойдутъ въ Бѣлостокъ?

— Всѣ, но партіями; выбери десятниковъ. Тебѣ передаю команду, ты сдашь ихъ капитану Бѣльскому, онъ нѣсколько дней ихъ покормитъ, обмундируетъ и пошлетъ дальше. Тушите огни, уже разсвѣло, а дымъ-то вѣдь подымается столбами.

— Ничего. Въ лѣсахъ много смоловарень, онѣ дымятъ днемъ и ночью.

— Избѣгай деревень, обходи корчмы, чтобы кто-нибудь не наболталъ лишняго.

— Да они только то и знаютъ, что идутъ на новую войну, что надо опасаться Москвы и тѣхъ, кто за нее стоитъ. Въ Варшавѣ имъ скажутъ больше. Ну и ноютъ же они...

— Обида дольше жжетъ, чѣмъ огонь. Торопись, готовь скорѣе списокъ.

Отецъ Серафимъ съ помощью женщинъ устраивалъ алтарь. Его собака усѣлась передъ Зарембой и, не сводя съ него глазъ, принялась визжать и даже положила ему на колѣни лапу. Но онъ, ничего не замѣчая, прислушивался къ солдатскимъ жалобамъ.

— Небось,—говорилъ кто-то озлобленнымъ голосомъ,—какъ только твой помѣщикъ узнаетъ, что ты съ войны остатки костей

принесъ,сейчасъ же опубликуеть въ газетѣ и, чтобы ты, бѣдняга, какъ-нибудь не заблудился, пошлетъ тебѣ на встрѣчу старостиныхъ молодцовъ. Приведутъ тебя съ торжествомъ, а онъ тебѣ ногу на шею поставитъ и вмѣстѣ съ воломъ въ ярмо запряжетъ, чтобы тебя унижить, чтобы твою солдатскую честь попрасть и плетью тебѣ напомнить, что ты только скотъ, съ которымъ онъ властенъ сдѣлать все, что ему угодно.

— А за тѣ годы, которые ты Рѣчи Посполитой служилъ, онъ велитъ тебѣ по ночамъ отрабатывать барщину.

— Продали всю родину,—снова застоналъ тотъ же голосъ.

— Молчать, хамы! Молчать, подлые псы! А то закую морды, ремни велю рѣзать изъ вашей кожи, палками заколочу до смерти. Ахъ, собаки, дамъ я вамъ бунтоваться,—заоралъ вдругъ какой-то челсвѣкъ, подымаясь изъ-подъ дерева. Онъ былъ высокъ и худъ, съ тонкимъ и желтымъ, какъ воскъ, лицомъ, носъ у него былъ крючкомъ, губы синія, усы черные, закрученные кверху, одѣтъ онъ былъ въ длинные сапоги и клочья какого-то фрака, на шеѣ у него была грязная тряпка, на головѣ красный платокъ, въ рукахъ трость, движенія его были величественны. Онъ немного прихрамывалъ на правую ногу и говорилъ съ иностраннымъ акцентомъ.

— Кто это?—крикнулъ Заремба, вскочивъ на ноги.

— Ласкій, бывший капитанъ Острогскаго полка. Пришлось обуздать этихъ дерзкихъ хамовъ. Вы имъ слишкомъ потворствуете, нельзя вѣдь...

— Молчать!—крикнулъ Заремба, подходя къ нему тяжелыми шагами.

— Имѣйте же уваженіе къ моему чину и происхожденію.

— Я вмѣстѣ съ зубами выбую у тебя это происхожденіе! Я тебя научу, какъ разговаривать съ офицеромъ Рѣчи Посполитой! Кацперъ!

Ласкій покручивалъ усъ, нисколько не смущаясь.

— Кто это такой? Откуда онъ взялся на привалѣ?

— Осмѣлюсь доложить,—проговорилъ одинъ изъ солдатъ, раньше чѣмъ успѣлъ подойти Кацперъ,—онъ насъ ведетъ отъ самой Бѣлой Церкви; сирота, какъ и мы всѣ, только, какъ напьется на тощакъ, такъ сейчасъ ему панство въ голову лѣзетъ. Простите его, покорнѣйше просимъ, онъ такъ складно играетъ на рожкѣ, всѣ дороги знаетъ да и съ еврейками ладить умѣетъ.

Поручикъ успокоился и мягче взглянулъ на того.

— Отъ этихъ почтенныхъ ситуайеновъ такъ пахнетъ, что приходится спасаться анисовкой,—глупо заявилъ Ласкій, приближаясь и изысканно кланяясь.—Съ кѣмъ имѣю честь?

— Если пахнетъ, можешь, сударь, подъ вѣтеръ отойти. Съ Богомъ!

— Но я ихъ обожаю и не покину до самой Варшавы! Если вы собираете партію, то ручаюсь, что подъ моей командой они будутъ драться, какъ львы. Когда я былъ капитаномъ мушкатеровъ его королевскаго величества Людовика Пятнадцатаго, и нѣкоторая...

— Проспись раньше, сударь, а тогда поговоримъ и о мушкетерахъ.

Зазвенѣлъ колокольчикъ. Отецъ Серафимъ начиналъ службу.

Алтарь былъ устроенъ на обозной телѣгѣ, у которой опустили боковую стѣнку. Все было прикрыто бѣлымъ холстомъ и украшено сосновыми вѣтками и зажженными свѣчами. Священнику прислуживали мальчики, бывшіе въ отрядѣ при подводахъ.

Солдаты опустились на колѣни большимъ полукругомъ. Заремба стоялъ немного въ сторонѣ. А Ласкій вдругъ куда-то исчезъ.

Слышался шопотъ молитвъ, сливавшійся со звуками падавшей росы и голосами пробуждавшагося лѣса.

Уже совсѣмъ разсвѣло, сквозь густыя вѣтви деревьевъ проникалъ голубоватый свѣтъ. Съ низовъ тянуло холодомъ и крѣпкимъ грибнымъ запахомъ. Порой вѣтеръ проносился по верхушкамъ деревьевъ, тогда красныя сосны вздрагивали, огни на алтарѣ тухли, и сыпались сосновыя иглы.

Ксендзъ, какъ передъ битвой, торопился отслужить обѣдню, слова его молитвъ звучали сурово, какъ команда, онъ крестилъ, точно рубилъ саблей или хватался за ружье, но лицо его горѣло такимъ вдохновеніемъ, что когда онъ оборачивался и простиралъ руки, казалось, онъ этимъ движеніемъ прижимаетъ къ сердцу и благословляетъ всѣ склоненныя передъ нимъ головы.

Обѣдня совершалась въ тишинѣ. Лишь иногда звенѣлъ колокольчикъ, да изъ рядовъ вырывалось сдержанное рыданіе, горестный стонъ или протяжный вздохъ, полный глубокой вѣры. По суровымъ лицамъ текли слезы, а горящіе взгляды покорно устремлялись къ распятію, подымавшемуся на алтарѣ.

Боръ тихо шумѣлъ, какъ бы вторя молитвамъ, въ высотѣ кричали пролетавшія птицы, далекій, глухой, протяжный вой дикихъ звѣрей доносился, точно изъ-подъ земли, а дымъ отъ костровъ и утренній туманъ затягивали все голубой дымкой.

Послѣ вознесенія многіе солдаты и женщины приступили къ причастію.

Тарковская съ ребенкомъ на рукахъ стояла на колѣняхъ у самаго алтаря, рядомъ съ ней, закатывая глаза къ небу и ни на минуту не переставая вязать чулокъ, стояла маркитанка.

— Тоже работница!—прикрикнулъ на нее ксендзъ, отстраняясь отъ двигающихся спицъ, какъ отъ ежа.

Баба расплакалась отъ стыда и смущенія.

Послѣ обѣдни отецъ Серафимъ всталъ передъ алтаремъ съ распятіемъ въ рукахъ.

— Солдаты,—воскликнулъ онъ внушительно.—Присягали ли вы защищать родину до послѣдняго дыханія?

— Присягли!—грянуло изо всѣхъ глотокъ.

— Такъ идите съ Богомъ, куда васъ поведутъ. И кто въ душѣ не таитъ предательства, пусть цѣлуетъ ноги Иисуса.

Онъ далъ всѣмъ приложиться къ распятію, каждого благословлялъ, каждому говорилъ нѣсколько добрыхъ словъ и обнималъ.

— На великое дѣло идешь ты, солдатъ! На святое дѣло! И помни: надо бить, еще бить и побить!—громко началъ онъ.—Кто виноватъ, что ты голоденъ? что ты въ лохмотьяхъ? что тебя преслѣдуютъ, какъ бѣшеную собаку? призираютъ, какъ Лазаря? Врагъ виноватъ! И вотъ я говорю тебѣ: бей его безъ сожалѣнія, бей до смерти! Не жалѣй, солдатъ, своей крови, не жалѣй жизни, свобода и земля ждуть тебя въ награду. Вспомнишь ты мои слова, солдатъ, когда черезъ много лѣтъ будешь сидѣть, окруженный внуками и рассказывать имъ, какъ ты воевалъ, какъ билъ врага и вырывалъ у него изъ когтей свободу и землю. А если погибнешь въ сраженіи, то загремятъ надъ тобой барабаны, поклонятся, тебѣ знамена, слезами проводятъ тебя товарищи въ могилу,—а святой Петръ, услышавъ этотъ скорбный плачъ, широко раскроетъ небесную дверь, выйдетъ тебѣ на встрѣчу и ласково скажетъ: «Иди, душа праведная, иди, воинъ святого дѣла!» Ангелы вострубятъ, все небо возвеселится, святые выстроятся рядами и поведутъ тебя, солдатикъ, къ самымъ важнымъ лицамъ и посадятъ тебя вмѣстѣ съ гетманами, потому что ты равенъ имъ, потому что ты за свой небесный чинъ заплатилъ кровью, пролитой за отчизну. И будешь ты пребывать въ славѣ и счастіи во вѣки вѣковъ!—Такъ говорилъ отецъ Серафимъ.

Эта рѣчь привела солдатъ въ такое умиленіе, что пока онъ говорилъ, они цѣловали ему руки, локти, полы облаченія, одинъ даже обнялъ его ноги, и всѣ слушали съ радостнымъ вниманіемъ. Точно медь пролилъ онъ имъ въ души, какъ кадильнымъ дымомъ наполнилъ онъ ихъ отрадой, сердца окаменѣвшія въ нуждѣ и скитаніяхъ оживились радостью, расцвѣла надежда, какъ цвѣты подъ весеннимъ дождемъ. Украдкой текли слезы у болѣе чувствительныхъ, другіе же только вздыхали отъ счастія, проталкиваясь ближе къ ксендзу. Нѣкоторые молодецки покручивали усы,

выпрямлялись, выпячивая подтянутые животы, и рѣшительно сверкали глазами. Вдругъ послышалось отчаянное кудактанье, испуганныя овцы заблеяли, а собаки бросились къ одной изъ телѣгъ и начали сильно лаять.

— Громко хвалится, что снесла солдату яйцо,—засмѣялся кто-то.

— Моя курица!—закричала маркитанка,—голову оторву тому, кто ее выпустилъ. Ципъ, ципъ, ципъ,—нѣжно звала она, гоняясь за курицей.

— И овечки просятъ, чтобы мы ихъ взяли съ собой. Тошя онѣ, ихъ и волкъ ѣсть не станетъ.

— Курицу свою щупай, а отъ моихъ овецъ подальше!—крикнулъ Бернардинецъ и бросился за овцами, которыя разбрелись по лѣсу, но рыжій поводырь уже бодаль ихъ, сгоняя въ одно мѣсто. Ксендзь направился къ телѣгѣ. Вскорѣ его слугитель вытащилъ оттуда объемистый боченокъ и поставилъ недалеко отъ огня. Къ боченку бросился Ласкій, ловко вынулъ дно, взялъ кварту, зачерпнулъ, наполнивъ ее до верху, и, поднявъ ее лѣвой рукой надъ головой, а правой, отдавая честь, провозгласилъ:

«Шинкарочка, лей, лей, лей!»

«Солдатики, пей, пей, пей!»

Прижавъ кварту къ губамъ, медленно откидывая голову все дальше и работая глоткой, онъ выпилъ все до послѣдней капли и торжественно произнесъ:

— Глупъ тотъ, кому сивуха не замѣнить мальвазій.

— Пей плохое, допьешься до лучшаго. Но у тебя, сударь, кишки слишкомъ длинны, — насмѣшливо проговорилъ отецъ Серафимъ, отнимая кварту и принимаясь разливать водку въ протянутыя манерки.—Только смотрите,—обратился онъ съ предостереженіемъ къ солдатамъ,—кто много пьетъ, тотъ и подраться готовъ. Понемножку, ребяташки, и не на голодный желудокъ.

Но всѣ такъ настойчиво тянулись къ водкѣ, что Кацперъ прикрикнулъ:

— Отойди! Оставь на запасъ, а теперь ко мнѣ.

Онъ присѣлъ на полянкѣ и сталъ всѣмъ выплачивать обѣщанное.

— Я имъ еще завтракъ дамъ, если успѣетъ свариться,—сказалъ ксендзь.

— День длиненъ, раньше сумерокъ не двинемся.

Въ ксендзовской повозкѣ нашлись караванъ хлѣба, величиной съ колесо, крупа, колбаса и даже изрядный кусокъ сала. Все моментально ожило вокругъ костровъ, появились горшки и котелки, всѣ припасы варились, жарились, щекоча носы

сладкимъ запахомъ. Женщины готовили по своему усмотрѣнiю, но Бернардинецъ слѣдилъ, чтобы никто не былъ обиженъ при дѣлежѣ, и самъ сѣлъ послѣднимъ къ котелку съ Капцеромъ и Ласкимъ. Голодные солдаты бросились на ѣду, какъ на врага, уничтожая ее съ такой яростью, что котлы звенѣли. А собаки нетерпѣливо визжали, ожидая своей очереди.

— Поручикъ сегодня постится?—спросилъ Ласкiй.

— Онъ дѣлаетъ, какъ ему вздумается,—не охотно отвѣтилъ Кацперъ.

Заремба сидѣлъ поодаль, о чемъ-то думая.

А въ природѣ свершалось чудо разсвѣта, чудо восходящаго солнца. Уже вспыхнули нѣкоторые красные стволы, черную глубину лѣса прорѣзали блестящiя стрѣлы, засверкали капли росы на мху. Боръ былъ полонъ нѣмого восторга, птицы разразились громкимъ крикомъ и пѣньемъ, все живущее откликалось, выражая радость и благодарность жизни. Туманъ разсѣлся, вѣтеръ затихъ, сквозь вѣтви деревьевъ виднѣлось блестящее голубое небо, похожее на чьи-то ласковые глаза.

Дневной свѣтъ проникъ уже во всѣ уголки, когда Кацперъ доложилъ:

— Я созову десятниковъ и вы, господинъ поручикъ, сможете уѣхать.—И когда Заремба кивнулъ утвердительно головой, Кацперъ сталъ громко вызывать:

— Первый эскадронъ бригады Держка, вахмистръ Матвѣй Рысь! Выходи!

Вышелъ саженный дѣтина съ лицомъ покрытымъ шрамами, впился глазами въ поручика и, вытянувшись въ струну, ждалъ, держа ладонь у виска.

— Второй батальонъ полка Любомирскаго, капралъ Оома Квакъ! Выходи!

Вышелъ сутулый парень, рыжiй, какъ вѣкша, и весь покрытый веснушками.

— Бригада Ерлича, первый эскадронъ, почтовый Антонъ Пыза! Выходи!

Вышелъ солдатъ громаднаго роста съ лицомъ круглымъ, какъ полная луна, одѣтый въ ксендзовскiй беретъ, синюю куртку съ полотняными заплатками и въ еврейскихъ женскихъ туфляхъ на ногахъ.

— Полкъ передовой стражи Карфицкаго, третiй баталiонъ, вторая компанiя, рядовой Янъ Финчекъ! Выходи!

Вышелъ человекъ съ сѣдѣющими волосами, небольшимъ носомъ и короткимъ хищнымъ лицомъ.

— Бригада Національной кавалеріи Швейковскаго, товарищъ Борейша!

Вышелъ тонкій юноша, розовый бѣлокурый и красивый, какъ дѣвушка, но взглядъ его былъ холоденъ, челюсти у него были волчьи, а улыбка была отравлена безнадежной грустью.

— Первая компанія Каменецкой артиллеріи Гембажевскаго, бомбардиръ Фурдикъ! Выходи!

— Полкъ казаковъ Понятовскаго, почтовый Семень! Выходи!

— Третья компанія артиллеріи Лучинскаго, фейерверкеръ Кирилюкъ! Выходи!

— Второй эскадронъ бригады Ерлича, почтовый Дептухъ! Выходи!

— Первый эскадронъ бригады Мокрановскаго, почтовый Послядекъ! Выходи!

Всѣ десять выстроились въ рядъ передъ поручикомъ, который сталъ ихъ разспрашивать о ихъ службѣ, жизни и побѣгѣ, стараясь узнать правду, такъ какъ многіе изъ нихъ были изъ тѣхъ частей войска, которыя не были еще ни распущены, ни захвачены непріателемъ. Но всѣ они утверждали, что бѣжали изъ непріятельскаго лагеря, и рассказывали на эту тему диковинныя вещи. Если они и врали, то такъ искусно, что онъ не могъ ихъ уличить. Да, и зачѣмъ? Это были испытанные солдаты, готовые на все, и для дѣла они были необходимы. Онъ бросилъ разспросы и обратился къ Кваку изъ полка Любомирскаго.

— Такъ ты изъ тѣхъ молодцовъ, что обратились въ бѣгство подъ Зеленцами?

Солдатъ вздрогнулъ отъ его взгляда, но отвѣтилъ шутливо:

— Нашъ комендантъ кланялся въ поясъ каждой пулѣ, ну солдатамъ и надоѣло стоять подъ огнемъ.

— А ты откуда сюда попалъ?—спросилъ онъ Борейшу.

— Изъ плѣна, чтобы отомстить и погибнуть,—напыщенно отвѣтилъ тотъ.

— Ты слышалъ вѣдь, что говорилъ священникъ? Надо бить, еще бить и побить! Это лозунгъ генерала Костюшки. Не мести ищи и не смерти, а побѣды.

— А ты,—обратился онъ къ Семену,—почему покинулъ Матушку?

— Потому что долженъ служить родной матери, Рѣчи Посполитой.

— Ты вѣрный сынъ, а остальные твои братья злые пасынки.

У казака налился кровью рубецъ на щекѣ, и онъ робко прошепталъ:

— Пусть паны дадутъ свободу, и казаки встанутъ на сторону Польши.

Грустно улыбнулся Заремба и подошелъ къ Фурдику, котораго уже давно зналъ.

— Ты давно изъ Каменца?

— Уже три мѣсяца. Пришлось ждать удобнаго случая. Боже мой, какая крѣпость погибла, сколько пушекъ и всего. Съ самой осени нашъ комендантъ отстраивалъ укрѣпленія и дѣлалъ окопы, закупалъ на свои деньги порохъ, по цѣлымъ днямъ обучалъ канонеровъ, хотѣлъ переливать пушки. Мы бы цѣлый годъ могли продержаться противъ всѣхъ чертей.

— Такъ зачѣмъ же вы отдали крѣпость? — вырвалось у Зарембы подъ вліяніемъ внезапнаго чувства сожалѣнія.

— Отдали офицеры и паны! — воскликнулъ тотъ, забывая субординацію. — Развѣ мы могли не позволить? Какъ собаки, караулили мы холодные и голодные. Сколько нашихъ умерло подъ палками за то, что не хотѣли присягать, сколько погнали въ Сибирь, сколько гнѣтъ въ казематахъ! А предатели спокойно глядѣли на истязаніе солдатъ... Жду приказа!.. — вдругъ оборвалъ онъ, замѣтивъ страданіе въ глазахъ Зарембы.

Онъ больше ни къ кому не обращался, а сталъ всѣмъ вмѣстѣ приказъ.

— Каждый изъ васъ поведетъ десять рядовыхъ. Это вашъ начальникъ, — онъ указалъ на Кацпера. — Онъ вамъ назначить пути и мѣста остановокъ. Всѣ отряды должны пробираться разными путями. Кто доведетъ свою команду до Бѣлостока, не потерявъ ни одного человѣка, тотъ получить повышение. Тамъ всѣхъ обмундируютъ и всѣмъ уплатятъ жалованіе за прошлый годъ. Выступите вы, какъ только начнетъ смеркаться. Отступите!

Солдаты разсѣялись, но подошелъ Ласкій съ непріятной улыбкой на губахъ.

— Можетъ быть, и я могу на что-нибудь пригодиться?

— Вы будете охранять женщинъ. Дороги опасны, вездѣ много мародеровъ.

— Не думалъ я, что когда-нибудь получу такой чинъ, — онъ покраснѣлъ отъ волненія.

— Я уже поставилъ подъ сидѣніе полненькую бутылочку, — утѣшилъ его ксендзь.

— Благодаритель мой, спаситель! — вдругъ прослезился Ласкій, — въ самомъ дѣлѣ, мнѣ, по моему званію, болѣе подобаетъ ѣхать, чѣмъ съ хамами тащиться по вертепамъ. Жаль только, что эти мои курочки уже сильно пообщипаны! — Онъ ухарски

закрутилъ усь и такъ сверкнулъ глазами, что онѣ расхохотались. Потомъ онъ сталъ сообщать интимнымъ тономъ:

— Честное слово! Амурныя дѣла и заставили меня тащиться съ этимъ сбродомъ. Когда человѣку везетъ у женщинъ, то его чертъ не оставить до смерти. Даже въ пути со мной случилась такая исторія, что повѣрить трудно...

— Я бы повѣрилъ, но намъ ужъ пора ѣхать,—перебилъ его Бернардинецъ, поворачивая въ лѣсъ.

Заремба пожалъ Ласкому руку, пошептался съ Кацперомъ и, расцѣловавшись съ нимъ по-братски, поспѣшилъ за ксендзомъ.

— Вреть прохвость безъ запинки. И думаетъ, что ему повѣрять.

— Такая ужъ у него привычка. Но я подозреваю тутъ нѣчто худшее и приказалъ слѣдить за нимъ.

Они прошли длинный оврагъ и вышли на дорогу, гдѣ уже ждала ксендзова бричка.

Кучеръ безжалостно стегалъ тощихъ лошадемокъ, но тащились онѣ медленно, такъ какъ колеса погрузились въ глубокойъ сыпучій песокъ, а передъ лошадьми въ облакъ пыли плелись овцы съ поводыремъ во главѣ, собака бѣгала вокругъ, обгоняя ихъ и весело лая.

— Благодарители не слишкомъ порастратились,—замѣтилъ поручикъ, показывая на небольшое стадо.

— Я заглядывалъ вѣдь только по пути, больше для отвода глазъ. Не до сборовъ теперь. Но вербовка удалась, а? Прелесть! Каждый изъ нихъ стоитъ десятка кантонистовъ. Если бы изъ такихъ молодцовъ составить порядочный отрядъ, можно было бы задать врагу перцу. Такие разбойники съ голыми руками пойдутъ на пушки. А вамъ я бы поручилъ команду надъ ними.

— Я бы и взялъ,—засмѣялся Заремба.—Выкупалъ бы ихъ по шею въ крови, накормилъ бы сырымъ вражьемъ мясомъ. Но я человѣкъ маленькій, гдѣ мнѣ мечтать о высокихъ чинахъ!—вздыхнулъ онъ съ искренней скромностью.

— Маленькіе чины можно получать, а большіе нужно самому брать.

— Я знаю, Цезарь, напимѣръ, Кромвель, и другіе.

— Вѣдь они сами стали во главѣ своего народа. Удивляюсь, что у насъ даже для спасенія родины не нашелся еще такой человѣкъ.

— Шляхта воспротивилась бы, и сенатъ лишилъ бы его правъ.

— Правильно сказалъ кто-то, что въ Польшѣ потому и чтутъ Бога, что Его нельзя ни избрать, ни забаллотировать. Быть дождю, очень ноги болятъ.

— Я думалъ, что подагра щадить монашескія кости.

— Это не подагра. Когда-то мнѣ кандалы мясо до костей протерли, такъ теперь я лучше любого календаря предсказываю всякую переѣну погоды.

— Кандалы? Что за исторія?

— Когда я былъ молодъ, случился со мной такой казусъ: поймали меня вербовщики и продали кассельскому ландграфу, тотъ продалъ меня англичанамъ, а они потащили въ Америку, чтобы я тамъ дрался за нихъ съ французами. Рада не рада, съѣла баба поросенка. Это длинная исторія, длиннѣ моихъ четокъ,—засмѣялся онъ и, перебирая четки, сталъ шептать утреннюю молитву.

Заремба не смѣлъ сказать что-нибудь, но поглядывалъ на него съ недовѣріемъ.

— Всѣмъ извѣстно, что нѣмецкіе князьки торгуютъ человѣческимъ мясомъ, какъ наши вельможи родиной,—произнесъ черезъ нѣсколько времени Бернардинецъ и на его худомъ лицѣ, какъ молнія, сверкнули гнѣвъ и ненависть. — И мною торговали, какъ скотомъ. Латинская пословица гласитъ: *contra vim non valet jus*. Но это звучитъ слишкомъ безнадежно. Противъ силы нужно не право, а сила же. Право за тѣмъ, у кого сильный кулакъ. Такъ обстоитъ дѣло у цивилизованныхъ націй. Я столько насилія и подлости испыталъ, что не вѣрю ни въ законы, ни въ совѣсть королей. Господи, помилуй мою душу, но Ты царишь—въ небесахъ, а на землѣ чортъ доходъ получаетъ!—и онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь.

— У насъ лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ, по крайней мѣрѣ людей на вывозъ не продаютъ..

— Потому что шляхтѣ нужны рабочіе. А солдатами уже торгуютъ. Слышали ли вы, что Забѣлло и Злотницкій продавали Кречетникову рядовыхъ поштучно?

— Я думаю, что это выдумки, которымъ не надо вѣрить.

— Я при ихъ сдѣлкѣ не присутствовалъ, подъ присягой подтвердить не могу, но для вельможъ нѣтъ ничего святого. Развѣ мало передъ нами примѣровъ продажи женъ, дочерей, родины, всего, за что даютъ дукаты. Польша вся развращена, Польша гибнетъ, Польшу расклеиваютъ коршуны и вороны. Да и можетъ ли быть иначе, если мужикъ въ рабствѣ, шляхтичъ глушь, а вельможа подлѣ. Ужасы творятся въ Рѣчи Посполитой.

— Жалобами зла не искоренишь и болѣзни не излѣчишь.

— Только милосердный Богъ можетъ спасти насъ,—вздыхнулъ отецъ Серафимъ.

— Онъ помогаетъ тѣмъ, кто силенѣе.

— Не кощунствуйте! Франекъ!—крикнулъ онъ на кучера,— ты заснулъ что ли, лѣнтяй! Стегни-ка кобылу по ляжкамъ, что-то она не тянетъ.

Онъ уткнулъ носъ въ молитвенникъ.

— Теперь уже не время жаловаться,—замѣтилъ Заремба, но, видя, что священникъ не отрывается отъ молитвенника, зѣвнулъ и сталъ дремать.

Вскорѣ они выѣхали изъ лѣсу на пустырь, покрытый рѣдкимъ можжевельникомъ и песчаными ямами. Дорога постепенно спускалась въ зеленую долину, гдѣ сверкалъ голубой Нѣманъ. По ту сторону рѣки возвышались холмы, перерѣзанные глубокими оврагами, по которымъ блестящими лентами протекали ея притоки.

Солнце стояло уже высоко, зной увеличивался, лошади шли все медленнѣе, даже овцы останавливались отъ жары, а рыжій поводырь поворачивалъ рогатый лобъ и жалобно блеялъ, но отецъ Серафимъ то и дѣло подгонялъ:

— Франекъ, гони, отдохнемъ за рѣкой.

— А вы знаете, что всѣ паромы на Нѣманѣ охраняются казаками.

— Знаю. Чтобы замести слѣды, мы должны вернуться въ Гродно по Ковенскому тракту. Но вы уже совсѣмъ носомъ клюете,—замѣтилъ отецъ Серафимъ, подавая Зарембѣ табакерку.—Ложитесь и спите, я буду караулить.

Заремба охотно согласился и немного спустя уже громко храпѣлъ.

Проснулся онъ въ Гродно. Часы какъ разъ пробили четыре.

— Какъ вы меня провезли черезъ заставу?

— Сказалъ, что везу пьянаго, офицеръ по этому поводу былъ снисходителенъ.

— Съ вами, отецъ, все идетъ, какъ по маслу! Спасибо!

Онъ горячо расцѣловалъ монаха.

— Мнѣ пріятно это слышать, какъ зайцу барабанный бой,—заявилъ тотъ, польщенный. — Побродилъ я въ жизни немало съ братомъ-посошкомъ, опытъ есть! Пойду немножко прилечь, а съ завтрашняго дня опять къ услугамъ господина поручика.

— Работы намъ хватить. А, Стасекъ! Что это за билеты?

Стасекъ подалъ визитныя карточки и радостно поцѣловалъ его руку.

— Все въ порядкѣ, господинъ поручикъ.

Онъ вытянулся во фронтъ.

— «Князь Циціановъ, полковникъ гренадеровъ». «Фонъ Блюмъ, капитанъ»,—прочиталъ Заремба, не въ силахъ будучи скрыть

своего удивленія и нѣкотораго страха. — Что же ты имъ сказалъ?

— Что вы только что ушли обѣдать. Они были въ полдень.

— Милые гости! Циціановъ отдалъ визитъ, но что надо Блюму? Придется сейчасъ же показаться на люди. Можетъ быть, вы, отецъ, узнаете, кого вчера вывезли изъ Гродно.

— Вывозятъ подъ вымышленными именами, на каждой станціи, чтобы спутать, мѣняютъ имена увозимыхъ. Тутъ и чортъ не разберетъ. Однако попытаюсь, можетъ и удастся.

Онъ улыбнулся и вышелъ.

— Тутъ, господинъ поручикъ, васъ ждетъ, какой-то торгашъ. Говоритъ, что вы его знаете.

— Онъ это говоритъ? Но прежде, чѣмъ позвать его, дай мнѣ чего-нибудь поѣсть.

— Все готово!—Онъ сталъ пересчитывать по пальцамъ:—Есть катышки съ черникой, есть молодая поджаренная уточка, есть брусничка, есть...

— Не болтай! Давай, что есть, только скорѣе! Да, принеси еще воды, приготовь мыло и вишневый фракъ.

Стасекъ суетился, рассказывая въ то же время такіе веселые анекдоты, что З-ремба не могъ удержаться отъ смѣха и, наконецъ, спросилъ его:

— Гдѣ ты такой выросъ?

— Не знаю, господинъ поручикъ, меня готоваго въ капустѣ нашли.

— Ты бы могъ поступить въ комедіанты.

— И это пробовалъ, ходилъ съ балаганчикомъ по Варшавѣ. Одинъ товарищъ сдѣлалъ куклы, а я говорилъ и за Ирода, и за Дьявола, и за Маргариту, и за Жида, и за всѣхъ. Но такъ какъ это была послѣдняя масленица великаго сейма, то насъ поймали маршаловы венгерцы и, за то что мы важныхъ особъ на всеобщее посмѣшище выставляемъ, панъ маршалъ велѣлъ намъ влѣпить по двадцать пять плетей съ поливкой. Щедрый былъ панъ, пусть ему все съ прибылью какой-нибудь болѣзнью отдастся. Затѣмъ насъ взяли подъ свое покровительство панъ Вейссенгофъ, панъ Нѣмцевичъ и ксендзъ Дмоховскій. Они составили смѣшные стишки на вельможъ, дали намъ куколки, похожія на нихъ, какъ двѣ капли воды, я говорилъ ихъ головами, и мы давали представленія во дворцахъ, квартирахъ и лучшихъ кафенгаузахъ. Бывали дни, когда и по сто золотыхъ собирали. А сколько было смѣха, сколько жранья и выпивки!

— А ты умѣешь разными голосами говорить?

— Только разрѣшите, господинъ поручикъ...

И не ожидая отвѣта, онъ отступилъ въ глубину комнаты и заговорилъ голосомъ до того похожимъ на голосъ Кацпера, что Заремба въ изумленіи оглянулся. Затѣмъ вдругъ точно пополнѣлъ, выпятилъ животъ, надулъ щеки и заговорилъ, какъ Качановскій. Изобразилъ онъ также Матвѣя и отца Серафима, потомъ закудахталъ, какъ курица, заржалъ, залааялъ одновременно на три голоса и засвистѣлъ, какъ дроздъ.

— Чтобъ тебѣ пусто было! На, возьми за эти шутики. И въ театрѣ лучше не представлять.

— Одинъ разъ услышу и уже помню!—похвастался тотъ, обрадованный милостивымъ тономъ и дукатомъ.

— А сколько тебѣ лѣтъ?

Онъ показался теперь Зарембѣ еще юнцомъ.

— Меня изъ милости родила тетка, и такъ какъ съ ней это случилось въ дѣвичество, то она стыдилась взять метрику.

— Ха, ха!—громко засмѣялся Заремба.—Прибирай со стола, шутъ гороховый, и зови торгаша.

Въ комнату вошелъ небольшой, коренастый человѣкъ, съ рѣдкой рыжеватой бородкой и косыми глазами на широкомъ лицѣ. На бритой головѣ у него была ермолка, рубаха малиноваго цвѣта была выпущена поверхъ широкихъ штановъ, а сверху надѣтъ былъ голубой кафтанъ съ множествомъ складокъ у пояса. Онъ подаль синюю карточку, на углу которой былъ рядъ проколовъ, образовавшихъ треугольникъ.

Заремба осмотрѣлъ бумажку, но, опасаясь какого-нибудь предательства, рѣзко спросилъ:

— Что это за шутки? Вы нѣмой, что ли?

Купецъ улыбнулся и, прошептавъ пароль посвященныхъ, громко добавилъ:

— Меня зовутъ Махмудъ Бѣлякъ изъ Лостонъ. Я братъ майора Амурада, татаринъ, какъ видите, и вѣрный слуга моей родины—Польши.

— Будьте гостемъ и простите за пріемъ, но мой вѣстовой доложилъ мнѣ, что ждетъ купецъ. Садитесь, пожалуйста.

— Уже полгода, какъ я и есть настоящій купецъ. Сейчасъ вы убѣдитесь, поручикъ, что у меня хорошіе товары.

Онъ крикнулъ въ сѣни по-татарски, и сейчасъ же оттуда внесли длинные лубки, завязанные веревками.

— Стасекъ,—крикнулъ Заремба,—садись на крыльцѣ, и—никого нѣтъ дома!

Купецъ самъ заперъ дверь на замокъ и досталъ изъ одного лубка мѣшки съ золотомъ.

— Десять тысячъ дукатовъ. Ихъ надо доставить, по возможности еще сегодня, подкоморію Зелинскому. Это приказъ начальника Дялынскаго, который обѣщалъ быть въ Гроднѣ черезъ пять дней. А теперь покажу вамъ настоящіе товары.

— Такъ вы и въ самомъ дѣлѣ торгуете?—спросилъ непріятно удивленный Заремба, пряча мѣшки въ сундукъ.

— Это даетъ хорошій доходъ и въ то же время позволяетъ мнѣ служить нашему дѣлу,—отвѣтилъ онъ, высыпая изъ лубковъ на полъ дорогіе товары, изъ-подъ которыхъ онъ досталъ какіе-то длинные, тяжелые предметы въ байковыхъ чехлахъ.— Я привезъ пятьдесятъ ружей, которыя надо доставить полковнику Гроховскому въ Парчевѣ.

— Да это какіе-то волшебные лубки!—воскликнулъ необычайно обрадованный Заремба, осматривая ружья съ особенной бережностью.—Прямо-таки прелесть! Намъ, главнымъ образомъ, этого не хватаетъ. Новехонькіе,—онъ понюхалъ стволы,—и уже въ стрѣльбѣ были. Много, должно быть, стоятъ?

— По золотому рублю могорыча, вмѣсто водки, потому что Коранъ запрещаетъ намъ и самимъ пить и другихъ потчевать. Я оказалъ услугу одному гренадерскому офицеру. Мнѣ безразлично, откуда онъ взялъ. Не мой грѣхъ, не мнѣ и каяться. Есть и мѣшокъ съ тысячею кремней.—Онъ сложилъ оружіе въ одну корзину, а товары въ другую и сталъ собираться уходить.— Я квартирую въ почтовомъ подворьѣ. Часто бываю въ разъѣздахъ, потому что доставляю фуражъ въ лагерь союзниковъ, но работникъ, находящійся при запасныхъ лошадяхъ, дастъ мнѣ знать, и я явлюсь. Начальникъ настаивалъ, чтобы ружья были сейчасъ же отправлены.

— Есть монахъ, который ѣздитъ подъ видомъ сборщика. Онъ завтра повезетъ.

Бѣлякъ отказался отъ всякаго угощенія и вышелъ, а Заремба велѣлъ поскорѣе запрягать и, нагрузившись золотомъ, поѣхалъ къ Зелинскому, къ которому онъ однажды уже заѣзжалъ послѣ пріѣзда, но не засталъ дома.

Подкоморій квартировалъ въ небольшомъ домикѣ на Виленской улицѣ. Къ счастью, онъ оказался дома.

Онъ вышелъ навстрѣчу Зарембѣ. Это былъ человекъ среднихъ лѣтъ, съ красивой осанкой и лицомъ, съ большими, опущенными внизъ усами, съ очень пріятливой улыбкой и сѣдѣющими, подбритыми на затылкѣ, волосами. Одѣтъ онъ былъ по-польски, съ саблей у пояса.

Онъ ввелъ Зарембу въ боковую комнатку, тщательно взвѣсилъ деньги и, заперевъ ихъ въ сундукъ, дружески обратился къ нему:

— Завтра ихъ повезутъ въ Капостасъ. Такъ приказалъ начальникъ. Онъ мнѣ очень рекомендовалъ васъ, поручикъ! Вотъ если-бъ у насъ было побольше такихъ офицеровъ, какъ вы!

Заремба вспыхнулъ и горячо отвѣтилъ:

— Если бы мы имѣли побольше такихъ гражданъ, какъ панъ подкоморій. А офицеры помнятъ о своемъ долгѣ родинѣ и ни на одинъ мигъ не теряли вѣры въ нее.

— Дорогой вы мой!—воскликнулъ подкоморій, обнимая его,— типунъ мнѣ на языкъ, если я хотѣлъ васъ обидѣть. Я горячій поклонникъ офицерскаго сословія, я знаю, что вы одни остались на посту, когда всѣ спятъ или махнули рукой, одураченные кошмаромъ предательской дружбы.—Онъ вдругъ умолкъ, такъ какъ изъ сосѣднихъ комнатъ послышался чей-то громовой басъ:

— Смѣю васъ увѣрить, господа, что союзница все, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ для нашего блага. И только подъ ея великодушнымъ покровительствомъ...

Подкоморій заперъ дверь, но Заремба услышалъ и произнесъ сквозь зубы:

— Совсѣмъ какъ въ той сказкѣ, гдѣ волкъ охранялъ стадо овецъ.

— И хуже всего то, что это говоритъ честный человѣкъ, вѣрный сынъ родины. И именно такъ вѣрить почти вся Литва. Что дѣлать съ такой близорукостью!

— Увидятъ сами, когда ужъ поздно будетъ.

— Коссаковскіе ихъ морочать. Они теперь открыто проповѣдуютъ, что для Литвы единственное спасеніе въ добровольномъ союзѣ съ Россіей.

— Люди вѣрятъ всякимъ совѣтамъ, лишь бы заглушить совѣсть и чувство долга.

— А знаете, секретарь сейма Езіорковскій передавалъ мнѣ, что Залускій-Сендомирскій будетъ назначенъ надворнымъ короннымъ казнохранителемъ. Ему это уже обѣщано.

— Онъ выслужилъ это званіе у Игельстрема, вѣдь это же его любовница.

— А Міончинскій-Люблинскій назначенъ полевымъ короннымъ писаремъ.

— Пара негодяевъ: сводникъ и воришка.

— Посолъ нуждается на сеймѣ въ голосахъ сановниковъ и велитъ назначать своихъ прихлебателей. Король вѣдь не станетъ противиться!

— Меня бы не удивило, если бы великимъ короннымъ гетманомъ объявили этого плута и взяточника Любовидзкаго.

— Кстати, Броницкій отказался отъ булавы. Поговариваютъ, что получить ее желаетъ Коссаковскій и хлопочетъ объ этомъ въ Петербургѣ. А король и Сиверсъ поддерживаютъ Ожаровскаго. Но нѣкоторые хотѣли бы, чтобъ короннымъ гетманомъ былъ Пуласкій-Волынскій.

— Развѣ что за заслуги и доблесть его покойнаго брата Казимира.

— Мнѣ говорилъ объ этомъ планѣ Трембицкій. Я думаю, что это только интрига, чтобы расколоть сеймъ. Потому что Пуласкій уже тяготится своими тарговицкими товарищами и жалуется на ихъ жадность и продажность.

— Намъ теперь нуженъ совсѣмъ не такой вождь.

— Я знаю, кто намъ нуженъ. Но пока что Пуласкій намъ пригодится. Это человѣкъ, искренно преданный родинѣ.

— Неужели изъ-за этой преданности онъ былъ маршаломъ Тарговицы.

— Возникъ проектъ,—продолжалъ тотъ, не обративъ вниманія на ироническое замѣчаніе,—выдвинуть его кандидатуру передъ королемъ и сеймомъ. Микорскій уже согласился выступить съ рѣчью. Что вы объ этомъ думаете?

— Ничего не могу сказать, я въ этихъ дѣлахъ мало понимаю,—уклонился Заремба отъ непріятнаго разговора и, взявъ шляпу, поднялся съ мѣста.

— Ну, такъ пойдемте теперь закусить, золотой мой, тамъ насъ ждутъ. Познакомитесь съ нѣсколькими горячими патріотами и съ капитаномъ Жуковскимъ.

— Я держусь подальше отъ патріотовъ, чтобы не привлечь на себя вниманія шпионовъ. Въ Гроднѣ всякій честный человѣкъ въ подозрѣніи и подъ строгимъ надзоромъ. Я изъ предосторожности долженъ играть роль праздношатающагося кутилы,—пояснилъ Заремба, но долженъ былъ обѣщать притти на слѣдующій день обѣдать, за что подкоморій искренно расцѣловалъ его и прощаясь добавилъ:

— Считайте мой домъ своимъ всегда, когда понадобится.

Заремба отправилъ лошадей и почти безсознательно очутился передъ квартирой камергерши какъ разъ въ то время, когда къ подъѣзду подкатилъ Блюмъ, солдатъ выносилъ за нимъ изъ экипажа громадную корзину розъ.

Они поздоровались очень любезно, и офицеръ покровительственнымъ жестомъ приглашалъ его зайти.

— Къ сожалѣнію—занятъ, хотѣлъ только узнать о кастеланѣ.

— Приѣдетъ завтра. Такъ говорила за обѣдомъ панна Тереня. Мы сегодня идемъ въ театръ, не пойдете ли и вы съ нами?

— Будетъ большое общество?

— Только домашніе: камергерша, панна Тереня, я, ну и камергеръ.

— А князь?—не удержался спросить Заремба.

— Онъ явится къ концу спектакля, такъ какъ занятъ теперь съ младшимъ Зубовымъ, который пріѣхалъ изъ Петербурга. Онъ только что ограбилъ посла, отнявъ у него эти розы, и просилъ меня отвезти ихъ камергершѣ. Онъ очень счастливъ, что снова обрѣлъ утраченныя милости,—прошепталъ Блюмъ, глупо улыбаясь.

— Очень радъ,—съ трудомъ произнесъ Заремба, и принудилъ еще себя выразить сожалѣніе, что они не застали его дома.

— Князь очень жалѣлъ, потому что онъ ѣхалъ поблагодарить васъ.

На лицѣ Зарембы появилось удивленіе.

— Онъ признался мнѣ, что благодаря вамъ камергерша простила его.

— Благодаря мнѣ? Ахъ, да, да!—страннымъ образомъ засмѣялся Заремба и, простившись съ Блюмомъ, пошелъ медленно, очень медленно, какъ бы сгибаясь подъ огромной тяжестью.

— Благодаря мнѣ!—повторилъ онъ съ невыразимо горькимъ чувствомъ.—Отомстила! Какъ простая баба!—въ немъ все закипѣло, но, поборовъ себя и принявъ равнодушный видъ, онъ остановился передъ кафенгаузомъ, гдѣ ежедневно въ это время собиралась модная молодежь, рассматривавшая прогуливавшихся дамъ. Былъ тамъ и Мартинъ Закшевскій, но какой-то кислый, недовольный и въ такомъ дурномъ расположеніи духа, точно искалъ случая затѣять скандалъ.

— Ты такъ не весель, точно у жены подкоморія потерпѣлъ неудачу,—шепнулъ Заремба.

— Немного не попалъ, но дѣйствительно кто-то мнѣ тамъ ножку подставляетъ.—И онъ подозрительно поглядѣлъ на Зарембу.

— Подозрѣнія совсѣмъ неосновательны, поищи другихъ слѣдовъ.

— Если бы я зналъ, кто мнѣ тамъ дѣло портить!—проворчалъ онъ, пощипывая усъ.

— Лучше смотри, какъ бы тебя отъ Терени не оставили.

— Ты хочешь задѣть меня или въ самомъ дѣлѣ предостерегаешь?—грозно спросилъ онъ, придвигаясь къ Зарембѣ.

— Мнѣ только хотѣлось бы, чтобы ты узналъ, кто тебѣ подставляетъ ножку и гдѣ...

Закшевскій поблѣднѣлъ, его добродушное лицо, казалось, окаменѣло.

— Я считаю тебя другомъ, такъ ты меня не щади.

— Убѣдись самъ. Дамы будутъ сегодня въ театрѣ, разумѣется не однѣ... Только помни, что офицерамъ Сиверса воспрещено драться на дуэляхъ.

— Но мнѣ не воспрещено хотя бы палкой пересчитать у каждаго изъ нихъ ребра.

— И прокатиться за это въ Калугу. Плохое удовлетвореніе, оно не достигнетъ цѣли. Не подымай скандала, надо поискать болѣе цѣлесообразныхъ средствъ.

— Жди, пока солнце взойдетъ, а роса глаза выѣстъ,—презрительно отвѣтилъ тотъ и быстро удалился.

Заремба тоже собирался итти, какъ вдругъ изъ кофейни выкатился какой-то пьяный великанъ и всей тяжестью упалъ на него, бормоча тономъ приказанія:

— Веди меня, сударь!—онъ рыгнулъ ему прямо въ лицо.

— Я тебѣ не слуга!—Заремба съ отвращеніемъ оттолкнулъ его, тотъ ударился объ стѣну и судорожно держась за нее, сталъ плаксиво кричать:

— Помогите же, собачьи дѣти! Эй вы, молокососы, позвать мнѣ экипажъ!

Никто не спѣшилъ на помощь, но зато посыпались насмѣшки.

— Ляжетъ у кафенгауза, маршаловы холопы подберутъ!

— Отвратительное животное. Онъ тутъ сейчасъ стѣну раскрасить.

— Отдать его патрулю. Выспится въ кордегардіи и самъ найдетъ дорогу къ Массальскому.

— Богъ не торопливъ, но справедливъ,—замѣтилъ какой-то прохожій.

— *Sic transit gloria mundi!*—добавилъ другой, сплевывая въ сторону пьяницы.

— Господа,—замѣтилъ солидный мужчина, одѣтый въ контушъ,—какъ вамъ не стыдно издѣваться надъ пьянымъ и выставлять его на посмѣшище толпы. Заслоните его, по крайней мѣрѣ, а я сбѣгаю за экипажемъ.

Хоть и нехотя, но они загородили его отъ глазъ толпы и поддержали, чтобы онъ не упалъ.

— Кто это?—спросилъ Заремба, указывая на пьянаго.

— Понинскій, бывшій казнохранитель, а теперь послѣдній пьяница.

Дѣйствительно, это былъ извѣстный князь Адамъ Понинскій, въ свое время самая вліятельная и самая подлая личность

въ Рѣчи Посполитой. Сеймовый судъ объявилъ его врагомъ отечества, лишилъ чести, дворянства, всѣхъ титуловъ и привилегій и осудилъ на вѣчное изгнаніе. Его должны были даже, какъ предателя, водить по городу подъ трубные звуки.

— Одинъ изъ подлыхъ, но не единственный,—думалъ Заремба, глядя съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ на его отвратительное лицо, казалось, пропитанное грязью и подлостью.

— Тарговица возстановила его въ правахъ, но всѣ избѣгаютъ его, какъ заразы.

— Да кто же можетъ снять съ него позоръ!—разговаривали рядомъ съ Зарембой.

— Отъ него отрекаются даже его бывшіе союзники. Одинъ только епископъ Массальскій даетъ ему пріютъ и иногда даритъ нѣсколько дукатовъ. Воображаю, какъ его гложетъ совѣсть.

— Совѣсть и Понинскій! Ха, ха, я вижу, ты даже по наслышкѣ не знаешь его.

— Зато чернь кое-что знаетъ о немъ. Смотрите, сколько тутъ собралось всякаго сброда.

— Это потому, что онъ не слишкомъ то разборчивъ относительно компаній, ѣсть, пьеть, съ кѣмъ случится.

Наконецъ, подъѣхалъ экипажъ, его съ трудомъ посадили, и когда лошади тронулись, толпа побѣжала за нимъ, пронзительно свистя и крича:

— Взятчикъ! Воръ! Измѣнникъ!—ругательства летѣли вмѣстѣ съ камнями и комями грязи.

Нѣсколько гренадерскихъ офицеровъ, стоявшихъ въ сторонѣ, стали хлопать и хохотать.

— Если бы это видѣли наши теперешніе министры,—замѣтилъ кто-то изъ молодежи.

Заремба отвернулся, чтобы не видѣть этой сцены, и поспѣшно пошелъ домой. Онъ хотѣлъ поговорить съ отцомъ Серафимомъ относительно транспорта ружей, но, не найдя его въ монастырѣ, онъ заглянулъ въ келію настоятеля и, какъ вкопанный, остановился на порогѣ.

Комната была залита свѣтомъ заходящаго солнца, а у окна въ розоватыхъ лучахъ стоялъ на колѣняхъ настоятель, весь покрытый тучей птицъ, сидѣвшихъ у него на головѣ, плечахъ и даже на молитвенно сложенныхъ рукахъ. И въ этой священной и сладостной тишинѣ сумерокъ звучали только голоса птицъ и слова екатеніи.

— «Убѣжище грѣшниковъ»,—неся въ пространство крыленный шопоть любви.—«Помилуй насъ»—какъ бы отвѣчали равномерные взрывы птичьяго щебетанія, которое вдругъ умол-

кало, и тогда только мелькали крылья перелетавшей съ мѣста на мѣсто стаи.

— «Утѣшительница страждущихъ!»

И снова обрывалось щебетаніе и наступала наполненная ароматомъ цвѣтовъ тишина тихаго, лѣтняго вечера.

— «Укрѣпительница вѣрныхъ!»—продолжалъ настоятель, не слыша, какъ открылась дверь.

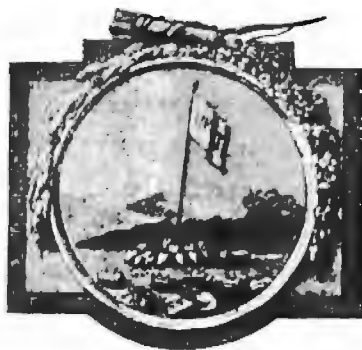
Заремба тихо отступилъ и долго стоялъ подъ окномъ въ саду, впивая въ себя эту молитвенную сладость. Въ его памяти воскресъ родной домъ, мать, дѣтство. Старые годы, старыя мечты, старыя надежды. Его подхватилъ и унесъ сладостный вихрь и неумолимой колеей донесъ до его первой и единственной любви, до Изы. Онъ вздрогнулъ, какъ желѣзная рука, страданіе сдавило его сердце.

— Почему ты такая!—простоналъ онъ. Чудесный цвѣтокъ мечты разсыпался у него въ рукахъ, и лепестки летѣли въ отвратительную, грязную трясиину и сами становились грязью.

Но черезъ нѣсколько времени онъ снова потащился въ городъ, по направленію къ дворцу Сапѣги, гдѣ сегодня было представленіе французскаго театра.

Пер. единственно разрѣшенный авторомъ *Е. Загорскаго*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Д. В. Веневитиновъ.

Матеріалы для біографіи. Неизданные отрывки и записки ¹⁾.

На долю Веневитинова, какъ и многихъ другихъ извѣстныхъ русскихъ писателей, выпала довольно странная участь въ исторіи русской литературы.

Въ похвалахъ и одобреніяхъ Веневитинову—не было недостатка, и внѣшняя, формальная сторона его извѣстности поставлена на весьма прочныхъ основаніяхъ.

Но вообще говоря, изученіе нашего поэта подвинулось мало. Кромѣ нѣсколько устарѣвшаго, но, правда, обстоятельнаго критико-біографическаго очерка А. П. Пятковского, приложеннаго къ полному собранію сочиненій Д. В. Веневитинова, вышедшему въ 1862 году, и повтореннаго въ его очеркѣ «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія»,—мы имѣемъ въ сущности только изслѣдованія проф. Евг. Боброва (въ сборникѣ «Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в.» т. I и II, въ сборникѣ «Философія въ Россіи», вып. II, и въ Извѣстіяхъ Отд. р. яз. и слов. И. А. Н. за 1910 г., т. XV, кн. 1)

Естественно, что въ пониманіи такихъ личностей, какъ Веневитиновъ, много значутъ указанія лицъ, находившихся съ ними

¹⁾ Изъ бумагъ ранѣе принадлежавшихъ А. П. Пятковскому. *Ред.*

въ близкой и постоянной связи и имѣвшихъ такъ сказать доступъ въ тайники души, не часто и неохотно открываемые для внѣшняго наблюденія. Къ счастью, мы располагаемъ возможностью пользоваться неизданными матеріалами и въ частности неопубликованными записями многихъ лицъ, знавшихъ Веневитинова, либо въ теченіе всей его жизни, либо въ одинъ изъ ея интереснѣйшихъ періодовъ.¹⁾

Когда Веневитинову исполнилось 17 лѣтъ, онъ началъ посѣщать Московскій университетъ.

Слушая лекціи профессора М. Г. Павлова, будущій поэтъ пристрастился къ занятіямъ философіей. Свои взгляды на философію, какъ извѣстно, онъ собирался изложить въ цѣломъ рядѣ писемъ къ княгинѣ А. И. Трубецкой; здѣсь онъ хотѣлъ «представить, какъ всѣ науки сводятся на философію и изъ нея оратно выводятся».

«Вы хотите знать ея (т.-е. философіи) опредѣленіе, ея предметъ,—пишетъ юный Веневитиновъ къ княгинѣ,—и на это я не могу дать вамъ рѣшительнаго отвѣта. Но мы вмѣстѣ будемъ искать ее въ самой наукѣ, и потому сдѣлаемъ другой вопросъ: можетъ ли быть наука, называемая философіей, и какъ родилась она?»

«Въ своихъ философскихъ письмахъ къ княгинѣ Трубецкой Веневитиновъ изъ всѣхъ сложныхъ опредѣленій ея, т.-е. философіи, выбралъ одно простѣйшее и наиболѣе доступное для пониманія тогдашняго общества и изложилъ его такъ просто, логично и послѣдовательно, что мы съ нѣкоторымъ удивленіемъ вспоминаемъ годъ появленія статьи (въ 1825 г.), когда философія была у насъ совершенной Изидой, подъ самымъ непрозрачнымъ покрываломъ»,—замѣчаетъ въ своей біографіи А. Пятковский.

Въ полномъ собраніи сочиненій Веневитинова напечатано лишь одно письмо о философіи къ княгинѣ А. И. Трубецкой. Мы можемъ привести здѣсь второе письмо къ княгинѣ Трубецкой, которое не вошло въ полное собраніе сочиненій Веневитинова. Оно найдено нами въ черновыхъ бумагахъ поэта.

«Что такое философія и каковъ предметъ ея?» пишетъ Веневитиновъ: «эти вопросы, казалось бы, должны быть первыми вопросами философіи. Мы привыкли при изученіи всякой науки объяснить себѣ напередъ предметъ ея. Здѣсь совершенно противное. Для того, чтобы опредѣлить себѣ, что такое философія,

¹⁾ Нѣсколько неизданныхъ произведеній Веневитинова, въ томъ числѣ его стихотворенія «Кинжалъ», «Она мила», «Тогда бы душа твоя»,—были опубликованы С. М. Шпицеромъ въ газетѣ «День» (1913, авг. 16-го) и въ журналѣ «Солнце Россіи» (1913, июнь, № 26/177). *Ред.*

надобно пройти полную систему науки, и отвѣтъ на сей вопросъ будетъ ея результатомъ. Отчего бы это такъ было? Неужели философія не есть въ полномъ смыслѣ наука? Неужели она не имѣетъ предмета опредѣленнаго и основана на одномъ предположеніи мечтательномъ? Напротивъ, оттого, что она есть единственная самобытная наука, заключаетъ въ себѣ самый предметъ свой; между тѣмъ, какъ другія науки, такъ сказать, приковываютъ умъ къ законамъ нѣсколькихъ явленій, произвольно полагая ему границы во времени или въ пространствѣ, она выливается изъ самой свободы ума, не подчиняясь никакимъ постороннимъ условіямъ. Математика есть также наука свободная: точка, линіи, треугольники суть нѣкоторымъ образомъ ея произведенія, но математика занимается одними произведеніями своими и тѣмъ ограничиваетъ кругъ свой, между тѣмъ какъ философія обращаетъ все свое вниманіе на самое дѣйствіе. Всякая наука довольствуется познаніемъ своего предмета или, лучше сказать, познаетъ только законы избранныхъ ею явленій; одна философія изслѣдуетъ законы самого познанія и потому по всей справедливости, во всѣ времена, называлась наукою наукъ, наукою премудрости.

Если философія занимается не произведеніемъ ума, но его дѣйствіемъ, то она необходимо должна преслѣдовать это дѣйствіе въ самой себѣ, т.-е. въ самой наукѣ, и потому первый вопросъ ея долженъ быть слѣдующій: что есть наука или вообще что такое знаніе?

Всякое знаніе есть согласіе какого-нибудь предмета съ представленіемъ нашимъ о немъ предметѣ. Назовемъ совокупность всѣхъ предметовъ природы, а всѣ представленія сихъ предметовъ или, что все одно, познающую ихъ способность, умомъ и скажемъ: знаніе въ обширномъ смыслѣ есть согласіе природы съ умомъ.

Но умъ и природа рождаютъ въ насъ понятія совсѣмъ противоположныя между собой:—какимъ же образомъ объяснить ихъ взаимную встрѣчу во всякомъ знаніи? Вотъ главная задача философіи. На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать никакою аксіомою, ибо всякая аксіома будетъ также знаніемъ, въ которомъ снова повторится встрѣча предмета съ умомъ или объективнаго съ субъективнымъ. И такъ, разрѣшить сію задачу невозможно. Одинъ только способъ представляется философу: надобно ее разрушить, т.-е. отдѣлить субъективное отъ объективнаго, принять одно за начальное и вывести изъ него другсе. Задача не объясняетъ: котерый изъ сихъ двухъ факторовъ знанія долженъ быть принять за начальный, и здѣсь рождаются два предположенія:

1) Или субъективное есть начальное; тогда спрашивается, какимъ образомъ присоединилось къ нему, ему противоположное, объективное.

2) Или объективное есть начальное. Тутъ вопросъ, откуда взялось субъективное, которое съ нимъ такъ тѣсно связано.

Въ обширнѣйшемъ значеніи сіи два предположенія обратятся въ слѣдующія:

1) Или природа всему причина; то какъ присоединился къ ней умъ, который отразилъ ее.

2) Или умъ есть существо начальное; то какъ родилась природа, которая отразилась въ немъ.

Если развитіе сихъ двухъ предположеній есть единственное средство для разрѣшенія важнѣйшей задачи философіи, то сама философія необходимо должна, такъ сказать, распасть на двѣ науки равносильныя, изъ которыхъ каждая будетъ основана на одномъ изъ нашихъ предположеній и которыя, выходя изъ началъ совершенно противоположныхъ, будутъ стремиться ко взаимной встрѣчѣ для того, чтобы въ соединеніи своемъ вполне разрѣшить задачу, нами выше предложенную, и образовать истинную науку познанія.

Сіи науки, само собою разумѣется, должны быть:—наука объективнаго или природы и наука субъективнаго или ума, другими словами: естественная философія и трансцендентальный идеализмъ. Но такъ какъ объективное и субъективное всегда стремятся одно къ другому, то и науки, на нихъ основанныя, должны слѣдовать тому же направленію и одна устремляться къ другой, такъ что естественная философія въ совершенномъ развитіи своемъ должна обратиться въ идеализмъ и наоборотъ.»

Въ числѣ близкихъ друзей Веневитинова былъ Н. М. Рожалинъ. Въ началѣ своего знакомства съ Веневитиновымъ онъ оказывалъ на поэта большое нравственное вліяніе, а потому его имя требуетъ къ себѣ нѣкотораго вниманія.

Дѣло въ томъ, что біографъ Веневитинова—А. П. Пятковский, въ своемъ критико-біографическомъ очеркѣ, приложенномъ къ полному собранію сочиненій Д. В. Веневитинова (изд. 1862 г.), на стр. 18 дѣлаетъ подъ текстомъ слѣдующую выноску, касающуюся смерти друга поэта: «Смерть настигла его (т.-е. Рожалина), когда онъ больной только что вернулся изъ-за границы, гдѣ занимался изученіемъ филологіи. Онъ умеръ уже послѣ Дм. Вл. и, умирая, съ любовью разспрашивалъ о немъ; но отъ него скрыли смерть его друга. Рукописи Рожалина сгорѣли на станціи».

До насъ дошло письмо А. Соболевскаго къ А. П. Пятковскому въ отвѣтъ на присылку послѣднимъ только что вышедшей его книги

о Д. В. Веневитиновѣ. Въ виду того, что письмо это представляет большой интересъ, приводимъ его полностью:

«Благодарю Васъ сердечно за присылку. На страницѣ 18-ой Веневитинова у Васъ страшный вздоръ.—Когда Веневитиновъ умеръ—мы всѣ, въ томъ числѣ и Рожалинъ, вмѣстѣ горевали о потерѣ его; потомъ въ 1830 году я жилъ съ нимъ вмѣстѣ въ Мюнхенѣ около мѣсяца. Послѣ 1836 года Рожалина больного привезли въ С.-Петербургъ на пароходѣ; объ этомъ меня въ тотъ же день извѣстилъ дядя Веневитинова (кн. Н. Н. Оболенскій); къ сожалѣнію, записку его я нашелъ у себя поздно вечеромъ при возвращеніи домой; поѣхалъ къ нему на слѣдующее утро—и не засталъ его уже въ живыхъ.

И такъ вся выноска Ваша о немъ слѣдуетъ къ уничтоженію.

Вотъ Вамъ литературный анекдотъ. Въ Москвѣ, въ университетской типографіи, въ 1825 году напечатана книжка: «Разсужденіе о духѣ, характерѣ и силахъ древнихъ стихотворцевъ, ораторовъ и историковъ,—сочиненное княз. Александромъ Мещерскимъ in 8 стр. 3—72».

Это «разсужденіе» написано Рожалинымъ, и я могу утвердительно сказать, что кн. Мещерскій н и к о г д а н е п р о ч е л ъ н и о д н о й страницы этой книги; Растопчинъ готовилъ его къ экзамену.

Напечатанъ, кажется, Рожалинскій переводъ «Страданій Вертера». Въ его сгорѣвшихъ бумагахъ не было ничего кромѣ упражненій въ древнихъ языкахъ и лекцій Мюнхенскихъ профессоровъ. Вотъ какъ онѣ сгорѣли. Похоронивъ Рожалина, я всѣ его вещи, платье, бумаги и книги у л о ж и л ъ въ два чемодана и отослалъ ихъ по назначенію покойнаго въ Москву Ивану Васильевичу Кирѣевскому для передачи брату Рожалина. Такъ какъ у Рожалина была сильнѣйшая чахотка, то я при этомъ написалъ Кирѣевскому, чтобы они въ Москвѣ (т.-е. онъ и братъ Рожалина) не спѣшили открывать чемоданы и чтобы послѣдній не спѣшилъ употреблять вещей, принадлежавшихъ покойному. Кирѣевскій слишкомъ долго чемодановъ не бралъ изъ конторы дилижансовъ. Контора сгорѣла и чемоданы погибли. Прощайте. *Преданный Соболевскій.*

Алексѣй Хомяковъ былъ менѣе близокъ къ Веневитинову, чѣмъ Оедсръ. Веневитиновы были дружны съ Хомяковыми, со Скарятинными и съ Кирѣевскими (это другіе Кирѣевскіе, тамъ Иванъ и Петръ Васильевичи), какъ съ товарищами дѣтскихъ игръ. Куда дѣлись эти Кирѣевскіе—не вѣдаю.»

Перепечатывая свой очеркъ о Веневитиновѣ въ сборникѣ «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія»,

Пятковскій страннымъ образомъ сохранилъ этотъ «страшный вздоръ» о Рожалинѣ (ч. II, 2-ое изд., Спб. 1888 г., стр. 318, при. 3-е)

Въ первыхъ числахъ октября 1826 года Веневитиновъ зачисляется въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, разлучается съ любимой женщиной—княжной З. Волконской, съ родною Москвою и уѣзжаетъ въ Петербургъ.

Сѣверная столица понравилась поэту. Онъ восхищается Невой (воспѣта въ его стихотвореніи «Къ моей богинѣ») и другими ея достопримѣчательностями.

Первыя впечатлѣнія Веневитинова отъ Петербурга мы находимъ въ его подлинныхъ письмахъ сестрѣ, Софіи Владимировнѣ¹⁾. 5 января 1827 г. онъ писалъ:

«Я обѣщалъ тебѣ подробно описать Петербургъ, мой дорогой другъ, и я исполняю свое обѣщаніе. Я видѣлъ уже Неву, всѣ великолѣпныя зданія, находящіяся на ея берегахъ, памятникъ Петру Великому, Казанскій соборъ, словомъ, всѣ достопримѣчательности столицы. Я люблю все осматривать въ прекрасную погоду. Я былъ также въ Таврическомъ дворцѣ и видѣлъ знаменитую мраморную залу. Но я хочу впечатлѣніямъ созрѣть, усилиться, вырасти. Я еще сердцемъ далекъ отъ Петербурга и воспоминанія о Москвѣ меня еще слишкомъ занимаютъ, чтобы я могъ созерцать все съ должнымъ вниманіемъ и наслаждаться душой всѣмъ видѣннымъ.»

Въ другомъ письмѣ къ сестрѣ, отъ 8 января 1827 г., поэтъ опять восторгается столицей:

«Я хотѣлъ бы тебѣ рассказать подробно о позавчерашнемъ днѣ. Это одинъ изъ лучшихъ дней, проведенныхъ мною въ Петербургѣ. Я прогуливался въ одно солнечное утро съ Хомяковымъ, который, насколько тебѣ извѣстно, живетъ со мною въ теченіе пяти или шести дней.

Весь городъ казался въ это утро освѣщеннымъ двумя огромными свѣчами: а именно то были шпили адмиралтейства и крѣпости. Онѣ освѣщаютъ весь Петербургъ и въ хорошую погоду можно сказать, что это два большихъ свѣточа.

Мы переѣхали Неву въ ея самомъ широкомъ мѣстѣ, которое достигаетъ приблизительно одной версты, затѣмъ мы вошли въ крѣпость. Гробницы Петра Великаго, Екатерины II, Александра I и др. мнѣ очень понравились: онѣ возбуждали мое религиозное чувство. Каѳедральный соборъ привлекателенъ, хотя и некрасивъ. Всѣ его стѣны увѣшаны завоеванными знаменами. все это доставляетъ мнѣ здѣсь гораздо больше удовольствія, не-

¹⁾ Краткія выписки изъ нихъ были уже приведены А. П. Пятковскимъ. Оригиналы писемъ на французскомъ языкѣ. *Ред.*

жели убогая красивыми зданіями Москва. Это объясняется моей индивидуальной склонностью или же другими причинами, которая слѣдуетъ приписать бѣдности даже такого города, какъ Петербургъ, въ области искусства.»

Наконецъ, и въ третьемъ письмѣ къ сестрѣ Вeneвeтeнoвe пишетъ:

«Я хожу обыкновенно въ Казанскій соборъ. Я люблю эту церковь, хотя не могу сказать, чтобы она была красивымъ зданіемъ. Такъ какъ въ Петербургѣ мало, и даже очень мало, церквей, и такъ какъ эта церковь очень обширна, то сюда стекается столько народу, что когда служба кончается, толпа валитъ черезъ три двери въ теченіе получаса, наводняя всю площадь. Это мнѣ очень нравится.

Я люблю также разсматривать иконы въ этой церкви; онѣ писаны нашими лучшими академиками. Представь себѣ, что до сихъ поръ я нашелъ здѣсь единственную икону, которая мнѣ понравилась. Это—маленькая икона Св. Дѣвы, которая находится надъ большой дверью алтаря. Расскажи объ этомъ Герке. ¹⁾ Онъ нѣкогда мнѣ говорилъ объ этой иконѣ.»

О своихъ занятіяхъ въ Петербургѣ Вeneвeтeнoвe черезъ два мѣсяца по прибытіи писалъ своему брату: ²⁾

«Я дружусь съ моими дипломатическими занятіями. Молю Бога, чтобы поскорѣе былъ миръ съ Персіей, хочу отправиться туда при первой миссіи и на свободѣ пѣть съ восточными соловьями.

Malgré le nombre de mes occupations, je trouve toujours le temps d'écrire. Je suis placé près de Bouteneff. ³⁾

Пиши мнѣ объ журналѣ ⁴⁾; скажи искренно, что говорятъ объ немъ въ Москвѣ?»

Въ другомъ письмѣ къ брату Вeneвeтeнoвe пишетъ:

«Недавно я обѣдалъ вмѣстѣ съ Гречемъ и Булгаринымъ: они оба увиваются около меня, какъ пчелка около липки, только не дождутся отъ меня меда. Вчера у меня провелъ весь вечеръ Дельвигъ; мы провели время очень весело, пѣли и швыряли другъ въ друга стихами».

Въ Петербургѣ Вeneвeтeнoвe сильно тоскуетъ по любимой женщинѣ. Онъ угрюмъ, мраченъ; Москва тянетъ его къ себѣ невидимыми нитями. Едва ли не въ каждомъ письмѣ къ сестрѣ

¹⁾ К. И. Герке, другъ Вeneвeтeнoвa. Къ нему обращено его стихотвореніе «К. И. Герке» (при посылкѣ трагедіи Вернера). *Ред.*

²⁾ Выдержки изъ писемъ къ брату опять приводятся у Пятковского. *Ред.*

³⁾ Начальникъ Вeneвeтeнoвa по службѣ. *Ред.*

⁴⁾ Имѣется въ виду «Московскій Вѣстникъ».

онъ спрашиваетъ: «Что дѣлають на вечерахъ у госпожи Зинаиды? Поють? Танцуютъ? Мнѣ все это интересно знать. Описывай подробно.» Или: «Засвидѣтельствуй мои вѣрноподданическія чувства княжнѣ Зинаидѣ. Я ей очень признателенъ за память» — рѣчь идетъ о присылкѣ нотъ одного романса.

Въ одномъ изъ писемъ къ сестрѣ Веневитиновъ ревнуетъ княгиню Волконскую къ одному поэту:

«Л. В. Герперъ, проведеній нѣсколько времени тому назадъ вечеръ у тебя въ салонѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ. Онъ прочелъ мнѣ нѣсколько стихотвореній Муравьева, въ которыхъ есть красивыя мысли. Скажи это княгинѣ Зинаидѣ, такъ какъ я знаю, что она интересуется успѣхами Муравьева. Я золь, что не могу также похвалить все, что знаю о немъ. Также благодарю тебя за подробности о праздникѣ у З... и за письмо Рожалина.»

Свою тоску Веневитиновъ пытается утопить въ веселіи. Объ этомъ время препровожденіи поэтъ пишетъ сестрѣ:

«Уже нѣсколько дней я собираюсь тебѣ описать подробности маскарада, который былъ данъ Дворомъ. Я былъ при открытіи бала и остался въ восторгѣ отъ зала, сада и костюмовъ. Княжна Алина была прелестна, т-те Лавадонская очень красива и т. д. и т. д. Я провелъ противъ обыкновенія почти всѣ эти праздники внѣ дома. Я былъ на балу у Кутузова; слушалъ музыку и сегодня предполагаю пойти въ оперу: идетъ «Преціоза» Вебера.

Въ концѣ недѣли Пушкинъ ѣдетъ въ Грузію и проѣзжаетъ черезъ Москву. Я думаю поручить ему передать тебѣ виды, которые я обѣщалъ.

Что касается моего портрета, то у меня не было времени его заказать. Кромѣ того, портретъ мой будетъ теперь бесполезенъ, такъ какъ ты меня, по всей вѣроятности, не узнаешь. Благодаря вліянію петербургскаго климата, у меня волосы завились и глаза стали черными. Скажу больше, я ношу усы и отпустилъ себѣ испаснкую бородку. Все это придаетъ мнѣ нѣсколько дикій видъ, въ которомъ ты меня не можешь себѣ представить».

Въ одномъ изъ писемъ къ матери Веневитиновъ также упоминаетъ объ этой полосѣ веселья.

«Я провелъ все это время, начиная съ праздниковъ, необыкновеннымъ для меня образомъ. Я былъ нѣсколько разъ на балахъ, то у Кутузова, то у нашего хозяина Ланского. Все это не помѣшало мнѣ по утрамъ заниматься службой.»

Къ святкамъ поэтъ послалъ въ Москву своему брату «Домового», но тутъ же пожалѣлъ, что сдѣлалъ это, ибо въ названной поэмкѣ сквозитъ шаловливая скабрзность. Вдогонку Веневити-

новъ пишетъ брату письмо и проситъ его уберечься отъ чтенія «Домового» въ присутствіи дамскаго общества.

Вообще Веневитиновъ былъ необычайно скромнъ. Узнавъ черезъ друзей, что сестра распространяетъ въ Москвѣ его стихи, онъ обрушивается на нее съ обвиненіями и между прочимъ пишетъ:

«Я ничего не пришлю тебѣ, потому что ты слишкомъ распространяешь мои стихи. Я не хочу вымаливать похвалъ»...

Служба въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ не мѣшаетъ Веневитинову довольно усердно заниматься литературой (лучшія его произведенія написаны именно въ эту пору). Весь свой досугъ поэтъ удѣляетъ литературѣ и работаетъ, повидимому, много, что видно изъ его письма къ брату, А. Веневитинову, отъ 14 февраля 1827 г.:

«Авось окончу въ скоромъ времени большое сочиненіе, которое рѣшить: долженъ ли я слѣдовать влеченію къ поэзіи или побороть въ себѣ эту страсть. Попробуй отдать мои «Участи» въ цензуру ¹⁾. Къ юбилею Гете пришлю славные отрывки изъ «Фауста». Третья книжка «Московского Вѣстника» не въ примѣръ лучше двухъ первыхъ».

Упоминаемое въ этомъ письмѣ «большое сочиненіе» есть нечто иное, какъ романъ, задуманный Веневитиновымъ еще въ Москвѣ. Отъ него сохранился только отрывокъ «Три эпохи любви». ²⁾.

15 марта 1827 года Веневитиновъ умеръ на рукахъ Муханова, О. Хомякова и гр. Панина.

Есть нѣсколько версій, рассказывающихъ о болѣзни и смерти поэта.

Постараемся разобраться въ имѣющихся у насъ матеріалахъ и установить наиболѣе близкую къ истинѣ причину смерти Веневитинова.

Въ первомъ изданіи сочиненій Веневитинова, вышедшемъ въ Москвѣ въ 1829 году, въ краткой біографіи поэта говорится: «Черезъ недѣлю послѣ отправки въ Петербургъ стихотворенія «Поэтъ и другъ» (т.-е. 7 марта 1827 г.) Веневитиновъ занемогъ нервическою горячкою, которая въ восемь дней свела его въ могилу».

А. П. Пятковскій находитъ эти свѣдѣнія не совсѣмъ точными. Онъ утверждаетъ со словъ князя Вл. О. Одоевскаго, что истинной причиной смерти поэта была сильная простуда, полученная

¹⁾ Стихотвореніе «Три участи».

²⁾ Фабула задуманнаго романа, со словъ самого Веневитинова, впервые была изложена въ предисловіи къ его прозаическимъ сочиненіямъ (М. 1831 г.). *Ред.*

имъ послѣ бала у Ланскихъ, когда по окончаніи танцевъ, въ холодную и сырую ночь, онъ возвращался черезъ дворъ къ себѣ домой, въ сосѣдній флигель. «Это обстоятельство и имѣло окончательное вліяніе на здоровье Веневитинова, уже раньше разстроенное непривычнымъ петербургскимъ климатомъ»—говоритъ Пятковский.

Сестра поэта, графиня Соф. Вл. Комаровская, рассказывая объ арестѣ Веневитинова при вѣздѣ его въ Петербургъ, добавляетъ, что черезъ полгода послѣ этого ареста «Дм. Вл. умеръ отъ воспаленія къ кишкахъ. Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, товарищъ его по Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, присутствовалъ при его смерти».

Племянникъ Веневитинова, М. Веневитиновъ, съ своей стороны связываетъ причину смерти съ арестомъ Веневитинова при вѣздѣ его въ Петербургъ: «Хомяковъ и Веневитиновъ ѣхали въ двухъ 2-хмѣстныхъ экипажахъ, и поочередно садились съ Воше. Подъѣзжая къ Петербургу, случилось, что французъ сидѣлъ съ Дм. Вл. Это то и заставило полицію обратить особенное вниманіе на послѣдняго, арестъ котораго, по словамъ рассказчицы (т.-е. старой няни), имѣлъ прямое отношеніе къ его смерти. Комната, въ которой онъ сидѣлъ въ Главномъ штабѣ, была очень сыра и холодна; это оказало дурное вліяніе на не очень крѣпкое здоровье Дм. Вл. и помогло развиться той болѣзни, которая причинила ему смерть, если только не была причиной самой болѣзни».

Другія близкія къ Веневитинову лица приписываютъ смерть поэта страстной любви его къ княгинѣ З. А. Волконской, разлуку съ которою онъ будто бы не могъ перенести.

Наконецъ, сестра поэта—граф. С. В. Комаровская, ознакомившись со всѣми вышеприведенными версіями, высказалась такъ:

«По моему мнѣнію, единственной причиной преждевременной смерти Дм. Вл. была корь, которая онъ заболѣлъ года за два или три до его смерти. Выздоровленіе его отъ этой обыкновенной болѣзни не сопровождалось достаточными предосторожностями. Три недѣли спустя послѣ уничтоженія признаковъ сыпи, Дм. Вл. совершилъ большую прогулку въ очень легкой одеждѣ и при этомъ такъ сильно простудился, что вернулся домой съ кашлемъ, который не прекращался до самой его смерти и причинялъ ему частыя и сильныя боли въ груди. Переѣхавъ въ Петербургъ, Дм. Вл., несмотря на пластырь, постоянно имъ носимый на груди, еще болѣе разстроилъ свое здоровье, подъ вліяніемъ новаго и негостепріимнаго Петербургскаго климата.»

Бросивъ взглядъ на всѣ приведенныя нами версіи о причинѣ смерти поэта, мы склонны согласиться съ послѣднимъ объясне-

ніемъ, присоединивъ сюда фактъ простуды послѣ бала у Ланскихъ.

Попутно укажемъ также и на примитивные способы лѣченія тогдашнихъ врачей, такъ какъ прямое указаніе на то есть въ письмѣ одного изъ пріятелей Вeneвитинова. Въ письмѣ отъ 12 марта (т.-е. за три дня до смерти поэта) говорится: «Всѣ мѣры приняты; призвалъ доктора Раухъ. Доктора ѣздятъ два раза въ день. Докторъ Раухъ ошибся въ болѣзни и лѣчилъ Вeneвитинова отъ кашля»...

По поводу болѣзненной внѣшности поэта его біографъ, А. Пятковскій, между прочимъ говорилъ: «За мѣсяць до кончины поэта,—гр. Стурдза видѣлъ на его лицѣ признаки органическаго разрушенія... Я видѣлъ Вeneвитинова,—говорилъ онъ въ послѣдствіи Ѳ. Хомякову,—и съ первой встрѣчи призналъ въ немъ необыкновенныя дарованія, но тутъ же замѣтилъ я на его лицѣ признаки скорой смерти».

Слова, приписываемыя Пятковскимъ гр. Стурдзѣ, были сказаны не имъ, а Родофиникинымъ, директоромъ азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ.

Какъ знатокъ греческаго языка Вeneвитиновъ былъ рекомендованъ Несельроде княг. З. Волконской, Трубецкими и Лаваль. Несельроде хотѣлъ дать ему занятія по сношеніямъ съ Востокомъ, которыми Дм. Вл. очень интересовался, что видно изъ оставшихся въ его бумагахъ замѣтокъ по религіи и исторіи южно-азіатскихъ народовъ.

Вышеприведенныя слова и были сказаны Родофиникинымъ Несельроде на вопросъ его о томъ, какъ понравился ему новый чиновникъ, присланный въ азіатскій департаментъ. Родофиникинъ, проведя долгое время въ разговорѣ съ Дм. Вл., отозвался о немъ Несельроде, какъ о человѣкѣ, подающемъ большія надежды и общающемъ принести много пользы департаменту. «Mais прибавилъ онъ, — nous n'en profiterons pas longtemps. Il a la mort dans les yeux. Il mourra bientôt».

Этотъ разговоръ происходилъ за мѣсяць до кончины поэта.

Весьма вѣроятно, если бы не безпощадная смерть, Вeneвитиновъ со временемъ занялъ бы крупный дипломатическій постъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ матери, онъ говорилъ: «Я думаю, не переоцѣнивая себя, что мною довольны. До меня доносятся слухи о моемъ повышеніи, но мнѣ еще не объявили объ этомъ официально. Я же не освѣдомляюсь и почти никогда не думаю объ этомъ.»

Въ бумагахъ Вeneвитинова оказалось замѣтка «Объ Абидосской невестѣ». Она была прислана въ «Московскій Вѣстникъ»,

въ отвѣтъ на критическій разборъ этого произведенія, помѣщенный «Сѣверной Пчелой». Замѣтка носитъ схематическій характеръ: Веневитиновъ, собственно говоря, хотѣлъ только указать редакціи журнала, къ которой онъ былъ очень близокъ, въ какомъ духѣ слѣдуетъ отвѣтить рецензенту «Сѣверн. Пчелы», неосновательно избравшему переводъ, сдѣланный И. И. Козловымъ.

Подлинникъ этой рукописи впослѣдствіи оказался у родственниковъ поэта. Редакція «Московск. Вѣсти.» почему-то не воспользовалась этой замѣткой. Вотъ ея текстъ.

ОБЪ АБИДОССКОЙ НЕВѢСТѢ.

«Сія повѣсть такъ извѣстна, что не нужно представлять здѣсь ея содержанія. Она не принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, въ которыхъ Байронъ показалъ всю силу своего генія и потому не можетъ подать повода къ развитію характера сего великаго поэта. Въ переводѣ И. И. Козлова есть мѣста прекрасныя, стихи пресчастливыя. Но вездѣ ли сохраненъ характеръ подлинника? Г. Козловъ доказалъ намъ, что онъ постигаетъ красоты поэта англійскаго, и мы увѣрены, что онъ чувствуетъ живѣе насъ, сколько переводъ его отстаетъ отъ произведенія Байрона. Мы же, русскіе, должны быть благодарны за всякій опытъ, доказывающій чувство изяшнаго, рвеніе къ литературѣ отечественной и трудолюбіе.

Р. S. Въ 148 № «Сѣверной Пчелы» помѣщенъ критическій разборъ «Абидосской невѣсты». Длинный приступъ, украшенный многими сравненіями, (въ которыхъ не забыты ни золотые кумиры, ни глиняные ноги, ни деревья, ни каменья, ни заря, ни слабыя дѣти), посвященъ тому, чтобы доказать необходимость безпристрастія. Это похвально, но рецензентъ забылъ, что пристрастіе не всегда проистекаетъ отъ намѣренія недоброжелательнаго и часто происходитъ отъ недостатка способовъ произнести судъ безпристрастный. Мы тогда судимъ здраво, когда съ чистотою намѣренія соединяемъ вѣрныя понятія о предметѣ, подлежащемъ нашему сужденію. Si po quae non, какъ говоритъ самъ рецензентъ или sine quae non, какъ говорятъ по-латыни. Авторъ рецензіи, желая доказать невѣрность перевода Козлова, выставляетъ свой собственный, буквальный. Напр., прекрасные два стиха:

«Where the light wings of sephyr oppresed with parfum»..

«Wan faint o'ev the gardens of gul in hev bloom...»

переводитъ онъ слѣдующимъ образомъ: «Гдѣ свѣтъ дневной быстро разносится зефиромъ, отягченнымъ благоуханіемъ, гдѣ сады украшены полноцвѣтными розами».

Если г. рецензентъ принялъ light за свѣтъ, а wings за глаголь, то въ стихахъ Байрона нѣтъ ни здраваго смысла, ни даже грамматическаго ¹⁾).

Слѣдующіе стихи переведены съ такою же вѣрностью. По этому примѣру мы можемъ видѣть, въ состояніи ли авторъ разбора судить о стихахъ Байрона и сравнивать переводъ г. Козлова съ подлинникомъ. О слогѣ, объ образѣ изложенія его рецензіи мы говорить не будемъ. Если читатели «Сѣверн. Пчелы» прочли ее съ удовольствіемъ, то ихъ не разувѣришь. Подумаемъ о самихъ себѣ; нашъ Р. S. длиненъ, а читатели, можетъ быть, нетерпѣливы.

Напишите что-нибудь въ этомъ родѣ, разумѣется, не такъ небрежно; я писалъ съ присѣста и экспромтомъ. Это не обидитъ Козлова и спасетъ безпристрастіе журнала. Я думалъ, что напишу нѣсколько замѣчаній, а между тѣмъ намаралъ почти что рецензію.»

Состоя на службѣ въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, Веневитиновъ интересовался языками, религіей и исторіей южно-азіатскихъ народовъ. Все, что встрѣчалось поэту интереснаго въ иностранныхъ книгахъ, онъ немедленно переводилъ на русскій языкъ.

Въ бумагахъ поэта сохранился переводъ слѣдующаго отрывка изъ статьи «О Зароастръ и его вѣроученіи». «Законодательство и религія на Востокѣ составляютъ понятія неразрывныя, но въ семъ случаѣ законодательство необходимо должно принять видъ совсѣмъ особенный. Не будучи дѣломъ націи, не готовя ей и впредь участія въ дѣйствіяхъ власти законодательной, оно не могло освѣтить права народныя; только одинъ классъ или одну касту—сословіе жрецовъ—ставило оно въ выгодное положеніе относительно къ лицу Властителя, но ни одинъ изъ азіатскихъ законодателей не возвышался никогда до мысли объ законной ²⁾ монархіи, какъ ее понимаютъ европейцы. Ни одинъ не дерзнулъ поколебать вѣры въ неограниченность правъ деспота, который и землею, и людьми располагаетъ, какъ своею собственностью; ни одинъ не осмѣлился вывести подданныхъ изъ состоянія рабства и сдѣлать ихъ гражданами». Далѣе доказывается, что «вѣра есть единственное средство, которое жрецы могутъ употребить для освященія своихъ законовъ, а сія подпора всегда будетъ не надеждною, ибо здѣсь все зависитъ отъ личныхъ качествъ вѣрую-

¹⁾ Вотъ какъ надобно буквально перевести эти два стиха: «Гдѣ легкія крылья зефира, отягченныя благоуханіемъ, изнемогаютъ надъ садами, въ которыхъ восточная роза расцвѣтаетъ во всей красотѣ своей».

²⁾ Ранѣе стояли и потомъ зачеркнуты слова: «умѣренной», «ограниченной».

шаго». Самая вѣра Востока сводится къ обрядности и чиноположенію: «гіерархія жрецовъ вознаграждала нѣкоторымъ образомъ за оскорбленіе правъ націи и вмѣсто представителей народа являлись (да и то при дворѣ) представители божествъ.» ¹⁾

Далѣе: «Картина лучшихъ временъ въ воображеніи азіатца совсѣмъ несогласна съ понятіями европейца. Съ самой юности склоняясь подъ иго власти неограниченной, онъ привыкъ понимать ее необходимою. Зато утѣшаетъ онъ себя другою мечтою. Онъ воображаетъ идеаль деспотизма, идеаль такого государства, въ коемъ неограниченный властелинъ—не тиранъ, но отецъ своихъ подданныхъ, въ коемъ всякое сословіе, всякое лицо имѣетъ себѣ опредѣленный кругъ дѣйствія, который оно наполняетъ, никогда не преступая границъ его; гдѣ процвѣтають ремесла мирныя, земледѣліе, скотоводство и торговля, гдѣ распространены богатство и изобиліе, какъ будто ниспосылаемая Божествомъ благословляющимъ въ щедрыя руки царствующаго. Мысль о подобномъ государствѣ, о подобномъ царѣ служить уже основаніемъ Киропедіи. Но вѣра въ этотъ идеаль неизмѣнно сохранилась въ Азій въ продолженіе столѣтій; она нѣкоторымъ образомъ составляетъ средоточіе, около котораго обращаются преданія Востока, и она же есть душа законовъ Зороастровыхъ. Вѣкъ древняго Властителя Ирана, великаго Джемшида почитаетъ онъ золотымъ вѣкомъ своего отечества. Джемшидъ—отецъ народовъ, славнѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ, которыхъ озаряло солнце. Въ его время не умирали животныя, не было недостатка въ водѣ, въ плодовыхъ деревьяхъ и предметахъ, служащихъ для пищи. Во время блестящаго его царствованія не было ни мороза, ни жары, ни смерти, ни страстей необузданныхъ, сихъ произведеній Девовъ. Люди казались 15-ти-лѣтними, дѣти не умирали во все продолженіе царствованія Джемшида, «отца народовъ»...

На одномъ найденномъ нами листкѣ рукою Веневитинова написанъ по-французски набросокъ какой-то пьески. Приводимъ его въ русскомъ переводѣ:

«НЕЖДАННЫЙ ПРАЗДНИКЪ».

Дѣйствующія лица:

ПОЭТЪ — Д. ВЕНЕВИТИНОВЪ.

МУЗЫКАНТЪ — Кн. ОДОЕВСКІЙ.

ХУДОЖНИКЪ — Кн. МЕЩЕРСКІЙ.

УЧИТЕЛЬ ТАНЦЕВЪ — А. ВЕНЕВИТИНОВЪ.

¹⁾ Въ одномъ мѣстѣ при словѣ «деспотич. державы» зачеркнуто красными чернилами эпитетъ «обширной».

Одно изъ дѣйствующихъ лицъ говорить:

«Надо отдать справедливость всѣмъ искусствамъ. Напримѣръ, я не повѣрилъ бы, чтобы нѣкоторые наши музыканты сильно противодѣйствовали бы сочиненію оперы безъ словъ. Было бы очень хорошо, если бы кто-нибудь изъ нихъ начерталъ одинаковой длины строчки, называемыя поэмой. Однако, мы еще сомнѣваемся въ этихъ состязаніяхъ, хотя мы къ нимъ и охотно готовы, но, правду сказать, какъ въ первомъ, такъ и въ другомъ случаѣ необходимъ опытъ».

На рукописи стихотворенія «*Къ моей богинѣ*» сдѣлана слѣдующая приписка по-французски:

«Это стихотвореніе далеко не совершенно—я самъ сознаю, ибо это одно изъ тѣхъ произведеній, которыхъ нельзя передѣлывать два раза.

Стихотвореніе это посвящено моему божеству и, какъ посвященіе, оно уже не только поэтическое искусство. Смысль моего Бога въ томъ, что я его ищу, что я его нахожу и созерцаю его—почему же мое сердце не находитъ себѣ такой религіи?..»

С. Шпицеръ.

Г. С. Батеньковъ.

29-го октября 1863 года, въ Калугѣ, скончался замѣчательный своими несчастіями и цѣльностью всего существа своего декабристъ Гавріиль Степановичъ *Батеньковъ*, болѣе 20 лѣтъ

Г. С. Батеньковъ.

проведшій въ одиночномъ заключеніи въ Алексѣевскомъ рavelинѣ Петропавловской крѣпости. Отправленный въ 1846 году отсюда на поселеніе въ Томскъ, онъ въ 1856 году, послѣ манифеста Имп. Александра II, вернулся въ Россію и конецъ жизни провелъ въ Калугѣ, въ своемъ небольшомъ домикѣ, поддерживая дружескія отношенія съ жившими въ Калугѣ же декабристами Е. П. Оболенскимъ и П. Н. Свистуновымъ, а также съ Сергѣемъ Николаевичемъ Кашкинымъ (род. 17-го апрѣля 1799, ум. 7-го ноября 1868 г.), двоюроднымъ братомъ Оболенскаго, также поплатившимся за прикосновенность къ дѣлу декабристовъ ссылкой на службу въ Архангельскъ ¹⁾. Сооб-

щаемъ здѣсь письмо Батенькова къ сыну С. Н. Кашкина, переданную намъ самимъ Николаемъ Сергѣевичемъ Кашкинымъ ²⁾, послѣднимъ Петрашевцемъ, живущимъ нынѣ въ Калугѣ. Письмо это любопытно по своему содержанію, показывая, между прочимъ, какую умственную живость сумѣлъ сохранить въ себѣ старецъ Батеньковъ, котораго «по продолжительности тюремнаго заключенія... превзошли только мученики-шлиссельбуржцы 1884—1905 гг»... ³⁾.

¹⁾ См. о немъ въ книгѣ Н. Н. Кашкина «Родословныя Развѣдки», т. II, С.-Пб. 1913 г., стр. 546—557.

²⁾ См. тамъ же, стр. 564—576.

³⁾ В. И. Семевскій, Политическія и общественныя идеи декабристовъ, С.-Пб. 1909, стр. 677.

Портретъ Батенькова, здѣсь воспроизводимый, сохранился у Н. С. Кашкина; снять онъ, вѣроятно, въ Калугѣ.

Батеньковъ ждетъ еще своего біографа; будемъ надѣяться, что недавно исполнившееся 50-лѣтіе со дня его смерти вызоветъ если не полное жизнеописаніе его, то матеріалы для него, которыхъ опубликовано еще немного. Желательно было бы знать, у кого сохраняются — и сохранились ли — бумаги Батенькова; объ этомъ надлежало бы позаботиться Калужской Ученой Архивной Комиссіи, у которой нѣтъ недостатка въ энергичныхъ дѣятеляхъ.

Апрѣля 1858. Калуга.

Сообщилъ мнѣ Евгений Петровичъ ¹⁾ вашу радостную вѣсть о Лебо ²⁾. Какъ сомнѣваться, что я очень хорошо помню Николая Алексѣевича Полеваго ³⁾. Мы были довольно дружны, что можно видѣть по старымъ его бумагамъ, когда онъ высылалъ мнѣ свой Телеграфъ, да ежели еще и сынъ ⁴⁾ что-нибудь слышалъ, то что же лучше! Благодаренъ я ему отъ всей души. Даже въ крѣпости сидя, я читалъ его послѣднюю работу: нѣсколько вышедшихъ номеровъ Литературной газеты ⁵⁾, и братъ Константинъ, конечно меня еще не забылъ.

Радъ, я очень радъ. Я не зналъ этаго изданія, а имѣлъ въ виду только Ст. Мартэна ⁶⁾ не конченное, а главное, старое, первое, самаго Автора. Вотъ какъ много изъ него недостаетъ у меня (цитую по раздѣленію на книги):

Въ V книгѣ §§ XXXI, XXXII и XXXIII, но это уже лучше списать. Название ихъ: *Caractère de Constantin. Reproches de la part des Payens et ses filles*. Всѣхъ книгъ XI и XII (3-го тома стараго изданія 1).

Книгъ XXI, XXII, XXIII, XXIV (8-го тома).

Книгъ XLV, XLVI, XLVII и XLVIII (10 тома).

Значить, цѣлыхъ три тома и новыхъ, если такъ приведется по изданію. Но нѣтъ еще на другой половинѣ книгъ LXX, LXXI, LXXII и LXXIII, — опять цѣлаго тома, а потомъ всѣхъ остальныхъ съ LXXXVI книги до конца, что должно составить 4 или 5 томовъ.

¹⁾ Оболенскій, декабристъ.

²⁾ Charles le Beau (р. 1701, ум. 1778), французскій гуманистъ и историкъ, профессоръ и членъ Академіи Надписей въ Парижѣ, авторъ 22-хъ томной «*Histoire du Bas-Empire, en commençant à Constantin le Grand*» (Paris. 1756—1779), считающейся сочиненіемъ классическимъ.

³⁾ Извѣстный писатель, издатель «Московского Телеграфа», знакомый съ С. Н. Кашкинымъ.

⁴⁾ У Н. А. Полеваго было нѣсколько сыновей.

⁵⁾ Купленной въ 1845 г. у А. А. Краевского.

⁶⁾ Antoine-Jean Saint-Martin (1791, ум. 1832), ориенталистъ, издавшій новое изданіе сочиненія Le Beau, въ 21-мъ томѣ (Paris. 1829—1833), съ поправками и дополненіями.

Итакъ, лучше всего имѣть одинъ полный экземпляръ. Я бы и попросилъ его до Ноября или Декабря, а если мнѣ приведутся, то вышлю 14 рублей. Это будетъ безъ хлопотъ, а пожалуй и теперь выручайте меня, сдѣлайте милость. Уполномочиваю.

Васъ каждый день сюда ждали, а теперь вижу, что до мая не будете. Труссонъ¹⁾ никому не пишетъ; хандрить въ Петербургѣ, какъ стороной слышимъ.

Ежели Княгиня потребуеъ свою карету и ежели явится къ вамъ во имя мое старый престарый Коллежскій совѣтникъ Алексѣй Петровичъ Дѣевъ, то посадите его въ эту карету: ему хочется пріѣхать ко мнѣ; онъ за 2 лошади и заплотить. Теперь онъ еще въ Твери.

Не возмутся ли Полевые и издать Лебо по-русски? я переведу его добросовѣстно, и около половины уже готово²⁾.

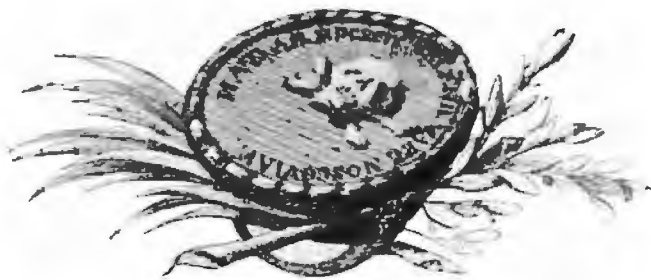
Письма отъѣхавшей жду изъ вашихъ рукъ. Теперь пока довольно и того, что эта безподобная особа вспомнила меня и въ хлопотахъ переддорожныхъ. Прошу поклониться отцу³⁾ и ознакомить меня со всѣми вашими. Евгений⁴⁾ вѣрно и самъ пишетъ къ вамъ.

Жду васъ и Лебо.

Вѣрный слуга Батеньковъ.

Вотъ не возмется ли кто издать: у меня L'Ancien regime et la Revolution, par Alex. de Tocqueville. Книга по превосходству современная и почти буквально намъ руководная. Страхъ хочется перевести ее, даже и опытъ на двухъ главахъ сдѣланъ.

Сообщ. Б. Модзалевскій.

¹⁾ Калужскій Губернскій Прокуроръ Николай Петровичъ Труссонъ.

²⁾ Изданіе не состоялось.

³⁾ С. Н. Кашкину.

⁴⁾ Е. П. Оболенскій, дядя Н. С. Кашкина.

⁵⁾ Вышло въ Парижѣ въ 1850 году.

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ

I. Къ исторіи царствованія Павла I.

«Записки» М. Леонтьева, начатыя печатаніемъ въ «Русскомъ Архивѣ», («Мои воспоминанія или событія изъ мсей жизни». Часть I, Русский Архивъ, 1913 г. IX), безспорно представляютъ значительный историческій интересъ въ I-ой своей части. Авторъ, сынъ небогатаго тульскаго помѣщика, въ самомъ началѣ царствованія императора Павла поступилъ рядовымъ въ гвардію, въ Семеновскій полкъ, шефомъ котораго былъ наследникъ престола, великій князь Александръ Павловичъ, — и въ теченіе всего этого мрачнаго царствованія оставался въ этомъ полку, дослужившись до чина подпоручика. Въ этой скромной роли Леонтьевъ былъ очевидцемъ многихъ весьма важныхъ событій русской исторіи и живымъ отголоскомъ военной среды, окружавшей тронъ монарха—деспота, въ нижнихъ ея слояхъ. Поэтому разсказъ Леонтьева о Павловской эпохѣ существенно дополняетъ показанія другихъ его современниковъ, принадлежавшихъ къ высшимъ кругамъ общества, въ особенности въ подробностяхъ царевубійства въ ночь съ 11 на 12 марта 1801 года, когда Леонтьевъ былъ самъ въ рядахъ войскъ, окружавшихъ Михайловскій замокъ. Подробности эти представляютъ намъ всѣ дѣйствія заговорщиковъ яснѣе, чѣмъ мы знали это раньше, и даютъ возможность ярче освѣтить роль нѣкоторыхъ участниковъ событія 11 марта и во многомъ

исправить и дополнить оставленные ими намъ свѣдѣнія. Разсказъ Леонтьева дышитъ искренностію и непосредственностію чувства. Читая его «Записки», мы какъ бы переживаемъ описываемыя имъ событія, доселѣ во многомъ еще не вполне разъясненные. Даже невѣрныя извѣстія, передаваемыя имъ по слухамъ за истинныя, съ полнымъ довѣріемъ къ нимъ, вполне характеризуютъ эпоху террора, пережитаго Россіей въ самомъ концѣ XVIII в., и общественныя настроенія этого времени.

«Записки» Леонтьева вполне подтверждаютъ мрачный, жестокий характеръ императора Павла, если только это нуждается въ подтвержденіи. По его словамъ, «жестокость Павла обращена была на все, его окружающее, такъ что никто не смѣлъ сказать ему истины, а недостойные его любимцы еще болѣе возбуждали въ немъ страсти своимъ двоедушіемъ, лестію и похвалами. Злоба Павла I на военныхъ превышала терпѣніе самыхъ хладнокровныхъ людей; за одно неправильное поднятіе ноги, за ошибку въ командѣ, за неправильное держаніе эспантона, наказывались офицеры и генералы арестомъ, казематомъ крѣпости и выключкою. Послѣднія два были жестокия наказанія. Въ первомъ дурная пища, дурной воздухъ, сумрачный свѣтъ и уединеніе терзали несчастнаго, а второе наказаніе, хотя было на чистомъ воздухѣ, но, подвергшійся оному, не могъ пробыть на одномъ мѣстѣ болѣе 24 часовъ и не могъ нигдѣ имѣть настоящаго жилища, за чѣмъ и наблюдаемо было весьма строго на всемъ пространствѣ Россіи... Объ арестѣ никто уже и не думалъ, привыкнувъ къ протяжному и сиповатому крику Павла I: «подъ арестъ его!» Всѣ гауптвахты были набиты арестантами; на одной Зимняго дворца въ одно время сидѣли генералы: князь Алексѣй Горчаковъ, казачій атаманъ Денисовъ, фонтъ-Дервизъ, Ивановъ, Григорьевъ и фонтъ-Дезинъ; по сему можно уже судить о меньшихъ чинахъ. Въ довершеніе всѣхъ сихъ ужасовъ Павелъ I по внушенію своего подозрѣнія и своихъ недостойныхъ любимцевъ: Кутайсова и Оболянинова, учредилъ тайную экспедицію, сію ужасную инквизицію своего правленія, куда забиралось много несчастныхъ по одному подозрѣнію, клеветѣ, ошибкѣ, или мщенію сильнаго непріятели. Въ семъ адскомъ судилищѣ засѣдалъ страшный уже по одной наружности тайный совѣтникъ Николаевъ (Николевъ?), окруженный орудіями лютѣйшихъ пытокъ. Здѣсь пытки назначены были по номерамъ,—напримѣръ, подозрѣваемаго въ дурномъ расположеніи къ Павлу I отсылали въ № 1, несчастнаго, осмѣливагося посмѣяться..... (точки въ

подлинникъ) его наружности, въ № 2 и такъ далѣе; были номера, въ которыхъ вытягивали жилы, закладывали кирпичами въ стѣнѣ... Императоръ Павелъ во всемъ былъ совершенный деспотъ. Онъ не любилъ трагедій, и ихъ запрещено было играть, и заставлялъ въ театрахъ смѣяться комедіямъ, когда по выходѣ изъ оныхъ, все заставляло плакать!»

Говоря о фавориткѣ Павла, княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Гагаариной, о знакахъ вниманія и благосклонности къ ней императора, Леонтьевъ сообщаетъ неизвѣстный до сихъ поръ фактъ, возмущавшій благочестивыхъ людей: «Онъ велѣлъ пѣть въ придворной церкви во время божественной литургіи во всѣ праздники и воскресные дни концертъ: «Явися благодать Божія спасительная, свѣтъ человѣкомъ!» А какъ имя его любимицы было Анна, что въ переводѣ съ греческаго значитъ «благодать», то всякій понималъ, что Павелъ хотѣлъ, чтобы и самая святая церковь ублажала его подругѣ сердца. Сей гнусный поступокъ влилъ, такъ сказать, масла въ то пламя неудовольствія, которымъ горѣли сердца русскія».

Въ описаніе наружности Павла и внѣшняго его облика Леонтьевъ вноситъ также новыя четы. «Сей государь, говоритъ онъ, былъ малаго роста и не болѣе 2 аршинъ 4 вершковъ. Чувствуя сіе, онъ всегда вытягивался и при походкѣ никогда не сгибалъ ногъ, а поднимая ихъ, какъ бы маршируя, ставилъ на каблукъ, отчего при ходбѣ и стучалъ крѣпко ногами; волосы имѣлъ на головѣ темнорусые съ небольшою просѣдью; лобъ большой или, лучше, лысину до самаго темя, и никогда не закрывалъ ее волосами и даже не терпѣлъ, чтобы кто-либо сіе дѣлалъ. Лицо у него было крупное, но худое, носъ имѣлъ курносый, кверху вздернутый, отъ котораго до бороды (т.-е. подбородка) были морщины, глаза большіе, сѣрые, чрезвычайно грозные; цвѣтъ лица у него былъ нѣсколько смуглый, голосъ имѣлъ онъ сиповатый и говорилъ протяжно, а послѣднія слова вытягивалъ длинно. Онъ имѣлъ привычку, когда молчалъ, надувать щеки и вдругъ опускать ихъ, раскрывая притомъ нѣсколько ротъ, такъ что, бывало, видны были у него зубы, что особенно часто дѣлывалъ, когда бывалъ сердитъ, а это бывало почти каждый день. Иногда, когда бывалъ веселъ, то при перемѣнѣ на вахтъ-парадѣ одного мѣста на другое, припрыгивалъ на одной ножкѣ. Мундиръ носилъ онъ однобортный темно-зеленый съ двумя рядами пуговицъ, съ низкимъ воротникомъ краснаго сукна и аксельбантомъ, шляпу черную, какъ и нынѣ, трехугольную, безъ всякихъ украшеній; все это дѣлалось съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы поддѣлаться къ костюму Фридриха II, короля прусскаго, ко-

торого онъ уважалъ. Вотъ почему и написалъ Державинъ слѣдующую эпиграмму:

«Похожъ на Фридриха, скажу предъ цѣлымъ міромъ,
Но только не умою, а шляпой и мундиромъ».

Отношенія Павла къ старшему его сыну до сихъ поръ еще не вполне ясны для историковъ. Леонтьевъ, бывший офицеромъ любимаго полка Александра Павловича, рассказываетъ, что съ сыномъ Павелъ церемонился еще менѣе, чѣмъ съ другими, въ особенности послѣ переѣзда своего въ Михайловскій замокъ. «Не проходило дня, говоритъ онъ, въ который бы комендантъ замка Кутлубицкій не приносилъ цесаревичу Александру Павловичу выговоры за ошибку какого-либо караула, либо за нечистоту въ какомъ-нибудь углу замка (Александръ былъ военнымъ губернаторомъ дворца), по которому и вокругъ онаго прогуливался Павелъ весьма часто, не выѣзжая на прогулку по городу. И какіе были выговоры? «Дуракъ» и «скотина» (за вѣрный переносъ сихъ словъ отъ Павла къ наслѣднику, Кутлубицкій, по вступленіи Александра на тронъ, посланъ былъ въ городъ Арзамасъ. Смыслъ наказаніемъ дано почувствовать Кутлубицкому, что какъ непріятно видѣть пакости отца, такъ непріятно слышать и его грубости). И что получалъ въ отвѣтъ? Съ кротостью произнесенное: «слышу» или, когда Павелъ самъ бранилъ его на вахтъ-парадѣ, то низкій поклонъ служилъ ему знакомъ покорности и извиненія сына. Сіе часъ отъ часу распаляло злобу въ сердцахъ всей почти гвардіи противу несправедливаго государя и отца и вскорѣ грянулъ громъ мщенія, впрочемъ незаконнаго, на главу Павла I».

Въ день своей смерти, не предчувствуя надвигавшейся на него катастрофы, императоръ грубо оскорбилъ предъ фронтомъ и наслѣдника, и войска, которыми онъ комендовалъ. Въ 9 часовъ утра 11 марта смѣнялся въ замкѣ караулъ отъ 2-го баталіона Семеновскаго полка, при которомъ находился и Леонтьевъ. Павелъ былъ сердитъ и сказалъ наслѣднику: «вашему высочеству свиньями надо командовать, а не людьми». «Я замѣтилъ, говоритъ Леонтьевъ, что великій князь, вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію своему, сдѣлать поклонъ государю, отвернулся отъ него и закусилъ губу. Не знаю, замѣтилъ ли это Павелъ, ибо это было въ углу двора замка, но мы все это видѣли». Великій князь уже зналъ въ это время, что участь его отца была рѣшена, и ему было не до поклоновъ.

Леонтьевъ подтверждаетъ, что Паленъ старался подготовить войска къ катастрофѣ: «Дня за четыре до 12 марта, рассказываетъ онъ между прочимъ, мы были собраны всѣ въ домъ графа

Палена у Полицейскаго моста поутру до развода. По полномъ нашемъ съѣздѣ и по помѣщеніи насъ въ залѣ сего дома, графъ вышелъ къ намъ въ полномъ мундирѣ и, раскланявшись, сказалъ громкимъ голосомъ: «Господа! до свѣдѣнія государя императора доходить о существованіи заговора въ столицѣ, но его величество надѣется на вашу вѣрность!»—послѣднія слова призналъ онъ съ коварной улыбкой и, взглянувъ на насъ, не перемѣняя мины, быстрыми глазами, поклонился и ушелъ въ свои комнаты, а мы поѣхали по домамъ». Эта сцена неопровержимо доказываетъ, что еще въ это время Павелъ не только хорошо зналъ о существованіи заговора, но и не думалъ скрывать этого отъ войскъ, считая, впрочемъ, Палена важнѣйшей своей опорой. Подозрѣнія его (какъ можно догадываться, не безъ участія того же Палена) направлены были главнымъ образомъ на Александра, съ которымъ онъ обращался сурово и даже велѣлъ привести его къ новой присягѣ. Объ участіи наслѣдника въ заговорѣ Леонтьевъ передаетъ слѣдующее: «Говорили тогда, что Александръ I зналъ о предположенной революціи, но желалъ только отреченіемъ Павла I спасти Россію отъ гибели—дурнымъ правленіемъ его и преднамѣренною войною съ Англіей—ей угрожавшей. Да иначе и быть сего не могло, потому что если бы Александръ I не былъ согласенъ на сей переворотъ, то заговорщики бы въ семь не успѣли, насъ бы не проводили ночью, и (въ день) смерти Павла I не произвели бы въ караулъ нашего полка, весьма преданнаго своему шефу, Александру I. Однимъ словомъ, Александръ все зналъ, но быть отцеубійцей не могъ по своему сердцу».

Въ ночь цареубійства съ 11 на 12 марта Леонтьевъ долженъ былъ оставаться въ казармахъ Семеновскаго полка, потому что въ караулъ въ Михайловскій замокъ было наряжено войско отъ другого баталіона того же полка. Тѣмъ не менѣе, онъ передаетъ по рассказамъ товарищей, бывшихъ въ замкѣ, такія подробности катастрофы 11 марта, которыя до сихъ поръ еще не появлялись въ печати. По его словамъ, вообще всѣхъ заговорщиковъ было въ Петербургѣ только около 300 человекъ среди офицеровъ и высшихъ сановниковъ; прочіе офицеры и войска гарнизона и гвардіи ничего не знали о заговорѣ. Точно также лишь нѣкоторые офицеры, стоявшіе въ караулѣ въ замкѣ 11 марта, посвящены были въ ходъ предположеннаго дѣла, какъ-то: Моринъ — Пресображенскаго полка, Мордвиновъ и Полторацкій — Семеновскаго, а прочіе, въ томъ числѣ братъ рассказчика, и не подозрѣвали о немъ. Капитанъ Семеновскаго полка Воронковъ, начальникъ караула на главной гауптвахтѣ, очевидно, признанъ

былъ заговорщиками за человѣка, для нихъ опаснаго по своей преданности къ императору. Поэтому его рѣшили обезвредить. «Послѣ зари, по обыкновенію, Воронковъ ходилъ съ рапортомъ къ Павлу и, возвратившись въ караульню, нашелъ въ ней князя Петра Михайловича Волконскаго, любимца и адъютанта наслѣдника (впослѣдствіи — министръ двора и фельдмаршалъ). Воронковъ удивился, но Волконскій сказалъ, что онъ отъ скуки пришелъ съ ними поужинать и принесъ имъ съ собой славнаго вина, которымъ за ужиномъ и потчевалъ Воронкова, удивлявшагося такой къ себѣ ласкѣ князя, который, зная охоту Воронкова къ сему напитку, очень часто его потчевалъ, отъ чего оный не смѣлъ отговариваться. Послѣ ужина Волконскій тотчасъ ушелъ, сказавъ нѣсколько французскихъ словъ Полторацкому, чего ни Воронковъ, ни Ивашкинъ не разумѣли. Такъ кончился сей день, достопамятный въ исторіи! И Воронковъ, будучи отягченъ виномъ, вскорѣ легъ спать, не вѣдая, что въ сіе время судьба имперіи была въ его рукахъ! Солдаты начинали дремать, все въ караулѣ было покойно по обыкновенію, и никто изъ всѣхъ ихъ даже не подозрѣвалъ, что сія ночь будетъ роковою для ихъ государя, котораго тоже они не любили, но были преданы ему потому, что онъ былъ самодержавецъ ихъ».

Дѣйствительно, «Записки» Леонтьева еще разъ подтверждаютъ тотъ фактъ, что въ ночь 11 марта судьба заговора висѣла на волоскѣ и дѣйствія заговорщиковъ могли не удасться по многимъ случайнымъ причинамъ. Извѣстно, напр., что когда бѣжавшій отъ спальни Павла лакей поднималъ тревогу въ замкѣ, то первая партія заговорщиковъ, проникшая въ спальню императора, въ смятеніи бѣжала оттуда, оставивъ съ Павломъ глазъ на глазъ одного Беннигсена, и вторая партія царевубійцы явилась туда позже, когда тревога стихла. Что же случилось съ этимъ лакеемъ? Леонтьевъ объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: «Лакей сей, прибѣжавъ на гауптвахту (Воронкова, угощеннаго княземъ П. М. Волконскимъ), кричалъ: «что вы спите, государя рѣжутъ!» Бывшій старшимъ унтеръ-офицеромъ Михайловъ, думая, что онъ сумасшедшій, схватя его, велѣлъ связать и бросить подъ нары. Въ сіе время прибѣжалъ въ караульню другой лакей или, какъ говорили, подкамердинеръ Павла и вскричавъ: «государя рѣжутъ!» пустился бѣжать изъ караульни. На шумъ сей всѣ солдаты встали, и Михайловъ, разбудя пьянаго Воронкова, донесъ ему о случившемся. Сей капитанъ, все сіе происшествіе, бывшее у нихъ въ караульнѣ, *самъ мнѣ рассказывавшій*, вскоча, не зная, что ему дѣлать. Хотѣлъ спросить совѣта у Мордвинова, но его не было, хватился Полторацкаго—и его нѣтъ; тутъ, не

зная что дѣлать, посмотря на часы и видя 1-й часъ пополудни, рѣшился послать брата моего Владиміра осмотрѣть посты во дворцѣ.... Оставшись одинъ, Воронковъ не зналъ, на что рѣшиться, ибо другой офицеръ, Ивашкинъ, былъ молодъ и ничего не зналъ, а, слѣдственно, и совѣта ему подать не могъ. Въ сихъ обстоятельствахъ рѣшился онъ ожидать, стоя у камина, донесенія моего брата и велѣлъ быть осторожниѣ часовымъ, разспрашивалъ пойманнаго лакея и, видя, что онъ въ полномъ умѣ, ужасался его словъ, но не дѣйствовалъ, да и не могъ дѣйствовать: если разсуждать, что было ему дѣлать? Если бы броситься къ Павлу,—сего не смѣлъ онъ сдѣлать и оставить самовольно постъ свой, да и внутренніе караулы есть; послать къ коменданту? но если все выйдетъ ложь?—тогда голову на плаху... Послѣ уже онъ догадался, что Мордвиновъ не ходилъ Главнымъ рундомъ, ибо онъ давалъ время заговорщикамъ управляться съ Павломъ, а Воронкову спать. Думать надобно, что заговорщики пришли въ замокъ или во время еще ужина, когда князь Волконскій угощалъ Воронкова виномъ или Полторацкій, во время сна его, пропускалъ оныхъ на разныхъ постахъ, какъ караульный офицеръ, или они издавна прошли въ оный, чего Воронковъ никакъ ни понять, ни объяснить не могъ».

Эта картина караульной службы, схваченная съ ужасной натуры, вполне характеризуетъ вліяніе системы Павла на обученіе войскъ, основанное на подавленіи у офицеровъ всякаго чувства разсужденія, инициативы и обращавшее ихъ въ машины, при чемъ суть дѣла заслонялась мелочами и формой. Характерно и замѣчаніе Леонтьева, что офицеръ, бросившійся спасать императора, могъ, въ случаѣ недоразумѣнія, рассчитывать... на плаху, тогда какъ, оставаясь на своемъ посту, онъ чувствовалъ себя кругомъ правымъ.

Дѣло, однако, этимъ не кончилось. Воронковъ все-таки, когда протрезвился, успѣлъ притти въ себя, но поздно. Когда царевубійство было совершено, рассказываетъ Леонтьевъ, «графъ Паленъ, въ сопровожденіи толпы заговорщиковъ, пошелъ на главную гауптвахту. Пришедъ къ оной, графъ приказалъ часовому ударить два раза въ колокольчикъ (чѣмъ вызывались тогда караульные къ ружьямъ). Капитанъ Воронковъ, стоя въ ожиданіи свѣдѣній отъ брата моего у камина и услыхавъ звонъ колокольчика, бросился первый съ ружьемъ и, увидавъ Палена, стоявшаго у плацъ-формы съ толпою заговорщиковъ, державшихъ зажженные факелы, поспѣшно скомандовавъ отъ ноги, приказалъ караулу заходить справа и слѣва въ намѣреніи окружить графа (дѣлая все сіе, какъ послѣ мнѣ самъ признавался,

въ ужасѣ и не зная, что самъ дѣлалъ), но сей въ сіе время закричалъ: «ребята, у насъ императоръ Александръ, ура!» Воронковъ, кричавшимъ съ великимъ усердіемъ солдатамъ «ура» хотѣлъ сіе воспретить, закричавъ: «цыцъ!» Но графъ Паленъ, бросясь къ Воронкову и схватя его за галстухъ, сказалъ ему: «молчи, я тебя удавлю!» и обратясь къ явившемуся теперь поручику Полторацкому, сказалъ: «извольте командовать на караулъ!», по исполненіи чего графъ самъ прочелъ манифестъ о вступленіи на престолъ Александра I и привелъ весь караулъ къ присягѣ».

Таковъ простой, безыскусственный рассказъ Леонтьева о караулѣ въ ночь 11 марта, опровергающій рассказъ о томъ Полторацкаго, уже извѣстный въ нашей литературѣ. Въ своей запискѣ Полторацкій увѣряетъ, что онъ не былъ въ числѣ заговорщиковъ, мало того, что онъ во главѣ караула шелъ будто бы для спасенія Павла съ крикомъ: «за царя!», когда встрѣтилъ Палена, извѣстившаго его о смерти Павла. Но мы знаемъ, что показанія многихъ участниковъ заговора писаны были ими долгое время спустя *ad hoc*, сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами. Фельдмаршалъ и свѣтлѣйшій князь Волконскій также, вѣроятно, не рассказывалъ императору Николаю о бутылкѣ вина, поднесеннаго имъ Воронкову въ ночь 11 марта, хотя Александръ I, конечно, зналъ объ этомъ поступкѣ своего любимца. До какой степени нужно быть осторожнымъ при критикѣ показаній «очевидцевъ!» Сколько изъ нихъ являются просто «достоверными лжесвидѣтелями!»

И самъ Леонтьевъ не остался чуждъ событію 11 марта, хотя роль его была чисто пассивная. Очевидно, по приказанію наслѣдника, командиръ Семеновскаго полка, Депрерадовичъ вывелъ полкъ въ 12-мъ часу изъ казармъ и повелъ его къ Михайловскому замку подъ предлогомъ, что въ немъ пожаръ, и оставилъ его затѣмъ предъ замкомъ въ экзерциргаузѣ. Въ полку никто не понималъ распоряженій командира, только спрашивали другъ друга: «пожара во дворцѣ не видно, зачѣмъ мы здѣсь?» Лишь во второмъ часу пополудни полкъ окружилъ замокъ со всѣхъ сторонъ, а затѣмъ его поздравили съ новымъ императоромъ. Въ исходѣ 4-го часа показался на подъѣздѣ у Царицына луга Александръ, и ему подали карету, запряженную четверкой ямскихъ лошадей, «не придворную», по замѣчанію Леонтьева. Вѣроятно, это была та карета, которую, если вѣрить А. М. Тургеневу въ неизданной части его «Записокъ»,—приготовилъ себѣ Александръ Павловичъ для бѣгства, въ случаѣ неудачи покушенія, въ Ораніенбаумъ, а оттуда на кораблѣ въ Англію...

«Вступленіе Александра I на престолъ,—заканчиваетъ свое повѣствованіе о событіи 11 марта Леонтьевъ,—было всеобщимъ торжествомъ, смѣло можно сказать, что ни одинъ государь при началѣ своего правленія не видалъ толикаго восторга своего народа, каковой произведенъ былъ во всей столицѣ одною мыслью, что императоръ у насъ—Александръ!» Но затѣмъ самъ Леонтьевъ свидѣтельствуешь, что Александръ не оправдалъ народныхъ ожиданій. «Могли ли жители Москвы думать (во время коронаціи), что чрезъ 12 лѣтъ сей самый Александръ привлечетъ своими ошибками арміи всей Европы въ нѣдра ея и что она разрушена будетъ до основанія тѣмъ корсиканцемъ Бонапартомъ, о которомъ большая часть ихъ и не слыхивала? Конечно, не думали, но мечъ небеснаго правосудія готовъ былъ карать царя сего, а съ нимъ и царство его за гордость и самонадѣяніе одного на другого. Александръ... послѣдующими своими дѣйствіями доказалъ, что онъ заслуживаетъ не восторга, а унылость своего народа и что первоначальное восхищеніе не суть порука царямъ за любовь ихъ народовъ! Мы видѣли тогда въ Александрѣ ангела мира, а Всемогуцій, зрящій глубину сердца царя, зрѣлъ въ немъ будущаго истребителя благоденствія отечества нашего».

Е. Шумигорскій.

II. Прошлое и настоящее Сибирскаго Университета.

22-го іюля нынѣшняго года исполнилось 25-тилѣтіе существованія Томскаго университета. Празднованіе юбилея было отложено на 22 октября и совѣтъ Томскаго университета намѣренъ былъ отмѣтить 25-лѣтіе Сибирской *alma mater* торжественнымъ актомъ съ приѣмомъ депутацій, чтеніемъ адресовъ и привѣтствій. Различныя сибирскія общества и городскія самоуправленія готовились къ этому дню. Но совѣтъ университета предполагалъ, а кто-то такъ располагалъ, что изъ предположенія ничего не вышло и юбилей университета ничѣмъ не ознаменовался.

Вначалѣ кого-то смутили студенты и ихъ общества, желавшіе привѣтствовать свою *alma mater*. Думали, гадали и порѣшили, что студенческіе адреса нужно подвергнуть предварительной цензурѣ. Но и это обезвреженіе показалось недостаточнымъ: наши, что студентамъ, ихъ обществамъ и вообще университет-

Томскій университетъ.

скимъ учрежденіямъ неудобно самимъ себя славословить, а потому никакихъ адресовъ и привѣтствій отъ нихъ на актъ не будетъ принято. Казалось, что все предусмотрено, все предотвращено и акта опасаться уже не приходится. Но въ самый день намѣченнаго торжества томичамъ и съѣхавшимся депутаціямъ былъ поднесенъ неожиданный сюрпризъ: въ мѣстныхъ газетахъ появилось объявленіе о томъ, что торжественное засѣданіе по независящимъ отъ университета обстоятельствамъ отмѣняется и все празднованіе юбилея ограничивается богослуженіемъ и торжественнымъ молебствіемъ въ университетской церкви. Такимъ образомъ адреса остались не поднесенными университету, полученные многочисленныя привѣтствія не оглашенными и Сибирь, если не считать торжественныхъ засѣданій различныхъ обществъ въ Омскѣ и Минусинскѣ и статей въ газетахъ, ничѣмъ не отмѣтила своего праз ника просвѣщенія.

Вся эта болѣе чѣмъ странная исторія съ несостоявшимся торжественнымъ актомъ, впрочемъ знакомая и другимъ болѣе старѣйшимъ университетамъ, чѣмъ Томскій, въ связи съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ Томскаго университета, невольно заставляетъ оглянуться на прошлое и припомнить нѣкоторые этапы изъ исторіи возникновенія и развитія Сибирскаго университета.

Первое предположеніе о Сибирскомъ университетѣ относится къ 1803 г., когда въ Высочайшемъ указѣ среди городовъ Россіи,

гдѣ должны были быть открыты университеты, былъ намѣченъ Тобольскъ. Въ томъ же году извѣстный жертвователь на дѣла просвѣщенія П. Демидовъ пожертвовалъ на учрежденіе Сибирскаго университета капиталъ въ 50 т. р., который потомъ въ 1810 г. былъ переданъ въ пользу Тобольской гимназіи. Само сибирское общество въ то время еще не думало объ университетѣ. Сибирякамъ было не до просвѣщенія, развитія котораго не желала и мѣстная администрація. Правовыя условія жизни въ Сибири были таковыми, что всѣ интересы и помыслы сибирскаго общества были направлены на борьбу съ мелкими и крупными администраторами, являвшимися въ полномъ значеніи слова сатрапами-лихоимцами. Генералъ-губернаторомъ Западной Сибири былъ тогда знаменитый въ своемъ родѣ Пестель, а иркутскимъ губернаторомъ не менѣе знаменитый—Трескинъ. Слава объ этихъ двухъ администраторахъ дошла до Петербурга. Въ Сибирь былъ командированъ съ широкими полномочіями знаменитый государственный дѣятель Сперанскій. Его назначеніе,—говоритъ В. Г. Колосовъ въ своей рѣчи на празднованіи юбилея университета въ Омскѣ,—вызвало панику среди чиновниковъ Иркутска. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ писалъ со словъ Щукина Н. М. Ядринцевъ, сошли съ ума; струсилъ и всесильный Трескинъ. Чѣмъ далѣе подвигался на востокъ Сперанскій, тѣмъ болѣе поразительныя картины административнаго произвола и лихоимства открывались передъ нимъ. Положеніе дѣлъ въ Томской губерніи оказалось хуже, чѣмъ въ Тобольской. «Если бы я въ Тобольскѣ отдалъ подъ судъ всѣхъ,—пишетъ Сперанскій,—что и можно было бы сдѣлать, то здѣсь оставалось бы всѣхъ повѣсить. Чѣмъ далѣе спускаюсь на дно Сибири, тѣмъ болѣе нахожу зла и зла нестерпимаго. Жалобъ много, чиновниковъ не только способныхъ, но посредственныхъ нѣтъ. И перемѣна ихъ затруднительна». Борьбы тягостныя и подозрѣніе въ нихъ падало даже на губернатора. Но въ Восточной Сибири положеніе оказалось еще хуже; на границѣ Иркутской губерніи Сперанскій встрѣтилъ всеобщій вопль жителей; Сперанскій былъ заваленъ жалобами крестьянъ на Иркутскаго исправника Лоскутова, ставленника Трескина. Когда Сперанскій приказалъ взять Лоскутова, бывшіе при немъ крестьяне упали на колѣни и, хватая Сперанскаго за руки, воскликнули: «Батюшка, да вѣдь это Лоскутовъ!»

Лоскутовъ былъ арестованъ, а губернаторъ Трескинъ уволенъ.

«Несмотря на то, что Сперанскій много дѣлъ разрѣшилъ самъ, не возбуждая какихъ-либо производствъ, все же имъ,—говоритъ г. Колосовъ,—были преданы суду 2 губернатора, 48 чиновниковъ;

всего же было замѣшано по дѣламъ, возбужденнымъ Сперанскимъ, 681 человекъ, а сумма взысканій съ администрации исчислялась до 2847 т. руб.».

Мздоимство, лихоимство и произволъ сибирской администрации всѣхъ ранговъ, ея изумительное невѣжество и часто простая неграмотность натолкнули Сперанскаго на мысль о необходимости для поднятія образовательнаго и моральнаго уровня этой администрации возбудить вопросъ объ учрежденіи въ Сибири университета.

Черезъ 10 лѣтъ послѣ Сперанскаго къ тому же выводу и по тѣмъ же основаніямъ пришелъ ген.-губернаторъ Запад. Сибири-Кинцевичъ, который въ 1823 г. во всеподданѣйшемъ докладѣ указалъ на невѣжество сибирскихъ чиновниковъ и «на недостатокъ нравственныхъ началъ» въ сибирскомъ обществѣ. Въ связи съ этой характеристикой администрации Кинцевичъ возбудилъ ходатайство объ открытіи въ Сибири университета.

Но ходатайство генералъ-губернатора не было уважено, а самый вопросъ объ университетѣ въ Сибири за перемѣной царствованія, исторіей декабристовъ и наступившей реакціей не подымался во все время царствованія Николая I, вплоть до 1856 г. Во всеподданѣйшемъ докладѣ министра народнаго просвѣщенія отъ 5-го марта 1856 г. о Сибирскомъ университетѣ между прочимъ сказано слѣдующее: «Вашему Императорскому Величеству Высочайше благоугодно было признать полезнымъ учрежденіе университета въ Сибири. Эта благодѣтельная мѣра, если признана будетъ возможною, обѣщаетъ великія послѣдствія для края, котораго природныя богатства и мѣстныя обстоятельства ожидаютъ только животворнаго содѣйствія науки, чтобы доставить государству неисчислимыя выгоды».

Но и на этотъ разъ дѣло ограничилось только одними пожеланіями, а самый вопросъ о Сибирскомъ университетѣ вышелъ изъ плоскости вниманія правительства на цѣлыхъ 20 лѣтъ. Зато вопросомъ объ университетѣ занялось сибирское общество. Правительство молчитъ, а сибирская пресса, отдѣльные сибиряки, особенно Ядринцевъ, Потапинъ, Вагинъ, Шатиловъ, Щукинъ, Щаповъ и др., и болѣе всѣхъ Ядринцевъ, муссировали этотъ вопросъ и будировали сибирское общество.

Въ Сибири происходили совѣщанія; градскіе магистраты, а потомъ городскія думы дѣлаютъ соотвѣтствующія постановленія, читаются публичныя лекціи, среди которыхъ особенно нашумѣла и произвела огромное впечатлѣніе лекція 20-лѣтняго Ядринцева, прочитанная имъ въ 1863 г. въ Омскѣ; газеты и журналы на протяженіи 60-хъ и 70-хъ гг. были переполнены статьями о Сибир-

скомъ университетѣ и спорами, гдѣ и въ какомъ городѣ его открыть.

За это время было напечатано нѣсколько сотъ статей о Сибирскомъ университетѣ, какъ въ мѣстной, такъ и столичной печати. Въ интересахъ осуществленія идеи открытія университета въ Сибири Н. М. Ядринцевъ, только что вернувшійся въ Петербургъ изъ ссылки, принимаетъ приглашеніе генераль-губернатора Западной Сибири генерала Казнакова и поступаетъ къ нему на службу. Онъ составляетъ обстоятельную докладную записку, въ которой доказываетъ необходимость открытія Сибирскаго университета въ составѣ четырехъ факультетовъ и съ такимъ расчетомъ, чтобы къ постройкѣ зданій его было приступлено въ 1877 г., и университетъ былъ бы открытъ къ осени 1879 г. Но въ указанный срокъ осуществить это предположеніе не могли, главнымъ образомъ потому, что не былъ вырѣшенъ вопросъ о мѣстѣ будущаго университета—быть ли ему, какъ предполагалось ранѣе въ Омскѣ или въ Томскѣ.

16 мая 1878 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ объ открытіи въ г. Томскѣ университета въ четыремъ факультетамъ: историко-филологическимъ, физико-математическимъ, юридическимъ и медицинскимъ. Но къ закладкѣ зданій для сибирской *alma mater* приступили только черезъ два года, 26 августа 1880 г. Это былъ большой всесибирскій праздникъ. На площади Томска происходилъ своего рода митингъ, а въ огромномъ манежѣ состоялся банкетъ, на которомъ рѣчи лились рѣкой. Попечитель учебнаго округа В. М. Флоринскій восхвалялъ отзывчивость сибиряковъ и было за что: не считая огромной площади земли и больницъ, пожертвованныхъ городомъ, частныя пожертвованія достигли до 700 т. р., а вмѣстѣ съ цѣнностью книгъ и различныхъ предметовъ превысили миллионъ рублей. Вечеромъ Томскъ горѣлъ огнями отъ иллюминаціи, среди которыхъ блестели и сверкали слова Гёте: «свѣту, свѣту, свѣту!»

Сибиряки вѣрили, что для Сибири наступила новая эра. Что очаги свѣта уже не погаснутъ, а просвѣщеніе разольется широкой рѣкой по далекой окраинѣ.

Но прошло восемь лѣтъ и наступило разочарованіе. Открытіе университета состоялось 22 іюля 1888 г.; но въ этотъ день не было уже того подъема и энтузіазма, которые наблюдались въ день закладки университета. Напротивъ, этотъ день далъ печальное предзнаменованіе и омрачилъ радостное чувство сибиряковъ, вызванное открытіемъ университета.

Гг. Шиницынъ и Маляръ на страницахъ «Сибирской Жизни» вспоминаютъ эту печальную эпопею. Открытіе Томскаго универ-

ситета совпало съ закрытіемъ одной изъ лучшихъ не только въ Сибири, но и въ Россіи газетъ «Сибирской Газеты», въ составъ редакціи которой входили: извѣстный писатель К. М. Станюковичъ (былъ сосланъ въ Томскъ административнымъ порядкомъ въ 1884 г.), Ф. В. Волховской, (Иванъ Брутъ—сосланъ по процессу 193, поэтъ, журналистъ, въ настоящее время живетъ въ Лондонѣ), Д. А. Клеменцъ (административно-сосланный, потомъ извѣстный ученый, путешественникъ, этнографъ, ученый хранитель этнографическаго отдѣленія музея Александра III и извѣстный публицистъ; живетъ въ Москвѣ), С. Л. Чудновскій (публицистъ, статистикъ, скончался въ Одессѣ; въ Сибирь былъ сосланъ по процессу 193), А. В. Адриановъ (публицистъ и ученый археологъ; недавно высланъ изъ Томска въ Минусинскъ), П. А. Голубевъ—извѣстный статистикъ; Тыжновъ—историкъ Сибири, Беломезъ (болгаринъ, попавшій въ Сибирь въ качествѣ политическаго ссыльнаго, по окончаніи ссылки вернулся въ Болгарію и тамъ занималъ видный постъ въ министерствѣ народн. просвѣщенія въ одномъ изъ кабинетовъ министровъ) и Гусевъ мѣстный дѣятель. Открытіе университета и дало поводъ къ закрытію «Сибирской Газеты». Университетскій № этой газеты былъ ея предпоследнимъ номеромъ. Попечитель округа В. М. Флоринскій, еще такъ недавно славословившій сибиряковъ, явился, говоритъ А. Н. Шиницынъ, сильнымъ и безпощаднымъ врагомъ «Сибирской Газеты».

«Онъ не выносилъ независимаго идейнаго служенія этой газеты, видѣлъ ея вліяніе на общество и боялся, съ открытіемъ университета, ея вліянія на учащуюся молодежь».

«Вліяніе это, по его мнѣнію, будетъ пагубно для молодежи. Мало того, онъ, Флоринскій отказывается поручиться за спокойное теченіе будущей академической жизни, если будетъ существовать и не будетъ закрыта «Сибирская Газета».

«Въ этомъ смыслѣ въ Петербургъ посылались доносы, донесенія, ходатайства... Это были испытанныя средства».

Газета знала обо всѣхъ этихъ ходахъ и подвохахъ, но, не придавая имъ значенія, готовилась къ торжеству. Былъ составленъ праздничный № со статьями Гл. Успенскаго, С. Н. Кривенко, Д. Н. Мамина-Сибиряка, К. М. Станюковича, Д. А. Клеменца, А. И. Иванчина-Писарева, Ив. Брута (Ф. В. Волховской), С. Л. Чудновскаго, П. А. Голубева и др.

Въ № же было напечатано стихотвореніе, начинавшееся словами:

«22 іюля 1888 года». «Братъ, солнце свѣтитъ съ новой силой.»

Въ приподнятомъ духѣ былъ составленъ и адресъ отъ редакціи «Сибирской Газ.» университету. Въ составленіи адреса принималъ участіе и Г. И. Успенскій, гостившій тогда въ Томскѣ.

Редакціонная группа „Сибирской Газеты“.

1. Станюковичъ. 2. Клеменцъ. 3. Волховской. 4. Голубевъ. 5. Чудновскій.
6. Баламесь. 7. Гусевъ, 8. Тыжновъ. 9. Адриановъ.

Наканунѣ торжественнаго открытія университета оказалось, что среди мѣстныхъ обществъ и учреждений только одна редакція «Сибирск. Газеты» не получила приглашенія.

«Это было не случайностью, а вполне обдуманнѣмъ поступкомъ со стороны В. Флоринскаго, не постѣснявшагося, въ качествѣ представителя учебнаго округа, даже въ такой торжественный моментъ проявить свое неприлично враждебное отношеніе къ «Сибирской Газетѣ».

Такая «демонстрація» г. Флоринскаго по отношенію къ редакціи, — вспоминаетъ А. Н. Шиницынъ, — произвела удручающее и тягостное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ. Но болѣе всѣхъ былъ пораженъ этимъ Г. И. Успенскій.

Сначала онъ отказывался вѣрить сообщенію и, волнуясь, говорилъ:

— Нѣтъ, это невозможно, тутъ какое-нибудь недоразумѣніе! Это нужно разъяснить... Я не допускаю такого отношенія къ органу печати со стороны представителя вѣдомства просвѣщенія.

Увы, это былъ фактъ. Какъ ни тяжело было разубѣждать Глѣба Ивановича, это пришлось сдѣлать. Припомнили рядъ фактовъ, иллюстрирующихъ отношеніе Флоринскаго къ «Сибирской Газетѣ». Сообщили даже и о томъ, что газета, быть можетъ, переживаетъ послѣдніе дни, такъ какъ донесенія и ходатайства Флоринскаго въ Петербургъ о необходимости закрытія газеты были, конечно, прекрасно извѣстны членамъ редакціи.

Глѣбъ Ивановичъ продолжалъ волноваться.

— Господа,—горячился онъ,—вскакивая со своего мѣста около стола, за которымъ шла редакціонная бесѣда, — вы мнѣ позволите объяснитьсь съ Василіемъ Марковичемъ (Флоринскимъ). Я лично поѣду къ нему. Я устрою дѣло. Я все объясню ему, объясню, что такъ нельзя. Редакція газеты, которая такъ много сдѣлала для университетскаго дѣла, должна быть на торжествѣ. Все устроится... Будетъ хорошо!

«Волненіе Глѣба Ивановича, его трогательная готовность «все устроить», чтобы было «хорошо», растрогало всѣхъ присутствовавшихъ, но скоро всѣ пришли къ единодушному рѣшенію не допускать визита Г. И. Успенскаго къ Флоринскому.

«Всѣ знали непреклонный злопамятный характеръ Флоринскаго и были увѣрены, что это кончится только новымъ оскорбленіемъ со стороны Флоринскаго, но уже не редакціи, а человѣка, передъ которымъ преклонялась, котораго глубоко чтילה вся Россія. Оградить его отъ такого оскорбленія мы, всѣ присутствовавшіе, считали своей святой обязанностью.»

Адресъ газеты былъ доставленъ въ университетъ попечителю только на другой день послѣ акта и повидимому погибъ, такъ какъ онъ не вошелъ въ книгу «Открытіе Императорскаго Томскаго Университета 22 іюля 1888 г.».

Черезъ день послѣ акта 24 іюля была получена изъ Петербурга телеграмма о закрытіи «Сибирской Газеты», въ теченіе 7½ лѣтъ съ честью служившей Сибири и развитію прогрессивной мысли.

«Высоко-идейная и безкорыстная работа руководителей и сотрудниковъ «Сиб. Газеты», на страницахъ которой появлялись статьи и произведенія такихъ писателей, какъ В. Г. Короленко, Г. И. Успенскій, К. М. Станюковичъ (К. М. Костинъ), Гр. А. Мачетъ, Н. Е. Кароннинъ, Н. О. Анненскій, Н. М. Астыревъ, Л. С. Личковъ, А. В. Потанина и Г. Н. Потанинъ, проф. Мушкетовъ, С. Н. Кривенко, А. И. Иванчинъ-Писаревъ и др.,—навсегда остается—говоритъ г. Шиницынъ,—чистой и незапятнанной въ благодарной памяти сибирскаго общества.

Открывъ въ Сибири университетъ и уничтоживъ одинъ изъ важныхъ очаговъ свѣта и просвѣщенія покойный Флоринскій сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ университета. «Безъ вѣдома и согласія Василія Марковича,—вспоминаетъ г. Маляръ,—нельзя было, какъ говорили тогда, вбить гвоздь въ стѣну»...

Замѣстителемъ Флоринскаго на посту попечителя западнаго сибирскаго учебнаго округа былъ назначенъ г. Лаврентьевъ, который и по отношенію къ университету, и по отношенію къ просвѣщенію продолжалъ политику своего предшественника. Неоднократныя представленія совѣта профессоровъ и отдѣльныхъ учреждений открыть при университетѣ физико-математическій и историко-

филологическій факультетъ, предназначенные въ Высочайшемъ Указѣ 1878 г., оставались неуваженными. Г. Лаврентьевъ находитъ, что и при двухъ факультетахъ—медицинскомъ и юридическомъ въ Сибири слишкомъ много праздныхъ людей и плодить ихъ не въ интересахъ государства. Факультеты не открылись, какъ того ожидали, и ко дню 25-лѣтія университета. Очень вѣроятно, что нежеланіе дать Сибири полный университетъ и было одной изъ причинъ, почему былъ отмѣненъ юбилейный торжественный актъ: на этомъ актѣ, вѣроятно, не нашлось бы ни одного привѣтствія, гдѣ ни говорили бы о необходимости открытія намѣченныхъ факультетовъ, а потому предпочли совсѣмъ не слушать эти пожеланія и отыгаться отъ назрѣвшаго вопроса молчаніемъ. Въ результатѣ столѣтней исторіи вопроса о Сибирскомъ университетѣ далекая окраина все еще не имѣетъ настоящаго университета, хотя по поводу его высказалась и Гос. Дума.

И. Поповъ.

III. Соціальная политика Робеспьера

1789—1792 гг.

Въ № 4-мъ «Революціонныхъ анналь», журнала, издаваемого въ Парижѣ «Робеспьеровскимъ историческимъ обществомъ», началось печатаніе серіи статей Г. Матье о «Соціальной политикѣ Робеспьера». Интересъ ихъ, насколько можно судить по первой статьѣ, посвященной эпохѣ Конституанты и Законодательнаго собранія, заключается не въ новизнѣ матеріала, большая часть котораго заимствована изъ извѣстной «Исторіи Робеспьера» Эрнеста Амэля (Ern. Hamel. Histoire de Robespierre. 3 vol. 1865—67), а въ точкѣ зрѣнія автора. Главное вниманіе большинства историковъ, изучавшихъ дѣятельность революціонныхъ вождей, обращалось доселѣ на установленіе связи ея съ тѣми или иными теоріями XVIII вѣка: г. Матье пытается объяснить соціальную политику Робеспьера непосредственнымъ вліяніемъ живой дѣйствительности, истолковать ее, какъ отраженіе интересовъ и чаяній опредѣленныхъ общественныхъ группъ. Онъ видитъ въ Робеспьерѣ представителя и защитника интересовъ трудящихся классовъ въ ихъ оппозиціи буржуазіи, которая долгое время старалась, какъ извѣстно, отождествить себя, подъ именемъ, третьяго сословія, со всѣмъ народомъ. Именно въ этомъ смыслѣ толкуетъ авторъ эгалитарныя и «интервенціонистскія» тенденціи Робеспьера. Различеніе во Французской Революціи либеральнаго

и эгалитарнаго теченія давно, конечно, извѣстно историкамъ, но объяснялись они, большею частію, или чисто идеологически, какъ результатъ вліянія двухъ политическихъ школъ (фізіократовъ и Руссо), или какъ двѣ точки зрѣнія, соотвѣтствующія двойной позиціи буржуазіи во время соціальнаго кризиса въ качествѣ экспропріатора феодальныхъ классовъ, съ одной стороны, и организатора буржуазной собственности съ другой,¹⁾ авторъ же статьи, напротивъ, устанавливая аналогію между эгалитарно-коммунистическими тенденціями революціонной эпохи и современнымъ социализмомъ, видитъ въ столкновеніи ихъ съ экономическимъ либерализмомъ отраженіе классовой борьбы неимущихъ съ буржуазіей. Это не былъ, конечно, социализмъ въ современномъ смыслѣ слова, такъ какъ самый соціальныи вопросъ ставился въ 1789-мъ году совершенно иначе, чѣмъ въ наши дни, но извѣстное родство этихъ двухъ антибуржуазныхъ движеній кажется автору несомнѣннымъ: Робеспьеръ въ извѣстномъ смыслѣ можетъ быть, по его мнѣнію, «причисленъ современными социалистами къ числу своихъ». Съ другой стороны, онъ рѣшительно отказывается видѣть въ Робеспьерѣ отвлеченнаго теоретика: «такимъ его могутъ считать только тѣ, кто не достаточно знаетъ его». «Робеспьеръ не оставилъ выработанныхъ въ кабинетѣ плановъ общества будущаго; онъ отдалъ себя повседневной борьбѣ за улучшение общества настоящаго». Не теоріи направляли практическую политику Робеспьера, а напротивъ текущая практика вліяла на формулировку его соціально-политическихъ взглядовъ.

Первая статья касается лишь до-якобинскаго періода Революціи, когда соціальная программа Робеспьера не успѣла еще развернуться во всей полнотѣ. Но именно это обстоятельство увеличиваетъ ея интересъ, такъ какъ позволяетъ автору лучше индивидуализировать взгляды Робеспьера, отдѣляя въ нихъ то, что было личнымъ его достояніемъ, отъ того, что явилось результатомъ коллективнаго партійнаго творчества.

Робеспьеръ во многомъ шелъ впереди своихъ товарищей по якобинскому клубу, однимъ изъ первыхъ понялъ неоднородность состава «3-го сословія» и возсталъ противъ попытки свести революцію «къ замѣнѣ власти привилегированныхъ по рожденію властію привилегированныхъ по богатству»—возсталъ въ такую

¹⁾ Ср. Alfred Espinas. La Philosophie sociale du XVIII-e siècle et la Revolution. Paris. 1898. Стр. 113: «Таковъ обычный ходъ соціальной революціи—коммунизмъ, какъ символъ или симптомъ, не отвѣчающій текущей дѣйствительности, но являющійся прелюдией къ экспропріаціи, и доктрина, восхваляющая такъ сказать *оправданную* собственность; обѣ доктрины могутъ совмѣщаться: собственность (*ваша* собственность)—воровство, антитеза—собственность (*наша* собственность)—священна; синтезъ—собственность переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія»...

эпоху, когда «санкюлотскіе» слои народа почти не подавали еще самостоятельно голоса и сознательно или безсознательно шли за буржуазіей. Въ Конституантѣ положеніе Робеспьера, какъ и остальной кучки радикальныхъ депутатовъ, было мало авторитетно; его рѣчи попадали въ парламентскіе отчеты лишь въ видѣ самыхъ коротенькихъ резюмэ, такъ что, кромѣ общаго направленія ихъ, намъ ничего изъ нихъ не извѣстно. Однако мы знаемъ, напр., что онъ требовалъ возвращенія коммунамъ земельныхъ угодій, отнятыхъ у нихъ сеньорами по «праву размежевки» (*droit de triage*), отдѣленія права охоты отъ права собственности и предоставленія его всѣмъ гражданамъ, включенія въ военные совѣты представителей отъ солдатъ, замѣны свободы завѣщанія равнымъ наслѣдованіемъ дѣтей, отмѣны «военнаго закона», разрѣшавшаго муниципалитетамъ прибѣгать противъ толпы къ вооруженной силѣ и т. п.: во всѣхъ этихъ выступленіяхъ проходитъ одна черта—защита экономически слабыхъ, противопоставленіе «человѣческаго» права буржуазному, «народныхъ» интересовъ классовымъ. Центральное мѣсто въ антибуржуазныхъ выступленіяхъ Робеспьера эпохи Конституанты занимала однако критика ея избирательнаго закона, установившаго дѣленіе гражданъ на «активныхъ» и «пассивныхъ» и предоставлявшаго пассивное избирательное право лишь владѣльцамъ недвижимаго имущества, плательщикамъ прямого налога не менѣе «марки серебра».¹⁾ Робеспьеръ однимъ изъ первыхъ провозгласилъ въ практической политикѣ принципъ всеобщаго избирательнаго права и борьба за него впервые создала ему широкую популярность въ широкихъ массахъ. Въ національномъ собраніи его почти не слушали, такъ какъ на всеобщее избирательное право смотрѣли еще, какъ на абсурдъ, но тѣмъ большее впечатлѣніе производили его рѣчи за стѣнами парламента, гдѣ онѣ распространялись въ печатномъ видѣ усиліями его политическихъ друзей. Въ апрѣлѣ 1791 года Робеспьеръ формулировалъ свои возраженія противникамъ всеобщаго избирательнаго права въ видѣ отдѣльной брошюры, вышедшей подъ заглавіемъ *«Разсужденіе о необходимости отмѣны декретовъ, связывающихъ право гражданства съ уплатой налога въ марку серебра или въ стоимости опредѣленнаго количества рабочихъ дней.»* Въ аргументахъ этихъ слышится опять-таки не столько голосъ отвлеченной теоріи, сколько голосъ политика, критикующаго законъ съ точки зрѣнія практическихъ интересовъ массъ: «Какъ можно,—говорите вы,—предоставить всѣ права

¹⁾ Marc d'argent—около 54 франковъ. Маркой называлась во Франціи старая единица вѣса, употреблявшаяся при взвѣшиваніи драгоценныхъ металловъ.

гражданина тому, кто ничего не имѣетъ и кому нечего, слѣдовательно, терять? Нечего терять! Какъ лживъ этотъ безумно надменный языкъ! Какъ несправедливъ онъ передъ взоромъ истины! По-видимому люди, о которыхъ вы говорите, живутъ и существуютъ среди насъ безо всякихъ средствъ къ существованію и жизни: иначе, если эти средства у нихъ есть, у нихъ есть, мнѣ кажется, и что терять и за что держаться. Да, эта грубая одежда, покрывающая меня, это убогое наемное жилище, въ которомъ протекаетъ моя мирная и уединенная жизнь, скромный заработокъ, которымъ я кормлю жену и дѣтей, — да, я признаю, что это — не земли, не замки, не экипажи, что, съ точки зрѣнія роскоши и богатства, это можетъ считаться ничѣмъ, но съ точки зрѣнія человѣчества это — не ничто, а священная собственность, столь же священная, безъ сомнѣнія, какъ и блестящіе домены богачей. А моя свобода, моя жизнь, мое право чувствовать себя въ безопасности, право на защиту противъ насильниковъ моей личности и личности близкихъ мнѣ людей, право свободно развивать способности моего ума и сердца — всѣ эти драгоценнѣйшія блага, которыми природа прежде всего надѣлила человѣка, развѣ они такъ же, какъ и ваши права, не вручены охранѣ законовъ? А вы говорите, что для меня законы безразличны и хотите лишить меня даже участія въ управленіи государствомъ на томъ только основаніи, что вы богаче меня!»...

Эпоха Законодательнаго Собранія, смѣнившаго Конституанту была отмѣчена началомъ широкаго антибуржуазнаго движенія трудящихся классовъ на почвѣ продовольственнаго кризиса, безработицы и дороговизны жизни. Возбужденныя массы настойчиво требовали вмѣшательства государства въ торговлю хлѣбомъ и борьбы со спекулянтами и скупщиками; мѣстами эти возмущенія сопровождались насиліями и убійствами: въ Этампѣ (городокъ въ департаментѣ Сены и Уаза) толпа убила городского мэра Симоно за его отказъ ввести въ городѣ таксу на хлѣбъ.

Робеспьеръ, который не былъ уже теперь членомъ Національнаго Собранія ¹⁾ и дѣйствовалъ только въ качествѣ публициста и члена якобинскаго клуба, былъ въ числѣ немногихъ, съ самаго начала признавшихъ справедливость народныхъ требованій и отказавшихся видѣть въ продовольственныхъ волненіяхъ интриги «аристократовъ», какъ этого хотѣлось большинству буржуазныхъ политиковъ — фельянамъ и будущимъ жирондистамъ. Когда Законодательное Собраніе вотировало постановку памятника Симоно, какъ герою борьбы за свободу, Робеспьеръ, разойдясь на этотъ

¹⁾ Конституанта лишила, какъ извѣстно, своихъ членовъ права быть выбранными въ Законодательное Собраніе.

разъ даже съ большинствомъ якобинцевъ, протестовалъ противъ этого рѣшенія и напечаталъ въ своей газетѣ «Защитникъ Конституціи» петицію сорока сосѣднихъ съ Этампомъ коммунъ объ освобожденіи арестованныхъ въ связи съ убійствами Симоно гражданъ. Г. Матьэ настаиваетъ даже на коммунистическихъ симпатіяхъ Робеспьера; онъ подчеркиваетъ, съ одной стороны то обстоятельство, что петиція эта была составлена коммунистомъ священникомъ Доливъз¹⁾, а съ другой стороны приводитъ свидѣтельство Бабефа, писавшаго въ 1791 году въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей: «Разберите Робеспьера и вы увидите въ немъ сторонника аграрнаго закона (agrarien), который только лавируетъ пока вмѣстѣ съ другими свѣтилами (illustres), сознавая, что время его еще не пришло». Авторъ упускаетъ однако при этомъ изъ виду, что 21 сентября 1792-го года Робеспьеръ былъ въ числѣ голосовавшихъ за знаменитую формулу Дантона, осуждавшую идеи «аграрниковъ» и объявлявшую всякую собственность «неприкосновенной навѣки» и что въ своей газетѣ «Защитникъ Конституціи» онъ опредѣленно высказывался противъ «аграрнаго закона».

Послѣ революціи 10-го августа, разрѣшившей въ положительномъ смыслѣ вопросъ о политическомъ равноправіи гражданъ, споръ о правѣ государства вмѣшиваться въ экономическую жизнь страны и защищать интересы слабѣйшихъ, приковываетъ къ себѣ все вниманіе Робеспьера 2-го декабря 1792 г., т.-е. вскорѣ послѣ открытія Національнаго Конвента, онъ произнесъ тамъ одну изъ лучшихъ своихъ, по мнѣнію г. Матьэ, рѣчей, специально посвященную критикѣ экономическаго либерализма. Матьэ приводитъ длинныя выписки изъ той рѣчи: ни одинъ историкъ, — замѣчаетъ онъ, — не обратилъ на нее достаточнаго вниманія, хотя при характеристикѣ социальныхъ симпатій Робеспьера она имѣетъ исключительный интересъ и представляетъ собою зародышъ современной теоріи классовой борьбы, подсказанной Робеспьеру простымъ здравымъ смысломъ и чуткимъ отношеніемъ къ дѣйствительности²⁾. Онъ началъ свою рѣчь указаніемъ на рѣзкое противорѣчіе между теоріей Тюрго и его учениковъ, восхваляющей блага экономической свободы, и фактомъ реальной дѣйствительности — голодомъ, порожденнымъ именно этой свободой. «Для

¹⁾ Доливъзъ былъ авторомъ вышедшаго въ 1793-мъ году «Трактата о примитивной справедливости», въ которомъ онъ отрицалъ законность собственности на землю и выдвигалъ два принципа: 1) «Земля принадлежитъ всѣмъ и никому въ отдѣльности» и 2) «Каждый имѣетъ право на весь продуктъ своего труда».

²⁾ «Дѣло идетъ не о созданіи блестящихъ системъ, — предупреждалъ своихъ слушателей самъ Робеспьеръ, — а о возвращеніи къ простому понятію здраваго смысла, не о системѣ законодательства, а о временномъ, диктуемомъ потребностями момента, законѣ».

авторовъ этой теоріи необходимѣйшіе для жизни продукты ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ товаровъ: для нихъ нѣтъ разницы между торговлей хлѣбомъ и торговлей краской индиго; они разсуждаютъ не о продовольствіи народа, а о хлѣбной торговлѣ; ихъ занимаетъ не жизнь людей, а прибыли націоналистовъ и землевладѣльцевъ. Почему? А потому, что писали эти трактаты и управляли государствомъ вельможи (*grands*), министры, богатые люди: если бы на ихъ мѣстѣ былъ народъ, онъ внесъ бы въ эту систему поправки». Время «неограниченной свободы торговли, и штыки, какъ средство утоленіе голода», по мнѣнію Робеспьера, прошло: «Никто ни имѣетъ права собирать у себя груды хлѣба, когда рядомъ люди умираютъ съ голоду. Первое изъ правъ есть право на существованіе, первый законъ общежитія есть обезпеченіе за всѣми членами общества средствъ существованія: всѣ остальные законы должны играть по отношенію къ этому подчиненную роль. Сама собственность существуетъ затѣмъ, чтобы давать людямъ жить, и мы не допускаемъ уже противорѣчій между нею и интересами продовольствія, столь же священными, какъ и сама жизнь. Все, необходимое для сохраненія жизни, есть общая собственность и принадлежит обществу въ его цѣломъ: только избытокъ, выходящій за эти предѣлы, можетъ быть личной собственностью людей и служить предметомъ индустріи коммерсантовъ». Полная свобода торговли ведетъ къ монополіямъ и скупщичеству: необходимы мѣры противъ скупщиковъ, статистика хлѣбныхъ запасовъ и законы, обезпечивающіе снабженіе рынковъ хлѣбнымъ зерномъ. Что касается систематическихъ репрессій противъ голодной и возмущенной толпы, то онѣ не только бесполезны и несправедливы, но и опасны для революціи: употребленіе штыка противъ народа можетъ оказаться для насъ роковымъ». «Помните, законодатели,—заканчивалъ Робеспьеръ свою рѣчь,—что вы должны представлять не привилегированную касту, а весь народъ. Не забывайте, что источникомъ порядка является справедливость, что самой надежной гарантіей общественнаго спокойствія служить счастье гражданъ и что тѣ длительныя конвульсіи, которыя раздираютъ государства, суть не что иное, какъ борьба предразсудковъ противъ принциповъ, эгоизма противъ общаго интереса, страстей и гордости сильныхъ противъ правъ и потребностей слабыхъ». Жирондисты возражали Робеспьеру устами представителя Верхнихъ Альпъ *Серраса*, смыслъ рѣчи котораго заключался въ защитѣ принципа неограниченнаго права собственности: «въ глазахъ закона собственность на хлѣбъ не менѣе священна, чѣмъ всякое другое». Большинство Конвента пошло пока за ними, но аплодисменты трибунъ показали

Робеспьеру, что его идеи находятъ отголосокъ въ странѣ. Дальнѣйшее развитіе революціонныхъ событій дало этимъ идеямъ побѣду и подняло самого Робеспьера до вершины политическаго вліянія. Этого періода Революціи статья Матье впрочемъ уже не касается.

Ив. Херасковъ.

Статьи въ текущихъ журналахъ.

(Ноябрь и Декабрь 1913 г.).

I. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ.

Ивановъ, В. О Діонисѣ Орфическомъ. («Рус. М.» № 11).

Ростовцевъ, М. И. Эллинистическая Азія въ эпоху Селевкидовъ. («Наука. Ист. Ж.», т. I, вып. 1).

Бречкевичъ, М. О славянахъ и ихъ сосѣдяхъ въ древнѣйшее время. («Уч. Зап. Каз. У-та» № 11).

Хвостовъ, М. Очерки организаціи промышленности и торговли въ греко-римскомъ Египтѣ. Кн. I (продана) («Учен. Зап. Казанск. У-та» № 11).

Діесперовъ, А. Блаженный Іеронимъ и его вѣкъ («Софія» № 1).

Эрнъ, В. Антонио Розмини. («Вопр. фил. и псих.» кн. 119.).

Муратовъ, П. Гауденціо Феррари. («Софія» № 1).

Аничковъ, Е. Опять Шекспиръ—не Шекспиръ. («Соврем.» № 11).

Симонъ, К. Р. Приходскіе наказы 1789 г. въ Орлеанск. и Блуаскомъ баляжкахъ. («Ж. Мин. Нар. Пр.» № 12).

Корфъ, С. А., бар. Конституція Невшателя 1814 г. («Юрид. В.», кн. IV).

II. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Кауфманъ, А. А. Къ вопросу о статистическомъ методѣ въ историко-экономич. изслѣдованіяхъ. («Наука. Ист. Ж.», т. I, в. 1).

Савеловъ, Л. М. Дѣло кн. Телятевскихъ съ Суздальскимъ Спасо-Евфиміевскимъ монастыремъ 1586 г. («Рус. Арх.» № 11).

Высоцкій, Н. Г. Къ вопросу о положеніи духовенства въ царств. Екатерины II («Рус. Арх.» № 11).

Шумигорскій, Е. С. Родители вел. кн. Павла Петровича. («Рус. Ст. а р.» № 12).

Голосъ Минувшаго. № 1.

Изъ исторіи «Журнала для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній». Сообщ. П. С. Симоновъ. («Пед. Сб.» № 11).

Чудовскій, Валеріанъ. Памяти сильнаго духомъ. Николай Огаревъ. («Сѣв. Зап.» № 11).

Лундбергъ, Евг. Н. П. Огаревъ. («Зав.» № 11).

Богучарскій, В. Памяти Николая Платоновича Огарева. («Соврем.» № 11).

Гершензонъ, М. Изъ записной книжки Н. П. Огарева. («Рус. Вѣд.» № 271).

Василевскій, Л. М. С. Щепкинъ. («Жиз. для вс.» № 11).

Ракитниковъ, Н. Новая книга по исторіи революціоннаго движенія 70-хъ годовъ. («Зав.» № 10а).

Дейчъ, Л. У начала легенды. («Сов. М.» № 11).

Фроленко, М. Воспоминанія о движеніи 70-хъ и 80-хъ годовъ. («Современникъ» № 11).

Овчинниковъ, М. Изъ воспоминаній моей Канской ссылки. («Сиб. Арх.» № 9—11).

Лемке, Мих. Партизаны сыска («Зав.» № 11).

Бирюковъ, П. Л. Н. Толстой и интеллигентскія земледѣльческія общины. («Сѣв. Зап.» № 11).

А. П. Похороны Л. Н. Толстого. Изъ воспоминаній. («Путь» № 11).

В. Я. Стаюнинъ (къ 25-лѣтію со дня смерти). («Педаг. Сб.» № 11).

Кудринскій, Ф. А. Педагогъ-гражданинъ (по поводу 25-лѣтія со дня смерти В. Я. Стоюнина). («Вѣст. Восп.» № 8).

Степпунъ, Ѳеодоръ. Прошлое и будущее славянофильства. («Сѣв. Зап.» № 11).

Басилевъ, Б. П. Тѣлесныя наказанія по русскому дѣйствующему праву. («Юр. В.», кн. IV).

Закъ, С. Очерки русскаго капитализма. («Зав.» № 10а).

III. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Грифцовъ, Б. Державинъ. («С офія» № 1).

Зайцевъ, П. Къ біографіи Е. П. Гребенки. («Рус. Библ.», в. VII).

Баснописецъ 20-хъ годовъ. («Путь» № 11).

Лернеръ, Н. О. Замѣтки о Пушкинѣ. («Рус. Ст.» № 12).

Шмидтъ, В. Гоголь. (по поводу книги С. А. Венгерова). («Рус. М.» № 11).

Лукьяновскій, Б. Е. Гоголь въ 40-хъ годахъ. («Рус. Филол. Вѣстн.» № 4).

Малышева, И. М. Изъ неиздан. пи-

семъ И. С. Тургенева. («Рус. М.» № 11).

К. Чуковский. Новое стихотвореніе Некрасова. («Рус. Сл.» № 1).

Франкъ, С. Л. Космическое чувство въ поэзіи Тютчева. («Рус. М.» № 11).

Евгеньевъ, В. Великій неудачникъ и его послѣдніе завѣты (къ тридцатилѣтію кончины И. С. Тургенева). («Жизнь для вс.» № 11).

Игнатовъ, И. Скучающіе и довольные (къ 50-лѣтію со дня смерти Н. Г. Помяловскаго). («Зав.» № 10а).

Быстренинъ, В. И. Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни А. Н. Плещеева. («Рус. М.» № 11).

Воспоминанія о Я. Полонскомъ («Путь» № 11).

Дерманъ, А. Короленко. («Зав.» № 11).

Клейнбортъ, Л. Максимъ Горькій и читатель низовъ. («В. Евр.» № 12).

Критика и бібліографія.

М. Д. Приселковъ—Очерки по церковно-политической исторіи Киевской Руси до XII в. Спб., 1913, стр. XV—414.

Несмотря на центральное положеніе, какое занимала церковь въ культурной жизни Киевской Руси, и тѣсныя связи, существовавшія между старымъ лѣтописаніемъ и церковной жизнью, исторія церковныхъ отношеній Киевскаго періода до чрезвычайности бѣдна историческими данными. По самымъ основнымъ вопросамъ—основанія митрополіи, епархій, ихъ замѣщеніе, обезпеченія и т. под. мы нигдѣ не имѣемъ сколько-нибудь близкихъ по времени извѣстій, и эти огромные пробѣлы только отчасти восполняются извѣстіями или гаданіями позднѣйшихъ писателей. Усилія старыхъ историковъ церкви и сводились главнымъ образомъ къ тому, чтобы при помощи разныхъ позднѣйшихъ указаній заполнить по возможности пробѣлы старой традиціи. Разрушительная критика Голубинскаго въ его знаменитой «Исторіи русской церкви» произвела глубокія опустошенія не только среди этихъ построеній, но и среди тѣхъ источниковъ, на которые они опирались; но тѣ построенія, которыми покойный историкъ старался заполнить эти пустыя мѣста, несмотря на всю его эрудицію, остроуміе и выдающуюся талантливость, не могли удовлетворить изслѣдователей, и много вопросовъ, даже самыхъ элементарныхъ, осталось открытыми со времени его труда (1880). На новую почву перенесъ рѣшеніе ихъ ак. Шахматовъ своими трудами по изученію киевскаго лѣтописанія, сведенными недавно въ его «Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ». Въ своихъ соображеніяхъ относительно взаимныхъ отношеній различныхъ редакцій старой киевской лѣтописи онъ между прочимъ развилъ мысль о борьбѣ въ старой письменности вообще и лѣтописаніи въ частности различныхъ тенденцій въ освѣщеніи фактовъ начальной исторіи христіанства въ Киевской Руси—официальной

греческой іерархіи и ревнителей національной церковной жизни. Это предположеніе поставило изслѣдователю подѣ новымъ угломъ зрѣнія всѣ эти странныя умолчанія и противорѣчія старыхъ памятниковъ по разнымъ вопросамъ церковной исторіи Руси, смущавшія столькихъ изслѣдователей, и дали широкій просторъ соображеніямъ о томъ, что крылось за этимъ умолчаніемъ или даннымъ освѣщеніемъ по тому или другому вопросу, и не замедлили явиться изслѣдователи, которые пошли по пути, намѣченному почтеннымъ ученымъ.

Трудъ молодого приватъ-доцента петерб. университета М. Д. Приселкова, которому посвящаются настоящія строки, является крупной попыткой развить мысли, высказанныя А. А. Шахматовымъ въ приложеніи объ исторіи кievской іерархіи. На страницахъ другого журнала я имѣлъ случай отмѣтить ранѣе появившіяся въ печати его очерки по этому вопросу (объ Иларіонѣ и Никонѣ, о началѣ кievской митрополіи)—теперь передъ нами объемистое изслѣдованіе, охватывающее собою первыя два столѣтія церковной жизни Кievской Руси и несомнѣнно составляющее очень замѣтное явленіе въ небогатой литературѣ ея.

Руководящею идеей этой книги является борьба византійскаго имперіализма съ національною туземною стихіею на почвѣ церковныхъ отношеній Кievской Руси: въ ней авторъ видитъ основной мотивъ, проходящій чрезъ эти отношенія. «Идеаль вселенскаго царства, постоянно предносившійся взорамъ византійскихъ политиковъ и вселявшій имъ вѣру въ лучшее будущее даже въ періоды тяжкихъ политическихъ паденій Имперіи, при безграничномъ презрѣніи Ромеевъ къ варварамъ сводился въ итогъ къ ограничиванію и порабоженію всѣхъ народовъ, входившихъ въ формахъ той или иной зависимости въ составъ Имперіи Новаго Рима. Отсюда—быстрое развитіе національнаго сознанія варварскихъ народовъ и ихъ упорная борьба съ Имперіей, приводившая при искусной дипломатической игрѣ византійской политики, умѣвшей мириться по необходимости съ существующимъ до первыхъ благопріятныхъ условій, и при извѣстной превратности судебъ Второго Рима—къ постоянной смѣнѣ формъ церковной и политической зависимости варваровъ отъ Имперіи. Русской церкви и державѣ пришлось испытать въ своей исторической жизни и эту борьбу съ Имперіей, и эту смѣну формъ зависимости, пришлось вытерпѣть на себѣ идеаль вселенскаго царства, чтобы въ послѣдствіи взять его въ свои руки и сдѣлать, какъ идеаль Третьяго Рима,—политическимъ лозунгомъ не на одно поколѣніе».

Эту борьбу, и вмѣстѣ—выучку въ школѣ византійскаго имперіализма старой Руси авторъ начинаетъ издавна. По его мнѣнію уже при заключеніи трактата 945 г. долженъ былъ выясниться вопросъ объ установленіи церковной іерархіи въ Кievской державѣ, и отъ пріемлемой постановки этого вопроса зависѣлъ officialный переходъ въ христіанскую вѣру самого Игоря. Ольга отказалась отъ правленія вслѣдствіе того, что ея церковная политика потерпѣла крушеніе, окрестившись сама, она не получила «пріемлемой церковной іерархіи». Святослава

манила Болгарія не только територіальними придбаннями, «но и какъ выгодное рѣшеніе для Руси церковнаго вопроса съ придбаннямъ Болгарскаго патріархата» (с. 16). Конфликтъ съ Византією Владимира объясняется тѣмъ, что его заманили обѣщаніями независимой церкви, а затѣмъ отказали, и онъ въ концѣ-концовъ нашель выходъ, принявъ церковную іерархію не изъ Константинополя, а изъ западной Болгаріи, отстаивавшей свою независимость отъ Византіи,—отъ охридскаго патріарха.

Эта зависимость Кіевской церкви отъ Охриды продолжалась до 1030-хъ гг., когда полное подчиненіе охридскаго престола константинопольскимъ вліяніямъ, послѣ паденія западно-болгарскаго царства, совершенно обезцѣнило связь Кіева съ Охридою, и Ярославъ предпочель непосредственную зависимость отъ константинопольскаго патріархата, подъ условіемъ учрежденія въ Кіевѣ митрополіи, и въ Кіевѣ явился первый митрополитъ грекъ Θεοπελεπъ, ставленникъ константинопольскаго патріарха, въ новой каведрѣ св. Софіи, созданной для новой митрополіи Ярославомъ. При ней же явился и первый лѣтописный кіевскій Сводъ, 1039 года, имѣвшій освѣтитъ съ точки зрѣнія новыхъ хозяевъ кіевской церкви исторію ея возникновенія. Для нихъ вся исторія зависимости Кіева отъ Охриды была весьма печальнымъ эпизодомъ, пораженіемъ имперіалистическихъ тенденцій Константинополя, и поэтому митрополитъ сводъ старался возможно затушевать все предшествовавшее утвержденію власти царьгородскаго патріарха въ Кіевской церкви, а началомъ настоящихъ успѣховъ христіанской жизни и просвѣщенія представить эпоху новой митрополіи (отвѣтомъ на эти тенденціи свода авторъ считаетъ знаменитое «Слово о законѣ и благодати», приписываемое Иларіону и подвергаетъ его съ этой точки зрѣнія подробному анализу).

Въ концѣ-концовъ рѣзкая политика новаго митрополита, направленная на полную ликвидацію охридскаго эпизода и утвержденіе полного и неограниченнаго вліянія Константинополя, вызываетъ раздраженіе не только въ церковныхъ, но и въ политическихъ кругахъ Кіева. «Добиться отъ Византіи признанія русской церкви свободной, а державы Кіевской—независимой отъ всякихъ поползновеній императорскихъ теорій вселенскаго царства,—становится мечтою въ Кіевѣ». Войну 1043 г. авторъ считаетъ взрывомъ этого раздраженія, этихъ стремленій. Она была проиграна Ярославомъ, но трудныя условія, въ которыхъ очутилась имперія, поддерживали надежды на самостоятельное устроеніе русской церкви. Избраніе Иларіона, представителя этихъ національных стремленій, было выраженіемъ этихъ надеждъ. Но въ Константинополѣ ему отказали въ утвержденіи, и въ концѣ-концовъ Ярославъ принужденъ былъ отказаться отъ Иларіона. Онъ покидаетъ митрополію для Печерскаго монастыря: авторъ видитъ въ «великомъ Никонѣ» печерскомъ Иларіонѣ, устраненнаго отъ митрополіи, и вслѣдъ за Шахматовымъ приписываетъ ему выдающуюся, центральную роль въ борьбѣ противъ византійскихъ тенденцій греческой іерархіи.

Митрополія снова въ рукахъ константинопольскихъ ставленниковъ, неуклонно ведущихъ свою линію—всячески принижающихъ мѣстный элементъ, туземное духовенство, всѣ духовныя цѣнности и традиціи мѣстной церковной жизни,—и противъ нее оппозиція, очагомъ которой является долгое время Печерскій монастырь, и она прорывается въ разныхъ эпизодахъ, которые авторъ и старается прослѣдить на протяженіи цѣлаго столѣтія оканчивая борьбою, вызванною поставленіемъ митрополита Кліма и спорами о постѣ въ праздники, до 1170-хъ гг.

Мы не будемъ слѣдить за этими дальнѣйшими наблюденіями и соображеніями автора, не будемъ и разбирать шагъ за шагомъ его построеній, провѣрять цѣнность его аргументовъ и противопоставлять имъ доказательства *contra*. Авторъ и самъ далекъ отъ мысли, что выставленные имъ соображенія окончательно рѣшаютъ поставленные вопросы. Онъ «не скрываетъ отъ себя, что многое въ предлагаемой работѣ окажется неприемлемымъ или необубдительнымъ»; высказывая свои предположенія, онъ часто подчеркиваетъ очень опредѣленно ихъ гипотетическій характеръ и, оцѣнивая свою работу, готовъ считать себя удовлетвореннымъ, «если она вызоветъ потребность новыхъ пересмотровъ затронутыхъ здѣсь темъ» (предисловіе).

Эту послѣднюю задачу его работа, надо думать, осуществить выполнѣ. Не соглашаясь съ построеніями автора, съ его предположеніями, слишкомъ усиленно проводящими черезъ факты не только церковной, но и политической жизни Кіевской Руси его излюбленную идею, нельзя остаться равнодушнымъ къ самой этой настойчивости, къ выѣшней логичности построеній—и ко многимъ не только смѣлымъ, но и очень остроумнымъ и удачнымъ замѣчаніямъ и соображеніямъ, разбросаннымъ на протяженіи этой умно написанной книги. Можно пожалѣть, что на ряду съ болѣе важными вопросами, непосредственно связанными съ основною идеею книги, ея изложеніе—особенно во второй части—загромождается множествомъ мелкихъ вопросовъ, которымъ мѣсто не въ текстѣ, а подъ текстомъ (авторъ подъ текстомъ даетъ исключительно лишь заголовки цитируемой литературы); все же для сколько-нибудь внимательнаго читателя основныя линіи его построеній выступаютъ достаточно выпукло—и заставляютъ съ ними считаться, даже при наличности преувеличеній и необоснованностей во многихъ изъ этихъ выводовъ.

Для меня, напр., несомнѣнно, что авторъ слишкомъ преувеличиваетъ то значеніе, какое чисто церковныя, іерархическія вопросы имѣли, по его мнѣнію, въ политикѣ кіевского правительства, въ отношеніяхъ къ Византіи, въ настроеніяхъ общества и его отношеніяхъ къ князьямъ. Та чрезвычайная чувствительность, съ которою авторъ заставляетъ это общество реагировать на эти іерархическія вопросы уже съ самаго начала христіанизации Руси, просто-таки невѣроятна. Я совершенно не могу допустить, чтобы неудача Ольги въ ея стараніяхъ получить независимую іерархію настолько скомпрометировала ея политику, что она должна была сложить правленіе вмѣстѣ со

всею христіанскою партією, стоявшею у власти еще съ 940-хъ гг. (с. 13—14), или чтобы судьбы іерархіи при Владимірѣ такъ захватывали общество, что вызывали здѣсь «внутреннія осложненія» (с. 47), и событія по его смерти намекали «на какой-то взрывъ негодованія» на церковную политику Владиміра (с. 59). Странное впечатлѣніе производитъ въ изложеніи автора крайняя безпомощность и правительства и общества въ разрѣшеніи іерархическаго вопроса при такой чрезвычайной заинтересованности имъ, какую предполагаетъ у нихъ авторъ, съ другой стороны—чрезвычайная мелочность, неуступчивость и придиричливость, какую онъ приписываетъ кіевскимъ митрополичьимъ и константинопольскимъ церковнымъ и правительственнымъ кругамъ по отношенію къ національнымъ кіевскимъ стремленіямъ, и плохо она мирится съ искусною дипломатією новаго Рима, о которой говоритъ авторъ. Мало вѣроятна такая напряженная вражда между кіевскою высшею іерархією и мѣстнымъ правительствомъ, обществомъ, духовенствомъ, какая рисуется его построениями на протяженіи цѣлыхъ столѣтій. Если бы такой интересъ къ іерархическимъ вопросамъ въ кіевскихъ кругахъ, какой предполагаетъ у нихъ авторъ, существовалъ дѣйствительно, то іерархическіе вопросы получили бы иное разрѣшеніе, и я думаю, что проф. Голубинскій, отрицавшій сколько-нибудь постоянный и напряженный интересъ къ вопросамъ іерархической независимости у кіевского правительства XI—XII вв., во многомъ былъ правъ.

Въ частности охридская гипотеза кажется мнѣ мало убѣдительною, и отождествленіе Иларіона съ Никономъ, какъ я имѣлъ случай отмѣтить въ другомъ мѣстѣ, тоже не больше, какъ остроумная гипотеза. Ближе входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, равно и касаться другихъ, болѣе мелкихъ предположеній, не имѣю возможности въ рамкахъ этой рецензіи—для этого пришлось бы написать цѣлую книгу. Не могу, однако, не высказать искренняго пожеланія, чтобы прежде всего самъ авторъ не считалъ рѣшенными для себя этихъ вопросовъ, которымъ посвящена его книга, и свои выдающіяся способности изслѣдователя-аналитика обратилъ на тщательную провѣрку и углубленіе выдвинутыхъ имъ положеній, охватывающихъ такія важныя стороны старой жизни. Его труды въ такомъ случаѣ будутъ несомнѣннымъ, очень цѣннымъ вкладомъ въ этой области.

М. Грушевскій.

Henryk Mościcki. Dzieje porozbiorowe Litwy i Rusi. Tom I. 1772—800. Z 165 ilustracjami w tekście, 2 barwnemi tablicami i mapą trzech rozbiorów Polski. Wilno. 1913. Цѣна 5 руб. 50 коп.

Г. Мосъицкій—не новичекъ въ исторической литературѣ. Авторъ нѣсколькихъ статей и издатель нѣкоторыхъ памятниковъ по исторіи XVIII и XIX вв., онъ встрѣтилъ общее признаніе своей работой о «Варшавѣ и Вильнѣ въ «Дзядяхъ» Мицкевича, гдѣ старался показать, что Мицкевичъ въ третьей части своей псѣмы слѣдовалъ, не уклоняясь, подлинной исторической дѣйствительности. Работая, кромѣ того, надъ специальной мо-

нографіей по исторіи бѣлостокскаго округа послѣ его присоединенія къ Россіи (она составитъ X т. издаваемыхъ подъ ред. проф. Аскеназы монографій), онъ предпринялъ въ 1910 г. изданіе общей исторіи Литвы и юго-западной Руси тоже послѣ ихъ присоединенія. Не удовольствовавшись ни имѣющейся литературой, ни изданными источниками, онъ заглянулъ въ рядъ архивовъ и даже частныхъ собраній. Работа, которой каждый выпускъ по первоначальнымъ предположеніямъ долженъ былъ появляться черезъ двѣ недѣли, затянулась такъ, что на 15 выпусковъ потребовалось болѣе трехъ лѣтъ. Итакъ, имя автора, использованный имъ матеріалъ, отсутствіе спѣшки—все это говорить за то, что съ работой надо серьезно считаться.

Сама затронутая тема въ томъ масштабѣ, въ какомъ ее предполагаетъ трактовать авторъ, представляетъ новизну, ибо если и есть рядъ монографій, освѣщающихъ нѣкоторые, особо любимые, моменты данной исторіи, однако нѣтъ работы, которая бы ее связно охватывала цѣликомъ.

Мы не имѣемъ возможности остановиться на большей части изъ затронутыхъ г. М-имъ вопросовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно вопросъ о цѣляхъ и средствахъ правительственной политики во вновь присоединяемыхъ земляхъ, потребовали бы разсмотрѣнія, далеко выходящаго за предѣлы рецензіи.

Въ теченіе разсматриваемаго періода (впрочемъ авторъ не выясняетъ своихъ основаній, почему онъ эти 28 лѣтъ считаетъ «періодомъ») тремя отдѣльными толчками была создана та территория, исторіей которой занять г. М-ій. Онъ не касается тѣхъ событій, которыя предшествовали первому раздѣлу Польши и были причиной, такимъ образомъ, созданія изучаемой территории. Съ первыхъ же страницъ своей книги онъ вводитъ насъ въ кругъ данныхъ, которыя даютъ ему возможность опредѣлить, какъ отнеслось населеніе отошедшихъ къ Россіи областей къ факту перехода подъ новую власть. Г. М-ій полагаетъ, что шляхта не очень спѣшила съ принесеніемъ присяги и что именно потому былъ продленъ срокъ принесенія присяги съ сентября до января. Къ такому выводу его привело нѣсколько невнимательное пользование цифрами, которыя онъ заимствовалъ у Летонена. Въ дѣйствительности, въ сентябрѣ оказалось 5243 присягнувшихъ, продленіемъ срока присяги воспользовалось лишь 283 чел., и всего въ январѣ оказалось 5526 присягнувшихъ. Какъ видно изъ цифръ, шляхта довольно единодушно выполнила свои новыя вѣрноподданническія обязанности. Предметомъ ея главныхъ опасеній была предполагаемая перемѣна въ ея положеніи; ее однако успѣшили успокоить, что теперь у русскаго дворянства достаточно правъ, что оно уже не то, чѣмъ когда-то было. Не присягнули лишь магнаты, конечно, не изъ соображеній патріотическаго долга: они хотѣли остаться въ Польшѣ, къ которой ихъ привязывали гораздо болѣе значительные интересы; въ то же время они были увѣрены, что слишкомъ велики ихъ заслуги въ прошломъ, что у Россіи есть надежда воспользоваться ихъ услугами въ будущемъ, и что поэтому они, и не присягая, не рискуютъ лишиться своихъ земель. Ихъ неслож-

ный расчетъ оказался правильнымъ. Среди духовенства выдѣлился униатскій архіепископъ Смогоржевскій, отказавшійся присягать по формулѣ, въ которой упоминается св. синодъ. Г. М-ій отмѣчаетъ ту выдающуюся роль, которую при принесеніи присяги въ средѣ католическаго духовенства сыграли его верхи. Но наиболѣе интереснымъ оказалось поведеніе іезуитовъ. Ихъ положеніе, дѣйствительно, было исключительно труднымъ. Въ Гос. Совѣтѣ полагали, что ихъ нельзя терпѣть во входящихъ въ составъ Имперіи областяхъ и что оставленіе ихъ—временное, «дабы не огорчить тамошнихъ жителей» (т.-е. бѣлорусскихъ). Въ Россіи у нихъ не было твердой опоры. А въ то же время надвигалась гроза изъ Рима, готовилось папское бреве, которое должно было положить конецъ многолѣтней работѣ ордена. Іезуиты сумѣли выйти изъ-подъ этого двойного огня и сохранивъ старое—свой орденъ, и приобрѣтя новое—такого покровителя, какъ императрица Екатерина. Та перемѣна взгляда на іезуитовъ, которая произошла уже въ первые мѣсяцы послѣ присоединенія Бѣлоруссіи, принесла обоюдныя выгоды, ибо и правительство нашло въ нихъ вліятельныхъ и умѣлыхъ проповѣдниковъ и своей власти вообще, и той ея стороны въ частности, которая возбуждала серьезныя сомнѣнія, такъ какъ вела за собой вмѣшательство въ церковный строй. Что касается остального населенія, то оно «довольно безразлично приняло фактъ перехода подъ скипетръ Екатерины II». Новый приростъ территории послѣдовалъ черезъ 20 лѣтъ послѣ перваго раздѣла. Г. М-ій оговаривается, что изложеніе событій, предшествовавшихъ второму раздѣлу, выходитъ за предѣлы его темы, и въ свѣтѣ такого признанія нельзя не посѣтовать на автора, что онъ иногда излагаетъ общеизвѣстныя событія съ излишней, не вносящей ничего новаго, подробностью. Какъ извѣстно, для противодѣйствія Тарговицкой конфедераціи и совмѣстно съ нею дѣйствовавшимъ войскамъ были образованы двѣ арміи. Во главѣ юго-западной сталъ кн. Іосифъ Понятовскій. Глубокая дезорганизованность самой арміи, враждебность низовъ населенія и равнодушіе его верховъ губительно отозвались на дѣлѣ Понятовскаго. Не лучше было и въ литовской арміи. Однако и здѣсь, при сравнительно большемъ сочувствіи населенія, дѣла пошли также неудачно; и вина лежала не только на измѣнникѣ кн. Виртембергскомъ и не только на неумѣломъ ген. Юдыцкомъ, какъ это кажется г. М-ому. Литовскую компанію недавно описалъ Сокольницкій въ посвященной своему однофамильцу монографіи, и исходя изъ такого авторитетнаго документа, какъ письмо одного изъ вождей этой арміи, онъ представилъ картину анархіи, которая ничѣмъ не уступитъ таковой въ южной арміи. Аналогичные факты приводитъ въ своихъ запискахъ и участникъ кампаніи, Копецъ, утверждая, что войска голодали, ибо «всеѣ припасы мы оставляли непріятелю». Неудивительно, что кампанія была скоро окончена; хорошо извѣстно, какими неожиданными были ея слѣдствія—послѣдовавшій раздѣлъ—для инициаторовъ-тарговичанъ. «Послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой» утвердилъ за Россіей новую территорию. Во вновь присоединенныхъ земляхъ духовенство опять выказало «высокое рвеніе

своей лойяльности», а шляхта присягала даже за новой границей—въ Вильнѣ. Однако дѣло приведенія къ присягѣ, казалось, осложнится тѣмъ, что надо было сладить съ 12.000 арміей и съ несдавшейся крѣпостью. И полковсдецъ, который, кстати, ни разу не участвовалъ въ битвѣ, и комендантъ облегчили, насколько только смогли, задачу правительства. Впрочемъ, небольшіе отряды ушли за границу. Настроение помѣстной шляхты ярко сказалось въ тѣхъ инструкціяхъ, которыя даны были на сеймикахъ предуказаннымъ къ избранію депутатамъ, которые должны были направиться въ Петербургъ. Говоря о мелкихъ нуждахъ своего уголка, они здѣсь обнаружили «отсутствіе всякаго пониманія нуждъ общества и націи». Однако броженіе все глубже охватывало Литву. Г. М-ій не останавливается, и это его обычный методъ изслѣдованія, на анализѣ соціального состава тѣхъ группъ, которыя производили это броженіе или приняли участіе въ вызванномъ имъ движеніи—возстаніи Костюшки. Для него вопросъ свелся лишь къ изображенію подготовки этого возстанія отдѣльными лицами и кружками. Все-таки глава, посвященная самому возстанію—лучшее въ книгѣ. Авторъ здѣсь даетъ событія не разъ въ совершенно новомъ освѣщеніи. Отчетливо представлено стремленіе руководителей сдѣлать возстаніе дѣломъ всего населенія, сперва—безъ различія вѣроисповѣданія (было издано обращеніе даже къ русскимъ солдатамъ), а потомъ—и соціальныхъ группировокъ, привлеченіемъ крестьянства; ясно изложено мелькнувшее и грозившее разъединеніемъ разногласіе короннаго и литовскаго движенія. Однако, и это опять-таки постоянный недостатокъ работъ г. М-аго, онъ слишкомъ неглубоко взглянулъ на разладъ среди самихъ литовскихъ дѣятелей; здѣсь очевидной была страстная ненависть къ тому радикальному крылу, во главѣ котораго стоялъ Ясинскій; и быть-можетъ авторъ поступилъ бы правильнѣе, если бы, вмѣсто біографическихъ свѣдѣній о предкахъ Ясинскаго, изложилъ намъ поподробнѣе его взгляды; послѣдніе несомнѣнно бы намъ уяснили кое-что въ этой глухой враждѣ; укажу, напр., на высказанный имъ въ разговорѣ съ кн. Огинскимъ и переданный послѣднимъ въ своихъ мемуарахъ взглядъ, что «Польша нельзя спасти, не вырѣзавъ всей шляхты». Послѣ подавленія до сихъ поръ овѣянаго ореоломъ возстанія наступилъ заключительный актъ длительной трагедіи—третій раздѣлъ, и въ третій разъ увеличилась территория «по-раздѣльныхъ» владѣній.

Вышеизложенная часть труда г. М-аго, т.-наз. виѣшняя исторія—лучшая часть его книги. Здѣсь онъ умѣетъ воспользо-ваться новымъ документомъ, изложить по-своему спорный историческій фактъ, дать яркую характеристику, иногда привлечь стилистическимъ оборотомъ. Гораздо меньше симпатій сможетъ снискать у изслѣдователя изложеніе г. М-имъ того интереснѣйшаго процесса, когда подъ давленіемъ новыхъ условій должны были перестроиться формы внутренней жизни. Здѣсь можно упрекнуть г. М-аго и въ методологически неправильной постановкѣ вопроса, и въ игнорированіи нѣкоторыхъ источниковъ, и въ невнимательномъ отношеніи къ темамъ, стоящимъ на оче-

реди въ наукѣ, и въ недостаточномъ знакомствѣ съ той русской литературой, которая не касается спеціально его темы.

Особенно слабы соображенія г. М-аго объ экономическихъ слѣдствіяхъ присоединенія. Онъ болѣе всего говоритъ объ истощеніи, естественномъ въ странѣ, перенесшей переходы армій, а то и военныя дѣйствія. Но вѣдь это не относится къ тѣмъ новымъ условіямъ, въ которыя была поставлена Бѣлоруссія. Уже Летоненъ затронулъ тему о рижскомъ вывозѣ, тему, для которой въ спеціальныхъ русскихъ трудахъ есть цѣнные данныя. О вызванномъ Одессой оживленіи («Одесса требуетъ пшеницы») г. М-ій упоминаетъ только тогда, когда ему надо показать, что это оживленіе тяжело отозвалось на положеніи крестьянъ.

Мы переходимъ къ вопросу, на которомъ авторъ остановился довольно подробно, но опять своеобразно. Въ вопросѣ объ измѣненіи полсженія крестьянъ кромѣ правильнаго указанія на рекрутчину и усиленные поборы, на усиленную эксплуатацію въ пожалованныхъ имѣніяхъ, авторъ останавливается и на сравнительномъ положеніи русскаго и литовскаго крестьянина. И удивительно, что основной-то вопросъ, объ сравнительномъ состояніи крестьянскаго хозяйства, о количествѣ барщины и повинностей совсѣмъ не интересуется его. Зато онъ останавливаетъ вниманіе на томъ «безпримѣрномъ» произволѣ, который властвовалъ надъ личностью крестьянина. Онъ не забылъ знаменитой Салтычихи, которая и отдаленно не напоминаетъ обычной жизни помѣщичьяго угла. Н. П. Павловъ-Сильванскій указываетъ уже, что по свѣдѣніямъ, собраннымъ послѣ крестьянскихъ волненій при Павлѣ I, ссылки крестьянъ на побои лишь исключительны, а подавляющая масса жалобъ шла на тяжелый экономическій гнетъ. Съ другой стороны, въ недавно изданномъ XXXV т. актовъ виленской комиссіи мы не въ одномъ инвентарѣ находимъ указанія на тѣлесныя наказанія. Такъ же одно-сторонне ставитъ авторъ вопросъ о побѣгахъ въ Литву изъ пограничныхъ русскихъ областей. Работа В. И. Семевского, на которую ссылается авторъ, помогла бы ему несомнѣнно устранить нѣкоторую свою недоговоренность и недоговоренность въ двухъ отношеніяхъ, относительно цѣлей побѣговъ (бѣжали и черезъ Литву или въ улучшенные литовскія хозяйства), и въ отношеніи обратныхъ, правда менѣе значительныхъ, побѣговъ. Упомянутый XXXV т. дополнилъ бы эту картину. Впрочемъ, несомнѣнно, весь споръ этотъ, уже столь многолѣтній, нуждается въ совершенно новой постановкѣ. Авторъ мало касается положенія шляхты и мѣщанъ, но детально остановилъ все вниманіе на евреяхъ, посвятивъ имъ предварительно даже особую статью. Его взглядъ довольно оригиналенъ. Онъ видитъ двѣ скрещивающіяся линіи въ политикѣ Екатерины по отношенію къ бѣлорусскимъ евреямъ: фискальную и политическую, и послѣдняя имѣла цѣлью дать кое-какія льготы евреямъ, чтобы, привязавъ ихъ къ себѣ, дезорганизовать общество.

Трудъ г. М-аго несомнѣнно займетъ мѣсто и на полкѣ спеціалиста уже потому, что тамъ приведенъ неиспользованный ранѣе матеріалъ.

С. Валкъ.

Великій князь Николай Михайловичъ. Генераль-адъютанты императора Александра I. Съ 47 портретами. Спб. 1913.

Эта великолѣпно изданная книга, съ прекрасными портретами, но въ то же время до чрезвычайности дорогая (25 р.), едва ли можетъ представить значительный интересъ для историка. Она вся состоитъ изъ портретовъ и краткихъ біографій генераль-адъютантовъ Александра I. Конечно, было бы интересно очертить кругъ близкихъ лицъ «благословеннаго монарха», какъ постоянно называетъ авторъ императора Александра I (несомнѣнно любопытная черта, что Александръ I не любилъ крупныхъ людей), но біографіи эти сухи и формальны и въ огромномъ большинствѣ случаевъ представляютъ воспроизведеніе аналогичныхъ характеристикъ изъ изданія «Русскіе портреты». Также и большинство портретовъ не новы. Зато все это очень красиво, и любители книгъ съ удовольствіемъ поставятъ новую книгу В. Кн. Николая Михайловича на полку.

Портреты и біографіи сопровождаются предисловіемъ. О немъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ. Оно, въ сущности, такъ же формально, какъ и сами біографіи, и большого интереса представить не можетъ. Но автора слѣдуетъ упрекнуть въ той націоналистической тенденціи, которая сильно испортила и его большую работу, посвященную Александру I (см. нашу статью въ № 1 «Гол. Мин.» за 1913 г.). Авторъ до чрезвычайности ирониченъ по отношенію къ «разнокалибреннымъ чужеземцамъ», къ «кондотьерамъ», которые окружали Александра I въ началѣ Отечественной войны. «Ни Армфельдъ, ни Штейнъ, ни Пфуль, ни Паулуччи, ни Винцигероде, ни имъ подобные,—говоритъ авторъ,—не сумѣли дать практическихъ совѣтовъ, и дѣло пошло на ладъ только послѣ назначенія Кутузова главнокомандующимъ арміей». Тогда «явился цѣлый рядъ героевъ», а именно: Кутузовъ, Багратіонъ, Барклай, Ермоловъ, Милорадовичъ и т. д. Можетъ быть, все это должно быть лестно русскому сердцу, но, къ сожалѣнію, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ хронологіи событій. Затѣмъ, какъ намъ уже приходилось въ свое время указывать, какъ-то странно ставить знаменитаго государственнаго дѣятеля Штейна на одну доску съ гг. Армфельдомъ, Паулуччи и «имъ подобными». Это совершенно невозможное нарушеніе исторической правды. Указанная тенденція, надо сказать, отразилась и въ самыхъ характеристикахъ. Въ заключеніе авторъ дѣлаетъ еще нѣсколько странный для историка выводъ. «Въ наше смутное и неуравновѣшенное время,—говоритъ онъ,—принято какъ-то злобно относиться къ Николаевской эпохѣ, но наступятъ другія времена и, я убѣжденъ, будетъ сдѣлана болѣе безпристрастная оцѣнка этому періоду русской жизни, когда на Руси жили Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь... То были дни расцвѣта нашей литературы и едва ли одни гоненія власти, при желѣзной волѣ Николая I, способствовали пробужденію этого расцвѣта. Не вѣрю я этимъ сужденіямъ». А просто въ тѣ времена больше было патріотизма, и «больше гордились величіемъ и славой своего отечества». Мы лишь отмѣчаемъ это публицистическое заключеніе, ибо врядъ ли даже возможно противъ него возражать. Вѣдь вѣру едва ли можно поколебать. Мы тоже вѣ-

римъ, что той «безпристрастной оцѣнки» Николаевской эпохи, какую хочет видѣть авторъ, никогда не будетъ въ исторической наукѣ: и Бенкендорфъ, и Орловъ, и всѣ ихъ присные, въ родѣ Дубельта, войдутъ въ исторію именно такими, какими они являются «въ наше смутное и неуравновѣшенное время» и никогда лжепатріотизмъ, ложное пониманіе величія и славы своего отечества не заставитъ настоящихъ историковъ по иному объяснять «дни расцвѣта нашей литературы», чѣмъ это дѣлается теперь.

С. Мельгуновъ.

Ю. Н. Щербачевъ. Пріатели Пушкина: М. А. Щербининъ и П. П. Каверинъ. Чтеніе въ Имп. Общ. по Древн. Росс. 1913, кн. III. Стр. 215.

Прекрасному изслѣдованію г. Щербачева должно быть отведено одно изъ первыхъ мѣстъ въ новѣйшей литературѣ о Пушкинѣ. Авторъ, потомокъ обоихъ пушкинскихъ пріателей (такъ какъ Щербининъ былъ женатъ на сестрѣ Каверина), имѣлъ возможность использовать неизданныя семейныя бумаги; одно опубликованіе этихъ матеріаловъ уже явилось бы вѣжнымъ вкладомъ въ Пушкинскую литературу, но авторъ разработалъ эти матеріалы въ обширную монографію—и этимъ чрезвычайно повысилъ цѣнность своего труда. Съ наслажденіемъ читаются эти страницы, гдѣ все обдуманно зрѣло и любовно, гдѣ все поучительно—даже ошибки, гдѣ обширная освѣдомленность сочеталась съ вѣрнымъ пониманіемъ перспективы, съ покойной ясностью осторожныхъ и часто тонкихъ сужденій.

Трудъ г. Щербачева представляетъ двоякую цѣнность. Во-первыхъ, это исчерпывающія по состоянію наличныхъ свѣдѣній біографіи двухъ пріателей Пушкина и прекрасные ихъ психологическіе портреты. Только накопленіе такого біографическаго, конкретнаго матеріала можетъ ввести насъ въ ту атмосферу, въ которой совершалось творчество поэта, и никакія обобщенныя характеристики современнаго Пушкину общества не могутъ замѣнить намъ этого нагляднаго знакомства. Во-вторыхъ, авторъ нашелъ подлинный кладъ: въ тетрадяхъ Каверина оказалось болѣе двухъ десятковъ стихотвореній Пушкина, болѣею частью въ редакціяхъ, отличныхъ отъ нынѣшняго печатнаго текста; эти варианты, вмѣстѣ съ сопровождающими ихъ превосходными поясненіями автора, отнынѣ не могутъ быть обойдены ни однимъ серьезнымъ изданіемъ Пушкина.

Здѣсь не мѣсто подвергать оцѣнкѣ рядъ утвержденій г. Щербачева, болѣе или менѣе спорныхъ. Однимъ изъ достоинствъ его труда является, я сказалъ-бы, честность въ натяжкахъ, т.-е. добросовѣстное предъявленіе въ каждомъ случаѣ *всѣхъ* наличныхъ свѣдѣній, какъ подтверждающихъ догадку автора, такъ и идущихъ съ нею въ разрѣзъ. Таковъ, напримѣръ, обширный экскурсъ, гдѣ авторъ пытается—по нашему ошибочно—доказать, что въ лицѣ М. А. Щербинина предъ нами до извѣстной степени—прототипъ Онѣгина. Микроскопическій разборъ, посредствомъ котораго авторъ сравниваетъ первую главу «Онѣгина» съ послѣ-

ніемъ къ Щербинину, изобилуетъ натяжками; и въ цѣломъ, кажется, не можетъ быть сомнѣній, что между духовными обликами Щербинина и Онѣгина нѣтъ ни малѣйшаго сходства. И тѣмъ не менѣе, отрицая правильность всѣхъ частичныхъ сопоставленій автора, слишкомъ огульныхъ, чтобы быть убѣдительными, нельзя не признать его попытку чрезвычайно цѣнной, и притомъ въ положительномъ смыслѣ. Онѣгинъ—не Щербининъ, хотя оба красивы, оба горды, оба получили поверхностное воспитаніе, и т. п.; но еще никто не обнаружилъ съ такою наглядностью, какъ это сдѣлалъ г. Щербачевъ, глубокаго реализма картины, нарисованной Пушкинымъ, никто не доказалъ такъ документально, что во множествѣ частныхъ (преимущественно внѣшнихъ) эта картина дѣйствительно списана съ жизни. И на фонѣ этого общаго убѣжденія становятся болѣе правдоподобными нѣкоторыя детальныя сопоставленія автора, казавшіяся съ перваго взгляда чистыми натяжками; становится вѣроятнымъ, что, создавая своего Онѣгина, Пушкинъ помнилъ и оглядывалъ умственно, въ числѣ другихъ, и Щербинина и кое-какія черты его лица или жизни сознательно перенесъ на свое полотно.

Неизданныхъ пьесъ Пушкинъ—и, повидимому, дѣйствительно принадлежащихъ перу Пушкина,—г. Щербачевъ нашелъ только двѣ: пустячные экспромпты, одинъ въ 4, другой въ 8 стиховъ. Подъ «24 Марта 825. Калуга» въ тетради Каверина записано:

«Пушкинъ еще бывши въ Лицеи куплетъ на себя сдѣлалъ:

Я самъ въ себѣ увѣренъ
Я умникъ изъ глупцовъ
Я маленькой Каверинъ
Лицейской Молостовъ».

Другой экспромптъ записанъ Каверинимъ въ 1824 г., такимъ образомъ:

«Щербининъ, Олсуфьевъ—Пушкинъ—у меня въ П-бургѣ ужинали—шампанское въ ледъ было поставлено за сутки впередъ—случайно тогдашняя красавица моя.... мимо шла—ее звали—жаръ былъ несносный—Пушкина просили память этого вечера въ насъ продолжить стихами—вотъ онѣ—оригиналъ у меня.—

27 Мая 1819.

Веселый вечеръ въ жизни нашей
Запомнимъ, юные друзья;
Шампанскаго въ стеклянной чашѣ
Шипѣла хладная струя—
Мы пили—и Венера съ нами
Сидѣла прѣя за столомъ (.)
Когда жъ вновь сядемъ въ четверомъ
С б...., виномъ и чубуками (?)

Но въ остальныхъ записяхъ Каверина, какъ уже сказано,—много чрезвычайно важныхъ вариантовъ, а подчасъ и вовсе новаго. Такъ, здѣсь впервые нашелся одинъ стихъ въ «Братьяхъ-разбойникахъ», очевидно *по ошибкѣ* выпавшій въ печати и доселѣ

неизвѣстный, вслѣдствіе чего соотвѣтствующій стихъ строфы оставался до сихъ поръ безъ пары; этотъ самый стихъ (послѣ ст. 172-го): «Какъ птицы въ воздухѣ летимъ» (его пара: «Цѣпями общими гренимъ»). Извѣстное «Холопъ вѣнчаннаго солдата», оказывается, было написано не на Аракчеева, какъ думали до сихъ поръ, а на А. С. Стурдзу, что уже давно указалъ Вяземскій: въ тетради Каверина оно озаглавлено—«Стурзѣ», стих. «Любви, надежды, гордой славы», печатаемое подъ заглавіемъ «Къ Чаадаеву», у Каверина озаглавлено—«Къ Дельвигу», и г. Щербачевъ въ пространномъ поясненіи очень убѣдительно доказываетъ внутреннюю правдоподобность этого новаго заглавія; стих. «О муза пламенной сатиры», относимое всѣми изданіями къ 1830 году, записано Каверинимъ (въ Калугѣ) уже 1 августа 1825 г. «Рефутація Беранжера», которую, въ виду категорическаго свидѣтельства кн. П. А. Вяземскаго, необходимо признать подлинно-Пушкинской, Каверинъ записалъ съ ошибками, можетъ быть съ чьего-нибудь голоса, но полнѣе, нежели она печатается. Вотъ двѣ новыя строфы, находящіяся въ его записи (одна—послѣ 2-й печатной, другая—послѣ 3-й):

Но помнишь ли какъ царь вашъ отъ угара
Вдругъ одурѣлъ какъ бубень голъ да лысъ
Какъ на огнѣ Московскаго пожара
Вы жарили Московскихъ нашихъ крысъ?

Но помнишь ли, фальшивый пѣснопѣвецъ,
Ты нашъ морозъ среди родныхъ снѣговъ
И батарей задорный подогрѣвецъ
Солдатской штыкъ и петлю казаковъ?

Мы хотѣли дать только общее представленіе о трудѣ г. Щербачева. Интересующіеся Пушкинымъ должны обратиться къ самой книгѣ.

М. Гершензонъ.

С. С. Игнатовъ. Э. Т. А. Гоффманъ. Личность и творчество. Москва, 1914. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Несмотря на все возрастающій у насъ интересъ къ западно-европейской литературѣ—не только послѣдняго дня, но и старой, классической—книжный рынокъ по-прежнему крайне бѣденъ не только оригинальными, но и переводными работами о великихъ писателяхъ Запада. Уже въ виду этого слѣдуетъ искренно привѣтствовать появленіе книги С. С. Игнатова,—первый трудъ молодого ученаго, посвященный одному изъ крупнѣйшихъ и своеобразнѣйшихъ представителей нѣмецкаго романтизма, оказавшему притомъ и довольно сильное вліяніе на русскую литературу.

Книга С. С. И-ва отнюдь не является исчерпывающей, да и не претендуетъ на это. Она представляетъ собою рядъ отдѣльных очерковъ, съ разныхъ сторонъ освѣщающихъ личность и творчество Гоффмана—подобно нѣмецкой книгѣ Артура Зак-

гейма ¹⁾, съ которой совпадаютъ и заголовки двухъ послѣднихъ отдѣловъ («Образы и типы»—«Сатира». У Закгейма: «Gestalten und Typen»—«Satire und Humor»).

Подкупаетъ въ книгѣ С. С. И-ва прежде всего теплота и искренность тона. Авторъ душою сжился со своимъ «героемъ», онъ полюбилъ его, и эта любовь невольно передается и читателю. Авторъ однако настолько дисциплинированъ научно, что его увлеченіе Гоффманомъ нигдѣ не помѣшало объективности изложенія; мы не найдемъ у него того подчасъ прямо беззастѣнчиваго обращенія съ фактами, которое позволяетъ себѣ Закгеймъ *ad majorem Hoffmanni gloriam*. Симпатичное впечатлѣніе производитъ и скромность, съ которою г. И-въ отказывается отъ разрѣшенія *всѣхъ* проблемъ, связанныхъ съ личностью и творчествомъ Гоффмана. «Его душа», говоритъ онъ, «большая сложная душа художника и художника очень крупнаго. Мы можемъ подходить къ ней съ разныхъ сторонъ, можемъ разлагать ее, объяснять, примѣнять критическій анализъ къ его творчеству, но постигнемъ ли мы черезъ это его душу? Думаю, что нѣтъ».

Въ предисловіи г. И-въ, предупреждая вѣроятныя возраженія своихъ критиковъ, говоритъ, что онъ умышленно не привелъ въ связь произведеній писателя съ данными его біографіи, такъ какъ біографическій матеріалъ никогда не бываетъ намъ извѣстенъ въ достаточной полнотѣ, позволяющей намъ судить о вліяніи, о томъ или иномъ импульсѣ къ созданію произведенія и т. п. «Отсюда», продолжаетъ авторъ, «явился планъ: по возможности выяснить характеръ писателя и его творчества, разобратися въ этомъ творествѣ, какъ самодовлѣющемъ фактѣ, независимо отъ вліяній, подражаній и пр.».

Этотъ принципъ, о которомъ, конечно, тоже можно спорить, въ самой книгѣ однако не выдерживается. Не говоря уже о томъ, что вся первая глава книги (стр. 1—26) посвящена біографіи Гоффмана, съ неоднократными ссылками на отдѣльныя произведенія,—и въ главахъ, гдѣ идетъ рѣчь о творествѣ Гоффмана, не рѣдки указанія на біографическіе факты. Такъ же обстоитъ дѣло съ литературными вліяніями: въ гл. IV («Реальная фантастика и фантастическая реальность») сказки Гоффмана сопоставляются съ сказками Новалиса, а въ главѣ II, гдѣ говорится объ отношеніи Гоффмана къ театру, приводится цѣлый рядъ параллелей между комедіями Гоцци и гоффмановой «Prinzessin Blandina». Однако, въ той же самой главѣ, говоря о Гоффманъ-режиссерѣ, авторъ не считаетъ нужнымъ упомянуть, что многія изъ требованій Гоффмана одновременно съ нимъ, а иногда и раньше, высказывались, и даже осуществлялись на практикѣ другими, какъ напр., Тикомъ, позднѣе Иммерманомъ, отчасти даже уже и Гёге, настаивавшимъ, между прочимъ, какъ и Гоффманъ, на необходимости гармоніи въ окраскѣ декораций съ одной стороны и костюмовъ актеровъ съ другой. Совершенно умалчивая объ этомъ, г. И-въ дѣлаетъ изъ Гоффмана какого-то одинокаго провидца сценическаго искусства нашихъ дней. Едва ли

¹⁾ E. T. A. Hoffmann. Studien zu seiner Persönlichkeit und seinen Werken. Leipzig, 1908.

это справедливо—прежде всего по отношенію къ Тику, которому современный театръ обязанъ не меньше, чѣмъ Гоффману. Дѣло тутъ не столько въ томъ, вліялъ ли Тикъ непосредственно на Гоффмана или наоборотъ, а въ томъ, что Гоффманъ во всякомъ случаѣ не былъ совсѣмъ одинокъ.

Тѣмъ не менѣе глава объ отношеніи Гоффмана къ театру—наиболѣе интересная и цѣнная въ книгѣ г. И-ва. Авторъ подробно разбираетъ здѣсь вопросъ, котораго почти не касались нѣмецкіе историки литературы. Вполнѣ правъ также г. И-въ, защищая «Принцессу Брамбиллу» противъ Эллингера, назвавшего это прелестное каприччіо однимъ изъ слабѣйшихъ произведеній Гоффмана. Жаль только что онъ отказывается отъ детальнаго анализа «Брамбиллы», въ связи съ произведеніями Гоцци, нахдя, что подобный разборъ, по обилію матеріала, долженъ явиться темой особой, самостоятельной работы. Думается, что многое можно было и слѣдовало сказать уже здѣсь; для этого даже не нужно было бы увеличивать объема книги: можно было употребить на это по крайней мѣрѣ двѣ изъ тѣхъ трехъ страницъ, на которыхъ слишкомъ подробно для книги о Гоффманѣ разсказывается о борьбѣ Гоцци съ Гольдони, о труппѣ Сакки, о гибели старой венеціанской комедіи.

Сочетаніе фантастики съ реализмомъ въ творествѣ Гоффмана приводитъ г. И-ва къ заключенію, что Гоффманъ не былъ такимъ полнымъ романтикомъ, какъ его обыкновенно изображаютъ. Такъ ли это? Не является ли, наоборотъ, именно этотъ фантастическій реализмъ послѣднимъ выводомъ изъ романтическихъ посылокъ? Романтики вѣрили (или хотѣли вѣрить) въ дѣйствительное существованіе сверхчувственного міра; но если этотъ міръ существуетъ, то онъ долженъ быть всюду и вездѣ, и романтическія чудеса могутъ и должны совершаться не только во времена Генриха фонъ-Офтердингенъ, но и въ Берлинѣ и Дрезденѣ XIX вѣка. Однако осуществить эту теорію на практикѣ никто почти изъ романтиковъ (кромѣ развѣ Брентано) не рѣшался. Для этого долженъ былъ явиться Гоффманъ. И именно глубокая, чисто-романтическая вѣра въ реальность всѣхъ этихъ чудесъ и видѣній придаетъ фантастическимъ сказкамъ Гоффмана такую убѣдительность. Я не могу согласиться съ г. И-вымъ, что для міра-мечты у Гоффмана характерно отсутствіе точности рисовки, описаній. Въ сверхчувственномъ мірѣ Гоффмана все такъ же ясно, опредѣленно и закономерно, какъ въ томъ мірѣ, который мы привыкли называть «реальнымъ». И именно это придаетъ фантастикѣ Гоффмана такую убѣдительность. Этимъ, правда, Гоффманъ рѣзко отличается отъ большинства романтиковъ, которые въ своихъ фантастическихъ разсказахъ только и дѣлаютъ, что прыгаютъ во всѣ стороны, воображая, что въ сверхчувственномъ мірѣ все должно быть шиворотъ-на-выворотъ. Но исхо-нымъ пунктомъ Гоффмана все же былъ чисто романтическій принципъ, и если онъ, доводя его до крайности, пришелъ къ реализму, то это не должно насъ удивлять. Идя прямо противоположнымъ путемъ, Золя отъ протокольнаго натурализма пришелъ къ романтическому символизму.

Характеризуя фантастическіе образы Гоффмана, г. И-въ, на мой взглядъ, недостаточно вниманія удѣляетъ элементу страшнаго, чудовищнаго, пугающаго, демоническаго. Между тѣмъ этотъ элементъ является весьма существеннымъ въ творчествѣ Гоффмана; большинство изъ насъ съ именемъ его, несомнѣнно, связываетъ представленіе объ авторѣ страшныхъ, наводящихъ жуть, рассказовъ. Въ связи съ этимъ элементомъ его творчества разрѣшается, думаю, и вопросъ объ отношеніи Гоффмана къ *природѣ*. Г-нъ И-въ совершенно правъ, утверждая, вопреки многимъ нѣмецкимъ критикамъ, что Гоффманъ обладалъ чувствомъ природы; но справедливо и его указаніе на условность и трафаретность большинства описаній природы у Гоффмана. Какъ примирить одно съ другимъ? Гоффманъ любилъ и чувствовалъ природу, но онъ былъ далекъ отъ нея, далекъ, какъ дитя городской культуры. И онъ страдалъ отъ этой отчужденности; всѣ его рѣчи о природѣ звучатъ тоской по потерянномъ раѣ.

И именно потому онъ такъ ненавидитъ тѣхъ, которые такъ довольны своими каменными домами и мощеными улицами, что совершенно забыли эту тоску. Презрѣнная ими природа мститъ имъ, посрамляя на каждомъ шагу ихъ рационалистическое самодовольство. Она вселяетъ злыхъ духовъ въ созданные человѣкомъ предметы и орудія, которыми онъ думалъ подчинить ее себѣ. Для старыхъ романтиковъ жили и говорили скалы и растенія, облака и ручьи; Гоффманъ оживляетъ и мертвыя вещи, вплоть до дверныхъ ручекъ и звонковъ. Но во всѣхъ нихъ, повторяю, живетъ злой духъ, потому что они—созданія злого, испорченнаго человѣка, неискусно передразнивающаго процессъ Божественнаго Творчества. Высшимъ торжествомъ человѣческой изобрѣтательности, но въ то же время злѣйшей пародіей на творенія Божьи является человѣкоподобная кукла—автоматъ. Вотъ почему автоматы играютъ такую видную роль въ рассказахъ Гоффмана и почему большинство рассказовъ, гдѣ они фигурируютъ, кончается такими ужасными катастрофами. И потому же мнѣ, вопреки утвержденію г. И-ва, плохо вѣрится, чтобы Гоффманъ считалъ маріонетокъ дѣйствительно идеальной труппой актеровъ. Въ заключительной рѣчи театральнаго директора, которую цитируетъ г. И-въ на стр. 45 своей книги, я слышу прежде всего грустную иронию художника, отчаявшагося найти сотрудниковъ, которые безкорыстно и беззавѣтно служили бы одному лишь искусству, какъ актеры труппы Сакки...

Много можно было бы еще сказать по поводу книги г. И-ва, но нельзя превращать рецензію въ статью. Проникнутая глубокой любовью къ геніальному писателю, основанная на добросовѣстномъ изученіи всего доступнаго автору въ Москвѣ матеріала, книга, несомнѣнно, заслуживаетъ вниманія. Недостатки ея—обычные недостатки литературныхъ «первенцевъ». Если ей удастся вызвать интересъ къ Гоффману среди большого круга читателей, то появленіе ея вполне оправдано. И можетъ быть, мы тогда дождемся, наконецъ, и приличнаго, болѣе или менѣе полнаго изданія сочиненій Гоффмана на русскомъ языкѣ.

А. Лютеръ.

Cohn - Wiener. Исторія стилей изящныхъ искусствъ, съ 84 иллюстраціями; переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ дабавленіями М. С. Сергѣева. Москва. кн.-во «Космосъ» 1913. ц. 2 р. 25 к.

«Главнѣйшая задача исторіи развитія изобразительныхъ искусствъ состоитъ въ томъ, чтобы указать пути, которыми проходитъ развитіе искусства, исторія искусства, отъ одного стиля къ другому, отъ одной эпохи къ другой, а также обнаружить нити, протянутыя исторіей во времени и пространствѣ, то-есть законы развитія, которые обнаруживаются въ томъ, что родственныя тенденціи въ искусствѣ порождаютъ внутренне подобное. Главное условіе для этого—познаніе стиля; не его признаковъ, суммою которыхъ такъ часто обозначаютъ стиль, но его творческой воли, его художественныхъ задачъ. Въ этомъ различіе между внутреннимъ и внѣшнимъ пониманіемъ явленія. Отъ созданнаго образа слѣдуетъ заключать къ природѣ творца, къ внутреннему стремленію, къ духу стиля, который въ различныхъ искусствахъ проявляется такъ неодинаково».

Эта выписка изъ книги Кона-Винера, нѣсколько тяжело написанной, какъ показываетъ сдѣланная цитата, довольно отчетливо опредѣляетъ то особое мѣсто, которое принадлежитъ «Исторіи стилей» въ недлинномъ ряду художественно—историческихъ изслѣдованій, имѣющихся на русскомъ языкѣ. Появленіе перевода «исторіи стилей» отчасти заполнило и исправило, а еще болѣе подчеркнуло обычный пробѣлъ и первый недостатокъ нынѣшнихъ русскихъ работъ по исторіи искусства. Наша запоздалая любовь къ искусству принесла съ собой запоздалые методы оцѣнки и изслѣдованія художественныхъ явленій. Традиціонное влеченіе къ литературѣ и еще болѣе испытанное умѣніе всему давать общественную оцѣнку довели у насъ до крайности тотъ, недавно ходовой и на западѣ, методъ изложенія эволюціи искусства, который считалъ свою цѣль достигнутой, если устанавливалъ связь между художественными—съ одной стороны, а съ другой—литературными и социальными явленіями, излагая свои наблюденія въ хронологическомъ порядкѣ. Исторія искусства подмѣнялась, такимъ образомъ, исторіей отраженій въ искусствѣ литературныхъ и социальныхъ тенденцій. Въ лучшемъ случаѣ, когда художественный, литературный и социальный элементы изслѣдованія находились въ равноправномъ положеніи и, уравниваясь взаимно, дополняли другъ друга своими особыми, выходящими за общія скобки, свойствами,—такая исторія могла прослѣдить элементарную эволюцію массовой психологіи, творчество данной эпохи или страны; въ худшемъ случаѣ, когда литературному и социальному элементу давалось—какъ это обычно бываетъ—доминирующее значеніе, то получалось историческое приведеніе искусства къ литературно—социальному знаменателю,—тема, пріобрѣтавшая отрицательную грозность, ибо она убѣжденно притязала быть «исторіей искусства». Высшей точкой этого художественно-историческаго теченія былъ покойный Рихардъ Муттеръ; его работы—это хронологическіе перечни художественныхъ названій и именъ, разъясненные и оправданные блестящими вереницами беллетристическихъ цитатъ,

литературныхъ аналогій историко - политическихъ воспомина- ній, и неподражаемо - умѣлыхъ кивковъ во всѣ стороны и всему, что исторія двинула по тому же пути; самый литературный блескъ Муттеровскихъ работъ, его чисто-беллетристическое краснорѣчіе столько же обличаютъ въ немъ «литератора въ искусствѣ», сколько расточительная щедрость его аналогій и сближеніе псказываетъ отсутствіе у него специфически-художественнаго «глаза», особаго умѣнія оцѣнить явленіе искусства съ узкой точки зрѣнія,—художественнаго воздѣйствія на глазъ зрителя его чистой формы.

«Исторія стилей» Кона-Винера построена на прямо противоположныхъ началахъ. Именно въ сравненіи съ Муттеромъ и его идейными друзьями познается съ особой ясностью, какова истинная цѣнность и цѣль того новаго подхода къ произведеніямъ искусства и къ ихъ исторической эволюціи, который выдвигается «Исторіей стилей». «Исторія стилей» не знаетъ никакихъ другихъ способовъ псниманія смѣны стилей кромѣ тѣхъ, которые основана эстетикѣ зрительныхъ впечатлѣній. Она отказывается пользоваться путями, проложенными чрезъ сосѣднія области человѣческаго творчества, какъ бы близко онѣ къ ней ни лежали. Для «Исторіи стилей» эволюція искусства есть только эволюція чистой формы, объясняемая измѣнившимися требованіями художественнаго «глаза». Отсюда и анализъ каждаго стиля, равно, какъ изученіе ихъ общей исторіи зиждется у Кона-Винера на тѣмъ зрительно-психологическомъ эффектѣ, который вызываютъ у созерцающаго формы художественнаго произведенія. Смѣна этихъ зрительныхъ впечатлѣній, соотвѣтствующая эволюціи внѣшнихъ формъ и признаковъ даннаго стиля, а также сравнительное изученіе путей и итоговъ всѣхъ художественныхъ эпохъ привели Кона-Винера къ установленію основной схемы исторіи стилей: схема различаетъ два типа стилей:—тектоническій и декоративный.

Въ первомъ типѣ всякое выраженіе формы имѣетъ не только художественное, но и утилитарное значеніе, т.-е. глазъ зрителя не только получаетъ эстетическое удовлетвореніе, но и зрительно познаетъ извѣстную конструктивную цѣлесообразность данной комбинаціи художественныхъ элементовъ. Во второмъ типѣ особія формы даннаго стиля лишены такого соединенія эстетическихъ и утилитарныхъ элементовъ, онѣ не имѣютъ никакого другого назначенія, какъ быть «пріятными глазу», ради этой цѣли и по путямъ къ ней ведущимъ развиваются, независимо отъ того, каково назначеніе и конструктивныя требованія того зданія, сосуда, мебели и т. д., которыхъ они скрываютъ въ своей декоративной роскоши. Подъ такимъ угломъ зрѣнія исторія стилей понимается какъ смѣна тектоническихъ и декоративныхъ стилей: сначала подъ вліяніемъ жизненной потребности, давая пластическія формы какой-нибудь утилитарной идеѣ, возникаетъ стиль тектоническій, гдѣ все обусловлено эстетико-конструктивными требованіями, затѣмъ постепенно жажда декоративности обгоняетъ идущую тяжелой поступью эволюцію утилитарныхъ формъ и совершается переходъ къ стилю декора-

тивному, который, достигнувъ высшей своей точки, снова подъ вліяніемъ утомленія глаза «неустойчивостью» чистой декоративности и подоспѣвшихъ новыхъ утилитарныхъ формъ, смѣняется тектоническимъ стилемъ. Эта смѣна стилей у Кона-Винера прослѣжена очень ярко и убѣдительно; анализъ особенностей отдѣльных стилей, ихъ словесная формулировка мѣстами прямо изумительны. Конечно «Исторія стилей» не безупречна, но ея достоинства много выше недочетовъ. Изъ послѣднихъ кратко отмѣтимъ два: во первыхъ схема Кона-Винера главнымъ образомъ приложима къ архитектурѣ и прикладному искусству, и требуетъ, ряда измѣненій, а порой и совершенно должна быть отвергнута, когда дѣло касается станковой живописи или Rundplastik, если даже оставить подъ сомнѣніемъ рельефы въ ихъ обычномъ теперь самодовлѣющемъ назначеніи; во вторыхъ, у Кона-Винера стили декоративные трактуются, какъ стили упадочные, со всѣмъ отрицательнымъ отношеніемъ, связаннымъ съ непріязнью къ декадансу. Признать законнымъ такое толкованіе нельзя, ибо утвержденіе, что декоративная прелесть менѣе цѣнна, чѣмъ тектонически обусловленная красота формъ, слишкомъ грѣшитъ догматичностью, быть можетъ и дорогой автору, но менѣе всего обязательной объективно.

Абрамъ Эфросъ

Научный историческій журналъ, издаваемый подъ редакціей проф. Н. И. Карѣева № 1. Ц. 1 р. 50 к.

Нельзя не привѣтствовать новое начинаніе Н. И. Карѣева. Безспорно, что для лицъ, спеціально занимающихся исторіей, такого рода «академическій» журналъ, какимъ хочетъ быть новый журналъ, нѣсколько претенціозно, однако, наименовавшій себя «научнымъ историческимъ», полезенъ и нуженъ. Научный органъ, который ставитъ своею задачею ознакомленіе историковъ «съ тѣмъ, что дѣлается въ ихъ наукѣ, какъ въ собственномъ ихъ отечествѣ, такъ и въ другихъ странахъ», безъ сомнѣнія удовлетворитъ назрѣвшей потребности. Но, къ сожалѣнію, эти потребности все-таки очень и очень ограничены. Изданіе подобнаго органа является почетнымъ меценатствомъ, и приходится лишь выражать надежду, что «Научный Историческій журналъ» сумѣетъ найти прочную базу для своего существованія.

У насъ немало различныхъ органовъ, гдѣ могутъ находить себѣ мѣсто статьи, предназначаемыя для спеціалистовъ, но нѣтъ ни одного, гдѣ бы имѣлась всесторонняя освѣдомительная часть, наиболѣе нужная для лицъ, интересующихся тѣмъ или инымъ вопросомъ. Въ полнотѣ именно этой освѣдомительной части и должны лежать центръ новаго историческаго журнала. По-видимому, такъ и будетъ. Въ первомъ номерѣ помѣщены двѣ статьи: Кауфмана «Къ вопросу о статистическомъ методѣ въ историко-экономическихъ изслѣдованіяхъ» и Ростовцева «Эллинистическая Азія въ эпоху Селевкидовъ». Вся остальная часть книги посвящена различнымъ бібліографическимъ справкамъ, раздѣленнымъ на пять отдѣловъ: 1) рецензіи—здѣсь помѣщаются

отзывы, специально написанные для журнала; 2) авторефераты; 3) «изъ русскихъ журналовъ»; 4) хроника; 5) библиографія (выборка изъ рецензій, помѣщенныхъ въ другихъ изданіяхъ). Имѣя передъ собою первый №, трудно еще судить о полнотѣ, съ какой будутъ вестись всѣ эти отдѣлы. Пока отдѣлы подобраны довольно случайно, какъ признаетъ это и сама редакція. Но, быть можетъ, такъ было неизбежно въ первомъ номерѣ. Пока же наиболѣе полонъ и поэтому наиболѣе цѣненъ отдѣлъ «новости исторической литературы», гдѣ на двухъ листахъ сравнительно хорошо подобраны новинки западно-европейскія. Но послѣдній отдѣлъ въ журналѣ, думается, можетъ вызвать и существенныя возраженія, по крайней мѣрѣ, при той системѣ, съ которой выполненъ онъ въ первомъ пробномъ номерѣ. Этотъ отдѣлъ названъ «изъ журнальныхъ и газетныхъ отзывовъ объ историческихъ работахъ». Здѣсь помѣщены выдержки изъ отзывовъ о 97 книгахъ, изданныхъ въ 1912 и 1913 гг. Эта «систематическая регистрація» рецензій въ «научномъ историческомъ журналѣ» едва ли правильна. Такая регистрація ведется цѣлымъ рядомъ другихъ изданій и при томъ съ гораздо большей полнотой (хотя бы «Бил. Лит. и Жизни»). Конечно, въ «Научномъ Историческомъ» журналѣ подобная регистрація можетъ вестись съ извѣстной критикой, но это будетъ не регистрація, а выборка. Другими словами, журналъ будетъ сообщать о книгахъ, о которыхъ самъ не можетъ сказать, компетентныя мнѣнія, высказанныя въ другихъ органахъ печати. Конечно, надо, чтобы журналъ давалъ наибольшее количество самостоятельныхъ рецензій. Это главнымъ образомъ, и цѣнно. Такъ дѣлало преждевременно окончившее свое существованіе московское «Критическое Обозрѣніе». Но, если этого нельзя достигъ, имѣетъ, конечно, свой смыслъ помѣщеніе выдержекъ изъ рецензій, написанныхъ специалистами (къ сожалѣнію, не всѣ журналы помѣщаютъ именныя рецензіи, напр., этого не дѣлаетъ «Русское Богатство») — журналъ, въ которомъ, конечно, мы не встрѣтимъ легковѣстныхъ рецензій. Какъ будто бы «Научный Историческій журналъ» теоретически такъ и хочетъ дѣлать: по крайней мѣрѣ, въ предисловіи къ отдѣлу говорится: «часть отзывовъ... даются весьма авторитетными лицами, но эти отзывы остаются неизвѣстными большинству лицъ, могущихъ ими интересоваться.» Но теорія въ данномъ случаѣ разошлась съ практикой, и наряду съ выдержками изъ рецензій авторитетныхъ лицъ или помѣщенныхъ въ авторитетныхъ журналахъ имѣются выдержки изъ рецензій мало компетентныхъ авторовъ или анонимныхъ газетныхъ рецензій. Разъ «Научный Историческій журналъ» ихъ помѣщаетъ, они приобрѣтаютъ какъ бы санкцію авторитета. Мы должны имъ вѣрить, между тѣмъ есть книги, о которыхъ въ разныхъ органахъ были даны далеко неодинаковыя рецензіи.

Намъ, по крайней мѣрѣ, хотѣлось бы видѣть въ «Научномъ Историческомъ журналѣ» наименшее число этихъ взятыхъ изъ вторыхъ рукъ рецензій или, по крайней мѣрѣ, очень строгій ихъ выборъ.

Еще разъ желая успѣха новому историческому журналу въ его трудной работѣ — полнота регистраціи одна изъ самыхъ

неблагодарныхъ задачъ, мы искренно хотѣли бы, чтобы «Научный Историческій журналъ» во имя какого-то отвлеченнаго академизма, усиленно подчеркиваемаго въ предисловіи въ противовѣсъ «исторической публицистики», не замыкался бы исключительно въ сферѣ узкой специализаціи.

С. Мельгуновъ.

Государственный Архивъ. Разрядъ II. Дѣла собственно до Императорской Фамиліи относящіяся. Изданіе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Спб. 1913.

Въ 1912 г. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ издало обширный трудъ С. М. Горяинова «1812 г. Документы Государственного и С.-Петербургскаго Главнаго Архивовъ», состоящій преимущественно изъ описи этихъ документовъ съ приложеніемъ нѣкоторыхъ неизданныхъ матеріаловъ. Теперь напечатана эта опись 1825 дѣлъ съ 1682 по 1912 гг., относящихся специально къ Императорской Фамиліи, составленная также С. М. Горяиновымъ. Дѣла расположены въ хронологическомъ порядкѣ, и кромѣ того, опись снабжена подробнымъ алфавитнымъ указателемъ: Въ приложеніи напечатано наставленіе имп. Екатерины II ея внучкѣ в. княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, въ виду предполагавшагося ея брака съ королемъ шведскимъ Густавомъ IV, и 4 письма в. к. Константина Павловича къ его отцу. Опись эта, конечно, облегчитъ знакомство нашихъ ученыхъ съ документами даннаго разряда, но нельзя не пожелать, чтобы возможно скорѣе были напечатаны описи и другихъ разрядовъ. Рукописныя описи вполне доступны занимающимся въ Государственномъ Архивѣ, но только тогда начнется болѣе обильный притокъ ученыхъ въ Архивы, когда, благодаря печатнымъ описямъ, они будутъ имѣть возможность знать заранее, гдѣ искать тотъ или другой документъ, и, разумѣется, когда самыя архивы будутъ болѣе доступны. А то бывали случаи, когда даже патентованныхъ ученыхъ безъ всякихъ основаній лишаютъ разъ даннаго разрѣшенія пользоваться тѣмъ или другимъ архивомъ.

В. С.

Изъ текущей литературы.

Писалъ ли В. И. Даль о кровавомъ навѣтьѣ?

(В. И. Даль. Записка о ритуальныхъ убійствахъ. Спб. 1913 г.).

Въ 1844 г. появилось анонимное сочиненіе: «Розысканіе о убіеніи евреями христіанскихъ младенцевъ и употребленіе крови ихъ. Напечатано по приказанію Министра Внутреннихъ Дѣлъ».

Въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ состоялъ Л. Перовскій.

Это произведеніе вышло въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, будучи предназначено для узкаго круга высокопоставленныхъ особъ. Сомнительно, однако, чтобы оно было роздано; изъ того,

что книжка вскорѣ стала библиографической рѣдкостью, можно, кажется, заключить, что она не получила распространенія и среди сановныхъ лицъ. Есть даже указаніе, что было напечатано всего-то около десяти экземпляровъ.

Редакторъ «Русскаго Архива» Бартеневъ, управлявшій извѣстной Чертковской библіотекой въ Москвѣ, сообщаетъ, что въ библіотекѣ имѣлся экземпляръ книжки, подаренный В. Далемъ. Въ 1870 г. Бартеневъ, съ разрѣшенія Даля, хотѣлъ было перепечатать «Розысканіе» въ своемъ журналѣ; но, по словамъ Бартенева, еврей-наборщикъ выкралъ нѣсколько страницъ изъ книжки, вслѣдствіе чего перепечатка не могла состояться. Позже Бартеневъ пополнилъ зырванныя страницы, списавъ ихъ по книжкѣ, принадлежавшей кн. А. Б. Лобанову-Ростовскому¹⁾, и этотъ экземпляръ со вшитыми страницами передалъ впослѣдствіи (1906 г.) коллекционеру В. Остроглазову, послѣ смерти котораго книжка поступила въ библіотеку Московскаго университета²⁾.

Въ 1913 г. по этому экземпляру была напечатана книжка подъ заглавіемъ «В. И. Даль. Записка о ритуальныхъ убійствахъ».

Является ли, однако, знаменитый лексикографъ Даль дѣйствительнымъ авторомъ «Розысканія о убіеніи евреями христіанскихъ младенцевъ и употребленіи крови ихъ»?

Наиболѣе, насколько мнѣ извѣстно, раннее упоминаніе въ печати объ этой книжкѣ, относящееся къ 1862 г., не раскрываетъ анонима³⁾.

Въ роли автора этого произведенія Даль впервые, какъ кажется, фигурируетъ въ описаніи (1863 г.) Чертковской библіотеки, въ которомъ указывается, что Даль написалъ книжку по порученію министра внутреннихъ дѣлъ Л. Перовскаго⁴⁾. Позднѣйшія извѣстія относятся ко времени послѣ смерти Даля; во «Всемирной Иллюстраціи» (1872 г., № 207) сообщается, что Даль написалъ книгу «объ убиваніи евреями христіанскихъ младенцевъ»; объ авторствѣ Даля свидѣтельствуемъ также Г. Мельниковъ («Русскій Вѣстникъ» 1873 г., кн. 3), поясняя, что Даль управлялъ, частно, канцеляріей министра Перовскаго. О томъ же передаетъ и Я. Гротъ.

На основаніи этихъ сообщеній и распространилось убѣжденіе, что авторомъ «Розысканія» является Даль.

Но вотъ, въ 1878 г., въ «Гражданинѣ» была напечатана записка о ритуальныхъ преступленіяхъ среди евреевъ, при чемъ редакція отмѣтила, что эта записка подъ названіемъ «Свѣдѣнія

¹⁾ А. Б. Лобановъ-Ростовскій, будучи товарищемъ министра внутр. дѣлъ, состоялъ предсѣдателемъ образованной въ 1872 г. «Комиссіи по устройству быта евреевъ».

²⁾ Предисловіе къ «Запискѣ о ритуальныхъ убійствахъ», стр. XI, XIII. Библиографич. указатели говорили о книжкѣ въ Чертковской библіотекѣ, но позже оказалось, что ея тамъ нѣтъ (Систематич. указатель литературы о евреяхъ, Спб., 1893 г., стр. 193).

³⁾ Архивъ историческ. и практическихъ свѣдѣній, 1862, г. кн. VI, примѣчаніе А. М. Лазаревскаго: «Въ русской литературѣ существуетъ довольно обстоятельное изслѣдованіе объ этихъ кровопролитіяхъ; къ сожалѣнію, доступно оно очень немногимъ».

⁴⁾ Предисловіе къ «Запискѣ о ритуальныхъ убійствахъ», стр. IV.

объ убійствахъ евреями христіанъ для добыванія крови», была составлена въ 1844 г. директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій Скрипицынымъ по распоряженію министра Перовскаго для представленія государю, на слѣднику, великимъ князьямъ и членамъ Государственнаго Совѣта ¹⁾. Такимъ образомъ, авторами «Розысканія» печатные источники называли директора департамента духовныхъ дѣлъ Скрипицына и чиновника канцеляріи министра Далья.

Трудно было бы предположить, чтобы два чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ одновременно писали, по распоряженію начальства, доклады по одному и тому же вопросу; ясно, что рѣчь должна была идти лишь объ одномъ докладѣ, совместно составленномъ обоими чиновниками или же принадлежащемъ одному лицу, но ошибочно приписываемомъ другому. Дѣйствительно, было обстоятельство, позволявшее утверждать, что «Розысканіе объ убіеніи христіанскихъ младенцевъ и употребленіе крови ихъ» идентично по содержанію со «Свѣдѣніями объ убійствахъ евреями христіанъ для добыванія крови» ²⁾. Теперь же, съ переизданіемъ «Розысканія», не подлежитъ уже никакому сомнѣнію тождественность книжки, приписываемой Дально, и записки Скрипицына, напечатанной въ «Гражданинѣ» ³⁾.

Питая особое расположеніе къ Дально, Перовскій давалъ ему различныя порученія своего рода литературнаго характера. Но не всегда подобныя работы выполнялись самимъ Далемъ. Могъ ли бы Даль, напр., въ теченіе одного года серьезно изучить и самостоятельно написать по сложному вопросу о кровавомъ навѣтѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ также и о скопческой ереси? Даль прибѣгалъ въ такихъ случаяхъ къ содѣйствію чиновниковъ, при чемъ отнюдь не скрывалъ этого. Такъ, напр., въ пятидесятыхъ годахъ, получивъ отъ Перовскаго порученіе составить офенскій словарь, Даль, управлявшій въ то время нижегородской удѣльной конторой, возложилъ работу по собиранію матеріаловъ на чиновника удѣльнаго вѣдомства.

Состоя при Перовскомъ, Даль, несомнѣнно, принялъ, такъ сказать, механическое участіе въ дѣлѣ составленія «Розысканія». Такъ, напр., сохранилось письмо одного протоіерея къ Дально по поводу слуховъ о похищеніи въ Петербургѣ въ 20-хъ годахъ христіанскаго ребенка двумя еврейками; когда петербургскій генераль-губернаторъ сообщилъ Перовскому, что по наведеннымъ справкамъ подобнаго случая не было, Даль обратился къ протоіерею съ просьбой сообщить все, что ему извѣстно по этому поводу.

Тѣмъ не менѣе Даль не можетъ быть названъ авторомъ «Розысканія».

¹⁾ Въ предисловіи къ «Запискѣ о ритуальныхъ убійствахъ» сообщается (стр. XV), будто записка Скрипицына была напечатана въ 1844 г.; но изъ заявленія редакціи «Гражданина» надо заключить, что она имѣла въ своемъ распоряженіи рукописное, а не печатное произведеніе.

²⁾ Ю. Гессенъ. Евреи въ Россіи (1906 г.), стр. 406—407.

³⁾ Въ «Запискѣ о ритуальныхъ убійствахъ» приведены незначительныя редакціонныя различія.

Выше было указано, что о принадлежности этой книжки Далу сообщаетъ Гротъ; однако въ его словахъ нѣтъ увѣренности; Гротъ говоритъ объ этомъ, прибавляя, «сколько намъ извѣстно»¹⁾,—очевидно, Гротъ передавалъ лишь дошедшую до него молву, не имѣя никакихъ достовѣрныхъ данныхъ, а между тѣмъ въ его рукахъ были письма и автобіографія Даля. Но особое значеніе должно быть придано тому обстоятельству, что самъ Даль не приписывалъ себѣ авторства «Розысканія»,—составляя для Грота списокъ своихъ сочиненій, Даль не упомянулъ въ немъ о «Розысканіи»²⁾.

Конечно, имѣющіяся въ печати свидѣтельства объ авторствѣ Даля не могутъ быть приняты за выдумки; вѣроятно Даль говорилъ о томъ, что онъ принялъ нѣкоторое участіе въ «Розысканіи», но его слова были превратно истолкованы.

Повторяю, Даль не включилъ «Розысканія» въ число своихъ работъ. А между тѣмъ на званіе автора «Розысканія» могъ претендовать Скрипицынъ, который, по своимъ служебнымъ обязанностямъ долженъ былъ быть ближе къ «Розысканію», чѣмъ Даль.

Слѣдуетъ указать, что имѣется еще одинъ претендентъ на званіе автора «Розысканія». Сенаторъ Лебедевъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ за 1845 г. (напечатанъ въ «Руссксмъ Архивѣ», 1910 г. кн. 8), что «Розысканіе» написалъ, быть можетъ, В. И. Даль или генералъ-майоръ Каменскій (тогдашній при министрѣ внутр. дѣлъ).

Кто бы ни былъ, во всякомъ случаѣ не Даль написалъ «Розысканіе». Я имѣлъ случай видѣть рукопись, содержаніе которой вполне совпадаетъ съ «Запиской о ритуальныхъ убійствахъ», нынѣ вышедшей подъ именемъ Даля. Часть основного текста написана рукой переписчика; значительныя же поправки — вставки и сокращенія — принадлежатъ другимъ лицамъ, но отнюдь не Далу. Пользуясь извѣстностью литератора и ученаго, Даль занималъ слишкомъ видное положеніе, чтобы можно было предположить, что онъ написалъ первоначальный набросокъ (переписанный канцеляристомъ), проредактированный позже другимъ лицомъ. Рѣчь о Далѣ можетъ итти въ данномъ случаѣ лишь, какъ о редакторѣ, но именно важныя редакторскія поправки, имѣвшія цѣлью усугубить доводы въ пользу обвиненія евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ, сдѣланы не рукою Даля.

Не всѣ эти обстоятельства, не позволяющія считать Даля авторомъ «Розысканія», могли быть извѣстны тѣмъ, кто прибѣгалъ къ популярному имени Даля, чтобы распространить вѣру въ легенду о совершеніи евреями преступленій съ ритуальной цѣлью. Но издатель «Записки о ритуальныхъ убійствахъ» зналъ, что эта записка была уже напечатана, какъ произведеніе Скрипицына; объ этомъ сказано въ предисловіи, и все же на книжкѣ выставлено имя Даля.

¹⁾ Академическое изданіе, соч. Державина, т. VII (1878 г.), стр. 286.

²⁾ Копія этого списка имѣется у С. А. Венгерова, любезно предоставившаго ее мнѣ для ознакомленія; копія была передана С. А. Венгерову самимъ Гротомъ.

Слава лексикографа не можетъ, въ глазахъ вдумчивыхъ людей, придать авторитетность сочиненію, не имѣющему ничего общаго съ лексикографіей; сочиненію, требующему отъ серьезнаго автора такихъ знаній (какъ, напр., знакомства съ еврейскимъ языкомъ), которыми Даль, какъ извѣстно, не обладалъ. Но, конечно, на опредѣленные круги общества имя Даля произведетъ впечатлѣніе, и Далю, благодаря этому, суждено сыграть печальную роль въ исторіи навѣта.

Каждому, кто станетъ бороться съ ужасной легендой, придется удѣлить особое вниманіе «Запискѣ о ритуальныхъ убійствахъ» именно потому, что ее связали съ литературной дѣятельностью Даля,—и будетъ обнаружено, какой недоброкачественный матеріалъ легъ въ основу этого произведенія, какъ недобросовѣстно оно составлено.

Это произведеніе уже было подвергнуто научной критикѣ. Извѣстный ученый, профессоръ С.-Петербургской духовной академіи, Д. Хвольсонъ¹⁾, разоблачивъ полное невѣжество Скрипицына въ литературѣ по затронутому вопросу, заклеививъ его записку, какъ клеветническое произведеніе, тѣмъ самымъ далъ оцѣнку и «Запискѣ о ритуальныхъ убійствахъ», тождественной съ твореніемъ Скрипицына.

Впрочемъ, и сенаторъ Лебедевъ, еще молодымъ человѣкомъ ознакомившійся съ «Розысканіемъ», въ 1845 г., тогда же занесъ въ свой дневникъ слѣдующія строки: «Брошюра замѣчательно по своему предмету, но бѣдна содержаніемъ, лишена безпристрастнаго взгляда, не имѣетъ достоинствъ ученаго изслѣдованія и даже полнаго собранія свѣдѣній. Не ищите здѣсь ни точныхъ источниковъ, ни вѣрныхъ указаній, ни оцѣнки событій.

Окутанная средневѣковымъ мракомъ, «Записка о ритуальныхъ убійствахъ» запятнаетъ память Даля, если не будетъ разсѣяна легенда, будто эта записка—его дѣтище.

Юлій Гессенъ.

Попытка обойти исторію.

(Криничане. Четверть вѣка «Криницы». Изданіе кооперативнаго журнала «Наше Дѣло». Кіевъ. 1913 г. Стр. VI—493. Ц. 2 руб.).

«Въ настоящее время—пишетъ въ предисловіи къ этой книгѣ М. И. Туганъ-Барановскій—врядъ ли какой-нибудь серьезный экономистъ или социологъ станетъ возлагать на коммунистическія колоніи тѣ надежды которыя были столь обычны полвѣка назадъ; конечно, эти колоніи, сами по себѣ, безсильны разрушить твердыню современнаго капитализма» (II). Тѣмъ не менѣе г. Туганъ-Барановскій придаетъ подобнымъ колоніямъ очень большое значеніе, но только «не въ экономической исторіи человѣчества а въ исторіи его моральныхъ исканій». «Ихъ примѣръ—

¹⁾ О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ. Спб., 1880 г.

говорить онъ,—дѣйствуетъ ободряюще и освѣжающе на остальное человѣчество, доказывая, что есть люди, которые способны къ смѣлому соціальному творчеству во имя высокаго моральнаго идеала» (VI). Едва ли однако можетъ подѣйствовать на кого ободряюще примѣръ «Криницы» —интеллигентной колоніи, существующей съ 1886 г. на Сѣверномъ Кавказѣ (въ нынѣшней Черноморской губерніи) и исторія которой за первую четверть вѣка ея существованія рассказана въ лежащей передъ нами книгѣ.

«Криница» принадлежитъ къ тѣмъ именно колоніямъ, которыя «возникли отнюдь не по хозяйственнымъ соображеніямъ и не ради улучшенія экономическаго положенія ихъ членовъ» (IV). «Основной идеей», которая объединила основателей этой колоніи и затѣмъ полагалось въ основу всей жизни ея членовъ, было «самоусовершенствованіе» (21, 63). Считая всѣ существующіе пути къ осуществленію «мірового закона совершенствованія» — «напр., революціонный путь, экономическій, научный, педагогическій и т. д.»—односторонними и часто противорѣчащими другъ другу, криничане попытались пойти своей особой дорогой. «Нашъ путь,—такъ они опредѣлили его—есть *община*, не только экономическая, но и духовная, т.-е. такая форма жизни, при которой должны совершенствоваться не отвлеченныя понятія, не учрежденія, какъ, напр., государственный строй, законы и др., а каждый отдѣльный человѣкъ» (207, 209). Другими словами, не желая участвовать въ постепенномъ совершенствованіи общественныхъ учреждений, криничане рѣшили отойти къ сторонкѣ и, создавъ сразу идеальную форму общежитія, всецѣло отдаться самоусовершенствованію. Такимъ путемъ они надѣялись удовлетворить прежде всего свои моральные запросы. Но имъ не чужда была мечта увлечь «своимъ примѣромъ» на тотъ же путь и все человѣчество. «Криница —говорили они,—есть только *предтеча* того великаго народнаго движенія, которое должно произойти въ ближайшую эпоху» (166).

Прошла четверть вѣка,—и теперь не можетъ уже быть сомнѣнія, что въ своей попыткѣ опередить или, что правильнѣе, обойти исторію съ ея медленной эволюціей, Криничане потерпѣли неудачу. И они сами это уже сознали. «Полной, цѣльной, совмѣстной и единой жизни людей, связанныхъ идеей братства»,—а именно такую жизнь они рассчитывали взять за «исходную точку», (209, 210), такъ и не получилось. Этого единенія душъ и сердецъ, пишутъ теперь криничане, Криница не могла добиться за все долгое существованіе» (199). Черезъ всю исторію прошла прежде всего борьба между «стариками» и «молодыми», объяснявшаяся недостаткомъ взаимнаго пониманія и довѣрія. На ряду съ этимъ община должна была выдерживать натискъ внѣшняго міра,—въ лицѣ, главнымъ образомъ, практикантовъ и гостей, являвшихся въ Криницу со своими идеями и запросами и вносившихъ путаницу во всѣ отношенія. Я уже не говорю о мелочныхъ дразгахъ и борьбѣ личныхъ самолюбіи, нерѣдко отравлявшихъ общинную жизнь. Давая общую характеристику послѣдней за 1900 годъ, историки Криницы пишутъ: «Криница въ этотъ

моментъ была, въ сущности говоря, не община, а конгломератъ случайно собравшихся людей, среди котораго вкраплена была ничтожная по своимъ размѣрамъ, но сплоченная и сильная духомъ основная группа» (215). Однако и въ этой необильной и сплоченной группѣ «стариковъ» возникали порою свои недоразумѣнія, а одно изъ нихъ, тянувшееся нѣсколько лѣтъ, разрѣшилось какъ разъ въ 1901 году изгнаніемъ изъ общины лица, проживавшаго въ ней болѣе 10 лѣтъ. «Въ общественномъ отношеніи,—говорится о другомъ періодѣ общинной жизни,—получилась та неразбериха, которая сплошь да рядомъ замѣчается въ большихъ крестьянскихъ семьяхъ, гдѣ вдругъ почувствовался разжатый кулакъ главы... Довѣріе другъ къ другу исчезло почти у всѣхъ; самые близкіе друзья потеряли взаимную связь, и—что удивительно,—эта эпидемія разлада проникла не только въ среду молодежи, но захватила и тѣхъ стариковъ, которые такъ согласно прожили почти 9 лѣтъ вмѣстѣ» (133). Если исключить сравнительно рѣдкіе и недолгіе періоды общаго воодушевленія и подъема, то въ общинной жизни, можно сказать, все время царили эти «разлады» и «неразбериха», все время она представляла изъ себя «конгломератъ».

Волей-неволей криничанамъ пришлось заниматься усовершенствованіемъ «отвлеченныхъ началъ», своихъ собственныхъ «учрежденій», т.-е. выполнять въ маленькомъ масштабѣ ту работу, которую въ большемъ масштабѣ они признали излишней. Они вынуждены были завести свою администрацію (60, 89, 119 и т. д.), свой судъ (214), вырабатывать таблицы, издавать законы (171 и др.), устанавливать кары за невыполненіе ихъ (156). У нихъ была даже установлена цензура на книги (266), подумывали о цензурѣ на слова (39). «Свобода дается,—утѣшали они недовольныхъ,—не кѣмъ-нибудь и не чѣмъ-нибудь: она внутри насъ. Быть господиномъ своихъ желаній—вотъ желанная свобода» (36).

Изъ сказаннаго ясно, какъ далеко была созданная криничанами форма общежитія отъ идеала и какъ много силъ нужно было тратить на ея усовершенствованіе и поддержаніе. Порою они сами терялись и недоумѣвали: «является ли община цѣлью или средствомъ?» «личность ли для общины или община для личности?» (112)... Не разъ криничане мѣняли свой «строй», свои «учрежденія»,—«можетъ быть сотый опытъ» они произвели, идя волей-неволей по тому самому пути, съ котораго хотѣли уйти,—и, наконецъ, убѣдились въ необходимости реорганизовать все дѣло на существенно иныхъ основаніяхъ, приблизиться къ общей дорогѣ. Въ 1909 г. Криница изъ «общины, не только экономической, но и духовной», была преобразована въ «земледѣльческую артель», существующую теперь на основаніи устава утвержденнаго черноморскимъ губернаторомъ. «Молодые» криничане, характеризуя этотъ переломъ въ жизни колоніи, пишутъ про своихъ «стариковъ»: «они прошли свой путь; они отдали общинѣ всѣ свои силы, но жизнь ихъ разбила» (329). «Мы,—прибавляетъ молодежь,—не можемъ даже утѣшить стариковъ въ томъ, что наша идеологія находится въ преемственной связи съ ихъ иска-

ніями». А сами «старики» говорятъ: «Мы вѣримъ въ общинность, но осуществить ее намъ не дано. Мы еще не доросли до того нравственнаго уровня, о которомъ мечтали. Ноша оказалась намъ не подъ силу» (329). община, основанная на идеѣ братства, уцѣлѣла въ качествѣ идеала, и, молодежь, судя по всему, продолжаетъ къ нему стремиться; но отъ немедленнаго осуществленія этого идеала въ жизни криничане отказались. Теперь Криница, въ ихъ глазахъ,—есть лишь «звено, соединяющее наше время съ тѣмъ ожидаемымъ, когда торжество выдвинутыхъ ею идей будетъ полное и несомнѣнное» (330).

Причину своей неудачи, какъ видно изъ сказаннаго, Криничане видятъ прежде всего въ томъ, что сами они «не доросли» до того нравственнаго уровня, какой необходимъ для жизни въ идеальной общинѣ. Про другихъ людей—менѣе высокаго моральнаго уровня—и говорить, конечно, нечего... Не менѣе важную роль въ неудачахъ, постигшихъ криничанъ, сыгралъ и тотъ «міръ», отъ котораго они задумали «отречься». Если бы основатели «Криницы»—эта очень небольшая группа близкихъ между собою людей (на сколько можно понять, ихъ было четыре человѣка)—совершенно изолировали себя отъ внѣшняго міра, то возможно, что въ концѣ концовъ имъ удалось бы вполне притереться другъ къ другу и достигнуть того соединенія душъ и сердецъ, котораго они добивались въ своей общинѣ. Въ результатѣ получился бы своего рода «скитъ», обитатели котораго были бы убѣждены, что они заняты самымъ душеспасительнымъ дѣломъ—самоусовершенствованіемъ—и, быть можетъ, до конца дней своихъ прожили бы мирно и безмятежно. Но «Криница» не могла, да и не пожелала совершенно изолироваться отъ міра. Желая вліять на людей (она въ общемъ встрѣчала свои двери довольно широко открытыми для приходившихъ изъ міра, хотя порою и бывало, что она закрывала ихъ и даже изгоняла тѣхъ, кого сама уже пріютила). Въ этомъ историки Криницы и видятъ одну изъ главныхъ причинъ, почему общинная жизнь никакъ не могла наладиться. «Основные члены,—пишутъ они,—оставались на дѣлѣ неизмѣнны, а окружающая ихъ толпа вѣчно колебалась, уходила, приходила и критиковала» (199). Но и сами члены общины, особенно молодые, менѣе установившіеся, не оставались, конечно, совсѣмъ неизмѣненными: «міръ» заражалъ ихъ своими идеалами, тревожилъ своими заботами, волновалъ своими исканіями. Съ особою силой и наглядностью это сказало въ бурные, революціонные годы. «Оттуда, изъ міра, изъ далекихъ центровъ человѣческаго муравейника,—читаемъ мы въ одномъ изъ дневниковъ Криницы за 1905 г.—что-то дунуло на насъ, разбило настроеніе, встревожило мысль. Встрѣтили новый годъ по шаблону, близости не было, не всѣ присутствовали, чего-то не договаривали, что-то ожидали» (297). Въ эти бурные годы обители ителлигентнаго монастыря, собравшіеся сюда для «самоусовершенствованія», съ особою силою должны были почувствовать, что это отнюдь не самое душеспасительное дѣло,—не самое душеспасительное даже съ личной точки зрѣнія, не говоря уже объ общественной. И, дѣйствительно, «событія какъ бы вынули изъ общины ея идеальное основаніе, изсушили внутрен-

нее содержаніе и оставили лишь голую форму, такую всегда и вездѣ скучную, холодную» (302). И это, конечно, понятно: идея самоусовершенствованія можетъ увлекать и объединять людей развѣ только въ періоды общественной депрессіи. Не случайно, нужно думать, и «Криница» возникла именно въ 1886 году, т.-е. въ самую глухую пору общественной реакціи. Если бы не новый періодъ общественнаго угнетенія, достигшаго наибольшей силы, какъ можно думать, въ 1909—1910 году, то на мѣстѣ Криницы, пожалуй, не осталось бы и «артели»: для криничанъ, желающихъ теперь «работать въ ширь» (338), вѣроятно, нашлось бы болѣе широкое дѣло.

Достаточно указанныхъ двухъ причинъ, которыя ясны самимъ криничанамъ, чтобы понять неизбежность постигшей ихъ неудачи. Едва ли,—сказалъ я,—ихъ примѣръ можно считать ободряющимъ; но онъ, во всякомъ случаѣ, долженъ быть признанъ въ высшей степени поучительнымъ. Неудача «Криницы», конечно, не подрываетъ общиннаго идеала,—она не подорвала его, какъ сказано, даже въ глазахъ самихъ криничанъ; не компрометируетъ эта неудача и социальнаго новаторства; но она съ полною наглядностью свидѣтельствуетъ, что нельзя новыя социальныя формы закладывать гдѣ-то въ сторонкѣ отъ общаго пути, въ надеждѣ увлечь другихъ своимъ примѣромъ. Нѣтъ! Нужно идти нога въ ногу со всѣмъ человѣчествомъ по общему пути исторической эволюціи,—и тѣ, которые по своей энергіи и моральному уровню способны идти въ авангардѣ, ни въ коемъ случаѣ не должны отъ другихъ отрываться. Лишь по этому пути, вмѣстѣ со всѣмъ человѣчествомъ, можно дойти до тѣхъ общественныхъ формъ, при которыхъ будетъ обезпечено всестороннее и гармоническое развитіе человѣческой личности. А пока даже для того, кто ищетъ прежде всего удовлетворенія своимъ этическимъ запросамъ, можетъ быть данъ только одинъ душеспасительный совѣтъ: не уходи въ скитъ или монастырь...

Нѣтъ, трудясь съ землею, и страдай съ землею
Общимъ тяжкимъ горемъ братьевъ и людей...

Исторія «Криницы» написана самими криничинами, какъ по воспоминаніямъ, такъ, главнымъ образомъ, и по дневникамъ, докладамъ, письмамъ и т. д., какіе сохранились въ архивѣ колоніи. Это, такъ сказать, автобіографія «Криницы». Какъ автобіографія она страдаетъ, конечно, избыткомъ субъективнаго элемента. Съ литературной точки зрѣнія въ ней тоже можно было бы указать много слабыхъ сторонъ. Но на эту книгу, по нашему мнѣнію, нужно смотрѣть, не какъ на литературное произведеніе, а какъ на важный «человѣческій документъ», поучительный и для историка, и для общественнаго дѣятеля: первому онъ можетъ освѣтить многія исканія въ прошломъ, а второму, несомнѣнно, облегчить выборъ пути въ будущее.

А. Пышехоновъ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

Астровъ, В. Не нашли пути. Изъ истории религіознаго кризиса. Станкевичъ-Бѣлинскій — Герценъ — Кирѣевскій — Достоевскій. Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ауслендеръ, С. Послѣдній спутникъ. Романъ въ 3 частяхъ. Кн-во К. Ф. Некрасова. Москва. МСМХІІІ. Ц. 1 р.

Бочкаревъ, В. Н. Московское государство XV—XVII вв. по сказаніямъ современ. иностранц. № 3. Культ.-истор. библиот. подъ ред. Истор. Комиссін У. О. О. Р. Т. З. 1914 г. Кн-во «Энергія». Спб. Ц. 90 к.

Вамбери, А. Моя жизнь. Автор. переводъ съ англ. В. Лазарева. Съ портр. автора. Москва. Кн-во «Наука» 1914 г. Ц. 1 р. 75 к.

Владимиръ, П. Стихотворенія. Изд. В. Колобаева. Харьковъ, 1913 г. Ц. 35 к.

Гинкенъ, Ант. О чтеніи и книгахъ. Вып. I. Спб. 1913 г. Ц. 70 к.

Дельвицъ, А. И. Мои воспоминанія. Томъ IV. Съ портретомъ автора. Изд. Румянцевскаго музея. Ц. 4 р.

Дурылинъ, С. Церковь невидимаго града. Сказаніе о градѣ Китежѣ. Изд. «Путь». М. 1914 г. Ц. 50 к.

Дюшенъ, Л. Исторія древней церкви. Изд. «Путь». 1914 г. Ц. 2 р.

Зензиновъ, В. М. Русское устье Якутской области Верхоянскаго округа. Съ 62 рис. въ текстѣ. М. 1913 г.

Избранные стихи русскихъ поэтовъ. Серия сборниковъ по темамъ. Россія. Спб. 1914 г. Ц. 60 к.

Избранные стихи русскихъ поэтовъ. Серия сборниковъ по періодамъ. Періодъ Первый. (Д. Давыдовъ—А. Фетъ). Спб. 1914 г. Ц. 1 р.

Извѣстія кавказскаго отдѣла Импер. рус. геогр. о-ва. Т. XXII, вып. 1. Тифлисъ. 1913 г.

Исторія западной литературы (1800—1910), подъ ред. проф. **Ө. Д. Батюшкова.** Т. I. Кн. 3—5. Изд. Т-ва «Міръ». Москва.

Къ десятилѣтію Полтавской Ученой Архивной Комиссін. Составилъ правитель дѣлъ И. Ф. Павловскій. Изд. Полт. Учен. Архив. Ком. П. 1913 г.

Кузнецовъ, Ф. Въ чемъ истинный смыслъ жизни? Тула. Ц. 25 к.

Лосскій, Н. Интуитивная философія Бергсона. Изд. «Путь». 1914 г. Ц. 70 к.

Курская, А. С. Производство чаювъ въ Москвѣ и Моск. губ. М. 1914. Изд. семин. полит. эк. Моск. Выс. Жен. Кур. Ц. 1 р. 25 к.

Матеріалы для исторіи рода рязанскихъ Селивановыхъ, ведущихъ свое начало отъ Кичибя. **Собралъ А. В. Селивановъ.** Ч. II. Рязань. 1913 г. Ц. 2 р. 50 к.

Модестовъ, А. Е. О смыслѣ жизни въ русской худож. литературѣ XIX в. Вып. I и II. № 4 Культурно-истор. библиот. подъ ред. Истор. Комис. У. О. О. Р. Т. З. 1914 г. Кн-во «Энергія». Спб. Ц. I в. 60 к.; II—70 к.

Мутеръ, Р. Исторія живописи отъ сред. вв. до нашихъ дней. Перев. В. Фриче. Т. I. Вып. I—IV. М. К-во «Печатникъ».

Отчеты Императорскаго Россійскаго Историческаго музея имени императора Александра III въ Москвѣ за 1911 и 1912 гг. М. 1913 г.

Очерки по исторіи Византіи. Подъ ред. и съ пред. **В. Н. Бенешевича,** проф. Спб. университета. Вып. III. Изд. Студ. изд. Комитета при Истор.-фил. фак. Спб. Университета. Спб. 1912 г.

П. Я. Русская муза. Художественно-историческая хрестоматія. Изд. 3-е Русск. Богатства. 1914 г. Ц. 1 р. 75 к.

Павловскій, И. Ф. Очеркъ дѣятельности малороссійскаго генер.-губерн. кн. А. Б. Куракина (1802—1808 г.) (по архивнымъ даннымъ съ рисунками). Изд. Полтавск. Уч. Архив. Комиссін. П. 1914 г. Ц. 75 к.

Память 300-лѣтія дома Романовыхъ. Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ засѣданіи Саратовской Учен. Арх. Комиссін 21 ф. 1913 г. Саратовъ. 1913 г.

Парламентскія рѣчи по еврейскому вопросу. Ч. I. Перев. подъ ред. и съ примѣч. **С. В. Познера.** Съ пред. проф. **М. М. Ковалевскаго.** Из-во «Разумъ». Спб. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Перцевъ, В. Деятнадцатый вѣкъ. Историч. очерки Универс. библиот. Кн-во «Польза» В. Антикъ и К^о. М. Ц. 20 к.

Пичета, В. И. Юрій Крижаничъ, экономич. и политич. его взгляды. № 2 Культур.-историч. библиот. подъ ред. Историч. Ком. У. О. О. Р. Т. З. 1914 г. Кн-во «Энергія». Спб. Ц. 90 к.

Поляковъ, А. С. Пушкинъ и Пнинъ Спб. 1913 г.

Португаловъ, М. В. Женщина въ русск. худож. литературѣ XIX вѣка (1823—1876) № 6. Культур.-Истор. библиот. Подъ ред. Истор. Комиссін. У. О. О. Р. Т. З. 1914 г. Кн-во «Энергія». Ц. 1 р.

Правда о ленинскихъ событіяхъ. Изд. П. Н. Баташева. Ц. 2 р.

Романъ Тристана и Изольды въ излож. **Ж. Бедье**. Переводъ Е. С. Уреніусъ. Москва. Кн-во К. Ф. Некрасова. МСМХІІІ. Ц. 1 р.

Русская литература по всеобщей исторіи. Вып. I. Библиографическій обзоръ подъ ред. **Д. Н. Егорова**. Кн-во «Русск. Мысль». 1913 г. Ц. 60 к.

Симаковъ, В. И. Сборникъ деревенскихъ частушекъ. Изд. Собирателя. Ярославль. 1913 г. Ц. 2 р.

Скляръ, Леонидъ. Призраки (эстетич. стихи). Изд. автора. Ц. 65 к. Ростовъ-на-Д. 1913 г.

Сосновскій, Д. И. Охрана памятниковъ природы на Кавказѣ. Зап. кавк. отд. Имп. рус. геогр. о-ва. Кн. XX\ІІІ вып. 3-й. Тифлисъ. 1913 г. ц. 20 к.

Тарасовъ, Н. Г. и Моравскій, С. П. Культурно-историческія картины изъ

жизни Западной Европы IV—XVIII вѣковъ. 3-е изд. Съ 12 иллюстраціями. Ц. 1 р. 40 к. М. 1914 г.

Флоренскій, Павелъ, свящ. Столпъ и утвержденіе истины. Опытъ православной еодицеи въ двѣнадцати письмахъ. Изд. «Путь». М. 1914 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Хитоковъ, Н. А. Показательный садикъ. Руков. для родителей и воспитателей. Изд. автора. Казатинъ. 1913 г. Ц. 75 к.

Цыганокъ, Сем. (Темрюкскій). Изломы луча. Стихот. 1909—12 г. Изд. газ. «Далекая Окраина». Владивостокъ. 1913 г. Ц. 75 к.

Шубертъ, А. И. Моя жизнь. Воспоминанія 1827—1883 г. Изд. Дирекціи Императорскихъ театровъ. Спб. 1913 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 г.

и продолжается подписка на 1913 г.

ВЫШЕЛЪ № 12 (ДЕКАБРЬ) ЖУРНАЛА

РУССКОЕ БОГАТСТВО

издаваемый Вл. Г. КОРОЛЕНКО

и при ближайшемъ участіи: А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевского, О. Д. Крюкова, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевского, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова и А. Е. Рѣдько.

СОДЕРЖАНІЕ: 1. О. Нелидь. О. Крюкова. 2. Аграрный вопросъ въ современномъ социализмѣ. (Окончаніе). Е. Сталинскаго. 3. Опустошеніе. (Окончаніе). В. Муйжеля. 4. Анабіозъ, П. Ю. Шмидта. 5. Стихотвореніе. Н. Шрейтера. 6. Послѣдній день г-на Друкаря. О. Воскресенскаго. 7. Стихотвореніе. Н. Шрейтера. 8. Путь Сергѣева-Ценскаго. А. Горнфельда. 9. Въ провинціальной глуши. (Продолженіе). Романъ Э. Ф. Бенсона. Перев. съ англійск. З. Н. Журавской. 10. Очерки социальной исторіи Малороссіи. (Окончаніе). В. Мякотина. 11. Въ морѣ. Стихотвореніе. Н. Шрейтера. 12. Какъ живетъ донецкій шахтеръ. П. А. Покровскаго. 13. Изъ Англіи. Діонео. 14. Борьба съ безработицей (О Гентскомъ конгрессѣ). А. Рабиновича. 15. Обзорѣніе иностранной жизни. Н. С. Русанова. 16. Срамъ. (Дѣло Бейлиса). С. Елпатьевского. 17. Хроника внутренней жизни. А. Петрищева. 18. Случайныя замѣтки. Колдовской процессъ. И. Гордѣва. 19. Литературныя наброски. А. Е. Рѣдько. 20. Новыя книги, поступившія въ редакцію. 21. Указатель авторовъ и произведеній, печатавшихся въ „Русскомъ Богатствѣ“ въ 1913 году. 22. Отчетъ конторы редакціи журнала „Русское Богатство“. 23. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой и пересылкою: на годъ 9 р., на 6 мѣс.—4 р. 50 к., на 4 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—75 к. Безъ доставки на годъ—8 р., на 6 мѣс.—4 р. Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка 1 р. 10 к. За границу: на годъ—12 р., на 6 мѣс. 6 р., на 1 мѣс.—1 р. Адресъ конторы журнала: С.-Петербургъ, Баскова, 9; въ Москвѣ: въ отдѣленіи конторы: Никитскій бульваръ, д. 19; въ Одесѣ: въ книжн. магаз. „Одесскія Новости“, Дерибасовская, 10; въ магаз. „Трудъ“, Дерибасовская, 25; въ Баку: въ книжн. торговлѣ „Сотрудникъ“. Подписка отъ книжныхъ магазиновъ принимается только на цѣлый годъ и дѣлается уступка 40 коп. съ экземпляра.

Открыта подписка на 1914 годъ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ПРАВО“

(шестнадцатый годъ изданія)

выходящую въ С.-Петербургѣ подъ редакціей проф. **В. М. Гессена**, **І. В. Гессена**, профессоровъ: **А. А. Жижиленко** и **А. И. Наминка**, **В. Д. Набокова**, профессоровъ: бар. **Б. Э. Нольде**, **М. Я. Пергамента** и **Л. І. Петражицкаго** по прежней программѣ.

Годовые подписчики получаютъ въ качествѣ приложений: **выходящія въ 1914 г. Рѣшенія кассационныхъ департаментовъ и общаго собранія І-го и кассационныхъ департаментовъ и кассационныхъ департаментовъ Правит. Сената.**

Редакція даетъ годовымъ подписчикамъ **«ПРАВА»** бесплатные отвѣты (въ количествѣ не болѣе трехъ) на юридическіе вопросы.

Отчеты о всѣхъ дѣлахъ, рассмотрѣнныхъ въ кассационныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената, печатаются въ ближайшихъ послѣ засѣданій номерахъ.

Въ справочномъ отдѣлѣ печатаются: алфавитный списокъ лицъ, несостоятельныхъ, ограниченныхъ и освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности, алфавитные списки уничтоженныхъ довѣренностей, списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Правит. Сенатѣ, а также и **резолюціи** по заслушаннымъ въ Сенатѣ дѣламъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылкой—**7 руб.**, на полгода—**4 руб.**. Допускается разсрочка: при подпискѣ—**4 руб.** и къ 1 мая—**3 руб.** За границу: на годъ—**10 руб.** Отдѣльные номера продаются по **20 коп.**

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: С.-Петербургъ, Литейный, 28, при юридическомъ книжномъ складѣ **«ПРАВО»**. Складъ высылаетъ всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги по вопросамъ правовѣдѣнія и обществовѣдѣнія.

Открыта подписка на 1914 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Сибирскій Архивъ“

(3-й годъ изданія):

Журналъ посвященъ вопросамъ исторіи, археологій, географіи и этнографіи Сибири Средней Азіи и Дальняго Востока.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на годъ—**4 руб.**, на полгода—**2 руб.**, на 3 мѣс.—**1 руб.**, на 2 мѣс.—**70 коп.**, на 1 мѣс.—**35 коп.**

Подписка направляется по адресу: **г. Минусинскъ. Енисейской губ.,** Директору Учительской Семинаріи **Александру Ивановичу Линькову.**

Полный комплектъ журнала за 1912 годъ высылается за **5 руб.**, за 1913 годъ—за **4 руб.**

Редакціей высылаются спеціальныя **наборы** для учебныхъ заведеній **подлинныхъ** (не модельныхъ) предметовъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ.

Цѣна набора съ пересылкой **50 рублей.**

Редакторъ-издатель **А. И. Линьковъ.**

XXV годъ
изданія.**Открыта подписка**
на журналъ

1914 г.

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

Журналъ ставитъ своею задачею выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ отзывы о новыхъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ, о дѣтскихъ книгахъ и друг. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются научно популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и проч.

Въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (*Victor Henri*), Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, д-ръ Д. Д. Бекарюковъ, акад. В. М. Бехтеревъ, Ю. А. Бунинъ, акад. И. А. Бунинъ, Ю. А. Веселовскій, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, С. Г. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, А. Г. Дауге, Е. А. Звягинцевъ, д-ръ В. Е. Игнатьевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, проф. И. А. Каблуковъ, проф. М. М. Ковалевскій, П. С. Коганъ, проф. Н. М. Кулагинъ, Е. І. Лозинскій, А. И. Лотоцкій, прив.-доц. П. И. Люблинскій, С. П. Мельгуновъ, проф. И. И. Мечниковъ, Н. Ф. Михайловъ, проф. А. П. Нечаевъ, Н. М. Никольскій, акад. Д. Н. Овсянко-Куликовскій, проф. И. Г. Оршанскій, Г. Роковъ, прив.-доц. М. М. Рубинштейнъ, С. Ф. Русова, П. Н. Сакулинъ, прив.-доц. Е. Д. Силицкій, Л. Д. Силицкій, С. Г. Смирновъ, Н. В. Сперанскій, Б. И. Сыромятниковъ, В. Я. Улановъ, Г. А. Фальборкъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, Л. Б. Хавкина-Гамбургеръ, В. П. Хопровъ, В. И. Чернолуцскій, Н. В. Чеховъ, кн. Д. И. Шаховской, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, д-ръ Вл. И. Яковенко, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ и многіе другіе.

Журналъ выходитъ **9 разъ** въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки—**5 руб.**, съ доставкой и пересылкой—**6 руб.**, въ полгода—**3 р.**, съ пересылкой за границу—**7 р. 50 к.**; для недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ доставки—**5 р.**

Земствамъ, городскимъ самоуправленіямъ, просвѣтительнымъ и учительскимъ обществамъ при подпискѣ не менѣе чѣмъ 5 экземпляровъ дѣляется уступка въ размѣрѣ 5% подписной цѣны и при подпискѣ болѣе чѣмъ на 10 экземпляровъ—въ размѣрѣ 10%. Уступки эти дѣлаются при непремѣнномъ условіи высылки денегъ *непосредственно въ редакцію.*

Плата за объявленія въ журналѣ: **30 руб.** за страницу и **15 руб.** за полстраницы.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., домъ № 32), во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ **Н. Ф. Михайловъ.**

25-й годъ
изданія.**Открыта подписка на 1914 г.**на общепедагогическій журналъ для учителей и дѣ-
телей по народному образованію.25-й годъ
изданія.

„Русская Школа“.

Программа журнала: Общіе вопросы образованія и воспитанія. Реформа школы. Экспериментальная педагогика, психологія, школьная гигиена. Методика преподаванія разл. предметовъ. Исторія школы. Обзоры новѣйшихъ теченій въ области разныхъ наукъ. Дѣятельность госуд. и обществ. учрежденій по народному образованію (Госуд. Думы, земствъ и пр.). Народное образованіе за границей. Начальная и средняя школа въ Россіи. Вопросы національной школы разл. народовъ Россіи. Женское образованіе. Профессиональное образованіе. Внѣшкольное образованіе.

Кромѣ статей по означенной программѣ, журналъ даетъ слѣдующіе постоянные отдѣлы: I. Экспериментальная педагогика, подъ ред. А. П. Нечаева и Н. Е. Румянцова. II. Критика и библиографія, обзоры педагогическихъ и дѣтскихъ журналовъ, подъ ред. А. Я. Гуревичъ. III. Хроника общаго и професс. образованія въ Россіи и за границей. IV. Хроника библиотечнаго дѣла и внѣшкольнаго образованія. V. Земскіе очерки. VI. Разныя извѣстія. VII. Новости литературы. VIII. Новѣйшія правительственныя распоряженія и законодательныя постановленія.

Въ журналъ принимаютъ участіе: Н. Андреевъ, Н. Бахтинъ, Н. Борецкій-Бергфельдъ, Н. Бочкаревъ, Э. О. и В. П. Ваттеровы, проф. Б. Вейнбергъ, д-ръ А. Владимирскій, С. В. Вознесенскій, Ч. Вятринскій, проф. А. Грубскій, Л. Я. Гуревичъ, А. Гуревичъ, Евг. Глазничъ, П. Жулевъ, проф. П. Заболотскій, В. Зеленко, С. Знаменскій, С. Золотаревъ, Г. Г. Зоренфрей, Н. Н. Иорданскій, И. Кавунъ, А. Калмыкова, П. О. Кантеревъ, В. Келтулла, чл. Г. Думы Ив. Кложевъ, проф. Н. М. Книповичъ, Н. И. Коробко, Л. Кравченко, проф. И. Лапинъ, проф. А. Лазурскій, Э. Ф. Лесгафтъ, Э. Лямбекъ, Н. П. Малиновскій, П. Г. Мижуевъ, А. Мзьеръ, проф. А. Музыченко, А. Намиловъ, проф. А. П. Нечаевъ, М. В. Новорусскій, Ф. Ф. Ольденбургъ, Л. Оршанскій, А. Н. Острогорскій, Ф. И. Павловъ, проф. А. Л. Погдинъ, д-ръ В. Размановъ, Б. Райковъ, прив.-доц. Г. И. Россомимо, Н. А. Рубакинъ, Н. Е. Румянцевъ, С. Ф. Русова, Е. Рѣпина, С. И. Сазоновъ, Л. С. Севрукъ, Б. Соколовъ, Н. М. Соколовъ, М. М. Соловьевъ, Е. Соломинъ, чл. Г. Думы И. Титовъ, Н. А. Томилинь, М. Тростниковъ, Г. Г. Тумилъ, М. В. Усковъ, С. Фарфоровскій, В. А. Флеровъ, А. П. Флеровъ, Б. Р. Фромметтъ, проф. Г. В. Хлопинъ, В. И. Черноусскій, В. И. Чернышевъ, Н. В. Чеховъ, С. И. Шохоръ-Троцкій, С. Я. Штрайтъ и др.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣ 15 печ. листовъ. Подписная цѣна: въ СПБ. безъ дост.—семь р., съ дост.—7 р. 50 коп., для иногородн.—восемь руб.; за границу—девять руб. въ годъ. Для сельскихъ учителей, выписыв. журналъ за свой счетъ,—шесть руб. въ годъ, съ разсрочкою (при подпискѣ—3 р. и къ 1 июля—3 р.). Городамъ и земствамъ, выписыв. не менѣ 10 экз., уступка въ 15%. Книжн. магазинамъ за комиссію 5% съ год. цѣны. Подписка съ разсрочкой и уступкой только въ конторѣ редакціи (СПБ., Лиговская, д. 1).

Цѣна объявленій въ журналѣ „Русская Школа“.

Впередн текста:		Позади текста:	
на 1 страницу	40 руб.	на 1 страницу	30 руб.
« 1/2 страницы	25 »	« 1/2 страницы	20 »
« 1/4 страницы	15 »	« 1/4 страницы	10 »
« 1/8 страницы	8 »	« 1/8 страницы	6 »

За разсылку вкладныхъ объявленій вѣсомъ въ 1 лоть: по 10 руб. съ тысячи экземпляровъ.

За каждый слѣдующій лоть, свыше одного лота, взимается съ каждой тысячи экземпляровъ—7 р.

Редакторъ-издатель Я. Я. Гуревичъ.

12 №№

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 г.
(IV г. изданія).

1 р. 50 к.

ВѢСТНИКЪ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.Ежемесячный информационный, справочный и библиографический журнал. Издаётся при ближайшемъ участіи **В. И. ЧАРНОЛУСНАГО.**

Общіе вопросы образованія и воспитанія. — Семейн. воспитаніе. — Дошк. воспитаніе. — Начальная и высшая нач. общеобразоват. школы. — Низш. професс. школа. — Образованіе ненорм. дѣтей. — Образованіе учащаго персонала. — Вышш. образованіе. — Самообразованіе. — Дѣтск. чтеніе.

Отдѣлы журнала: — Законы, циркуляры, сенатск. разъясненія. — Библиографія нов. книгъ по нар. образованію, учебниковъ и учебныхъ пособій. — Рефераты и сводъ рецензій о нов. книгахъ и журналахъ по нар. образованію. — Сводныя отзывы: о научно-попул. книгахъ и общ. журналахъ; о дѣтск. книгахъ и журналахъ. — Сводныя отзывы: о научн. заведеніяхъ, издѣлкахъ произведеній. — Хронологическ. — Изъ литературы и жизни. — Изъ практики для практики. — Изъ статистики просвѣщенія. — Вопросы и отвѣты. — Сообщенія и заявленія. — Объявленія. — **Особыя приложенія.** Сост. В. Чарнолуслинъ.Условія подписки: — 1. На „Вѣстникъ Нар. Образованія“ — 1 р. 50 к.; отд. № — 20 к.; любит. изданіе съ печатью на одной сторонѣ — 2 р. 50 к. II. На **Особыя приложенія**: 1) Спутникъ народн. учителя и дѣятеля народн. образованія. Изд. 2, перер. — 75 к.; 2) Ежегодникъ народн. образованія. Годъ I (4—6 вып.) — 3 р.; 3) Настольная книга по народн. образованію. Изд. 2, перер. Годовой подписной листъ на очередь. выпуски (не менѣе 4) — 3 р. • „Вѣстникъ Нар. Образованія“ со всѣми особ. приложеніями — 8 р. 25 к. — Полн. комплектъ „Вѣстника“ за 1911 — 1913 гг. (27 №№) — 3 р. 50 к. — Отдѣльно отъ „Вѣстника“ подписка на особ. приложенія не принимается. — Разсрочка допускается только при подписной суммѣ свыше 3 р.: при подп. — 3 р., съ 1 апр. — 3 р., ост. — съ 1 июля. Желающіе получить каталогъ, оплачиваютъ герб. сборъ (5 к. и почтов. пересылку). — Подписка принимается: на одинъ „Вѣстникъ“ — въ конторѣ журнала и во всѣхъ почтово-телегр. учрежденіяхъ по редакц. подписк. цѣнѣ; на „Вѣстникъ“ съ особыми приложеніями и на комплекты за прежн. годы — только въ конторѣ журнала. — Книжн. магазины удерживаютъ 5%.

Подробные проспекты бесплатно.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Невскій, д. 92, кв. 17.

Редакторъ-Издатель **Е. Ф. Проскурякова.****Открыта подписка на 1914 годъ на ежемесячный журналъ
„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ“.**

Третій годъ изданія.

„Украинская Жизнь“ въ 1914 году будетъ выполнять тѣ же задачи, какія выполнялись ею до сихъ поръ.

Программа журнала: Руководящія статьи по національнымъ вопросамъ. — Обзоръ событій текущей жизни на Украинѣ. — Сужденіе печати, преимущественно русской и польской, объ украинскомъ вопросѣ. — Письма изъ русской Украины и изъ Галиціи. — Критическія статьи и литературныя обзоренія; библиографія. — Украинское искусство. — Мемуары и статьи по исторіи украинскаго возрожденія. — Разныя извѣстія и замѣтки. — Отвѣты редакціи на вопросы читателей, относящіеся къ программѣ журнала.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:съ достав. и перес. годъ., 6 мѣсяцевъ, 3 мѣсяца, 2 мѣсяца, 1 мѣсяць
въ Россіи 6 р., 3 руб. — к., 1 р. 50 к., 1 р. 10 к., — р. 60 к.
за границу 8 р., 4 руб. — к., 2 р. — к., 1 р. 50 к., — р. 75 к.Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, **при непосредственномъ обращеніи въ редакцію,****Льготная подписка:**на годъ — 5 р., на 6 мѣс. — 2 р. 50 к. и на 3 мѣс. 1 р. 25 к. съ доставк. и перес.
За перем. адреса взимается 30 к., при чемъ необходима присылка стар. адреса.

Цѣна отдѣльнаго номера въ книжныхъ магазинахъ 60 коп. —

Подписка на 1913 годъ продолжается.

Подписка принимается въ конторѣ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“.

Москва, Больш. Дмитровка, 14. — Телеф. № 3-44-48.

V-й годъ
изд.**„ЖИЗНЬ для ВСѢХЪ“**V-й годъ
изд.

подъ общей редакціей В. А. Поссе.

Открыта подписка на 1914 годъ.

Цѣна за годъ съ доставкой и пересылкой 3 руб. (разсрочка отъ 1 р.). Съ 12 томами приложеній (II изданіе) 6 р. 60 к. съ доставкой и пересылкой (разсрочка отъ 2 р. 60 к.). Въ видѣ приложеній подписчики получаютъ: I. 9 томовъ ЭНЦИКЛОПЕДИИ НАУКИ, ИСКУССТВА и ЛИТЕРАТУРЫ, въ котор. войдутъ тома: РЕЛИГІЯ (Исторія религій. Отрывки изъ овященныхъ книгъ буддистовъ, творений христ. отцовъ церкви, талмуда, корана и пр.). АСТРОНОМІЯ, ФИЗИКА, БІОЛОГІЯ, СОЦІОЛОГІЯ, РУССКАЯ ИСТОРІЯ (Нараманинъ, Полевой, Соловьевъ, Костомаровъ, Ключевскій); РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (Отдѣлы: Русскій юморъ). Два тома будутъ посвящены ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ: въ нихъ войдутъ переводы произведеній французскихъ поэтовъ съ средн. в. по XX в. Часть стихотвореній переведена Валеріемъ Брюсовымъ. II. Сборникъ „МОСКВА и ЕЯ ЖИЗНЬ“. (Въ этомъ сборникѣ Москва встанетъ не только какъ бѣлокаменная столица, но и какъ изсительница традицій Московскаго университета, Малаго театра, Третьяковской галлерей и т. д.). III. АЛБОМЪ „ВИДЫ РОССІИ“. IV. Сборникъ „ЖИЗНЬ для ДѢТЕЙ“ (Рассказы, пробуждающіе въ дѣтяхъ всѣхъ возрастовъ любовь къ людямъ и природѣ; біографіи людей сильной правды; много иллюстрацій). Въ связи съ „Жизнью для всѣхъ“ будетъ издаваться „РОДНАЯ ГАЗЕТА“ (еженед. изд.). Первый номеръ „Родной газеты“ выйдетъ въ началѣ декабря 1913 г. Въ газетѣ, кромѣ сводки свѣдѣній за недѣлю, будутъ помѣщаться иллюстрированныя корреспонденціи изъ разныхъ уголковъ Россіи и изъ разныхъ ст.: анъ міра (Сѣверной Америки, Бразиліи, Австраліи, Аргентины, Китая и т. д.), куда прѣинили трудящіеся русскіе люди. „Родная газета“ на годъ съ доставкой и пересылкой 3 руб. (вмѣстѣ съ „Жизнью для всѣхъ“ 5 руб. 40 к., вмѣстѣ съ „Жизнью для всѣхъ“ и 12 вышеуказанными приложеніями 9 руб.).

За границу „Жизнь для всѣхъ“ на годъ 5 руб., съ „Родной газетой“—8 р., съ 12 приложеніями (II изд.)—10 руб., съ 12 прилож. и „Родной газетой“—12 руб.

Адресъ конторы ПЕТЕРБУРГЪ, УЛИЦА ЖУКОВСКАГО, 22.

Деньги на „Жизнь для всѣхъ“ и „Родную газету“ переводить: въ Петербургѣ, улица Жуковскаго, 22, «ЖИЗНИ для ВСѢХЪ».

Издатель В. А. Поссе.

Редакторъ П. А. Миролубовъ.

Открыта подписка на 1914 г.

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕСТЕСТВЕННО - ИСТОРИЧЕСКІЙ
СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ВЪ ТЕКСТѢ
О О О О ЖУРНАЛЪ О О О О

„ПРИРОДА“

(годъ изданія III).

Въ редактированіи отдѣловъ участвуютъ:

Маг. геогр. С. Г. Григорьевъ, проф. Н. К. Кольцовъ, проф. Н. М. Кулагинъ, проф. П. П. Лазаревъ, проф. Л. В. Писаржевскій, проф. К. Д. Покровский, ассист. по кае. физ. геогр. С. А. Софѣтовъ, проф. Л. А. Тарасевичъ, ст. минер. Ах. Наукъ. А. Е. Ферсманъ, проф. Н. А. Шиловъ, пр.-доц. В. В. Шипчинскій.

СОДЕРЖАНІЕ:

Философія естествознанія.—Астрономія.—Физика.—Химія.—Геологія съ палеонтологіей.—Минералогія.—Микробиологія.—Медицина.—Гигіена.—Общая біологія.—Зоологія.—Ботаника.—Антропология.—Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ.

Въ журналѣ, между прочими, принимаютъ участіе:

Проф. С. В. Дверинцевъ, проф. Д. Н. Анучинъ, проф. Б. И. Бахметьевъ, проф. А. М. Безрѣдно (Парижъ), Б. М. Беркенгеймъ, проф. И. И. Боргманъ, прѣв.-д. к. В. А. Бородовскій, П. А. Бѣльскій, проф. В. А. Вагнеръ, проф. Ю. Н. Вагнеръ, ак. проф. П. И. Вальденъ, проф. Б. Ф. Веригъ, ак. проф. В. И. Вернадскій, проф. Г. В. Вульфъ, М. И. Гольдсмитъ (Парижъ), проф. В. В. Завьяловъ, проф. В. Р. Заленскій, проф. А. А. Ивановъ, проф. А. В. Клоссовскій, пр.-доц. М. Ю. Лахтинъ, І. Д. Лукашевичъ, д-ръ Е. И. Марциновскій, проф. А. Н. Медвѣдевъ, проф. М. А. Мензбиръ, проф. П. Г. Мединовъ, проф. С. И. Метальниковъ, проф. И. И. Мечниковъ (Парижъ), А. Э. Мозеръ, Н. А. Морозовъ, проф. А. В. Нечаевъ, М. В. Новорусскій, В. Л. Оселинскій, проф. А. В. Павловъ, пр.-доц. І. Ф. Полянъ, А. А. Рихтеръ, Н. А. Рубакинъ, проф. А. В. Сапожниковъ, проф. С. М. Танатаръ, астрон. Пулж. обсерв. Г. А. Тиховъ, проф. Н. А. Умовъ, проф. О. Д. Хвольсонъ, проф. Л. А. Чугаевъ, пр.-доц. П. Ю. Шмидтъ, проф. Е. А. Шульцъ, проф. А. Н. Щунаревъ, пр.-доц. А. И. Ющеко, проф. А. И. Ярочкинъ и мног. др.

Условія подписки: на годъ (съ дост. и перес.)—5 р., на 1/2 года—2 руб. 50 коп., на три мѣсяца—1 р. 25 коп., на 1 мѣсяць—50 коп., за границу на годъ—7 руб. Комплекты всѣхъ №№ за 1912 и 1913 гг. высылаются каждый по полученіи 5 р., въ роскоши перен.—6 р. 50 к.

АДРЕСЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ и РЕДАКЦИИ: Москва, Мясницкая, Гусятниковъ пер., 11.

4 Р.

въ годъ
за 4 кн.**БЮЛЛЕТЕНИ
ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.**

Двухнедельный журнал НОВАГО ТИПА.

ОТКРЫТА
ПОДПИСКА
на
1913—14
годъ
(5-й г. изд.)

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 5—6 печат. л. большого формата. 3-й годъ выйдетъ 24 кн. (2000 страницъ). ● „Бюллетени“ вѣдутъ навстрѣчу потребности той массы интел. читателей, которая лишена возможности близко и широко знакомиться съ текущей печатью какъ періодич., такъ и непериодич., какъ русской, такъ и иностранной. ● Главная задача журн.—всесторонне отражать картину идейной духовной жизни современности. ● „Бюллетени“— это коллективная литер. памятка наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ, равно какъ вопросовъ и задачъ современности. Поэтому они могутъ служить настольною книгою для каждаго, серьезно интересующагося внутренней жизнью человѣческаго коллектива. ● О тѣхъ журналахъ „Бюллетени“ еще 35—40 лѣтъ назадъ мечтали такіе корифеи литературы, какъ Достоевскій и Успенскій. ● За истекшій годъ въ „Бюлл.“ напеч. 240 ст. по самымъ разнообраз. вопр. и 700 отзывовъ о книгахъ; данъ перечень 2500 нов. кн. и приведено содержаніе болѣе 50 журн. за годъ. ● Библиографія въ „Бюлл.“ ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

Утро Рос.: „Журн. заслуживаетъ особаго вниманія. Въ журн. обобщается все наиболѣе интересное, что дано текущей печатью“. ● Рус. Вѣд.: „Бюлл.“ знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явл. соврем. жизни“. ● Рус. Шк.: „Бюлл.“ дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же „Бюлл.“ оказываютъ огромную услугу“. ● Огни: „Трудно представить себѣ чловека, съ извѣстными культур. заур., который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журн.“. ● Рус. Сл.: „Въ журн. запечатлѣна вся литер. жизнь года“. ● Совр. Сл.: „Задача журн. имѣть, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе“. ● Голосъ: „Въ журн. сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и мировой мысли“. ● Илл. Обзор. Гол. М.: „Бюлл.“ безпристрастно и вполне объективно даютъ картину дух., нравственной, внут. русской жизни за цѣлый годъ“. ● Нов. Ж. для Вс.: „Бюлл.“ незамѣнимы особенно въ провинціи, столь бѣдной библіотеками и компетентными людьми для рекомен. книгъ“. ● Ряз. Вѣст.: „Бюлл.“ умѣло и умно рисуютъ на своихъ страницахъ картину русской жизни... Въ журн. отмѣчается

все наиболѣе интересное, что поступаетъ на книж. рынокъ... ● Сѣв. У.: „Журн. въ дѣльных обстоят. статьяхъ даетъ квинтэссенцію всего заслуживающаго вниманія въ литературѣ... Служитъ гармоническимъ объединителемъ всего прочитаннаго и обдуманнаго... ● Рус. Молва: „Все то важное, что терялось въ густь журн. и пестромъ содержаніи газетъ, извлечено заботливой рукой и въ хоршемъ, культурномъ видѣ преподнесено читателю. Много цѣннаго и важнаго найдутъ для себя въ этомъ матеріалѣ не только тѣ, которые специально въ этой области работаютъ— для нихъ журналъ незамѣнимъ,—но и самые широкіе круги читателей... ● Киев. Мысль: „Бюлл.“ могутъ просматривать съ интересомъ даже люди, имѣющие возможность слѣдить за литературой по „первоисточникамъ“, а для тѣхъ, кто такой возможности лишены, въ особенности для провин. читателя, руководителей библіотекъ и т. д., журналъ, вполне доступный и по цѣнѣ, представляетъ интересъ сугубый“. ● Ран. Утро: „Не говоря уже о практич. значеніи журнала... главнымъ образомъ для провинціи, нельзя не отмѣтить интереса его, какъ періодич. лѣтописи нашей духовной жизни. Самые широкіе круги читающей публики не могутъ не заинтересоваться „Бюллетенями“.

Проспектъ журнала высылается бесплатно. Подписная цѣна: на годъ 4 руб., 6 м.—2 р., 3 м.—1 р. За границу на годъ—5 р. Для сельск. учит. при непосредственномъ обращеніи въ контору на годъ—3 р. 50 к. Подписка приним. во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежден. Имѣются полные комплекты „Бюлл.“ за 1911—12 и 1912—13 гг. Цѣна комплекта 3 р. 50 к. съ пересылкой, въ переплетъ (2 т.)—4 р. 50 к.

Подписной
годъ
начинается
съ 1-го
сентября.Контора и ред. Москва, Мераляковск. пер. д. 6. Тел. 5-02-06.
Издатели: В. Крандиевскій и В. Носенковъ.
Редакторъ: В. Крандиевскій.Можно под-
писываться
съ 1-го
числа
кажд. мѣс.

XX годъ

въ 1914 году

XX годъ

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ“

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМѢСЯЧНО, КРОМѢ ІЮЛЯ И АВГУСТА, КНИГАМИ ВЪ ОБЪЕМѢ ОКОЛО 20 ЛИСТОВЪ. ПОДПИСНОЙ ГОДЪ НАЧИНАЕТСЯ СЪ ЯНВАРЯ 1914 ГОДА.

Въ «Журналѣ» за 1894—1913 годъ были напечатаны, между прочимъ, статьи слѣдующихъ авторовъ: А. С. Алексѣева, А. Л. Боровиковскаго, Е. В. Васьковскаго, М. М. Винавера, Ю. С. Гамба-о-а, А. Г. Гасмана, М. Б. Горенберга, Д. Д. Гримма, М. О. Громницкаго, А. М. Гуляева, П. Н. Гусаковскаго, Д. А. Дриля, М. В. Духовскаго, М. А. Дьяконова, К. П. Змировъ, В. В. Ивановскаго, И. А. Ивановскаго, М. М. Ковалевскаго, А. О. Кони, Н. М. Коркуновъ, В. Н. Латкина, О. И. Леонтовича, В. М. Нечаева, бар. А. Э. Нольде, Д. А. Носенко, П. Н. Озгинскаго, Н. И. Палиенко, Л. І. Петражицкаго, А. А. Пюнтковскаго, І. А. Покровскаго, Ц. С. Пороховицкова, А. К. фонъ-Резона, Н. М. Рейнке, А. К. Ризтера, В. И. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, В. Д. Спасовича, О. В. Тарановскаго, Е. Н. Тарновскаго, А. Н. Филиппова, И. Я. Фойницкаго, М. П. Чубинскаго, В. М. Цвингмана, Д. В. Цыганова, Г. Ф. Шершеневича, В. П. Ширкова, К. В. Шнейдера, И. Г. Щегловитова, И. Е. Энгельмана и мн. др.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкой и пересылкою.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Отдѣльныя книги продаются по 1 рублю, съ приложеніями по 2 рубли.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, домъ 28.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 8 рублей за страницу и 4 рубля за полстраницы.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ В. О. Дерюжинскій.

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогикъ и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла и насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра (тел. 83—17). Иногородніе могутъ подписываться въ почтовыхъ отдѣленіяхъ или вносить депозиты въ мѣстные казначейства (въ § 21, ст. 14 государственныхъ доходовъ) при заявленіяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ квитанція, полученная изъ казначейства, высылается въ редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки 12 руб., съ доставкой въ С.-Петербургѣ 12 руб. 75 коп., съ пересылкой въ другіе города 14 руб. 25 коп., за границу—16 руб. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобретать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціей, отдѣльных его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльными книжки — по 50 коп. за каждую. Полные экземпляры имѣются за 1876, 1882, 1887, 1900, 1902, 1909, 1911 и 1912 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію.

При „Журналѣ“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5—6 листовъ „Извѣстія по народному образованію“ съ приложеніемъ „Справочной книги по низшему образованію“. „Извѣстія“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „Журнала“, по „Справочная книга“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „Журнала“ изданіе. Цѣна „Извѣстій“ составляетъ 3 руб. съ пересылкой и доставкой, за границу—4 руб.

За прежніе годы „Извѣстія“ имѣются за 1904, 1909, 1911, 1912 гг. За 1910 г. имѣются лишь книги съ апрѣля по декабрь, цѣна 2 руб. за всѣ 9 книгъ.

Открыта подписка на 1914 годъ.

СОФІАжурналъ искусства ○○○
○○○○ и литературы,
издаваемый
въ Москвѣ, К. Ф. Некрасовымъ,

подъ редакціей П. П. Муратова.

Главной задачей новаго журнала является освѣщеніе путей, приближающихъ къ постиженію искусства. На отдѣльныхъ примѣрахъ и темахъ, принадлежащихъ современности или исторіи, **СОФІА** надѣется выяснитъ общіе подходы къ произведеніямъ искусствъ и литературы. Въ ней будетъ отведено поэтому болѣе мѣста явленіямъ общимъ и типическимъ, нежели частнымъ и эпизодическимъ. Матеріалы, описанія, хроники составляютъ преимущественное содержаніе другихъ художественныхъ изданій. Московскій журналъ удѣлитъ особое вниманіе выводамъ, характеристикамъ, синтетическимъ образамъ. Въ отдѣлѣ «Замѣтки» редакція намѣрена отмѣчать въ текущей литературѣ и художественной жизни лишь то, что, по ея мнѣнію, имѣетъ непреходящее значеніе.

Въ ближайшихъ номерахъ журнала будутъ напечатаны статьи:

Ю. Айхенвальдъ: «Греческіе трагики». А. И. Анисимовъ: «Этюды о новгородской иконописи». А. Н. Бенуа: «Пуссенъ». Н. Бердяевъ: «Леонъ Блуа». Б. Бернсонъ: «Основы художественнаго распознаванія». Е. Боричевскій: «Этюды о гнозисѣ». М. О. Гершзонъ: «Умиленіе». И. Грабаръ: «Палладіо». Б. Грифцовъ: «Державинъ». А. Діесперовъ: «Блаженный Иеронимъ». А. Койранскій: «Домъ Гонкуровъ». П. Муратовъ: «Гауденціо Феррари» и «Два открытія». Н. Романовъ: «Теоріи барокко». О. Степунъ: «Князь В. О. Одоевскій». П. Сухотинъ: «Русскія повѣсти XV и XVI вв.». В. Ходасевичъ: «Петербургскія поэмы Пушкина». Эм. Хусидъ: «Домъ золотыхъ амуровъ». Н. Щекотовъ: «Древне-русское шитье» и «Фрески Мистры». Б. фонъ-Эдингъ: «Очерки древне-русской архитектуры». П. Ярцевъ: «К. С. Станиславскій».

Журналъ будетъ выходить съ 1 января 1914 года ежемѣсячно книжками большого формата въ 3—5 печ. листовъ, съ 15—20 иллюстраціями на отдѣльныхъ страницахъ и въ текстѣ.

Подписная цѣна: съ пересылкой и доставкой въ годъ **12 р.** За границу **50 fcs.** 1 р. 25 к. до 2 р. Цѣна отд. номера отъ

Допуск. разсрочка: при подпискѣ—5 р., въ маѣ—4 р. и въ августѣ—3 р.

Адресъ конторы: Москва, Тверская, 29, кв. 46, телеф. 3-38-45.

Подписка принимается также: СПб., Невскій, 134, кв. 10 и въ книжныхъ магазинахъ «Вольфъ» и «Новое Время», «Наука». Адресъ редакціи: Москва, Знаменка, Крестовоздвиженскій пер., д. 2, кв. 1. Тел. 3-52-09.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ

на двухнедѣльный журналъ, издаваемый при участіи Постоянной Комссіи по устройству курсовъ для учителей и СПБ. Общества народныхъ университетовъ.

УЧИТЕЛЬ И ШКОЛА

(журналъ общественно-педагогическій).

Будетъ выходить 2 раза въ мѣсяцъ въ размѣрѣ 3—4 листовъ. Предназначается, преимущественно, для народныхъ учителей. Программа журнала: 1) Общіе вопросы школьнаго и вѣтшкольнаго образованія, 2) психологія, педагогика и методика предметовъ преподаванія, 3) вопросы самообразованія учащихся, 4) учительскіе курсы, съѣзды и общества, 5) общественное, правовое и матеріальное положеніе учащихся, 6) народное образованіе въ Россіи, 7) дѣятельность по народному образованію земскихъ и городскихъ учреждений, 8) народное образованіе за границей, 9) народные университеты и просвѣтительныя общества, 10) физическое воспитаніе и гигиена, 11) библиотечное дѣло, 12) обзоръ литературы и библіографія, 13) корреспонденція и письма съ мѣстъ, 14) ашкеты, 15) правительственныя распоряженія, 16) справочный отдѣлъ.

Въ завѣдываніи отдѣлами принимаютъ участіе: Веселовскій Б. В., Гердъ В. А., Душечкинъ, Я. И., Знаменскій С. Ф., Купріянова Л. П., Левитинъ С. А., Проскурякова Е. О., Сабини на М. В., Соломинъ Г. К., Уваровъ М. С., Чарнолусская Е. М., Чарнолуцкий В. И. и др.

Въ видѣ приложеній дано будетъ 10 книгъ, по 5—6 листовъ каждая: 5 книгъ педагогическихъ, написанныхъ спеціально для журнала: 1) проф. И. И. Лапшинъ, Исторія педагогическихъ идей, 2) Рудольфъ Шульце—Итоги экспериментальной психологіи примѣнительно къ педагогической практикѣ, 3) Кершенштейнеръ или проф. Гурлиттъ—О единой школѣ, 4) Г. Винкенъ и др.—Свободныя школьныя общины и 5) М. С. Уваровъ—Школьная гигиена. Остальныя 5 книгъ подписчики получаютъ по выбору изъ списка приложеній къ журналу «Вольный университетъ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: безъ приложеній—3 р., съ приложеніями—6 р.; за оба журнала («Учитель и школа» и «Вольный университетъ»): безъ приложеній—5 р., съ приложеніями—8 р. Желаящіе получить приложенія обоихъ журналовъ доплачиваютъ 1 руб. 50 коп. Допускается взносъ въ 2 срока: при подпискѣ половина подписной цѣны и къ 1 мая остальная сумма.

Подписка принимается въ редакціи и конторѣ (Кабинетская, 18) и въ книжныхъ магазинахъ. Книжные магазины при подпискѣ удерживаютъ 5% подписной цѣны. Контора открыта отъ 12 до 5 ч., редакція отъ 2 до 6 ч.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: СПБ., Кабинетская, 18; телеф. 565—79.

Редакторъ-Издатель Я. И. Душечкинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

(49-й годъ изданія).

основанный М. М. СТАСЮЛЕВИЧЕМЪ, издаваемый (съ 1909 г.) М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ, подъ редакціей К. К. АРСЕНЬЕВА, Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО и А. С. ПОСНИКОВА при ближайшемъ участіи: И. В. Жилкина, М. М. Новалевскаго, Н. А. Котляревскаго, В. Д. Кузьмина-Нараева, А. А. Мануилова, М. А. Славинскаго, Л. З. Слонимскаго и Н. А. Тимирязева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ: на годъ—15 р. 50 к., на полгода—7 р. 75 к., на 3 мѣс.—3 р. 90 к.; съ доставкой въ Петербургъ и Москвѣ: на годъ—16 р., на полгода—8 р., на 3 мѣс.—4 р.; съ пересылкой въ другія мѣста Россіи: на годъ—17 р., на полгода—8 р. 50 к., на 3 мѣс.—4 р. 25 к.; за границу: на годъ—19 р., на полгода—9 р. 50 к., на 3 мѣс.—5 р. Отдѣльная книга журнала съ доставкой и пересылкой—1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) въ конторахъ журнала: въ С.-Петербургѣ, Моховая, 37 (тел. 74-51); въ Москвѣ, Тверской бульваръ, 15 (тел. 57-86); 2) во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ и 3) во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Имперіи.

7-й годъ изданія.

Г Е Р М Е С Ъ,

7-й годъ изданія.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ВѢСТНИКЪ АНТИЧНАГО МІРА.

Журналъ выходитъ въ началѣ и срединѣ кажд. мѣс., за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за г. (съ 1 января)—5 р., за полгода—3 р. съ доставкою и пересылкою.
Отдѣльные номера по 30 коп. | | Ответственные редакторы: **А. И. Малеинъ** и **С. О. Цыбульскій**.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ: **Спб., Невскій, № 32.** Тел. 117-26 и 418-72.

Сотрудниками «Гермеса» состоятъ:

Проф. **Д. В. Айналовъ**, **И. О. Араловъ**, **А. Г. Бенкштремъ**, проф. **В. Н. Бенешевичъ**, **И. Н. Боздинъ**, **А. А. Брокъ**, **В. Я. Брюсовъ**, проф. **В. П. Бузескулъ**, проф. **Б. В. Варнеке**, проф. **Н. И. Веселовскій**, **Ф. Э. Видеманъ**, проф. **П. Г. Виноградовъ**, **В. А. Виноградовъ**, **С. И. Гинтовъ**, проф. **Н. Н. Глубоковскій**, проф. **А. Н. Дервицкій**, проф. **С. А. Жебелевъ**, **А. А. Захаровъ**, проф. **Г. Э. Зенгеръ**, **Г. Г. Зоргенфрей**, проф. **В. Ф. Зѣлинскій**, прив.-доц. **Е. Г. Кагаровъ**, прив.-доц. **А. О. Коль-профъ**, **Н. И. Карѣвъ**, **С. П. Кондратьевъ**, академикъ **В. Е. Коршъ**, **Н. А. Нотельниковъ**, проф. **М. Н. Крашенинниковъ**, **Я. П. Красниковъ**, академикъ **В. В. Латышевъ**, чл. Имп. Арх. Ком. **Р. Х. Леперъ**, проф. **А. И. Малеинъ**, проф. **В. Н. Мальбергъ**, **В. А. Мелиховъ**, проф. **П. П. Митрофановъ**, **С. В. Мирошниковъ**, проф. **Д. И. Нагуевскій**, проф. **И. В. Нетушилъ**, академикъ **П. В. Никитинъ**, проф. **А. В. Никитскій**, проф. **Н. И. Новосадскій**, **П. Д. Первовъ**, проф. **В. И. Петръ**, **П. Д. Погодинъ**, проф. **М. М. Покровскій**, хранитель Императорскаго Эрмитажа **Е. М. Придинъ**, проф. **М. И. Ростовцевъ**, проф. **А. И. Садовъ**, проф. **А. О. Семеновъ**, **С. П. Сингалевичъ**, хранитель Императорскаго Эрмитажа **Я. И. Смирновъ**, проф. **С. И. Соболевскій**, **П. П. Соколовъ**, прив.-доц. **гр. И. И. Толстой**, проф. **Б. А. Тураевъ**, проф. **И. Г. Турцевичъ**, чл. Имп. Археолог. Ком. прив.-доц. **Б. В. Фармановскій**, прив.-доц. **М. Р. Фасмеръ**, **В. Р. Фохтъ**, **Н. В. Хилинскій**, **С. О. Цыбульскій**, проф. **Г. И. Челпановъ**, проф. **П. Н. Чернявъ**, проф. **Д. П. Шестановъ**, проф. **С. П. Шестановъ**, проф. **В. И. Шмитъ**, проф. **З. Р. фонъ-Штрентъ** и многіе другіе. Ближайшее участіе въ дѣлахъ Редакціи принимаетъ **Г. Г. Зоргенфрей**.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ журнала «Гермесъ»: **СПБ., Невскій, 32—Капеллярія Мужской Гимназіи—съ 9 до 5 часовъ ежедневно, кромѣ праздниковъ.** № телефона Конторы 118-72, № телефона Редакціи 117-26.

Въ Редакціи «ГЕРМЕСА» продаются раньше вышедшіе выпуски журнала, томы: **I—I р., II—I р. 50 к., III—I р. 50 к., IV—2 р., V—2 р., VI—2 р., VII—2 р., VIII—2 р., IX—2 р., X—2 р., XI—2 р., XII—3 р., всѣ вмѣстѣ—23 рубля.**

Открыта подписка на 1914 годъ.

МАЛЮТКА.**Журналъ для маленькихъ дѣтей.**

Допущенъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ библиотеки дѣтскихъ садовъ и пріютовъ

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

12 книжекъ журнала**МАЛЮТКА.****12** „Сказки Кота Ученаго“

24 премій—игрушекъ для вырѣзыванія, склеиванія, рисованія и т. п. образцы лѣлки и работъ.

Годовая премія: **„Исторія одного пуделя“**,

интересный рассказъ (заимствованный съ англійск.) **М. В. Архангельской**.

При первомъ номерѣ подписчики получаютъ панораму изъ сказки **„МАЛЬЧИКЪ СЪ ПАЛЬЧИКЪ“**.

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ города Россіи:

Со сборникомъ **Сказокъ Кота Ученаго**. 4 р. —||— Безъ сборника сказокъ 2 р. 50 к.

—||— За границу: ||—

Со сборникомъ **Сказокъ Кота Ученаго**. 5 р. —||— Безъ сборника сказокъ 3 р. 50 к.

Иногородныхъ просятъ адресовать свои требованія:

МОСКВА, Спиридоновка, д. № 14. Книгоиздательство „ШКОЛА“, редакция журнала „МАЛЮТКА“.

При перемѣнѣ адреса прилагаются три семикопечныя марки.

1. Оставшіеся экз. журнала за 1905, 1906, 1907 гг., сброшюр. книжками, продаются въ редакц. по 1 р.

2. 1911, 1912 и 1913 года—по подписной цѣнѣ.

3. Сказки Кота Ученаго отдѣльныя, за 1910, 1911 и 1913 года—по 1 руб. 50 коп.

За 1912 годъ Сказки всѣ распроданы.

4. Сказка про Щелкуна и Мышиного Царя. Въ галлѣ, цѣна 1 руб. 75 коп.

5. Робинзонъ Младшій. Въ галлѣ, цѣна 1 руб. 25 коп.

Подписчики журн. „МАЛЮТКА“, при выпискѣ этихъ книгъ изъ редакціи на сумму

не менѣе 2 руб. за пересылку не платятъ.

Заказы, выписанные изъ редакціи съ „наложеннымъ платежомъ“, обратно не принимаются.

БИБЛИОТЕКАРЬ ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВА БИБЛИОТЕКОВЪДЪНІЯ

(V-ый годъ изданія).

Открыта подписка на 1914 годъ.

(V-ый годъ изданія).

Выходить четыре раза въ годъ (15 апрѣля, 15 іюля, 15 октября и 15 января слѣдующаго за подписнымъ года) книжками по мѣнѣ 8 печатныхъ листовъ съ рисунками и планами.

Задача журнала—помочь усовершенствованію русскаго бібліотечнаго дѣла.

Программа журнала: Оригинальныя и переводныя статьи по разнымъ вопросамъ бібліотечнаго дѣла. Библіографія спеціальной, русско-и иностранной, литературы. Хроника бібліотечнаго дѣла. Журналы засѣданій и отчеты о дѣятельности Общества Библіотекослужащихъ. **СВОДЪ РЕЦЕНЗІЙ** о новыхъ русскіхъ, научныхъ и научно-популярныхъ книгахъ. (Краткія извлеченія изъ рецензій, публикуемыхъ въ 25 главъ журналахъ и газетахъ. За годъ дается болѣе 2.000 рец. о 1.500 книгахъ).

Подписная цѣна—4 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой; на полгода—2 руб.; за границу—5 руб. Землеміе учрежденія при выпискѣ журнала до 1 марта непосредственно изъ редакціи, въ количествѣ не мѣнѣе 20 экземпляровъ (одновременно) улачиваются по 2 руб. 50 коп. за годовой экземпляръ.

о о о Адресъ редакціи: С.-Петербургъ. Б. Сампсоніевскій пр., домъ 6. Телефонъ 236-40. о о о

3-й годъ изданія.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 годъ
3-й годъ изданія.

на ежемѣсячный журналъ

„ВОПРОСЫ ПСИХІАТРИИ И НЕВРОЛОГІИ“

съ приложеніемъ

„Ежегодный Обзоръ Русской Литературы по Психіатріи и Неврологіи“:

Редакціонный Комитетъ: Психіатрія: М. Ю. Лашинъ, В. И. Семидаловъ, С. А. Сухановъ.
Неврологія: А. М. Гринштейнъ, В. Э. Держинскій, М. А. Захарченко, Н. Н. Якунинъ.

Ближайшіе сотрудники: Д. Е. Абесоломовъ, Х. М. Асвздуровъ, Л. В. Астауровъ, Л. И. Ахенвальдъ (Уфа), А. М. Вирнубскій (Вилпа), В. А. Вышеславцова, А. О. Геймановичъ (Харьковъ), А. А. Гончаръ (Кіевъ), М. С. Доброхотовъ (Полтава), А. И. Дворковичъ, Ф. М. Думатовъ, П. А. Иванцова, А. Б. Іозефовичъ (Харьковъ), Г. И. Іосифовъ, В. В. Купривичъ, Я. С. Капельсонъ (Смоленскъ), С. Д. Карапетовъ, И. И. Карпачевъ, А. М. Кожовниковъ, Е. А. Копытискій (Тверь), А. С. Лясовъ (Сарат.), В. Г. Лазаревъ (Кіевъ), Я. Д. Мадлевичъ, О. Н. Мелкянцъ, М. П. Мелвядковъ (Сарат.), Л. С. Мушниковъ (Тверь), Н. Е. Осокинъ (Сарат.), А. И. Прусенко, Н. Rorschach (Munsterlingen), А. І. Саварскій, Н. И. Скляръ (Тамб.), Е. Я. Спиряненко (Тверь), Д. А. Смирновъ, А. А. Суховъ, Н. Г. Тарановичъ, С. П. Чернышевъ, Л. И. Файнбергъ, Н. Л. Шкулипа, А. А. Эйтель, А. А. Юдинъ.

Редакторъ М. Ю. Лашинъ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ размѣрѣ 3-хъ печатныхъ листовъ **Ж** Подписная цѣна 8 р. въ годъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Красносельская ул., близъ Елоховской площади, домъ № 65. Телеф. 108—61.

3-й годъ изданія.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 г.
3-й годъ изданія.

на ежемѣсячный литературно-художественный и общественный журналъ

ПУТЬ.

Подъ редакціей
И. А. Бѣлоусова.

Въ журналъ за истекшіе года принимали участіе:

Н. Ашуканъ, А. Ахматъ, Ю. А. Букинъ, Ю. А. Букинъ, Н. А. Бѣлоусовъ, К. С. Баранцевичъ, Н. Бернеръ, Г. Витканъ, В. Витанскій, Ю. Васильевъ, И. А. Данилинъ, С. Дурманъ, Максимъ Горькій, Л. Гальбергштадтъ, В. І. Дмитриевъ, С. Д. Дрожжовъ, Б. Зайцевъ, Л. Зиховъ, А. Захаровъ, Н. Киселевъ, Маркъ Крапкинъ, А. Куповъ, Н. А. Крашенинниковъ, А. А. Корпфскій, В. И. Ладженскій, В. Лазаревскій, Н. Ляшко, В. В. Муйжель, Н. Мшукъ, С. С. Мамонтовъ, И. А. Новиковъ, Н. В. Некраговъ, И. И. Поповъ, П. Петровскій, скульпторъ И. Ф. Рахмановъ, М. Сандомирскій, Ив. Сазановъ, А. Серафимовичъ, Ю. В. Соболевъ, Н. Н. Степаненко, П. Сухотинъ, С. Т. Сочевъ, Скиталецъ (Петровъ), Б. Фонъ-Эдингъ, Н. Д. Телешовъ, Н. Тимковский, П. и З. Тулубъ, А. Трепавъ, А. М. Фелозовъ, Е. П. Чирковъ, Ада Чумаченко, В. Е. Чешукинъ (Ч. Вѣтринскій), И. С. Шмелевъ и друг.

Годовые подписчики получаютъ бесплатное приложеніе „АНТОЛОГІЯ РУССКОЙ ПОЭЗІИ“ (ОТЪ ПУШКИНА ДО НАШИХЪ ДНЕЙ).

Большой томъ—въ отдѣльной продажѣ 1 рубль 50 копеекъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ—3 руб., на 1/2 года—1 руб. 50 коп., на 4 мѣс. 1 руб. съ пересылкой и доставкой. За границу—вдвое. Цѣна отдѣльнаго №—35 копеекъ. Съ пересылкой и въ продажѣ—40 копеекъ.

Редакторъ-издатель И. А. Бѣлоусовъ.

Подписка принимается, кромѣ редакціи и конторы, въ конторѣ Н. Печко-жой: Москва, Петровскія земли, въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтово-телеграфныхъ отдѣленіяхъ.

Адресъ редакціи: Москва, Соколиная ул., д. 22. Тел. 89-54. Отд. ред. Б. Броникъ, д. 7, кв. 12. Тел. 2-50-59

12 кн.
съ бесплатнымъ
приложениемъ
„Современная
Россія“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 г.
(2-й годъ изданія)
**НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАУЧНЫЙ
и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ**

4 руб.
въ годъ.

„СѢВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ“.

Журналъ „СѢВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ“ отражаетъ и освѣщаетъ культурныя и политическія явленія, волну-
ющія современную демократію, отслѣживая тѣ теченія въ области мысли и жизни, которыя несутъ
въ себѣ высшія культурныя цѣнности и начала свободнаго развитія общественности.

*Удѣляя главное вниманіе интересамъ нашей страны и своеобразнымъ особенностямъ
переживаемаго ею момента, редакція „СѢв. Зап.“, кромѣ 12 книгъ журнала дастъ своимъ*

**годовымъ и полугодовымъ подписчикамъ
бесплатное приложение**

„СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ“.

„Современная Россія“ составитъ книгу изъ оригинальныхъ, специально написанныхъ для это-
го изданія статей, размѣромъ свыше 360 стр. (болѣе 20 печ. листовъ). Въ отдѣльной продажѣ книга
будетъ стоить 2 р. 25 к.

Въ „Современной Россіи“ примутъ участіе: проф. М. М. Ковалевскій, проф. М. И. Туганъ-
Барановскій, Бор. Черненко, С. Мстиславскій, проф. Д. Н. Овсянко-Куликовскій, І. М. Бикерманъ,
П. И. Бирюковъ, Н. Я. Быковскій, М. А. Брагинскій, И. Брусиловскій, В. В. Водовозовъ, В. Каратыгинъ,
Феодоръ Степлунъ, Б. Яковенко, Г. А. Ландау, Я. П. Сакеръ и др.

*Въ 1914 г., начиная съ января мѣсяца въ „СѢв. Зап.“ будетъ печататься романъ
С. Сергѣева-Ценскаго „ПРЕОБРАЖЕНІЕ“.*

Кромѣ того, будутъ помѣщены пьесы и разсказы: Ив. Бунина, Ив. Вольного, Бориса Зайцева, А. Ки-
пена, Алекс. Ремизова, М. Пришвина, Бор. Садовскаго, Я. Чалыгина, К. Тренева и др.

Подписная цѣна: съ пересылкой и приложеніемъ на годъ 4 руб.; на 6 мѣс.—2 р. 50 к. Безъ при-
ложенія на 3 мѣс. 1 р. 25 к. За границу на годъ 6 р. 50 к.

Подписка принимается: въ к-торѣ журнала С.-Петербургъ, Загородный гр., 21, во всѣхъ книж-
ныхъ и газетныхъ и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ. Книжными магазинами уплачивается 1% г-и
передачъ годовой платы. На иные сроки подписка отъ книж. маг. не принимается. Подробнѣе по-
спекты высылаются бесплатно. Издательница С. И. ЦАЦКИНА

2-й годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 годъ

2-й годъ
изданія.

НА

Юридическій Вѣстникъ,

ЖУРНАЛЪ МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ СОДѢЙСТВІИ

**С.-Петербургскаго Юридическаго Общества и Общества имени А. И. Чупрова
для разработки Общественныхъ Наукъ.**

Подъ общей редакціей **Б. А. КИСТЯКОВСКАГО.**

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ:

**А. С. Алексѣевъ, М. М. Винаверъ, А. Э. Вормсъ, Н. В. Давыдовъ, Н. М. Ждановъ,
И. А. Кистяковский, М. М. Ковалевскій, А. А. Мануиловъ, В. Д. Набоковъ, П. И.
Новгородцевъ, Н. Н. Полянский и М. П. Чубинскій.**

Юридическій Вѣстникъ выходитъ въ количествѣ четырехъ книгъ въ годъ—въ февралѣ, апрѣлѣ,
октябрѣ и дек-брѣ—въ размѣрѣ отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ комплекты „Юридическаго Вѣстника“ за 1913 годъ про-
даются по 6 рублей, съ выходомъ же 5 кн. цѣна будетъ повышена до 8 руб.

Подписная цѣна на годъ—6 рублей, на полгода—3 рубля съ гересылкою и доставкою. Цѣна
каждой книги въ отдѣльной продажѣ 2 рубля. Подписка принимается въ редакціи журнала Юриди-
ческий Вѣстникъ въ Москвѣ, Причистенка, Б. Левшинскій пер., д. № 13, кв. 8. По дѣламъ конторы
обращаться по буднимъ днямъ отъ 12 до 4 ч. дня по телеф. 3-44-48. Въ Кіевѣ подписка принимается
въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, д. № 33.

Издатель: Юридическое Общество при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Редакторъ **Б. А. Кистяковский.**

60.000 ЧИТАТЕЛЕЙ имѣетъ самая распространенная въ южн. пол. ежеднев. газета

„ВѢСТНИКЪ ЮГА“

(3-й годъ изданія).

Публикаціи, помѣщаемыя въ ней, имѣютъ огромный успѣхъ.

Цѣна объявленій за строку пепита: впереди текста 30 к., среди текста 40 к., сзади текста 20 к.

Подписная цѣна:

въ годъ съ доставкой и
пересылкой: — — —

4 р. 50 к.

Проспекты высыл. бесплатно.
Пробн. №№ за 7-коп. марку.

Ялта „Вѣстнику Юга“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 годъ

на общественно-педагогическій и литературный журналъ

„УЧИТЕЛЬСКИЙ ВѢСТНИКЪ“.

7-й годъ изданія.

подписной годъ съ 1 января.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, кромѣ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь—іюль).

Задача журнала—освѣтить всѣ нужды учащихся и дать во возможность имъ самимъ заявить о нихъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Руководящія и оригинальныя статьи по вопросамъ воспитанія школьнаго и вѣтшкольваго образованія; методика преподаванія педагогическ. и психологіи и постановка школьнаго дѣла. 2) Основные вопросы учительства, въ правовомъ, духовномъ и матеріальномъ отношеніи. 3) Хроника школьной жизни—мѣстной и общей. 4) Дѣятельность государственныхъ и общественныхъ учреждений по народному образованію. 5) Изъ жизни учительскихъ обществъ взаимопомощи. 6) Корреспонденція и письма въ редакцію и отъѣты на нихъ читателямъ. 7) Обзоръ педагогическихъ журналовъ. 8) Критика и библиографія. 9) Книжки, поступавшія въ редакцію. 10) Объявленія.

Размѣръ журнала значительно увеличенъ и редакціей привлечены къ участию въ немъ лучшія литературныя силы учительскаго міра какъ мѣстнаго края, такъ и другихъ городовъ.

ПОД ИСНАЯ ЦѢНА (10 №№ въ годъ)

1. Для членовъ Оренбургскаго учительскаго Общества взаимопомощи 50 коп. въ годъ.

2. Для остальныхъ 2 руб. „ „

Редакторъ И. М. Расторгуевъ.

Издатель—«Оренбургское Учительское Общество взаимопомощи».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ редакціи журнала—г. Оренбургъ, Извѣстичья ул., д. Расторгуева.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на учено-педагогическій журналъ

„РУССКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1914 г. (36 годъ изданія).

Цѣна за 4 книжки (№№), не менѣе 50 листовъ въ годъ, семь (7) рублей съ пересылкою. Журналъ выходитъ 4 раза въ годъ въ неопредѣленные сроки (примѣрно: февраль, май, сентябрь, декабрь).

Адресъ: Варшава, ул. Натолінская, 4.

Предметы журнала—языкъ, народная поэзія, древняя и новая литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

1. Матеріалы. 2. Исслѣдованія и замѣтки. 3. Критика, библиографія, научная хроника. 4. Педагогическій отдѣлъ: а) о преподаваніи русскаго языка и словесности; б) критика учебниковъ по этимъ предметамъ; в) пробныя листы новыхъ учебниковъ; г) разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

Въ журналѣ принимаютъ участіе своими научными и педагогическими трудами слѣдующія лица—академики, профессора и преподаватели высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній: еписк. Антисіасій (Александровъ), Л. Л. Бедржицкій, А. И. Беличъ, В. А. Богородицкій, И. А. Бодуевъ-де-Куртенъ, С. Н. Брайловскій, Р. Ф. Брандтъ, К. К. Буга, Е. Ф. Будде, С. К. Буличъ, Б. В. Варнеке, Л. Л. Васильевъ, А. В. Ветуховъ, В. Водракъ, А. Д. Григорьевъ, К. Я. Гротъ, Н. К. Грунскій, В. В. Давидовъ, Н. Н. Дурново, А. М. Евлаховъ, П. А. Заболотскій, И. И. Замотинъ, Д. К. Зеленинъ, Г. А. Ильинскій, Л. К. Ильинскій, В. А. Истомина, А. П. Кадлубовскій, С. П. Казанскій, П. М. Каринскій, Н. П. Кашинъ, А. В. Круковский, Д. Н. Кузнецовъ, П. А. Кузакоскій, С. М. Кульбакинъ, П. А. Лавровъ, А. М. Лукьяненко, Н. Н. Любавичъ, Б. М. Ляпуновъ, А. А. Мазонъ, еписк. Меоодій (Великановъ), Л. Милетичъ, В. Ф. Миллеръ, А. В. Михайловъ, Ст. Младеновъ, В. Н. Мочульскій, Л. З. Мосерацъ, С. П. Обвореній, И. И. Огенько, П. Д. Первоу, В. Н. Перетцъ, Н. М. Петровский, А. Л. Погонинъ, Ю. И. Полива, В. А. Погорѣловъ, В. К. Поржезинскій, А. М. Путинцевъ, Е. В. Пѣтуховъ, В. И. Рязановъ, П. К. Симоны, А. Н. Соболевскій, Б. М. Соколовъ, И. Н. Солосинъ, А. Н. Сорочанъ, М. Н. Сперанскій, Н. Ф. Сумцовъ, К. И. Томсонъ, Н. Н. Трубицынъ, Д. Н. Ушаковъ, М. Ф. Фасмеръ, Т. Д. Флоринскій, Ф. Ф. Фортунатовъ, В. А. Францевъ, В. И. Чернышевъ, П. Н. Черняевъ, А. А. Шахматовъ, С. Ф. С. Ф. Шевченко, В. Н. Щепкинъ, И. М. Эндзелинъ, К. И. Цицимирскій и мн. др.

Редакция была бы очень благодарна, если бы гг. преподаватели русскаго языка и словесности воспользовались страницами журнала для обсужденія разныхъ вопросовъ, отъѣченныхъ въ отд. 4 программы (пп. а, б, в, г).

Гг. составители учебниковъ и авторы книгъ и статей, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала, желающіе имѣть о нихъ отзывъ или объявленіе, благоволятъ присылать ихъ въ редакцію.

Опредѣленіемъ основного отдѣла Ученаго Комитета Министерства народнаго проовѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

Въ редакціи можно получать «Русск. Фил. Вѣстн.» за 1912 г. по 7 р.; за 1897—1911 и 1913 г. въ продажѣ не имѣется. Указатели къ «Русск. Фил. Вѣстн.» 1879—1913. I—LXX. Цѣна 1 р.

Редакторъ-издатель Е. Ф. Надскій.

Варшава. Натолінская, 4.

Открыта подписка на 1914 годъ

на въѣпартийный прогрессивный журналъ литературы, общественной жизни, науки, искусства

„СОВРЕМЕННОИЪ“

4-й годъ изданія.

издаваемый при ближайшемъ участіи В. Я. Богучарскаго, В. В. Водовозова, Е. Д. Кусковой, В. Л. Львова-Рогачевскаго, Е. А. Ляшкова, М. П. Павловича, С. Н. Прокоповича, В. Б. Станкевича и П. Е. Щеголева.

Идя навстрѣчу ясно сказывающимся потребностямъ русской дѣйствительности въ пожеланіямъ подписчиковъ, издательство журнала «Современникъ» открыло подписку на 1914 г. на реформированныхъ началахъ, понижая цѣну на журналъ и учащая его выходъ въ свѣтъ.

Въ 1914 году подписывая цѣна на журн. «Современникъ» опредѣляется въ 6 р. 85 к., что дѣлаетъ журн. самымъ дешевымъ изъ всѣхъ подобныхъ изданій и доступнымъ по цѣнѣ для широкихъ слоевъ прогрессивной Россіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, стремясь своевременно отражать все, что жизнь представляетъ значительнаго и занимательнаго, журналъ будетъ выходить не одинъ, а

2 раза въ мѣсяцъ, или 24 раза въ годъ.

Ставя основной задачей освѣщеніе и уясненіе текущей жизни въ многообразныхъ ея явленіяхъ, издательство ж. «Современникъ» сознаетъ, что вопросы міровой жизни не могутъ быть съ исчерпывающей полнотой рассмотрѣны на стран. журн. и требуютъ обращенія къ специальнымъ трудамъ, а потому рѣшило приступить къ изданію «Библиотекѣ Современника» и дать въ 1914 году подписчикамъ «Современника» 1-ю серію, сост. изъ 12 избранныхъ сочиненій по важнѣйшимъ вопросамъ общественной, политической и культурной жизни нашего времени, привлекающимъ вниманіе современнаго читателя.

1. Страна смутъ. (Мексика). Соч. Генри Берлейнъ. 2. Проблемы народ. Индіи. Изслѣд. Гольдшнекль. 3. Переворотъ въ Турціи. Соч. Найта. 4. Китайская республика. Соч. Макъ-Кормика. 5. Панамериканскій каналъ и его міровое значеніе. Очерки Д. Фразера. 6. Полярныя изслѣдованія. Трудъ д-ра Бржса, участн. экспед. Скота. 7. Завоеваніе воздуха. Соч. Уокера. 8. Современное земство. Подъ редакціей Б. Б. Веселовскаго. 9. Кооперация. Исторія, основы и социально-экономическое значеніе. 10. Изученіе психики. Работа проф. Барреша. 11. Великіе американскіе писатели. Соч. Трента и Егскина. 12. Художники возрожденія. Въ отдѣл. продажъ 12 указ. книгъ «Библиотекѣ Современника» будетъ стоить 10 руб. Кромѣ 1 серіи «Библиотекѣ Современника», издательство журнала дастъ въ 1914 г. два капитальныя сочиненія о масонствѣ.

1. Р. Гульга.—Масонство на Западѣ, изображающее исторію масонства во всѣхъ странахъ до послѣднихъ дней. 2. Акад. А. Н. Гипкина.—Масонство въ Россіи, капитальная работа лучшаго знатока этого вопроса впервые появляется въ отд. изд. Всѣ годовыя подписчики на «Современникъ» съ прил. «Библ. Современника» получаютъ оба сочин. о масонствѣ БЕЗПЛАТНО.

Годовымъ же подписчикамъ только на журналъ «Современникъ» предоставляется право получить оба сочиненія о масонствѣ по цѣнѣ 2 руб. 50 коп., несомнѣе при подпискѣ до 1-го февраля вмѣсто 5 руб. стоимости въ розничной продажѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: На журналъ «Современникъ»—24 кн.—6 р. 85 к. въ годъ въ Россіи и 10 р. за границу. Допускается разсрочка при подпискѣ—2 р. 85 к., къ 1 апрѣлю—2 р. 50 к. и къ 1 августу—1 р. 50 к. На журн. «Современникъ»—24 кн. съ «Библ. Современника»—12 кн. и безплат. прил. двухъ соч. о «Масонствѣ»—12 р. въ годъ въ Россіи и 16 р. за гран. Разсрочка. При под.—6 р., къ 1 апр. 3 р. и къ 1 авг.—3 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конт. журн. «Современникъ»—С.-Петербургъ, Невскій просп., № 43, и въ книжныхъ магазинахъ. Издатель П. И. Пѣвинъ.

XL г. изданія.

XL г. изданія.

Открыта подписка на 1914 годъ
на еженедѣльный журналъ
„Церковный Вѣстникъ“,

издаваемый при Императорской Спб. Духовной Академіи.

Еженедѣльный журналъ „ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ вступаетъ въ 1914 г. въ сороковую годъ изданія.

Для ознакомленія съ журналомъ желающимъ высылаются отдѣльные №№ «Ц. В.» бесплатно.

Условія подписки на 1914 годъ.

	Въ Россіи.	За границу.
На годъ	5 руб.	7 руб.
На 1/2 года	3 »	— »
На годъ съ ежемѣсячнымъ журналомъ «Христіанское чтеніе»	8 »	10 »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ редакціи: Спб., Херсонская ул., д. № 8, кв. 8.

Редакторъ профессоръ Императорской Спб. Духовной Академіи *Гр. Прохоровъ*.

9-й годъ изданія.

9-й годъ изданія.

Открыта подписка на 1914 годъ
на ежемѣсячный
НАРОДНЫЙ СВОБОДОМЫСЛЯЩІЙ ЖУРНАЛЪ
Духовный Христіанинъ.

(Основанъ А. С. Прохановымъ въ 1905 году)

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Цѣна журнала съ пересылкой: за годъ—3 рубля, за полгода 1 руб. 50 коп., за 4 мѣсяца 1 руб., цѣна отдѣльнаго номера 30 коп. За границу за годъ—4 руб., за полгода 2 руб. Учителямъ и законоучителямъ журналъ высылается за 2 руб. въ годъ. Налоген. платеж. журналъ не высылается.

Подписныя деньги, а также статьи и письма для напечатанія въ журналѣ слѣдуетъ посылать по адресу: Баку, Биржевая площадь, д. Бр. Скобелевыхъ, Редакція журнала „Духовный Христіанинъ“.

Открыта подписка на 1914 г.
НА ЖУРНАЛЪ
НИКОЛАЕВСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ
„ПРИРОДА“.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Оригинальныя и переводныя статьи по научному и прикладному естествознанію.

II. а) Популярныя лекціи по различнымъ предметамъ естествознанія; б) доклады, читанные въ собраніяхъ Общества; в) рефераты докладовъ, читанныхъ въ собраніяхъ Общества и не поступившихъ въ печать; г) отчеты Общества.

III. Научная хроника. Научныя новости. Новыя книги. Критика и бібліографія.

IV. Совѣты начинающимъ любителямъ. Вопросы и отвѣты по предметамъ естествознанія.

Объявленія.

ВЪ 1914 ГОДУ ВЫЙДЕТЪ 10 ВЫПУСКОВЪ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на годъ съ пересылкой 2 руб. 30 коп. Для гг. членовъ Общества 1 руб.

Подписка принимается въ редакціи (Николаевъ. Херс. губ., Алексѣевская, 82).

Редакторъ А. П. Сапожниковъ.

IX г. издан.

Открыта подписка на 1914 годъ

IX г. издан.

на ежедневную общественную, политическую, литературную и экономическую газету

„ЮЖНЫЯ ВѢДОМОСТИ“.

Еженедѣльное литературное

иллюстриров. прилож. и „КРЫМСКІЙ КУРОРТНЫЙ ЛИСТОКЪ“ (вых. съ 1 мая по 15 сент.

Издается въ г. Симферополь.

Прогрессивная начала въ общественной и государственной жизни, служеніе которымъ было задачей газеты въ прошлые годы, будутъ проводиться ею также неизмѣнно, какъ и раньше.

Подписная цѣна НА ГАЗЕТУ „ЮЖНЫЯ ВѢДОМОСТИ“ съ еженед. иллюстр. прилож. и 7 р. 50 к.
„Крымск. Курортн. Листк. мѣ“ съ доставкой и пересылкой: на 12 мѣсяц. на 6 мѣсяцевъ 4 руб. 50 коп., на 1 мѣсяць 90 коп.**Продолжается подписка на прогрессивную газету****„ПСКОВСКАЯ ЖИЗНЬ“.**

7-й годъ изданія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: 12 мѣс. — 4 р., 6 мѣс. — 2 руб. 50 коп., 3 мѣс. — 1 руб. 30 коп., 1 мѣс. — 45 коп.

Адресъ конторы: Псковъ, Сергіевская ул., д. Тульчѣва.

Издан. г. IV.

Открыта подписка на 1914 годъ

Издан. г. IV.

на ежедневную большую литературную, политическую и обществ.-экономическую газету

„СѢВЕРНОЕ УТРО“,

издающаяся въ Архангельскѣ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ въ 6 колонокъ, при ближайшемъ участіи сотрудниковъ московскихъ и с.-петербургскихъ изданій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на 1 годъ — 5 р., на 6 мѣс. — 3 р., 8 мѣс. — 1 р. 75 к., 1 мѣс. — 70 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи газеты: Архангельскъ, Псковскій пер., д. Я. И. Лейцингера и во всѣхъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи.

Изд. г. VIII.

Открыта подписка на 1914 годъ

Изд. г. VIII.

на ежедневную, общественно-политическую, литературную внѣпартійную газету

ТУЛЬСКАЯ МОЛВА.

ПОСТОЯННОЕ УЧАСТІЕ ВЪ ГАЗЕТѢ ПРИНИМАЮТЪ:

К. Вехтинъ, А. Кіевлянинъ, В. Г. Купріяновъ, В. Д. Рашковъ, Д. Тульскій, Фланеръ, Д. И. Фортунатовъ (Santimento), М. И. Шель.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ пересылк. и доставк. на годъ 5 р. 95 к., на 6 мѣс. — 3 р. 50 к., на 3 мѣс. — 1 руб. 80 коп. и на 1 мѣс. — 65 коп.

АДРЕСЪ: Тула, Кіевская.

Редакторъ-издатель Д. И. ФОРТУНАТОВЪ.

XII г. издан.

Открыта подписка на 1914 г.

XII г. издан.

на ежедневную политическую и общественно-литературную газету

„РЯЗАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

Направленіе газеты прогрессивное.

Редакція ставитъ своей задачей ознакомленіе читателей со всѣми выдающимися событіями и проявленіями общественной жизни какъ въ Россіи, такъ и за границей и въ особенности возможно широкое освѣщеніе мѣстной жизни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой на годъ — 5 р. 5 к., 1/2 года — 3 р. 5 к., на 1 мѣс. — 70 коп.

Адресъ редакціи, конторы и собственной типографіи: г. Рязань, Липецкая ул., д. Гавриловой.

Редакторъ-издатель В. В. Розановъ.

Продолжается подписка на 1914 г.
на прогрессивную, беспартийную газету

„ВЯТСКАЯ РѢЧЬ“ VII-й годъ изданія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) во всѣхъ почтово-телеграфн. и почтовыхъ учрежденіяхъ Европ. и Азіат. Россіи, 2) въ конторы газеты, безъ взиманія 15 к. за пересылку.

ЦѢНА: на 1 годъ—6 руб., на 6 мѣсяцевъ—3 руб. 50 к., на 3 мѣсяца—1 руб. 75 к., на 2 мѣсяца—1 руб. 30 к. и 1 мѣсяць—65 к.

Пробный номеръ газеты высылается бесплатно.

Адресъ редакціи: Вятка, Николаевская ул., д. Берманъ.

XXI годъ
изданія.

Открыта подписка на 1914 годъ

на большую ежедневную вечернюю общественно-политическую и литературную газету

XXI годъ
изданія.

„ПРИБАЛТІЙСКІЙ КРАЙ“,

въ гор. РИГѢ.

Газета будетъ печататься въ расширенномъ объемѣ главнымъ образомъ на нѣмюндскихъ въ нашей типогр. наборныхъ машинахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—7 руб., на 1/2 года—3 руб. 50 коп., на 3 мѣс.—1 р. 75 коп., на 1 мѣс.—75 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ по 25 коп. впереди и по 10 коп. позади текста за строчку.

Адресъ конторы и редакціи: Рига, Плавучая ул., № 17.

Редакторы И. И. Высоцкій, Е. К. Блашукъ.

Издатель Е. К. Блашукъ.

9-ый
годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежедневную, политич., общественную и литературную газету

„ПОВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

1914
годъ.

Газета выходитъ въ г. Костромѣ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ.

Подписная цѣна съ пересылкой, на годъ—6 руб., на 6 мѣс.—3 р. 50 коп., на 3 мѣс.—2 руб. и на 1 мѣс.—70 к. За перемѣну адреса 20 к.

Адресъ конторы и редакціи: г. Кострома.

Редакція газеты „Поволжскій Вѣстникъ“:

V годъ
изданія.

На 1914 годъ ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на большую ежедневную политическую, общественную, литературную и коммерческую газету

„БЕРДЯНСКІЯ НОВОСТИ“.

V годъ
изданія.

Условія подписки: съ доставк. и перес. на 12 мѣс.—7 р., на 6 мѣс.—4 р., на 1 мѣс.—1 р.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: 1-го января 3 р., 1-го апрѣля 2 р. и 1-го июля 2 р.

Подписка приним. въ главн. конторѣ „Бердянскихъ Новостей“ (Бердянскъ, Зеленая, д. Пампулова)

и во всѣхъ почтово-телеграфныхъ конторахъ и отдѣленіяхъ Россійской Имперіи.

Редакторъ-издатель А. М. Левіусъ.

42-й годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ
НА ГАЗЕТУ

42-й годъ
изданія.

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

ЦѢНА на годъ 7 руб., за границу 14 руб.

Для удобства городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ, годовая и полугодовая подписка принимается и съ разсрочкой, съ платой не менѣе какъ 1 руб. въ мѣсяць.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются бесплатно.

Подписка принимается съ 1-го и 16-го каждого мѣсяца.

Плата за объявленія: на первой страницѣ 20 к., на четвертой 10 к. За разсылку прі газетъ отдѣльныхъ объявленій 5 р. съ 1000 экз.

Издатель А. И. Аристовъ.

Пріемъ подписки производится: въ Орлѣ—въ конторѣ „Орловскаго Вѣстника“, верхъ Болховской ул., д. бр. Фроимовъ.

Отвѣтственный редакторъ М. Я. Андреевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ
ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„СЪВЕРОКАВКАЗСКІЙ КРАЙ“, издающуюся въ Став-
рополь-губернскомъ по
программѣ большихъ краевыхъ внѣпартійныхъ прогрессивныхъ газетъ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на годъ 7 руб., на 6 мѣсяцевъ—4 руб., на 3 мѣсяца—2 руб. 25 коп.,
на 1 мѣсяць—75 коп.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: передъ текстомъ—30 коп., послѣ текста—20 коп. за мѣсто,
занимаемое строкой пята.

Разсылка публикаціонныхъ приложений до 1-го лота 6 рублей съ 1000.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и КОНТОРЫ: Ставрополь-губернскій, ул. Лева Толстого, домъ № 1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 годъ

на литературно-музы-
кальный журналъ

„АККОРДЪ“.

Вѣстникъ гитары, народныхъ
музы альныхъ инструментовъ
и общественной мысли.

(X-й годъ изданія).

Въ наступающемъ 1914 году „АККОРДЪ“ будетъ выходить вмѣсто одного раза въ мѣсяць
ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

2 раза въ мѣсяць выходятъ музыкальныя приложения къ „Аккорду“, изъ пьесъ для гитары мажоранты, дуэты,
для двухъ гитаръ, трио, квартеты и пр.

Пробные номера высылаются для ознакомленія БЕЗПЛАТНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на одинъ альпикъ, съ полами въ текстѣ, на годъ съ пересылкой и доставкой 4 руб.,
на полгода—2 руб., на 2 мѣсяца—1 руб. Съ приложеніями нѣтъ два раза въ мѣсяць на годъ 8 руб., на
полгода—4 руб., на 2 мѣсяца—2 руб.

Подписку и требованія адресовать: г. Тюмень, Тобольской губерніи, редакция журнала „АККОРДЪ“.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ **А. АФРОМЪЕВЪ**.

XI г. изд. Открыта подписка на 1914 годъ **XI г. изд.**

на еженедѣльное изданіе Нижегородскаго Губернскаго Земства:

„НИЖЕГОРОДСКАЯ ЗЕМСКАЯ ГАЗЕТА“.

Цѣль изданія—ознакомленіе населенія Нижегородской губерніи съ дѣятельностью земства во всѣхъ напра-
вленіяхъ, всестороннее освѣщеніе жизни и нуждъ населенія, содѣйствіе подъему народнаго благосостоянія
и образованія, сообщеніе полезныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству, коопераціи (взаимопомощи) и пр.

Газета выходитъ въ размѣрѣ 2½—3 печ. листа, по прежней программѣ.

Статьи и корреспонденціи адресовать: Нижній-Новгородъ, Предсѣдатель Губ. Зем. Управы, для „Зем. Газеты“.

Подписная плата на годъ—для жителей Нижегородской губ.—1 р. и и губернскихъ—2 р. На полгода 60 и 1 р.

въ розничной продажѣ цѣна номера 5 к., съ пересылкой—7 к.

Подписка и объявленія приимются въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Нижегородской Губернской Земской Управѣ
(уголѣ Жуковской и Бѣловской улицъ).

Овѣтственный редакторъ Предсѣдатель Губернской Управы **П. А. ДЕМИДОВЪ**.

VI годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 годъ

НА БОЛЬШУЮ ПРОГРЕССИВНУЮ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ
и ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

VI годъ
изданія.

Омскій Вѣстникъ.

Газета издается въ городѣ Омскѣ и выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Въ виду расширенія нѣкоторыхъ отдѣловъ и увеличенія размѣра газеты,
подписная плата на 1914 годъ назначена съ доставкой въ Омскъ и пересылкой во всѣ мѣста Россіи и Сибири:

На годъ 7 р., на 6 мѣс. 3 р. 75 к., на 3 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. — 70 к.

Для народныхъ учителей и фельдшеровъ подписная плата 5 руб.

Открыта подписка на 1914 годъ

5-й годъ изданія. Ю Г Ъ. 5-й годъ изданія.

Издается въ городѣ Херсонѣ.

Газета ежедневная, безпартійная, литературно-общественная.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

иногороднимъ съ пересылкой и доставкой: на годъ—6 р., на 6 мѣс.—3 р.,
на 3 мѣс.—1 р. 75 к., на 1 мѣс.—60 к.

Для волостныхъ и сельск. управленій и народныхъ учителей плата на годъ 5 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 годъ на ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИЗВѢСТІЯ Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера“

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТОЙ.

Подписная плата 4 р. въ годъ. Допускается разсрочка по полугодіямъ и по четвертямъ года. Плата за объявленія на первой страницѣ журнала—20 коп.; за строку петита, на послѣдней—10 коп.

Подписка на „Извѣстія А. О. И. Р. С.“ принимается во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ Имперіи безъ уплаты 15 коп. за переводъ денегъ.

Гг. иногородніе публикаторы и подписчики благоволятъ обращаться по адресу: Архангельскъ, Правленіе АРХАНГЕЛЬСКАГО ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНІЯ РУССКАГО СѢВЕРА.

Пробные №№ высылаются за 4 семикоп. марки. За перемѣну адреса взимается 4 семикоп. марки.

Издатель Архангельское Общество изученія Русскаго Сѣвера.

Редакторъ В. Ленгауэръ.

IX-й годъ
изданія.

Принимается подписка на 1914 годъ

на еженедѣльное изданіе

„НАРОДНАЯ ГАЗЕТА“.

ОРГАНЪ СОЮЗА СИБИРСКИХЪ МАСЛОДѢЛЬНЫХЪ АРТЕЛЕЙ.

„Народная Газета“ главное вниманіе удѣляетъ интересамъ сибирской кооперации всѣхъ видовъ. „Народная Газета“ выходитъ по воскресеньямъ въ городѣ Нурганѣ, Тобольск. губ., раздѣляется въ два печатныхъ листа, съ рисунками сибирскихъ кооперативовъ и по сельскому хозяйству.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ—2 р. 50 к., за 6 мѣсяц.—1 р. 30 к., за одинъ мѣсяць—25 к.

Плата за объявленія: за цѣлую страницу 30 р., $\frac{1}{2}$ стр. 15 р., $\frac{1}{4}$ стр. 7 р. 50 к. и $\frac{1}{8}$ стр. 3 р. 75 к.

ОДИНЪ НОМЕРЪ ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНІЯ ЖЕЛАЮЩИМЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Адресъ: Курганъ, Тобольской губ., редакція „Народной Газеты“.

IX-й годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 г. на ежедневную политическую, общественную, экономическую и художественно-литературную газету

Голосъ Приуралья,

издающуюся въ г. ЧЕЛЯБИНСКѢ въ объемѣ и форматѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Подписная цѣна: на годъ 6 руб., на полгода 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 75 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа:

при подпискѣ 2 р., къ 1-му апрѣля 2 р. и къ 1-му іюля 2 р.

Редакторъ П. О. Балдинъ.

Издатель А. Б. Бреслинъ.

„ВОЛЫНСКАЯ ПОЧТА“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 годъ.

Въ газетѣ принимаютъ постоянное участіе члены Государственной Думы гг. Родичевъ, Александровъ, Носковъ, Милуковъ, Щенкинъ, Шингаревъ и др. извѣстные публицисты и общественные дѣятели.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 6 руб. въ годъ

11 мѣс. 5 р. 60 к.,	10 мѣс. 5 р. 30 к.,	5 мѣс. 3 р. 30 к.,	4 мѣс. 2 р. 80 к.,
9 » 5 р. — к.,	8 » 4 р. 60 к.,	3 » 2 р. 10 к.,	2 » 1 р. 40 к.,
7 » 4 р. — к.,	6 » 3 р. 60 к.,	1 » — р. 75 к.	

Адресъ. Житомиръ, Гоголевская, 10.

Редакторъ-Издатель В. Н. КОНДРАЦКІЙ.

ШКОЛА и ЖИЗНЬ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.

4-й г. **Открыта подписка на 1914 г.** 4-й г.
изданія. изданія.

Газета будетъ выходить въ форматѣ еженедѣльника.

Задача газеты способствовать единенію школы съ жизнью, семьи со школою и давать безпартійное освѣщеніе событій и вопросовъ въ области воспитанія и образованія.

Въ числѣ бесплатныхъ приложений (не менѣе 80 печ. лист.) будутъ даны:

Статьи по воспитанію Герберта Спенсера; „Недостатки характера въ дѣтскомъ возрастѣ“ — руководство для семейн. и школьнаго воспитанія д-ра Шольца; удост. преміи книга д-ра Эртли. „Народная школа и трудовое начало“; сборникъ статей по физическому воспитанію; „Очерки о музеяхъ и ихъ просвѣтительной роли“, подъ ред. д-ра Л. Оршанскаго.

Программа газеты: 1) Статьи по вопросамъ: а) организаціи школы и школьнаго законодательства, б) общепедагогической теоріи и практики. 2) Статьи по различнымъ вопросамъ образованія и воспитанія. 3) Фельетонъ, характеризующій по преимуществу внутреннюю жизнь школы или популяризующій различныя стороны знанія. 4) Обзоръ печати. 5) Хроника образованія: дѣятельность земствъ и городовъ, законод. учрежд. и т. д. 6) Хроника школьной жизни въ Россіи и за границей. 7) Обзоръ спеціальной литературы русской и иностранной.

Освѣдомленность газеты обеспечивается сотрудничествомъ дѣятелей школы, участіемъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, членовъ Г. Думы и Г. Совѣта, значительнаго числа провинціальныхъ и иностранныхъ корреспонд.

Въ газетѣ, въ числѣ прочихъ, принимаютъ участие:

Проф. М. Алексѣенко, Х. Алчевская, акад. В. Бехтеревъ, проф. И. Борганъ, И. Бѣлоконскій, проф. В. Вагнеръ, В. Газтеровъ, акад. В. Вернадскій, В. Гердъ, проф. Н. Гредескулъ, проф. Д. Гриммъ, проф. В. Данилевскій, Я. Душечкинъ, Е. Зягинцевъ, проф. П. Каптеревъ, проф. М. Капустинъ, проф. Н. Каргевъ, проф. А. Кизеветтеръ, проф. М. Ковалевскій, акад. А. Кони, проф. Н. Ланге, А. Липовскій, Н. Лубенецъ, проф. И. Луцкий, проф. А. Мануйловъ, П. Милуковъ, Н. Михайловъ, проф. А. Нечаевъ, акад. Д. Овсяннико-Куликовскій, Ф. Ольденбургъ, А. Острогорскій, проф. Л. Петражицкій, А. Петрицевъ, И. Петрунчевъ, проф. А. Посниковъ, А. Пругавинъ, Г. Россолимо, Н. Рубакинъ, М. Стаховичъ, I. Титовъ, Д. Тихомировъ, графъ Н. Толстой, Н. Тулузовъ, проф. Г. Хлопинъ, В. Чарнолускій, проф. Г. Челпановъ, Н. Чеховъ, П. Шестаковъ, А. Шингаревъ, акад. И. Янжулъ, и др. и изъ иностранныхъ учен.: проф. Ренэ Вормс, Шарль Жидъ, Брюссонъ, де-Гревъ, Томассенъ и другіе.

Подъ общей редакціей Г. А. ФАЛЬБОРКА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой на годъ 6 р., на 6 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 2 р.

Для учащихся въ начальныхъ училищахъ допускается рассрочка, при подпискѣ 2 р. и къ 1-му февраля, 1-му марта, 1-му апрѣля и къ 1-му мая по 1 р.

Подписка принимается: въ Главной конторѣ С.-Петербургъ, Кабинетская, д. Губернскаго Земства, № 18, во всѣхъ почтово-тел. отдѣл. и въ солидн. книжныхъ магазинахъ.

Объявленія: строка непарели впереди текста 60 коп., позади 30 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
≡ „Вѣстникъ Магнетизма“. ≡

Пробный номеръ высылается за 5 семиноп. марки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—4 руб., на полгода—2 руб. 50 коп.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: г. Кіевъ, Рейтарская ул., № 20, кв. 14. Телефонъ № 15-82.

Редакторъ-издатель З. С. БИССКІЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ
на ежедневную политическую, общественную, экономическую и художественно-литературную газету
ГОЛОСЪ ПРИУРАЛЬЯ,

(Восьмой годъ изданія)

издающуюся въ г. Челябинскѣ въ объемѣ и форматѣ большихъ столичныхъ газетъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—6 руб., на полгода—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 руб., на 1 мѣс.—75—
Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: при подпискѣ 2 р., къ 1-му апрѣля
2 р. и къ 1-му іюля—2 р.

Редакторъ П. О. Балдинъ.

Издатель А. Б. Бреслинъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ
въ вѣстникъ литературы, политики, торговли, промышленности и мѣстной общественной жизни.

„АСХАБАДЪ“

Годъ изданія XVI.

Выходятъ ежедневно кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на 12 мѣс.—8 руб., на 6 мѣс.—4 руб., 75 коп. 1 мѣс. 1 р.

За границу на годъ—14 руб., на 6 мѣс.—8 руб.—За перемѣну адреса 20 коп. Для годовыхъ под-
писчиковъ допускается разсрочка платежа: при подпискѣ—4 р. и затѣмъ начиная съ февраля
по 1 р. ежемѣсячно до уплаты всей суммы.

Подписка и объявленія принимаются въ Асхабадѣ въ конторѣ редакціи Базарная ул.
д. Качкачева.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ
на политическую, экономическую, общественную и литературную газету

„РУССКАЯ РИВЬЕРА“

(Издательства годъ XXII-й)

Выходитъ въ г. Ялтѣ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: На 12 мѣс.—7 руб., на 6 мѣс.—4 р.,
на 1 мѣс.—75 коп. За границу взимается вдвое. Для годовыхъ подписчиковъ допускается раз-
срочка. Для благотвор. и просвѣт. учреждений, для нар. учителей и учащихся въ высш. уч. зав.
подписная цѣна: на годъ—6 р., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., и на 3 мѣс.—2 р.

Такса объявленій: за строку петита передъ текстомъ—30 коп. и послѣ текста—15 коп.
Подписки и объявленія принимаются въ конторѣ газеты «Русская Ривьера» Ялта, Набе-
режная ул., д. Рыбицкой.

Редакторъ-Издатель Б. Н. Лупандинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ
вечерняя коммерческая, литературно-театральная и спортивная газета

„НИЖЕГОРОДЕЦЪ“.

выходящая въ Нижнемъ-Новгородѣ въ ярмарку ежедневно, а въ остальное время года 3 раза въ недѣлю. Четвертый годъ изданія.

Во время Нижегородской ярмарки въ «Нижегородцѣ» обширный коммерческо-справочный отдѣлъ: 1) Списки всѣхъ прѣзжающихъ на ярмарку и въ городъ, 2) статьи и замѣтки по торговлѣ и промышленности, 3) дневныя телеграммы и пр.

Такса объявленій за строку петита: стороннія сообщенія—1 р., среди текста—60 к., передъ текстомъ—40 к., позади текста—20 к. Объявленія сезонныя и годовыя по особому соглашенію.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой за большое ежедневное изданіе «Нижегородца» въ ярмарочное время (съ 17 іюля по 26 августа)—2 руб., на годъ—7 руб., за изданіе, выходящее три раза въ недѣлю: на полгода—2 руб. 70 коп., на 3 мѣс.—1 р. 35 к. и на 1 мѣс.—45 к.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА: Н.-Новгородъ, Б. Покровка, № 50. Телефонъ № 5-92

Редакторъ-Издатель В. П. Успенскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ

на ежедневную газету

9-й г. изданія.

„ПРІАМУРЬЕ“

9-й г. изданія.

Выходитъ въ г. Хабаровскѣ газета политическая, общественная и литературная. Направленіе газеты прогрессивное, виѣпартійное.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой: На 12 мѣс.—8 р., на 6 мѣс.—4 р. 25 к., на 1 мѣс.—1 р. 25 к. Иногороднимъ. 12 мѣс.—9 р., на 6 мѣс.—4 р. 75 к. на 1 мѣс.—1 р. 25 к.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи Хабаровскѣ, Поповская, д. 54 и во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ.

Такса на объявленія: за строку петита впереди текста 25 к., позади текста 10 к., посреди текста 35 к. При многократномъ повтореніи особое соглашеніе. По примѣру прошлыхъ лѣтъ для служащихъ въ казенныхъ и проч. учрежденіяхъ допускается льготная групповая подписка въ разсрочку черезъ казначеевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 г.

Ежедневную, политическую, общественную, литературную, экономическую газету

VIII-й годъ изданія.

«У Т Р О»,

VIII-й годъ изданія.

издающуюся въ г. Харьковѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—7 руб., на 6 мѣс.—4 руб., на 1 мѣс.—75 коп. За границу вдвое.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ Т-во „НОВАЯ ЖИЗНЬ“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 г.

на политическую, литературную, экономическую и общественную ежедневную газету

НОВАЯ ЖИЗНЬ,

издающуюся въ Харбинѣ (Маньчжурія).

Восьмой годъ изданія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: городская—на одинъ годъ—12 р., на полгода—7 р., на три мѣсяца—3 р. 70 к. и на одинъ мѣсяць—1 р. 30 к. Иногородніе платятъ на 20 к. дороже за каждый мѣсяць. Перемѣна адреса 50 коп.

Плата за объявленія: впереди текста 25 к. за строку петита или занимаемое ею мѣсто, позади текста 15 коп.

Редакторъ Г. О. Левенциглеръ.

Открыта подписка на 1914 годъ
(4-й годъ изданія)

РУССКІЙ БИБЛІОФИЛЪ

ЖУРНАЛЪ

историко-литературный и библіографическій
выходить 8 разъ въ годъ, книжками по 100—150 стр.
со многими иллюстраціями.

По примѣру первыхъ 3-хъ лѣтъ изданія, наиболѣе обширнымъ отдѣломъ «Русскаго Библіофила» явится отдѣлъ историко-литературный, въ которомъ будетъ опубликованъ рядъ неизданныхъ писемъ и произведеній виднѣйшихъ русскихъ писателей. На ряду съ этимъ видное мѣсто займетъ отдѣлъ историческихъ воспоминаній и записокъ, въ которомъ, между прочимъ, будетъ продолжаться печатаніе обширныхъ записокъ кн. И. М. Долго-рукова, начатое въ 1913 году.

Вспросы искусства вообще, и въ частности искусства графическаго, вмѣстѣ съ вопросами библіофіліи и коллекціонерства будутъ также достаточно подробно затронуты на страницахъ журнала. Въ библіографическомъ отдѣлѣ, кромѣ рецензій на книги по исторіи, исторіи литературы и искусству и перечней вновь выходящихъ книгъ по этимъ вопросамъ, будутъ помещаться описанія частныхъ собраній и библіотекъ общихъ и специальныхъ.

РЕДАКЦИЕЙ ПРИОБРѢТЕНЪ и БУДЕТЪ ОПУБЛИКОВАНЪ
въ теченіе 1914 года

АРХИВЪ А. А. ВОЕЙКОВОЙ,

племянницы В. А. Жуковскаго, извѣстной „Свѣтланы“.

Архивъ состоитъ изъ множества отдѣльныхъ рукописей и десяти семейныхъ альбомовъ и заключаетъ въ себѣ рядъ неизданныхъ произведеній Жуковскаго, Языкова, Козлова, Баратынскаго, Дельвига и др. въ автографахъ. Обширная переписка даетъ множество интересныхъ свѣдѣній для біографій многихъ литераторовъ начала XIX вѣка, а изящные альбомы украшены рисунками и портретами нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, которые будутъ воспроизведены на страницахъ «Русскаго Библіофила».

Подписная цѣна 8 р. 50 к. въ годъ съ пересылкой
(за границу 35 фр.).

Редакція: СПБ. Литейный, 51.

Редакторъ-Издатель Н. В. Соловьевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 годъ

на двухнедѣльный журналъ

24 №№
въ годъ.**„ГОРОДСКОЕ ДѢЛО“.**6-й годъ
изданія.

Издатель Д. Протопоповъ.

Редакторы: Членъ Гос. Думы Л. Велиховъ.
Гласн. С.-ПБ. Гор. Думы М. Федоровъ.

Подписная цѣна 8 р. въ годъ съ доставкой и пересылкой.

Отдѣломъ Самоуправленія Областной Выставки въ Екатеринославѣ журналамъ въ 1910 году присуждены **два золотыя медали**.—На Дрезденской Международной Гигиенической Выставкѣ въ 1911 г.—**почетный дипломъ**.—На Всероссийской Гигиенической Выставкѣ 1913 г.—**малая золотая медаль**.**Постоянные отдѣлы:** 1) статьи по вопросамъ: финансовымъ, город. и земск. самоуправленія, санитаріи, медицины, благоустройства, муниципализаціи предпріятий, домовладѣнія, страхового и пожарнаго дѣла, дороговизны жизни, народнаго образованія, кооперации, оцѣночнаго дѣла и др.; 2) сообщенія съ мѣстъ; 3) хроника; 4) новые законы; 5) перечни литературы; 6) вопросы и отвѣты; 7) библіографія; 8) сенатская практика. Чертежи. Рисунки. Диаграммы.**Бесплатные отвѣты** подписчикамъ по вопросамъ юридическимъ и техническимъ. Исполненіе порученій.**Подписка** принимается въ Главной Конторѣ Редакціи и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи.**Главная Контора.****С.-ПЕТЕРБУРГЪ, КАБИНЕТСКАЯ, 14.****Редакція.****КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ РЕДАКЦИИ** исполняетъ порученія по выпискѣ любыхъ книгъ и по составленію библіотекъ на разныя суммы.**СПЕЦИАЛЬНОСТЬ**—вопросы мѣстнаго самоуправления.**Списокъ изданій редакціи** высылается **БЕЗПЛАТНО**.**ИЗВѢСТІЯ
ОДЕССКАГО БИБЛЮГРАФИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА****ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ НОВОРОССІЙСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.****ВЫХОДЯТЪ ВЫПУСКАМИ****ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО КАЖДЫЙ МѢСЯЦЪ ПО ТРИ ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА.****СОДЕРЖАНІЕ:** краткіе протоколы засѣданій Общества; доклады членовъ Общества, рецензіи и статьи о книжныхъ новостяхъ (преимущественно изъ области историческихъ, социальныхъ и гуманитарныхъ наукъ); біографическіе матеріалы; библіографическіе обзоры и указатели; статьи и замѣтки по библіотековѣдѣнію и старинѣ Новороссійскаго Края, Бессарабіи и Крыма; книжныя объявленія.**Цѣна выпуска 25 коп.****Складъ изданія** при библіотекѣ Императорскаго Новороссійскаго Университета.**Продажа отдѣльныхъ номеровъ** въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и „Одесскихъ Новостей“.

III-й годъ
изданія.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1914 г.
на періодическое издание

III-й годъ
изданія.

для учителей средней и начальной школъ, родителей и воспитателей

„Педагогическое Обозрѣніе“.

Журналъ выходитъ книжками отъ 3-хъ до 5-ти печатныхъ листовъ каждая,
одинъ разъ въ мѣсяцъ (кромѣ іюня и іюля).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ въ ГОДЪ съ ДОСТАВКОЮ, за полгода—2 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ журнала:

МОСКВА, Никитскія ворота, Медвѣжій пер., домъ 4, гимназія А. Е. Флѣрова

Редакторъ-издатель **А. Е. Флѣровъ**.

4 р. на рік.
1
2 р. 50 к.
піврічно.

ПРИЙМАЄТЬСЯ ПЕРЕДПЛАТА
на 1914 рік
(РІК ВИДАННЯ ШОСТИЙ)

4 р. на рік.
1
2 р. 50 к.
піврічно.

УКРАЇНСЬКА ХАТА

літературно-критичний, громадський український місячник.

Хто з нових передплатників внесе всі гроши (4 карб.) до 1 січня, той одержить дарма:
три числа №№ 10, 11, і 12 журналу за р. 1913, де друкується перша частина повісті Ольги
Кобилянської—„За ситуаціями“ і ювілейний портрет Івана Франка.

Хто ж внесе цілорічну передплату до 15 лютого 1914 р., той одержить тільки окремі ар-
куші першої частини названої повісті Кобилянської.

Передплата річна на „УКРАЇНСЬКУ ХАТУ“—4 руб., (в Австрію 12 корон річно і 6 кор.
піврічно; в Америку: 2½ долари на рік і 1½ дол.—піврічно) півроку—2 руб. 50 к., ½ року—1 руб.
25 коп., окрема книжка 35 коп. (з пересылк. 40 коп.)

Комплекти за минулі роки (1909 крім № 1—1913) продаються в конторі жур-
нала: для наших передплатників по 3 руолі кожний з пересилкою, а для всіх по 4 р.

Пробний № висилається тільки за три 7-коп. марки.

АДРЕСА КОНТОРИ І РЕДАКЦІЇ ЖУРНАЛА: КИЇВ, ДІЛОВА—4.
Друкарня Акц. Т-ва „Петро Барський у Києві“, Хрещатикъ, 40.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ, ИЗДАНИЕ КАЗАНСКОЙ АКАДЕМИИ, въ 1914 году.

будетъ выходить еженеѣдно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой и издаваться
въ строю православноѣ думъ и ученое направленіи.

Въ качествѣ приложенія къ журналу будетъ дано въ 1914 году „Инородческое
Обозрѣніе“, посвященное описанію современнаго быта и религии инородцевъ Евро-
пейской и Азіатской Россіи.

Цѣна за полное годовое изданіе съ пересылкою во все мѣста имперіи—СЕМЬ РУБЛЕЙ.

При журналѣ „Православный Собесѣдникъ“ издаются

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

выходящія 4 раза въ мѣсяцъ, номерами до 2-хъ печатныхъ листовъ въ каждомъ, убористаго шрифта.
Цѣна извѣстій 5 руб. въ годъ.

ПОДПИСЧИКАМЪ на журналъ предоставляется
право приобрести въ редакціи.

ПЕРЕСЫЛКА НА СЧЕТЪ РЕДАКЦІИ.
Адресъ: Казань. Редакц. Православн. Собесѣдника.
Редакторъ, профессоръ **Вл. НИКОЛЬСКІЙ**.

(2-ой годъ изданія)

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1914 годъ
на двухнедельный иллюстрированный журналъ

„Кооперативная Жизнь“

ЦѢЛЬ ЖУРНАЛА—критически осѣщая важнѣйшія событія кооперативнаго движенія въ Россіи и за границей, способствовать ознакомленію, какъ кооператоровъ, такъ и русскаго общества въ цѣломъ съ дѣломъ кооперации.

Въ 1914 году будутъ заведываться постоянными отдѣлами:

Кооперативная жизнь за-границей—В. О. Тотомианцъ,
прив.-доц.

Кооперативная жизнь въ Россіи—А. А. Евдокимовъ.

Кромѣ 24 книжекъ журнала, въ 1914 г. выйдутъ 4 сборника приложеній, посвященные теоретическимъ изслѣдованіямъ и монографическимъ обзорамъ по кооперации. Въ первыхъ сборникахъ будутъ помѣщены статьи проф. А. Н. АНЦЫФЕРОВА, проф. А. Э. ВОРМСА, проф. В. Я. ЖЕЛѢЗНОВА З. С. КАЦЕНЕЛЕНБАУМА, прив.-доц. В. А. КРАСНОКУТСКАГО, К. А. МАЦЕВИЧА, Н. П. ОГАНОВСКАГО, С. Н. ПРОКОПОВИЧА, А. В. ЧАЯНОВА, кн. Д. И. ШАХОВСКАГО и мн. друг.

Цѣна каждого сборника въ отдѣльной продажѣ—1 рубль.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА за 24 книжки журнала съ 4 приложеніями
5 рублей—годъ, 3 рубля—1/2 года.

Пробный № высылается за двѣ семикопѣчные марки.

Адресъ Редакціи: МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ, 15. Телеф. 3-19-13.

ИЗДАТЕЛЬ: Комитетъ о сельскихъ сс.-сб. и пром. т.-вахъ при Моск. 0-вѣ с.-хоз.

РЕДАКТОРЪ: Ва. Черешневъ.

VII-й
годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 годъ

(съ 1-го декабря 1914 года)

НА БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

VII-й
годъ.

„СЕМЬЯ ОХОТНИКОВЪ“, посвященный всѣмъ видамъ охоты

Органъ Спеціального отдѣленія псовой охоты при Московскомъ Обществѣ
Охоты имени Императора Александра II.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ, въ оригинальной обложкѣ.

24 №№ и **ПРЕМІА** || Допускается подписка по четвертямъ года || **4 руб. 50 коп.**
и по полугодіямъ (1 р. 25 к. и 2 р. 50 к.)

Подписчики журнала **ПРЕМІЮ:** книгу „Охотничья энциклопедія“.

При доплатѣ въ 1 р. подписчики журн. „Семья Охотниковъ“ получ. 12 №№ рыболовн. журн. „Другъ Рыболова“.

Отдѣльная отъ журнала „Семья охотниковъ“ подписка на журналъ „Другъ Рыболова“ принимается по 2 руб. въ годъ, на полгода 1 руб. 10 коп.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ РЕДАКЦИИ:

Москва, Сокольники, Камеръ-Коллежскій валъ, д. 4, кв. 6. (времен. адресъ) (Телеф. 1-96-37) во всѣхъ лучшихъ оружейн. и книжн. магазинахъ Москвы и Петербурга и во всѣхъ почтов. учрежден. Имперіи. Подробности въ пробномъ №, который высылается за 14 коп. марк., засчитываемыхъ при подпискѣ.

Редакторъ-Издатель Вя. Сатинскій.

Открыта подписка на 1914 г. на

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

литературы, науки и общественной жизни,

издаваемый **В. С. Миролюбовымъ.**

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ: После приостановки въ 1906 году издававшегося и редактировавшегося мною въ течение 9-ти лѣтъ «Журнала для всѣхъ», я приступаю къ изданію новаго популярнаго журнала значительно большаго объема. Въ Ежемѣсячномъ журналѣ будетъ даваться печатнаго матеріала приблизительно столько же, сколько даютъ наши толстые журналы, но расположеннаго въ 10—12-ти двойныхъ листахъ. Большой форматъ сохраняется ради лучшаго воспроизведенія снимковъ съ картинъ. Цѣль изданія разносторонне освѣщать нашу общественную жизнь, знакомить съ жизнью заграничной и возможно шире отзываться на запросы знанія въ статьяхъ, доступныхъ самому широкому кругу читателей.

Въ отдѣлахъ журнала принимаютъ участіе слѣдующіе авторы:

I. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА: Леонидъ Андреевъ, Ив. Бунинъ, Вл. Винниченко, Б. Верхоустинскій, Ив. Вольный, Георгій Гребенщиковъ, С. Гусевъ-Оренбургскій, Ив. Замiatинъ, Борисъ Зайцевъ, А. Золотаревъ, М. Исхаковъ, А. Купринъ, Б. Лазаревскій, Евг. Лундбергъ, М. Мионовъ, В. Муйжель, Ив. Новиковъ, С. Подъячевъ, Алексѣй Ремизовъ, Б. Розовъ, А. Серафимовичъ, И. Сургучевъ, П. Суражскій, Павелъ Сухотинъ, С. Семеновъ, Вл. Табуринъ, К. Трензъ, Гр. Ал. Толстой, А. Чапыгинъ, В. Шишковъ, С. Сергѣевъ-Ценскій, Ив. Шмелевъ. **II. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ:** Н. Бродскій, В. Гиппиусъ, Евг. Лундбергъ, «Толстой о себѣ», «Толстой о народѣ». Извлеченіе изъ дневниковъ и сочиненій Л. Н. Толстого, составленныя Л. Никифоровымъ, А. Николаевъ, П. Сакулинъ, С. С. Розановъ. **III. ПИСЬМА:** Л. Н. Толстого къ Л. П. Никифорову. Письма Н. Н. Златовратскаго, А. И. Эртеля и др. **IV. ИСКУССТВО:** Н. Бартрамъ, Вл. Курбатовъ, Б. Фонъ-Эддингъ, Н. Щекотовъ, Эмм. Хусадъ. **V. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ:** Л. Бергъ, В. Бианки, О. Боголюбова, Проф., Владиміръ Вагнеръ, Н. Давыдовъ, Евгенийъ Елаичъ, Ник. Нольцовъ, Л. Молчановъ, Н. Кузнецовъ—Очеркъ. В. Луневичъ—Очеркъ. А. Немиловъ—Почему всѣ части человѣческаго тѣла работаютъ согласно. М. Новорусскій, В. Омелянскій, А. Паладинъ, М. Садовникова, С. Сазановъ, Дан. Святскій, Ю. Филипченко. **VI. ИСТОРИЯ:** Проф. И. Д. Андреевъ, В. Боголюбовъ, В. Бочкаревъ, В. Бутенко, Ст. Веселовскій, Проф. Мих. Грушевскій, А. И. Заозерскій, П. Любимировъ, Вл. Перцовъ, Вл. Пичета, Проф. А. Прѣсняковъ, Проф. М. Ростовцевъ, Н. Сивкова, Б. Сыромятниковъ, Н. Ракитниковъ, Г. Ѳедотовъ. **VII. БЮГРАФИЯ:** Характеристики. А. Золотаревъ.—Джордано Бруно. Л. Красновъ.—Св. Францискъ изъ Ассизи. С. Нязьковъ.—Филиппъ Митрополитъ. Евгенийъ Лундбергъ.—Лютеръ. Вл. Потемкинъ.—Руссо. В. Н. Рихтеръ.—Денисъ Дидеро. Ст. Слетовъ.—Подвижникъ революціи. А. Николаевъ.—Э. Реклю.—Профессоръ-гражданинъ (Лесгафтъ).—Крапоткинъ. **VIII. БЫЛОЕ:** С. Сватиковъ.—Очерки по исторіи общественнаго движенія. I. Н. Ножкинъ. II. Серно-Соловьевичъ. В. С. Панкратовъ.—Одинъ изъ забытыхъ работниковъ. **IX. ФИЛОСОФІЯ:** Исторія религій. А. Мейеръ. **X. РАСКОЛЪ и СЕНТАНТСТВО:** Д. Коноваловъ, П. Любимировъ. **XI. ПРАВО. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО:** М. Горнетъ, И. Зайцевъ, Н. Полянскій, П. Покровский, Б. Плетневъ. **XII. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО и ФИНАНСЫ:** Ник. Сухановъ. **XIII. ЗЕМСТВО:** Борисъ Веселовскій. **XIV. КООПЕРАЦІЯ:** Влад. Кильчевскій, А. Николаевъ. **XV. ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ:** И. Качаровскій, Н. Ракитниковъ, Н. Сухановъ, Н. Огановскій, Б. Черненко. **XVI. Обзоръ общественно-политической жизни.** Е. Синегубъ. **XVII. Крестьянская жизнь.** Б. Черненко. **XVIII. По деревнямъ и селамъ.** В. Муйжель. **XVIII. Рабочая жизнь.** В. Центилевичъ. **XIX. Провинціальная жизнь.** Н. Харьковскій. **XX. Критика:** В. Гиппиусъ, А. Дерманъ, Е. Лундбергъ. **XXI. Письма о заграничной жизни:** В. Волгинъ, Г. Боуманъ, Ст. Вольскій, С. Рермеръ, Доренталь, Христіанъ, Г. И. Шрейдеръ. **XXII. Отвѣты на юридическіе вопросы подписчиковъ. Снимки съ картинъ.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ только на годъ—4 руб. съ перес. **ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:** 2 руб. при подпискѣ въ началѣ года и 2 руб. къ 1-му марта. **За границу 6 рублей.**

Подписчикамъ, недославшимъ къ 1-му марта отсроченныхъ 2 рублей, высылка журнала прекращается по доставленіи 2-й книжки.

Книжнымъ магазинамъ уплачивается 5% только при передачѣ сразу полной годовой платы.

Подписка въ разсрочку отъ нихъ не принимается.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Клинскій проспектъ, 18, уг. Серпуховской.

Контора открыта отъ 11 до 4 ч. ежедневно, кромѣ праздниковъ. Редакція—ежедневно отъ 4 до 5 ч.

Телеф. редакціи 617-61.

НИВА еженедѣльный иллюстрированный журнал. **1914 г.**
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ:

52 №№ журнала: романы, повѣсти, разск., картины, рис. въ краскахъ, иллюстраціи соврем. событій. **52** КНИГИ, отпечатан. убоистымъ четкимъ шрифтомъ, въ которыя войдетъ:

40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
 въ **27** кни- **В. Г. КОРОЛЕНКО.**
 гахъ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
 въ **8** кни- **А. Н. МАЙКОВА.**
 гахъ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
 въ **5** кни- **Эдм. РОСТАНА.**
 гахъ

12 книгъ ежемѣсячнаго журнала „ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“.

12 №№ „Ежемѣсячныхъ новѣйшихъ модъ“. **12** ЛИСТОВЪ выроекъ и рисунк. руководствъ работъ.

1 „ОТРЫВНОЙ ЕЖЕМѣСЯЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1914 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложениями на годъ: безъ доставки: въ СПБ.—6 р. 50 к., въ Москвѣ, у Печковской, 7 р. 25 к., въ Одессѣ „Образованіе“, 7 р. 50 к.; съ дост. въ СПБ.—7 р. 50 к., съ пересылкою—во всѣ мѣста Россіи—8 р. За границу—12 р. **Разсрочка платежа** въ 2, 3 и 4 срока. Иллюстрирован. объявл. о под- пискѣ высылаются бесплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на еженедѣльный органъ демократическаго студенчества
„СТУДЕНЧЕСКОЕ ДѢЛО“
 ГОДЪ ИЗДАНІЯ III-й.

„Студенческое Дѣло“ ставитъ своей цѣлью стойкое и послѣдовательное служеніе общестуденческимъ интересамъ и нуждамъ и всестороннее обсужденіе идейныхъ теченій среди русскаго студенчества:

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА (съ перес. и дост.): на $\frac{1}{2}$ года (съ 1 янв. по 1 іюля 1914 г.)—1 р. 50 к.; на 3 мѣс.—75 коп.; 1 мѣс.—25 к. за границу—вдвое.

Подписную плату можно присылать почтовыми марками.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ: впереді текста 60 коп. за строку пегита, позаді—30 коп. Студенческія объявленія о принеканіи труда—25 коп. за 1 разъ.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ И РЕДАКЦІИ:

Москва, ул. Садовой и Тверской ул., домъ № 70/2. кв. 40. Телеф. 3-56-51.

Необходимо въ каждой семьѣ Домашній лѣчебникъ-аптека.

Лѣчение разныхъ болѣзней безъ помощи врача. Гигіена. Алфавитное поименованіе важнѣйшихъ общедоступныхъ лѣкарствъ, средствъ, способы ихъ приготовленія и употребленія. УХОДЪ ЗА БОЛЬНЫМИ. Скорая помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Составл. д-ромъ медицины **Б. Е. ШЕХТЕРОВЪ** съ 50-ю всевозможными медицинскими рисунками, свыше 300 стран. убористой печати съ алфавитнымъ поименованіемъ. Цѣна 1 р. 25 к. съ пер. наложеннымъ платежомъ. Высылаетъ книгоизд.

„Трудовое Дѣло“.

С.-Петербургъ, Гатчинская, № 1.

НЕОБХОДИМО КАЖДОМУ,

кто только хочетъ въ 1½ мѣсяца научиться говорить, читать, писать по нѣмецки, французски и англійски, долженъ выписать новѣйшіе наши самоучители **Уонѣхъ** гарантирую. Цѣна съ пересылк. каждаго самоучителя 1 р. Прошу обращаться только С.-Петерб., Петербургская стор., Ординарная д. 1,

книжный складъ

„Развлеченія и Наука“.

**Нѣтъ больше угрей!!!
веснушекъ, прыщей и желт.
пятенъ, уничт. въ 1 нед.**

*Кто хочетъ имѣть чистое лицо, тотъ
долженъ немедленно выписать*

„МЫЛО“ отъ угрей

Цѣна 1 р. 25 к.

Высылаю наложеннымъ платежомъ; съ заказами прошу обращаться исключительно

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Петерб. сторона, Ординарная, 38-1.

„Развлеченіе и Наука“.

КАЖДОМУ ДОСТУПНО ВЫУЧИТЬСЯ.

1000 благодарственныхъ отзывовъ со всѣхъ концовъ Россіи.

Если вы въ теченіе 40 дней не выучитесь свободно говорить, читать и писать по-нѣмецки, французски и англійски по нашимъ самоучит. лямъ, составленнымъ по новѣйшему американскому методу (въ другіе—реклама),

деньги возвращаемъ обратно.

Цѣна самоучит. одного языка съ пересылкой налож. платеж. 1 руб. 10 коп., 2-хъ 1 руб. 90 коп., 3-хъ 2 руб. 80 коп. Заказы исполняетъ единственный складъ для всей Россіи

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гатчинская, № 1.

„Трудовое Дѣло“.

КНИГА ЧУДЕСЪ и ТАЙНЪ.

Желаете ли вы обладать сверхъестественной силой? Знать удивительныя волшебныя свойства некоторыхъ травъ и камней? Обладать талисманомъ любви? Знать магическіе секреты любви? Узнать свою судьбу? Умѣть разгадывать сны? По линиямъ рукъ читать судьбу и вообще обладать великими тайнами астрологии, оккультизма, хиромантии и черной и бѣлой магіи. Не смѣшивъ съ обыкновен. книжк. фокусовъ, предлагаемъ подъ такимъ же названіемъ. Цѣна съ пересылкой и наложен. платеж. только 1 р. 25 к.

Высылаетъ книгоиздательство

„Трудовое Дѣло“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гатчинская, д. № 1. С. П.

НЕОБХОДИМО

въ каждомъ домѣ

подарокъ молодымъ хозяйкамъ.

Полный курсъ лекцій для самообученія „Скоромный и постный столъ“ около 1,000 рецептовъ кушаній, напитковъ, печеня, компотовъ, вареній, сладкихъ блюдъ, пироговъ и др. Слишкомъ 300 стр. уборист. шрифта. Цѣна съ пересылкой наложен. плат. 2 руб. 60 к.

Наставленіе, какъ правильно вести домашнее хозяйство и приготавливать экономическіе, вкусные и питательные обѣды съ приложен. разръзки мяса и украш. стола и блюдъ, около 100 стр. съ рис. Цѣна 1 р. 20 к. Обѣ книги вмѣстѣ 3 р. 35 к. (можно марками).

Съ заказами обращаться исключительно книжн. складъ „Развлеченіе и Наука“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Ординарная, д. № 1.

КАТАЛОГИ НА СТАРЫЯ И РѢДКІЯ КНИГИ

КНИЖНЫЙ
МАГАЗИНЪ

И. М. ФАДѢЕВЪ.

ВЫСЫЛАЕТЪ
БЕЗПЛАТНО

МОСКВА,
Моховая д. 26.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ К. Ф. НЕКРАСОВА.

Москва, Тверская, 29, кв. 46.

Кристоферъ Марло. «Трагическая исторія доктора Фауста». Переводъ въ стихахъ К. Бальмонта. Цѣна 80 коп.

Марло, самый крупный изъ предшественниковъ Шекспира, очень мало извѣстенъ русской публикѣ. Нельзя не признаться, что переводъ одной изъ самыхъ выдающихся его пьесъ, сдѣланный опытной и искусною рукою. „В. станицъ Европы“, кн. 5. 1912 г.

Легендарный образъ Фауста глубоко интересовалъ многихъ, большихъ и малыхъ, знаменитыхъ и малоизвѣстныхъ поэтовъ. Знаменитый „Фаустъ“ гениальнаго Гете, немалымъ извѣстна замѣчательная драматическая поэма глубоко-оригинальнаго итальянскаго поэта Николая Л-пау, мало распространенъ „Фаустъ“ Клингсманна. Произведение Марло до перевода К. Д. Бальмонта русскими читателями было совершенно неизвѣстно.

„Фаустъ“ Марло попалъ въ хорошія руки: переводъ К. Д. Бальмонта превосходенъ.

Издана книга издѣлю. Стоимость ея, конечно, не высока.

„Сибирская Жизнь“, № 86, отъ 17 апрѣля 1912 г.

Фридрихъ Максимилианъ Клинггеръ. Жизнь, дѣянія и гибель Фауста. Пер. съ нѣмецк. со вступит. статьей и примѣчаніями А. Лютера. Цѣна 1 руб. 80 коп.

Послѣ гетевского. Клингеровскій „Фаустъ“ самое крупное и глубокое произведение изъ всѣхъ другихъ, написанныхъ на эту тему. Клинггеръ отождествляетъ съ мѣстными типографикъ мѣ Юанномъ Фаустомъ, однимъ изъ первыхъ мастеровъ печатнаго дѣла. Это хотя и противорѣчитъ нѣмецкимъ народнымъ преданіямъ, но зато даетъ возможность Клингеру развить интересные мотивы. Въ противоположность гетескому, Фаустъ Клингера терзается не столько метафизическими вопросами, сколько этическими и въ этомъ отношеніи несомнѣнно находится подъ вліяніемъ идей Руссо. Появленіе этой книги въ русскомъ переводѣ надо признать, какъ полезное пособіе для изученія эпохи Гете. „Рѣчь“, № 20, 21 января 1913 г.

Дално пора русскому интеллигенту ознакомиться съ „Фаустомъ“ Клингера и издательство К. Ф. Некрасова прекрасно сдѣлало, издавъ переводъ А. Лютера, добросовѣстный и литературный и снабженный интереснымъ биогр. очеркомъ и обстоятельными примѣчаніями.

„Рѣчь“, № 1682, 4 марта 1913 г.

Полный каталогъ издательства высылается по требованію бесплатно.

Выписывающіе непосредственно изъ склада на сумму отъ 3 руб. за пересылку не платятъ
КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ ТАКЖЕ И СЪ НАЛОЖЕННЫМЪ ПЛАТЕЖОМЪ.

Складъ высылаетъ также и все другія книги, вышедшія въ Россіи.

Товарищество суконной торговли и складовъ

„М. Поповъ съ Сыновьями“

МАГАЗИНЪ № 1. Москва, Тверская, соб. домъ.

МАГАЗИНЪ № 2. Москва, Ильинка, д. Московск. Торговаго Банка.

== СУКНО, ТРИКО, ДРАПЪ, ==

РУССКІЯ И ЗАГРАНИЧНЫЯ ШЕЛКОВЫЯ И ШЕРСТЯНЫЯ
МАТЕРІИ И ПЛЮШЪ.

== ПЛЗДЫ и ОДЪЯЛА. ==

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ТОВАРА
ДЛЯ ФОРМЕННАГО ПЛАТЬЯ.

VI. Критика и библиографія:

Стр.

М. С. Грушевскій. М. Д. Приселковъ. Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси до XII в. **С. Валкъ.** Ген. Мосьицкій. Исторія Литвы и Руси послѣ 1-го раздѣла Польши.—**С. П. Мельгуновъ.** В. кн. Николай Михайловичъ. Ген.-адъютанты имп. Александра I. **М. О. Гершензонъ.** Ю. Н. Щербачевъ. Пріятели Пушкина: М. А. Щербининъ и П. П. Каверинъ. **А. Лютеръ.** С. С. Игнатовъ. Э. Т. А. Гоффманъ. **А. М. Эфросъ.** Конъ-Винеръ. Исторія стилей изящныхъ искусствъ. **С. П. Мельгуновъ.** Научный историческій журналъ. **В. С.** Государственный Архивъ. Дѣла собственной до Императорской Фамиліи относящіяся. **Изъ текущей литературы:** Ю. Гессенъ. Писалъ ли В. Даль о кровавомъ навѣтѣ. **А. В. Пѣшихоновъ.** Попытка обойти исторію. (Сборникъ «Криницы»). 336

VII. Рисунки:

На отдѣльныхъ листахъ: портреты **И. В. Лучицкаго**, **Пьетро Аретино** (Тициано), **И. М. Муравьева-Апостола**, **Сютаева** (Рѣпина). Въ текстѣ: **Г. С. Батеньковъ**; Сибирскій университетъ, редакціонная группа «Сибирской газеты». **Заставки и концовки** изъ изданій Струйскаго XVIII в.

IX. Объявленія. Бланкъ о подпискѣ на журналъ «Нива».

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

1) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса, благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи **Москва, Нижняя Кисловка, д. 1, Кн-во „Задруга“**.

2) Жалобы на неисправность доставки направляются въ контору редакціи **не позже, какъ съ полученіемъ слѣдующей книжки журнала.**

3) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщить его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ паведеніе пущныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 20 коп. почтовыми марками.

5) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 1 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 годъ
— НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ —
ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
ГОЛОСЪ МИНУВШАГО,
подъ редакціей *С. П. Мельникова и В. И. Семева.*

(2-ой годъ изданія).

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы русской и всеобщей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологіи.	V. Біографіи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.	VI. Критика и библиографія.
III. Матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д.	VII. Новости русской и иностранной науки.
IV. Историческая беллетристика.	VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
	IX. Хроника.

Журналъ **ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ** картинками изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ и выходитъ ежемѣсячно книгами, размѣромъ 20 листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ 8 руб., на $\frac{1}{2}$ года 4 руб., на одинъ мѣсяць 1 руб., за границу 10 руб., $\frac{1}{2}$ года 6 руб.

— Перемѣна адреса 20 коп. —

Въ **ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ** книга журнала 1 руб., налож. плат. 1 р. 25 к.

Въ 1913 г. подписка принимается лишь съ № 2 (февраль) по цѣнѣ 7 руб. 50 коп.—январская книжка вся разошлась.

Подписка принимается:

Въ **Москвѣ:** въ конторѣ журнала (складъ книгоиздательства «Задруга», Н. Кисловка, д. № 1, кв. 4, тел. 4-50-61).

— Подписка принимается и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ. —

Объявленія въ журналъ принимается въ конторѣ по цѣнѣ 60 руб. за страницу; 30 руб.— $\frac{1}{2}$ стр.; 15 руб.— $\frac{1}{4}$; строка петита въ 1 колон. (стр. 2 колон.) 30 коп.

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРИЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ отъ 3 до 5 час.

Тип. П. П. Рябушинскаго. Москва.